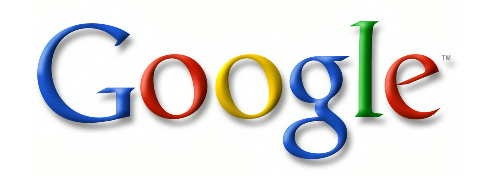

[redacted]

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

КНИГА 4-ая.—АПРѢЛЬ, 1873.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. см. наоборотъ.

ПѢСНИ
МИРЗЫ-ШАФФИ

Фр. Боденштедта.

Имя Фридриха Боденштедта хорошо извѣстно въ русской литературѣ: онъ принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ нѣмецкихъ переводчиковъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Онъ же перевелъ нѣкоторые разсказы г. Тургенева. Знакомствомъ съ русскою литературою и русскимъ бытомъ онъ обязанъ своему пребыванію въ Россіи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ званіи домашняго учителя. Кромѣ извѣстности даровитаго переводчика, не однихъ русскихъ поэтовъ, но и Шекспира, и другихъ европейскихъ писателей, онъ не менѣе извѣстенъ, какъ оригинальный поэтъ и писатель. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 12-ти томахъ въ 1865 — 69 гг.—Изъ всѣхъ его оригинальныхъ трудовъ, наибольшее вниманіе привлекли къ себѣ „Пѣсни и изреченья Мирзы-Шаффи“, сборникъ стихотвореній, задуманный и отчасти написанный имъ во время пребыванія его на Кавказѣ, въ 1845 — 46 гг. Онъ появился въ 1851 г. и до настоящаго времени имѣлъ уже тридцать три изданія. Пѣсни „Мирзы-Шаффи“ заслужили свой успѣхъ неподдѣльнымъ поэтическимъ одушевленіемъ, которое внушено было автору величественною природою и нравами жителей нашего Кавказа.

Эти пѣсни были переведены почти на всѣ европейскіе языки, и даже на еврейскій языкъ; между тѣмъ на русскомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ пьесъ, переведенныхъ М. Л. Михайловымъ, ихъ до сихъ поръ не было, хотя Боденштедтъ принадлежитъ Россіи, какъ уча-

стіемъ своимъ въ судьбахъ русской поэзіи, такъ и тѣмъ, что предметъ лучшихъ его вдохновеній — наша русская южная природа.

Поэзія Боденштедта запечатлѣна бодрымъ, восторженнымъ взглядомъ на жизнь; „печаль убиваетъ энергію“, говоритъ онъ, и вотъ почему онъ ополчался противъ мрачнаго настроенія духа. Но изъ этого не слѣдуетъ, что авторъ относится равнодушно къ недугамъ и темнымъ сторонамъ современности; напротивъ, онъ чувствуетъ ихъ достаточно, что̀ и выражаетъ въ своей поэзіи; но тѣмъ не менѣе господствующій въ ней тонъ—бодрый и свѣтлый. Это, по замѣчанію Шерра—здоровый реализмъ, весело варьирующій гафизовскія темы.

Въ нашемъ переводѣ мы избрали лишь главныя, характеристическія вещи, дающія самое рельефное понятіе объ этихъ пѣсняхъ, которыя въ оригиналѣ составляютъ довольно объемистый томъ.

ПРОЛОГЪ.

Земля вращается уныло
На вѣковомъ своемъ пути;
Вражды губительная сила
Готова царства потрясти [1].
Скорбей народныхъ и смятеній
Зловѣщій духъ, что̀ день, смѣлѣй
Въ бронѣ шагаетъ межъ людей.
Заслышавъ гулъ его движеній,
И крезы, и голодный людъ,
Своихъ надеждъ иль опасеній
Ему на-встрѣчу дань несутъ:
Одни дрожатъ за достоянье,
Свое и праотцевъ стяжанье,
Тѣ — съ гнѣвомъ въ сердцѣ, глухо ждутъ,
Что волнъ народныхъ бушеванье —
Неодолимый ихъ порывъ —
Столпы былого сокрушивъ,
Снесетъ преданій всѣхъ плотины,
Какъ безполезныя руины!

---

[1]) Пѣсни Мирзы-Шаффи напечатаны въ 1851 г.; но Прологъ къ нимъ, какъ видно, былъ писанъ во время смутъ 1848—49 гг., когда на Западѣ впервые опредѣлилась, въ угрожающихъ формахъ, печальная рознь между „крезами и голодными“.

Вотъ злоба дня! Вотъ мысль годины!
Въ такое время, сознаю,
Почти-что нужно объясненье,
Чтобъ музу оправдать мою
И пѣсенъ этихъ появленье,
Съ ихъ миной скромной и простой,
На сценѣ шумно-боевой.
Здѣсь нѣтъ ни кликовъ кровожадныхъ,
Кипящихъ пыломъ боевымъ,
Ни одъ напыщенно-парадныхъ,
Поющихъ ложной славы дымъ;
Нѣтъ и гнетущей жизнь морали,
Чтó учитъ молча зло терпѣть
И за земныя всѣ печали
Наградъ загробныхъ ждать умѣть.
Тутъ лишь цвѣты съ красою нѣжной...
Согрѣлъ далекій ихъ Востокъ,
Гдѣ, странникъ, рвалъ я ихъ прилежно,
Съ любовью холилъ и, какъ могъ,
Душистый свилъ изъ нихъ вѣнокъ.
Въ одеждѣ риѳмы, изреченья,
Старинной опытности кладъ,
Восточной мысли наблюденья —
Какъ дорогихъ жемчужинъ рядъ,
Здѣсь любознательность манятъ.
Межъ нихъ, вакхически ликуя,
Звучитъ игривыхъ строфъ напѣвъ,
Во славу гроздій, поцѣлуя
И красоты румяныхъ дѣвъ.
Чтó я подслушалъ на чужбинѣ —
Тотъ гимнъ о счастіи земномъ,
О радостяхъ земныхъ — то нынѣ
На языкѣ пою родномъ.
И если скажутъ: кáкъ же, зная
Кручину нашу, можешь ты,
Безпечно, подъ лучами мая,
Сбирать поэзіи цвѣты?
Нѣтъ, этихъ ясныхъ пѣсенъ звуки —
Я ихъ не въ праздности слагалъ,
Они — не плодъ лѣнивой скуки...
Въ ту пору, какъ сердитый валъ,

Грозя мнѣ, въ берегъ мой хлесталъ,
Смирялъ я ими сердца муки!...
    То былъ мнѣ чудный талисманъ:
Съ нимъ жизни горе и ненастье,
Нужду и боль душевныхъ ранъ
Я забывалъ и вѣрилъ въ счастье!
Такимъ же будь и для другихъ,
Такой же силою цѣлебной,
Ты, музы талисманъ волшебный,
Какъ былъ мнѣ въ немощахъ моихъ [1]).
. . . .
    Гдѣ высоко надъ сѣнью мглистой
Ущелій дикихъ и стремнинъ,
Кавказъ, могучій исполинъ,
Подъемлется въ чалмѣ волнистой
Изъ сизыхъ тучъ и облаковъ, —
Или, блестя въ вѣнцѣ снѣговъ,
Закованъ плотно въ панцырь льдистый,
Отважно рвется въ небеса...
А у пяты его — покорно
Раскинулась, какъ шлейфъ узорный
Порфиры царской, степь-краса; —
Тамъ, гдѣ гигантскими крылами
Шумитъ орелъ подъ облаками, —
Тамъ эти пѣсни родились,
Въ аккорды звучные слились...
    Иныя темы для поэта,
Я знаю, есть въ быту страны,
Гдѣ не смолкаетъ кличъ войны,
Гдѣ домы, камни — всѣ предметы
Въ орудья битвъ превращены;
Гдѣ врагъ врагу, въ борьбѣ лукавой,
Грозитъ всечасною облавой;
Гдѣ эхо залповъ вѣкъ гремитъ,
Гдѣ кровью отъ земли разитъ!.. [2])
    Но прочь — картины истребленья
И смерти злой! Зачѣмъ томить,
Тревожить зломъ воображенье,
Когда сдержать его, смягчить,
Такъ безполезны всѣ стремленья!..

[1]) Здѣсь, и далѣе, точки означаютъ паузу, а не пропускъ.
[2]) Кавказъ былъ умиротворенъ нѣсколько позже, въ шестидесятыхъ годахъ.

Прочь отъ развалинъ, отъ могилъ,
Изъ мрака прочь — въ блескъ дня привѣтный!
Чтобъ ключъ кипучій свѣжихъ силъ
Не цѣпенѣлъ въ истомѣ тщетной, —
И пусть лишь то манитъ пѣвца,
Чтó движетъ радостно сердца!
Тоски упрямой и безсильной,
Грызущей скорби долгій гнётъ,
Ввергаетъ душу въ сонъ могильный,
Мертвитъ въ ней мужества полётъ...
Лишь тотъ, въ комъ радость уцѣлѣла,
Съ судьбою спорить будетъ смѣло.
Украсьте-жъ голову вѣнкомъ
Изъ розъ и миртовъ благовонныхъ,
И объ-руку со мной пойдемъ
Въ собранье мудрецовъ влюблённыхъ —
На свѣтлый, задушевный пиръ,
Гдѣ искрятся виномъ бокалы,
И гости славятъ пѣньемъ лиръ
Добра и счастья идеалы,
Иль, измѣнивши пѣсенъ строй,
Бичуютъ лжи міръ одичалый, —
И въ пѣснопѣньи ихъ, чредой,
Звучитъ восторгъ и смѣхъ живой...
. . . .
Чтó предо мной воспоминанье
Чертами яркими чертитъ,
Здѣсь голосъ музы воскреситъ:
Красы стыдливой обожанье,
Хвалимой въ сладостныхъ стихахъ;
Восточной ночи обаянье,
Кругомъ пылающей въ звѣздахъ;
Сады съ ихъ нѣжащей прохладой,
Въ дремѣ полуденной поры;
И городъ на волнахъ Куры,
Мнѣ столько милый, за оградой
Зубчатыхъ скалъ; величье горъ,
Глядящихъ на небо въ упоръ
Своей суровою громадой,
И будто съ нимъ ведущихъ споръ;
Потоковъ ярость, съ крутизны
Бѣгущихъ бѣшено; весны

Разгулъ и пламенныя ласки,
И молодыхъ грузинокъ пляски,
Подъ звонъ чунгу́ры струнъ живыхъ...
О, звуки тѣ!.. Забуду-ль ихъ?
Какъ дивно слухъ они ласкали!
Какъ сильно ножки дѣвъ младыхъ
Мнѣ сердце въ оны дни смущали!..
И все, чтó духъ питало мой,
Чтó мнѣ вдали плѣняло чувства,
То, какъ созданіе искусства,
Несу теперь землѣ родной!
Любви полны мои напѣвы
И мира кроткаго полны,
Пускай же имя кроткой дѣвы
Ихъ озарить, какъ блескъ луны!..
Тебѣ они посвящены,
Эдлита милая! Не ты ли,
Когда бѣды мой день мрачили,
Душевный миръ мнѣ вновь дала
И вся любовію была!..

1.

Мирза-Шаффи, съ огнемъ въ очахъ,
Поётъ друзьямъ: «Златая лира!
Опять ищу въ твоихъ струнахъ
Души гармоніи и мира!
«Пусть съ дикой силой ханжество
И глупость, видя насъ, косятся;
Мы вѣримъ въ наше торжество,
Такъ намъ ли злобы ихъ пугаться?
«Стоять за Разумъ — нашъ обѣтъ —
Дружиной крѣпкой, вдохновенной,
Чтобъ невозбранно мысли свѣтъ
Сіялъ на всѣхъ путяхъ вселенной!
«Мы Истины мечомъ разимъ —
Острѣй онъ всѣхъ клинковъ Дамаска:
Бѣльмо онъ срѣжетъ съ глазъ слѣпымъ,
И разсѣчетъ притворства маску!

«Намъ внятенъ жизни смыслъ... и мы,
Смѣясь надъ суетной угрозой
Кликушъ, пугающихъ умы,
Дружимъ съ виномъ и дѣвой-розой!
«Хоръ вѣчныхъ звѣздъ на насъ струитъ,
Въ лучахъ, огонь неугасимый...
Огонь тотъ въ пѣсняхъ нашихъ скрытъ,
И въ сердцѣ радостно горитъ,
Какъ дань Красѣ боготворимой!
«Друзья! Творящій Духъ послалъ
На землю насъ съ веселой вѣстью,
И намъ закономъ предписалъ —
Печаль вмѣнять себѣ въ безчестье!»

2.

Сердце бьется непослушно
Ноетъ страстью и болитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.
Ниспадаетъ бѣлоснѣжный
По плечамъ ея покровъ;
Взоръ исполненъ думы нѣжной,
Сердца пылкихъ грёзъ и сновъ.
Нѣтъ роскошнѣе созданья!
Рвутся вонъ изъ одѣянья
Формы тѣла; вкругъ чела
Масса темныхъ косъ легла.
Все въ ней жизнь, все — отраженье
Жизни скрытаго огня,
Все — источникъ упоенья
И мученій для меня.
Оттого-то непослушно
Сердце ноетъ и дрожитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.

Пышнымъ выдѣланъ узоромъ,
Въ ткани платья голубой,
Розъ, нарцизовъ пестрый рой...
Изъ-подъ платья—передъ взоромъ
Пламенѣетъ, будто жаръ,
Алый шелкъ ея шальваръ.
Какъ заря, ея румянецъ,
Блескъ лилеи — цвѣтъ лица,
Блескъ рубина — устъ багрянецъ...
Обаянье безъ конца!
Сердце бьется непослушно,
Ноетъ страстью и болитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.

3.

Колкій тернъ — эмблема злая
Равнодушья или гнѣва!
И, сближенья избѣгая,
Гордо тернъ вручитъ мнѣ дѣва.

* * *

Если-жъ мнѣ она привѣтно
Почку розы юной кинетъ, —
Знакъ, что ждать не буду тщетно,
Пусть лишь пламень мой не стынетъ!

* * *

Но когда созрѣвшей розы
Цвѣтъ она мнѣ дастъ въ молчаньи, —
Всѣ сбылись блаженства грёзы!
То въ любви ея признанье!

* * *

Очарованъ тайной силой,
Я въ сомнѣньяхъ изнываю,
И цвѣткомъ вопроса — къ милой
Пѣснь душистую бросаю!

4.

Встарь кто-то вздумалъ объявить,
Что мы на горе рождены,
Что лишь страдать да слезы лить
Мы на землѣ обречены.
Съ тѣхъ поръ—сказать, такъ, право, смѣхъ!—
Сбродъ жалкій этихъ жалкихъ словъ
Глаголомъ неба сталъ для всѣхъ,
Душою робкихъ, простаковъ.
Но вѣдь такихъ—вездѣ толпы!
И вотъ—прощай рядъ красныхъ дней,
Въ народѣ съузилися лбы,
А уши выросли длиннѣй.

5.

Ни духи безплотные горнихъ полей,
Ни пышныя розы съ ихъ сладкимъ дыханьемъ,
Ни солнце съ его лучезарнымъ блистаньемъ—
Ничто не сравнится съ Зюлейкой моей!

Въ груди у безплотныхъ любовь не горитъ,
Подъ розой таится шиповникъ колючій,
И солнце мрачится угрюмою тучей,—
Нѣтъ, съ ними Зюлейку мой стихъ не сравнитъ!

Прекрасна она, и въ пространствѣ міровъ
Нигдѣ не найдется красы ей подобной....
Любовь въ ней, любовь голубицы беззлобной,
Сіяетъ всегда и цвѣтетъ безъ шиповъ....

6.

Если въ сферу безплотныхъ, въ мистическій край,
Серафимскій пѣвецъ, сгоряча, весь уносится,
Книгу пѣсенъ его ты не медля бросай—
Здравый смыслъ отъ нея ничего не допросится.
Многое, смыслу простому неясное,
Бреда больного есть чадо злосчастное.

7.

Въ комъ разумъ есть, не бѣгаетъ далеко,
Чтобъ близкое добыть,
И за звѣздой не тянется высокой,
Чтобъ лампу засвѣтить.

8.

Набожный любитъ надзвѣздную сѣнь,
Скорбный—на участь роптанье,
Чающій лучшаго—завтрашній день,
Мудрый—лучъ мысли и знанья.

9.

Когда я пѣлъ: съ веселымъ будь шутливъ,
Не знай предъ сильнымъ униженья,
А съ низшими будь добръ и не спѣсивъ —
Хвалили всѣ духъ мудрый пѣснопѣнья.
  Когда-жъ пожить я вздумалъ въ духѣ томъ —
  Всѣ начали честить меня глупцомъ.

10.

Будто солнцемъ горячимъ равнина небесъ,
    Мое сердце тобой озаряется,
Ты ему — лучъ дневной, откровенье чудесъ,
    Безъ тебя оно въ ночь погружается.

* * *

Такъ для взора не видны творенья красы,
    Когда сумракъ на міръ надвигается,
И вся роскошь земли блещетъ только въ часы,
    Когда солнышко ей улыбается.

11.

Пріѣхалъ я въ городъ большой,
Гдѣ воля дана злоязычью, —
И слышалъ я: желчной рѣкой,
Шумѣли тамъ, на́-смѣхъ приличью,
Сердитыя рѣчи о всѣхъ и о всемъ...
Тамъ люди всѣхъ званій бранились ужасно,
Дѣла же свои повершали съ умомъ
И между собой уживались прекрасно.

12.

О, мулла! Какъ прекрасно вино,
И хулить его, право, грѣшно!
Объявляю о томъ громогласно,
Хоть молчи, хоть ругайся напрасно!

Не желанье къ молитвѣ поспѣть
Завело меня въ эту мечеть:
Охмѣлѣвши, съ дороги я сбился,
И нечаянно здѣсь очутился!

13.

Къ возвышенной цѣли отважно идемъ мы
Согласной стопой!
Въ неволю охотно отдáлись мы оба,
Ты вмѣстѣ со мной!
Въ сердцахъ другъ у друга, за крѣпкимъ затворомъ,
Мы скрыты съ тобой!
Насъ двое, но жизнью одной мы согрѣты,
Одною душой!
Мы будто двѣ рыбки трепещемся рядомъ
На удѣ одной!
Но духомъ мы рѣемъ въ лазурныя выси
Орлиной четой!

14.

Я какъ-то при дворѣ въ чести великой былъ,
И шахъ не разъ мнѣ жаловался горько,
Что нѣтъ при немъ людей, кто-бъ правду говорилъ,
Нагую правду всю, любимую имъ столько.

Подумавъ, я нашелъ, что къ жалобамъ такимъ
У шаха есть резонъ, и я, чтобъ зло поправить,
Усердно защищать сталъ правду передъ нимъ —
Вдругъ шахъ мнѣ приказалъ немедля дворъ оставить.

* * *

Не мало есть владыкъ, желающихъ вкусить
Отъ хлѣба истины суровой;
Да только рѣдкимъ данъ желудокъ столь здоровый,
Чтобъ истину переварить.

15.

Что̀ народный умъ гласитъ?
— Правду любишь, — ну, такъ нужно,
Чтобы въ пору ускакать,
У коня съ уздой стоять;
Знаешь правду, — ну, такъ нужно
Ногу въ стремени держать;
Скажешь правду — ну, такъ нужно
Крылья прежде подвязать.
Все-жъ мирза увѣренъ: нужно —
Тѣхъ, кто лжётъ, пинками гнать!

16.

Шаха велѣньемъ, сидѣлъ я въ совѣтѣ
Съ визиремъ о̀-бокъ.... «Теперь,
Зная, изъ словъ моихъ, все о предметѣ,
Взглядъ свой, мирза, мнѣ довѣрь». —

Я отвѣчалъ: «Вотъ, изволь, мое мнѣнье,
Выскажусь я напрямки:
Мельницы слышу я трескъ и гудѣнье,
Только не вижу муки́.»

17.

Рука моя всегда готова
Извлечь изъ цитры звукъ живой,
Всегда при мнѣ живое слово,
Томлюсь иль радуюсь душой.
Доколѣ страсти мнѣ послушны
И я игру ихъ сознаю,
Мнѣ въ ухо тайный хоръ воздушный
Льетъ пѣснь свою, и я пою.
Но въ дивный мигъ преображенья
Отъ чаръ могучихъ красоты,
Въ мигъ чудотворный наслажденья,
Въ тотъ мигъ блаженства полноты, —
Въ устахъ нѣмѣютъ пѣсни звуки,
Молчитъ гармоніи струя,
Какъ иногда, въ часъ страстной муки,
Смолкаютъ трели соловья.
Когда намъ шлетъ судьба благая
Отрадъ верховныхъ благодать,
Постичь мы въ силахъ тайны рая,
Но ихъ не въ силахъ разсказать.
Кто солнца передастъ сіянье
Въ вѣнцѣ полуденныхъ лучей?
Кто выдержитъ одно сверканье,
Лицомъ къ лицу, его очей?

В. Марковъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VII *).

Гоголь.

Славянофильство имѣло свою противуположность въ другомъ направленіи, которое славянофилы называли «западнымъ»,—терминъ, не совсѣмъ точный даже въ ихъ смыслѣ, потому что первыя теоретическія возбужденія и «западнаго» направленія, и самого славянофильства, заключались, въ большой степени, въ той же западной нѣмецкой философіи; кромѣ того, такъ-называемое «западное» направленіе воспиталось тѣмъ же изученіемъ самóй русской жизни,—только съ другихъ сторонъ, чѣмъ изучали ее славянофилы; наконецъ, могущественную опору «западному» направленію далъ между прочимъ писатель, не заключавшій въ своихъ понятіяхъ ничего «западно»-тенденціознаго и одинаково цѣнимый славянофилами,—именно Гоголь.

Существенное значеніе этого направленія заключалось въ томъ, что оно было главнымъ русломъ тѣхъ идей, въ развитіи которыхъ состояло прогрессивное движеніе общества; оно было тѣмъ

*) См. выше: 1871, май, 233; сент. 301; дек. 455;—1872, май, 145; ноябрь, 47; дек. 618 стр.

направленіемъ, которому принадлежали самыя дѣйствительныя пріобрѣтенія русской общественной мысли, за которымъ было будущее. Оно стремилось внести новыя общественныя понятія; противъ него была вся рутина старыхъ традицій, вполнѣ господствовавшихъ въ обществѣ. Въ этомъ заключается смыслъ его тогдашнихъ отношеній. Оно дѣйствовало несмотря на всю трудность своей задачи, на всѣ окружавшія его препятствія, и отсюда потомъ получило свой смыслъ и свои первые аргументы то движеніе, которое обнаружилось въ нашей жизни въ послѣднія десятилѣтія. Люди «сороковыхъ годовъ» подготовили нынѣшній литературный и общественный періодъ.

Два основные элемента давали силу этому направленію въ литературѣ: съ одной стороны—дѣятельность Гоголя, съ другой—дѣятельность того круга, главнѣйшимъ лицомъ котораго можно назвать Бѣлинскаго. Ихъ дѣйствіе сливалось въ одинъ результатъ, въ одно сильное нравственное вліяніе, глубокій слѣдъ котораго замѣтенъ до настоящей минуты. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени Гоголя и тогдашней критики наша литература въ первый разъ получаетъ значеніе настоящей общественной силы, въ первый разъ она становится дѣйствительной литературой, заслуживающей этого имени, высказывающей настоящія жизненныя требованія. Это уже не одинъ эстетическій дилеттантизмъ, «служеніе прекрасному», отвлеченное нравоученіе, чѣмъ она была до тѣхъ поръ (за немногими только исключеніями); она—сколько было возможно по ея внѣшнимъ условіямъ—затронула настоящіе вопросы жизни, высказала давно зрѣвшія мысли лучшей части общества, накопившуюся скорбь о недостаткахъ жизни и стремленіе къ лучшему порядку вещей, къ болѣе высокой степени гражданскаго и человѣческаго развитія. Это былъ запросъ на преобразованіе...

Два упомянутые элемента дѣйствовали здѣсь наиболѣе сильнымъ образомъ,—такъ что въ нихъ по преимуществу сосредоточивается тотъ моментъ нашего литературнаго развитія. Гоголь—дѣйствовалъ силой своего поэтическаго творчества; кругъ Бѣлинскаго—литературной критикой и другими научными разъясненіями исторіи и общественной жизни. Къ Гоголю примыкаютъ, за исключеніемъ особо стоящаго Лермонтова, всѣ лучшіе писатели того времени; главнѣйшія стороны литературы намъ современной отъ него ведутъ свое начало. Съ критики Бѣлинскаго начинается современная публицистическая литература.

Мы остановимся сначала на Гоголѣ.

Біографія Гоголя, опредѣленіе его литературной заслуги возбуждали интересъ нашей критики съ самаго начала сороковыхъ годовъ. Критика уже тогда вѣрно указала многое въ свойствѣ таланта Гоголя, въ значеніи его произведеній для русскаго общества: въ смыслѣ художественной оцѣнки все существенное сказано было еще при первомъ появленіи «Мертвыхъ душъ» [1]),— но опредѣленіе его истиннаго «направленія» вызвало оживленные, даже ожесточенные споры послѣ появленія печально знаменитыхъ «Выбранныхъ Мѣстъ изъ Переписки съ друзьями», когда самъ Гоголь отвергъ тѣ толкованія, какія давались его произведеніямъ самыми горячими его приверженцами, и когда онъ отвергъ самыя произведенія свои — кромѣ этой «Переписки»,— какъ ошибочныя, вредныя, грѣховныя.

Къ этой книгѣ естественно приводится вопросъ о направленіи Гоголя.

Каждому читателю знакома безъ сомнѣнія исторія «Выбранныхъ Мѣстъ», странное впечатлѣніе, произведенное этой книгой, споры и обличенія, вызванныя ею противъ Гоголя со стороны его почитателей, которымъ пришлось защищать великія произведенія отъ самого ихъ автора. Но вопросъ о личномъ развитіи Гоголя, затронутый по этому поводу, все еще не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. На полное объясненіе нельзя разсчитывать и теперь, но многія черты этой исторіи начинаютъ выясняться больше, вслѣдствіе значительнаго количества новаго біографическаго и критическаго матеріала, явившагося въ послѣдніе годы.

При жизни Гоголя, его направленіе, — прежде почти безспорно опредѣляемое его извѣстными произведеніями,—стало предметомъ споровъ съ появленіемъ «Переписки»; рѣшеніе вопроса было невозможно при жизни писателя, которому еще предстояла дѣятельность, — примиреніе двухъ сторонъ было немыслимо. Но дѣятельность кончилась, и стала дѣломъ исторіи. Первый, довольно богатый матеріалъ для исторіи личнаго развитія Гоголя, доставила извѣстная біографія его, написанная г. Кулишомъ [2]), и также сдѣланное имъ изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ, въ двухъ послѣднихъ томахъ, помѣщено обширное собраніе его писемъ. Но біографія и самая переписка были еще далеко не полны: біогра-

---

[1]) Не только въ статьяхъ Бѣлинскаго, но напр. также въ статьяхъ К. Аксакова, Плетнева и т. д.

[2]) Второе, распространенное изданіе ея, подъ именемъ „Записокъ о жизни Гоголя", Спб. 1856—1857, 2 тома.

фія многое умалчивала, отчасти по вынужденной скромности[1]); въ переписку не вошли многія характеристическія письма, напечатанныя впослѣдствіи.

Изданія г. Кулиша дали новый поводъ и матеріалъ къ изслѣдованіямъ и воспоминаніямъ о Гоголѣ; многія стороны въ характерѣ и дѣятельности Гоголя стали опредѣляться яснѣе, и рѣшеніе историческаго вопроса дѣлалось возможнѣе. Въ послѣднее время собралось вообще много мелкаго, но довольно важнаго матеріала,—въ новыхъ письмахъ Гоголя, въ перепискѣ его друзей,—который раскрываетъ нѣкоторыя нелишенныя интереса подробности его личныхъ отношеній и его взглядовъ[2]).

---

[1]) Авторъ умалчиваетъ многія имена и обстоятельства; онъ не могъ даже назвать Мицкевича (скрытаго подъ буквой М***), и его поэмы „Панъ Тадеушъ" (скрытой подъ буквами П** Т***),—которыми разъ поинтересовался Гоголь.

[2]) Указываемъ, для сокращенія цитатъ, матеріалъ, который мы, между прочимъ, имѣли въ виду въ настоящемъ случаѣ.

Во-первыхъ, новыя, прежде ненапечатанныя сочиненія и письма Гоголя:

— Новые отрывки и варіанты ко второму тому „Мертвыхъ Душъ", сообщ. г. Богоявленскимъ. Р. Старина, 1872, V, стр. 85—118.

— Послѣдніе годы Гоголя. По поводу „Новыхъ отрывковъ и варіантовъ ко II-му тому М. Д." В. П. Чижова. „Вѣстникъ Европы", 1872, іюль, 432 стр.,—съ извлеченіемъ изъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

— Неизданныя мѣста изъ „Переписки съ друзьями". Р. Архивъ 1866, стр. 1730—174, и затѣмъ въ Полномъ Собраніи соч. Гоголя, 1867 (2-е изд. наслѣдниковъ), т. III.

— Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, по рукописи, найденной въ Римѣ. Р. Архивъ 1865, 2 изд., стр. 1281—94.

— О комедіи Гоголя: „Владиміръ 3-й степени", г. Родиславскаго. „Бесѣды въ общ. любителей россійской словесности", М. 1871, стр. 138—141.

— Письма Гоголя къ Жуковскому, съ 1831 года. Р. Архивъ, 1871, стр. 929, 946, 950—954, 957, 0932, 0933.

— Письма къ И. И. Дмитріеву, 1832. Тамъ же, 1866, стр. 1726—1730.

— Письмо къ М. П. Погодину, 1833. Тамъ же, 1872, стр. 2369—72 (годъ ошибочно поставленъ 1834);—то же, что въ изд. Кулиша, V, 174, но съ дополненіемъ цензурныхъ пропусковъ.

— Письмо къ кн. Вяземскому, отъ 28 февр. 1847 (а не 1846, какъ напечатано). Тамъ же, 1872, стр. 1328—32. Другое письмо (по поводу статьи кн. Вяземскаго о Гоголѣ),—тамъ же, 1866, стр. 1077—81. Третье, изъ Рима, кажется до 1842. Тамъ же, 1865, стр. 1295—98.

— Письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, 1838—42 г. Тамъ же, 1864, 2-е изданіе, стр. 1030—32 (между прочимъ о цензурѣ „Мертвыхъ Душъ").

— Письмо къ П. А. Плетневу о московской цензурѣ „Мертвыхъ Душъ", 1842. Тамъ же, 1866, стр. 766—770. См. также у Кулиша, V, 457.

— Два письма къ Малиновскому, около 1847. Тамъ же, 1865, стр. 1278—82.

— Замѣтка въ альбомъ г-жи Чертковой. Р. Старина, 1870, II, стр. 528—529.

— Записка къ С. Т. Аксакову, около 1839. Тамъ же, 1871, IV, 681.

— Письмо къ актеру Сосницкому, о „Ревизорѣ", 1846. Тамъ же, 1872, VI, стр. 441—444.

Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы постараемся указать, въ общихъ чертахъ, какъ можетъ быть опредѣленъ теперь давно поставленный вопросъ о направленіи дѣятельности Гоголя.

При первомъ появленіи «Переписки», книга Гоголя принята была за сознательное отреченіе его отъ прежняго направленія, за поворотъ въ другую сторону. Самъ Гоголь положительно объ этомъ говорилъ; онъ находилъ вредными свои старыя сочиненія, отвергалъ тотъ смыслъ, который придали имъ его почитатели; его собственные друзья, одобрявшіе «Переписку», считали ее «переломомъ» и притомъ такимъ, который былъ совершенно необходимъ и основателенъ. Устанавливалось вообще мнѣніе, что Гоголь, дѣйствовавшій прежде въ одномъ направленіи,—общественно-критическомъ, которое ознаменовано «Ревизоромъ» и «Мертвыми

Во-вторыхъ, критическія изслѣдованія, воспоминанія о Гоголѣ и упоминанія о немъ въ перепискѣ разныхъ лицъ:

— Воспоминанія о Гоголѣ (Римъ, лѣтомъ 1841 года). П. Анненкова. Б. для Чт. 1857, № 2 и 11.

— Критическая статья по поводу „Сочиненій и Писемъ" Гоголя, изданныхъ Кулишомъ. „Современникъ", 1857, № 8.

— Воспоминанія Л. Арнольди. „Русск. Вѣстникъ", 1862, № 1, стр. 54—95.

— Воспоминанія о Гоголѣ, г. Грота. Р. Архивъ, 1864, стр. 1065—68.

— Воспоминанія г. Погодина (о римской жизни Гоголя). Тамъ же, 1865, стр. 1270—78.

— Воспоминанія гр. Соллогуба. Тамъ же, 1865, стр. 1208—214 (упоминается Гоголь).

— Воспоминанія о Гоголѣ, Н. В. Берга. Р. Старина, 1872, V, стр. 118—128.

— Первое знакомство Гоголя съ М. С. Щепкинымъ. Тамъ же, 1872, V, стр. 282—283.

— Воспоминанія г-жи Смирновой о Жуковскомъ. Р. Архивъ, 1871, стр. 1874, 1883.

— Оффиціальное дѣло министерства народнаго просвѣщенія, 1845 г., о назначеніи Гоголю денежнаго пособія, въ „Сѣверной Почтѣ", 1865, № 277.

— Письма Жуковскаго къ г-жѣ Смирновой о дѣлахъ Гоголя. Р. Архивъ, 1871, стр. 1858, 1860.

— Письма Плетнева къ Жуковскому, о дѣлахъ Гоголя, о литературѣ. Тамъ же, 1870, стр. 1273, 1277—80, 1293, 1305—1306. Между прочимъ чрезвычайно замѣчательныя извѣстія о цензурѣ сочиненій Жуковскаго въ 1850 г., стр. 1322—1330.

— Письмо Плетнева къ кн. Вяземскому, 1847, о новой приготовляемой книгѣ Гоголя. Тамъ же, 1866, стр. 1069. (Это—не „Объясненіе на Литургію", какъ предположено въ „Архивѣ", а „Авторская исповѣдь". Ср. въ изд. Кулиша, VI, 405, то самое письмо Гоголя, о которомъ упоминаетъ Плетневъ. Въ письмѣ къ Шевыреву, у Кулиша VI, 411, Гоголь также говоритъ, что эта книга будетъ—„чистосердечное изъясненіе моего авторскаго дѣла").

— Письмо Жуковскаго къ кн. Вяземскому, по поводу статьи послѣдняго: „Языковъ. Гоголь", въ „Спб. Вѣд." 1847, №№ 90—91. Тамъ же, 1866, стр. 1074.

— Письмо Булгарина къ Хавскому, по поводу смерти Гоголя. Р. Старина, 1872, V, стр. 481—482.

— W. A. Joukoffsky, von Carl v. Seidlitz. Mitau, 1870, стр. 183—190, 198—199, 202.

Другія указанія читатель можетъ найти въ каталогѣ г. Межова.

Душами»,—потомъ измѣнилъ этому направленію, бросился въ аскетизмъ и поклоненіе господствующимъ порядкамъ, и былъ окончательно потерянъ для искусства. На него обратились суровыя осужденія и укоры.

Но этихъ осужденій не довольно было для *историческаго* объясненія. Надо было объяснить внутренній процессъ, которымъ могла быть приведена столь сильная перемѣна, открыть побужденія, дѣйствовавшія въ человѣкѣ, проникнуть въ истинный характеръ его убѣжденій и его цѣлей. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, разбирая матеріалы, изданные г. Кулишомъ, старался именно опредѣлить,—могутъ ли падать на Гоголя эти осужденія и каковъ былъ дѣйствительно его нравственный характеръ и его убѣжденія. Не скрывая отъ себя извѣстныхъ сторонъ этого характера, не возбуждающихъ сочувствія, авторъ объясняетъ ихъ источникъ и ихъ предѣлы, но отвергаетъ много другихъ обвиненій, которыя могли быть подняты противъ Гоголя только потому, что до изданія его переписки не была достаточно извѣстна его внутренняя исторія. Въ заключеніе, критикъ приходилъ къ выводу, что у Гоголя, въ послѣднемъ періодѣ его жизни, собственно говоря, не было никакой «измѣны убѣжденіямъ», что исторія его мнѣній была цѣльная исторія, однородная съ начала до конца,—что если въ разные періоды его жизни сильнѣе выступали у него тѣ или другія качества его ума и таланта, то самая сущность его убѣжденій была одна и та же. «Если вы,—говоритъ авторъ,—преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ (писемъ второго періода жизни Гоголя), всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, чтó было въ письмахъ перваго періода, и наоборотъ, въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, повидимому, должны были бы принадлежать второму періоду». Подробное сличеніе писемъ конца двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ съ письмами сороковыхъ годовъ показывало, что основныя мысли и представленія Гоголя въ тѣ и другіе годы были чрезвычайно сходны, что въ первомъ періодѣ были уже основанія его позднѣйшихъ мнѣній.

Напримѣръ, въ «Перепискѣ» удивлялись странной просьбѣ автора къ читателямъ—присылать ему всякія извѣстія о русской жизни и нравахъ и даже всякія чисто личныя свѣдѣнія:—но то же можно встрѣтить и въ прежнихъ письмахъ Гоголя. Онъ еще въ 1829-мъ г. дѣлалъ своей матери подобныя порученія относительно малороссійскаго быта, требуя отъ нея даже такихъ мелочныхъ

свѣдѣній, которыя можно бы предположить ему извѣстными. Теперь онъ только расширилъ область своихъ запросовъ, въ той мѣрѣ, какъ считалъ болѣе широкими и свои авторскія обязанности.

«Переписка» исполнена увѣреніями, что человѣку нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ и тогда онъ будетъ легко переносить самыя тяжелыя испытанія. Но, удивительнымъ образомъ оказывается, что то же самое онъ говоритъ еще въ 1825-мъ году (16-ти лѣтъ) по поводу смерти своего отца: «не безпокойтесь, дражайшая маменька! я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина» и проч. Въ такомъ же родѣ говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ матери о подобномъ горѣ, постигшемъ одного изъ ближайшихъ его друзей...

Гоголя винили въ лицемѣріи, когда онъ въ «Перепискѣ» въ каждомъ случаѣ своей жизни видѣлъ непосредственную волю самого Провидѣнія;—но есть письма, еще отъ 1829-го года, которыя своимъ тономъ относительно этого предмета ничѣмъ не уступаютъ «Перепискѣ». Такъ, однажды онъ дѣлаетъ своей матери признаніе объ одномъ таинственномъ событіи своей жизни,—какой-то безумной и безнадежной любви, — и говоритъ: «Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны... Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя... Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ *такъ давно назначаемый* путь мнѣ»...

Его обвиняли въ безмѣрномъ ханжествѣ, когда онъ принимался въ «Перепискѣ» поучать своихъ знакомыхъ и читателей, рекомендовалъ имъ изучать его книгу, и т. п. Но то же было и гораздо раньше. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ уже рекомендуетъ своимъ роднымъ чтеніе его собственныхъ писемъ и даетъ имъ уроки благочестія. Разъ онъ перешелъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что мать и сестры его глубоко были огорчены его нетерпимымъ, требовательнымъ, суровымъ тономъ; изъ ихъ отвѣта Гоголь долженъ былъ увидѣть, что мѣра перейдена, и тогда въ немъ опять сказывается самое теплое чувство и покорность, совершенно искреннія, какъ прежде онъ искренно поучалъ ихъ, ратуя за ихъ душевное спасеніе. Что во всей этой проповѣди, которою наполнена «Переписка», не было притворства, это ясно изъ цѣлаго ихъ характера; проповѣдь перемѣшана съ мыслями и чувствами, очевидно задушевными; и потомъ, — послѣ очень многихъ и не легкихъ испытаній его гордости и личнаго достоинства, испытаній, навлеченныхъ «Перепиской», и потомъ онъ нисколько не измѣняетъ

своего тона съ друзьями. Его конецъ довелъ до печальной очевидности, какъ глубоко укоренилось въ немъ его благочестіе.

Однимъ словомъ, сличая то, какъ высказывался Гоголь объ этихъ и другихъ коренныхъ предметахъ его убѣжденія, въ различные періоды своей жизни, въ самой ранней молодости и въ послѣдніе годы, сличая это, авторъ упомянутой статьи находитъ, что въ убѣжденіи Гоголя постоянно господствовало одно воззрѣніе, что оно приняло крайнее развитіе въ послѣдніе годы, дошло до фанатизма, но въ сущности не измѣнялось.

Это заключеніе кажется намъ совершенно вѣрнымъ: личность Гоголя является цѣльной, развитіе послѣдовательнымъ, для объясненій котораго незачѣмъ предполагать ни «измѣны», ни «перелома»,—потому что направленіе его послѣднихъ годовъ имѣло основаніе въ его давнишнихъ понятіяхъ, кромѣ которыхъ онъ никогда и не имѣлъ другихъ [1]). Страшное противорѣчіе съ самимъ собой, мучившее его въ послѣдніе годы, крылось въ немъ съ самаго начала. Это противорѣчіе, которое называли борьбой художническаго начала съ аскетизмомъ, было, еще въ большей степени, борьбой его врожденнаго высокаго побужденія служить обществу, съ тѣми ошибочными теоретическими представленіями объ обществѣ, съ которыми онъ сжился. Въ личной судьбѣ Гоголя отразилась борьба двухъ различныхъ сторонъ общественнаго развитія: какъ великій талантъ, онъ принадлежалъ его прогрессивной сторонѣ, тогда какъ его теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма, — и здѣсь главный источникъ той борьбы понятій, которой онъ и не выдержалъ. Личная исторія Гоголя, какъ писателя, является характеристическимъ фактомъ въ исторіи самаго общества.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какой великій смыслъ имѣли произведенія Гоголя. Это былъ талантъ, равныхъ которому не много можно найти въ нашей литературѣ; люди Пушкинскаго кружка́ сами въ то время находили, что «Мертвыя Души—безъ сомнѣнія *лучшее изъ всего*, что́ только есть въ нашей литературѣ» [2]). Для нашей литературы Гоголь открывалъ новую область идей, полагалъ основаніе ея дальнѣйшаго развитія, впервые сообщалъ ей глубокій общественный смыслъ. Эта сатира съ такой живостью воспроизводила обыденную жизнь общества, что изо-

---

[1]) Мы сдѣлаемъ оговорку только о личномъ характерѣ Гоголя, въ которомъ было гораздо меньше наивной искренности и гораздо больше разсчитанной, эгоистической хитрости, чѣмъ предполагалъ авторъ статьи. Фактическія указанія объ этомъ читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ г. Анненкова.

[2]) Слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому, 1842.

браженіе бросалось въ глаза и производило глубокое впечатлѣніе: общество не могло не видѣть вѣрности зеркала, и невольно оглядывалось на себя. Какія бы ни были собственныя идеи писателя о содержаніи его картины, его произведенія стали могущественной силой: они такъ ярко и наглядно изображали русскую жизнь, что заставляли задумываться; изъ-за ряда смѣшныхъ сценъ и характеровъ бросалась въ глаза нравственная нищета этой жизни, отъ которой не на чемъ было отдохнуть. Съ произведеніями Гоголя совершался актъ сознанія, одинъ изъ самыхъ важныхъ, какіе были въ новѣйшей исторіи нашего общества.

Въ общемъ ходѣ развитія, дѣятельность Гоголя несомнѣнно составляетъ послѣдовательную ступень; она окончательно закрываетъ періодъ искусственнаго романтизма и начинаетъ новый періодъ строго-реальнаго изображенія жизни, — но мы напрасно стали бы искать непосредственной связи Гоголевской сатиры съ предыдущей литературой. Внѣшнимъ образомъ Гоголь тѣсно связанъ съ Пушкинскимъ кружкомъ; онъ считаетъ Пушкина своимъ учителемъ; его друзья—люди Пушкинскаго круга; среди ихъ онъ проводитъ свою жизнь; они считаютъ его своимъ, — но тѣмъ не менѣе, его дѣло выходитъ изъ ихъ умственнаго и общественнаго горизонта; поэтому самъ Гоголь, привыкшій смотрѣть ихъ глазами, и могъ не уразумѣть вполнѣ того смысла, какой имѣли его произведенія для общественнаго развитія. Въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ Гоголь отчасти сохранялъ простыя патріархальныя традиціи, отчасти заимствовалъ взгляды Пушкинскаго круга, но въ своемъ творчествѣ онъ уже былъ человѣкомъ новаго историческаго слоя. Его друзья изъ Пушкинскаго круга на первыхъ порахъ поняли высокій поэтическій талантъ Гоголя и его художественную силу, — но они не поняли общественнаго значенія его произведеній, и потомъ отступились отъ нихъ, когда сдѣлалось ясно ихъ дѣйствіе на общество. Самъ Гоголь также отступился отъ своихъ произведеній, — потому что это дѣйствіе ихъ превышало степень теоретическаго пониманія, вынесенную имъ изъ его школы и изъ его отношеній...

Воспитаніе Гоголя шло сначала въ малороссійской патріархальной семьѣ, гдѣ онъ имѣлъ возможность близко приглядѣться къ старосвѣтскому быту украинскаго дворянства, къ нравамъ, преданіямъ и обычаямъ народа, которые потомъ дали ему богатый матеріалъ для его малорусскихъ разсказовъ. Ученье въ Нѣжинскомъ лицеѣ, откуда на вакаціи и праздники онъ ѣздилъ до-

мой, продолжило этотъ первый періодъ его воспитанія; малорусскіе поэтическіе интересы поддерживались по прежнему, между прочимъ—театромъ, который Гоголь съ товарищами устроилъ въ лицеѣ и гдѣ, въ числѣ другихъ пьесъ, давались малорусскія комедіи его отца: Гоголь-отецъ составлялъ ихъ для сцены, устроенной въ Кибинцахъ, имѣньѣ извѣстнаго Трощинскаго, который жилъ тогда здѣсь на покоѣ. Ученье въ лицеѣ, по словамъ Гоголя и по признанію самихъ его наставниковъ, дало ему немного; его свѣдѣнія были необширныя, и главное изъ нихъ онъ вѣроятно пріобрѣлъ собственнымъ чтеніемъ. Его знанія были случайны и отрывочны; понятно, что у двадцати-лѣтняго юноши подобнаго воспитанія легко могло не составиться никакого опредѣленнаго образа мыслей,—но въ его дальнѣйшемъ образованіи и обстановкѣ не было и задатковъ для этого, а между тѣмъ почти тотчасъ по выходѣ изъ школы онъ уже вступаетъ на свое литературное поприще. Его мнѣнія о коренныхъ вопросахъ нравственности и общественной жизни оставались и теперь тѣ же патріархально-простодушныя мнѣнія. Въ немъ созрѣвалъ могущественный талантъ,—его чувство и наблюдательность глубоко проникали въ жизненныя явленія,—но его мысль не останавливалась на причинахъ этихъ явленій. Онъ рано былъ исполненъ великодушнаго и благороднаго стремленія къ человѣческому благу, сочувствія къ человѣческому страданію; онъ находилъ для ихъ выраженія возвышенный поэтическій языкъ, глубокій юморъ и потрясающія картины,—но эти стремленія оставались на степени чувства или идеальной отвлеченности, въ томъ смыслѣ, что при всей ихъ силѣ Гоголь не переводилъ ихъ въ практическую мысль улучшенія общественнаго. Подобная мысль не приходила ему въ голову: для устраненія человѣческихъ бѣдствій по его мнѣнію нужно было только, чтобы люди избавились отъ пороковъ и стали добродѣтельны,—извѣстная точка зрѣнія старинныхъ моралистовъ. Въ первое время у него, безъ сомнѣнія, не было и мысли объ этихъ предметахъ, а когда другіе стали указывать ему иную точку зрѣнія, онъ уже не въ силахъ былъ понять ее и въ послѣднее время...

Еще въ лицеѣ Гоголь высказывалъ свое горячее желаніе быть полезнымъ обществу; онъ чувствовалъ въ себѣ какія-то необыкновенныя силы, и ожидалъ, что сдѣлаетъ что-то особенное и выходящее изъ ряда; онъ былъ исполненъ высокими, но неясными стремленіями, — но, какъ онъ говорилъ потомъ не одинъ разъ, онъ вовсе не думалъ быть писателемъ, и полагалъ, что всего лучше и всего полезнѣе употребить свои силы на службѣ—той

главнѣйшей, чуть не единственной дорогѣ, которую могъ тогда выбрать человѣкъ его положенія [1]). По окончаніи курса онъ рѣшилъ отправиться для этого въ Петербургъ. Здѣсь онъ дѣйствительно поступилъ на службу, но уже скоро увидѣлъ, что это занятіе не доставляетъ ему того удовлетворенія, какого онъ ждалъ. Въ немъ скоро сказался писатель. Литературныя предпріятія его начались довольно естественно въ романтическомъ тонѣ («Италія», «Ганцъ Кюхельгартенъ» 1829), въ которомъ онъ прямо слѣдовалъ господствовавшей тогда школѣ. Гоголь скрывалъ свое имя подъ псевдонимомъ, считая свои первыя произведенія пробнымъ опытомъ. Когда вышедшая книжка встрѣтила неблагосклонный пріемъ, Гоголь самъ увидѣлъ неудачу, собралъ свое изданіе и сжегъ его: книжка сдѣлалась чрезвычайной рѣдкостью и самые близкіе друзья его не знали потомъ ничего объ этомъ первомъ его произведеніи. Слѣдовало потомъ еще нѣсколько небольшихъ пьесъ, и наконецъ новая попытка была уже настоящимъ успѣхомъ. Это были «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (1831), обезпечившіе Гоголю мѣсто въ литературѣ и начавшіе его славу. Гоголю было тогда двадцать два года.

Въ періодѣ этихъ первыхъ опытовъ (1829 — 1831) Гоголь успѣлъ познакомиться съ П. А. Плетневымъ, который между прочимъ присовѣтовалъ ему извѣстный псевдонимъ Рудаго-Панька, поставленный на «Вечерахъ». Какъ произошло это первое знакомство, до сихъ поръ еще не было, кажется, разсказано; но такъ или иначе, съ 1831 года мы видимъ уже Гоголя окончательно связаннымъ съ кругомъ писателей, средоточіемъ котораго былъ Пушкинъ. Черезъ Плетнева, или прямо, Гоголь познакомился съ Жуковскимъ, затѣмъ съ самимъ Пушкинымъ; далѣе, мы видимъ въ числѣ его друзей съ этого времени кн. Вяземскаго, гр. М. Ю. Віельгорскаго, г-жу А. О. Смирнову и ея брата Россети, и др. Почти въ то же время начинаются его другія близкія связи въ Москвѣ—съ г. Погодинымъ и Шевыревымъ; съ М. А. Максимовичемъ, съ которымъ одно время его тѣсно соединяла общая любовь къ малороссійской старинѣ и народной поэзіи. Послѣдній литературный кругъ, съ которымъ онъ — нѣсколько позднѣе — сталъ въ дружескія отношенія, былъ кругъ славянофильскій—поэтъ Языковъ и семейство Аксаковыхъ. Но главнѣйшія связи, дѣйствовавшія на развитіе литературныхъ идей Гоголя, находились въ Пушкинскомъ кружкѣ. Онъ вступилъ сюда двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношей, съ любовью принятъ былъ въ этотъ

[1]) См. Записки о жизни Гоголя, I, стр. 25, 36, 75, 129.

кругъ, и остался въ немъ навсегда. Для исторіи внутренняго развитія Гоголя этотъ кругъ имѣлъ весьма большое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ образъ мыслей Гоголя, нельзя не увидѣть, что всѣ его коренныя представленія о жизни и литературѣ были именно представленія Пушкинскаго круга; что, выдѣляясь отъ него особенной оригинальностью своего таланта, Гоголь ничѣмъ не разнился съ нимъ въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ объ искусствѣ, о религіи, авторитетѣ, обществѣ, народѣ. Гоголь вступилъ въ этотъ кругъ младшимъ членомъ, когда Гоголь едва оставилъ школу, люди, составлявшіе этотъ кругъ, были уже признанными главами литературы; это были люди зрѣлаго развитія, опредѣленныхъ понятій, болѣе обширнаго (если не болѣе глубокаго) образованія, болѣе или менѣе значительнаго положенія въ обществѣ. Они стали для Гоголя высшей школой, довершившей его образованіе...

Въ началѣ настоящихъ очерковъ мы старались опредѣлить общій характеръ литературы тридцатыхъ годовъ, и то положеніе, которое приняли въ ней ея корифеи — Жуковскій и Пушкинъ. Этимъ опредѣляется тотъ порядокъ идей, какой могъ быть усвоенъ Гоголемъ въ этой школѣ; нѣсколько подробностей могутъ ближе объяснить вліяніе этого круга на внутреннюю исторію Гоголя.

«...Гоголь сдѣлался литераторомъ, — говоритъ авторъ упомянутой выше статьи, — и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодого писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя непріятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни; человѣкомъ современныхъ (т.-е. тогда) убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ «Аріонѣ»,—казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Ка-

тенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» съ знаменитыми стихами:

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ, и т. д.

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость «Вечеровъ на хуторѣ». Все это пожалуй и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо...

«Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени не имѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

«Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда перестаяъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей (земляковъ и товарищей по лицею), вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, еслибы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. «Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей.» Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія; иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ,—людей, изъ которыхъ каждый образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало-по-малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми».

Таковы дѣйствительно были отношенія Гоголя къ этому кругу, гдѣ онъ вскорѣ занимаетъ мѣсто, какъ свой человѣкъ. Изданный въ послѣдніе годы историческій матеріалъ даетъ возможность ближе опредѣлить свойства образа мыслей, соединявшаго людей

пушкинскаго круга, до такихъ частностей, которыхъ мы напрасно искали бы въ ихъ тогдашнихъ печатныхъ произведеніяхъ, и эти новыя свѣдѣнія вполнѣ подтверждаютъ взглядъ, выраженный въ приведенной нами цитатѣ.

Кругъ Пушкина составлялъ, въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, особую котерію, которая мало сближалась съ другими литературными кругами. Главнѣйшіе его представители, Жуковскій и Пушкинъ, пользовались всѣмъ авторитетомъ своей славы, который и служилъ знаменемъ для ихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ сподвижниковъ. Еще со второй половины двадцатыхъ годовъ этотъ кругъ сплотился въ прочно-связанное, почти замкнутое общество со своимъ эстетическимъ и общественнымъ кодексомъ.

Въ этомъ кругѣ уцѣлѣвшіе остатки «Арзамаса» соединялись съ болѣе молодыми представителями пушкинскаго романтизма. Изъ Арзамаса перешелъ сюда взглядъ на литературу какъ на отвлеченное художество, взглядъ, приводившій въ концѣ концовъ къ полному удаленію литературы отъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Пушкинъ недаромъ заявлялъ свое пренебреженіе къ «черни», т.-е. къ обществу, которое вздумало бы ждать отъ литературы какого-нибудь живого участія къ своимъ нравственнымъ интересамъ, а не одного зрѣлища жертвоприношеній Аполлону,— и высокомѣрно выдѣлялъ привилегію поэта быть рожденнымъ для вдохновенія и сладкихъ звуковъ, далекихъ отъ «житейскаго волненья» и къ нему безучастныхъ.

Съ этимъ понятіемъ о поэзіи, удаляемой отъ «черни» — естественно соединялся тѣсно-консервативный взглядъ въ предметахъ общественныхъ. Удаляясь отъ дѣйствительности, эта литература переставала и понимать ее. Взглядъ кружка и здѣсь развивалъ преданія «Арзамаса»; легкій оттѣнокъ либерализма, сохранявшійся въ виду Шишковскаго староверства и партіи классиковъ, теперь почти исчезъ; затѣмъ, по предметамъ общественнымъ, мнѣнія кружка состояли въ апотеозѣ господствовавшаго положенія вещей. Жуковскій держался издавна этой точки зрѣнія; у Пушкина съ половины двадцатыхъ годовъ выдохлись всѣ остатки прежняго либерализма, и наконецъ оффиціальная народность нашла въ немъ своего преданнаго пѣвца. Пушкинскій кружокъ поклонялся имени Карамзина, и въ этомъ поклоненіи политическія идеи историка государства россійскаго были однимъ изъ главнѣйшихъ основаній: кружокъ увлекался славою Россіи, вѣрилъ въ ея величіе, не имѣлъ никакихъ сомнѣній и запросовъ относительно настоящаго, а различные недостатки, которыхъ нельзя

было не видѣть, приписывалъ только недостатку въ людяхъ добродѣтели, неисполненію законовъ.

Въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, кружокъ Пушкина занималъ господствующее положеніе, пока еще не кончилась борьба противъ стараго классицизма. Послѣднимъ вмѣшательствомъ его въ литературное движеніе того времени была вражда этого круга къ литературной аферѣ, которую вели тогда Гречъ съ Булгаринымъ и Сенковскій. Въ этихъ полемическихъ отношеніяхъ пушкинскій кружокъ высказывалъ очень недвусмысленно свое презрѣніе къ этому униженію литературы;—но къ сожалѣнію, у друзей Пушкина не достало характера, выдержки—или умѣнья поддержать болѣе дѣйствительнымъ образомъ достоинство литературы. Они жаловались, бранили Сенковскаго, но были противъ него безсильны... Къ концу тридцатыхъ годовъ положеніе кружка стало измѣняться; еще при жизни Пушкина начался поворотъ, показывавшій, что его школа перестаетъ удовлетворять нароставшимъ потребностямъ общества. Кружокъ Пушкина (вообще говоря, потому что были исключенія) не понималъ уже новаго движенія, возникавшаго на его глазахъ. Такъ, онъ не любилъ Полеваго, не съумѣвши отличить въ его дѣятельности—правда, нѣсколько поспѣшной и шумливой —того, что́ было въ ней серьезнаго. Живая часть публики поняла однако рьянаго журналиста, и «Телеграфъ» имѣлъ вліяніе. Съ другой стороны, та нѣмецкая философія, которая казалась Пушкину подозрительной, дѣйствительно начала оказывать свое дѣйствіе; съ первымъ изученіемъ этой философіи въ литературѣ стали больше и больше укрѣпляться воззрѣнія, основанія которыхъ были во всякомъ случаѣ шире, чѣмъ основанія пушкинской школы. Послѣдняя опять не поняла новаго явленія. Нѣкоторыя рѣзкости и неряшества, которыя случались у писателей новаго московскаго кружка́, напр. у Надеждина, возстановляли противъ нихъ друзей Пушкина, а серьёзная сторона новыхъ мнѣній отъ нихъ ускользала. Предубѣжденіе распространилось и на людей, которые продолжали потомъ движеніе, начатое Надеждинымъ,—такъ оно распространилось на Бѣлинскаго и его друзей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось взаимное непониманіе. Кругъ Пушкина, послѣ его смерти, сталъ все больше терять свое дѣятельное значеніе, все больше уединялся; за непониманіемъ новыхъ направленій явилось наконецъ раздраженіе, вражда; наконецъ —въ нѣсколькихъ случаяхъ—настоящій обскурантизмъ...

«Время тогда (около 1837 года) было очень уже смирное»,— разсказываетъ г. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ своихъ объ одномъ

изъ достойнѣйшихъ членовъ пушкинскаго кружка, Плетневѣ.— «Правительственная сфера, особенно въ Петербургѣ, захватывала и покоряла подъ себя все». Это были — «тѣ времена, которыя покойный Аполлонъ Григорьевъ прозвалъ допотопными. Общество еще помнило удары, обрушившіеся на самыхъ видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ; и изо всего того, чтó проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно послѣ 1855 года, ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы въ смыслѣ живаго проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными проявленіями ихъ, не было, какъ не было прессы (политической печати), какъ не было гласности, какъ не было личной свободы, а была словесность, и были такіе словесныхъ дѣлъ мастерá, какихъ мы уже потомъ не видали».

Кружокъ Пушкина, по своему настроенію, мало чувствовалъ это положеніе вещей. Въ немъ были прекрасные лично люди; иное они и понимали въ этомъ положеніи, но ихъ отношеніе къ дѣйствительности было вообще слишкомъ связанное и пассивное. Слова г. Тургенева о Плетневѣ раскрываютъ цѣлую сторону самого кружка. «Для критики, въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова, ему не доставало энергіи, огня, настойчивости, прямо говоря—*мужества.* Онъ не былъ рожденъ бойцомъ»... Пыль и дымъ битвы, говоритъ г. Тургеневъ, для его натуры были столь же непріятны, какъ и опасность, которой онъ могъ въ ней подвергнуться. Но настолько же удаляли его отъ этой битвы и совсѣмъ другія обстоятельства, его положеніе въ обществѣ, связи съ дворомъ. «Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе Поэтическому—вотъ весь Плетневъ».

Эти черты мы найдемъ и у другихъ членовъ кружка. Но по своимъ теоріямъ и по общественному положенію, они все больше и больше удалялись отъ того пониманія жизни, для котораго требовалось «мужество»; ихъ литературное содержаніе ограничивалось только совершенно безобидными и слѣдовательно безразличными вещами, — поклоненіе «Поэтическому» становилось изящнымъ развлеченіемъ, которое никакъ не должно было смущать ихъ спокойствія. Литература, которую могъ поддерживать этотъ кругъ, могла быть только литература, отвѣчающая ихъ идеально-романтическому настроенію и ихъ общественному положенію. Можно себѣ представить, что такое условіе дѣлало объемъ этой литературы не очень широкимъ... Это и оказалось

впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ и въ концѣ разсматриваемаго періода.

Въ такого рода обстановку попалъ Гоголь при своемъ вступленіи на литературное поприще. Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ приняли теплое участіе въ молодомъ человѣкѣ, почти юношѣ, первыя произведенія котораго поражали такой свѣжей оригинальностью. У нихъ было довольно эстетическаго чувства, чтобъ заинтересоваться своеобразнымъ талантомъ, и Гоголь уже вскорѣ дѣлается очень близкимъ въ ихъ кругу. Они заботятся объ его матеріальныхъ дѣлахъ, доставляютъ ему мѣста и протекціи, поощряютъ его литературные труды. Извѣстно, съ какимъ горячимъ чувствомъ Гоголь говорилъ всегда о Пушкинѣ, котораго считалъ своимъ учителемъ, и отъ котораго вѣроятно многому учился и въ самомъ дѣлѣ. Пушкинскія преданія были для него святы. Недаромъ случилось, что Пушкинъ далъ Гоголю самые сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Какъ говорятъ, Пушкинъ разсказалъ Гоголю случай, бывшій въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи, гдѣ какой-то проѣзжій господинъ выдалъ себя за чиновника министерства и обобралъ городскихъ жителей. Самого Пушкина принялъ за тайнаго ревизора нижегородскій губернаторъ, когда Пушкинъ проѣзжалъ черезъ Нижній въ Оренбургъ для собранія свѣдѣній о пугачевскомъ бунтѣ: нижегородскій губернаторъ даже предупреждалъ объ этомъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго, который былъ пріятелемъ Пушкина и самъ ему объ этомъ разсказывалъ. На этихъ данныхъ и былъ задуманъ «Ревизоръ», котораго Пушкинъ называлъ себя крестнымъ отцомъ. Въ «Авторской Исповѣди» Гоголь самъ разсказываетъ, что Пушкинъ передалъ ему сюжетъ «Мертвыхъ Душъ», сюжетъ, котораго, по его словамъ, Пушкинъ не отдалъ бы никому другому, кромѣ его. Въ письмахъ Гоголя остались выраженія самаго глубокаго уваженія къ Пушкину [1]).

---

[1]) Напримѣръ, въ напечатанномъ недавно письмѣ Гоголя къ Жуковскому, изъ Рима въ апрѣлѣ 1839 г., онъ говоритъ; „...Я долженъ продолжать мною начатой большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ *священное завѣщаніе*“. Въ письмѣ къ Плетневу, въ мартѣ 1837 г., по полученіи извѣстія о смерти Пушкина, Гоголь говоритъ: „...Никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы“, и проч. Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 286—287. См. также „Выбранныя Мѣста“ и „Авторскую Исповѣдь“, и Записки о жизни Гоголя, I, стр. 194 (мнѣніе друзей Гоголя объ его отношеніяхъ съ Пушкинымъ).

Извѣстны слова Пушкина о Гоголѣ, что никто не умѣетъ лучше его подмѣтить всю пошлость русскаго человѣка. Гоголь приводитъ его слова: «какъ съ этой способностью (у Гоголя) угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!» Убѣждая Гоголя сдѣлать это, Пушкинъ приводилъ примѣръ Сервантеса, который только съ «Донъ-Кихотомъ» занялъ свое высокое мѣсто въ литературѣ... При всемъ томъ Пушкинъ едва ли предвидѣлъ то значеніе, которое Гоголю предстояло получить въ нашей литературѣ. Одинъ современникъ той эпохи (гр. Соллогубъ) справедливо, по нашему мнѣнію, замѣчаетъ, что кромѣ способности подмѣчать пошлость, у Гоголя были еще другія громадныя достоинства, и что Пушкинъ никогда въ томъ вполнѣ не убѣдился, и во всякомъ случаѣ не ожидалъ, чтобы имя Гоголя «стало подлѣ, если не выше его собственнаго имени»... Пушкинъ ожидалъ отъ произведеній Гоголя большихъ художественныхъ достоинствъ, большого успѣха въ публикѣ, но не могъ предвидѣть ихъ *общественнаго* вліянія,—какъ потомъ не понимали этого вліянія друзья Пушкина, и самъ Гоголь.

Въ самомъ дѣлѣ, этого вліянія не предвидѣли также ни Плетневъ, ни Жуковскій. Плетневъ ближе и проще зналъ русскую дѣйствительность, чѣмъ Жуковскій; человѣкъ большого практическаго опыта и здраваго смысла, онъ еще могъ предполагать подобное вліяніе Гоголя, даже находить его законнымъ, — хотя только до извѣстныхъ предѣловъ. Что же касается до Жуковскаго, то ему еще менѣе, чѣмъ кому-нибудь изъ этого круга, понятна была возможность русской сатиры не въ видѣ отвлеченной нравственности, а въ видѣ настоящей независимой общественной мысли.

Личныя связи Гоголя съ Жуковскимъ также были очень тѣсны. Жуковскій располагалъ къ себѣ другими сторонами характера. При всѣхъ односторонностяхъ своего поэтическаго мистицизма, Жуковскій отличался благородной, мягкой человѣчностью, готовой на практическую помощь даже въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,—на что не хватало храбрости ни у кого больше изъ людей той среды [1]). Гоголь былъ привязанъ къ нему тѣмъ

[1]) Вотъ два замѣчанія, любопытнымъ образомъ стоящія рядомъ въ воспоминаніяхъ г-жи Смирновой: „Лунная ночь, съ ея таинственностью и чарами, приводила Жуковскаго въ восторгъ. Отношенія его къ старымъ товарищамъ, къ друзьямъ молодости никогда не измѣнялись. Не разъ онъ подвергался неудовольствію государя за свою непоколебимую вѣрность нѣкоторымъ изъ нихъ“ (т.-е. къ нѣкоторымъ изъ декабристовъ)...

больше, что былъ обязанъ ему въ устройствѣ многихъ своихъ практическихъ дѣлъ. Еще въ письмахъ 1831 года между ними видна самая дружеская короткость; впослѣдствіи, она еще увеличилась, особенно во время жизни Гоголя за границей, гдѣ онъ часто пріѣзжалъ къ Жуковскому и гдѣ послѣдній во время болѣзни Гоголя носился съ нимъ какъ съ капризнымъ ребенкомъ [1])... Къ послѣднимъ десятилѣтіямъ своей жизни, именно въ пору отношеній съ Гоголемъ, Жуковскій, нѣкогда романтическій идеалистъ съ отвлеченной религіей, больше и больше переходилъ въ православнаго мистика, и когда въ Гоголѣ стала развиваться его тревожная и мнительная религіозность, общество Жуковскаго могло только поддержать ее и усилить собственными увлеченіями Жуковскаго. Въ понятіяхъ о жизни онъ до конца остается идеалистомъ, и легко повѣрить разсказамъ о немъ г-жи Смирновой: «Такой натурѣ (добродушной и довѣрчивой) пришлось провести столько лѣтъ въ корридорахъ Зимняго дворца! Но онъ былъ чистъ и свѣтелъ душею и въ этой атмосферѣ»... «Онъ какъ-то зналъ, что есть зло en gros, но не видалъ его en détail, когда и случалось ему столкнуться съ чѣмъ-нибудь дурнымъ»... Въ вопросѣ русской дѣйствительности, изображеніе которой Гоголь поставилъ своей задачей, Жуковскій былъ бы конечно самый плохой совѣтникъ; скорѣе, онъ могъ только поддержать въ Гоголѣ его мистическое апостольство, къ которому впослѣдствіи онъ вообразилъ себя призваннымъ.

Были наконецъ въ этомъ кругѣ и люди другого характера, нѣкогда остроумцы и esprits forts, но теперь и остроуміе и бывшій либерализмъ уже выдыхались и замѣнялись житейскимъ благоразуміемъ и успокоеніемъ на лаврахъ. Въ своемъ кружкѣ по-

[1]) Въ образчикъ ихъ отношеній можно привести, напр., слѣдующій отрывокъ изъ письма Гоголя къ Жуковскому въ іюнѣ въ 1836 г., по отъѣздѣ Гоголя за границу: „Разлуки между нами быть не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ. Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженія благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце, говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли». Мы не будемъ разбирать, былъ ли Гоголь *вполнѣ* искрененъ въ этихъ заявленіяхъ своей преданности; мы оставляемъ вообще въ сторонѣ опредѣленіе его личнаго характера,—оно мало измѣнило бы выводы о теоретическихъ мнѣніяхъ, какимъ Гоголь научался въ Пушкинскомъ кругѣ.

добные люди еще ходили со своей старой репутаціей; внѣ кружка они уже переставали быть литературной силой.

Въ тридцатыхъ, а еще болѣе въ сороковыхъ годахъ, друзья Пушкина, ставшіе друзьями и покровителями Гоголя, были люди довольно высоко поставленные, вполнѣ или отчасти придворные... Литературные интересы принимали въ этихъ условіяхъ совсѣмъ особый характеръ: онъ сообщился вскорѣ и Гоголю. Кружокъ все больше и больше удалялся отъ главнаго теченія литературы. При Пушкинѣ, — это начиналось враждой къ Полевому, къ Надеждину, въ сороковыхъ годахъ это окончилось — враждой къ Бѣлинскому и всѣмъ писателямъ его направленія. Единственныя оставшіяся симпатіи были къ «Москвитянину», который пріятенъ былъ своимъ благочестіемъ, своей вѣрностью Карамзину и вообще старымъ преданіямъ; остальная литература мало интересовала кружокъ или возбуждала въ немъ крайнюю антипатію. О ней даже мало говорится въ перепискѣ кружка; но рѣдкія упоминанія о ней показываютъ, что чувства къ ней были одинаковы у различныхъ его членовъ. Вотъ отрывокъ изъ письма 1845 г. къ Жуковскому, отъ одного изъ его друзей: «Маленькое число тѣхъ людей, съ которыми я бывалъ у васъ, теперь странно разрознилось. Нѣтъ общей любви, общаго интереса и общей цѣли. Однихъ охолодило чувство *глубокаго презрѣнія къ господствующимъ идеямъ* въ кругахъ литературныхъ. Другіе, недостойно увлекшись соблазномъ корысти, невольно отталкиваютъ отъ себя каждое несовременное [1]) сердце. Третьи, какъ златые тельцы стоятъ на своемъ подножіи—боги для упавшихъ передъ ними, болваны для не-язычниковъ. Нѣтъ Моисея и нѣтъ религіи. Я увѣренъ, что и Вяземскій испытываетъ ощущенія, отъ которыхъ я часто задыхаюсь» и проч. Въ письмѣ не говорится ближе, о чемъ именно идетъ рѣчь, но несомнѣнно, что «господствующія идеи» относились именно къ идеямъ Бѣлинскаго и его круга. Эти враждебныя отношенія и высказались въ 1847-мъ, при появленіи «Переписки съ друзьями».

Нѣсколько позднѣе, въ мартѣ 1850 года, Плетневъ писалъ къ Жуковскому: «... Норовъ (товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ) затѣваетъ, по *моей* мысли, образовать журналъ для противодѣйствія *конвульсивно-скаредной* литературѣ нашей. Что вы объ этомъ думаете? Въ распоряженіи министерства не только всѣхъ университетовъ профессора и всѣ академики, но и сильные денежные способы. Итакъ, мнѣ кажется,

---

1) Иронически.

этою арміею навѣрно побѣдить можно нестройную толпу наѣздниковъ, которые безъ предводителя (?) и поддерживаются однимъ развратнымъ невѣжествомъ провинціаловъ. Очень желаю знать, какъ вы объ этомъ судите»...

Если не ошибаемся, что-то было уже начато для осуществленія этой мысли. Норовъ устроилъ у себя ученые рауты, на которыхъ собирались профессора и академики, но предпріятіе тѣмъ не менѣе не исполнилось. Самъ Плетневъ долженъ былъ, повидимому, уже скоро разочароваться въ своихъ надеждахъ. (Припомнимъ, что «конвульсивно-скаредная» литература тогда едва существовала; это было время усиленной цензуры, негласнаго комитета и т. д.). Случилось, что въ это самое время Жуковскій прислалъ Плетневу рядъ своихъ статей для отдачи въ цензуру и напечатанія. Это были именно статьи по религіозно-нравственнымъ и общественнымъ предметамъ, писанныя Жуковскимъ въ послѣдніе годы жизни—гдѣ онъ объяснялъ свои «основныя начала въ политикѣ и въ философіи и нравственности», а именно—«христіанство и самодержавіе, христіанство и православіе». Можно себѣ представить, что́ могъ написать вѣрующій, строго-консервативный, преданный Жуковскій о предметахъ этого рода [1]). Статьи привели Плетнева въ восторгъ. Но на дѣлѣ оказалось (письмо Плетнева отъ мая 1850), что тотъ же Норовъ, на котораго Плетневъ возлагалъ свои надежды, не пропустилъ статьи Жуковскаго, особенно Плетнева восхитившей; что духовная цензура не пропустила статей Жуковскаго, которыя имѣли отношеніе къ религіи.—До такого опыта должны были дойти люди, собиравшіеся спасать литературу... Опытъ конечно былъ слишкомъ поздній, да и напрасный.

Когда въ дѣятельности Пушкина настала пора чисто художественнаго творчества, интересъ общественный сталъ для него довольно безразличенъ; это обстоятельство, которое ставили въ связь съ его новыми отношеніями въ высшихъ сферахъ, начало́ охлаждать прежнее горячее сочувствіе къ нему въ той части публики, которая искала въ литературѣ нравственно-общественнаго смысла. Послѣ Пушкина, его кружокъ еще менѣе заботился объ этихъ сочувствіяхъ, считая, что литература въ ихъ смыслѣ, чисто поэтическая, совершенно консервативная, и есть настоящая литература, что другой не должно быть, или она будетъ извращеніемъ ея здравыхъ началъ. Такимъ образомъ, теорія чистаго искусства сходилась съ практическимъ отвращеніемъ кружка къ

1) Эти статьи вошли теперь въ послѣднее изданіе сочиненій Жуковскаго.

критикѣ дѣйствительности, а съ другой стороны это нерасположеніе къ критикѣ становилось необходимостью для членовъ кружка по ихъ связямъ въ высшемъ кругу, при дворѣ. Въ тѣ времена, и вообще критика дѣйствительности была возможна только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и была еще мало распространена; въ этомъ же кругу независимый взглядъ на общественную дѣйствительность просто былъ бы вещью немыслимой. Что внѣшнее положеніе кружка вліяло извѣстнымъ образомъ на его литературныя мнѣнія,—этого не могла не замѣтить новая школа; и справедливо не могла этому сочувствовать, потому что здѣсь начиналась неискренность, лицемѣріе, подведеніе требованій литературы, такъ высоко оцѣняемыхъ самимъ кружкомъ, подъ личные посторонніе разсчеты. Это былъ весьма существенный пунктъ, гдѣ двѣ литературныя школы или направленія впослѣдствіи окончательно перестали понимать другъ друга.

Гоголю пришлось испытать на себѣ удобства и неудобства этихъ отношеній. Его матеріальныя обстоятельства почти всегда были не блестящи; онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ; когда они бывали, онъ самъ распоряжался ими не совсѣмъ благоразумно; въ позднѣйшіе годы онъ нерѣдко обращалъ ихъ на филантропію. Друзья указали ему один путь для поправленія своихъ дѣлъ,—путь, къ которому онъ потомъ много разъ обращался. Новая обнародованная переписка прибавляетъ еще нѣсколько свѣдѣній къ фактамъ, извѣстнымъ изъ біографіи. Напримѣръ:

Въ іюнѣ 1836 г., уже въ первую поѣздку за границу, Гоголь пишетъ изъ Гамбурга къ Жуковскому: «Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ» и проч. Онъ надѣется обойтись собственными средствами.

Въ октябрѣ 1837 г., онъ пишетъ къ Жуковскому изъ Рима: «Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей», и проч.

Въ апрѣлѣ 1839 г., въ письмѣ къ Жуковскому изъ Рима, онъ описываетъ свое безденежье и продолжаетъ: «Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю» и проч. Онъ *совѣтуетъ* предложить на высочайшее прочтеніе «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» и «Тараса Бульбу», какъ такія произведенія, которыя могутъ дать о немъ «правильное понятіе»,—именно произведенія, какъ видимъ, совер-

шенно удаленныя отъ всякаго непріятнаго столкновенія съ дѣйствительностью...

Въ 1842-мъ, по выходѣ «Мертвыхъ Душъ», онъ ожидаетъ опять «милости» [1]). Далѣе, Жуковскій въ январѣ 1845 пишетъ къ г-жѣ Смирновой: «Вамъ бы надобно о немъ (о Гоголѣ) позаботиться у царя и царицы... Онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ; вы лучше другихъ можете *характеризовать Гоголя съ его настоящей лучшей стороны.* По его *комическимъ твореніямъ* могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть. У насъ смѣхъ принимаютъ за грѣхъ, слѣдовательно всякій насмѣшникъ долженъ быть великій грѣшникъ».

Въ апрѣлѣ того же года, Жуковскій пишетъ г-жѣ Смирновой о скорѣйшей высылкѣ назначенныхъ Гоголю денегъ. Ему было назначено на три года отъ Государя по 1,000 рублей, и отъ Наслѣдника по тысячѣ франковъ.

Итакъ далѣе [2]).

Гоголю потомъ ставили въ упрекъ это исканіе милостей, выпрашиванье денегъ, которое получило особенно странный видъ, когда появилась въ свѣтъ «Переписка»—проповѣдь мистическаго аскетизма, общественнаго застоя и приниженія. Странное совпаденіе фактовъ заставляло недоумѣвать и сомнѣваться о личномъ характерѣ Гоголя, о полномъ безкорыстіи его дѣйствій.—Но теперь можно видѣть, что дѣло было здѣсь не столько въ личномъ характерѣ, сколько въ цѣломъ взглядѣ на вещи, который былъ имъ усвоенъ. Правда, въ характерѣ Гоголя нельзя не видѣть непріятно поражающей черты—какой-то искательности, особеннаго желанія имѣть друзей въ аристократическомъ мірѣ; и хотя эта искательность конечно слишкомъ обыкновенное дѣло, но въ писателѣ такой силы можно бы желать больше независимости и свободы отъ подобныхъ искушеній. Правда также, что желая выпросить денегъ, Гоголь могъ бы не употреблять (по крайней

---

[1]) Въ письмѣ къ Плетневу: „Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой... Узнайте, что дѣлаютъ экземпляры „Мертвыхъ Душъ", назначенные мною въ представленію... Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ *обыкновенно* что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно" и проч. Изд. Кулиша V, стр. 499. Записки, I, стр. 322.

[2]) См. къ этому оффиціальную переписку, напечатанную въ «Сѣв. Почтѣ», 1865 г. Послѣ выхода „Выбранныхъ Мѣстъ", Гоголь напротивъ пишетъ Плетневу: „...Ни отъ кого не бери подарковъ и постарайся отъ этого вывернуться" — но совѣтуетъ „смѣло брать", если предложатъ деньги на вспомоществованіе тѣмъ, кого Гоголь встрѣтитъ идущихъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Изд. Кулиша VI, 272. Записки II, 69.

мѣрѣ самъ) такихъ средствъ, какъ рекомендація тѣхъ, а не другихъ своихъ произведеній, для произведенія того, а не другого впечатлѣнія. Но вообще, если онъ искалъ себѣ средствъ на упомянутой дорогѣ, это не было *такое* попрошайничество, какъ о томъ думали; онъ просто слѣдовалъ понятіямъ кружка, въ которомъ жилъ. Литература въ глазахъ кружка, а затѣмъ и въ глазахъ Гоголя вовсе не имѣла значенія такой независимой идеальной общественной силы, какое приписывалось ей новыми литературными поколѣніями; литература, какъ поэзія («поэзія есть добродѣтель», по словамъ Жуковскаго) и поученіе, служа народному просвѣщенію, служила прямо цѣлямъ государства,—такъ что занятіе литературой было со стороны писателя такая же «служба», какъ всякая другая. Такъ думалъ еще Карамзинъ. Начавши заниматься исторіей государства россійскаго, онъ желалъ быть именно «исторіографомъ», получалъ за то жалованье (правда, скромное), чины и кресты, и приступая къ печати, непремѣнно хотѣлъ, чтобы книга издана была на казенный счетъ... Въ кружкѣ Пушкина было очень принято патріархальное представленіе, что литературная дѣятельность, даже не исторіографія, можетъ и должна быть поощряема подобнымъ образомъ, и что если поощреніе замедлялось, его можно было искать и выпрашивать. Карамзинъ по крайней мѣрѣ писалъ книгу, первую въ своемъ родѣ, дѣйствительно съ точки зрѣнія государственной, оффиціальной. Теперь стали думать, что юмористическіе разсказы, комедіи—также «служба», и, слѣдовательно, также могутъ требовать оффиціальнаго поощренія... Это было странно, но это было искреннее убѣжденіе не только друзей, но и Гоголя [1]). Вниманіе, оказанное высшими сферами «Ревизору» въ то время, какъ въ чиновничьей публикѣ раздавались вопли противъ него,—утверждало Гоголя въ этомъ мнѣніи. Впослѣдствіи, сильное впечатлѣніе, имъ произведенное, начинающаяся слава, удостовѣряли Гоголя, что дѣло его крупное дѣло, и онъ окончательно увѣрился, что призванъ обличать

[1]) Вотъ его собственныя слова въ „Авторской Исповѣди“:—ему надо было объяснить себѣ цѣль своего труда („Мертвыхъ Душъ“), чтобы онъ самъ возгорѣлся къ нему любовью,—„словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя творенье свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что исполняя его, онъ *служитъ въ то же самое время* такъ же *государству* своему, *какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ*. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала... Какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу *сослужить также службу государственную*, я бросилъ все... чтобы обсудить... какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей“. Изд. Кулиша III, стр. 502—503.

пороки и злоупотребленія, именно въ видахъ правительства и для государственной пользы.

Въ этихъ и подобныхъ понятіяхъ Гоголь несомнѣнно многое заимствовалъ прямо отъ своихъ друзей. Вступая въ пушкинскій кругъ, онъ встрѣтилъ въ немъ уже вполнѣ сформированные, опредѣленные взгляды. Онъ естественно имъ подчинился; другихъ понятій онъ тогда ни отъ кого не слыхалъ. Онъ принялъ понятія кружка, и считалъ свои произведенія вполнѣ подходящими подъ ихъ теорію; друзья его, хотя замѣчали высокія достоинства его произведеній, также не предвидѣли въ нихъ ничего особеннаго и такого, чтó вносило бы въ литературу какой-нибудь совсѣмъ новый, имъ неизвѣстный элементъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по первымъ произведеніямъ Гоголя можно было и не предвидѣть этого. «Вечера на хуторѣ близь Диканьки» (1831—1832) была очень живая, веселая книга, съ богатымъ юморомъ, изображавшая малорусскій бытъ. Въ общественномъ смыслѣ это была вещь безразличная, не поднимавшая никакого вопроса, хотя, собственно говоря, и въ ней было уже новое, именно любящее отношеніе къ народу, безъ всякаго искусственнаго романтизма. «Вечера» были параллельны тому литературному движенію, которое въ эти годы стало обращаться къ изученію народной жизни, — обращаться не всегда вѣрно, но уже не свысока, не съ сознаніемъ превосходства, а съ теплымъ сочувствіемъ. Гоголь около этого времени именно увлекался малороссійской стариной и народной поэзіей, дѣля это увлеченіе съ Максимовичемъ, и безъ сомнѣнія не мало содѣйствовалъ народно-этнографическому изученію возбужденіемъ сочувствія и любопытства къ живому народному быту. *Этотъ* интересъ Гоголя едва ли былъ совершенно раздѣляемъ петербургскими друзьями Гоголя.

Въ «Арабескахъ» (1835) юморъ Гоголя коснулся новыхъ сторонъ жизни, и уже въ полную силу его глубокаго таланта. Здѣсь явились «Записки Сумасшедшаго». Въ слѣдующемъ году появился «Ревизоръ» въ печати и на сценѣ. Гоголь достигалъ вершинъ своего творчества, и вліяніе, предстоявшее ему въ литературѣ, уже начало теперь обозначаться. Гоголь становился для новыхъ литературныхъ поколѣній представителемъ иного, болѣе глубокаго значенія литературы.

Но такъ ли думали о немъ его друзья, и самъ Гоголь предполагалъ ли эту, болѣе широкую цѣль и смыслъ своихъ произведеній? Друзья его думали не такъ. Высоко цѣня Гоголя, они не видѣли въ его трудахъ той особенной значительности, которая обнаружилась вскорѣ ихъ обширнымъ вліяніемъ на всю литера-

туру. «Ревизоръ» былъ для нихъ прекрасная комедія, отличная картина русскихъ нравовъ, одушевленная желаніемъ указать пороки и злоупотребленія; но для нихъ, и для самого Гоголя осталось непонятно общественное значеніе его произведеній. Дѣло въ томъ, что дѣйствительный смыслъ этихъ произведеній, вытекавшій изъ ихъ поэтической правды, шелъ гораздо дальше того, что Гоголь и его друзья предполагали по своему литературному и общественному образу мыслей. Этотъ образъ мыслей былъ чисто и совершенно консервативный, дѣйствіе сатиры Гоголя было далеко не консервативное; и въ этомъ-то Гоголь и его друзья не отдавали себѣ яснаго отчета [1]).

«Нѣтъ, кажется, сомнѣнія — говоритъ авторъ цитированной выше статьи,—что до того времени, когда нáчало въ Гоголѣ развиваться такъ-называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьёзному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ, и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточничествѣ, и больше ничего;

---

[1]) Этотъ общественный смыслъ и для его другихъ почитателей раскрылся не вдругъ. Бѣлинскій, съ перваго раза высоко поставившій Гоголя, въ первыхъ его произведеніяхъ восхищается только чисто-художественными, отвлеченными достоинствами. Г. Тургеневъ, который еще помнитъ появленіе „Ревизора", замѣчаетъ, что ему, какъ, вѣроятно, вообще его сверстникамъ, въ то время еще не было понятно все значеніе геніальной комедіи.—Это и естественно; потому что значеніе ея опредѣлилось тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое она сдѣлала на общество, а впечатлѣніе опредѣлилось не вдругъ. Надобно замѣтить однако, что при всемъ томъ Бѣлинскій, еще *при жизни* Пушкина, видѣлъ въ Гоголѣ новый начинающійся періодъ русской литературы.

ему не приходило въ голову понятіе безправности и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество.... онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено... Гоголь видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія».

Эта связь ускользала отъ Гоголя и его друзей или не привлекала ихъ вниманія, или они сами иной разъ не хотѣли ея видѣть; но ее старалось отыскать и отыскивало новое литературное направленіе, и въ этомъ различіи заключается существенная черта ихъ отношеній. Новое направленіе (направленіе Бѣлинскаго и его друзей) вообще получило въ своемъ развитіи болѣе серьёзную закваску, довольствуясь фактомъ, оно искало его причины и вскорѣ нашло ее въ соображеніяхъ, которыхъ никогда не дѣлала пушкинская школа (или дѣлала слишкомъ поверхностно), направлявшая Гоголя; не довольствуясь негодованіемъ на отдѣльный фактъ, новое направленіе негодовало на его причины, и искало средствъ устранить ихъ,—отсюда и возникалъ цѣлый образъ мыслей, совершенно опредѣленный, относившійся недовѣрчиво къ настоящему, горячо стремившійся къ лучшимъ формамъ общественной жизни. Это былъ образъ мыслей, очень далекій отъ мнѣній Гоголя. Тѣмъ не менѣе, Гоголь сталъ великой опорой этого образа мыслей и опорой новаго направленія. Онъ дѣйствовалъ какъ художникъ, какъ поэтъ; его теоретическія мнѣнія могли быть неудовлетворительны, но ихъ не было видно въ его произведеніяхъ,—онъ говорилъ картинами нравовъ, а эти картины были такъ

вѣрны, онъ раскрывалъ фальшивыя и вредныя стороны нашего быта съ такой силой, что для новаго направленія эти произведенія были въ высшей степени сочувственны: онѣ исполняли половину его задачи, какъ наглядное изображеніе, которое давало уже матеріалъ для размышленія тому, кто захотѣлъ бы подумать о томъ серьёзнѣе. Самъ Гоголь не выводилъ изъ своихъ трудовъ тѣхъ заключеній, какія изъ нихъ слѣдовали и какія были выводимы новымъ направленіемъ; онъ былъ не въ силахъ вывести этихъ заключеній, или, по своимъ теоретическимъ понятіямъ, вывелъ бы ихъ ошибочно (какъ это и случилось впослѣдствіи): въ этомъ и сказывалась разница двухъ поколѣній, пушкинскаго, въ которомъ онъ воспитался, и поколѣнія сороковыхъ годовъ. Это были двѣ ступени общественнаго сознанія: Гоголь только воспринималъ и указывалъ извѣстныя мрачныя стороны жизни; новое направленіе отыскивало ихъ смыслъ, причину и думало о средствахъ ихъ удаленія [1]).

Такъ это было въ первое время дѣятельности Гоголя. Мы увидимъ, что и до конца ея онъ не пріобрѣлъ другой точки зрѣнія. Съ болѣе зрѣлыми годами, у Гоголя является потребность выяснить себѣ начала той дѣятельности, которая до тѣхъ поръ шла у него только въ силу инстинктивной потребности его поэтической природы; къ этому опредѣленію вызывалъ его успѣхъ его произведеній, ихъ несомнѣнное и для него не вполнѣ понятное дѣйствіе на общество. Но привычки мысли были сдѣланы. Притомъ, отправившись вскорѣ за границу, откуда онъ продолжалъ связи только съ людьми своего первоначальнаго круга, онъ оставался внѣ умственныхъ вліяній, нароставшихъ въ литературѣ, и внѣ непосредственнаго вліянія жизни—такъ что его теоретическія разсужденія остались совершенно на прежней почвѣ. Изъ нихъ потомъ и стали развиваться, безъ всякихъ другихъ внушеній, тѣ странныя мнѣнія, какими Гоголь отличался впослѣдствіи.

[1]) Та же неясность и нерѣшительность обнаруживались и въ литературныхъ мнѣніяхъ Гоголя. Онъ дѣлилъ съ пушкинской школой понятія объ искусствѣ (съ которымъ потомъ онъ впалъ въ свои печальныя заблужденія), дѣлилъ тогда ея литературныя отношенія, имѣлъ однихъ союзниковъ и враговъ. Въ извѣстной статьѣ о „движеніи журнальной литературы“ въ пушкинскомъ «Современникѣ» (1836) онъ ловко и умно разоблачалъ Сенковскаго, онъ не любилъ натянутаго романтизма Кукольника, презиралъ дѣятелей „Сѣверной Пчелы“,—но этими отрицательными взглядами почти и кончалась его журнальная программа... Бѣлинскій высказалъ большое сочувствіе этой статьѣ, но тогда же замѣтилъ неполноту ея взглядовъ. См. Соч., т. II, стр. 269 и слѣд. См. мнѣнія Гоголя о Кукольникѣ — изд. Кулиша, V, 152, 173, 323, еще съ 1832 года; о Сенковскомъ и «Библіотекѣ для Чтенія», въ 1834, — Кулиша, V, стр. 194—195, 225; о Гречѣ и Булгаринѣ, съ 1833 года,—Кулиша, V, стр. 172, 323, 324.

Если онъ сталъ понимать свое отношеніе къ обществу нѣсколько высокомѣрно, какъ отношеніе учителя нравственности, христіанскаго моралиста, то это представленіе мы встрѣтимъ у него еще въ пору «Ревизора», слѣдовательно въ самую свѣжую пору его дѣятельности, и основныя идеи «Переписки» были готовы уже теперь, а въ этой книгѣ онѣ получили только свою окончательную отдѣлку, свою самую рѣзкую форму. Отъ своей основной точки зрѣнія Гоголь шелъ путемъ довольно естественнымъ и логическимъ. Если онъ призванъ исправлять людскіе пороки, если онъ проповѣдникъ нравственности, то ему нужно прежде всего подумать о самомъ себѣ и изучить себя, нужно, чтобы было твердо его собственное убѣжденіе; чтобы осуждать чужіе недостатки и пороки, надо осудить и свои собственные. Путь къ такъ-называемому аскетизму и ко всѣмъ странностямъ «Выбранныхъ Мѣстъ» былъ уже готовъ.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, внимательнѣе всмотрѣвшись въ развитіе понятій Гоголя. Вновь изданный матеріалъ даетъ для этого нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Онъ уже издавна высказывалъ, что чувствуетъ въ себѣ какую-то великую силу, какой не дано другимъ; ожидалъ, что сдѣлаетъ что-то высокое и особенное; это было инстинктивное сознаніе таланта [1]). Но первыя ожиданія были еще неясны, и сначала онъ думалъ удовлетворить своимъ побужденіямъ службой. Только послѣ первыхъ литературныхъ опытовъ для него стало ясно, что его призваніе—литература. И здѣсь онъ думалъ сперва, что можетъ быть ученымъ, педагогомъ, историкомъ, этнографомъ. Его опыты въ этомъ направленіи показали въ немъ довольно плохого ученаго, но обнаруживали несомнѣнныя достоинства художественныя. Наконецъ, поэтическій элементъ его природы взялъ окончательно верхъ надъ всѣми другими интересами, какіе Гоголь себѣ пріискивалъ. Это произошло уже довольно поздно: Гоголь былъ тогда уже авторомъ «Ревизора».

---

[1]) Въ «Авторской Исповѣди» онъ самъ говоритъ: «... Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя *мнѣ всегда казалось*, что я сдѣлаюсь *человѣкомъ извѣстнымъ*, что меня ожидаетъ *просторный кругъ дѣйствій*, и что я *сдѣлаю* даже что-то *для общаго добра*» (изд. Кулиша, III, 499).

Эти слова совершенно справедливы; доказательствомъ могутъ служить его самыя раннія письма, съ пребыванія въ лицеѣ и въ самую первую пору его литературной дѣятельности.

Этотъ извѣстный фактъ чрезвычайно любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ много въ поэтической дѣятельности Гоголя было именно инстинктивнаго и безсознательнаго. Его умъ и фантазія были уже готовы къ творчеству, но онъ еще не зналъ, куда направить ихъ. Онъ бросается на исторію, и съ своими ничтожными средствами, едва прочитавъ нѣсколько переводныхъ учебниковъ, онъ уже составляетъ широкіе планы историческаго труда; едва ознакомившись съ источниками малороссійской исторіи, онъ начинаетъ писать исторію Малороссіи, и бросаетъ, потому что, пока онъ писалъ начало, планъ его выросъ еще шире. Въ его историческихъ статьяхъ нѣтъ настоящихъ историческихъ знаній, но набросаны смѣлыя рельефныя картины; въ исторіи его занимало созданіе живыхъ образовъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи письмо его къ г. Погодину (въ то время онъ съ нимъ много переписывался объ исторіи), отъ 20-го февраля 1833-го года [1]). Тутъ цѣлый рядъ плановъ. Онъ задумывалъ издать какую-то книгу, въ родѣ географическаго сборника для юношескаго чтенія, но дѣло не пошло: «...я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе». Тоска нашла, конечно, потому, между прочимъ, что Гоголь взялся за дѣло ему совершенно чужое и постороннее.

Послѣ педагогіи, онъ жалуется на исторію [2]). «Какъ-то не такъ теперь работается!... Едва начинаю, и что нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, *огромнѣе* объему, то *вдругъ* зиждется *совершенно новая* система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ. До другаго *спокойнѣйшаго* времени!»

Этого времени онъ не дождался, исторія осталась втунѣ, потому что онъ нашелъ наконецъ свое настоящее дѣло. Письмо продолжаетъ такъ: «*Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы*. Изъ глубины души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. *Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи*".

Такъ, наконецъ, Гоголь доходитъ до того, что именно и составляло главный коренной предметъ его безсознательныхъ стрем-

---

[1]) У Кулиша, V, стр. 174—176, оно поставлено подъ 1833-й г. и напечатано не вполнѣ; болѣе полный текстъ въ Р. Арх., 1872.

[2]) Гоголь вообще думалъ, что его занятія *однородны* съ занятіями г. Погодина! См. напр. письмо 1833 г., у Кулиша, V, стр. 166.

леній. Онъ еще и теперь не чувствуетъ, что эта «комедія» именно и мѣшала ему при занятіяхъ педагогіей, заставляла вываливаться изъ рукъ корректурный листокъ, заставляла его посылать «къ чорту» исторію, которою онъ такъ, повидимому, дорожилъ, наводила на него тоску, отбивала отъ работы.

О комедіи онъ разсказываетъ слѣдующее. «Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда (въ Петербургъ), *не выходила изъ головы моей*, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой, толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и *сколько злости, смѣха и соли!*»

Очевидно, что здѣсь были всѣ помышленія писателя. Эта комедія никогда не была кончена Гоголемъ [1]), но въ высшей степени любопытно видѣть, въ этихъ подробностяхъ, ту внутреннюю работу, которая происходила въ Гоголѣ. «Владиміръ 3-й степени» былъ предшественникомъ «Ревизора». Гоголь, едва проживши въ Петербургѣ три-четыре года, уже покидаетъ свою прежнюю поэтическую область, и выбравъ новый кругъ наблюденій, съ удивительной мѣткостью попадаетъ на тѣ предметы, которые были наиболѣе характеристической чертой времени. Комедія должна была вращаться на интересахъ бюрократіи, и «сколько злости, смѣха и соли» уже предвидѣлъ писатель въ ихъ изображеніи. Въ самомъ дѣлѣ, бюрократія едвали когда доходила у насъ до такого могущества, до такой виртуозности, какъ именно въ тѣ времена... Но Гоголь предвидѣлъ трудности своего плана:

«Но вдругъ остановился,—продолжаетъ онъ,—увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что́ изъ того, когда пьеса не будетъ играна: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? *Мнѣ больше ничего не остается*, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что́ комедія безъ правды и злости! Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при *лѣни мыслей.*»

Затѣмъ онъ опять заводитъ съ г. Погодинымъ рѣчь о Бёттигерѣ: «Бёттигера... прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя?... Не будетъ ли еще

---

[1]) О ней—въ «Бесѣдахъ моск. общества росс. словесности», вып. 3, 1871.

чего-нибудь у васъ историческаго, переведеннаго университетскими?..»

Написанъ былъ и явился на сценѣ «Ревизоръ». Извѣстно, какихъ тревогъ стоила Гоголю эта пьеса. Въ «Разъѣздѣ» онъ мастерскими сценами изобразилъ, почти исключительно невѣжественныя, мнѣнія и впечатлѣнія публики, и наконецъ свои высокія понятія объ искусствѣ. Враждебные крики, встрѣтившіе комедію въ публикѣ, глубоко огорчали его. Въ его письмахъ за это время мы находимъ выраженія глубокаго огорченія.

«Мочи нѣтъ,—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1836-го г. къ Щепкину. Дѣлайте съ нею что хотите, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ говорить такъ о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу... Еслибы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаетъ, и не одинъ, а цѣлыя сословія...»

«Ѣду за-границу, там размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники,—пишетъ онъ къ г. Погодину въ маѣ 1836 г. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ-же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ...»

Гоголь какъ будто самъ умаляетъ значеніе своей комедіи,—представляетъ какъ «частное», какъ «случай» то, въ чемъ именно и заключается широкій, типическій смыслъ комедіи, что̀ произвело ея большое и шумное дѣйствіе. Онъ какъ будто хочетъ оправдать свою смѣлость, извинить свою сатиру; мы увидимъ, что онъ дѣйствительно, по своему понятію объ общественныхъ предметахъ, и не предполагалъ за своей комедіей того обширнаго

значенія, какое она пріобрѣтала на самомъ дѣлѣ, по своему вліянію на лучшую часть общественнаго мнѣнія.

Но рядомъ съ этимъ онъ чувствуетъ однако, что въ пріемѣ «Ревизора» выражается характеръ массы общества, степень ея умственнаго развитія, что эта степень очень низменная и жалкая. Его мысли надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, и онъ самъ увидѣлъ бы, что «Ревизоръ» и получилъ такой пріемъ именно потому, что выведено не «частное» и не «случай», а типическое явленіе, указать которое значило указать жалкое состояніе нашей общественности и нашихъ внутреннихъ порядковъ.

Въ другомъ письмѣ отъ мая 1836 г. онъ пишетъ: «Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опороченнаго и оплеваннаго писателя [1]) дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ; грустно, когда видишь, *въ какомъ* еще *жалкомъ состояніи* находится у насъ *писатель*. Всѣ противъ него... И кто же говоритъ? Это говорятъ — опытные люди, которые должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, *признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы*. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы... какъ тогда заговорятъ мои соотечественники!»

Въ концѣ письма уже обозначается тема, на которую теперь направлялись мучительныя мысли Гоголя. «Ѣду разгулять свою тоску, — говоритъ онъ, — глубоко *обдумать свои обязанности авторскія*, свои будущія творенія, и возвращусь... вѣрно освѣженный и обновленный. *Все*, что ни дѣлалось со мною, все *было спасительно* для меня. Всѣ *оскорбленія*, всѣ *непріятности* посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ *на мое воспитаніе*, и нынѣ я *чувствую*, что *неземная воля* направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня» [2]).

Эти слова были написаны ровно за десять лѣтъ до изданія «Выбранныхъ Мѣстъ», написаны Гоголемъ, только-что издавшимъ «Ревизора» и еще не написавшимъ «Мертвыхъ Душъ». Одного

---

[1]) Авторъ разумѣлъ, вѣроятно, нападенія «Сѣверной Пчелы».

[2]) Изд. Кулиша, V, стр. 254—255, 269 и слѣд.

этого письма было бы достаточно, чтобы показать, что въ Гоголѣ вовсе не совершалось такого особеннаго «перелома», какой находили въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» и вооружившіеся противъ него прежніе почитатели, и его собственные піэтистическіе и консервативные друзья. Въ приведенныхъ словахъ были уже всѣ задатки его дальнѣйшихъ мнѣній: человѣкъ, упорно занятый своими идеями, онъ развивалъ ихъ съ страстнымъ увлеченіемъ, и всѣ послѣдующія крайности его становятся понятны. Въ періодъ времени отъ «Ревизора» до «Мертвыхъ Душъ» въ его мнѣнія не вошло никакихъ совсѣмъ новыхъ элементовъ, которые могли бы измѣнить и направить иначе его взгляды въ теоретическихъ вопросахъ: онъ остается съ прежними общественными понятіями,—которыя такъ мало съ самаго начала соотвѣтствовали широкому объему его сатиры,—но эти понятія были таковы, что еслибы онѣ были высказаны Гоголемъ въ литературѣ, какъ высказывались имъ въ письмахъ къ друзьямъ, онѣ безъ сомнѣнія произвели бы то же самое впечатлѣніе въ 1842-мъ, какое произвели въ 1847-мъ году. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствіе было сильнѣе потому, что фактъ былъ слишкомъ неожиданный, заявленія сдѣланы были въ слишкомъ рѣзкой формѣ, съ слишкомъ большой нетерпимостью, и шли отъ писателя, къ которому по его созданіямъ давно привыкли относиться совершенно иначе, предполагать у него совсѣмъ иное теоретическое содержаніе.

Выѣхавши за-границу, Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому отъ іюня 1836 г., изъ Гамбурга, говоритъ о своей внутренней жизни въ слѣдующихъ выраженіяхъ, въ которыхъ уже нельзя не замѣтить съ одной стороны явнаго мистическаго элемента, съ другой—высокаго понятія о самомъ себѣ и своихъ произведеніяхъ, понятія, очень близкаго къ его позднѣйшему, непріятному и иногда, должно сказать правду, довольно нелѣпому высокомѣрію.

«Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, не видимыхъ, не замѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я *что-то* сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. *Львиную силу* чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, чтó такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за

которую (которые) бьють по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалить развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ».

Небрежное отношеніе къ прежнимъ трудамъ тѣмъ болѣе возвышаетъ труды предстоящіе. Онъ положительно считаетъ себя особымъ, избраннымъ человѣкомъ. «О, какой непостижимо изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны были для меня всѣ непріятности и огорченія... Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно *послано свыше*, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на *воспитаніе мое*. Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни»...

Итакъ, если былъ какой-нибудь «переломъ» въ дѣятельности Гоголя, онъ совершился, по его собственнымъ словамъ, въ эпоху «Ревизора». Онъ произошелъ вслѣдствіе непріятностей и огорченій по поводу «Ревизора», и «великой эпохой» было именно то, что Гоголь нашелъ необходимымъ думать о своихъ «авторскихъ обязанностяхъ». Онъ въ первый разъ почувствовалъ необходимость опредѣлить свой образъ мыслей и свое отношеніе къ обществу. Мы увидимъ дальше, какъ онъ опредѣлилъ ихъ.

Съ отъѣзда за границу Гоголь занятъ исключительно «Мертвыми Душами». Въ изданной теперь перепискѣ есть нѣсколько новыхъ упоминаній объ этомъ трудѣ, о которомъ Гоголь постоянно говоритъ какъ о высшей задачѣ своей жизни. Въ письмѣ Жуковскому изъ Парижа, въ ноябрѣ 1863 г., онъ говоритъ: «Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя». Далѣе, онъ намекаетъ на какой-то новый планъ, который остается очень неясенъ: «...Еще новый Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него... божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души». Въ томъ же письмѣ онъ опять говоритъ объ ожидаемой враждѣ соотечественниковъ: «Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! *Кто-то Незримый пишетъ передо мною* могуществен-

нымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни»... [1]).

Очевидно, что Гоголь уже съ этого времени (1836) стоялъ на мистической точкѣ зрѣнія, которую потомъ стали считать въ немъ новой чертой, которую его собственные друзья называли спасительнымъ, нужнымъ «переломомъ». Отъ мысли, что кто-то Незримый пишетъ передъ нимъ могущественнымъ жезломъ, очень нетрудно перейти къ «душевному дѣлу», которое онъ связывалъ потомъ съ своими произведеніями, и ко всѣмъ странностямъ его позднѣйшаго образа мыслей. Словомъ, сущность его мистическихъ и консервативныхъ теорій принадлежитъ не времени около появленія «Переписки», а еще времени «Ревизора».

Такимъ образомъ, во внутреннемъ развитіи Гоголя, собственно говоря, не было никакого «перелома», и мнимая перемѣна, которую увидѣли въ немъ по «Выбраннымъ Мѣстамъ», состояла только въ различныхъ ступеняхъ одного и того же образа мыслей, съ которымъ онъ является при самомъ началѣ своей дѣятельности. До этой книги Гоголь никогда не высказывалъ своихъ теоретическихъ мнѣній, и объ нихъ не имѣли понятія; теперь онъ ихъ высказалъ, и особенно въ рѣзкой, угловатой формѣ, въ минуту особенной экзальтаціи, и книга показалась настоящей измѣной

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько образчиковъ того, въ какомъ тонѣ Гоголь говорилъ о „Мертвыхъ Душахъ“ въ письмахъ къ друзьямъ:

1841, мартъ: онъ сравниваетъ себя съ глиняной вазой — „конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено *сокровище*“.

Тогда же, на простой вопросъ, не можетъ ли онъ прислать статьи для журнала, онъ говоритъ: „Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ (!) позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой *подвигъ* спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для *презрѣннаго* ли (!) журнальнаго пошлаго занятья ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать *непрощаемыя преступленія*“, т.-е. отвлекаться отъ работы надъ „Мертвыми Душами“. Вслѣдъ затѣмъ онъ однако замѣчаетъ: „но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана“. Затѣмъ опять: „обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезнымъ ему со стороны журнала, но что онъ, если у него бьется русское чувство любви къ отечеству (!), онъ долженъ требовать, чтобъ я не давалъ ему ничего“.

1842, мартъ, о своемъ трудѣ: „Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея *непостижимому* странствію). Это больше ничего какъ только *крыльцо* къ тому *дворцу*, который во мнѣ строится“. См. изд. Кулиша, V, стр. 437, 438, 465.

Гоголя его прежнимъ (предполагаемымъ) убѣжденіямъ... Болѣзнь, безъ сомнѣнія, играла роль въ его экзальтаціи; она усилила его религіозность до фанатизма и галлюцинацій, дала его мнѣніямъ піэтистическую окраску; но сущность его взгляда на общественные предметы и собственную дѣятельность всегда была одна и та же. Въ постепенномъ развитіи его мнѣній можно отличить три періода. Въ началѣ, это была чисто поэтическая дѣятельность, слѣдовавшая безсознательно побужденіямъ его таланта, и рядомъ съ тѣмъ усвоеніе общественныхъ взглядовъ отъ его друзей Пушкинскаго круга. Этотъ періодъ кончается «Ревизоромъ». Успѣхъ «Ревизора» и первое столкновеніе съ «невѣжественнымъ» обществомъ произвели на него сильное впечатлѣніе; онъ сталъ думать о своихъ «авторскихъ обязанностяхъ», и при большомъ всегдашнемъ самомнѣніи и всегдашней религіозности понялъ свою дѣятельность какъ исполненіе *свыше* данной задачи. Онъ считаетъ себя учителемъ и пророкомъ, авторскій трудъ свой — священнымъ, великимъ трудомъ; въ немъ уже развивается мистическій піэтизмъ, но чисто поэтическія внушенія еще сопротивляются резонерству, и онъ издаетъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Этимъ заканчивается второй періодъ. Только зоркій глазъ Бѣлинскаго увидѣлъ въ «лирическихъ мѣстахъ» поэмы признаки неблагопріятные. Успѣхъ «Мертвыхъ Душъ» окончательно утвердилъ Гоголя въ тѣхъ мнѣніяхъ о своей роли, какія возъимѣлъ онъ уже давно. Свою авторскую работу онъ считаетъ теперь настоящей «службой», а себя—такъ-сказать государственнымъ моралистомъ: *второй* томъ «Мертвыхъ Душъ» долженъ былъ представить какія-то откровенія личной и государственной нравственности. Между тѣмъ, отчасти неувѣренный въ своемъ знаніи русскаго общества, немного забытаго въ «прекрасномъ далекѣ», отчасти «подталкиваемый друзьями» (нетерпѣвшими новой литературы), Гоголь издалъ «Выбранныя Мѣста», гдѣ высказалъ свою общественную философію съ высокомѣріемъ и нетерпимостью фанатика и избалованнаго человѣка, со всѣми крайностями своей мистической религіи и узкаго, довольно нелѣпаго консерватизма. Ошибку свою онъ вскорѣ понялъ, но исправить ее былъ уже не въ состояніи; резонерство уже подавляло его поэзію, и второй томъ «Мертвыхъ Душъ» остался нерѣшеннымъ вопросомъ...

Таковы были общія черты исторіи Гоголя; обратимся къ подробностямъ.

Отправившись разгулять тоску, опечаливаясь враждой и невѣжествомъ соотечественниковъ, обдумывая свои авторскія обязанности, работая надъ новымъ произведеніемъ, Гоголь, повидимому,

ни разу не подумалъ о томъ, откуда же идетъ это невѣжество и какъ слѣдуетъ къ нему относиться. Невѣжество было несомнѣнно, и конечно прискорбно; но можно было видѣть, что оно началось не со вчерашняго дня, и что вѣроятно есть какія-нибудь сильныя причины, которыя поддерживали такое положеніе вещей. Гоголь скорбѣлъ, что соотечественники не понимали обличенія общественныхъ недостатковъ; но онъ не видѣлъ, что это общество, возстававшее противъ него, было въ конецъ испорчено, и что причина порчи заключается не въ однихъ недостаткахъ частныхъ лицъ, но въ самыхъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта. Гоголь не видѣлъ, что онъ могъ бы не огорчаться враждой *этого* общества, что эту вражду могло бы перевѣсить горячее сочувствіе другой части общества, для которой его сатира являлась началомъ нравственнаго освобожденія, и для которой одной, собственно говоря, сатира его имѣла свое поэтическое и воспитывающее значеніе. Къ сожалѣнію, Гоголь и впослѣдствіи не видѣлъ, что въ обществѣ уже началось раздвоеніе, что возникали новыя понятія объ общественныхъ порядкахъ,—и нелѣпымъ образомъ сталъ даже нападать на своихъ почитателей... Мы видѣли, что его собственныя представленія объ общественныхъ порядкахъ были очень ограниченныя; онъ изображалъ явленія, не понимая ихъ причинъ, и теперь, когда онъ сталъ обдуманно выбирать свой путь для дѣйствія на общество, онъ выбралъ путь странный и невозможный. Не думая объ общихъ основаніяхъ жизни,—даже находя ихъ настоящимъ совершенствомъ,—Гоголь предполагалъ, что все дѣло только въ объясненіи людямъ истинной, христіанской нравственности. Онъ думалъ въ своихъ произведеніяхъ достичь именно этой цѣли, привести каждаго къ личному исправленію, и ему казалось, что тогда все будетъ сдѣлано, и все будетъ хорошо: исправится личная нравственность, и чиновники не будутъ брать взятокъ, судьи справедливо судить, помѣщики благодѣтельствовать крестьянъ и т. д. Ему не приходило въ голову, что отъ взятокъ и произвола чиновниковъ можно избавиться только измѣненіемъ самой администраціи и предоставленіемъ обществу какой-нибудь самостоятельности; что справедливаго суда можно было достигнуть только введеніемъ хорошихъ судебныхъ учрежденій и порядковъ, что для устройства крестьянъ надо было прежде всего освободить ихъ отъ помѣщиковъ и т. д. Иначе, вся проповѣдь нравственности уподоблялась бы проповѣди извѣстнаго повара коту-васькѣ, и по всей вѣроятности, столько же была бы успѣшна. Въ перепискѣ Гоголя не находится и слѣда, чтобы мысль его когда-нибудь принимала такое направленіе.

Къ счастію, въ эти годы (1836—42) поэтическая сила Гоголя была еще такъ велика, что ее не могло останавливать и совращать съ пути начинавшееся мистическое резонерство. Его фантазія еще сохранила свою независимость и подъ его перомъ создавались картины русской жизни, изумительныя по своему поэтическому значенію и по своей *вѣрности*.

Въ 1842 вышли «Мертвыя Души». Извѣстно, съ какимъ восторженнымъ сочувствіемъ книга была встрѣчена въ литературѣ. Гоголю надо было не понимать тогдашняго положенія литературы, чтобы много заботиться о нападеніяхъ, которыя шли только отъ Полеваго, Сенковскаго, «Сѣверной Пчелы». Тѣ партіи, между которыми уже начало тогда дѣлиться господство въ литературѣ, приняли книгу Гоголя съ одинаковымъ сочувствіемъ и восхищеніемъ. Три разные лагеря считали Гоголя своимъ, и его успѣхъ— успѣхомъ своей партіи или своихъ мнѣній. Во-первыхъ, его друзья, знавшіе подноготную его личной жизни и его труда: Плетневъ, Жуковскій, кн. Вяземскій и проч. Плетневъ помѣстилъ въ своемъ «Современникѣ» статью [1]), которая была одной изъ лучшихъ статей, явившихся тогда въ защиту и объясненіе «Мертвыхъ Душъ». Начинавшійся славянофильскій кружокъ принялъ Гоголя съ тѣмъ же чувствомъ: семья и кружокъ Аксаковыхъ восхищался Гоголемъ; «Москвитянинъ» помѣстилъ хвалебную (хотя нелѣпую) статью Шевырева; Константинъ Аксаковъ издалъ особой брошюрой настоящій панегирикъ, извѣстный сравненіемъ Гоголя съ Гомеромъ, — и почему-то непринятый г. Погодинымъ въ «Москвитянинъ». Наконецъ, для Бѣлинскаго и его цѣлаго круга «Мертвыя Души» были многозначительнымъ явленіемъ, утверждавшимъ въ литературѣ новую эпоху.

Изъ этого всеобщаго сочувствія Гоголь, повидимому, извлекъ очень немного для своихъ теоретическихъ мнѣній; напротивъ, онъ, кажется, еще сильнѣе двинулся на ту дорогу, которая грозила самой серьёзной опасностью его поэтической дѣятельности. Онъ уже начинаетъ усиленно доспрашиваться у своихъ друзей и знакомыхъ искренняго мнѣнія объ его книгѣ, доискивается въ особенности осужденій, предполагая найти въ нихъ самую настоящую правду, всего больше интересуется ими и въ печати. Напротивъ, онъ повидимому очень мало замѣтилъ то, что было сказано его защитниками и поклонниками новаго литературнаго на-

---

[1]) Онъ скрылъ свое имя подъ буквами С. Ш. и подписью «Житомиръ»; онъ хотѣлъ этимъ устранить отъ статьи личное нерасположеніе къ нему его литературныхъ противниковъ.

правленія. Можно думать даже, что къ нему уже въ это время перешло предубѣжденіе противъ направленія Бѣлинскаго, господствовавшее между его друзьями Пушкинскаго круга. Изъ его писемъ не видно, чтобы взглядъ Бѣлинскаго былъ имъ оцѣненъ...

Въ отзывахъ Бѣлинскаго, кромѣ всего ихъ тона, одна подробность не сходилась между прочимъ съ отзывами другихъ панегиристовъ и защитниковъ Гоголя. Бѣлинскій обратилъ вниманіе на извѣстныя «лирическія мѣста» и высказался противъ нихъ: онъ угадывалъ, что есть въ нихъ что-то ложное, и дѣйствительно, «лирическія мѣста» были отчасти отголоскомъ тѣхъ мнѣній Гоголя, которыя онъ собралъ потомъ въ цѣлую систему въ «Перепискѣ».

Съ появленіемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь начинаетъ заботиться о продолженіи труда. Въ «Авторской Исповѣди» и въ нѣсколькихъ письмахъ о «Мертвыхъ Душахъ» (въ «Выбранныхъ Мѣстахъ изъ переписки»), Гоголь самъ собираетъ и разсказываетъ всѣ тѣ недоумѣнія, которыя имъ овладѣвали, тѣ мысли, къ которымъ онъ приходилъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать только непосредственнымъ внушеніямъ своего таланта, онъ всю заботу полагаетъ теперь на то, чтобы *теоретически* опредѣлить своему труду планъ, дать ему цѣль, разсчитать его дѣйствіе. Эти теоретическія опредѣленія стоили ему величайшихъ усилій, и понятно, что поэтическая свобода исчезла, и что въ его трудъ неизбѣжно должны были войти внѣшнія соображенія, посторонніе разсчеты. Гоголь необходимо долженъ былъ явиться передъ публикой не такъ, какъ прежде — независимымъ поэтомъ, но долженъ былъ выдти въ роли мыслителя, теоретика. Понятно, что для *этой* роли онъ не могъ найти *права* въ своей поэзіи; что его теорію должно было судить по ея доказательствамъ, по ея критикѣ... Что́ же привело Гоголя къ его теоретическимъ вопросамъ? Причины этой тревожной заботливости надо искать въ различныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего, въ религіозныхъ сомнѣніяхъ. Религіозность Гоголя теперь больше и больше усиливалась, и онъ тѣмъ больше сталъ бояться соблазна въ тѣхъ урокахъ, которые думалъ давать людямъ въ своихъ произведеніяхъ. Съ другой стороны, онъ, кажется, отвыкалъ отъ русской жизни. Въ 1836 году, проживши нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, Гоголь замѣчаетъ, что провинція «уже слабо рисуется въ его памяти». Повидимому, теперь и многое другое стало рисоваться слабѣе, и Гоголь, живя за-границей, ради своего нездоровья, и вообразивъ, что можетъ писать о Россіи только въ Римѣ, старается, съ наивной серьёзностью, подкрѣпить свои воспоминанія о русской

жизни тѣми свѣдѣніями, какихъ онъ сталъ просить теперь у своихъ пріятелей. Наконецъ,—и это одно изъ самыхъ сильныхъ побужденій, какія являлись въ это время у Гоголя,—онъ сталъ думать, что его «Мертвыя Души» должны стать для русскаго общества своего рода кодексомъ морали, личной и гражданской нравственности. Въ успѣхѣ «Мертвыхъ Душъ» онъ увидѣлъ указаніе, что всякое слово, сказанное имъ, будетъ убѣдительно, и что теперь именно пришло ему время явиться въ роли учителя и «пророка». Онъ думалъ, что теперь именно онъ можетъ исполнить свою «службу» и вообразилъ себя чѣмъ-то въ родѣ государственнаго моралиста. Такому моралисту конечно неприлично заниматься однимъ глумленіемъ; консервативные друзья внушали, что его смѣхъ можетъ быть вреденъ, что русская жизнь представляетъ и свои свѣтлыя, высокія стороны, и Гоголь рѣшилъ (немного заднимъ числомъ), что первый томъ его занятъ смѣшными и мрачными сторонами русской жизни, а второй представитъ ея высокія и идеальныя стороны.

Между тѣмъ его мистицизмъ развивался больше и больше, не встрѣчая никакой сдержки со стороны его друзей; онъ уже съ 1842 года и раньше принимаетъ тонъ наставника и «руководителя душъ». По мѣрѣ того, какъ усиливался піэтизмъ, тонъ его становится повелительнѣй и высокомѣрнѣе. «Мертвыя Души» шли туго; въ 1845 онъ сжегъ второй томъ, вѣроятно не съумѣвши соединить въ немъ своей поэзіи и своей государственной морали. Между тѣмъ, ему, кажется, хотѣлось скорѣе дать обществу свои уроки, попробовать на немъ свою силу, — и съ другой стороны вызвать книгой отзывы самого общества, которые онъ считалъ нужными для своей работы. Въ 1846 году онъ рѣшился издать «Переписку». Въ немъ уже окончательно созрѣло убѣжденіе, что его «дѣло — душа и прочное дѣло жизни», что онъ «рожденъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ произвесть эпоху въ области литтературной». Намѣреваясь дать своимъ читателямъ «прощальную повѣсть», онъ утверждалъ, что «долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу: строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространяется какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ *поученье* людямъ».

«Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ друзьями» — такая странная книга, что все еще любопытно изслѣдовать, какъ могъ дойти до изданія ея писатель, стоявшій во главѣ нашей литературы. Этотъ писатель въ одно прекрасное утро явился передъ публикой съ отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ произведеній, съ осужденіемъ тѣхъ, кто ими увлекался, съ высокомѣрной, надутой

проповѣдью, наполненной темнымъ мистицизмомъ, при которомъ онъ не считалъ неприличнымъ и нѣсколько выраженій, порядочно площадныхъ. Гоголь издалъ книгу, убѣдившись, по его словамъ, что его письма приносили людямъ гораздо больше пользы, чѣмъ его сочиненія.

«Переписка» Гоголя есть не только любопытный фактъ его личной исторіи, но и фактъ въ исторіи нашей общественной мысли. Въ личности Гоголя столкнулись два стремленія, двѣ стороны этой мысли: его инстинктъ велъ его по той дорогѣ, гдѣ были истинные задатки общественнаго самосознанія и лучшіе интересы нашей образованности; но по своимъ понятіямъ, полученнымъ въ средѣ его друзей, онъ всего меньше сочувствовалъ этимъ интересамъ, былъ, какъ его друзья, консерваторомъ самаго незамысловатаго рода и поклонникомъ оффиціальной народности. По свойствамъ образованія своего, Гоголь не въ состояніи былъ выбиться изъ понятій своей среды и кончилъ тѣмъ, что возсталъ противъ того, чтó было истинно великимъ дѣломъ его жизни; онъ приходилъ къ нравственному самоубійству. Мы указывали выше, какъ «Ревизоръ», «Мертвыя Души» были приписываемы себѣ тремя различными кружками литературы; за «Переписку» стоялъ только одинъ изъ нихъ, кружокъ его собственныхъ друзей, бывшій кружокъ Пушкина. Химическое сродство обнаружилось.

Дѣйствительно, книга не была только личнымъ дѣломъ Гоголя, и не лежала только на его исключительной отвѣтственности: она, косвенно, выражала мнѣніе цѣлаго класса людей, можно сказать, цѣлой партіи. Гоголь особенно любилъ входить въ отношенія съ людьми аристократическаго круга, оказывая, по выраженію Павлова, «особенное радушіе и самую человѣколюбивую склонность къ такъ-называемымъ свѣтскимъ людямъ» [1]), и должно къ сожалѣнію сказать, что своей книгой онъ давалъ критикамъ поводъ указывать, кромѣ страннаго піэтизма, и на слишкомъ одностороннее направленіе его сочувствій въ предметахъ общественныхъ.

Вѣроятно, бóльшая часть писемъ, заключающихся въ «Выбранныхъ Мѣстахъ», писалась къ этимъ свѣтскимъ людямъ, муж-

[1]) Павловъ находитъ эту склонность «знаменательной», положившей отличительную печать на всю книгу Гоголя. „Можетъ быть, повѣсть ваша (т.-е. прощальная повѣсть)— говоритъ онъ въ письмѣ къ Гоголю—займется однимъ ихъ спасеніемъ. И это понятно, и это извинительно: они кружатся среди міра, въ вихрѣ соблазновъ и прельщеній... чье сердце не возскорбитъ о жертвахъ суеты? Кому не захочется избавить ихъ отъ этой напасти? Кто, истративъ на нихъ всѣ драгоцѣнности своей любящей души, не позабудетъ другихъ, *не свѣтскихъ* существъ, и не станетъ отзываться объ нихъ съ такимъ пренебреженіемъ, какимъ наполнены всѣ ваши письма?“

чинамъ и дамамъ; письма писались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и по мнѣнію Гоголя, приносили пользу, и притомъ гораздо больше, чѣмъ приносили его сочиненія. Очевидно, письма не встрѣчали возраженій, — едва ли бы Гоголь сталъ печатать вещи, подвергнутыя спору и опровергаемыя; что возраженій не было, объ этомъ можно судить и по тому рѣшительному, проповѣдническому тону, который наконецъ выработалъ себѣ авторъ писемъ. Когда Гоголь требовалъ свои письма у корреспондентовъ для помѣщенія ихъ въ эту коллекцію, очевидно никто не дѣлалъ никакихъ замѣчаній по этому поводу, напр. о какомъ-нибудь несогласіи съ авторомъ, неудобствѣ его совѣтовъ, рѣзкости тона и т. п. Когда Гоголь, составивши сборникъ, высылалъ его для печатанія въ Петербургъ, его тамошніе друзья, первые ознакомившіеся со всѣмъ страннымъ характеромъ книги, не думали остановить Гоголя отъ поступка, во всякомъ случаѣ слишкомъ поспѣшнаго, отъ публикаціи, ошибки которой онъ самъ потомъ ясно увидѣлъ... Гоголь даже прямо упоминалъ потомъ о «подталкиваньяхъ» его друзей. Они безпрекословно отпечатали рукопись Гоголя, находили книгу въ порядкѣ вещей, полезной и даже необходимой...

Изданіе держалось въ большомъ секретѣ, но слухи о новой книгѣ Гоголя быстро распространились; даже московскіе друзья Гоголя испугались ихъ [1]). Появленіе ея произвело не только въ кружкѣ Бѣлинскаго, но и въ кружкѣ Аксаковыхъ чувство негодованія и печали о погибающемъ талантѣ. Явились статья Бѣлинскаго въ «Современникѣ», письма къ Гоголю Н. Ф. Павлова, и пр. и пр.

Какъ приняли книгу Гоголя ближайшіе его друзья? Повидимому, Жуковскій только былъ въ ней чѣмъ-то невполнѣ доволенъ,—конечно частностями. Плетневъ, въ маѣ 1847, когда уже многое было высказано въ печати по поводу «Переписки», пишетъ къ Жуковскому: «Въ книгѣ Гоголя я не нахожу такихъ ошибокъ, какія вамъ представляются. Она только *оригинальна* какъ самъ Гоголь и *все*, имъ издаваемое. Наша публика конечно не привыкла къ такимъ явленіямъ и потому приведена въ *недоумѣніе* [2]). Но *благо*, ею произведенное, не двусмысленно. Я

[1]) С. Т. Аксаковъ говоритъ: „Въ концѣ 1846 года... дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается „Переписка съ Друзьями"; мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я *пришелъ въ ужасъ* и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени". Зап. о жизни Гоголя, II, стр. 95.

[2]) Плетневъ ошибался; недоумѣнія о *содержаніи* книги не было у людей, имѣвшихъ опредѣленный взглядъ на вещи, у Бѣлинскаго, у Павлова, даже у Аксаковыхъ; недоумѣніе было развѣ только о томъ, *какъ* человѣкъ могъ дойти до подобнаго содержанія.

знаю многихъ, которые *восхищены* этою новостью». Плетневъ находитъ только недостатки въ языкѣ: «Не думаю, чтобы когда-нибудь дошелъ онъ до той исправности въ выраженіяхъ, которая отличаетъ школу Карамзина отъ новѣйшихъ русскихъ писателей»...

Итакъ, книга была хоть куда. Жуковскій, хотя и находилъ въ ней нѣкоторые недостатки, но и онъ былъ въ полномъ удовольствіи отъ статьи кн. Вяземскаго, написанной въ защиту Гоголя. «Статью твою о Гоголевой книгѣ — пишетъ Жуковскій къ кн. Вяземскому въ іюлѣ 1847 — я читалъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Многое даже меня глубоко тронуло... Мастерски написанная статья. Вотъ истинная критика».

Статья кн. Вяземскаго [1]) изображала книгу Гоголя именно какъ переломъ въ его дѣятельности, и притомъ нужный переломъ. Эта статья является именно какъ мнѣніе ближайшихъ друзей Гоголя, какъ объясненіе ихъ общаго взгляда на его литературную дѣятельность, и потому любопытно прослѣдить ея главнѣйшія положенія.

«*Она была нужна,*—говоритъ критикъ словами самого Гоголя. Это лучшая похвала книгѣ. Такъ нуженъ былъ *переломъ*. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая *невольно*, но не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ, дала *пагубное* направленіе». Авторъ винитъ въ этомъ и самого Гоголя, а главное — его почитателей, на которыхъ и обрушиваетъ все негодованіе. На Гоголѣ, по его мнѣнію, лежала обязанность открыто и торжественно разорвать «съ частью своего прошедшаго»—или съ тѣмъ, чтó ему придали его поклонники и подражатели. Самъ по себѣ, Гоголь великое дарованіе, онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ, но — «какъ родоначальникъ *школы*, во чтó хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже *вреденъ*». Самъ по себѣ, его голосъ имѣлъ полезное значеніе, но поклонники его все испортили. Гоголь рано или поздно долженъ былъ «опомниться», и на его крутой поворотъ, который теперь столькихъ людей удивилъ и «сбилъ съ толку», всего больше подѣйствовали его *бѣшеные приверженцы*. Отъ своихъ хулителей, людей безвкусныхъ, Гоголь не могъ научиться ничему; онъ оставилъ безъ вниманія брань, но чрезмѣрныя и ложныя похвалы не могли не навесть унынія на него. «Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфою и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей многіе непризванные писа-

---

1) „Языковъ. Гоголь“, въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, 1847, № 90 и 91, 24 и 25 апрѣля.

тели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ». Гоголю должны были опротивѣть его творенія. Въ похвалахъ и идолопоклонствѣ, которыхъ онъ былъ предметомъ, были вещи, которыя должны были неминуемо «растревожить и напугать его здравый умъ и добросовѣстность». «Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то *черное* литературное знамя (?!). Такимъ образомъ съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю *честному* не осыпать головы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непризванными и непризнанными [1]) руками? Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же *круто своротилъ* съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ. Теперь, оторопѣвъ, они не знаютъ за что и приняться. Конечно, положеніе ихъ непріятно и забавно. Но что же дѣлать? Сами накликали и накричали они бѣду на себя».

Фактъ изложенъ здѣсь не совсѣмъ точно. Литературное направленіе, съ котораго «своротилъ» Гоголь, вовсе не было въ такомъ отчаянномъ положеніи. У людей этого направленія не было колебаній; они высказались о книгѣ Гоголя очень скоро и самымъ категорическимъ образомъ, потому что смыслъ и теоретическія нити новой книги Гоголя были для нихъ довольно ясны: статья Бѣлинскаго о «Выбранныхъ Мѣстахъ» появилась въ первой послѣдовавшей книгѣ его журнала; затѣмъ письма Павлова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Обѣ эти вещи были такого рода, что едва ли не всего больше заставили оторопѣть самого автора «Выбранныхъ Мѣстъ»...

Далѣе, авторъ статьи не удивляется, что «Гоголь попалъ въ руки литературнымъ шарлатанамъ», но удивляется, какъ даже умные и добросовѣстные судьи сбились съ пути благоразумія въ оцѣнкѣ трудовъ Гоголя. Это — славянофилы. Авторъ не понимаетъ, какъ могли увлекаться Гоголемъ люди, которые отказываются отъ чужеземнаго вліянія и хотятъ, чтобы мы напротивъ

[1]) Непризванными и непризнанными — кѣмъ?

или своимъ путемъ, росли въ своихъ началахъ [1]), потому что картины *своего* у Гоголя мрачны и грустны. Самъ авторъ статьи дѣлаетъ слѣдующее любопытное и справедливое признаніе: «Онъ преслѣдуетъ, онъ за живое задираетъ *не однѣ* наружныя и прививныя болячки: нѣтъ, онъ *проникаетъ въ глубь*, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію». (Авторъ не видѣлъ только, что здѣсь-то и было могущественное вліяніе Гоголя,—оно могло причинять скорбь, но вмѣстѣ и возбуждало къ исканію иного, лучшаго порядка идей и вещей).

Авторъ признаетъ, что такой взглядъ, какъ личный и отдѣльный взглядъ, можетъ имѣть нѣкоторую вѣрность, хотя условную и одностороннюю,— но сдѣлать изъ него цѣлое воззрѣніе, основаніе цѣлаго направленія—значитъ придти къ хаосу противорѣчій и ложныхъ выводовъ.

Этотъ хаосъ, по его мнѣнію, и разрѣшается книгой Гоголя.

Впрочемъ авторъ находитъ, что были нѣкоторые недостатки въ книгѣ Гоголя. «Переломъ былъ нуженъ, но, можетъ быть, не такой внезапный и крутой,» — собственно по неразвитости публики и критиковъ. «Самая истина, если хочетъ доходить до насъ, должна подчинять себя нѣкоторымъ условіямъ, соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости, щадить наше упрямство, наши слабости и дурныя привычки». По мнѣнію автора, многихъ разсердило также то, что книга была для нихъ совершенно неожиданна. «Уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ началось въ Гоголѣ *духовное преображеніе.*» Объ этомъ знали только нѣкоторые *пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей.* Для нихъ появленіе книги Гоголя—совершеніе ожиданнаго событія.» Книга застала публику и критику въ расплохъ. «Вообще журнальная критика по поводу новой книги Гоголя явила странныя требованія. Казалось ей, будто она и мы всѣ имѣемъ крѣпостное право надъ нимъ, какъ будто онъ приписанъ къ такому-то участку земли, съ которой онъ не воленъ былъ сойти. На эту книгу смотрѣли какъ на возмущеніе, на изъявленіе предательства и неблагодарности»... Авторъ «Выбранныхъ

---

[1]) Авторъ не принялъ въ соображеніе, что для славянофиловъ изображеніе отрицательной стороны русской жизни было также аргументомъ въ защиту ихъ мнѣній: у нихъ не было никакого пристрастія къ *той* Россіи, которую изображалъ Гоголь. Кромѣ того, они не были вовсе нечувствительны къ художественной правдивости и силѣ произведеній Гоголя.

Мѣсть» изливаетъ свои сокровеннѣйшія тайны и страданія, а его самопроизвольно судятъ, разбираютъ, такъ ли онъ плачетъ, не противорѣчитъ ли онъ себѣ — «какъ будто скорбь можетъ всегда разсчитывать слова свои.» Авторъ статьи впрочемъ не хочетъ и говорить о тѣхъ критикахъ, «о которыхъ говорить нечего», а обращается къ тѣмъ судьямъ, на мнѣніе которыхъ должно обратить вниманіе. И изъ нихъ многіе погрѣшили недостаткомъ справедливости: «Гоголь только тѣмъ предъ вами и виноватъ, что вы не такъ мыслите, какъ онъ. Мы чувствуемъ и толкуемъ о независимости, о свободѣ понятій, а въ насъ нѣтъ даже и терпимости. Кто только мало-мальски несовершенный нашъ единомышленникъ... мы готовы закидать его каменьями.» (Авторъ забылъ, что недостатокъ терпимости показанъ былъ прежде всего самимъ Гоголемъ, потому что «Переписка» далеко не отличалась «терпимостью», а напротивъ крайней заносчивостью и не совсѣмъ въ хорошую сторону,—и эта заносчивость впередъ оправдывала его критиковъ).

Авторъ соглашается однако самъ, что ошибки были, что переломъ былъ слишкомъ «крутъ», что, напр., «завѣщаніе» было не совсѣмъ умѣстно, что практическія мнѣнія Гоголя не совсѣмъ основательны... «Практическій человѣкъ (въ Гоголѣ) отсталъ. Взглядъ его не всегда свѣтелъ и вѣренъ. Когда дѣло идетъ о житейскомъ, онъ не всегда прямо глядитъ ему въ лицо, а съ угла умозрительной точки, какъ, напримѣръ, въ письмахъ: *Русскій помѣщикъ, сельскій судъ и расправа*, а частью и въ другихъ письмахъ. Не все то сбыточно, что́ желательно. Недостаточно написать прекрасныя идилліи и мечтательные проекты о неразрывномъ мирѣ, чтобы возвратить золотой вѣкъ на землѣ.» Авторъ считаетъ и мнѣнія Гоголя объ Одиссеѣ «благонамѣреннымъ мечтаніемъ».

Вообще, однако, авторъ статьи находитъ, что если и есть недостатки въ книгѣ Гоголя, они искупаются ея общимъ достоинствомъ; это—«не что иное какъ *соринки*, которыя легко смести однимъ движеніемъ пера. Но цѣлое есть чистая, свѣтлая храмина.» Авторъ сравниваетъ ее съ извѣстной книгой Сильвіо Пеллико объ обязанностяхъ человѣка, и духовное состояніе Гоголя таково, что человѣку, не исключительно преданному суетнымъ потребностямъ, нельзя не позавидовать этому состоянію. — Но на вопросъ, надо ли желать, чтобы Гоголь совсѣмъ оставилъ прежнюю дорогу, шелъ далѣе исключительно по своей новой дорогѣ, авторъ отвѣчаетъ: «Скажу не запинаясь: нѣтъ! Я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголомъ и нынѣшнимъ можетъ послѣдовать и

послѣдуетъ прекрасная сдѣлка, полезная мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка: теперь пусть умѣритъ и умиритъ въ себѣ автора. Пускай передастъ онъ намъ все нажитое имъ въ эти послѣдніе годы въ сочиненіяхъ,.. чуждыхъ этой исключительности, этого ожесточенія, съ которыми онъ донынѣ преслѣдовалъ пороки и смѣшныя слабости людей, не оставляя нигдѣ добраго слова на миръ, нигдѣ не видя ничего отраднаго и ободрительнаго. Гоголь во многихъ мѣстахъ книги своей кается въ *безполезности* всего написаннаго имъ: это невѣрно. Написанное имъ не *безполезно*, а напротивъ, принесло свою пользу; но оно частью *вредно*, потому что многими было худо понято и употреблено во зло. Онъ первый, особенно «Мертвыми Душами», далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, желчной... Всѣ за нимъ, надбавляя надъ подлинникомъ, бросились унижать, безобразить человѣка и общество, злословить ихъ, доносить на нихъ»...

Итакъ, авторъ статьи совершенно подтверждалъ и одобрялъ отреченіе Гоголя отъ прежнихъ произведеній; и солидарность Гоголя съ друзьями была заявлена несомнѣнно [1])... Не знаемъ, весело ли было петербургскимъ друзьямъ Гоголя увидѣть, что защиту «Переписки» одно время взяла на себя «Сѣверная Пчела»: она также хвалила книгу и радовалась, что самъ Гоголь подтверждалъ теперь ея давнишнее мнѣніе о ничтожествѣ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора»... [2]). Но авторъ статьи «Спб. Вѣдомостей» нѣсколько ошибался въ своихъ надеждахъ на переломъ. На *новой* дорогѣ талантъ очевидно покидалъ Гоголя, и Гоголь еще не совсѣмъ покинулъ *старую,* истинную, дорогу своего таланта; мы увидимъ дальше, что онъ еще не покончилъ съ «пагубнымъ» направленіемъ и имѣлъ случай убѣждаться въ ошибочности мнѣній «Переписки».

Дальше мы укажемъ любопытное письмо Гоголя по поводу этой статьи. Книга, такимъ образомъ, для обѣихъ сторонъ дѣлалась полемъ битвы, гдѣ два направленія встрѣтились уже съ открытой враждой. Но прежде, чѣмъ слѣдить далѣе за этимъ столкновеніемъ, возвратимся къ самой книгѣ, — именно къ тѣмъ письмамъ, которыя не вошли въ первоначальное изданіе по цензурнымъ причинамъ и были напечатаны только не такъ давно. Онѣ тѣмъ любопытнѣе, что ближе раскрываютъ именно общественные взгляды Гоголя. Выше указано, каковы эти взгляды были

---

[1]) Новѣйшее подтвержденіе того же см. въ «Р. Арх.», 1866, стр. 1081—82.

[2]) „Сѣверная Пчела“ и Сенковскій терпѣть не могли „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“.

съ самаго начала. Теперь, ко времени изданія «Выбранныхъ Мѣстъ», они въ сущности своей нисколько не измѣнились, но стали значительно рѣзче и опредѣленнѣе, и Гоголь, прежде никогда о нихъ не считавшій нужнымъ и говорить, теперь возвращается къ нимъ нѣсколько разъ, и въ выраженіяхъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія.

Въ письмѣ о лиризмѣ нашихъ поэтовъ Гоголь словами Пушкина объясняетъ свои политическія понятія. «Какъ вообще Пушкинъ былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни»,—замѣчаетъ Гоголь и приводитъ слова его, опредѣляющія значеніе полномощнаго монарха. «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ,—чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь (!); нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: *много*, *много*, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? *Мертвечина*. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и *выѣденнаго яйца* не стоитъ», и т. д. Нельзя не видѣть, что политическое устройство Россіи, опредѣляется здѣсь слишкомъ произвольно, и сравненіе съ Соединенными Штатами, употребленное какъ доказательство, болѣе чѣмъ неудачно. Гоголь принялъ изреченіе Пушкина буквально и не прибавилъ къ нему никакого своего аргумента, болѣе основательнаго. Они оба зашли, кажется, дальше, чѣмъ сами высшія сферы того времени, потому что, какъ говорятъ, эти послѣднія хорошо видѣли разницу положенія и отдавали больше справедливости Соединеннымъ Штатамъ. Понятно, что при этомъ Гоголь былъ ревностнымъ почитателемъ status quo во всѣхъ подробностяхъ его теоріи (нѣкоторые практическіе недостатки онъ видѣлъ, и объяснялъ ихъ по-своему), и полагалъ даже, что Европа придетъ къ намъ учиться. Въ статьѣ «Страхи и ужасы Россіи», писанной къ какой-то графинѣ, Гоголь утверждаетъ: «Въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо (!) образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости (!),

которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ»... [1]). Въ письмѣ къ гр. А. П. Т—му (1845), Гоголь такъ разсуждаетъ о тѣхъ недостаткахъ, которые онъ видѣлъ все-таки въ нашей администраціи. Это разсужденіе наивно до послѣдней степени. «Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о *всѣхъ должностяхъ*, какія *ни есть* въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что имъ слѣдуетъ быть, *всѣ до единой* какъ бы свыше созданы для насъ (!), съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на *всѣ* потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ отъ *того*, что *всякъ*, какъ бы наперерывъ, старался или разрушать предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, *даже честный и умный человѣкъ* (!), старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и себя и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но *секретарей* позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ сыграть роль посредника между начальникомъ и подчиненнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать» и проч. Въ этомъ Гоголь и видитъ всю бѣду, совпадая съ мнѣніемъ Акакія Акакіевича, что секретари ненадежный народъ.

Съ такимъ немудренымъ запасомъ общественной философіи вышелъ Гоголь изъ своихъ размышленій, бесѣдъ съ друзьями, переписки съ корреспондентами, и съ этимъ запасомъ онъ считалъ возможнымъ явиться передъ обществомъ въ роли строгаго учителя. Не будемъ перечислять другихъ образчиковъ ея, разсѣянныхъ въ «Перепискѣ»,—этихъ странныхъ наставленій копить деньги и дѣлить ихъ на кучки, говорить мужику: «неумытое рыло», и т. д., и т. д. Все это друзья благословляли его печатать; все это они считали «нужнымъ» и «полезнымъ переломомъ», хотя «нѣсколько крутымъ»!

У Гоголя не видимъ мы и признака мысли о тѣхъ общественныхъ вопросахъ, которые уже довольно ясно представлялись образованнымъ людямъ того времени, и на которые обратила вниманіе даже строго-консервативная высшая сфера. Гоголь настаиваетъ только на авторитетѣ, а всѣ недостатки, какія видѣлъ въ

---

[1]) Ср. также, по поводу этихъ мнѣній Гоголя, письмо его къ Жуковскому, отъ апрѣля 1839.

теченіи дѣлъ, сваливаетъ на исполнителей, хотя бы это были даже «честные и умные люди». У него нѣтъ и мысли о возможности улучшенія самыхъ учрежденій, объ измѣненіи въ отношеніяхъ сословій, о воспитаніи въ обществѣ бо̀льшей моральной и гражданской самодѣятельности. То̀, чѣмъ исполнены были умы и сердца лучшихъ людей того времени, что̀ впослѣдствіи стало основаніемъ общественнаго преобразованія, это было ему совершенно чуждо,— онъ ничего не читалъ и не слышалъ объ этомъ; взамѣнъ того, онъ проповѣдуетъ старую, безжизненную мораль, созданную печальными временами и ничтожествомъ общественной жизни. Самъ авторъ статьи «С.-Петерб. Вѣдомостей» не могъ одобрить его крѣпостническо-идеальныхъ разсужденій о «русскомъ помѣщикѣ» и проч... Гоголь не чувствуетъ, какъ странно читать у него же слѣдующія строки о томъ, почему Пушкинъ при жизни не высказывалъ своихъ политическихъ привязанностей: «Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ вслѣдствіе всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ помадныхъ объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопрятно-запальчивыхъ выходокъ, производимыхъ всякими квасными и неквасными патріотами, перестали вѣрить у насъ на Руси искренности всѣхъ печатныхъ изліяній, — Пушкину было опасно выходить. Его бы какъ разъ назвали подкупнымъ, или чего-то ищущимъ человѣкомъ»... Откуда же могло взяться такое состояніе цѣлаго общества?

Вскорѣ послѣ выхода «Выбранныхъ Мѣстъ» явилась въ «Современникѣ» (№ 2, 1847 г.) статья Бѣлинскаго, первый энергическій протестъ противъ идей, заявленныхъ Гоголемъ, противъ отреченія его отъ прежнихъ произведеній, противъ подобнаго употребленія своего авторитета [1]). О личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Гоголя очень мало извѣстно; но они не были люди незнакомые. Гоголь прежде обращался къ нему раза два въ нужныхъ случаяхъ [2]), зналъ, *какъ* относится къ нему Бѣлинскій и *почему* онъ такъ къ нему относится. Статья Бѣлинскаго не могла поэтому не представлять для него особеннаго интереса. И сколько можно судить по его характеру, она вѣроятно произвела на него самое сильное впечатлѣніе,—онъ не проговаривается о ней никому изъ своихъ обыкновенныхъ корреспондентовъ и друзей, отъ которыхъ прежде держалъ въ секретѣ самыя сношенія свои съ Бѣлинскимъ. Статья Бѣлинскаго повела за собой извѣст-

[1]) См. сочин. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 80—103.
[2]) См. воспоминанія г. Анненкова.

ную переписку между ними. Гоголь написалъ первое письмо, и, еще не имѣя отвѣта Бѣлинскаго, писалъ къ князю Вяземскому любопытное письмо, (отъ іюня 1847 г.), по поводу его статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этомъ письмѣ мы встрѣтимъ черты, едва ли не внушенныя чтеніемъ статьи Бѣлинскаго; это— мысль о необходимости разъяснять для общества «государственные» предметы, т.-е. внутренніе общественные вопросы; кромѣ того — нѣсколько неожиданное *заступничество* Гоголя въ пользу его новыхъ враговъ въ литературѣ.

«Ваша статья... о Языковѣ и обо мнѣ,—пишетъ онъ,—кромѣ всѣхъ тѣхъ достоинствъ и свойствъ, которыя принадлежатъ особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тѣмъ чувствомъ соучастія, которое принадлежитъ только одной нѣжной и любящей душѣ. Одно только меня остановило: мнѣ кажется, что выразились вы *нѣсколько сурово* о нѣкоторыхъ моихъ нападателяхъ, *особенно о тѣхъ*, которые прежде меня выхваляли. Мнѣ кажется *вообще*, мы судимъ ихъ слишкомъ неумолимо. *Богъ знаетъ, можетъ быть*, въ существѣ многіе изъ нихъ добрые люди и влекутся *даже* нѣкоторымъ, *хотя отдаленнымъ*, желаніемъ добра: но кого не увлекаетъ самолюбіе, нѣкоторой успѣхъ» и пр.

Намъ кажется, что въ этихъ словахъ уже отражалось тайное сознаніе Гоголя, что «нападатели» во многомъ были правы; но онъ боится заявить это сознаніе и передъ самимъ собой, и передъ своимъ корреспондентомъ (который вѣроятно былъ въ числѣ людей, не знавшихъ о секретныхъ свиданіяхъ), и обставляетъ предположеніями и оговорками.

Гоголь говоритъ дальше, что, быть можетъ, ихъ самихъ обвинятъ въ гордости, когда они «жестоко оттолкнули» хулителей, когда, быть можетъ, имъ нуженъ былъ «совѣтъ» (онъ думалъ, что нуженъ былъ ихъ «совѣтъ», напр. Бѣлинскому!); что онъ самъ не рѣшается говорить сурово, такъ какъ видитъ, что «положенье всѣхъ въ нынѣшнее время страшно трудно и, къ кому ни приглядишься ближе, всякъ пораждаетъ къ себѣ состраданье». Имъ овладѣваетъ «жалость» къ людямъ страдающимъ или заблуждающимся и отъ недостатка *любви* «всѣ статьи *наши* [1]) не вносятъ надлежащаго примиренія».

Эти послѣднія слова могли быть совершенно искренни, и если даже, не высказывая настоящей своей мысли, Гоголь хотѣлъ только косвенно навести своего корреспондента на что-то такое,

---

[1]) Вѣроятно, Гоголь не хотѣлъ сказать прямо: статья «С.Петербургскихъ Вѣдомостей».

чего ему хотѣлось,—во всякомъ случаѣ, очевидно, что у Гоголя являлись новыя мысли, вовсе не въ духѣ «перелома»; какъ будто онъ втайнѣ сознавалъ справедливость возраженій, и въ немъ являлась потребность «примиренія». Но онъ еще не оцѣнилъ всей трудности примиренія, не видѣлъ, какъ далеко лежали корни раздора, съ чьей стороны должны быть сдѣланы уступки, на чьей сторонѣ была бо́льшая общественная неправда. Передъ нимъ начинаетъ мелькать слабый проблескъ дѣйствительныхъ общественныхъ вопросовъ,—но его пониманіе все еще только догадка, спутанная его привычными понятіями.

«...Мнѣ кажется,—пишетъ онъ далѣе,—что теперь, въ нынѣшнее время, болѣе нужны не статьи *нападательныя* [1]) или защитительныя, которыя невольнымъ образомъ обратятся на чью-нибудь личность и выставятъ на сцену насъ самихъ, сколько статьи *уяснительныя* многихъ важныхъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя, хотя покуда еще и не раздаются въ обществѣ, но къ которымъ поворотъ однако же неминуемо долженствуетъ наступить. Я разумѣю здѣсь собственно тѣ истины, о которыхъ могутъ сказать только *люди государственные*. Если о нихъ не раздадутся теперь здравыя опредѣленія, годныя укрѣпить хотя нѣкоторыхъ, или дать имъ знать по крайней мѣрѣ приблизительно, чего держаться, то ихъ пойдутъ скоро коверкать вовсе не-государственные люди и могутъ сбить всѣхъ (?) съ толку. Вы видите, что нѣкоторое поползновеніе къ тому уже обнаруживается. Даже и я, человѣкъ вовсе не государственный, заговорилъ о томъ. Итакъ, есть какое-то повѣтріе, которому всѣ подвергаются равномѣрно. Тѣмъ болѣе теперь нуженъ голосъ мастеровъ того ремесла, въ которое впутываются люди посторонніе.»

Словомъ, Гоголь начиналъ видѣть, что въ обществѣ возникаетъ интересъ къ тѣмъ предметамъ, которые онъ называетъ «государственными», т.-е. про́сто интересъ къ общественнымъ дѣламъ, но онъ все-таки думаетъ, что человѣку не-государственному непозволительно говорить объ этихъ дѣлахъ; онъ для нихъ человѣкъ «посторонній»... Гоголь полагалъ, что здѣсь нуженъ голосъ «мастеровъ государственнаго ремесла», и ждалъ такихъ разъясненій отъ кн. Вяземскаго, котораго считалъ имѣющимъ все, что́ для этого нужно...

Между тѣмъ, онъ ожидалъ отъ него своей рукописи «Выбран-

[1]) Какова была статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; но Гоголь забылъ уже, что сами «Выбранныя Мѣста» были сами вещь очень нападательная.

ныхъ Мѣстъ» съ его замѣчаніями [1]), — «потому что съ моей стороны все-таки нужно что-нибудь сказать, хотя разумѣется поприличнѣй и въ такой мѣрѣ, въ какой позволительно сказать *не-государственному* человѣку. Нужно, чтобы мы все-таки (?) питали любовь къ своей государственности, а не летали мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи; чтобъ чувствовали по крайней мѣрѣ, что строенье новаго исходитъ изъ духа самой земли, изъ находящихся среди насъ матеріаловъ». Эта послѣдняя мысль, какъ будто отзывающаяся мнѣніями славянофильскихъ друзей Гоголя, брошена однако какъ-то случайно и недоконченно.

Мы не будемъ излагать переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ, и упомянемъ только объ общемъ тонѣ ея. Переписку началъ Гоголь, по прочтеніи статьи Бѣлинскаго въ «Современникѣ»; Бѣлинскій, находившійся тогда за-границей, отвѣчалъ (15-го іюня 1847 г.) длиннымъ письмомъ, гдѣ высказалъ все, накипѣвшее у него на душѣ и чего не могъ онъ сказать въ печатной статьѣ [2]). Переписка закончилась новымъ письмомъ Гоголя.

Въ первомъ письмѣ Гоголь выражаетъ свое прискорбіе по поводу статьи Бѣлинскаго,—не потому, что ему прискорбно было униженіе его, а потому, что въ ней слышится голосъ разсерженнаго человѣка. Онъ не понимаетъ, за что вдругъ всѣ разсердились на него—восточные, западные, неутральные. «Это правда,— говоритъ Гоголь,—я имѣлъ въ виду *небольшой щелчокъ* каждому изъ нихъ, считая это *нужнымъ*, испытавши надобность его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія)», но онъ никакъ не думалъ, чтобы *щелчокъ* вышелъ такъ грубъ, неловокъ и оскорбителенъ. Затѣмъ онъ объясняетъ, что не легко судить книгу, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія человѣка; укоряетъ Бѣлинскаго за «оплошные выводы»; оправдывается отъ обвиненія въ пристрастіи и своекорыстіи, и наконецъ снова выражаетъ прискорбіе, что противъ него питаетъ озлобле-

---

[1]) Гоголь былъ недоволенъ тѣмъ, что цензура много исключила изъ «Выбранныхъ Мѣстъ» и поручалъ своимъ друзьямъ приготовить новое изданіе, уже вполнѣ. Онъ желалъ этого, полагая, что многія нападенія происходили оттого, что книга явилась не въ полномъ составѣ; что „по клочку, обгрызенному цензурой, о ней нельзя судить". Онъ въ особенности просилъ кн. Вяземскаго пересмотрѣть книгу, исключить изъ нея то, что было въ ней рѣзкаго и проповѣдническаго, вообще сгладить, смягчить и дополнить, какъ только онъ найдетъ нужнымъ. „Не будемъ считаться мыслями,—говоритъ онъ при этомъ, — онѣ не наши и не принадлежатъ намъ; онѣ посылаются Богомъ" и проч. См. письмо отъ 28-го февраля 1847 г. Въ письмѣ отъ іюня 1847 г. онъ проситъ о присылкѣ просмотрѣнной рукописи, которую теперь хотѣлъ еще дополнить самъ по „государственнымъ" предметамъ.

[2]) См. Вѣстн. Евр. 1872, іюль, стр. 439—443.

ніе человѣкъ, котораго онъ все-таки считалъ за добраго человѣка.

Отвѣтъ Бѣлинскаго — болѣе или менѣе извѣстенъ. Это безъ сомнѣнія самое характеристическое изъ всего, что̀ написано Бѣлинскимъ, и самый рѣзкій протестъ изъ всѣхъ, какіе вызвала книга Гоголя. Онъ яркими красками изображаетъ Гоголю смыслъ его книги въ тогдашнемъ положеніи русскаго общества — объясняетъ ему, почему онъ имѣлъ такое великое значеніе для этого общества и такихъ страстныхъ поклонниковъ: въ немъ видѣли одного изъ великихъ вождей страны на пути сознанія, развитія, прогресса. «Теперь же,—говоритъ Бѣлинскій,—я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и не-литературные — Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны.» Онъ успокоиваетъ Гоголя, что «щелчки» неспособны были бы возбудить въ немъ это негодованіе, хотя и «щелчки» своимъ же почитателямъ и друзьямъ за ихъ привязанность—дѣло не совсѣмъ христіанское и смиренное. Онъ объясняетъ Гоголю, что главный источникъ негодованія противъ «Переписки» и ея автора — само содержаніе книги: въ то время, какъ лучшіе люди общества начинаютъ сознавать недостатки и несправедливости существующихъ порядковъ, когда они всѣми силами души стремятся къ улучшенію общественныхъ отношеній, къ уничтоженію крѣпостного права, тѣлесныхъ наказаній и пр., и пр., — въ это время великій писатель — «является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ болѣе денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?... Да еслибы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки...» Бѣлинскій объясняетъ, какъ опасно довольствоваться наблюденіями надъ русской жизнью изъ «прекраснаго далека», изъ котораго можно видѣть предметы какими угодно. Въ концѣ письма онъ еще разъ объясняетъ Гоголю, что споръ между ними вовсе не личный споръ оскорбляемыхъ самолюбій. «Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искрен-

нимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія [1]).»

Отвѣтъ Гоголя на это письмо свидѣтельствуетъ о сильномъ душевномъ упадкѣ. «Я не могъ отвѣчать на ваше письмо, говоритъ онъ. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено; могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе, еще прежде, нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть въ вашихъ словахъ есть часть правды»... Онъ высказываетъ свои недоумѣнія: онъ получилъ уже около пятидесяти писемъ о своей книгѣ, и нѣтъ двухъ человѣкъ, мнѣнія которыхъ были бы согласны, а между тѣмъ на всякой сторонѣ есть люди благородные и умные. Онъ убѣждается только, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось и что ему нельзя издать двухъ строкъ о Россіи — «до тѣхъ поръ покуда пріѣхавши въ Россію не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками». Онъ не уступаетъ однако всей правды своему противнику, думаетъ, что и онъ можетъ быть о многомъ въ заблужденіи, и пр.

Письмо Бѣлинскаго, очевидно, произвело на Гоголя очень сильное впечатлѣніе. Кромѣ приведеннаго письма, которое было получено Бѣлинскимъ, былъ еще другой отвѣтъ Гоголя, гораздо болѣе обширный, но, кажется, оставшійся непосланнымъ. Въ бумагахъ Гоголя нашлось послѣ его смерти письмо, изорванное въ мелкіе клочки, изъ которыхъ многіе были потеряны, такъ что біографъ и издатель Гоголя, П. А. Кулишъ, только съ трудомъ могъ составить изъ нихъ отрывочное изложеніе [2]). Это и есть отвѣтъ Бѣлинскому, гдѣ Гоголь старался по всѣмъ пунктамъ опровергнуть обвиненіе и оправдать свою книгу и свой образъ

[1]) Бѣлинскій двумя словами упомянулъ въ своемъ письмѣ и о защитѣ „Выбранныхъ Мѣстъ" въ „Спб. Вѣдомостяхъ". Къ автору этой защиты онъ уже издавна не былъ расположенъ. См. соч. Бѣл, т. II, стр. 272 (статья о „Современникѣ", 1836 г.).

[2]) Это письмо напечатано г. Кулишомъ въ „Запискахъ о жизни Гоголя", II, 108—118, и въ «Сочин. и Письмахъ Гоголя», т. VI, стр. 379 — 387. Но г. Кулишъ ошибается, повидимому, полагая, что именно объ этихъ „оправдательныхъ статьяхъ" идетъ рѣчь въ письмѣ Гоголя отъ 10 іюня 1847 къ Плетневу. Письмо Бѣлинскаго, сколько мы знаемъ, помѣчено 15-го іюля 1847 г.; стало-быть, объ «оправдательныхъ статьяхъ» не могло еще идти рѣчи. Въ письмѣ къ Плетневу подразумѣвается, вѣроятно, „Авторская Исповѣдь", потому что въ ней именно Гоголь хотѣлъ изложить „повѣсть своего писательства". А „оправдательныя статьи" вовсе не заключаетъ этой повѣсти, и все содержаніе ихъ—отвѣты и возраженія на письмо Бѣлинскаго.

мыслей, и гдѣ относится къ Бѣлинскому гораздо суровѣе и рѣзче, нежели въ посланномъ письмѣ.

До сихъ поръ остается неизвѣстно, который изъ двухъ отвѣтовъ написанъ раньше: писалъ-ли Гоголь свой длинный отвѣтъ тогда, когда успѣлъ оправиться отъ первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, произведенныхъ письмомъ Бѣлинскаго, и уже тогда собралъ всѣ свои аргументы, чтобы отвергнуть обвиненія, слишкомъ его затронувшія; или же, какъ думаютъ другіе, онъ началъ-было длиннымъ обличеніемъ Бѣлинскаго, но не въ силахъ былъ довести его до конца, бросилъ его, и въ сознаніи своей безпомощности послалъ ему ту короткую записку, о которой мы сейчасъ говорили. Но такъ или иначе, въ своемъ длинномъ отвѣтѣ Гоголь говоритъ другимъ тономъ, и самъ выступаетъ обвинителемъ противной стороны. Отвѣчая Бѣлинскому, Гоголь долженъ былъ въ первый и чуть ли не единственный разъ говорить о томъ рядѣ вопросовъ, которые занимали тогда людей другихъ мнѣній и которые были ему выставлены Бѣлинскимъ. Поэтому, отвѣтъ Гоголя сталъ изложеніемъ его понятій о русской общественной жизни, объ ея тогдашнемъ положеніи и требованіяхъ.

Это и были его обычныя мнѣнія, какія могли образоваться въ средѣ его круга. Гоголь старается быть доказательнымъ, дѣлаетъ иногда возраженія, отчасти справедливыя; но въ цѣломъ аргументація его далеко не убѣдительна, и несмотря на рѣзкія фразы, которыя онъ еще употребляетъ, диктаторскій тонъ «Переписки» очевидно подорванъ.

«Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: «опомнитесь, вы стоите на краю бездны!» Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу!» и пр.,—такъ начинаетъ Гоголь свое обличеніе. На эту первую фразу Бѣлинскій справедливо могъ бы сказать, что самая книга его была такова, что ея смыслъ дѣйствительно могъ выходить невѣжественнымъ. Гоголь сожалѣетъ потомъ, что Бѣлинскій вдался въ «этотъ омутъ политической жизни», оставивъ свое прекрасное дѣло — «показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу до пониманья всего прекраснаго... и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души». Самъ Гоголь до того удалился отъ интересовъ общественной жизни, что дѣятельность Бѣлинскаго кажется ему политическимъ омутомъ! Онъ не думаетъ о томъ, что творенья писателей получаютъ свой интересъ только въ связи съ жизнью, и съ этимъ «омутомъ»; онъ забываетъ, что его

собственныя произведенія имѣли великій смыслъ именно тѣмъ, что рисовали эту дѣйствительную, неподкрашенную жизнь, и повторяетъ эстетическую теорію своихъ друзей, которые говорили, что поэзія—«даръ неба», не имѣющая отношенія къ земнымъ предметамъ и къ пошлой дѣйствительности. «Дорога эта (показыванье красотъ) привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ». Но Гоголь самъ испыталъ, что поэзія не есть одно эпикурейское наслажденіе, что въ ней могутъ высказываться самая тяжелая скорбь и личная и общественная...

Онъ отвѣчаетъ потомъ на слова Бѣлинскаго о томъ, что нашему обществу нужна цивилизація. «Вы говорите, что спасенье Россіи въ европейской цивилизаціи; но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстьеры (?), и красные, и всякіе (?), и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожаюжающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи»... На это можно было бы развѣ только подивиться, что Гоголь, проживши такъ долго въ Европѣ, ухитрился не увидѣть европейской цивилизаціи, и дожидался, «хоть бы ему опредѣлили ее». Ясно, что объ этихъ «фаланстьерахъ», «красныхъ» и «всякихъ» онъ имѣлъ очень смутныя представленія, и что вообще его представленія объ европейской жизни были также смутны...

Гоголь справедливо возражалъ на рѣзкое черезъ мѣру заключеніе Бѣлинскаго о степени религіозности русскаго народа. Справедливо могъ онъ заявлять объ отсутствіи постороннихъ видовъ при изданіи его книги, объ одномъ желаніи опредѣлить свои собственные взгляды и узнать характеръ русскаго общества, хотя самъ онъ соглашается, что книга «была издана въ торопливой поспѣшности», что онъ «попалъ въ излишества». Но странно читать его упреки Бѣлинскому, что тотъ «получилъ легкое журнальное образованіе», что «не кончилъ даже университетскаго курса»,—потому что его собственное образованіе было конечно еще легче; или упреки, что нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто «прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ»,—какъ будто судить о немъ слѣдовало тому, кто прожилъ вѣкъ въ Римѣ. На слова Бѣлинскаго о необходимости уничтоженія крѣпостного права, Гоголь говоритъ, будто слова Бѣлинскаго о помѣщикѣ отзываются временами Фонвизина: «съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и

теперь показалось многое другое». Очевидно, этотъ вопросъ не существовалъ для Гоголя.

«Многіе—продолжаетъ онъ—видя, что *общество* идетъ дурной дорогой, что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ... Мечты!» Общество, продолжаетъ Гоголь, слагается изъ единицъ; пусть каждая единица исполняетъ свой долгъ, пусть вспомнитъ человѣкъ о своемъ *небесномъ гражданствѣ*, и покуда каждый не будетъ сколько-нибудь жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не исправится и земное гражданство. Если мы всѣ будемъ исполнять свои обязанности, все пойдетъ хорошо: «владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ; чиновники увидятъ, что не нужно жить богато (!), перестанутъ брать взятки; а честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами, ни богатымъ жалованьемъ...» (въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ словъ) вѣроятно сдѣлается образцомъ добродѣтели... Очевидно, между прочимъ, что по мнѣнію Гоголя, одно предположеніе, что «владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ», совершенно разрѣшаетъ крестьянскій вопросъ.

Въ письмѣ, какъ мы сказали, видно раздраженіе противъ Бѣлинскаго и желаніе, въ защитѣ своихъ мнѣній, обвинить самого Бѣлинскаго въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ и въ несправедливости къ Гоголю. Но по собственнымъ словамъ Гоголя, онъ самъ «напалъ и нападаетъ» на свою книгу, — странно было послѣ того удивляться, что на нее нападалъ Бѣлинскій. Партизаны Гоголя и въ то время (какъ напр. авторъ статьи «Спб. Вѣдомостей»), и впослѣдствіи винили его противниковъ за нетерпимость, за грубое обращеніе съ тѣмъ, чтó было, хотя и не вполнѣ правымъ, но искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ Гоголя, стоившимъ ему сильныхъ душевныхъ страданій. На всѣ эти обвиненія можно привести слова, сказанныя по другому поводу однимъ изъ друзей Бѣлинскаго. «Безпощадная потребность разбудить человѣка является только тогда, когда онъ облекаетъ свое безуміе въ полемическую форму, или когда близость съ нимъ такъ велика, что всякій диссонансъ раздираетъ сердце и не даетъ покоя» [1]). Таково именно было отношеніе Бѣлинскаго къ Гоголю въ этомъ случаѣ. Защитники Гоголя совсѣмъ забываютъ о характерѣ самой книги, вызывавшей нападенія. Высокомѣрный тонъ Гоголя при-

---

[1]) Эти слова сказаны Герценомъ по поводу мистицизма И. В. Кирѣевскаго; первый говоритъ, что у него не доставало духу спорить противъ этого мистицизма, и затѣмъ дѣлаетъ приведенное замѣчаніе.

давалъ невыносимо рѣзкое удареніе его мнѣніямъ; его самодовольство надо было принимать за самодовольство цѣлой системы, и это именно вызывало столь же суровый отпоръ. Не надо далѣе забывать, что Гоголь во всеуслышаніе и съ этимъ высокомѣріемъ проповѣдывалъ и такія вещи, противъ которыхъ было немыслимо спорить въ литературѣ. Наконецъ, эти проповѣди исходили отъ писателя, сильно возбудившаго общественную мысль своими прежними произведеніями, и употреблявшаго при этомъ тотъ авторитетъ, какой доставили ему эти произведенія, имъ теперь отвергаемыя и осуждаемыя.

Изъ всего содержанія мнѣній Гоголя, высказанныхъ имъ и въ книгѣ и въ частной перепискѣ, очевидно, что это были мнѣнія, отличавшія систему оффиціальной народности. Соединеніе такихъ мнѣній въ одномъ лицѣ, съ высокимъ поэтическимъ талантомъ, создавшимъ нѣкогда «Мертвыя Души» и «Ревизора», производило и этотъ разрывъ Гоголя съ его школой и почитателями, и мучительную нравственную борьбу, совершавшуюся въ самомъ Гоголѣ. Чѣмъ же кончилась эта борьба?

Относительно принциповъ этотъ споръ давно рѣшился. Черезъ два-три года по смерти Гоголя, для общества наступилъ новый періодъ, когда несостоятельность системы, которую онъ защищалъ съ такимъ увлеченіемъ, бросалась въ глаза. Но въ ту пору личная борьба Гоголя осталась неконченной, неразрѣшенной.

Гоголь до самаго конца остался въ противорѣчіи между своими теоретическими понятіями и внушеніями его поэтической природы. Всѣ послѣдніе годы жизни онъ работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», но не удовлетворялся, и истреблялъ написанное. Изданные потомъ отрывки сохранились только случайнымъ образомъ. Передъ смертью онъ совершилъ еще одно сожженіе—послѣдній актъ его борьбы. Есть однако возможность угадывать отчасти, въ какомъ направленіи шли его мысли.

Во время изданія «Переписки» у его почитателей возникло опасеніе, почти увѣренность, что талантъ Гоголя погибъ невозвратно. Не только почитатели его въ смыслѣ Бѣлинскаго, но и кружокъ Аксаковыхъ [1]) испугались за Гоголя. Эти сомнѣнія дошли до Гоголя, и въ его письмахъ, 1847 года, нѣсколько разъ повторяются увѣренія, что онъ не измѣнялъ своему прежнему направленію (онъ уже начиналъ понимать дѣйствительную стран-

---

[1]) Изд. Кулиша, VI, 420 и др.

ность своей книги и возможность опасеній). Въ январѣ 1847 г. онъ говоритъ С. Т. Аксакову, который былъ въ числѣ людей, очень смущенныхъ появленіемъ «Переписки» и не скрывалъ этого отъ Гоголя: «Въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ... Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности у меня была *одна дорога*, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ,—вотъ и все». Какъ бы онъ ни объяснялъ теперь эту *одну* дорогу, это уже не было похоже на категорическое отреченіе отъ прежнихъ трудовъ въ «Перепискѣ». Относительно книги, Гоголь уже сознается въ излишней поспѣшности, но ссылается также и на «неблагоразумныя *подталкиванья* со стороны друзей» — что, вѣроятно, совершенно справедливо.

Въ письмѣ къ Шевыреву, въ мартѣ 1847 года, онъ, между прочимъ, увѣряетъ его: «Покуда не заговоритъ общество о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говорится въ моей книгѣ, мнѣ физически невозможно двинуть свою работу». Такъ онъ объясняетъ книгу теперь, и въ это время ему, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ хотѣлось узнать состояніе общества, въ которое прежде онъ мало вникалъ и которое, во время жизни за границей, еще больше для него затемнялось. Гоголь не зналъ, что общество, т.-е. литература, уже высказывались объ этихъ предметахъ, сколько могли, и онъ могъ бы понять высказанное, еслибъ потрудился. Въ это же время пишетъ онъ другому корреспонденту: «.... Такъ какъ вы питаете искренно доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я отнюдь *не перемѣнялъ направленія* моего. Трудъ у меня все одинъ и тотъ же, все тѣ же «Мертвыя Души», и одна изъ причинъ появленія нынѣшней моей книги была — *возбудить* ею тѣ *разговоры и толки* въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были высказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка»... Это—тѣ же слова, какъ въ предъидущемъ письмѣ. Гоголь, очевидно, придумываетъ post facto оправданіе для своей книги, забывая, что въ книгѣ онъ не вызывалъ толки и разговоры, а напротивъ, диктаторски рѣшалъ и проповѣдовалъ. Онъ косвенно сознавался, что слишкомъ поспѣшно произносилъ свои приговоры о «незнакомыхъ сторонахъ русскаго человѣка».

Въ апрѣлѣ 1847 года онъ пишетъ опять къ Шевыреву: «Слово о моемъ отреченіи отъ искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта *нелѣпая мысль* объ отреченіи моемъ отъ своего та-

ланта и отъ искусства [1]), тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, увидѣть было... какія страданія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству»... Онъ говоритъ, что сталъ только «строже» къ своему искусству; это слово, конечно, слишкомъ неопредѣленно, и если эта «строгость» была причиной осужденія прежнихъ произведеній, то она именно и должна была поселить «нелѣпую мысль»; но дальнѣйшія, уже не преднамѣренныя слова письма убѣждаютъ, что Гоголь еще сохранялъ прежнія свойства своего взгляда. Объясняя, какъ выше, необходимость изданія своей книги, чтобы заставить русское общество высказаться, онъ говоритъ: «Одно средство—выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возъимѣетъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество»... Это было совершенно справедливо.

Въ это же время Гоголь пишетъ къ Щепкину съ обыкновенными назойливыми заботами о томъ, чтобы «Ревизоръ» исполнялся какъ можно лучше, пишетъ подробныя наставленія и пр. [2]).

Нѣсколько позднѣе, въ августѣ 1847 года, Гоголь пишетъ опять о своемъ направленіи и къ С. Т. Аксакову, съ которымъ онъ уже не могъ говорить, какъ съ другими, съ точки зрѣнія «Переписки». «Да,—говоритъ онъ,—книга моя нанесла мнѣ пораженье: но на это была воля Божія... Я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Несмотря на все различіе взглядовъ, въ каждомъ изъ нихъ, также какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона... Къ чему вы также повторяете *нелѣпости*, которыя вывели изъ моей книги *недальнозоркіе*, что я отказываюсь въ ней отъ званія писателя, перемѣняю призваніе свое, направленіе и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго... Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ, но благодарю Бога за

---

[1]) Гоголь, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не понималъ того, что̀, однако, было слишкомъ ясно сказано въ „Перепискѣ“.

[2]) Изд. Кулиша, VI, стр. 324, 325, 353, 362, 375.

этотъ позоръ»: онъ не увидѣлъ бы безъ нея ни своего самоослѣпленія, не объяснилось бы многое, чтó ему нужно было знать для «Мертвыхъ Душъ»...

Перечитывая все это нельзя не видѣть, что послѣдствія «Переписки» были неожиданны и тяжелы для Гоголя. Эта книга была для него пробнымъ камнемъ, и то, чтó пришлось ему услышать по ея поводу, произвело въ немъ сильное нравственное потрясеніе. Онъ продолжаетъ свою религіозную заботливость о «душевномъ дѣлѣ», но въ его мнѣніяхъ произошла несомнѣнно большая путаница. Съ первыхъ голосовъ, услышанныхъ имъ по поводу книги, онъ понялъ, что надѣлано много ошибокъ, что его высокомѣрный тонъ не оправдывается ничѣмъ и становится просто неприличенъ и страненъ. Онъ съ первыхъ словъ отказывается отъ этого высокомѣрія, даже въ выраженіяхъ, черезъ мѣру унизительныхъ, но старается спасти свои главныя идеи и оправдать внутреннія побужденія. Самое рѣзкое изъ этихъ оправданій—то, которое предназначалось быть отвѣтомъ Бѣлинскому: очень вѣроятно, что письмо Бѣлинскаго подѣйствовало на него всего сильнѣе. Особенно тяжелы были ему опасенія, что онъ потерянъ для искусства; онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять своихъ друзей, что это несправедливо. Эти увѣренія могли быть двусмысленны, когда онъ обращался къ Шевыреву и другимъ подобнымъ друзьямъ, восхищавшимся «Перепиской», но когда онъ увѣрялъ въ этомъ С. Т. Аксакова, очевидно, онъ могъ говорить о своей вѣрности именно и только тому направленію, которое Аксаковъ одобрялъ. Съ первыхъ отзывовъ онъ понялъ, что общественный вопросъ рѣшается не такъ легко, какъ ему казалось, и онъ уже находитъ нужнымъ, чтобы «мастера ремесла» объясняли публикѣ «государственные» вопросы. Но эти письма 1847 года обнаруживаютъ нетвердость теоретическихъ представленій, о которыхъ пришлось теперь говорить Гоголю. Онъ столько услышалъ вещей, ему незнакомыхъ, что не могъ овладѣть ими, и колеблется между разными настроеніями и мыслями: то ему кажется, что онъ хотѣлъ и долженъ былъ внести «примиреніе»; то онъ самъ видитъ, что «примиряющаго» не выдумаешь, когда его нѣтъ въ жизни; то онъ обрушивается на своихъ обвинителей; то жалуется на подталкиванья друзей; то коритъ самого себя и защищается только тѣмъ (слишкомъ сильнымъ, но въ сущности неубѣдительнымъ) аргументомъ, что «всѣ люди могутъ ошибаться»; то, наконецъ, падаетъ духомъ и въ безвыходномъ состояніи своей мысли пишетъ только: «душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено!»

Гоголь былъ дѣйствительно въ безпомощномъ состояніи. Въ немъ боролись два теченія самой жизни, два общественныя направленія: одному онъ принадлежалъ всѣми побужденіями своего таланта; къ другому влекли его теоретическія соображенія, какимъ онъ могъ научиться въ своемъ кругу, къ которымъ велъ его возраставшій мистицизмъ, а также вѣроятно и личные разсчеты. Онъ самъ безъ сомнѣнія былъ серьезнѣе всѣхъ своихъ друзей пушкинскаго круга, и какъ бы ни мало возбуждали сочувствія тѣ мысли, къ какимъ онъ приходилъ въ это время, онъ безъ сомнѣнія выдерживалъ изъ-за нихъ тяжелую внутреннюю борьбу. Никому изъ его друзей не приходилось переживать страшныхъ недоумѣній, какія заставляли его истреблять свой многолѣтній трудъ; не разумѣя истинныхъ основъ его таланта, они только, «подталкивали» его въ томъ направленіи, въ которомъ онъ пришелъ къ своей, по истинѣ «несчастной» книгѣ.

«Переписка», наглядно разъясняетъ ту странную область, въ которой блуждали мысли Гоголя въ послѣднемъ періодѣ его жизни. Трудно опредѣлять годами, когда въ немъ является та или другая мысль. Мы уже замѣчали, что, собственно говоря, его послѣднее направленіе весьма естественно вытекало изъ его прежняго содержанія, что зерно его странныхъ заблужденій лежало въ его давнишнихъ понятіяхъ; его ошибка была въ томъ, что онъ не переработалъ ихъ тѣми средствами, которыя были для него возможны— болѣе серьезнымъ образованіемъ и болѣе близкимъ изученіемъ нароставшихъ нравственныхъ потребностей общества. Увлеченный успѣхомъ, избалованный и приводимый въ заблужденіе друзьями, онъ вообразилъ, что можетъ рѣшать вопросы,—которые вовсе ему не были по силамъ, и бросается въ дешевый дидактизмъ; друзья— «подталкивали».

Въ сороковыхъ годахъ въ немъ больше и больше развивается мистицизмъ. Это была старая черта его мыслей и характера, и мы видѣли, что она довольно ясно высказывается еще въ письмахъ 1836 года. *До изданія* перваго тома «Мертвыхъ Душъ» мистицизмъ уже развился въ Гоголѣ самымъ очевиднымъ образомъ. Онъ видитъ въ своей личной судьбѣ непосредственную волю и вмѣшательство Провидѣнія; вслѣдствіе того, приписываетъ себѣ сверхъестественныя силы; вслѣдствіе того видитъ въ своемъ трудѣ настоящее откровеніе [1]). Мистицизмъ не былъ, такимъ образомъ,

[1]) Вотъ нѣсколько образчиковъ этого мистицизма и его мнѣній о продолженіи „Мертвыхъ Душъ", до изданія перваго тома и послѣ.

1840, декабрь, въ письмѣ С. Т. Аксакову: „Много *чуднаго* совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни... Дальнѣйшее продолженіе (М. Душъ) выясняется въ головѣ

причиной перемѣны Гоголемъ своего направленія, какъ иногда думали; мистицизмъ дѣйствовалъ на общественныя мнѣнія Гоголя только косвеннымъ, второстепеннымъ образомъ. Онъ сообщилъ Гоголю то высокомѣрное представленіе о себѣ, какъ избранномъ орудіи Провидѣнія,—которое придало его мнѣніямъ такую вопіющую рѣзкость и нетерпимость; кромѣ того, ставя на первомъ планѣ «небесное гражданство», мистицизмъ дѣлалъ Гоголя еще менѣе понятливымъ къ настоящему, земному гражданству, и слѣ-

---

моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ выйдетъ *кое-что колоссальное*" (Кул. V, 426).

1841, мартъ, къ нему же: «Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе... я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе *чудное* творится и совершается въ душѣ моей... Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда *не выдумать ему такого сюжета* (!)», и пр. (Кул., V, 436).

1841, августъ, къ А. С. Данилевскому: «...О, вѣрь словамъ моимъ! *Властью высшею* облечено отнынѣ мое слово. *Все* можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово». (Кул., V, 447).

1842, февраль, къ Н. М. Языкову: „...Чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха... Здоровье мое сдѣлалось значительно хуже». (Кул., V, 459).

1842, апрѣль, къ Н. Д. Бѣлозерскому: «...Я теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской». (Кул. V, 468).

1843, ноябрь, въ письмѣ къ Языкову, уже полное господство мистицизма. Гоголь даетъ ему наставленіе о молитвѣ, которой подчиняется все поэтическое творчество. Это цѣлый длинный трактатъ: „...Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей (!!); ты просишь просто о вдохновеніи. На другой или на третій день ты будешь говорить не просто: «Дай произвести мнѣ», но уже: «Дай произвести мнѣ въ такомъ-то духѣ». Потомъ, на четвертый или пятый: «съ такою-то силой». Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту (!) послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ *прямо отъ Бога* (!)», и проч. (Кул. VI, 32).

1844, февраль, къ Шевыреву, о мистическомъ искусствѣ «уходить въ себя»,—которому Гоголь уже научился (Кул. VI, 44), и т. д.

1844, декабрь, къ г-жѣ Смирновой, о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ: «они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости» и пр. (Кул. VI, 147. Записки о жизни Гоголя, II 43).

1845, іюль, къ ней же: «Я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, особенно Мерт. Душъ... Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ М. Душъ. Это покамѣстъ еще *тайна*, которая должна была вдругъ, *къ изумленію всѣхъ*, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ», и пр. (Кул. VI, 204).

1846, май, къ Языкову, по поводу нѣмецкаго перевода Мертв. Душъ: «Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ. Узнаютъ они (нѣмцы) тогда, что у насъ есть много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать». (Кул. VI, 249).

довательно тѣмъ болѣе воспріимчивымъ ко всякимъ консервативнымъ толкамъ.

Рядомъ съ мистицизмомъ, но независимо отъ него является у Гоголя другой рядъ мыслей, который главнымъ образомъ и привелъ странныя мнѣнія, принятыя за «переломъ», за перемѣну направленія. Увлеченный успѣхомъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь сталъ думать, что ему необходимо выяснить свои нравственныя и общественныя основанія. Онъ увидѣлъ себя во главѣ литературы: за исключеніемъ немногихъ старыхъ враговъ, литературныя партіи соединялись въ общемъ удивленіи предъ его произведеніями, и онъ сталъ думать, что ему слѣдуетъ достойнымъ образомъ поддержать это положеніе. «Мертвыя Души» стали представляться ему ему въ перспективѣ, какъ цѣлый кодексъ морали, который онъ дастъ отъ себя обществу въ поученіе и руководство. Въ началѣ, это могло быть и вѣроятно было совершенно наивное и добросовѣстное желаніе,—въ которомъ Гоголь забылъ только одно: необходимость свободы для его таланта, невозможность для него никакихъ постороннихъ вмѣшательствъ, соображеній и стѣсненій. Мистическое настроеніе укрѣпило его въ убѣжденіи, что онъ—призванный учитель общества. Впослѣдствіи, эти постороннія соображенія—дидактическая цѣль, поставленная имъ для своего труда — и извратили все его дѣло. Вмѣсто чисто-поэтическаго труда, у него началась работа теоретическая, которая была ему совершенно непосильна. Эта работа направилась на двоякаго рода предметы: на общія разсужденія о человѣческой природѣ, и на особенныя свойства и потребности русскаго общества.

Его моральный кодексъ долженъ былъ обнять всѣ стороны русскаго человѣка, и хорошія и дурныя (пріятели уже замѣчали ему, что онъ слишкомъ исключительно говоритъ о послѣднихъ); Гоголь рѣшилъ, что ему нужно опредѣлить высокое и низкое въ нашей природѣ, наши недостатки и достоинства; а чтобы опредѣлить природу русскаго человѣка, слѣдуетъ узнать природу и душу человѣка вообще.

«Съ этихъ поръ,—говоритъ онъ,—человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнанье тѣхъ *вѣчныхъ законовъ*, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. *Все* (?), гдѣ только выражалось познанье людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти

самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ человѣка... *Повѣркой разума* повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясной вѣрой и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно», и пр. [1]). Мы скажемъ дальше, насколько удовлетворительна могла быть «повѣрка разума»; довольно замѣтить теперь, что путемъ этой повѣрки, путемъ теоретическихъ разсужденій, Гоголь съ другой стороны подходилъ къ тому же мистицизму.

Второй предметъ, занявшій Гоголя, было собственно русское общество, его особенности, его настоящее и его потребности. Отношеніе Гоголя къ этому вопросу усложнялось различными обстоятельствами. Прежде мы упоминали, что Гоголь искони, съ семьи и лицея, воспитался въ наивномъ патріархальномъ консерватизмѣ, который потомъ еще усилился авторитетомъ его друзей въ пушкинскомъ кружкѣ: его общественная философія была готова уже въ эту пору. Его произведенія были по своей сущности, если не прямымъ протестомъ противъ господствовавшей рутины понятій, то сильнымъ возбужденіемъ общественной мысли противъ этой рутины; но этого не сознавали ясно ни Гоголь, ни сами его друзья. Только послѣ они увидѣли, что дѣйствіе произведеній Гоголя на публику выходитъ не совсѣмъ то, какого они ожидали; оно переходило мѣрку, которая имѣлась у нихъ для «изящной словесности». Самъ Гоголь, по всей вѣроятности, долженъ былъ чувствовать извѣстное внутреннее удовлетвореніе отъ обширнаго вліянія своихъ произведеній (выше упомянуто объ его секретныхъ свиданіяхъ съ Бѣлинскимъ), но едва ли могъ относиться искренно къ своимъ почитателямъ изъ новой литературной школы, и потомъ больше и больше долженъ былъ вторить своимъ ближайшимъ друзьямъ. Для этихъ друзей имя Бѣлинскаго было цѣлью самой искренней и самой полной ненависти; они должны были внушать свои взгляды и Гоголю и возстановлять его противъ его почитателей новаго направленія:— по крайней мѣрѣ Гоголь ясно говоритъ о «подталкиваньяхъ» друзей при изданіи имъ «Выбранныхъ Мѣстъ». Гоголю указывали, что его сочиненіямъ дается превратный смыслъ, что эти сочиненія, къ сожалѣнію, слишкомъ останавливаются на темныхъ отрицательныхъ сторонахъ русскаго общества, что и давало поводъ къ превратнымъ истолкованіямъ, и онъ еще разъ убѣждался, что ему не должно ограничиваться темными сторонами, а слѣ-

[1]) Изд. Кулиша, III, 505 („Авторская Исповѣдь"). Записки о жизни Гоголя, II, 168, принимаютъ эту „повѣрку разума" буквально...

дуетъ также изобразить лучшія, высшія свойства и достоинства русскаго человѣка...

Наконецъ, присоединяются щекотливыя отношенія къ властямъ. Выше упомянуто, какъ онъ съ самаго начала связалъ тѣсныя отношенія съ людьми извѣстнаго круга и полу-оффиціальнаго значенія; какъ онъ, ради своей литературной «службы», считалъ себя въ правѣ на прямыя пособія со стороны властей, и черезъ друзей своихъ добивался этихъ пособій довольно назойливо. Теперь понятіе о литературной «службѣ» развилось вполнѣ. Онъ «почувствовалъ, что на поприщѣ писателя можетъ также сослужить службу государственную»; обдумывая свое сочиненіе, чувствовалъ, что оно «можетъ дѣйствительно принести пользу», и чѣмъ дальше, тѣмъ больше видѣлъ, что ему «*не случайно* слѣдуетъ взять характеры, какіе попадутся», но должно выставить кромѣ низкихъ, и высшія свойства русской природы. «Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самымъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностію, которую онъ занимаетъ *(чего никогда я даже не имѣлъ и въ мысляхъ)*, я увидалъ, что *нужно съ смѣхомъ быть очень осторожнымъ*» и пр. [1]). Въ самомъ дѣлѣ, литературный чиновникъ, литературное «значительное лицо», какимъ Гоголю должно было считать себя съ этой точки зрѣнія, не могло уже предаваться смѣху, которому бы вторила легкомысленная толпа, незнающая высшихъ соображеній: Гоголь думалъ размѣрять и раздавать, по заслугамъ, свой смѣхъ и свои одобренія, какъ наказаніе и награду — съ точки зрѣнія государственной пользы. Это было конечно заблужденіе, но оно было еще тѣмъ прискорбнѣе, что Гоголь безъ сомнѣнія руководился при этомъ и своими личными отношеніями къ властямъ. Онъ не былъ въ этихъ отношеніяхъ наивенъ [2]), и мы видѣли выше, какъ въ одной просьбѣ о деньгахъ онъ рекомендуетъ указать начальству именно *тѣ*, а не *другія* изъ своихъ сочиненій, слѣдовательно очень соображалъ, что *другія* могутъ быть начальству не совсѣмъ симпатичны. Заявляя свои *права* на пособія и милости, онъ понималъ, что на него за то ложатся извѣстныя *обязанности*, что онъ долженъ отплатить именно начальству за эти милости. И онъ принялся отплачивать [3]): отсюда — осторож-

1) „Авторская Исповѣдь", Кул. т. III, 503 — 504.

2) Повторимъ опять ссылку на характеристику, сдѣланную г. Анненковымъ.

3) Въ 1842, онъ пишетъ кн. Дондукову-Корсакову, что „ни въ какомъ случаѣ не

ное обращеніе со смѣхомъ, отсюда—изображеніе высшихъ, лучшихъ свойствъ русской природы, отсюда — тѣ идеально-добродѣтельныя, образцовыя лица, которыми онъ сталъ населять продолженіе «Мертвыхъ Душъ».

Въ такихъ направленіяхъ шли мысли Гоголя въ его послѣднемъ періодѣ. Этотъ періодъ начался гораздо раньше изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но на первомъ томѣ еще не успѣло отразиться вліяніе этихъ мыслей, — онѣ еще не успѣли до такой степени овладѣть имъ, и присутствіе этихъ мыслей можно замѣтить развѣ только въ такъ-называемыхъ «лирическихъ мѣстахъ». На второмъ томѣ ихъ вліяніе было очевидно...

Извѣстно, какимъ результатомъ оно отразилось на продолженіи «Мертвыхъ Душъ». Почитатели Гоголя не даромъ опасались гибели таланта. Постороннія соображенія совершенно спутали работу Гоголя, и тамъ, гдѣ выступала его тенденція, поэзія удалялась...

Художественный писатель можетъ конечно вводить этотъ теоретическій элементъ въ свою работу, можетъ сообщать ей обдуманную сознательную тенденцію,—но при этомъ необходимо, чтобы самая тенденція была его полнымъ искреннимъ убѣжденіемъ, чтобы она была вѣрна лучшимъ интересамъ жизни. Въ какомъ положеніи былъ Гоголь въ этомъ случаѣ; чѣмъ оправдывалась его тенденція; какія средства имѣлъ онъ, чтобы вѣрно понять положеніе общества и лучшіе интересы его, которымъ должно служить искусство?

Мы замѣтили, что теоретическая работа, имъ предпринятая, была ему непосильна. Въ самомъ дѣлѣ, предположивъ, что онъ не вмѣшивалъ сюда никакого грубаго матеріальнаго разсчета, — онъ былъ очень мало, даже вовсе не приготовленъ къ правиль-

---

позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему".

Въ 1845, въ письмѣ къ гр. Уварову, онъ выражаетъ сожалѣніе, что хотя въ основаніи его труда легла добрая мысль, но она выражена не зрѣло и *не такъ бы слѣдовало:* „не даромъ большинство приписываетъ ему скорѣе *дурной* смыслъ, чѣмъ хорошій"; онъ соболѣзнуетъ, что „въ неоплатномъ долгу" — у правительства; надѣется на будущій трудъ, предметъ котораго „не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ (гр. Уварова) помышленій", утѣшается мыслью, что современемъ, когда трудъ будетъ конченъ, власть скажетъ о немъ: „этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать мнѣ свою признательность".

Въ 1846, въ письмѣ къ г-жѣ Смирновой объясняетъ, почему не представлялся государю, который былъ тогда въ Римѣ: „Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ". (Кул. V, 461, VI, 173, 233).

ному рѣшенію вопросовъ, въ зависимость отъ которыхъ онъ самъ поставилъ теперь свою работу. Онъ корилъ Бѣлинскаго недостаточностью образованія, но его собственное было еще недостаточнѣе. «Я началъ поздо свое воспитаніе, — говоритъ самъ Гоголь, — въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ», и дѣйствительно, у него было запасено слишкомъ немного матеріала для правильныхъ сужденій объ общественной жизни, которую онъ хотѣлъ разъяснить соотечественникамъ; «силъ много, но умѣнья править этими силами мало» [1]. Въ «Авторской Исповѣди» онъ говоритъ: «...Надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія» [2]. И справедливость этого признанія вполнѣ подтверждается указаніями его біографіи и сочиненій. Правда, онъ говоритъ (и его біографъ довѣрчиво повторяетъ его слова), что онъ изучалъ книги законодателей и душевѣдцевъ, но чтеніе подобныхъ книгъ безъ опредѣленной, т.-е. научной методы можетъ вести къ самымъ грубымъ заблужденіямъ, — а существованіе методы у Гоголя болѣе чѣмъ сомнительно, когда онъ читалъ законодателей и душевѣдцевъ рядомъ съ «первоначальными книгами». Въ сочиненіяхъ его вовсе не замѣтно результатовъ этого чтенія, и вся его философія ограничилась самымъ обыкновеннымъ піэтистическимъ консерватизмомъ, въ родѣ философіи Шевырева... Долгая жизнь въ Европѣ повидимому нисколько не познакомила его съ дѣйствительнымъ состояніемъ европейской образованности [3], и напр. пониманіе итальянской жизни, въ которой ему нравилась живописная сторона консервативно-неподвижнаго быта, можетъ служить образчикомъ его взглядовъ — тамъ, гдѣ онъ еще пріобрѣлъ какое-нибудь знакомство съ жизнью. Другія страны были ему знакомы не болѣе, чѣмъ обыкновенному туристу; онъ по слухамъ, отъ своихъ же пріятелей, имѣлъ нѣкоторыя представленія о томъ, что́ тамъ творится, и эти представленія были крайне неясны; къ Германіи онъ питалъ чуть не ненависть [4]: не любя Германіи, онъ и не зналъ ея. Языками онъ владѣлъ и, вѣроятно, пользовался мало;

---

1) Въ письмѣ 1847, изд. Кул. VI, 392, 393.

2) Изд. Кулиша, III, 505. Ср. письмо къ Шевыреву, 1844, тамъ же VI, 121; и Записки о жизни Гоголя I, 23 — 24.

3) Ср. воспоминанія г. Анненкова, г. Арнольди и др.

4) См. напр. его отзывы еще въ болѣе свѣтлую пору, 1839—40 г., у Кул. V, 374, 408; и отъ 1844 г., VI, 136.

по-нѣмецки едва ли могъ читать. Европейская литература вѣроятно также мало ему была любопытна и извѣстна, какъ европейская жизнь; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ онъ упоминаетъ о ней, видны только произвольныя ходячія фразы, не совсѣмъ правильно приложенныя [1]). Наконецъ, люди, расположенные судить о Гоголѣ благопріятно, утверждаютъ, что онъ, имѣя «претензію знать все лучше другихъ», собственно говоря имѣлъ очень неясныя представленія о самой русской жизни. «Онъ не зналъ нашего гражданскаго устройства, нашего судопроизводства, нашихъ чиновническихъ отношеній, даже нашего купеческаго быта»; «онъ не обращалъ вниманія на внѣшнее устройство Россіи, на всѣ малыя пружины, которыми двигается машина»; «Гоголь не желалъ научиться чему-нибудь отъ другихъ и не любилъ никакихъ противорѣчій—такъ поступалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось важныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ, въ искусствѣ, или даже какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи ума человѣческаго» и проч. [2]). По словамъ того же автора, Гоголь въ этихъ предметахъ былъ чистый самоучка, и какъ обыкновенно бываетъ, самоучка, не знавшій дѣла какъ слѣдуетъ, но самолюбивый и упрямый: онъ или отыскивалъ вещи давно извѣстныя, или впадалъ въ чистыя фантазіи и грубыя ошибки. Такъ, не говоря о множествѣ странныхъ притязаній и практическихъ совѣтовъ, какими преисполнена «Переписка», онъ даже въ предметахъ литературныхъ терялъ подъ ногами всякую почву. Довольно было бы указать въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» пророчества объ «Одиссеѣ», которой онъ предвѣщалъ роль какого-то откровенія не только для общества, но даже для «народа» (!): такъ спутывались у него самыя простыя понятія о литературѣ,—если не было здѣсь слишкомъ грубой лести Жуковскому. Такъ онъ рѣшаетъ споры между европеистами и славянофилами, предпочитая тѣмъ и другимъ Шевырева, и пожалуй Вигеля [3]); такъ онъ находитъ, что у насъ совершенно возможна полная свобода мысли [4]), и т. д.

Всѣ эти и подобные недостатки въ теоретическомъ образованіи могли не вредить и не вредили Гоголю, пока онъ слѣдовалъ

---

[1]) Напр. когда онъ говоритъ въ „Перепискѣ“, будто къ такимъ писателямъ, какъ Гёте, Шиллеръ, Бомарше, Лессингъ,—„даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей-фанатиковъ (?), занимавшихся вопросами политическими“ и проч. Кул. III, 381.

[2]) Воспоминанія Л. Арнольди, стр. 69—71.

[3]) См. «Выбранныя Мѣста», и также изд. Кулиша VI, 267, 408—409.

[4]) Въ письмѣ къ Языкову, Кул. VI, 449.

непосредственнымъ влеченіямъ своего таланта, но когда онъ поставилъ на первомъ планѣ именно свои теоретическія разсужденія, его паденіе было неминуемо. Онъ самъ, напротивъ, думалъ, что великое созданіе еще впереди, и что оно изумитъ всѣхъ своими неожиданными красотами и открытіями. Онъ такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что поторопился издать «Выбранныя Мѣста», какъ образчикъ тѣхъ откровеній, которыя предстояли читателю во второмъ томѣ. Самый фактъ изданія «Выбранныхъ Мѣстъ» съ этими ожиданіями достаточно показываетъ, какъ мало зналъ Гоголь состояніе русскаго общества. Никто изъ его друзей не подумалъ, въ теченіе долгой переписки до этого, сдѣлать Гоголю никакого указанія; даже Аксаковы поддались впечатлѣнію отъ его мистически-диктаторскихъ писемъ.

Пріемъ «Переписки» въ литературѣ сильно озадачилъ и поразилъ Гоголя. Тутъ только сталъ онъ подозрѣвать громадность своей ошибки,—но передѣлывать себя было уже трудно...

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще слишкомъ мало матеріала, по которому можно было бы опредѣлить дальнѣйшій ходъ мыслей Гоголя. Повидимому, онъ убѣдился прежде всего, что изъ «прекраснаго далека» не совсѣмъ удобно изучать общество и надѣлять его своими поученіями; съ возвращенія изъ Іерусалима, онъ уже не покидалъ Россіи, и ревностно работалъ надъ «Мертвыми Душами». Исторія ихъ до сихъ поръ еще темна. Извѣстные теперь тексты представляютъ предварительную, еще не законченную работу, притомъ со многими пропусками противъ того, что онъ читалъ своимъ друзьямъ около 1849 года. Друзья, слышавшіе тогда его чтеніе [1]), были отъ него въ восторгѣ, который конечно еще мало ручается за дѣйствительное достоинство произведенія Гоголя; эти друзья,—за исключеніемъ Аксаковыхъ,—восторгались и «Перепиской». Но если мы не знаемъ послѣдняго текста второго тома, то мы имѣемъ три предварительныхъ текста; они даютъ нѣкоторую возможность судить объ общемъ характерѣ работы Гоголя, которая, повидимому, и до конца сохраняла много общаго съ этими предварительными текстами.

Второй томъ «Мертвыхъ Душъ», за нѣкоторыми различіями подробностей въ разныхъ текстахъ, представляетъ именно отраженіе тѣхъ мыслей, какія занимали Гоголя въ послѣднемъ періодѣ его жизни, и которыя мы старались прослѣдить. Въ немъ остался слѣдъ обѣихъ сторонъ его внутренней жизни,—и свобод-

[1]) Они названы въ Зап. о жизни Гоголя, II, стр. 226—230, 249.

ные порывы таланта, и вялыя попытки провести придуманную тенденцію. Разсказъ явно ведется съ цѣлью убѣдить читателя въ той морали, которую излагала «Переписка». Главная тема — «прочное дѣло жизни». Надо бросить всякія теоріи, особенно вольнодумныя; пусть всякій довольствуется своимъ положеніемъ, исполняетъ свои обязанности,—тогда достигнется частное и общее благосостояніе. Не нужно слишкомъ заботиться о школѣ, она мало помогаетъ, даже сбиваетъ съ толку: человѣкъ, учившійся «на мѣдные гроши», но составившій себѣ большое состояніе своего рода кулачествомъ, добываніемъ денегъ даже изъ всякой дряни—кажется Гоголю однимъ изъ достойнѣйшихъ типовъ русскаго общества. Не нужно никакихъ преобразованій—все и безъ того хорошо; надо только, чтобы исполнялись законы, чтобы каждый жилъ по-христіански, избѣгалъ губительной роскоши и т. п. Въ числѣ новыхъ лицъ, выведенныхъ во второмъ томѣ, являются, и должны были занять большую роль, между прочимъ, такія лица, которыя должны были представлять «лучшія свойства русскаго человѣка» и служить идеалами. Это—добродѣтельный откупщикъ и милліонеръ Муразовъ, добродѣтельный генералъ-губернаторъ, трудолюбивый Костанжогло. Муразовъ—милліонеръ и вмѣстѣ христіанскій подвижникъ, добродѣтельно добывшій милліоны на откупахъ; генералъ-губернаторъ, говорящій своимъ подчиненнымъ буквально такія нравственно-мистическія и длинныя рѣчи, какими преисполнена «Переписка»; «дивное созданіе Улинька»; съ другой стороны наказаніе порока, въ лицѣ Чичикова, козни чиновниковъ, обращеніе «вѣрующаго» кутилы на подвигъ добра, съ помощью благодѣтельнаго откупщика, — все это такія безжизненныя, натянутыя фигуры, все это такъ фальшиво, что бросается въ глаза явное и жалкое паденіе таланта, загнаннаго на совершенно ему несвойственную дорогу — точно, вмѣсто Гоголя, читаешь «нравственно-сатирическій романъ» тридцатыхъ годовъ...

Въ самомъ дѣлѣ, философія Гоголя не шла дальше этого.—Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, гдѣ Гоголь оставался самимъ собой, у него и здѣсь являются черты, достойныя прежняго времени; но въ цѣломъ, второй томъ «Мертвыхъ Душъ» представлялъ что-то тяжелое, натянутое, фальшивое и скучное.—И это была «тайна», съ которой онъ носился передъ своими друзьями,—«чудное созданіе», «нѣчто колоссальное», «сокровище»,—которымъ онъ надѣялся поразить русское общество и сослужить государственную службу! Это былъ пресловутый «переломъ», отъ котораго пришли въ восторгъ его петербургскіе друзья, обрадовавшись, что

Гоголь наконецъ торжественно «отрекался» отъ своихъ почитателей [1]).

Первая редакція второго тома по всѣмъ вѣроятіямъ современна «Перепискѣ»—совершенно та же тенденція, много сходства даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; это—тенденція, которую сталъ выработывать себѣ Гоголь въ «прекрасномъ далекѣ», на основаніяхъ, вынесенныхъ изъ понятій его друзей пушкинскаго круга, ими поощренныхъ и поддержанныхъ [2]).

Вторая редакція составлялась повидимому довольно долго, и позднѣе «Переписки». Нѣкоторыя подробности несомнѣнно принадлежатъ тому времени, когда Гоголь велъ переписку съ Бѣлинскимъ. Одинъ критикъ [3]) вѣрно замѣтилъ, что передѣлывая одно мѣсто въ 1-й главѣ 2-го тома, Гоголь очевидно имѣлъ въ виду Бѣлинскаго. Именно, въ описаніи сосѣдей Тентетникова, ему надоѣдавшихъ, вмѣсто «брандера-полковника, мастера и охотника на разговоры обо всемъ», во второй редакціи является «рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ», и этому студенту приписывается уже не «живое и ловкое», а «европейски открытое» обращеніе. Далѣе, «начитавшійся всякихъ брошюръ, недокончившій учебнаго курса эстетикъ» упоминается въ числѣ членовъ противузаконнаго общества, — черты, которыя упомянутый критикъ справедливо считалъ направленными противъ Бѣлинскаго. Въ доказательство можно было бы еще прибавить, что подобными чертами Гоголь хотѣлъ уколоть Бѣлинскаго еще тогда, когда писалъ свой длинный обличительный отвѣтъ ему, оставшійся непосланнымъ [4]).

Кажется, полный «переломъ». Но петербургскіе пріятели Гоголя жестоко ошиблись, предполагая, что Гоголь можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи что-нибудь, достойное прежней славы его таланта. Фальшивая тенденція, подложенная въ эту работу, давала только жалкіе результаты. Но, повидимому, эти пріятели

---

1) Ср. въ «Запискахъ о жизни Гоголя» I, 337, гдѣ исторія мнѣній Гоголя объясняется какъ «ясновидѣніе земной жизни» и «тоска по иной лучшей жизни»...

2) Идеалъ Костанжогло былъ издавна въ мысляхъ Гоголя; пусть сравнитъ читатель разсужденія Гоголя (во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ») о помѣщичьемъ хозяйствѣ, напр. съ его разсужденіями въ письмѣ къ его пріятелю А. С. Данилевскому, въ августѣ 1841. (Кул. V, 446—447. Это точно отрывокъ изъ 2-го тома).

3) Г. Чижовъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1872, іюль, стр. 432—439.

4) Ср. „нынѣшнія легкія, брошюрки (?), написанныя Богъ вѣсть кѣмъ", или «современныя брошюры, писанныя разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямаго взгляда», и т. п. Кулиша VI, 384, 386. По всей вѣроятности, Гоголь имѣлъ весьма слабое представленіе о томъ, что могли говорить эти «брошюры».

ошиблись и въ прочности «перелома». Правда, Гоголь вѣроятно до послѣдняго времени сохранилъ вражду къ новому образу мыслей [1]), но онъ начиналъ сознавать и свои ошибки. Сначала, опытъ съ «Выбранными Мѣстами», потомъ пребываніе въ Россіи показывали ему, что онъ слишкомъ поторопился съ своими рецептами для русскаго общества. Друзья продолжали передъ нимъ преклоняться [2]) и только помогали его самолюбію; но при всемъ упрямствѣ въ своихъ фантастическихъ идеяхъ, онъ уступалъ времени, и тонъ его писемъ значительно измѣняется.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о направленіи мнѣній Гоголя за это время, и о послѣдней переработкѣ 2-го тома. Его ближайшіе друзья, Шевыревъ, NF, и т. д. восхищались 2-мъ томомъ; и это восхищеніе конечно еще мало ручалось за его достоинства. Но Гоголь читалъ 2-й томъ и Аксаковымъ, которые вовсе не были поклонниками «Переписки». Когда Гоголь сталъ въ первый разъ читать у нихъ «Мертвыя Души», С. Т. Аксаковъ пришелъ въ невольное смущеніе, опасаясь—увидѣть паденіе таланта Гоголя; самъ Гоголь смѣшался, понявши его мысль; но чтеніе 1-й главы второго тома привело Аксаковыхъ въ полный восторгъ. Когда С. Т. Аксаковъ, по просьбѣ Гоголя, сообщилъ ему нѣсколько замѣчаній о прочитанномъ, Гоголь очевидно былъ ими обрадованъ: «Вы замѣтили мнѣ,—говорилъ онъ,—именно то, что я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что то же замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ». Пристрастіе состояло въ томъ, что Аксаковъ-отецъ считалъ «Переписку» позорной книгой, и сказалъ объ этомъ Гоголю.

Черезъ нѣсколько времени Гоголь прочелъ у Аксаковыхъ ту же главу во второй разъ: «мы были поражены удивленіемъ,—передаетъ С. Т. Аксаковъ,—глава показалась намъ еще лучше и *какъ будто написана вновь*». До лѣта 1850 г., Гоголь прочелъ имъ четыре главы.

Повидимому талантъ еще не покидалъ Гоголя, и служилъ ему, когда онъ давалъ ему просторъ и свободу. Онъ пробивался во 2-мъ томѣ при всѣхъ нелѣпостяхъ его тенденціи. Даже въ самую темную пору «Переписки», талантъ—какъ будто противъ его собственной воли—указывалъ ему истинныя свойства русской дѣйствительности, и у Гоголя вырывались признанія, очень мало

---

[1]) См. напр. письмо къ Жуковскому отъ конца 1849 г., въ изд. Кулиша, VI, 496.

[2]) Объ ихъ странныхъ отношеніяхъ къ Гоголю см. воспоминанія г. Н. Берга.

похожія на весь тонъ его мыслей, и хотя, замѣтивъ ихъ, онъ спѣшитъ прибавить къ нимъ піэтистическій комментарій, онъ не можетъ скрыть ихъ грустной правды. «Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ (говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ «Переписки»), какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла,—и до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель, съ черствымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей!» Отчего это? Кто виноватъ?» [1]) Но Гоголь не въ состояніи объяснить себѣ этого явленія, не подозрѣваетъ, что виноваты въ немъ условія нашей жизни, стѣсненіе образованія, отсутствіе общественности, словомъ, тѣ самыя вещи, которыя онъ самъ тутъ же возводитъ въ апотеозу... И во 2-мъ томѣ также, тенденціозныя сплетенія не разъ прерываются совсѣмъ инымъ тономъ, иными мыслями и картинами. Такъ, Гоголь заставляетъ своего генералъ-губернатора говорить чиновникамъ назидательно-піэтистическую рѣчь, совершенно невозможную, но картина русскаго управленія въ этой рѣчи поражаетъ своей правдой и можетъ напомнить настоящаго Гоголя...

Наконецъ, изданные недавно варіанты 2-го тома [2]) представляютъ третью редакцію, быть можетъ ту самую, о которой Гоголь въ 1850 говорилъ М. А. Максимовичу, что съ нея «туманъ сошелъ» (съ первой главы). Въ разсказѣ являются новые эпизоды, а изъ прежнихъ исчезаютъ тѣ подробности, которыя Гоголь разсчитывалъ для своихъ тенденціозныхъ цѣлей. Такъ, нѣтъ здѣсь удивительной школы, гдѣ преподавалась «наука жизни»; герой романа уже не предается мечтаніямъ о патріархальномъ

---

[1]) Выбран. Мѣста, въ изд. Кулиша, III, стр. 402. То же впечатлѣніе онъ повторяетъ въ «Авторской Исповѣди». Говоря о своемъ желаніи изучить Россію, онъ замѣчаетъ: «Провинціи наши... меня изумили... Тамъ даже имя Россія не раздается на устахъ... Словомъ, во все пребыванье мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣявалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало». Тамъ же, III, стр. 514. Бѣлинскій замѣтилъ эти противорѣчія съ остальнымъ содержаніемъ «Переписки»,— въ своей статьѣ по поводу этой книги.

[2]) Въ «Р. Старинѣ», 1872.

значеніи и высокомъ смыслѣ помѣщичьей власти, и въ немъ скорѣе можно видѣть человѣка съ новыми понятіями. Какъ прежде, въ изображеніи «недоучившагося студента» Гоголь хотѣлъ отомстить Бѣлинскому за статью и за письмо, такъ здѣсь напротивъ замѣтно вліяніе письма Бѣлинскаго: напримѣръ, Бѣлинскій нѣсколько разъ повторяетъ мысль о необходимости пробуждать въ народѣ чувство «человѣческаго достоинства», и Гоголь сообщаетъ теперь своему герою эту самую мысль, которой не было и признака въ прежнихъ редакціяхъ. Самъ «недоучившійся студентъ» уже не находится въ числѣ сосѣдей Тентетникова... Такимъ образомъ, можно думать, что послѣднія работы Гоголя надъ вторымъ томомъ уже отступали отъ направленія «Переписки» въ другую, лучшую сторону; ему объяснялись хоть нѣкоторыя стороны новаго образа мыслей, къ которому онъ, вмѣстѣ съ петербургскими друзьями, относился прежде съ такимъ высокомѣріемъ и враждой.

«Переломъ», отъ котораго эти друзья ожидали новой, высшей дѣятельности Гоголя, не удавался; но талантъ Гоголя былъ дѣйствительно надломленъ—и его физическимъ истощеніемъ, а еще болѣе той ложью понятій, которую въ теченіе стольких лѣтъ Гоголь въ себѣ воспитывалъ, а друзья усердно поддерживали. Мудрено предположить, чтобы Гоголь въ состояніи былъ вынести происходившую въ немъ борьбу и снова дѣйствовать въ литературѣ съ его прежнею силою; напротивъ, и сожженіе второго тома передъ смертью было вѣроятно результатомъ этого мучительнаго сознанія, послѣднимъ порывомъ его прежняго свободнаго поэтическаго чувства.

Печальная литературная судьба Гоголя показала, какъ сильно измѣнилось состояніе литературы. Прошло только пятнадцать лѣтъ со смерти Пушкина, въ кругѣ котораго Гоголь получилъ главныя основанія своихъ общественныхъ понятій, — и когда Гоголь захотѣлъ построить изъ нихъ систему въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и дѣйствовать въ ихъ смыслѣ на новое общество, его предпріятіе рушилось самымъ жалкимъ образомъ. Гоголь остался великимъ именемъ въ литературѣ — по тѣмъ произведеніямъ, которыя создавалъ свободной силой своего таланта, подъ живыми, хотя и несознаваемыми, вліяніями дѣйствительности; но исторія литературы считаетъ его паденіемъ тотъ періодъ, когда, отказавшись отъ прежней дѣятельности, онъ сталъ проповѣдовать общественную философію, отжившую свое время еще въ тридцатыхъ годахъ.

А. Пыпинъ.

КОМУ И КАКЪ
РАЗРАБОТЫВАТЬ ПСИХОЛОГІЮ?

I.

Психическая жизнь подчинена непреложнымъ законамъ; въ этомъ смыслѣ психологія можетъ быть положительной наукой. — Но она дѣлается ею только тогда, когда найдена возможность доказать непреложность законовъ не только въ отношеніи къ цѣлому, но и къ частностямъ. — Въ ряду всѣхъ міровыхъ явленій только два отдѣла ихъ могутъ быть сопоставлены по сходству съ фактами психической жизни человѣка: психическая жизнь животныхъ и нервныя дѣятельности въ тѣлѣ, какъ самого человѣка, такъ и въ тѣлѣ животныхъ, изучаемыя физіологіею.—Оба ряда явленій, будучи по содержанію проще психическихъ явленій у человѣка, могутъ служить средствомъ къ разъясненію послѣднихъ. — Сопоставленіе конкретныхъ психическихъ явленій у животныхъ и человѣка есть сравнительная психологія. — Сопоставленіе же психическихъ явленій съ нервными процессами его собственнаго тѣла кладетъ основу аналитической психологіи, такъ какъ тѣлесныя нервныя дѣятельности до извѣстной степени уже расчленены.—Такимъ образомъ, оказывается, что психологомъ-аналитикомъ можетъ быть только физіологъ.

Всякій, кто признаётъ психологію неустановившейся наукой, долженъ неизбѣжно признать вмѣстѣ съ этимъ, что у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ умственныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ внутренняго чувства или психическаго зрѣнія, которое, сливаясь съ познаваемымъ, познавало бы продукты сознанія непосредственно, по существу. Въ самомъ дѣлѣ, обладая такимъ громаднымъ преимуществомъ передъ науками о матеріальномъ мірѣ, гдѣ объекты познаются посредственно, психологія, какъ наука, не только должна была бы идти впереди всего естествознанія, но и давно сдѣлаться безгрѣшною въ своихъ

выводахъ и обобщеніяхъ. А на дѣлѣ мы видимъ еще нерѣшеннымъ споръ даже о томъ, *кому* быть психологомъ и *какъ* изучать психическіе факты?

Кто признаётъ психологію неустановившейся наукой, долженъ признать далѣе, что объекты ея изученія, психическіе факты, должны принадлежать къ явленіямъ въ высшей степени сложнымъ. Иначе, какъ объяснить себѣ ужасающую отсталость психологіи въ дѣлѣ научной разработки своего матеріала, несмотря на то, что разработка эта началась съ древнѣйшихъ временъ,—раньше, чѣмъ, напр., стала развиваться физика и особенно химія?

Съ другой стороны, всякій, кто утверждаетъ, что психологія, какъ наука, возможна, признаётъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что психическая жизнь вся цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы ея должны быть подчинены столько же непреложнымъ законамъ, какъ явленія матеріальнаго міра, потому что только при такомъ условіи возможна *дѣйствительно научная* разработка психическихъ фактовъ.

По счастію, этотъ жизненный вопросъ психологіи рѣшается утвердительно даже такими психологическими школами, которыя считаютъ духовный міръ отдѣленнымъ отъ матеріальнаго непроходимою пропастью. Да и можно-ли въ самомъ дѣлѣ думать иначе? Основныя черты мыслительной дѣятельности человѣка и его способности чувствовать остаются неизмѣнными въ различныя эпохи его историческаго существованія, не завися въ то же время ни отъ расы, ни отъ географическаго положенія, ни отъ степени культуры. Только при этомъ становится понятнымъ сознаніе нравственнаго и умственнаго родства между всѣми людьми земного шара, къ какимъ бы расамъ они ни принадлежали; только при этомъ становится для насъ возможнымъ понимать мысли, чувства и поступки нашихъ предковъ въ отдаленныя эпохи. Единственный камень преткновенія въ дѣлѣ принятія мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью, составляетъ такъ-называемая произвольность поступковъ человѣка. Но статистика новѣйшаго времени бросила неожиданный свѣтъ и въ эту запутанную сферу психическихъ явленій, доказавъ цифрами, что нѣкоторыя изъ дѣйствій человѣка, принадлежащихъ къ разряду наиболѣе произвольныхъ (напр., вступленіе въ бракъ, самоубійство и пр.), подчинены опредѣленнымъ законамъ, если разсматривать ихъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на массахъ, притомъ за болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Впрочемъ, и независимо отъ этихъ драгоцѣнныхъ указаній статистики, нетрудно убѣдиться съ общей точки зрѣнія, что даже по отношенію къ отдѣльнымъ

лицамъ произвольность никогда не достигаетъ размѣровъ, нарушающихъ опредѣленную правильность, законность человѣческихъ дѣйствій. Прислушайтесь, напр., къ суду общественнаго мнѣнія о поступкахъ отдѣльныхъ личностей — одинъ приписывается средѣ, другой воспитанію, третій характеру, и только въ поступкахъ сумасшедшаго часто бываетъ трудно отыскать тѣ мотивы, изъ которыхъ дѣйствіе вытекало бы какъ послѣдствіе; но и здѣсь такіе мотивы конечно есть, только связь ихъ съ дѣйствіями другая, чѣмъ у нормальнаго, и потому поступокъ лишенъ характера разумности. Подчиненность людскихъ дѣйствій опредѣленнымъ законамъ очень рѣзко высказывается еще въ нашей способности создавать художественные литературные типы самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Типы эти оттого именно и кажутся намъ истинными, правдивыми, что всѣ ихъ дѣйствія строго вытекаютъ изъ данныхъ ихъ характера, изъ условій среды и пр.

Итакъ, основное условіе для того, чтобы психологія могла сдѣлаться положительной наукой, не только дѣйствительно существуетъ, но уже издавна сознается всякимъ мыслящимъ человѣкомъ.

Этимъ дана однако только возможность науки, дѣйствительное же ея возникновеніе начинается съ того момента, когда непреложность явленій можетъ быть доказана, а не только предчувствуема, притомъ не только по отношенію къ цѣлому, т.-е. въ общихъ чертахъ, но и къ частностямъ. Всякій простолюдинъ сознаётъ, напр., роковую связь между пламенемъ и сгораніемъ при его посредствѣ горючихъ предметовъ; но это не научное знаніе, а лишь сырой матеріалъ для науки. Послѣдняя должна расчленить цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложныя отношенія на болѣе простыя, и если ей это удается въ значительной степени, тогда предчувствуемая непреложность превращается въ научную очевидность. Этимъ же путемъ должна идти и психологія. Прежде всего она должна выработать общіе принципы, какъ расчленять, анализировать психическое явленіе.

Такъ какъ мы признали психологію наукой неустановившейся, то для выясненія способа рѣшенія ея первой задачи удобнѣе всего будетъ встать на такую точку зрѣнія, какъ будто бы научной разработки психическихъ фактовъ не существовало вовсе. Вставъ на такую точку зрѣнія, читатель долженъ глубоко проникнуться аксіомой, лежащей въ основѣ всякаго *созидающагося* человѣческаго изученія (этимъ путемъ шла даже математика),—

восходить съ цѣлью изученія отъ простого къ сложному, или что то же, объяснять сложное болѣе простымъ, но никакъ не наоборотъ. Затѣмъ ему уже станетъ самому ясно, что дальнѣйшимъ шагомъ изученія должно быть сопоставленіе, сравненіе изучаемыхъ сложныхъ фактовъ съ другими, болѣе простыми, но похожими на нихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Пусть же читатель переберетъ въ своемъ умѣ самъ всѣ разнообразные роды и виды явленій на земной поверхности, въ сферѣ неорганическаго міра, въ растеніяхъ, животныхъ и наконецъ въ средѣ человѣческаго общества, и попытается сравнить психическія проявленія человѣка съ каждой изъ группъ явленій поочередно. Всякій мыслящій человѣкъ найдетъ, что психическая жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ нѣчто похожее на себя только въ психическихъ проявленіяхъ у животныхъ, и затѣмъ пойметъ, что элементами психической жизни отдѣльныхъ людей опредѣляются явленія ихъ общественной жизни. Нечего и говорить, что первая группа явленій (т.-е. психическія проявленія у животныхъ), въ смыслѣ сложности, стоятъ книзу отъ психической жизни человѣка, какъ единицы, а вторая, наоборотъ, кверху.

Явно, что исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны служить, какъ простѣйшія, психическія проявленія у животныхъ, а не у человѣка.

Но, можетъ быть, сходство между психическими проявленіями у человѣка и животныхъ есть лишь чисто внѣшнее, въ сущности же разница между ними такъ громадна, что приравнивать ихъ другъ къ другу невозможно? Такое убѣжденіе у множества людей существуетъ и по сіе время, и оно конечно совершенно основательно, пока дѣло касается, такъ сказать, количественной стороны явленій — здѣсь разница въ самомъ дѣлѣ неизмѣримо велика. Но убѣжденіе въ качественномъ различіи между психической организаціей человѣка и животныхъ нельзя считать научно доказаннымъ; это продуктъ предчувствія, а не научнаго анализа фактовъ, такъ какъ у насъ нѣтъ, какъ науки, ни сравнительной психологіи животныхъ, ни психологіи собственно человѣка.

Но положимъ даже, что сходство въ психической организаціи человѣка и животныхъ идетъ лишь до извѣстнаго предѣла, за которымъ между ними начинаются различія по существу. И въ этомъ случаѣ раціональный путь для изученія психическихъ явленій у человѣка долженъ былъ бы заключаться въ разработкѣ сходныхъ сторонъ и въ предоставленіи рѣшенія дальнѣйшихъ вопросовъ будущему, если въ настоящемъ не имѣется налицо никакихъ прицѣпокъ для анализа ихъ.

Въ этомъ отношеніи очень поучительнымъ примѣромъ можетъ служить историческое развитіе физіологіи.

Сходства и различія явленій человѣческаго тѣла съ явленіями матеріальнаго міра оффицировали умъ человѣческій приблизительно такимъ же образомъ, какъ оффицируютъ его въ настоящее время сходства и различія психическихъ и соматическихъ проявленій у человѣка; и результатомъ этого было возникновеніе физіологическихъ школъ, не менѣе противоположныхъ другъ другу по направленію, чѣмъ школы идеалистовъ и матеріалистовъ въ психологіи. Одинъ оффицировался преимущественно двигательною стороною въ жизненныхъ проявленіяхъ тѣла и примыкалъ къ стану ятро-механиковъ, объяснявшихъ всю жизнь чисто механически; другой поражался химическою стороною явленій и переходилъ въ лагерь ятро-химиковъ; наконецъ, были люди, которые останавливались предпочтительно передъ тѣми сторонами жизни, которыми она рѣзко отличается съ виду отъ всего видимаго въ матеріальномъ мірѣ, и эти образовали третью группу физіологовъ, такъ-называемыхъ виталистовъ, которые считали животное тѣло одареннымъ особыми «живыми силами», неимѣющими ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Первыя два направленія, возникнувъ въ формѣ, доходившей въ деталяхъ часто до смѣшного, были тѣмъ не менѣе родоначальниками современнаго опытнаго физико-химическаго направленія физіологіи, тогда какъ второе не играетъ въ этой наукѣ уже ни малѣйшей роли. И это становится сразу понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ грубыхъ представленіяхъ ятро-механиковъ и ятро-химиковъ скрывались все-таки здоровые зачатки научнаго направленія, стремящагося *объяснить сложное простѣйшимъ,* тогда какъ изъ воззрѣній виталистовъ, выдѣлявшихъ природу человѣческаго тѣла изъ сферы всего болѣе простого, могло выдти развѣ одно удивленіе передъ фактомъ, но никакъ не расчлененіе его на простѣйшіе элементы. И въ настоящее время еще очень многія изъ физіологическихъ явленій тѣла остаются абсолютно загадочными (напр. оплодотвореніе яйца, развитіе зародыша, передача видовыхъ и индивидуальныхъ особенностей по наслѣдству и пр.); но ни единому физіологу и въ голову не приходитъ *объяснять* ихъ принятіемъ особыхъ силъ,—рядомъ съ такими нерѣшаемыми вопросами ставятъ обыкновенно лаконическое «не знаемъ».

Такъ бы слѣдовало поступать, очевидно, и въ разбираемомъ нами случаѣ. Къ сожалѣнію, представить хотя бы приблизительную оцѣнку важности сравнительнаго изученія психическихъ проявленій у животныхъ и человѣка въ настоящее время невозможно,

потому что сырой матеріалъ для этого хотя уже и готовъ (съ одной стороны, сумма наблюденій надъ животными, собранныхъ подъ общимъ именемъ «нравы и обычаи животныхъ», съ другой— такъ-называемая практическая психологія), но серьёзныя попытки къ сравнительной разработкѣ едва лишь начались. Легко понять, впрочемъ, что такое изученіе было бы особенно важно въ дѣлѣ классификаціи психическихъ явленій, потому что оно свело бы можетъ быть многія сложныя формы ихъ на менѣе многочисленные и простѣйшіе типы, опредѣливъ кромѣ того переходныя ступени отъ одной формы къ другой. Возможно, напр., что сравнительная психологія внесла бы болѣе естественную систему въ классификацію различныхъ видовъ чувства (чувство въ тѣсномъ смыслѣ, аффектъ, страсть) и изгладила бы ту глубокую пропасть, которая отдѣляетъ для человѣческаго сознанія разумъ отъ инстинкта, обдуманное дѣйствіе отъ невольнаго и проч.

Но, съ другой стороны, легко понять, что путемъ сравненія между собою конкретныхъ фактовъ большей и меньшей сложности въ самомъ счастливомъ случаѣ можно достичь лишь полнаго сведенія сложной конкретной формы на простую, но никакъ не расчленять послѣднюю. Значитъ, въ нашемъ случаѣ передъ изслѣдователемъ возникалъ бы новый вопросъ о способахъ расчленять конкретныя, психическія явленія у животныхъ. Средствъ для этого, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляетъ физіологія для анализа явленій животнаго тѣла, къ сожалѣнію у насъ нѣтъ, и главнѣйшая причина этому заключается въ томъ, что одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій,—сознательный элементъ, можетъ подлежать изслѣдованію только на самомъ себѣ, при помощи самонаблюденія.

Итакъ, сравнительно-психологическій методъ не можетъ заключать въ себѣ исходныхъ точекъ для *аналитическаго* изученія психическихъ явленій, и мы принуждены обратиться за ними къ другимъ источникамъ.

Но съ чѣмъ же сравнивать психическія явленія человѣка? Идти кверху, къ болѣе сложному,—нельзя; книзу, рядомъ съ ними, стоитъ нерасчленяемая для человѣка психическая жизнь животныхъ, а за нею начинается уже область матеріи. Неужели сравнивать психическую жизнь съ жизнью камней, растеній, или даже тѣла человѣка? — Извѣстно, что въ прошломъ величайшіе умы сравнивали тѣлесную и духовную жизнь человѣка и находили обыкновенно только глубокія различія между ними, а не сходства. Дѣло, дѣйствительно, было такъ; философы прежнихъ вре-

менъ стояли—и совершенно законно—по отношенію къ психическимъ фактамъ на точкѣ зрѣнія виталистовъ по отношенію къ явленіямъ тѣла; но это происходило оттого, что физіологіи въ то время не существовало, и тѣлесныя явленія не были настолько расчленены, чтобы аналогія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ психическими дѣятельностями могла броситься въ глаза. Теперь же другое дѣло: **физіологія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ такъ-называемыми нервными процессами въ тѣлѣ,** актами чисто-соматическими.

Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ [не нужно забывать, что когда какая-нибудь мысль доказывается цѣлымъ рядомъ доводовъ, то доказательность нужно искать въ суммѣ доводовъ, а не въ отдѣльныхъ фактахъ!]:

1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго времени и тѣмъ бо́льшаго, чѣмъ сложнѣе актъ (см. учебники физіологіи).

2) Психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія анатомо-физіологической цѣлости головного мозга (общеизвѣстно) [1]).

3) Зачатки, или по крайней мѣрѣ, зачатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно, изъ чисто-матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени (общеизвѣстно).

4) Черезъ посредство этихъ же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наслѣдственность извѣстныхъ талантовъ (общеизвѣстно).

5) Ясной границы между завѣдомо соматическими, т.-е. тѣлесными, нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи.

6) Физіологія, оставаясь на своей почвѣ, т.-е. изучая явленія въ тѣлѣ въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій и устройствомъ соотвѣтствующихъ, чувствующихъ снарядовъ или органовъ чувствъ (см. учебники физіологіи).

Изъ этихъ пунктовъ только 5-й требуетъ детальнаго развитія,

---

[1]) Сопоставивъ 1-й и 2-й пунктъ, выходитъ, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во времени и пространствѣ.

всѣ же прочіе давно стали или достояніемъ науки, или даже проникли въ публику. Чтобы доказать 5-й пунктъ, мнѣ будетъ достаточно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому что дѣятельности эти уже со временъ Локка признаются всѣми если не исключительными, то главными источниками психическаго развитія.

Съ дѣятельностями органовъ чувствъ можно сопоставлять только тѣ изъ нервныхъ процессовъ тѣла, которые происходятъ по типу такъ-называемыхъ рефлексовъ, потому что только послѣдніе имѣютъ общую существенную сторону съ первыми — возникать не иначе, какъ изъ внѣшняго возбужденія чувствующей поверхности, всегда входящей въ составъ дѣйствующаго аппарата. По счастію, нервные акты рефлекторнаго типа представляютъ огромнѣйшее большинство случаевъ въ тѣлѣ (немногіе случаи уклоненія отъ этого типа принадлежатъ къ разряду фактовъ наименѣе изслѣдованныхъ), такъ что аналогія можетъ быть проведена въ очень широкихъ размѣрахъ.

Въ рефлексѣ физіологія отличаетъ, соотвѣтственно устройству рефлекторнаго аппарата, три главныхъ момента: возбужденіе чувствующей поверхности, дѣятельность центра и проявленіе возбужденія въ сферѣ рабочихъ органовъ тѣла, мышцъ и железъ. Первый моментъ я буду называть иногда для краткости началомъ акта, второй серединой, а внѣшнее проявленіе концомъ. При такой тройственности состава явленія, рефлексы можно сопоставлять съ дѣятельностями органовъ чувствъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) со стороны общей физіономіи актовъ; 2) со стороны ихъ общаго значенія въ тѣлѣ (сравненіе общее); 3) со стороны осложненія явленія новыми элементами помимо трехъ основныхъ; и, наконецъ 4) со стороны связи между началомъ и серединой актовъ съ одной стороны, серединой и концомъ съ другой (частныя сравненія, которыми опредѣляется въ то же время относительное значеніе всѣхъ трехъ элементовъ рефлекса въ отдѣльности).

Внѣшняя физіономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и концомъ ихъ, такъ какъ середина недоступна непосредственному наблюденію. Щипните, напр., лапку обезглавленной лягушкѣ, она тотчасъ же отдернетъ ногу—это рефлексъ; влейте въ ротъ сильно наркотированной собакѣ немного уксусу, у нея тотчасъ же начинаетъ отдѣляться слюна; махните рукой передъ глазомъ животнаго—произойдетъ миганіе; вставьте палецъ въ ротъ новорожденнаго—онъ начинаетъ сосать и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ за внѣшнимъ толчкомъ на чувствующую поверхность

(въ приведенныхъ примѣрахъ по порядку слѣдуютъ: кожа, слизистая оболочка рта, слизистая оболочка глаза, слизистая оболочка губъ), *неизбѣжно* слѣдуетъ проявленіе въ мышцахъ или железахъ, выражающееся движеніемъ или отдѣленіемъ сока; притомъ во всѣхъ случаяхъ внѣшнее проявленіе является актомъ, цѣлесообразнымъ въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь положительныхъ услугъ. Такъ, отдѣленіе слюны не иначе какъ вслѣдъ за раздраженіемъ поверхности той полости, въ которую поступаетъ пища, есть актъ полезный въ экономическомъ отношеніи—имъ предотвращается безполезное расходованіе пищеварительнаго сока; отраженное миганіе служитъ средствомъ для охраны глаза; отраженное сосаніе служитъ для ребенка средствомъ къ принятію пищи и пр. Подъ эту рамку укладываются всѣ безъ исключенія извѣстные случаи рефлексовъ, напр., отраженное чиханіе и кашель, какъ средство выталкивать постороннія тѣла, попавшія въ носъ или горло; рвота, какъ средство опоражнивать переполненный желудокъ; сокращеніе зрачка, какъ средство умѣрять силу свѣта, падающаго въ глазъ; отраженное сокращеніе жома въ концѣ прямой кишки, какъ средство задерживать въ кишкѣ ея содержимое, и пр. и пр. Такимъ образомъ, рефлексъ въ его типической формѣ является цѣлесообразнымъ движеніемъ [въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ], вытекающимъ роковымъ образомъ изъ внѣшняго толчка на опредѣленную часть снаряда, носящую названіе чувствующей поверхности.

Поднимаясь отсюда кверху, мы переносимся въ область низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ. Отнеситесь опять совершенно объективно къ самымъ обычнымъ продуктамъ дѣятельности этихъ органовъ. Что же мы видимъ?—Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ—самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія. Голодъ заставляетъ животное идти на добычу, но направленіе его поискамъ даютъ органы чувствъ. Стóитъ хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ [такъ какъ они общеизвѣстны, то я считаю безполезнымъ вдаваться въ примѣры], совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей, вытекающихъ изъ чувства самосохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ тѣ же элементы, какъ въ рефлексахъ: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снарядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліянія на глазъ, уши и носъ), а конецъ—движенія. Какъ

въ первомъ случаѣ движеніе цѣлесообразно въ смыслѣ доставленія тѣлу пользъ, такъ и здѣсь пользами тѣла, его охраной отъ всякихъ невзгодъ, исчерпывается всеобщее значеніе движеній. Разница между приведенными выше случаями рефлексовъ и продуктами чувства самосохраненія лишь та, что тамъ движеніе служитъ, такъ-сказать, розничнымъ цѣлямъ организма — запираетъ какую-нибудь одну трубку или, наоборотъ, прочищаетъ ее, съужаетъ и расширяетъ отверстіе (зрачекъ, гортанная щель), сохраняетъ чистымъ или прозрачнымъ то, что должно быть таковымъ (отдѣленіе слезъ и миганіе по отношенію къ сохраненію прозрачности роговой оболочки), тогда какъ здѣсь, т.-е. дѣятельностями, вытекающими изъ голода, холода, зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ ощущеній, обезпечиваются валовыя выгоды тѣла, сохраненіе его цѣликомъ.—Разница очевидно количественная и уже никакъ не существенная; а между тѣмъ, кто усомнится въ томъ, что изъ чувства самосохраненія родятся дѣятельности со всѣми существенными характерами психическихъ актовъ? Беру въ примѣръ случай, когда человѣкъ бѣжитъ съ испуга, завидѣвъ какой-нибудь страшный для него образъ, или заслышавъ угрожающій ему звукъ. Если разобрать весь актъ, то въ немъ оказывается зрительное или слуховое представленіе, затѣмъ—сознаніе опасности, и наконецъ—цѣлесообразное дѣйствіе: всѣ элементы разсужденія, умозаключенія и разумнаго поступка; а между тѣмъ это очевидно психическій актъ низшаго разряда, имѣющій вполнѣ характеръ рефлекса.

Значитъ, со стороны внѣшней физіономіи и общаго значенія въ тѣлѣ, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ могутъ быть приравнены другъ другу.

Но вѣдь въ сравниваемыхъ нами явленіяхъ кромѣ начала и конца есть еще середина, и возможно, что именно изъ-за нея они и не могутъ быть приравнены другъ другу. Если въ самомъ дѣлѣ сопоставить другъ съ другомъ, напр., миганіе и только что упомянутый случай испуга, то можно, пожалуй, даже расхохотаться надъ такимъ сопоставленіемъ. Въ миганіи мы ни сами на себѣ, ни на другихъ не видимъ ничего, кромѣ движенія, а въ актѣ испуга, если его приравнивать рефлексу, серединѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ психическихъ дѣятельностей. Разница между обоими актами, какъ крайними членами ряда, дѣйствительно громадна, но есть очень простое средство убѣдиться, что и въ нормальномъ миганіи есть всѣ существенные элементы нашего примѣра испуга, не исключая и середины. Дуньте человѣку или животному потихоньку въ глазъ—оно мигнетъ сильнѣе нормаль-

наго, а человѣкъ ясно почувствуетъ дуновеніе на поверхность своего глаза. Это ощущеніе и будетъ среднимъ членомъ отраженнаго миганія. Онъ существуетъ и при нормальныхъ условіяхъ, но такъ слабъ, что не доходитъ, какъ говорится, до сознанія. Значитъ, чувствованіе является среднимъ членомъ уже въ крайне элементарныхъ простыхъ случаяхъ рефлексовъ, и наблюденія даютъ поводъ думать, что у нормальнаго, необезглавленнаго, животнаго вообще, едва ли есть въ тѣлѣ рефлексы, которые при извѣстныхъ условіяхъ не сопровождались бы чувствованіемъ. Слѣдовательно послѣднее, какъ средній членъ рефлексовъ, есть правило, и въ этомъ смыслѣ сопоставленіе ихъ съ дѣятельностями высшихъ органовъ чувствъ и серединами становится съ общей точки зрѣнія тоже законнымъ — и тамъ и здѣсь средніе члены акта, какъ виды чувствованія, по природѣ сродны другъ съ другомъ. Права на такое сопоставленіе выясняются еще болѣе, если обозрѣть сразу всю массу рефлексовъ и распредѣлить ихъ въ группы по значенію чувствованія въ процессѣ и по степени его сложности. Въ первомъ отношеніи рефлексы распадаются на двѣ большія группы. Въ однихъ сознательное чувствованіе не играетъ въ актѣ повидимому никакой существенной роли, что доказывается уже тѣмъ, что они могутъ происходить и при безсознательномъ состояніи человѣка, а у животныхъ и послѣ обезглавленія — это простѣйшія формы нервныхъ актовъ, цѣль которыхъ (служеніе тѣлу) достигается вполнѣ уже при такой организаціи снаряда, которой обезпечивается лишь роковое появленіе цѣлесообразнаго движенія. Въ другихъ рефлексахъ чувствованіе является наоборотъ необходимымъ факторомъ, опредѣляющимъ то начало, то ходъ, то конецъ всего акта. Достаточно будетъ напомнить читателю въ видѣ примѣровъ позывъ на выведеніе мочи и кала, какъ моментъ, опредѣляющій опорожненіе пузыря и прямой кишки; голодъ и жажду, какъ обезпеченіе періодическаго поступленія въ тѣло пищи и питья; чувство насыщенія, какъ моментъ, опредѣляющій величину пищевого прихода и пр. При полномъ отсутствіи сознанія всѣ эти акты невозможны, и слѣдовательно сознательный элементъ является въ самомъ дѣлѣ необходимымъ факторомъ. Отсюда до средняго члена въ низшихъ формахъ дѣятельностей органовъ чувствъ уже одинъ шагъ, потому что именно здѣсь опредѣляющее значеніе чувствованія для движенія и выражается съ наибольшею яркостью. Глаза, уши и носъ, какъ мы уже сказали выше, суть не что иное, какъ регуляторы движеній. Стало быть и въ этомъ направленіи отъ самыхъ

низкихъ формъ рефлексовъ до дѣятельностей органовъ чувствъ существуютъ переходы, градаціи, а не противуположности.

Та же самая постепенность высказывается и со стороны сложности, или правильнѣе, расчленяемости чувствованія. Начинаясь почти безсознательными проявленіями (ощущенія при миганіи и нормальномъ отдѣленіи слезъ, мышечное чувство, нормальныя ощущенія изъ полости живота и пр.), оно переходитъ въ ясносознаваемыя, но способныя лишь къ количественнымъ колебаніямъ формы (перхота при кашлѣ, щекотаніе въ носу при чиханіи, позывъ на мочу и калъ, чувство голода, холода и жажды и пр.). Затѣмъ, въ сферѣ низшихъ органовъ чувствъ является уже расчленяемость ощущенія, выражающаяся въ томъ, что оно видоизмѣняется съ измѣненіемъ импульсовъ, дѣйствующихъ на чувствующій снарядъ не только количественно, но и качественно; и эти измѣненія отражаются даже на характерѣ двигательной реакціи. Кто не знаетъ, что мы отличаемъ разные запахи и вкусы и что они вызываютъ, смотря по качеству, различныя реакціи? — Такъ, отвратительный вкусъ или запахъ могутъ вызвать рвоту, а пріятное ощущеніе—улыбку удовольствія. Кто не знаетъ, далѣе, специфическую гримасу отъ кислаго вкуса? Въ высшихъ органахъ чувствъ эта качественная видоизмѣняемость ощущеній соотвѣтственно видоизмѣненію внѣшнихъ импульсовъ достигаетъ наконецъ громадныхъ размѣровъ. Не даромъ человѣкъ говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ двухъ песчинокъ, совершенно похожихъ другъ на друга. До такихъ страшныхъ размѣровъ можетъ доходить эта способность глаза! А между тѣмъ въ чемъ тутъ дѣло?—Соотвѣтственно разбираемымъ различіямъ между дѣятельностями разныхъ чувствующихъ снарядовъ, анатомія открываетъ страшныя различія въ самой организаціи послѣднихъ. Тамъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ расчлененію, чувствующая поверхность устроена сравнительно очень просто, въ носу и полости рта посложнѣе, а въ глазѣ и ухѣ мы имѣемъ до такой степени сложную механику, что многое остается въ нихъ еще неразгаданнымъ и доселѣ.

До сихъ поръ проводимая мною аналогія оказывается, какъ читатель видитъ, серьёзною; но посмотримъ, не прекратится ли она, какъ только мы переступимъ въ сферѣ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ ту черту, которая отдѣляетъ инстинктивныя дѣйствія, вытекающія изъ чувства самосохраненія, отъ дѣйствій болѣе высокаго порядка, въ которыя замѣшивается воля. Извѣстно, что этотъ агентъ придаетъ дѣятельностямъ человѣка характеръ, всего менѣе похожій на машинообразный характеръ, который выраженъ особенно рѣзко на высшихъ степеняхъ пси-

хическаго развитія; и потому можно думать, что этотъ агентъ властвуетъ исключительно въ высшихъ сферахъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ только въ нихъ свои корни. Для рѣшенія этого вопроса возьмемъ миганіе. Представимъ себѣ, что человѣку попадаетъ въ глазъ соринка. Спрашивается, можетъ ли это усиленное раздраженіе слизистой оболочки глаза, вызывающее нормально лишь миганіе, служить источникомъ произвольныхъ дѣйствій человѣка, которыя приписываются волѣ? Конечно, да. Отсюда могутъ вытечь, во-первыхъ, сознательно-разумныя движенія съ цѣлью удаленія соринки — продукты активной стороны воли, съ другой стороны, человѣкъ опять-таки сознательно-разумно можетъ побѣдить спазмъ глазныхъ вѣкъ (усиленное мигательное движеніе) изъ-за мысли, что глазъ всего лучше оставить въ покоѣ — продукты подавляющей стороны воли. Подобные примѣры всякому легко выстроить самому для случая кашля, чиханія, позыва на мочу и проч. Не явно ли послѣ этого, что передъ волей рефлексъ и продуктъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ равны, и что она столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка?

Значитъ, и со стороны вмѣшательства въ акты единственнаго посторонняго имъ агента, воли, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ не представляютъ существенныхъ различій, а однѣ лишь количественныя градаціи.

По изложеннымъ до сихъ поръ даннымъ уже легко выстроить три ряда градацій соотвѣтственно тремъ членамъ рефлекторнаго акта.

Въ сферѣ рефлексовъ натуральные толчки, вызывающіе явленіе, отличаются крайнимъ однообразіемъ, потому что цѣли, которыя достигаются отраженнымъ движеніемъ, сравнительно очень просты (захлопнуть входное отверстіе, куда не должны попадать постороннія тѣла, задержать на время жидкое содержимое въ какомъ-нибудь мѣшкѣ, прочистить трубку и проч.). Сообразно съ этимъ, устройство чувствующихъ поверхностей часто разсчитано только на то, чтобы она возбуждалась однимъ механическимъ соприкосновеніемъ. И въ этихъ предѣлахъ всѣ мыслимые раздражители могутъ быть, конечно, очень разнообразны, потому что прикасаться могутъ не только твердыя и жидкія тѣла, но даже газы. Но однообразіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается не въ этомъ, а въ томъ, что—попадетъ ли, напримѣръ, въ глазъ соринка каменная, деревянная, стеклянная или желѣзная, а между жидкостями и газами щелочь, кислота, эѳиръ, хлоръ и проч. —

ощущеніе и его двигательный эффектъ всегда будутъ одинаковы. Въ сферѣ же органовъ чувствъ натуральные толчки являются, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, все болѣе и болѣе разнообразными. Напримѣръ, тѣ же самыя соринки, дѣйствуя на глазъ зрительнымъ образомъ, уже очень рѣзко отличаются другъ отъ друга; глазъ найдетъ разницу не только между желѣзной и деревянной соринкой, но даже между двумя однородными со стороны состава. И тѣмъ не менѣе, всѣ внѣшніе толчки, вызываютъ ли они рефлексъ, или дѣятельность высшаго органа чувствъ, глаза, остаются одинаковыми и по природѣ, и по своему значенію. Въ первомъ отношеніи это физическія, химическія или смѣшанныя вліянія на чувствующія поверхности нашего тѣла, а во второмъ — производящія причины явленій.

Относительно среднихъ членовъ мы уже прямо можемъ сказать, что это продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ, такъ какъ данныя для такого вывода выяснены были выше; но установка значенія ихъ по отношенію къ крайнимъ членамъ акта требуетъ небольшихъ разъясненій. Извѣстно изъ обыденной жизни, что не всякое впечатлѣніе на высшіе органы чувствъ доходитъ до сознанія,—для этого, какъ говорится, нужно вниманіе. Изъ этого можно было бы, пожалуй, заключить, что средній членъ не всегда роковымъ образомъ слѣдуетъ за первымъ, но это было бы большой ошибкой. Анализъ условій невнимательности всегда показываетъ, что въ ту минуту, какъ глазъ долженъ былъ бы видѣть или ухо слышать,—или сознаніе занято какимъ-нибудь болѣе сильнымъ представленіемъ, или не существуетъ условій для того, чтобы глазъ могъ присматриваться или ухо прислушиваться. Это доказывается еще и тѣмъ, что совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ. Когда человѣкъ занятъ, напримѣръ, сильно какимъ-нибудь дѣломъ или мыслью, онъ можетъ не ощущать позыва на мочу, голода, соринки въ глазу и проч., но стоитъ, какъ говорится, обратить вниманіе въ сторону этихъ простыхъ голосовъ, и ощущеніе сознается совершенно отчетливо. Значитъ, связь между первымъ и вторымъ членами роковая. Что же касается до связи второго съ третьимъ, то она исчерпывается слѣдующею мыслью: чувствованіе повсюду имѣетъ значеніе регулятора движенія, другими словами, первое вызываетъ послѣднее и видоизмѣняетъ его по силѣ и направленію. Для случаевъ, когда возбужденіе чувствующаго снаряда кончается движеніемъ, такое значеніе второго члена относительно третьяго вытекаетъ съ очевидностью изъ изложенныхъ выше данныхъ. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ каче-

ственнымъ видоизмѣненіямъ, регуляція эта можетъ быть только количественная, а въ высшихъ формахъ, сверхъ того, и качественная. Но какъ понимать тѣ случаи, когда возбужденіе чувствующаго снаряда, давая средній членъ, не выражается, однако, извнѣ никакимъ движеніемъ? Тутъ, повидимому, извращается самая природа рефлекса, остающагося безъ третьяго члена. Ничуть не бывало—и здѣсь, за среднимъ членомъ, остается все-таки значеніе регулятора движенія, потому что въ этихъ случаяхъ изъ ощущенія родится возбужденіе не двигательныхъ снарядовъ тѣла, а наоборотъ, ихъ тормазовъ. Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что безъ существованія тормазовъ въ тѣлѣ, и съ другой стороны безъ возможности приходить этимъ тормазамъ въ дѣятельность путемъ возбужденія чувствующихъ снарядовъ (единственныхъ возможныхъ регуляторовъ движенія!), было бы абсолютно невозможно выполненіе плана той *«самодвижности»*, которою обладаютъ въ столь высокой степени животныя. Тормазы эти, какъ показываетъ физіологія, существуютъ, и они-то и приходятъ въ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда рефлексъ или низшая форма дѣятельности органа чувствъ остается какъ-бы безъ третьяго члена. Управленіе этими снарядами сознаніе приписываетъ, какъ извѣстно, волѣ.

Что касается, наконецъ, до градаціи въ характерахъ трехъ членовъ, то она опредѣляется изъ слѣдующаго. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ вся двигательная механика родится уже готовой на свѣтъ (новорожденный умѣетъ уже сосать, чихать, кашлять и проч.), а въ высшихъ формахъ нашего ряда третьими членами являются, по крайней мѣрѣ, у человѣка, лишь заученныя движенія, напримѣръ, движеніе глазъ при смотрѣніи, ходьба, употребленіе рукъ, какъ хватательныхъ орудій или рычаговъ и проч. Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія родятся готовыми на свѣтъ, но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна. Насколько велика разница между ними мы увидимъ впослѣдствіи, теперь же замѣтимъ, что и въ средѣ рефлексовъ есть такіе, которые способны къ извѣстнаго рода культурѣ, обученію. Такъ, извѣстно, что новорожденныхъ можно дрессировать въ дѣлѣ сосанія груди и испусканія мочи, пріучивъ ихъ совершать эти отправленія въ опредѣленное время, при опредѣленныхъ условіяхъ; значитъ, въ дѣлѣ заучаемости, движенія высшаго разряда все-таки не стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Послѣднее, что намъ приходится сказать, касается общаго значенія третьихъ членовъ рефлекса. Его мы уже знаемъ — это

движенія сплошь цѣлесообразныя въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ; но въ низшихъ формахъ пользы эти, такъ сказать, розничныя, а въ высшихъ — валовыя, служащія всему тѣлу разомъ.

Итакъ, нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности óрглновъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла, — всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства. Отсюда же необходимо слѣдуетъ, что соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ óргановъ чувствъ, родственны между собою по природѣ.

Если встать теперь на точку зрѣнія Локка относительно источниковъ психической жизни, раздѣляемую лишь съ немногими ограниченіями всѣми современными психологическими школами, то выходило бы, что соматическіе нервные процессы родственны со всѣми вообще психическими явленіями, имѣющими корни въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, къ какому бы порядку явленія эти ни принадлежали. Но на пути къ этому строго-логическому и въ то же время вѣрному заключенію стоитъ одинъ очень распространенный предразсудокъ, и его необходимо устранить. Спросите любого образованнаго человѣка, чтó такое психическій актъ, какова его физіономія, — и всякій, необинуясь, отвѣтитъ вамъ, что психическими актами называютъ тѣ неизвѣстные по природѣ душевныя движенія, которыя отражаются въ сознаніи ощущеніемъ, представленіемъ, чувствомъ и мыслью. Загляните въ учебники психологіи прежнихъ временъ — то же самое: психологія есть наука объ ощущеніяхъ, представленіяхъ, чувствахъ, мысли и пр. Убѣжденіе, что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психическій актъ начинается съ момента его появленія въ сознаніи и кончается съ переходомъ въ безсознательное состояніе, — до такой степени вкоренилось въ умахъ людей, что перешло даже въ разговорный языкъ образованныхъ классовъ. Подъ гнетомъ этой привычки и мнѣ случалось иногда говорить о среднемъ членѣ того или другого рефлекса, какъ о психическомъ элементѣ или даже какъ о психическомъ осложненіи рефлекторнаго процесса, а между тѣмъ я, конечно, былъ далекъ отъ мысли обособлять средній членъ цѣльнаго акта отъ его естественнаго начала и конца. Но можетъ быть въ психической жизни, за предѣлами ея низшей инстанціи,

чувственности, психическіе акты и въ самомъ дѣлѣ принимаютъ форму процессовъ, происходящихъ исключительно въ сознаніи?— Вѣдь не даромъ же человѣкъ способенъ мыслить, закрывши глаза, заткнувъ уши, не употребляя, однимъ словомъ, въ дѣло ни одного изъ органовъ чувствъ. А слѣпой, потерявъ зрѣніе въ зрѣлые годы, развѣ лишается способности думать образами, вспоминать все видѣнное въ жизни? Психологи прежнихъ временъ, а за ними и всѣ образованные люди повидимому правы—психическіе акты высшаго порядка и начинаются, и кончаются въ сознаніи.

Если бы это было такъ, то выводъ, поставленный выше былъ бы очевидно невозможенъ или по крайней мѣрѣ поспѣшенъ; но по счастью не трудно убѣдиться, что въ мысли, о которой теперь идетъ рѣчь, должно лежать величайшее заблужденіе [1]). Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что мысль эта справедлива. Какое значеніе пріобрѣтаютъ тогда рѣчь и письмена, служащія внѣшнимъ выраженіемъ мысли, и вся вообще внѣшняя дѣятельность человѣка, выражающаяся движеніями, или, какъ принято говорить, поступками? Съ нашей точки зрѣнія, эти явленія могутъ быть безъ малѣйшей натяжки приравнены тремъ членамъ психическихъ актовъ низшаго порядка; а съ точки зрѣнія разбираемой мысли это будутъ случаи воздѣйствія души на тѣло. Чтó дѣлается съ тѣмъ легіономъ случаевъ въ практической жизни, изъ которыхъ даже обыденное сознаніе выводитъ заключеніе, что такой-то сознательный поступокъ человѣка есть продуктъ его матеріальной обстановки или нравственной среды, въ которой онъ живетъ, другой—продуктъ вліянія окружающихъ лицъ или голоса чувственности? Въ виду того, что всѣ эти вліянія такъ или иначе, но въ концѣ концовъ входятъ въ человѣка все-таки черезъ посредство чувствующихъ снарядовъ, по нашему это будутъ импульсы къ актамъ, эквивалентные первымъ членамъ низшихъ формъ психической дѣятельности, а по мнѣнію «обособителей психическаго» это случаи воздѣйствія матеріи и тѣла на душу.

Что же разумнѣе, попытаться ли проводить нашу аналогію и за предѣлы чувственности, въ виду того, что есть тьма случаевъ, когда психическая дѣятельность является похожей, ну, хоть даже съ виду, на рефлекторные акты [въ виду особенно того, что психологи прежнихъ временъ не имѣли возможности проводить такой аналогіи, за отсутствіемъ физіологіи въ ряду знаній!] или, остановясь на какой-нибудь отдѣльной формѣ психической дѣятельности, въ родѣ приведенныхъ примѣровъ, разорвать изъ-

[1]) Детальныя доказательства см. ниже, въ 3-й главѣ.

за ея внѣшняго вида на части то, что связано природой (т.-е. оторвать сознательный элементъ отъ своего начала, внѣшняго импульса, и конца—поступка), вырвать изъ цѣлаго середину, обособить ее и противупоставить остальному, какъ «психическое» «матеріальному»? И добро бы эта противуестественная операція производилась уже послѣ того, какъ были истощены всѣ средства сохранить цѣлое—ничуть не бывало—сначала производилась операція, а потомъ начинались поиски, какъ бы склеить разорванное. И чего-то не придумывалось съ этой цѣлью. Одинъ говорилъ, что между психическими и матеріальными процессами, связанными между собою во времени, не существуетъ причинной связи, а только параллельность, соотвѣтствіе;—другой, что нервная система есть органъ однихъ матеріальныхъ проявленій души;—третій, что духовное и матеріальное начала хотя и различны, но не противуположны другъ другу и пр. Нужно ли говорить, что все это не болѣе, какъ логическія или даже діалектическія увертки, которыми можно въ самомъ счастливомъ случаѣ удовлетворить только спекулятивный умъ, но никакъ не разрѣшать такіе яркореальные вопросы, какъ факты, такъ-называемыя взаимодѣйствія души и тѣла. Въ мысли же о родственности нервныхъ и психическихъ процессовъ всѣ эти факты содержатся, наоборотъ, какъ часть въ цѣломъ.

Итакъ, если бы даже половина, три-четверти, девять-десятыхъ случаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности не имѣло съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $^1/_{10}$ сходныхъ случаевъ аналогія должна была бы проводиться за предѣлы чувственности—это требованіе разума, науки. Но мы знаемъ, что это не такъ: воззрѣніе Локка, что корни всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, какъ сказано было, съ незначительными ограниченіями всѣми психологическими школами. Значитъ, для аналогіи и здѣсь широкое поле.

Но что же пріобрѣтетъ отъ этого психологія, какъ наука? То, что пріобрѣтается вообще умомъ человѣческимъ изъ сопоставленія *неизвѣстнаго сложнаго* съ болѣе простымъ и болѣе извѣстнымъ (т.-е. расчлененнымъ) *схожимъ*;—то, что вообще даетъ аналогія въ наукѣ. А кто же не знаетъ могучести этого умственнаго средства? Кому, какъ не аналогіи обязаны мы, напр., самыми блестящими теоріями физики, приравнявшими тепло свѣту, то и другое чисто механическому движенію частичекъ? Въ нашемъ случаѣ аналогія есть единственное средство расчленить кон-

кретные психическіе факты, отнестись къ нимъ аналитически. Правда, физіологія нашла средство подступить къ изученію психическихъ фактовъ и болѣе прямымъ образомъ, изслѣдуя строеніе органовъ чувствъ и сопоставляя съ анатомическими данными различныя стороны ощущеній, производимыхъ этими органами; но понятно, что это частный случай въ общей системѣ приложенія физіологическихъ данныхъ къ разработкѣ психическихъ явленій—случай, который выясняетъ лишь связь извѣстныхъ характеровъ второго члена рефлекса съ устройствомъ чувствующаго снаряда. Въ предлагаемой же мною системѣ заключаются элементы для всесторонняго изученія цѣльныхъ актовъ съ ихъ началами, серединами и концами.

Дѣло идетъ, какъ читатель, конечно, понимаетъ, на то, чтобы передать аналитическую разработку психическихъ явленій въ руки физіологіи. Права ея въ этомъ направленіи уже настолько выяснены всѣмъ предыдущимъ, что въ данную минуту мнѣ остается подвести развѣ одни итоги.

Всѣ психическіе акты, совершающіеся по типу рефлексовъ, должны *всецѣло* подлежать физіологическому изслѣдованію, потому что въ область этой науки относится непосредственно начало ихъ, чувственное возбужденіе извнѣ, и конецъ — движеніе; но ей же должна подлежать и середина—психическій элементъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что послѣдній оказывается очень часто, а можетъ быть и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, какъ думали прежде, но интегральной частью процесса. Въ болѣе общей формѣ мысль эта имѣетъ слѣдующій видъ: наука, вѣдѣнію которой подлежатъ моменты, опредѣляющіе психическіе акты и внѣшнія проявленія послѣднихъ, должна очевидно заниматься и выясненіемъ условій зависимости психическихъ явленій отъ опредѣляющихъ моментовъ съ одной стороны, и внѣшнихъ проявленій отъ психическихъ элементовъ съ другой.

Согласно такой программѣ, вѣдѣнію физіологіи должны подлежать и случаи психическихъ актовъ, уклоняющіеся по внѣшнему характеру болѣе или менѣе рѣзко отъ типа рефлексовъ, потому что, на основаніи опыта всѣхъ наукъ (по крайней мѣрѣ естественныхъ), причину всякаго уклоненія явленія отъ основного типа естественно искать прежде всего не въ вмѣшательствѣ новыхъ факторовъ, а въ формѣ зависимости уже извѣстныхъ, особенно если эта форма такъ сложна, какъ въ психическихъ процессахъ. Возможно, конечно, что изученіе явленія съ этой точки зрѣнія

поведетъ къ отрицательнымъ результатамъ, или даже приведетъ изслѣдователя къ выводамъ прямо противоположнымъ ожидаемымъ; но такой пріемъ въ дѣлѣ изученія остается все-таки единственно-раціональнымъ, а слѣдовательно неизбѣжнымъ.

Что касается до надежности тѣхъ рукъ, въ которыя попадетъ психологія, то въ нихъ, конечно, никто не усомнится;—порукой въ этомъ тѣ общія начала и та трезвость взгляда на вещи, которыми руководится современная физіологія. Какъ наука о дѣйствительныхъ фактахъ, она позаботится прежде всего отдѣлить психическія реальности отъ психологическихъ фикцій, которыми запружено человѣческое сознаніе по сіе время. Вѣрная началу индукціи, она не кинется сразу въ область высшихъ психологическихъ проявленій, а начнетъ свой кропотливый трудъ съ простѣйшихъ случаевъ; движеніе ея будетъ черезъ это, правда, медленно, но за то выиграетъ въ вѣрности. Какъ опытная наука, она не возведетъ на степень непоколебимой истины ничего, что не можетъ быть подтверждено строгимъ опытомъ; на этомъ основаніи въ добытыхъ ею результатахъ гипотетическое будетъ строго отдѣлено отъ положительнаго. Изъ психологіи исчезнутъ, правда, блестящія, всеобъемлющія теоріи; въ научномъ содержаніи ея будутъ наоборотъ страшные пробѣлы; на мѣсто объясненій въ огромномъ большинствѣ случаевъ выступитъ лаконическое «не знаемъ»; сущность психическихъ явленій, насколько они выражаются сознательностью, останется во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ непроницаемой тайной (подобно, впрочемъ, сущности всѣхъ явленій на свѣтѣ);—и тѣмъ не менѣе психологія сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ. Въ основу ея будутъ положены вмѣсто умствованій, нашептываемыхъ обманчивымъ голосомъ сознанія, положительные факты, или такія исходныя точки, которыя въ любое время могутъ быть провѣрены опытомъ. Ея обобщенія и выводы, замыкаясь въ тѣсные предѣлы реальныхъ аналогій, высвободятся изъ-подъ вліянія личныхъ вкусовъ и наклонностей изслѣдователя, доводившихъ психологію иногда до трансцендентальныхъ абсурдовъ, и пріобрѣтутъ характеръ объективныхъ научныхъ гипотезъ. Личное, произвольное и фантастичное замѣнится чрезъ это болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Однимъ словомъ, психологія пріобрѣтетъ характеръ положительной науки.

И все это можетъ сдѣлать одна только физіологія, такъ какъ она одна держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ истинно-научному анализу психическихъ явленій.

II.

Критическая оцѣнка матеріала, изъ котораго должна строиться психологія.—Выясненіе общихъ критеріевъ для отличенія психическихъ реальностей отъ психическихъ фикцій.—Классификація психологическихъ задачъ.

Показавъ, кому быть психологомъ, я обращаюсь теперь къ другой половинѣ своей задачи—къ выясненію пути, которому нужно слѣдовать въ разработкѣ психическихъ фактовъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, вопросъ о матеріалѣ, изъ котораго должна строиться психологія.

Такимъ матеріаломъ всегда служила и служитъ по преимуществу та сумма психологическихъ самонаблюденій и наблюденій надъ другими людьми изъ сферы обыденной жизни, которая извѣстна всякому подъ общимъ именемъ практической или обыденной психологіи. При скромности тѣхъ цѣлей, которыми задается физіолого-психологъ, матеріалъ этотъ болѣе чѣмъ достаточенъ со стороны обширности; кромѣ того, онъ обладаетъ двумя очень рѣдкими свойствами,—общедоступностью и сподручностью, дѣлающими его крайне удобнымъ для употребленія. Расширять въ настоящее время сферу изслѣдованія за его предѣлы было бы, по моему мнѣнію, дѣломъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, потому что опытъ всѣхъ положительныхъ наукъ, да, полагаю, и опытъ обыденной жизни указываютъ на то, что прочность всякихъ выводовъ зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, главнѣйшимъ образомъ не отъ богатства матеріала, а отъ степени его разработанности, такъ какъ послѣднею прямо опредѣляется его пригодность для употребленія. Разработанностью же нашъ матеріалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вообще не отличается.

Если присмотрѣться внимательнѣе къ тому, что собрано человѣкомъ въ дѣлѣ самонаблюденія, при сравнительно маленькой помощи со стороны науки (или правильнѣе, со стороны лицъ, лишь болѣе настойчиво размышлявшихъ о психическихъ явленіяхъ чѣмъ другіе), то оказывается, что весь матеріалъ носитъ на себѣ всѣ признаки *самоизученія*. Въ самомъ дѣлѣ, житейская или практическая психологія, во-первыхъ, устанавливаетъ, на основаніи ясно-сознаваемыхъ различій, не только виды, но и роды психическихъ явленій; другими словами, она выясняетъ объекты познанія и классифицируетъ ихъ. Затѣмъ практическая психологія подмѣчаетъ всѣ главнѣйшія условія, которыми опредѣляется возникновеніе, ходъ и конецъ психическихъ актовъ, т.-е. уже *изучаетъ* психическія явленія;—наконецъ, дѣло завершается тео-

ріей или, правильнѣе, нѣсколькими теоріями происхожденія психическихъ явленій. Объяснимъ все это примѣрами.

Уже простолюдинъ умѣетъ отличать психическій актъ, происходящій при смотрѣніи на что-нибудь, отъ размышленій о томъ же предметѣ, что выражается въ словахъ *видѣть* и *думать*. Немного образованія нужно и для того, чтобы понять, что между актомъ реальнаго видѣнія предмета и воспоминаніемъ о немъ должно существовать родство. Еще маленькое усиліе мысли, и третьей родственной формой является представленіе объ общихъ признакахъ родственныхъ предметовъ—понятіе. Рядомъ съ этими элементами всякаго мышленія, сознаніе отличаетъ душевныя движенія совершенно другого характера, которымъ придаетъ родовое имя *чувства* (чувство удовольствія или отвращенія, ожиданіе, страхъ, радость, тоска, печаль, восторгъ и пр.), и въ то же время распредѣляетъ въ различныя группы, соотвѣтствующія видамъ и разновидностямъ, руководствуясь при этомъ то степенью ихъ напряженности (чувство и страсть), то большею или меньшею ясностью (спокойное чувство и аффектъ), то общимъ характеромъ реакцій, вызываемыхъ ими въ тѣлѣ (чувство возбуждающее и гнетущее) и пр. Въ деталяхъ эта классификація не можетъ не представлять, конечно, крупныхъ недостатковъ, такъ какъ непосредственное наблюденіе скользитъ лишь по самой поверхности явленій; но въ общемъ, особенно по отношенію къ установкѣ родовыхъ признаковъ, она вѣрна. Кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что чувство отличается отъ представленія или мысли стремительностью, субъективностью, неспособностью расчленяться, что на этомъ основаніи оно не поддается прямому описанію на словахъ, несмотря на рѣзкость, съ которою часто сознается и пр.

Этими двумя основными формами (умъ и чувство) резюмируется для самосознанія вся чисто духовная сфера человѣка, если отбросить въ сторону внѣшнее проявленіе ея, т.-е. поступки. И нужно признаться, въ этой части своей задачи, т.-е. въ установленіи родовъ и видовъ психическихъ процессовъ, практическая психологія оказывается часто очень тонкой наблюдательницей.

Съ неменьшимъ успѣхомъ подмѣчаетъ она условія происхожденія психическихъ явленій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ указать на *память*, какъ основное условіе всей психической жизни; на *вниманіе*, какъ необходимое условіе, чтобы актъ пришелъ въ сознаніе; на анализъ обстоятельствъ, вызывающихъ воспоминаніе, опредѣляющихъ сочетаніе представленій, бóльшую или мéньшую яркость чувства и пр. Сюда же относятся наблюденія надъ связью между различными психическими актами и

поступками человѣка, выражающіяся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что одинъ рядъ проявленій признается инстинктивнымъ, роковымъ, другой сознательно-разумнымъ, одинъ невольнымъ, другой произвольнымъ и пр.

До сихъ поръ практическій психологъ остается на почвѣ наблюденія, и если по временамъ съ нимъ и случаются грѣхи, то винить его можно развѣ лишь въ томъ, что онъ иногда слишкомъ довѣрчиво относится къ голосу самосознанія, забывая вѣчно-поучительный примѣръ вращенія вокругъ земли солнца. Но отсюда сознаніе начинаетъ уже теоретизировать, т.-е. силится объяснить себѣ самую суть происхожденія психическихъ актовъ. Спросите, напримѣръ, любого человѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому образованному сословію, но не занимающагося науками, чтó онъ думаетъ о происхожденіи мысли и чувства; и вы навѣрно получите отвѣтъ, что способностью мыслить мы обязаны *уму*, а способностью чувствовать—*чувству*, или чувствительности. А многіе прибавятъ, можетъ быть и теперь, что умъ сидитъ въ головѣ, а чувство въ сердцѣ. Спросите его далѣе, чтó ему извѣстно о связи между мыслями и желаніями съ одной стороны, и поступками человѣка съ другой,—и онъ навѣрно отвѣтитъ вамъ, что такъ какъ человѣкъ воленъ поступать и согласно своимъ мыслямъ и желаніямъ, и наперекоръ имъ,—значитъ, между ними и поступками должна стоять особая *свободная сила*, которая и называется волей. Такою же *объясняющею* силою является у него въ теоретической части *воображеніе*, сочетающее, и иногда очень прихотливо, различныя представленія между собой; въ такую же силу превращается и *память*, бывшая до тѣхъ поръ неопредѣленнымъ условіемъ сохраненія впечатлѣній; то же продѣлывается съ *вниманіемъ* и пр. Въ концѣ же концовъ выходитъ, что образованный человѣкъ *объясняетъ* различныя стороны психическихъ актовъ совершенно также, какъ объясняетъ дикарь непонятныя ему явленія физической природы; вся разница между ними въ томъ, что у одного производящая причина есть созданная его воображеніемъ *сила*, а у второго эта причина—какой-нибудь духъ.

Изъ такого взгляда на психологическій матеріалъ вытекаетъ уже сама собою необходимость строго отличать конкретныя продукты наблюденій отъ всего, чтó носитъ на себѣ характеръ теоретическихъ умствованій или поползновеній объяснять суть дѣла. Но этимъ, къ несчастью, не дается еще возможности различать во всѣхъ случаяхъ обѣ категоріи фактовъ другъ отъ друга, такъ какъ въ основѣ теорій практической психологіи лежатъ часто вѣрно схваченные факты, а съ другой стороны, теоріи эти не-

рѣдко имѣютъ на первый взглядъ очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что въ основѣ ихъ лежатъ положительныя фикціи. Главнѣйшимъ, если не исключительнымъ, источникомъ ошибокъ послѣдняго рода служитъ пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, т.-е. *смѣшивать номинальное съ реальнымъ, логическое съ истиннымъ.* Чтобы сдѣлать для читателя понятными средства къ устраненію этихъ золъ, я принужденъ разобрать дѣло на примѣрахъ.

Очень нагляднымъ примѣромъ ложнаго толкованія вѣрныхъ фактовъ можетъ служить ученіе практической психологіи о волѣ. Въ основѣ его лежатъ слѣдующія наблюденія. У человѣка родится одинъ разъ извѣстное желаніе сдѣлать что-нибудь, и онъ, какъ-бы повинуясь его голосу, удовлетворяетъ это желаніе соотвѣтственнымъ поступкомъ; другой разъ это же самое желаніе, подъ вліяніемъ ли другихъ опредѣляющихъ мотивовъ или какъ будто по капризу, не выражается никакой внѣшней реакціей, никакимъ поступкомъ; и, наконецъ, въ третьемъ случаѣ за желаніемъ возникаетъ дѣйствіе не только несоотвѣтственное требованіямъ желанія, но даже прямо противоположное имъ. Въ послѣднемъ случаѣ характеръ поступковъ можетъ видоизмѣняться отъ человѣка къ человѣку (и даже у одного и того же человѣка при разныхъ условіяхъ) до чрезвычайности; но, во-первыхъ, видоизмѣняемость эта имѣетъ всегда для нормальнаго человѣка опредѣленныя границы, за которыми поступокъ становится уже безумнымъ, продуктомъ умопомѣшательства, невмѣняемымъ проявленіемъ несвободной воли; во-вторыхъ, случай, когда поступокъ прямо противорѣчитъ требованіямъ желанія, остается все-таки наиболѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ въ дѣлѣ установленія теоріи воли. Въ угоду этой теоріи я даже усилю факты, отбросивъ для послѣднихъ двухъ случаевъ вмѣшательство опредѣляющихъ мотивовъ, тогда воля становится очевидно еще независимѣе, являясь исключительнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ опредѣленія поступка. Въ этой формѣ нашъ примѣръ получаетъ слѣдующій видъ: въ первомъ случаѣ изъ желанія родится цѣлесообразное дѣйствіе, во второмъ—реакціи никакой не происходитъ, въ третьемъ—дѣйствіе противорѣчитъ по смыслу мотиву.

Если относиться къ этимъ фактамъ объективно (а это есть единственно-научный способъ относиться къ явленіямъ), то наблюденіе не открываетъ въ нихъ абсолютно ничего новаго, кромѣ только-что перечисленныхъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ я не дѣлаю ни малѣйшей натяжки, сопоставляя избранный мною пси-

хологическій примѣръ съ слѣдующимъ рядомъ явленій изъ физическаго міра. Огонь, какъ извѣстно, можетъ согрѣвать тѣла, можетъ и не согрѣвать ихъ (напр., тающій ледъ или снѣгъ), и наконецъ можетъ производить охлажденіе, если между нимъ и тѣлами находится сильно испаряющаяся жидкость. Факты эти общеизвѣстны со стороны условій ихъ происхожденія, и потому никому не приходитъ въ голову снабжать огонь способностью видоизмѣнять изъ самого себя или при посредствѣ особаго свободнаго дѣятеля производимые имъ эффекты, но стóитъ вообразить себѣ, что человѣкъ не знаетъ этихъ промежуточныхъ условій, видя только съ одного конца огонь, а съ другого его дѣйствіе, и аналогія между обоими примѣрами будетъ вовсе не шуточная. Дѣло и заключается именно въ томъ, что въ запутанныхъ явленіяхъ съ вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую ничего необъясняющую силу. Не естественнѣе ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія и его концомъ?

Съ этой точки зрѣнія всѣ теоріи обыденной психологіи, насколько въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, должны разсматриваться на ряду съ неопредѣленными условіями происхожденія той или другой формы явленій.

Такое отношеніе къ фактамъ, какъ ничего не предрѣшающее, нисколько не можетъ вредить разъясненію ихъ, а между тѣмъ, будучи принято какъ принципъ, оно сразу устраняетъ тьму недоумѣній въ дѣлѣ практической оцѣнки психическихъ фактовъ со стороны ихъ реальности.

Въ примѣръ же злоупотребленія рѣчью я возьму нѣсколько отрывковъ изъ философствованій обыденной психологіи о природѣ человѣка.

1) Человѣкъ, какъ отдѣльное звено въ мірозданіи, какъ замкнутое въ себя цѣлое, можетъ быть противуположенъ всему остальному въ мірѣ, обособленъ отъ всего, что находится внѣ его. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть особь, недѣлимое (цѣлое), единица.

2) Если обозрѣть всю сумму явленій, происходящихъ въ человѣкѣ, то онъ оказывается состоящимъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ не по однимъ и тѣмъ же законамъ.

3) Какъ существо тѣлесное, *онъ* подчиненъ законамъ матеріальнаго міра, какъ существо духовное, *онъ* стоитъ внѣ ихъ.

4) Тѣлесною стороною *онъ* рабъ матеріи, духовною—онъ властелинъ ея.

5) Человѣкъ властенъ не только надъ своимъ тѣломъ, управляетъ не только своими поступками, но власть его распространяется даже на мысли, желанія, страсти и пр.

6) Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если прочитать всѣ эти тирады, то сразу онѣ кажутся простыми, понятными, соотвѣтствующими цѣлому ряду общеизвѣстныхъ фактовъ и даже нелишенными нѣкоторой послѣдовательности, насколько природа человѣка можетъ быть опредѣлена рядомъ афоризмовъ. Но стóитъ только вдуматься въ реальную подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соотвѣтствуютъ дѣлу, и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ. Въ самомъ дѣлѣ, — понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ, по самому смыслу этихъ наименованій не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ; стало быть, во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ цѣломъ, единицѣ, подъ словомъ *человѣкъ* нельзя разумѣть ничего другого кромѣ его физической природы. Съ этой точки зрѣнія всѣ послѣдующіе афоризмы, въ которыхъ подлежащимъ является слово «человѣкъ», были бы очевидными абсурдами. Такъ, второе положеніе превратилось бы въ невозможное уравненіе: тѣлесная форма человѣка=самой себѣ+душа; а остальныя—въ непередаваемую на словахъ безсмыслицу. Но, положимъ, что понятію *человѣкъ* соотвѣтствуетъ сочетаніе души и тѣла; тогда уже во всѣхъ случаяхъ и слѣдуетъ принимать, что человѣкъ=душѣ+тѣло.

Съ этой точки зрѣнія 1-е положеніе было бы невозможно, 3-е и 4-е были бы нелѣпостью [потому что одно и то же *нѣчто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять внѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея]; а 5-е имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и слѣдовательно въ нашемъ случаѣ пришлось бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать, въ качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой человѣка... по счастью только на словахъ!

Вообще же грѣхи, извѣстные всѣмъ подъ общимъ именемъ игры въ слова, проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ изъ того

обстоятельства, что человѣкъ, будучи способенъ производить надъ словами, какъ символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, тѣ же самыя умственныя операціи, какъ надъ любымъ рядомъ реальныхъ предметовъ внѣшняго міра, переноситъ продукты этихъ операцій на почву реальныхъ отношеній. Бываютъ, напр., случаи, что въ психологію переносятся крайніе продукты отвлеченія или обобщенія, и тогда въ наукѣ появляются въ видѣ реальностей пустые абстракты въ родѣ «бытія», «сущности вещей» и пр. Другой разъ умъ, подкупаясь расчленяемостью рѣчи, безконтрольно принимаетъ соотвѣтственную расчленяемость и по отношенію къ реальнымъ процессамъ, обозначаемымъ словомъ; отсюда происходитъ столь частое смѣшеніе логическихъ сторонъ мышленія съ психологическими и вообще смѣшеніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ. Наконецъ, бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ, додумавшись, какъ говорится, до чортиковъ, начинаетъ прямо облекать въ психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, напр., знаменитая по наивности и распространенности игра въ «я». Понятно однако, что всѣ эти грѣхи становятся грѣхами только потому, что перенесеніе фактовъ и выводовъ изъ области именъ въ область реальныхъ предметовъ дѣлается безконтрольно, за неимѣніемъ у обыденнаго сознанія никакихъ общихъ критеріевъ для опредѣленія истинныхъ психическихъ реальностей. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки развиваются тоже при посредствѣ слова, облекающаго въ опредѣленную форму всѣ ихъ выводы и обобщенія, а между тѣмъ игра въ слова здѣсь почти невозможна, и этимъ онѣ обязаны конечно тому обстоятельству, что діагностическіе признаки матеріальныхъ реальностей прочно установлены.

Явно, что и въ нашемъ случаѣ слово перестанетъ быть источникомъ ошибокъ, какъ только наука установитъ ясно и опредѣленно общіе признаки психическихъ реальностей.

Такимъ образомъ, вопросъ объ общихъ пріемахъ критической оцѣнки матеріала, поставляемаго обыденной психологіей, заканчивается вопросомъ, чтó нужно разумѣть подъ психической реальностью, которая одна можетъ и должна быть объектомъ психологическаго изслѣдованія.

Этотъ вопросъ я раздѣлю на двѣ половины. Въ первой постараюсь показать, *чтó слѣдовало бы* изучать, какъ психическую реальность, а во второй—*чтó можно* изучать какъ таковую.

Выше, проводя параллель между нервными и психическими актами, я старался доказать ихъ родство между собою, съ цѣлью доказать возможность разработки послѣднихъ, по аналогіи съ первыми. При этомъ рѣчь шла почти исключительно о внѣшнихъ признакахъ актовъ, объ элементахъ явленій того и другого рода; но за такой аналогіей проявленій предполагались конечно и болѣе существенныя сходства — аналогіи производящихъ причинъ. Другими словами, если въ нервномъ актѣ существеннымъ и единственно-реальнымъ является сумма тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы, то и въ психическихъ актахъ единственно реальнымъ можетъ быть только соотвѣтственная сторона фактовъ. Въ этомъ смыслѣ психическая реальность получила бы крайне опредѣленную, такъ сказать, осязательную форму и дѣло отличенія психической реальности отъ психологической фикціи сдѣлалось бы такимъ же легкимъ, какъ, напр., для физика дѣло отличенія свѣтового эфира отъ воздуха. Къ несчастью, свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ [1]), даже для случая наиэлементарнѣйшихъ рефлексовъ, почти равны нулю. Мы знаемъ лишь матеріальную форму, въ сферѣ которой происходитъ явленіе, нѣкоторыя изъ условій его нормальной видоизмѣняемости, умѣемъ воспроизводить явленіе искусственно съ тѣмъ или другимъ характеромъ, знаемъ какую роль играетъ въ цѣльномъ явленіи та или другая часть снаряда и т. д.; но природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, остается для насъ до сихъ поръ загадкой. Поэтому разработка, или по крайней мѣрѣ выясненіе, этой стороны нервныхъ и психическихъ явленій принадлежитъ отдаленному будущему; мы же осуждены вращаться въ сферѣ проявленій. Тѣмъ не менѣе мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности, предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣтствуетъ еще реальная сторона дѣла; во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она все-таки представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ; наконецъ, въ-третьихъ, потому,

[1]) Слово „нервный процессъ" съ этой минуты не нужно смѣшивать съ словомъ „нервное явленіе"; послѣдній терминъ я буду употреблять для обозначенія внѣшнихъ проявленій нервной дѣятельности, а подъ первымъ стану разумѣть недоступный нашимъ чувствамъ частичный (молекулярный) процессъ въ сферѣ нервовъ и нервныхъ центровъ.

что этой мыслью опредѣляется основный характеръ задачъ, составляющихъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ. Въ первомъ смыслѣ, т.-е. какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому, подобно тому, какъ въ современной химіи исходной истиной считается мысль о неразрушаемости матеріи. Принятая, какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологію вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ, движеніи. Если это удается по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ (конечно, сначала на простѣйшихъ примѣрахъ) психической дѣятельности, напр. по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями, значитъ исходная точка вѣрна. Въ этомъ случаѣ все наиболѣе сложное, неподходящее подъ принятую рамку, должно быть смѣло оставлено подъ вопросомъ для будущаго.

Наконецъ, въ смыслѣ опредѣленія общаго характера задачъ, нашъ принципъ требуетъ, чтобы психологія, подобно ея родной сестрѣ физіологіи, отвѣчала только на вопросы, *какъ* происходитъ то или другое психическое движеніе, проявляющееся чувствомъ, ощущеніемъ, представленіемъ, невольнымъ или произвольнымъ движеніемъ, *какъ* происходятъ тѣ процессы, результатомъ которыхъ является мысль и пр.

Теперь всѣ главнѣйшія орудія изслѣдованія у насъ налицо, и можно уже приступить къ дѣлу. Съ чего однако начать, гдѣ копнуть въ томъ безконечно разнообразномъ матеріалѣ, который составляетъ психическую жизнь? Для перваго приступа казалось бы лучше всего взять психическую дѣятельность какого-нибудь одного человѣка за маленькій промежутокъ времени, напр. за одинъ день, и хоть присмотрѣться къ ея внѣшней физіономіи. Кто не знаетъ эту картину? Если имѣть въ виду только ту сторону ея, которою она отражается въ сознаніи, то психическая жизнь является родомъ волшебнаго фонаря съ безпрерывно мѣняющимися образами, изъ которыхъ каждый держится въ полѣ зрѣнія много-что секунду или доли ея, мелькая иногда какъ тѣнь и обыкновенно уступая мѣсто другому образу, безъ всякаго темнаго перерыва. Это есть непрерывная цѣпь смѣняющихъ другъ друга ощущеній, чувствъ, мыслей и представленій, принимающая

то звуковую, то образную или другую форму, цѣпь до такой степени сплоченная, что сознаніе отличаетъ въ ней пустые промежутки лишь съ крайнимъ трудомъ, притомъ въ исключительныхъ случаяхъ. И цѣпь эта тянется въ такой формѣ ежедневно, отъ пробужденія до засыпанія; самый сонъ не всегда прерываетъ ее, замѣняя дневные образы ночными грёзами. Если же присматриваться къ тѣмъ вліяніямъ, которыя дѣйствуютъ на человѣка въ теченіи дня извнѣ, и сопоставить ихъ съ продуктами сознанія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними можно открыть болѣе или менѣе легко причинную связь (когда, напр., человѣкъ думаетъ непосредственно о видѣнномъ, слышимомъ, осязаемомъ и пр.), но чаще, т.-е. для большинства звеньевъ цѣпи, такой связи открыть непосредственно невозможно, такъ что они являются съ виду какъ-бы самобытными продуктами сознанія. Не менѣе сложнымъ и запутаннымъ представляется отношеніе между продуктами сознанія и явленіями въ двигательной сферѣ: въ теченіе всего дня въ тѣлѣ замѣчается непрерывный рядъ движеній, которыя тоже смѣняютъ другъ друга обыкновенно безъ ощутимыхъ промежутковъ, и одни изъ нихъ появляются какъ-то безцѣльно, машинально, а между тѣмъ стоятъ въ очевидной связи съ душевными движеніями (мимика лица и тѣла); другія принадлежатъ явственно къ заученнымъ движеніямъ и цѣлесообразны по отношенію къ опредѣляющимъ ихъ въ данную минуту мотивамъ, а между тѣмъ и въ нихъ чувствуется какая-то машинальность (сюда относятся, напр., всѣ заученныя комбинаціи движеній ремесленника); третьи служатъ непосредственнымъ воплощеніемъ того, что̀ происходитъ въ сознаніи (рѣчь); четвертыя появляются наоборотъ безъ всякаго повода и отношенія къ нему (привычныя движенія) и пр. и пр. Все же взятое вмѣстѣ представляетъ такую пеструю и запутанную картину безъ начала и конца, которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ крайне мало приглашающаго начать изслѣдованіе съ нея [1]). Въ самомъ счастливомъ случаѣ человѣкъ вынесетъ изъ разсматриванія ея только недоумѣніе, представляетъ ли психическая жизнь одинъ цѣльный актъ, тянущійся безъ перерыва всю жизнь съ сравнительно маленькими промежутками ночного затемнѣнія сознанія, или картина эта есть результатъ сплоченія въ цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ, совершавшихся нѣкогда въ тѣлѣ въ формѣ одиночныхъ актовъ.

---

1) Тѣмъ не менѣе въ Германіи нашлись-таки люди (Гербартъ и его послѣдователи), которые приняли эту картину за исходный пунктъ изслѣдованія и взялись распутать ее.

Такое недоумѣніе не можетъ по счастью продолжаться долго. Есть очень простой способъ убѣдиться въ томъ, что изъ обоихъ воззрѣній вѣрно только послѣднее. Для этого стоитъ лишь разсматривать картину психической дѣятельности не за одинъ только день, а за большой промежутокъ времени. При этомъ оказывается, что въ ряду образовъ, повторяющихся изо-дня въ день съ утомительнымъ однообразіемъ, выскакиваетъ вдругъ нѣчто новое, какое-нибудь образное представленіе, чувство, мысль, положенная на слова, и т. д. Дѣлается провѣрка и выходитъ, что новый гость, втѣснившійся въ картину, есть пріобрѣтеніе дня — встрѣча новаго лица, вызванныя имъ ощущенія, новая мысль, прочитанная въ книгѣ и т. д. Еще поучительнѣе сравненіе картинъ психической дѣятельности у образованнаго человѣка и простолюдина: у перваго она богата и образами и красками, а у второго все содержаніе ея вертится почти исключительно вокругъ вопросовъ о матеріальномъ существованіи. Еще одинъ шагъ книзу, и вы встрѣчаетесь съ сознаніемъ ребенка, которое, какъ извѣстно, представляетъ родъ канвы, на которой мало-по-малу выводятъ узоры реальныя встрѣчи съ внѣшнимъ міромъ и воспитаніе. Не ясно ли послѣ этого, что дневная картина психической дѣятельности взрослаго человѣка должна была слагаться мало-по-малу изъ отдѣльныхъ актовъ, возникавшихъ въ различные моменты существованія?

Послѣдній выводъ дѣлаетъ уже совершенно очевиднымъ, что дневная картина психической дѣятельности человѣка не можетъ быть взята за исходный объектъ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе взглядъ на нее все-таки полезенъ, потому что изъ него естественно вытекаетъ слѣдующая группировка задачъ нашей науки:

1) Психологія должна изучать исторію возникновенія отдѣльныхъ элементовъ картины;

2) изучать способъ сплоченія отдѣльныхъ элементовъ въ непрерывное цѣлое; и наконецъ—

3) изучать тѣ пружины, которыми опредѣляется каждое новое возникновеніе психической дѣятельности послѣ существовавшаго перерыва.

Или, переводя эти образы на болѣе научный языкъ:

1) Психологія должна изучать исторію развитія ощущеній, представленій, мысли, чувства и пр.

2) Затѣмъ, изучать способы сочетанія всѣхъ этихъ видовъ и родовъ психическихъ дѣятельностей другъ съ другомъ, со всѣми послѣдствіями такого сочетанія (приэтомъ нужно однако напередъ имѣть въ виду, что слово сочетаніе есть лишь образъ); и наконецъ—

3) изучать условія воспроизведенія психическихъ дѣятельностей.

Явленія, относящіяся во всѣ три группы, издавна разсматриваются во всѣхъ психологическихъ трактатахъ [1]; но такъ какъ въ прежнія времена *«психическимъ»* было только *«сознательное»*, т.-е. отъ цѣльнаго натуральнаго процесса отрывалось начало (которое относилось психологами для элементарныхъ психическихъ формъ въ область физіологіи) и конецъ, то объекты изученія, несмотря на сходство рамокъ у насъ, все-таки другіе. Исторія возникновенія отдѣльныхъ психическихъ актовъ должна обнимать и начало ихъ, и внѣшнее проявленіе, т.-е. двигательную реакцію, куда относится между прочимъ и рѣчь. Въ ученіи о сочетаніи элементовъ психической дѣятельности необходимо обращать вниманіе и на то, что̀ дѣлается съ началами и концами отдѣльныхъ актовъ. Наконецъ, въ третьемъ ряду задачъ должны изучаться условія репродукціи опять-таки цѣльныхъ актовъ, а не одной середины ихъ.

Теперь читатель, конечно, въ правѣ ожидать отъ меня, чтобы я доказалъ на дѣлѣ примѣнимость изложенныхъ общихъ началъ къ аналитическому изученію *всѣхъ* главнѣйшихъ сторонъ психическихъ дѣятельностей; иначе меня справедливо можно было бы упрекнуть въ томъ, что я, колебля вѣру въ старые пути науки и какъ-бы указывая на новые, не беру на себя однако труда доказать, что по этимъ новымъ путямъ наука дѣйствительно можетъ двигаться. Это я и постараюсь сдѣлать, но съ слѣдующей оговоркой.

Въ «Рефлексахъ головного мозга» я уже пытался разъ примѣнить эти самые принципы къ разработкѣ всѣхъ главнѣйшихъ формъ психической дѣятельности, но такъ какъ въ сочиненіи много разъ настойчиво говорилось, что всѣ явленія разбираются только со стороны способа ихъ происхожденія, то у читателя, знакомаго съ содержаніемъ этой книги, могла до сей поры совершенно справедливо держаться въ головѣ мысль, что этотъ этюдъ въ самомъ счастливомъ случаѣ могъ доказать только приложимость физіологическихъ аналогій къ чисто внѣшней сторонѣ психическихъ дѣятельностей. Теперь же, когда выяснены причины, почему психологія, какъ наука, можетъ касаться въ настоящее время именно только этой стороны явленій, взглядъ на дѣло дол-

---

[1] Въ самомъ дѣлѣ, во вторую группу задачъ относится такъ-назыв. процессъ ассоціаціи психическихъ дѣятельностей, а въ третью—процессъ репродукціи.

женъ очевидно измѣниться. Научная психологія, по всему своему содержанію, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ рядомъ ученій о происхожденіи психическихъ дѣятельностей. Съ этой точки зрѣнія всѣ выводы въ «Рефлексахъ головного мозга», которые я продолжаю считать вѣрными, получають значеніе доказательствъ примѣнимости представленныхъ мною теперь общихъ началъ. Смотря на дѣло такимъ образомъ, я могъ бы слѣдовательно отвѣтить на совершенно законное требованіе читателя указаніемъ на то, что уже было прежде сдѣлано мною. Но я поступлю иначе.

Мысль о возможности подвести всѣ главнѣйшія формы психической дѣятельности подъ типъ рефлекторныхъ процессовъ я развивалъ въ «Рефлексахъ головного мозга» на постепенно усложняющихся частныхъ примѣрахъ, причемъ моими руководящими мыслями были слѣдующія соображенія: очень многіе случаи психическихъ явленій носятъ явственный характеръ рефлексовъ, стало быть позволительно предположить, что когда психическій актъ является безъ всякаго выраженія извнѣ (движеніемъ), или, наоборотъ, двигательный конецъ его усиленъ, случаи эти могутъ быть подведены подъ рефлексы съ угнетеннымъ, или, наоборотъ, усиленнымъ концомъ. Первому случаю оказалась соотвѣтствующею мысль, второму—аффектъ, страстное движеніе. Когда эта цѣль была достигнута, мнѣ уже оставалось только выяснить на примѣрахъ понятіе о произвольности движеній, и основная цѣль была достигнута.

Ту же самую основную мысль я буду развивать и теперь, но иначе. Я стану слѣдить исторически за психическимъ развитіемъ человѣка (конечно, единичнаго), съ его рожденія на свѣтъ, постараюсь подмѣтить главнѣйшія фазы его (т.-е. развитія) въ томъ или другомъ періодѣ и вывести всякую послѣдующую фазу изъ предыдущей. Такимъ образомъ, ходъ мысли, какъ болѣе общій, будетъ обнимать явленія полнѣе, и гипотетическіе выводы прежняго труда подкрѣпятся новыми доводами. Приэтомъ я считаю, однако, нужнымъ оговориться, что не коснусь здѣсь ни природы такъ-называемой ассоціаціи впечатлѣній, или, правильнѣе, рефлексовъ, ни природы репродукціи ихъ, такъ какъ эти явленія выяснены были мною прежде и прибавить въ этомъ отношеніи что-нибудь существенно новое я не могу. Прошу только читателя держать въ умѣ, что ассоціація есть результатъ частаго повторенія нѣсколькихъ послѣдовательныхъ рефлексовъ, а репродукція любого психическаго акта — не что иное, какъ фотографическое повтореніе одного и того же процесса при количественно измѣненныхъ условіяхъ возбужденія чувствующаго снаряда.

III.

Въ младенчествѣ и дѣтскомъ возрастѣ всѣ психическія явленія носятъ характеръ рефлексовъ.—Единственные, очень крупные переломы въ послѣдующемъ психическомъ развитіи составляютъ: развивающаяся мало-по-малу мыслительная способность и произвольность дѣйствій.—Анализъ мышленія, какъ процесса, въ связи съ его реальными субстратами, показываетъ, однако, что въ акты мышленія не приходитъ никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму; и такъ какъ опытъ ясно указываетъ на то, что начало процесса расчлененія ощущеній падаетъ на младенческій возрастъ и что процессъ идетъ отсюда безъ существенныхъ измѣненій вплоть до случаевъ отвлеченнаго мышленія, то этимъ доказывается, что мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго развитія человѣка. — Физіологическій анализъ произвольныхъ движеній и перенесеніе данныхъ этого анализа на психологическую почву приводитъ къ тому же результату и въ отношеніи произвольности человѣческихъ дѣйствій.

Вопросъ о томъ, происходятъ ли всѣ психическія дѣятельности по типу рефлексовъ или нѣтъ, рѣшается съ общей точки зрѣнія утвердительно, если можно доказать, что исходныя формы, изъ которыхъ выростаетъ вся психическая жизнь, представляютъ акты, совершающіеся по этому типу, и что природа процессовъ не извращается и во всѣ послѣдующія фазы психическаго развитія.

Чтобы рѣшить первую половину мысли, я приглашаю читателя вдуматься серьёзно въ основное требованіе разума отъ всякой науки, *чтобы она изучала реальности*, и взглянуть съ этой точки зрѣнія, гдѣ и въ чемъ лежитъ начало психическаго развитія человѣка. Отвѣтъ ясенъ: начало падаетъ на младенческій возрастъ и можетъ лежать только въ различныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ чувствующихъ снарядовъ тѣла. Психологія, какъ наука о реальностяхъ, не можетъ отступать отъ такого воззрѣнія ни на іоту, потому что внѣ чувственныхъ вліяній съ ихъ двигательными послѣдствіями новорожденный не представляетъ ничего, кромѣ чистыхъ рефлексовъ (сосаніе, чиханіе, кашель, смыканіе глазъ и проч.). Никому, конечно, и въ голову не придетъ приписывать новорожденному даже настроеніе духа (не говоря уже о болѣе расчлененныхъ психическихъ образованіяхъ), когда онъ молчитъ или плачетъ; всякая кормилица знаетъ, что причина этому лежитъ или въ кишкахъ, или въ кожныхъ ощущеніяхъ. Впрочемъ, защищаемая мною мысль извѣстна обыденному сознанію еще съ другой стороны: оно знаетъ, что нигдѣ зависимость психическаго содержанія отъ окружающей реальной обстановки не выражается

съ такою поразительною яркостью, какъ на дѣтяхъ, и что зависимость эта длится не дни, а годы. Далѣе, всякому образованному человѣку извѣстно, что изъ реальныхъ встрѣчъ ребенка съ окружающимъ матеріальнымъ міромъ и складываются всѣ основы его будущаго психическаго развитія.

Стало-быть, исходныя психическія дѣятельности должны представлять со стороны начала актовъ (чувственное возбужденіе) сходство съ рефлексами.

О среднемъ членѣ акта, т.-е. о сознательномъ элементѣ, у новорожденнаго не можетъ быть собственно и рѣчи, но ничто не говоритъ и противъ того, чтобы возбужденіе чувствующихъ снарядовъ не отражалось въ его сознаніи ощущеніями со всѣми основными дифференціальными характерами ихъ, присущими тому или другому чувствующему снаряду (качественныя различія боли, свѣта, звука и проч.); ощущенія эти не могутъ, однако, не быть слитыми, потому что новорожденный не умѣетъ ни смотрѣть, ни слушать, ни осязать и проч.

Но каковъ конецъ рефлексовъ у новорожденнаго? Казалось бы, что если у взрослаго движеніе можетъ вытекать изъ возбужденія любого óргана чувствъ и нерѣдко выражается такими сложными актами, какъ ходьба, рѣчь и проч., то въ основѣ этихъ будущихъ проявленій должна лежать какая-нибудь преформированная связь между каждымъ чувствующимъ снарядомъ и чуть не всѣми двигательными аппаратами тѣла (нервно-мышечные снаряды). Она можетъ быть и есть уже при рожденіи, но даже у взрослаго связь эта не настолько пряма и непосредственна, какъ въ аппаратахъ, производящихъ чистые рефлексы, потому что при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, ходить заставляетъ взрослаго человѣка не ощущеніе свѣта, или звукъ самъ по себѣ, а зрительное или слуховое представленіе. Стало-быть и удивляться нечего, что ребенокъ, неимѣющій представленій, не начинаетъ двигать руками или ногами, когда на него подѣйствуетъ звукъ или свѣтъ. Только у животныхъ, способныхъ ходить тотчасъ или вскорѣ по рожденіи, непрямая связь, о которой идетъ рѣчь, должна быть вполнѣ прирожденною, у человѣка же она можетъ быть въ этотъ періодъ много-что намѣченной. Поэтому-то возбужденія óргановъ чувствъ у новорожденнаго и не выражаются извнѣ двигательными послѣдствіями ни въ туловищѣ, ни въ конечностяхъ. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности.

А между тѣмъ уже въ этотъ ранній періодъ въ тѣлѣ ребенка, и именно въ сферѣ глазъ, начинаетъ появляться особый родъ отраженныхъ движеній, вызываемыхъ свѣтомъ. Движенія эти быстро комбинируются въ стройную систему, и въ концѣ концовъ ребенокъ, какъ говорится, выучивается смотрѣть, т.-е. сводить зрительныя оси на предметѣ и передвигать глаза при такомъ положеніи осей вслѣдъ за движеніями предмета или съ одной точки неподвижнаго образа на другую. Это есть внѣшняя, видимая половина *умѣнья смотрѣть*, къ которой присоединяется еще умѣнье приспособлять глазъ къ разстояніямъ, невыражающееся извнѣ никакими ощутимыми признаками, но обусловливаемое, подобно первой половинѣ, дѣятельностью мышцъ. Такъ какъ эти движенія *заучиваются* ребенкомъ самостоятельно, лишь съ крайне малымъ участіемъ матери или кормилицы, то весь процессъ имѣетъ для насъ особенную важность.

Извѣстно, что если ребенокъ лежитъ постоянно въ свѣтлой комнатѣ такимъ образомъ, что свѣтъ падаетъ на его глаза съ боку, то онъ можетъ сдѣлаться косымъ, и именно въ сторону свѣта. Объяснить это можно только тѣмъ, что источникъ свѣта заставляетъ глазъ двигаться въ направленіи къ себѣ [1]). *Актъ*, очевидно, *рефлекторный*, хотя уже на этой ступени развитія явленія умъ нашъ склоненъ видѣть въ немъ проявленіе *инстинктивнаго стремленія* ребенка къ свѣту. Если бы ощущеніе свѣта оставалось неизмѣннымъ при возбужденіи имъ любой части сѣтчатки, то движенію глаза не было бы ни малѣйшей причины видоизмѣняться при продолжающемся вліяніи свѣта. Но этого условія нѣтъ; средняя часть сѣтчатки, лежащая прямо насупротивъ зрачка (такъ-называемое желтое пятно), ощущаетъ свѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ тоньше. Стало-быть, когда, при передвиженіи глаза, свѣтъ падаетъ на это мѣсто, возникаютъ условія для видоизмѣненія движенія. Видоизмѣненіе мыслимо только въ двухъ направленіяхъ: оно должно или усилиться, или ослабѣть. Природа выбрала послѣднее—глазъ останавливается въ движеніи. Второй рефлексъ, въ которомъ концомъ акта является торможеніе существовавшаго движенія.

---

1) На лягушкахъ съ отнятыми полушаріями (часть головного мозга), непредставляющихъ ни одного изъ явленій съ характеромъ сознательно-произвольныхъ актовъ, я замѣчалъ очень часто слѣдующее: если такую лягушку посадить спиной къ окну и оставить въ покоѣ на нѣсколько часовъ, то спустя болѣе или менѣе долго, она повертывается лицомъ къ свѣту и остается въ этомъ положеніи уже неопредѣленное время.

На этой фазѣ явленіе однако можетъ и не остановиться. При продолжающемся вліяніи свѣта, вслѣдъ за покоемъ можетъ вѣроятно снова развиться движеніе, потому что всѣ хорошо изслѣдованные въ физіологіи случаи рефлексовъ показываютъ, что движенія этого рода, при непрерывно-продолжающемся возбужденіи чувствующаго нерва, принимаютъ характеръ періодичности. При развившемся такимъ образомъ вторичномъ, третичномъ и т. д. движеніи могутъ повториться всѣ условія первичнаго, т.-е. опять сведеніе зрительныхъ осей на той же или на другой точкѣ свѣтового образа; и такимъ образомъ актъ будетъ представлять перерывистый рядъ послѣдовательныхъ сведеній осей на одну или нѣсколько точекъ предмета.

Но гдѣ же условіе для полнаго окончанія акта? Оно лежитъ въ утомляемости зрительнаго снаряда, прекращающей движеніе и дающей возможность проявиться въ сознаніи продуктамъ возбужденія другихъ органовъ чувствъ.

По тому же типу совершаются и аккомодативныя движенія, потому что и здѣсь для каждаго даннаго случая отстоянія предмета есть только одна степень сокращенія мышцъ, при которой образъ видится вполнѣ ясно. На этомъ моментѣ существовавшее движеніе вѣроятно временно и останавливается, чтобы развиваться затѣмъ вновь.

Вся эта картина, соотвѣтствуя конкретнымъ фактамъ, наблюдаемымъ на взросломъ человѣкѣ при актѣ смотрѣнія, имѣетъ въ свою пользу сверхъ того одну поразительную аналогію изъ сферы спинно-мозговыхъ рефлексовъ: если раздражать обезглавленной лягушкѣ чувствующій нервъ кожи умѣренно сильно, то вслѣдъ за началомъ раздраженія развивается сравнительно сильное и продолжительное движеніе, тогда какъ за усиленнымъ раздраженіемъ первымъ послѣдствіемъ бываетъ не движеніе, а покой въ положеніи, предшествовавшемъ раздраженію.

Передвиганіе сведенныхъ зрительныхъ осей вслѣдъ за двигающимся образомъ уже труднѣе поддается объясненію. Здѣсь впервые встрѣчается серьёзная необходимость прибѣгнуть къ какому-то активному стремленію со стороны ребенка сохранить, удержать въ ясности мелькающій въ полѣ зрѣнія образъ. Въ чемъ заключается это стремленіе, какова его физіологическая подкладка, мы не знаемъ; но всякій чувствуетъ конечно нѣкоторое родство этого факта съ приведеннымъ выше рефлексомъ, который для обыденнаго сознанія представляется тоже инстинктивнымъ стремленіемъ къ свѣту. Разница между ними можетъ быть такая же, какъ между первымъ голодомъ новорожденнаго, когда онъ не

сосалъ еще груди, и послѣдующими приступами того же чувства. Во всякомъ же случаѣ по аналогіи съ фактами послѣдующихъ періодовъ развитія можно предположить, что зрительныя ощущенія уже въ этотъ ранній періодъ начинаютъ заключать въ себѣ источникъ наслажденій для ребенка.

Легко понять однако, что представленный мною анализъ далеко не объясняетъ всего явленія (умѣнье смотрѣть) въ его совершенной формѣ. Анализъ коснулся лишь основныхъ чертъ факта, но изъ него нѣтъ ни малѣйшей возможности вывести тѣхъ сторонъ явленій, которыми такъ рѣзко характеризуется всякое *заученное движеніе*, именно легкости, быстроты и машинальной правильности (не только со стороны опредѣленности движенія, но и со стороны достиженія цѣли съ наименьшею затратою силы) его происхожденія; а между тѣмъ сочетанныя движенія глазъ характеризуются всѣми этими свойствами въ высшей степени, по крайней мѣрѣ уже никакъ не меньше сочетанныхъ движеній ходьбы, или любыхъ заученныхъ въ зрѣломъ возрастѣ (желающіе познакомиться подробнѣе съ этою стороною смотрѣнія могутъ обратиться къ учебникамъ физіологіи). Достаточно будетъ сказать, что присущая всякому, даже необразованному человѣку, легкость перцепціи всѣхъ пространственныхъ отношеній видимыхъ предметовъ, т.-е. ихъ очертанія, величины, отстоянія отъ глазъ и пр., опредѣляется именно *заученностью* глазныхъ движеній.

Въ основу всякаго заученія наблюденіе кладетъ, по аналогіи съ явленіями на взрослыхъ, частоту повторенія акта въ одномъ и томъ же направленіи и справедливо выводитъ отсюда, какъ послѣдствіе, легкость и машинальную правильность его происхожденія; но большую или меньшую приспособленность движенія къ его цѣли (снаровку, ловкость) оно приписываетъ для многихъ заученныхъ движеній (напр. ручная ремесленная техника) руководству разума. Послѣднее въ нашемъ случаѣ очевидно невозможно, и потому физіологія принуждена принять въ отношеніи глаза, что та сторона умѣнья смотрѣть, которая выражается умѣньемъ двигать глазами съ наименьшей затратой силы (эту сторону мы будемъ съ этой минуты повсюду называть *снаровкой*), есть продуктъ прирожденной организаціи двигательнаго снаряда.

Такимъ образомъ, почвой, условіемъ для полнаго развитія сочетанныхъ движеній глазъ является опредѣленная организація зрительнаго снаряда, съ его двигательнымъ придаткомъ; моментомъ, вызывающимъ это развитіе, — способность глаза двигаться подъ вліяніемъ свѣта и, наконецъ, условіемъ усовершенствованія движенія—повтореніе фото-моторнаго акта (свѣтового рефлекса).

Я намѣренно вдался въ подробное описаніе такого маленькаго факта, какъ заученныя движенія глазъ, по слѣдующей причинѣ: развитіе ихъ, несмотря на то, что оно происходитъ безъ всякаго разумнаго руководства со стороны воспитателя, можетъ служить типическимъ примѣромъ всѣхъ заученныхъ движеній и въ то же время совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенные элементы развитія любой психической дѣятельности. Тутъ сказывается въ самомъ дѣлѣ и связь между матеріальнымъ устройствомъ снаряда и продуктами его дѣятельности, и вмѣшательство памяти, и наконецъ послѣдствія частой репродукціи актовъ; а между тѣмъ все дѣло состоитъ въ частомъ повтореніи рефлексовъ, гдѣ моментомъ, регулирующимъ движенія, является чувствованіе.

Теперь посмотрите на ребенка черезъ полгода по рожденіи, когда онъ выучился смотрѣть, слушать и дѣйствовать руками, какъ хватательнымъ орудіемъ. У него уже много успѣло сложиться привычныхъ ощущеній, которыми опредѣляется его настроеніе духа (акты рефлекторнаго характера); темное неопредѣленное стремленіе къ свѣту превратилось въ наслажденіе яркими образами и красками; видъ блестящаго предмета, вызывая радость, заставляетъ двигаться не только глаза, но и все тѣло; ребенокъ поворачиваетъ голову на звукъ, тянется къ звенящему колокольчику, прыгаетъ и кричитъ отъ радости, схватываетъ рукой все что можетъ и всякую дрянь суетъ себѣ въ ротъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи начинаютъ проясняться, дифференцироваться, зрительныя и слуховыя ощущенія, въ центральной нервной системѣ какъ будто начинаютъ прокладываться новые пути отъ этихъ аппаратовъ ко всѣмъ двигательнымъ снарядамъ тѣла, не исключая и голоса. Можно ли не назвать всѣ эти акты рефлекторными? — а между тѣмъ только изъ нихъ и слагается жизнь ребенка въ эту эпоху развитія.

Но вотъ, ребенка начинаютъ учить ходить и въ немъ начинаютъ замѣчаться начатки рѣчи. Неужели и эти искусства пріобрѣтаются со стороны ребенка машинально?—относительно акта ходьбы это не подлежитъ сомнѣнію. Все обученіе со стороны воспитателя ограничивается тѣмъ, чтобы поддерживать сначала ребенка при его попыткахъ стоять, потомъ поддерживать его при попыткахъ двигать въ стоячемъ положеніи ногами, наконецъ прислонять ребенка къ неподвижнымъ предметамъ, какъ къ точкамъ опоры для туловища. Вся же существенная сторона механики передвиженія тѣла попеременной перестановкой ногъ принадлежитъ самому ребенку. Но откуда же берется у него способность къ такой механикѣ? Спросите себя, почему взрослый человѣкъ

при свободной ходьбѣ машетъ совершенно безполезно, а между тѣмъ совершенно правильно и періодично обѣими руками, и почему движенія рукъ и ногъ смѣняются у него въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ движенія переднихъ и заднихъ ногъ при ходьбѣ у любого четвероногаго?—Отвѣтъ едва ли будетъ сомнителенъ: весь нервно-мышечный аппаратъ ходьбы долженъ быть данъ человѣку въ общихъ чертахъ готовымъ, и то, что мы называемъ заученіемъ, не есть созиданіе вновь цѣлаго комплекса движеній, а лишь регуляція прирожденныхъ, примѣнительно къ почвѣ, по которой происходитъ движеніе. Регуляція же эта, какъ показываетъ физіологическій анализъ, заключается въ выясненіи тѣхъ ощущеній, которыми сопровождается передвиженіе по твердой поверхности, служащей опорой для ногъ. Бываютъ болѣзненные случаи, когда человѣкъ теряетъ способность сознавать эти ощущенія, и ходьба становится невозможной.

И искусство произносить заученныя слова, когда ребенокъ видитъ предметъ или слышитъ знакомый звукъ, или вообще получаетъ знакомое уже ощущеніе, пріобрѣтается въ сущности тѣмъ же путемъ. Подобно тому какъ у попугая, котораго учатъ говорить, почвой для пріобрѣтенія искусства служитъ наклонность птицъ выражать ощущенія крикомъ, такъ и у ребенка основнымъ условіемъ способности къ рѣчи служитъ центральная связь между зрительнымъ и слуховымъ аппаратомъ, съ одной стороны, и всѣмъ комплексомъ движеній, участвующимъ въ образованіи голоса и рѣчи, съ другой. Но одна эта связь, какъ показываютъ глухонѣмые, можетъ вести лишь къ нестройнымъ отрывистымъ крикамъ; въ рѣчь же крики превращаются, какъ опять показываютъ тѣ же глухонѣмые, только подъ регулирующимъ контролемъ слуха. Правда, въ настоящее время, когда механическія условія рѣчи извѣстны, выучиваютъ говорить и глухонѣмыхъ, но при этомъ руководителями движеній зубъ, челюстей, языка и нёба служатъ для глухонѣмого зрительныя впечатлѣнія; стало быть и въ этомъ случаѣ процессъ остается прежнимъ. Нужно однако замѣтить, что помимо всѣхъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется выясненіе слухового ощущенія и легкость переноса движеній съ зрительнаго и слухового аппаратовъ на органы голоса и рѣчи, въ процессѣ развитія способности говорить принимаетъ участіе со стороны ребенка еще одинъ важный факторъ: инстинктивная звукоподражательность. Выясненный въ сознаніи звукъ или рядъ звуковъ служитъ для ребенка мѣркой, къ которой онъ подлаживаетъ свои собственные звуки и какъ будто не успокоивается до тѣхъ поръ, пока мѣрка и ея подобіе не станутъ тожде-

ственны. Физiологическихъ основъ этого свойства мы не знаемъ, но въ виду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всѣмъ безъ исключенiя людямъ, притомъ пронизываетъ всю жизнь, и въ зрѣломъ возрастѣ, въ страшно сильной дозѣ [оно лежитъ въ основѣ общественности вообще, играетъ важную роль въ развитiи нацiональнаго характера, ею обусловливается стадность людскихъ дѣйствiй, рутина и пр.]; легко понять, что для людей она имѣетъ всѣ характеры родового признака, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ обезьянамъ приписывается зрительно-мышечная, а птицамъ слухо-мышечная подражательность. Съ другой стороны, если принять, что, при извѣстныхъ условiяхъ, возбужденiя высшихъ органовъ чувствъ стремятся неудержимо (въ сознанiи это обстоятельство должно отражаться именно въ формѣ какого-то стремленiя) вылиться въ звукъ или слово, и основное условiе для того, чтобы движенiе могло произойти именно въ этомъ, а не въ другомъ направленiи, уже готово (я разумѣю въ нашемъ случаѣ выясненiе слухового ощущенiя); если принять далѣе во вниманiе, что помимо ярко выяснившейся въ сознанiи слуховой мѣрки нѣтъ ничего, кромѣ смутныхъ измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ собственныхъ звуковъ, то становится до извѣстной степени понятнымъ, что ребенку ничего не остается болѣе, какъ подлаживаться подъ нее. Одна только эта мѣрка остается въ сознанiи яркою и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнною, все остальное смутно и измѣнчиво. Въ актѣ есть очевидно нѣкоторое сходство съ заученiемъ глазныхъ движенiй подъ влiянiемъ условiя доставленiя сознанiю наиболѣе свѣтлыхъ образовъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ актъ и не заключаетъ въ себѣ для обыденнаго сознанiя никакихъ элементовъ подражательности.

Вооруженный умѣньемъ смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движенiями рукъ, ребенокъ перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенiя съ внѣшнимъ мiромъ. Послѣднiй продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. черезъ органы чувствъ, слѣдовательно *акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ*; но влiянiя падаютъ уже на иную почву. Уже одно то, что ребенокъ прiобрѣлъ подвижность тѣла, даетъ ему возможность анализировать впечатлѣнiе, подобно тому, какъ въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ, желающiй познакомиться съ какимъ-нибудь предметомъ, недовольствуется однимъ взглядомъ на него, а осматриваетъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнiя, подъ разными углами. Но къ этому присоединяется еще болѣе тонкая аналитическая способность глазъ, выучившихся

смотрѣть, которая даетъ въ общихъ чертахъ то же самое, что и подвижность всего тѣла. Въ этомъ отношеніи крайне поучительно прислушаться къ разсказамъ слѣпорожденныхъ, которымъ было возвращено зрѣніе въ зрѣлые годы, какъ они видѣли окружающій міръ въ первые дни послѣ операціи. Несмотря на то, что у этихъ людей были уже ясны въ головѣ всѣ пространственныя представленія объ окружающихъ ихъ предметахъ, добытыя путемъ осязанія, все поле зрѣнія казалось имъ наполненнымъ какимъ-то однимъ сплошнымъ образомъ, который какъ будто касался ихъ глазъ, и они даже боялись двигаться изъ опасенія наткнуться на тотъ или другой образъ. И передъ глазомъ, выучившимся смотрѣть, общая картина поля зрѣнія все та же, но она членораздѣльна, объекты вынесены на разныя отстоянія отъ глаза, пустые промежутки между предметами сознаются какъ таковые и пр. Однимъ словомъ, глазъ, выучившійся смотрѣть, расчленяетъ плоскостную картину поля зрѣнія во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, въ высоту, ширину и глубь; и такая способность расчленять относится не только къ цѣльной картинѣ, но и къ каждому изъ ея образовъ въ отдѣльности. Помощникомъ глаза въ дѣлѣ пространственнаго анализа на близкихъ разстояніяхъ является рука. Хватательные рефлексы съ глаза развиты въ эту пору у дѣтей до несносной степени, но дѣло не ограничивается уже тѣмъ, чтобы схватить предметъ, рука повертываетъ его, обнаруживая такимъ образомъ передъ глазомъ разныя стороны предмета.

Гельмгольтцъ, одинъ изъ величайшихъ современныхъ умовъ, человѣкъ, которому психологическое ученіе о развитіи пространственныхъ представленій обязано едва ли не болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, резюмируя все, что можетъ дать наблюденіе относительно развитія пространственнаго видѣнія, говоритъ, что представленія о величинѣ, удаленіи, очертаніяхъ и тѣлесности предметовъ *развиваются* какъ-бы *путемъ безсознательныхъ умозаключеній*. И это не фигура, не образъ—впослѣдствіи мы убѣдимся въ этомъ, когда увидимъ, изъ какихъ реальныхъ элементовъ слагается то, что называется въ общежитіи умозаключеніемъ. Въ настоящую же минуту достаточно будетъ замѣтить, что реальная подкладка процесса развитія представленій изъ ощущеній есть лишь частое возбужденіе чувствующаго снаряда при мѣняющихся условіяхъ со стороны перцепирующаго органа. Это единственно-возможное крайнее обобщеніе фактовъ, касающихся процесса развитія названныхъ образованій.

Таковы въ разбираемую эпоху развитія средніе члены психическихъ актовъ, поскольку послѣдніе вызываются реальными воз-

бужденіями чувствующихъ снарядовъ. Но такими же являются они и въ репродуцированныхъ актахъ (когда ребенокъ вспоминаетъ видѣнное, слышанное и пр.), такъ какъ представленія не расчленились еще въ эту пору до степени понятій [не нужно забывать при этомъ, что всякій репродуцированный актъ, въ смыслѣ процесса, представляетъ лишь копію реальнаго возбужденія съ разницею только въ началахъ обоихъ актовъ, да и то количественною!].

Теперь посмотримъ, каковы крайніе члены процессовъ въ эту эпоху, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ среднимъ членамъ. Кто не знаетъ, что ребенокъ пускаетъ въ ходъ всѣ заученныя имъ движенія, и пускаетъ въ ходъ съ непостижимой для взрослаго энергіей? Въ эту минуту его тянетъ къ себѣ блестящій предметъ, и онъ бѣжитъ къ нему, но на дорогѣ промелькнула передъ глазами муха, и онъ ловитъ ее; тамъ пискнула птица, и это уважительный предлогъ, чтобы обратить энергію въ другую сторону; вдали замычала корова, и онъ останавливается, чтобы промычать и т. д. и т. д. И, однако, черезъ всю эту безтолковую и безустанную суетню тянется всегда одинъ и тотъ же мотивъ: ребенку *хочется* забрать себѣ въ руки все, что онъ ни видитъ и ни слышитъ, его *тянетъ* ко всѣмъ предметамъ то самое чувство, которое замѣчалось и тогда, когда онъ сидѣлъ еще на рукахъ у матери или няньки, только теперь это чувство опредѣлилось яснѣе, какъ слѣдъ отъ болѣе яркаго наслажденія. Хотите убѣдиться, насколько сильны эти стремленія въ ребенкѣ — уведите его съ прогулки и заставьте силкомъ просидѣть хоть часъ неподвижно. Долго неудовлетворяемое стремленіе къ движенію какъ будто заряжаетъ нервную систему, и тогда достаточно самаго ничтожнаго толчка, чтобы чувство перелилось, какъ говорится, черезъ край и выразилось криками, плачемъ, чуть не судорогами.

Переведя всѣ эти факты на физіологическій языкъ, выходитъ, что въ эту пору развитія продукты возбужденій высшихъ органовъ чувствъ имѣютъ, по преимуществу, страстный характеръ, что въ репродуцированной формѣ они оставляютъ на душѣ стремительный слѣдъ, въ видѣ желанія обладать источниками наслажденій и что стремленія эти представляютъ мотивы, опредѣляющіе внѣшнюю дѣятельность. Слѣдовательно, акты, начинаясь внѣшними возбужденіями чувствующихъ снарядовъ, протекаютъ по знакомымъ уже намъ путямъ, связывающимъ чувствующіе аппараты съ механизмами ходьбы, ручныхъ движеній, голоса и рѣчи.

Дальнѣйшіе, но уже и единственные, крупные шаги въ психическомъ развитіи человѣка составляютъ первые проблески ума или мыслительной способности и зачатки свободной воли. Ребенокъ начинаетъ сознавать предметы внѣшняго міра не только въ ихъ обособленности, но и со стороны взаимныхъ отношеній, какъ цѣльныхъ предметовъ другъ къ другу, такъ и частей каждаго отдѣльнаго предмета къ своему цѣлому. Пониманію ребенка открываются чрезъ это тѣ пружины матеріальнаго бытія, которыми связываются объекты внѣшняго міра и которыя составляютъ всю основу какъ обыденнаго, такъ и научнаго міросозерцанія. Изъ элементарныхъ размышленій ребенка выростаетъ мало-по-малу та грандіозная цѣль знаній, которая, начинаясь самымъ поверхностнымъ расчлененіемъ конкретныхъ фактовъ матеріальнаго міра, увѣнчивается точнымъ, непогрѣшимымъ математическимъ знаніемъ. Другая же сторона развитія заключается въ томъ, что человѣкъ мало-по-малу эманципируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ непосредственныхъ вліяній матеріальной среды; въ основу дѣйствій кладутся уже не одни чувственныя побужденія; но мысль и моральное чувство; самое дѣйствіе получаетъ черезъ это опредѣленный смыслъ и становится поступкомъ. Для человѣка является возможность выбора между способами дѣйствія, и въ этомъ смыслѣ его называютъ въ теоріи всегда нравственно - свободнымъ существомъ.

Я постараюсь теперь опредѣлить, изъ какихъ именно элементовъ слагаются въ дѣйствительности акты мышленія, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія процессовъ.

За исходный пунктъ при рѣшеніи этого вопроса мы должны принять ту общую точку зрѣнія, съ которой логика смотритъ на мысль, или, точнѣе, на словесный образъ ея, и затѣмъ стараться найти, какія реальныя подкладки соотвѣтствуютъ всѣмъ логическимъ элементамъ мысли поочередно. Съ логической стороны, во всякой мысли есть непремѣнно двѣ вещи, два объекта, сопоставленные другъ съ другомъ. Объектами этими могутъ быть крайне разнообразныя вещи въ психическомъ отношеніи: сопоставляться могутъ два дѣйствительно отдѣльныхъ предмета, или одинъ и тотъ же предметъ, но въ двухъ различныхъ состояніяхъ; далѣе—цѣльный предметъ съ своей частью и, наконецъ, части предметовъ другъ съ другомъ. Еще большее разнообразіе представляютъ тѣ направленія, въ которыхъ производится сопоставленіе и которыми опредѣляется весь характеръ послѣдняго элемента мысли — умозаключенія, а черезъ него и такъ-называемое содержаніе всей мысли. Въ простѣйшихъ случаяхъ результатъ сопоставленія огра-

ничивается *констатированіемъ* раздѣльности двухъ объектовъ мысли, въ другихъ случаяхъ изъ сопоставленія вытекаетъ или сходство, или различіе между ними — обширная категорія мыслей, содержаніемъ которыхъ является сравненіе; въ третьихъ случаяхъ сопоставленіе даетъ въ результатѣ каузальную связь между объектами, причемъ одинъ является причиной, а другой послѣдствіемъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ фразы въ родѣ «дерево зелено, камень твердъ, человѣкъ стоитъ, лежитъ, дышетъ, ходитъ» и пр. заключаютъ въ себѣ уже всѣ существенные элементы мысли: 1) *раздѣльность двухъ объектовъ*; 2) *сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ* (въ сознаніи), и 3) *умозаключеніе* (въ приведенныхъ примѣрахъ оно останавливается на степени констатированія отдѣльности объектовъ мысли).

Главная задача наша должна, слѣдовательно, заключаться въ томъ, чтобы указать, какія психическія реальности соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ логическимъ элементамъ мысли.

Вопросъ этотъ я буду разбирать на одной только формѣ мышленія, именно на мысляхъ, содержаніемъ которыхъ является *сравненіе*, такъ какъ эта категорія наиболѣе обширна, реальныя подкладки мысли находить здѣсь всего легче, и такъ какъ, наконецъ, *сравненіе* играетъ первенствующую роль даже въ ряду научнаго мышленія [1]).

Образчикомъ мыслительныхъ процессовъ этого рода могутъ служить тѣ безчисленные случаи изъ обыденной практической жизни и даже науки, гдѣ человѣкъ прибѣгаетъ къ сопоставленію и сравненію предметовъ ради оцѣнки ихъ сходствъ и различій во всевозможныхъ отношеніяхъ. При этомъ оцѣночнымъ орудіемъ служатъ впечатлѣнія отъ предметовъ на органы чувствъ и сопоставляются другъ съ другомъ всегда однородныя впечатлѣнія — зрительныя съ зрительными, осязательныя съ осязательными и проч. Взрослый человѣкъ можетъ, впрочемъ, производить совершенно такую же оцѣнку предметовъ и при условіи, когда передъ нимъ въ данную минуту нѣтъ реальныхъ мѣрокъ, которыя онъ могъ бы прикладывать къ оцѣниваемому предмету (оцѣнка

---

[1]) Не менѣе интересна и важна форма мыслительныхъ процессовъ, въ которыхъ содержаніемъ мысли является причинная связь между ея объектами. Но представить въ настоящую минуту картину ея развитія (конечно, съ точки зрѣнія нашихъ принциповъ) невозможно, потому что въ основѣ ея лежитъ главнѣйшимъ, если не исключительнымъ образомъ, способность человѣка отдѣлять въ сознаніи себя отъ своихъ дѣйствій, способность, развивающаяся изъ сопоставленія себя въ состояніи покоя съ собою въ состояніи дѣйствія. Объ этихъ же частныхъ случаяхъ расчлененія конкретныхъ формъ рѣчь можетъ быть лишь въ трактатѣ о произвольныхъ движеніяхъ.

глазомъ формы, окрашенности предметовъ или ихъ величины, оцѣнка рукою вѣса и проч.); но и въ этихъ случаяхъ мѣрка есть только умственная, въ формѣ репродуцированнаго представленія о томъ самомъ реальномъ предметѣ, который выбранъ былъ бы за мѣрку, если бы былъ на лицо. Извѣстно далѣе, что реальное сопоставленіе можно дѣлать не только между двумя, но и между множествомъ предметовъ; однако, процессъ отъ этого нисколько не измѣняется, потому что сравненіе дѣлается все-таки попарно, стало-быть вмѣсто одного акта является только цѣлый рядъ ихъ. При этомъ въ умственной сферѣ для случая, когда сопоставляются два реально-раздѣльныхъ предмета (напримѣръ, два камня, два дерева и проч.), *сопоставленію* въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ послѣдовательное происхожденіе двухъ впечатлѣній, раздѣленное между собою во времени и пространствѣ (глазъ переходитъ послѣдовательно съ одного предмета на другой!); значитъ, при этомъ не происходитъ никакого особаго умственнаго процесса. Но какъ понимать случаи, когда въ мысли сопоставляются другъ съ другомъ предметъ и его свойство (дерево зелено, большое и пр.)? И въ этихъ случаяхъ процессъ остается тѣмъ же. Въ самомъ дѣлѣ, непремѣннымъ, исходнымъ условіемъ для мыслей такого рода должна быть способность человѣка расчленять конкретное ощущеніе; эта способность должна быть уже готовой, прежде чѣмъ начинается мысль. Но она, какъ извѣстно, развивается въ очень ранній возрастъ—когда у ребенка ощущеніе, расчленяясь, переходитъ на степень представленія. Разъ же эта способность пріобрѣтена, тогда для сознанія уже все равно, лежатъ ли рядомъ два дѣйствительно отдѣльныя впечатлѣнія (по реальнымъ субстратамъ), или два однородныя, но полученныя при разныхъ условіяхъ перцепціи. Что касается наконецъ до случая, когда сопоставляется одно реальное впечатлѣніе съ репродуцированнымъ старымъ, то и здѣсь есть очевидно реальное условіе раздѣльности объектовъ мысли, такъ какъ репродуцированный актъ является вслѣдъ за реальнымъ. Теперь посмотримъ, что соотвѣтствуетъ второму элементу мысли, сравненію. И здѣсь случай сравненія двухъ реально-отдѣльныхъ предметовъ даетъ наиболѣе ясные отвѣты, особенно если имѣть въ виду сравненіе предметовъ зрительное. При этомъ глазъ продѣлываетъ на каждомъ предметѣ ту самую систему движеній, которая обыкновенно употребляется имъ въ дѣло съ цѣлью выясненія тѣхъ или другихъ сторонъ зрительныхъ ощущеній; смѣривъ (движеніемъ) одинъ предметъ въ длину или ширину, глазъ перебѣгаетъ къ другому предмету съ тою же цѣлью, кривое очертаніе или уголъ срав-

нивается съ кривымъ очертаніемъ и угломъ, пятно съ пятномъ и пр. Однимъ словомъ, умственные образы предметовъ какъ-бы накладываются другъ на друга, подобно тому, какъ въ геометріи ученикъ накладываетъ фигуры треугольниковъ, чтобы доказать ихъ равенство.

Но то же самое имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ сопоставленія реальнаго впечатлѣнія съ репродуцированнымъ сходнымъ, хотя обыденное сознаніе и не въ силахъ открыть здѣсь этихъ реальныхъ субстратовъ. Дѣло въ томъ, что если ребенокъ можетъ уже думать, мыслить зрительно, это значитъ онъ уже умѣетъ смотрѣть и зрительныя ощущенія уже расчленены у него до степени представленій (такъ какъ оба акта, заучиванье смотрѣнія и расчлененіе ощущенія идутъ рядомъ; см. учебники физіологіи). При этомъ условіи, если взглядъ на реальный предметъ репродуцируетъ въ сознаніи сходный старый образъ (воспоминаніе о видѣнномъ прежде), то вмѣстѣ съ этимъ вторымъ членомъ рефлекса репродуцируется и его третій членъ, заключающійся въ движеніи глазъ (которое въ цѣломъ составляетъ умѣнье смотрѣть). Это-то репродуцированное, или что то же, привычное движеніе, вызванное въ 1001-й разъ, и есть реальный субстратъ сравненія при оцѣнкѣ свойствъ предметовъ, разсматриваемыхъ въ одиночку. Но сознанію извѣстенъ, сверхъ того, еще одинъ результатъ сопоставленія предметовъ—это выступаніе всѣхъ вообще несходствъ предметовъ тѣмъ болѣе рѣзкое, чѣмъ быстрѣе другъ за другомъ слѣдуютъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сравниваемыя впечатлѣнія. Это *явленіе* такъ-наз. *контраста*, въ силу котораго свѣтъ кажется свѣтлѣе послѣ тьмы, холодъ холоднѣе послѣ тепла, маленькое становится еще меньшимъ рядомъ съ большимъ, дурное дѣлается почти красивымъ и даже отвратительное можетъ превратиться въ источникъ наслажденія. Что касается до вывода, или умозаключенія, то самонаблюденіе не открываетъ никакого соотвѣтствующаго ему особаго процесса — сознаніе лишь констатируетъ найденныя сходства или различія. Другое дѣло, содержаніе умозаключенія — оно опредѣляется тѣмъ направленіемъ, которое принимаетъ въ данную минуту констатированіе. Констатируется, напр., различіе отдѣльнаго признака (части цѣлаго) въ связи съ цѣлымъ— это будетъ реальный субстратъ мыслей, которыми опредѣляется вообще качество или состояніе предмета: *дубъ* зеленъ, *алмазъ* твердъ, *Петръ* сидитъ, *Иванъ* ходитъ и пр. Констатируются наоборотъ сходныя черты сравниваемыхъ предметовъ — являются реальные субстраты мыслей, въ которыхъ всѣ члены по отношенію другъ къ другу прежніе, но гдѣ предметъ является уже бо-

лѣе расчлененнымъ, отъ него, какъ говорится, отвлечена часть и возведена на степень *понятія;* въ этомъ смыслѣ человѣкъ говоритъ: *дерево* зелено, *камень* твердъ, *человѣкъ* сидитъ, ходитъ. Но дробленіе можетъ идти и далѣе, оно можетъ коснуться не цѣльнаго предмета, но одного изъ его признаковъ. Сознаніе констатируетъ (не нужно забывать, что эти слова фигура!), напр., рядомъ съ различіями какого-нибудь признака (дерево зелено, желто, буро и пр.) сходныя черты въ самомъ признакѣ — это будетъ такое же отвлеченіе части отъ цѣлаго, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и реальные элементы мысли будутъ опять прежніе, но въ нихъ является расчлененнымъ уже и признакъ; въ этомъ смыслѣ говорится: дерево *окрашено* (второй членъ въ мысли *камень твердъ* остается неизмѣннымъ на томъ основаніи, что ощущеніе твердости, какъ продуктъ нерасчленяемаго чувства, дробиться не можетъ, подобно чувству холода, голода, позыва на мочу и пр.), человѣкъ *неподвиженъ* или *двигается.*

Сопоставленіе болѣе и болѣе раздробленныхъ представленій неизбѣжно ведетъ къ тому, что объектами сравненія становятся уже не конкретныя формы, а отдѣльные признаки ихъ. Отсюда же является возможность сравненія между собою крайне отличныхъ другъ отъ друга формъ (напр., человѣка съ деревомъ, камнемъ и пр.). Черезъ это рядъ мыслей выростаетъ до необозримыхъ размѣровъ, и единственный ясно сознаваемый предѣлъ подобныхъ сравненій можетъ лежать только въ устройствѣ тѣхъ орудій (въ нашемъ случаѣ, конечно органовъ чувствъ), которыми дробится представленіе на отдѣльные элементы. Наука показываетъ однако, что и этотъ предѣлъ не абсолютенъ: гдѣ органъ чувствъ съ его природными свойствами отказывается отъ службы, она вооружаетъ его искусственными средствами анализа, и при помощи ихъ опять начинается исторія дробленія конкретныхъ фактовъ и сопоставленія цѣлаго съ частями, или однѣхъ только частей между собою. Исторія эта повторяется изъ вѣка въ вѣкъ въ наукѣ, и тамъ, гдѣ исчерпается предѣлъ сравненій, обусловленныхъ даже искусственнымъ изощреніемъ органовъ чувствъ и исчерпываются самыя средства къ дальнѣйшему изощренію орудій дробленія — тамъ предѣлъ науки о реальномъ мірѣ. И во всей этой безконечно-длинной цѣпи мыслей, добываемыхъ путемъ сравненія, реальные субстраты мышленія, какъ процесса, остаются очевидно одинаковыми; исходное условіе есть расчлененіе конкретнаго представленія, соотвѣтственно аналитической способности органа чувствъ, расчлененіе, которымъ дается возможность остановиться на какой-нибудь одной сторонѣ представленія; а другой

и послѣдній моментъ можно обозначить словомъ соизмѣренія расчлененнаго представленія съ репродуцированнымъ по закону ассоціаціи прежде бывшимъ сходнымъ представленіемъ (умственная мѣрка) или съ другимъ реальнымъ впечатлѣніемъ, когда сравниваются между собою два реальные объекта. Первый случай есть основной, исходный, на которомъ у ребенка изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы и выводить умозаключенія. Доказательствомъ этому служитъ то, что вся пространственная сторона видѣнія (представленія о величинѣ, удаленіи, тѣлесности предметовъ и пр.), которая можетъ быть выражена на словахъ рядомъ мыслей совершенно тождественныхъ съ приведенными примѣрами, развивается, какъ уже было упомянуто, по Гельмгольтцу, какъ-бы путемъ безсознательныхъ умозаключеній.

Доведя анализъ разбираемой формы мышленія до этой степени, я уже могу формулировать самую суть тѣхъ реальныхъ процессовъ, которые лежатъ въ ея основѣ.

Повтореніе одного и того же рода возбужденій чувствующаго снаряда при мѣняющихся условіяхъ перцепціи ведетъ неизбѣжно къ расчлененію ощущеній, которымъ опредѣляется превращеніе ихъ въ *представленія*. Рядомъ съ этимъ неизбѣжно умножаются условія репродукціи впечатлѣній по такъ-называемому закону сходства, а результатомъ каждой такой репродукціи является сопоставленіе въ сознаніи сходственныхъ образованій. Когда же въ тѣлѣ репродуцируется какой-нибудь психическій актъ, это значитъ просто на-просто, что актъ повторяется весь цѣликомъ, слѣдовательно, для случая зрительнаго представленія, воспроизводятся и тѣ движенія, которыя обыкновенно употребляются глазомъ при разсматриваніи предмета. Эти-то движенія, падая теперь на реальный образъ, и представляютъ реальный субстратъ того, что мы выражаемъ словомъ соизмѣренія представленій со стороны формы, длины предметовъ и пр. Со стороны процесса въ сознаніе не вносится этими актами абсолютно ничего новаго — они представляютъ повтореніе старыхъ пріемовъ смотрѣть, слушать, осязать въ приложеніи лишь къ данному новому реальному случаю; но понятно, что ни одно такое соизмѣреніе не можетъ остаться безъ результатовъ—міровой опытъ показываетъ, что всякое детальное познаніе даже чисто внѣшнихъ признаковъ предмета всегда предполагаетъ частое повтореніе возбужденій органа чувствъ сходственными объектами. Мы, напр., привыкли смотрѣть на лицо европейца и легко замѣчаемъ очень тонкія черты въ выраженіи лица, а негры, напр., или китайцы, которыхъ мы видимъ рѣдко, кажутся намъ до такой степени похожими другъ на друга, что мнѣ по

крайней мѣрѣ случалось смѣшивать по лицу негритянку-дѣвушку съ негромъ-юношей; значитъ, отъ меня ускользнули даже тѣ крупныя черты, которыми отличаются лица различныхъ половъ въ юношескомъ возрастѣ.

Если принять только-что развитую точку зрѣнія, то оказывается, что случай сравненія двухъ реальныхъ объектовъ нисколько не отличается по содержанію отъ случая соизмѣренія реальнаго объекта съ репродуцированнымъ представленіемъ, принятымъ за мѣрку. Въ ту самую минуту, какъ я взглянулъ на первый предметъ, у меня уже репродуцируется прежній сходственный образъ со всею заученною механикою разсматриванія, и происходитъ первое соизмѣреніе; затѣмъ глазъ переходитъ ко второму предмету и въ сознаніи репродуцируется только-что пережитый актъ—второе соизмѣреніе. Черезъ это-то и становится понятнымъ, какимъ образомъ повтореніе реальныхъ впечатлѣній отъ отдѣльныхъ предметовъ, рядомъ съ репродукціей предшествовавшихъ сходныхъ, можетъ представлять шаблонъ, на которомъ изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы.

Итакъ, въ основѣ актовъ мышленія, содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе не открываетъ ничего кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями.

Прежде, чѣмъ перейти ко второму переломному пункту психическаго развитія, я считаю необходимымъ остановиться на приложеніи выработанныхъ точекъ зрѣнія къ двумъ частнымъ случаямъ наиболѣе отвлеченнаго мышленія, именно къ математическому и метафизическому мышленію.

Первый случай представляется особенно поразительнымъ съ слѣдующей стороны. Математика, какъ наука аналитическая о пространственныхъ и количественныхъ отношеніяхъ, не можетъ не дробить своихъ исходныхъ конкретныхъ представленій, и она дробитъ ихъ сильнѣе всякой естественной науки, доводя представленіе о пространствѣ до понятія о математической точкѣ, неимѣющей никакихъ измѣреній, и вообще представленіе о величинѣ до понятія о безконечно-малыхъ величинахъ; а между тѣмъ операція дробленія совершается здѣсь безъ посредства всякаго вооруженія или изощренія нашихъ органовъ чувствъ, подобнаго, напр., микроскопу въ дѣлѣ изслѣдованія мелкихъ формъ, или магнитной

стрѣлкѣ въ дѣлѣ опредѣленія электрическихъ движеній и пр. Операція эта совершается очевидно въ умѣ (одна изъ многочисленныхъ причинъ, почему математика называется чисто умозрительной наукой), и стало быть умъ какъ-бы опережаетъ наши органы чувствъ, заходитъ глубже ихъ въ пространственныя и количественныя отношенія. Какъ же помирить подобные факты съ только-что развитымъ воззрѣніемъ, по которому исходнымъ матеріаломъ мышленія долженъ быть анализъ реальныхъ впечатлѣній подъ контролемъ органовъ чувствъ, и какъ объяснить себѣ особенно то обстоятельство, что именно математическое-то мышленіе, имѣющее дѣло съ чистыми абстрактами, и непогрѣшимо, тогда какъ предполагаемый корень его, реальное мышленіе (правильнѣе, мышленіе о реальностяхъ), кишитъ промахами и ошибками? Съ виду все это вѣрно, но на дѣлѣ всѣ корни математическаго мышленія въ сказанномъ направленіи лежатъ все-таки въ реальностяхъ. Не трудно замѣтить, во-первыхъ, что дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ вовсе не представляетъ операцій трудныхъ въ умственномъ отношеніи — на нихъ способны люди не только мало знакомые съ математикой (какъ, напр., я), но и дѣти. Съ другой стороны понятно, что съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значитъ и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Взятая въ отдѣльности, математическая точка понятна только со стороны ея *логическаго* происхожденія: это есть матеріальная точка безъ ея *существенныхъ* аттрибутовъ, т.-е. измѣреній въ трехъ направленіяхъ, какъ будто пустая форма безъ содержанія (фигура!), но въ сущности антитезъ не только всему пространственному, но и всему реальному (понятіе «пространственное» всегда заключается въ понятіи о «реальномъ», какъ часть въ цѣломъ)—*ничто*. Логическое происхожденіе «математической точки» особенно легко понять на томъ основаніи, что ее можно получить и прямымъ переносомъ процесса умственнаго дробленія съ реальныхъ объектовъ (разумѣется, пространственныхъ) на *словесный образъ* или *словесное опредѣленіе* матеріальной точки. Для математика она есть такая величина, которая представляетъ одно только свойство или аттрибутъ—измѣримость въ трехъ направленіяхъ; аттрибуты вещей мы можемъ отдѣлить умственно отъ самой вещи (это выдѣленіе и выражается именно словомъ);—отдѣляетъ ихъ въ данномъ случаѣ и получается прежній (?!) объектъ—точка, но уже безъ аттрибута. Понятіе о «безконечно-маломъ» еще болѣе обще, чѣмъ

предыдущее, но происхожденіе его то же самое—это есть антитезъ всему конечному, реальному въ сторону дробленія, величина, какъ говорятъ, приближающаяся къ нулю, но въ сущности *самый нуль, ничто*. Но какъ же математика можетъ мыслить и мыслить непогрѣшимо, имѣя дѣло съ пустыми абстрактами? Дѣло въ томъ, что она никогда не употребляетъ эти понятія въ дѣло, взятыми отдѣльно, а вводитъ ихъ въ анализъ, какъ логическое условіе; въ этомъ смыслѣ говорится, что всякая конечная величина въ безконечное число разъ больше всякой безконечно-малой, математическая линія имѣетъ одно только измѣреніе, непрерывное движеніе есть безконечно быстрый рядъ безконечно малыхъ отдѣльныхъ толчковъ и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ умозаключеній непосредственно чувствуется отголосокъ реальности (напр., расчлененіе непрерывности движенія), а въ другихъ высказывается способность ума переносить продукты анализа, а черезъ это и самый анализъ, съ формъ болѣе сложныхъ или конкретныхъ на формы болѣе простыя, обобщенныя (напр., случай происхожденія линіи изъ движенія точки и пр.). Наиболѣе поразительные примѣры послѣдней способности представляетъ опять-таки математика. Раздѣливъ, напр., всѣ величины условно на двѣ категоріи, положительныхъ и отрицательныхъ, она чисто логически переноситъ всѣ дѣйствія съ одной категоріи на другую, и продуктомъ такого переноса является между прочимъ понятіе о мнимыхъ величинахъ, которое, будучи взято въ отдѣльности, представляетъ абсурдъ, невозможность, а принятое, какъ логическое условіе, представляетъ средство для анализа. Что касается до непогрѣшимости выводовъ математическаго мышленія, то условіе ея лежитъ очевидно не въ какой-нибудь особенности логическаго метода, употребляемаго математиками—наука представляетъ безчисленные примѣры абсурдовъ, до которыхъ умъ человѣческій доходилъ однако строго логически,—а въ свойствахъ матеріала, и именно въ чрезвычайной простотѣ его. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ случаи изъ области физическихъ конкретныхъ фактовъ, которые допускаютъ уже приложеніе къ нимъ математическаго анализа. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, явленіе должно быть расчленено до степени нерасчленяемыхъ болѣе факторовъ, и тогда они входятъ въ анализъ явленія въ формѣ *совершенно опредѣленныхъ* условій, которыя могутъ давать *только опредѣленные* выводы или умозаключенія. Условіемъ для того, чтобы погасить зажженную свѣчку, нужно повидимому только дунуть на нее; но въ этой общей формѣ условіе оказывается далеко неопредѣленнымъ въ смыслѣ роковой зависимости отъ него поту-

ханія пламени—нужно дунуть съ извѣстной силой, съ извѣстнаго разстоянія, да еще, чтобы въ свѣтильнѣ не было такихъ веществъ, которыя примѣшиваютъ къ фосфорному составу обыкновенныхъ спичекъ, если хотятъ сдѣлать ихъ способными горѣть на вѣтру и пр. Вотъ эти-то частныя условія и являются въ математическомъ явленіи абсолютно-опредѣленными, вслѣдствіе ихъ дальнѣйшей нерасчленяемости.

Корни метафизическихъ ученій лежатъ въ совершенно естественномъ и потому совершенно законномъ стремленіи (мы даже знаемъ физіологическія основы его) человѣка выдѣлять умственно изъ конкретныхъ фактовъ отдѣльные признаки ихъ и классифицировать послѣдніе на болѣе или менѣе существенные, болѣе или менѣе постоянные. На этомъ зиждется всякая классификація въ наукѣ; а извѣстно, что если классификація раціональна, то она заключаетъ уже въ себѣ всѣ существенные выводы науки; слѣдовательно по цѣли, въ этихъ предѣлахъ, метафизика имѣла бы законное право быть. Но она дѣлаетъ къ несчастью огромный грѣхъ уже своимъ послѣдующимъ шагомъ: вмѣсто того, чтобы дробить свои объекты въ предѣлахъ реальнаго (подобно, напр., зоологу, создающему типъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ) и останавливаться въ своихъ заключеніяхъ на добытыхъ только такимъ образомъ фактахъ, она выходитъ изъ мысли, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, т.-е. по отношенію ко всѣмъ главнымъ отдѣламъ человѣческаго міросозерцанія (внѣшній міръ, душа человѣка и пр.) умъ человѣческій можетъ зайти за предѣлы познанія посредствомъ органовъ чувствъ (*познаніе посредственное* въ отличіе отъ *познанія непосредственнаго*—умомъ, или путемъ *чистаго умозрѣнія*), подобно тому, какъ математикъ чисто умозрительно доходитъ до понятій о математической точкѣ безконечности въ ту и другую сторону, о положительныхъ, отрицательныхъ и мнимыхъ величинахъ и пр. Задавшись такою мыслью, какъ возможностью, метафизикъ долженъ отвернуться отъ всего непосредственно видимаго, слышимаго и осязаемаго, т.-е. отъ міра реальныхъ впечатлѣній, и перенестись въ болѣе тонкую область *представленій* о реально-видѣнномъ, слышанномъ и пр. въ міръ мыслей. Что же это за міръ? Мысль всегда сохраняетъ въ большей или меньшей степени черты своего первоначальнаго образа, т.-е. реальнаго впечатлѣнія, но она не фотографическій снимокъ съ него; — по мѣрѣ того, какъ мысль восходитъ по ступенямъ, удаляющимъ ее все болѣе и болѣе отъ первоначальнаго источника, она становится, такъ сказать, болѣе и болѣе неосязаемою, отъ нея какъ-бы отваливается что-то постороннее и въ концѣ

концовъ остается родъ квинтъ-эссенціи предмета. Этотъ абстрактъ отъ всего чувственнаго, уже не дѣлимый болѣе, идея, и есть *сущность вещей* метафизиковъ — коренное свойство предметовъ (родъ ихъ души), открываемое только путемъ *непосредственнаго познанія*, доступное только чистому умозрѣнію. Наука о подобнаго рода сущностяхъ и есть метафизика.

Прежде, чѣмъ слѣдить по указанному пути за ходомъ метафизической мысли, я считаю необходимымъ привести два общеизвѣстныхъ историческихъ примѣра, чтобы показать, къ какимъ плодамъ приводитъ метафизика.

Извѣстно, что явленія внѣшняго міра издавна разработывались и опытно, и чисто-умозрительно, т.-е. съ философской стороны. Оба эти направленія, изъ которыхъ послѣднее всегда мѣтило проникнуть въ самую глубь вещей, а второе скромно ограничивалось тѣмъ, что дается болѣе или менѣе изощренными органами чувствъ, существовали рядомъ чуть не до нашихъ дней. Философское направленіе увѣнчалось и вмѣстѣ съ тѣмъ закончилось общеизвѣстной германской натуръ-философіей, а опытное продолжается и доселѣ. Натуръ-философія, по своему значенію для жизни человѣчества, едва ли превышаетъ бредъ больного, давно уже забытый всѣми, а опытное естествознаніе, врываясь въ жизнь и обусловливая часто самыя формы ея, представляетъ въ то же время яркую картину постепеннаго расширенія и углубленія нашихъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ.—Умозрительный методъ привелъ къ абсурду, а опытное направленіе мало-по-малу достигаетъ именно той цѣли, которую ставитъ себѣ метафизика— проникать болѣе и болѣе въ глубь явленій.

Въ исторіи разработки психическихъ явленій чисто умозрительный методъ господствовалъ, какъ извѣстно, еще сильнѣе, потому что основы для приложенія естественно-научнаго метода къ разработкѣ этой области въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ выяснились лишь въ самое недавнее время. Умозрѣніе работало въ Европѣ со временъ греческой цивилизаціи по наше время, а серьёзное приложеніе естественнаго метода къ разработкѣ психическихъ фактовъ началось со времени открытія Уитстономъ стереоскопа, т.-е. съ 1838 года [1]). Метафизическая школа договорилась, въ лицѣ своихъ крупныхъ представителей послѣдняго времени, до нелѣпостей, принимаемыхъ за таковыя не одними натуралистами, а приложеніе естественно-научнаго метода дока-

[1]) Стереоскопъ открытъ имъ собственно въ 1833 г., но теорія стереоскопа, которая и имѣла то значеніе, о которомъ говорится здѣсь, появилась въ 1838 году.

зало уже несомнѣннымъ образомъ, что развитіе представленій изъ ощущеній стоитъ въ прямой связи съ матеріальной организаціей чувствующихъ снарядовъ. — Шагъ громадный, если принять во вниманіе, что отсутствіе свѣдѣній именно относительно этого пункта и было главнѣйшею причиною процвѣтанія метафизическихъ воззрѣній на психическую жизнь.

Но въ чемъ же причина, что метафизическая разработка явленій приводитъ въ концѣ концовъ къ абсурду? — Лежитъ ли фальшь въ самой логической формѣ метафизическаго мышленія, или только въ объектахъ его?

Логическую сторону мышленія мы уже знаемъ: она заключается въ сопоставленіи двухъ объектовъ [которыми могутъ быть или двѣ отдѣльныя конкретныя формы, или цѣлая форма съ своей частью, или наконецъ части одной и той же или двухъ отдѣльныхъ формъ] и въ соизмѣреніи ихъ со стороны сходства, различій, причинности и пр. Кромѣ того, мы умѣемъ узнавать какъ-бы чутьемъ всякую, по крайней мѣрѣ крупную, фальшь въ логической сторонѣ мышленія, что выражается и словами: «выводъ нелогиченъ», «мысль непослѣдовательна» и т. п. Въ подобныхъ грѣхахъ метафизику упрекнуть нельзя: еслибъ они въ ней были, то ученія ея не могли бы такъ долго властвовать надъ умами — метафизическія системы поражаютъ наоборотъ именно своею логическою стройностью, рядомъ съ всеобъемлемостью задачъ. Значитъ, грѣхъ долженъ лежать въ самыхъ метафизическихъ объектахъ. Обстоятельство это для насъ въ высокой степени важно: оно показываетъ сразу, что реальная подкладка умственныхъ процессовъ остается одна и та же, мыслю ли я, оставаясь на почвѣ реальности, или уношусь въ метафизическія области чистыхъ абстрактовъ.

Но какая же фальшь можетъ быть въ метафизическихъ объектахъ?

Когда метафизикъ, съ цѣлью болѣе глубокого познанія, отворачивается отъ міра реальныхъ впечатлѣній, представляющихъ для него родъ оскверненія *сущностей предметовъ* нашими органами чувствъ, и бросается по необходимости (больше броситься некуда) въ міръ идей и понятій, притомъ съ мыслью, что *наиболѣе идеальное*, или что то же, *наименѣе реальное*, по содержанію и есть *самое существенное*, онъ по необходимости встрѣчается съ абстрактами, и забывая, что это дроби, т.-е. условныя величины, нимало не задумываясь, объективируетъ или обособляетъ ихъ въ *сущности*. Поступая такимъ образомъ, метафизикъ — это я говорю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго

преувеличенія — дѣлаетъ $1/2 = 1$, $1/10 = 1$, $1/20 = 1$ и т. д. Онъ поступаетъ абсолютно такъ же, какъ еслибы математикъ вздумалъ обособлять математическую точку или мнимую величину, переставъ придавать имъ условное значеніе. Но это еще не все:— условныя величины въ математикѣ, даже въ обособленной формѣ, все-таки представляютъ ясно чувствуемыя отвлеченія отъ реальностей, тогда какъ предѣльные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ. Этотъ второй смертный грѣхъ метафизики, вѣрнымъ образомъ котораго можетъ быть случай смѣшенія имени, клички, простого звука съ самой вещью— Петра съ человѣкомъ—имѣетъ корни въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ.

Какъ внѣшнее воспроизведеніе представленія или мысли, рѣчь представляетъ родъ звуковой фотографіи, которою воспроизводится, при посредствѣ опредѣленныхъ, но чисто условныхъ знаковъ, расчлененность представленій. Смотрю я, напр., на дерево, и изъ общаго впечатлѣнія выдѣлился въ сознаніи цвѣтъ его листьевъ—выраженіемъ этого расчлененія являются два условныхъ звуковыхъ знака *«дерево зелено»*. Вижу я далѣе, что дерево лежитъ на землѣ; въ этой цѣльной картинѣ выяснены четыре элемента: дерево, его положеніе, земля и касаніе дерева съ землей; стóитъ только нарисовать эту картину на бумагѣ, и всякій убѣдится, что дѣло опредѣляется дѣйствительно четырьмя элементами, и что всѣ они, въ смыслѣ частей картины, однозначущи другъ съ другомъ. Звуковой фотографическій снимокъ съ картины будетъ *«дерево лежитъ на землѣ»* — опять четыре члена, соотвѣтственно четыремъ опредѣляющимъ элементамъ картины. Фотографичность чувствуется далѣе въ самомъ расположеніи звуковъ: главная фигура стоитъ впереди, аттрибутъ ея на второмъ мѣстѣ, затѣмъ слѣдуетъ граница, отдѣляющая главную фигуру отъ побочной, и наконецъ вторая фигура. Теперь я подведу къ послѣднимъ двумъ образамъ любого смышленаго человѣка и попрошу его раздѣлить ихъ на главные составные элементы. Отвѣтъ въ самомъ удачномъ случаѣ будетъ таковъ: въ зрительной картинѣ есть только двѣ вещи, дерево и земля, потому что только ихъ можно отнять дѣйствительно другъ отъ друга, а въ звуковой фотографіи—четыре дѣйствительно отдѣльныхъ члена, четыре слова. Куда же дѣвалась фотографичность? Дѣло въ томъ, что расчлененіе всякаго зрительнаго представленія (выдѣленіе изъ цѣлаго представленія части въ формѣ свойства, положенія предмета и пр.) есть расчлененіе фиктивное, умственное, нисколько не соотвѣтствующее, напр., разрѣзыванію огурца на части, тогда какъ

звуковая фотографія, или рѣчь, по самой природѣ своей членораздѣльна. Такую непараллельность между реальною основою мысли и ея звуковой фотографіей, со стороны дѣйствительной раздѣльности объектовъ, очевидно слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, когда производятся умственныя операціи надъ мыслями, чтобы не смѣшать *реальное* съ *фиктивнымъ*; а между тѣмъ это обстоятельство очень часто, и конечно совершенно невольно, упускается изъ виду, вслѣдствіе нашей привычки (пріобрѣтаемой уже съ дѣтства) думать словами даже о такихъ предметахъ, которые дѣйствуютъ на насъ путемъ зрѣнія или осязанія. И это происходитъ тѣмъ легче, что есть множество случаевъ, гдѣ словесная мысль и ея реальная подкладка не параллельны между собой и со стороны умственный расчлененности (примѣръ: связка, copula, какъ логическій элементъ рѣчи, которой часто не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго, напр., во фразѣ: кошка *есть* животное). Но и этимъ не исчерпывается еще источникъ заблужденій, данный свойствами рѣчи. Выше было замѣчено, что въ зрительной картинѣ дерева, лежащаго на землѣ, всѣ четыре опредѣляющіе элемента, *какъ части картины*, равнозначущи другъ съ другомъ; звуковые же элементы, *какъ части рѣчи*, нѣтъ. Для глаза всѣ элементы суть, такъ сказать, существительныя, а тѣ же элементы въ рѣчи суть: два существительныхъ, глаголъ и предлогъ. Новая разница, да повидимому капитальная! Спросите человѣка, наклоннаго къ метафизикѣ, отчего это? Онъ навѣрно заговоритъ такъ: «всякое реальное впечатлѣніе, въ сравненіи съ мыслью, грубо, неподвижно, а рѣчь есть родная дочь мысли; поэтому и она въ десятки разъ тоньше и подвижнѣе зрительныхъ образовъ. Посмотрите на литературу и живопись! Одна воспроизводитъ лишь крупныя черты психической жизни, а другая способна передавать малѣйшую складку, малѣйшій оттѣнокъ въ самой мысли!» и пр. и пр. Цѣлый рядъ недомолвокъ, приравненій части цѣлому, и потому цѣлый рядъ ошибочныхъ заключеній. Дѣло заключается здѣсь въ слѣдующемъ.

Человѣкъ способенъ анализировать словесныя формы мыслей въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Раздѣляя мысль на отдѣльныя слова, онъ можетъ относиться къ послѣднимъ, какъ къ роду особей (звуковой анализъ первой степени), имѣющихъ по отношенію къ слуху то же самое значеніе, какъ камень, дерево, солнце и пр. къ глазу. Особи эти онъ можетъ расчленять съ чисто звуковой стороны (слоги и азбучные звуки, какъ продукта звуковаго анализа 2-й и 3-й степени), и затѣмъ сопоставлять ихъ другъ съ другомъ по ихъ смыслу въ рѣчи—граммати-

ческая классификація словъ. Дальнѣйшій анализъ падаетъ уже на мысль, взятую цѣликомъ. Здѣсь можетъ изучаться самое построеніе мысли изъ словъ, содержаніе ея и пр. Анализъ послѣдняго рода входитъ уже въ область логики. Но, помимо всѣхъ этихъ общеизвѣстныхъ по результатамъ операцій, умъ человѣческій способенъ еще обобщать клички предметовъ, или ихъ отношеній безъ малѣйшаго отношенія къ обобщенію самыхъ предметовъ и ихъ отношеній. Такъ, во фразахъ: «стая птицъ, табунъ лошадей, стадо коровъ»—слова: *стая, табунъ* и *стадо* равнозначны и суть *видовыя* клички извѣстнаго отношенія, а слово *сборище*, которое можно приложить ко всѣмъ случаямъ, будетъ *родовой* кличкой того же отношенія. Иванъ, Сидоръ, Степанъ суть видовыя клички служителей въ какомъ-нибудь трактирѣ, а *человѣкъ* или *гарсонъ* суть родовыя клички тѣхъ же субъектовъ. Случаи эти, собственно говоря, всегда очень легко отличить отъ словъ, которымъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя обобщенія или понятія: здѣсь общее относится къ частному всегда, какъ часть къ цѣлому (напр., слову «животное», поскольку въ основѣ его лежитъ отвлеченіе части отъ цѣлаго, — «то, что дышетъ, что чувствуетъ, что самодвижно—есть животное»—соотвѣтствуетъ реальный процессъ отвлеченія), тогда какъ видовая и родовая кличка по своему содержанію совершенно тождественны. Такъ, *человѣкъ* есть родовая кличка въ отличіе отъ Ивана, Петра; птица—родовая кличка въ отличіе отъ галки, воробья и пр. Правда, и въ этихъ случаяхъ есть какъ будто нѣчто въ родѣ отвлеченія—я могу нарисовать контурами: человѣка, птицу, рыбу, дерево,—но вѣдь всякій понимаетъ, что когда я говорю: человѣкъ ходитъ, птица летаетъ, рыба плаваетъ, съ объектами мыслей связываются никакъ не контуры предметовъ — отвлеченія формы отъ цѣлаго зрительнаго образа—а реальности, обозначаемыя условнымъ собирательнымъ именемъ.

Понятно, что изъ такого отношенія ума человѣческаго къ элементамъ могутъ вытекать крайне разнообразныя компликаціи, если хоть на минуту упустить изъ виду ея оригинальность, условность. Для разъясненія дѣла я приведу два примѣра, одинъ простой, а другой болѣе сложный.

Когда я говорю: «у Сидора Ивановича такого-то золотое сердце»,—всякій понимаетъ сразу всю глубину безсмыслія, если понимать слова буквально: у клички сердца быть не можетъ, сердце не можетъ быть золотымъ и пр. Но если я сопоставляю, наприм., такія мысли: «синее есть цвѣтъ, красное есть цвѣтъ и зеленое есть цвѣтъ», и вздумаю утверждать, что цвѣтъ есть по-

нятіе по отношенію ко всякому частному случаю окрашенія, то это не будетъ уже казаться такимъ абсурдомъ, какъ вышеприведенная фраза, а между тѣмъ это абсурдъ—цвѣтъ есть лишь родовая кличка для всякаго частнаго случая окрашенія. Разсуждаю далѣе: «на землѣ всѣ *предметы*, рядомъ съ цвѣтомъ, имѣютъ еще форму, величину» и пр. Что такое здѣсь слово предметъ? Опять родовая кличка для зрительныхъ объектовъ, потому что *предмета* даже нарисовать нельзя, подобно *человѣку, птицѣ* и т. п. Иду далѣе: «форма, цвѣтъ и величина по отношенію къ *предмету* составляютъ его *свойства*». Мысль совершенно вѣрная и вполнѣ соотвѣтствующая дѣйствительности, если подъ словами «предметъ и свойства» разумѣть не понятія, а родовыя клички, — но страшный абсурдъ, если разумѣть за этими словами продукты расчлененія реальностей.

Теперь попробуйте произвесть надъ фразой «всякій предметъ имѣетъ свойства» такого рода умственныя операціи: всѣ свойства въ предметахъ, цвѣтъ, очертанія, величина, измѣнчивы, но самый предметъ отъ этого не измѣняется—большой и малый камень остаются камнемъ, сѣрый и голубой опять камнемъ, круглый и пирамидальный тоже и т. д. и т. д. — значитъ, свойствами камня не исчерпывается все его содержаніе. Вся операція произведена повидимому логически, а между тѣмъ вы уже въ метафизикѣ; и весь грѣхъ произошелъ, во-первыхъ, отъ того, что вы въ самомъ началѣ фразы обособили свойства въ реальности и противупоставили ихъ предметамъ безъ свойствъ, т.-е. абсурдамъ, опять какъ реальностямъ; другими словами, смѣшали Ивана съ Петромъ.

Но будто бы метафизики въ самомъ дѣлѣ до такой степени запутываются въ своихъ обобщеніяхъ, что теряютъ способность отличать номинальное отъ реальнаго? Между метафизиками было, какъ извѣстно, множество людей съ громаднымъ умомъ. Я и не утверждаю, что они были приведены къ описанному заблужденію исключительно свойствами рѣчи. Свойства эти только способствовали заблужденію, главный же грѣхъ метафизики заключается, какъ уже было сказано, въ убѣжденіи, что человѣкъ можетъ познавать окружающій его міръ помимо органовъ чувствъ и безусловно. Послѣднее убѣжденіе до того распространено между людьми и кажется до такой степени истиннымъ, что я принужденъ сказать нѣсколько словъ объ источникѣ этого самообмана.

Человѣкъ есть опредѣленная единица въ ряду явленій, представляемыхъ нашей планетой, и вся его даже духовная жизнь, насколько она можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія,

есть явленіе земное. Мысленно мы можемъ отдѣлять свое тѣло и свою духовную жизнь отъ всего окружающаго, подобно тому, какъ отдѣляемъ мысленно цвѣтъ, форму или величину отъ цѣлаго предмета, но соотвѣтствуетъ ли этому отдѣленію дѣйствительная отдѣльность? Очевидно нѣтъ, потому что это значило бы оторвать человѣка отъ всѣхъ условій его земного существованія. А между тѣмъ исходная точка метафизики и есть обособленіе духовнаго человѣка отъ всего матеріальнаго — самообманъ, упорно поддерживающійся въ людяхъ яркой характерностью самоощущеній. Разъ этотъ грѣхъ сдѣланъ, тогда человѣкъ говоритъ уже логически: такъ какъ все окружающее существуетъ помимо меня, то оно должно имѣть опредѣленную физіономію существованія помимо той, въ которой реальность является передо мной при посредствѣ воздѣйствія ея на мои органы чувствъ. Послѣдняя форма, какъ посредственная, не можетъ быть вѣрна, истина лежитъ въ самобытной, независимой отъ моей чувственности формѣ существованія. Для познанія этой-то формы у меня и есть болѣе тонкое, нечувственное орудіе — разумъ. Въ этомъ ряду мыслей всѣ, за исключеніемъ послѣдней, абсолютно вѣрны, но послѣдняя и заключаетъ въ себѣ ту фальшь, о которой идетъ рѣчь: отрывать разумъ отъ органовъ чувствъ, значитъ отрывать явленіе отъ источника, послѣдствіе отъ причины. Міръ дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самобытной жизнью, но познаніе его человѣкомъ помимо органовъ чувствъ невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники всей психической жизни.

Какъ резюмé только-что оконченныхъ и нѣсколько растянувшихся разсужденій о реально-психической подкладкѣ актовъ мышленія, я выставляю слѣдующія положенія:

1) Начáла мышленія совпадаютъ по времени съ процессомъ расчлененія слитыхъ ощущеній, даваемыхъ младенцу органами чувствъ, потому что и въ это уже время всѣ необходимыя для мышленія реально-психическіе элементы, расчлененность конкретныхъ, слитыхъ ощущеній и акты репродукціи пережитаго, перечувствованнаго, совершаются уже въ тѣлѣ.

2) Когда ребенокъ выучился смотрѣть и слушать, дѣло расчлененія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній подвинулось уже значительно впередъ. Первыми объективными признаками расчлененности могутъ служить симптомы, по которымъ мать догадывается, что ребенокъ начинаетъ узнавать ея голосъ или лицо. На этой ступени развитія реально-психическіе элементы наипро-

стѣйшихъ мыслей, содержаніемъ которыхъ служитъ констатированіе рѣзкихъ свойствъ въ предметѣ, вѣроятно уже готовы.

3) Но когда ребенокъ начинаетъ проявлять явные признаки способности различать разстоянія предметовъ (когда онъ, напр., хватаетъ мать за носъ, не вытягивая тѣла, и тянется къ болѣе удаленнымъ предметамъ), тогда въ немъ происходятъ уже акты, носящіе абсолютно всѣ основные характеры зрительной мысли— тутъ есть и сравненіе, и умозаключеніе; — акты, про которые Гельмгольцъ и сказалъ именно, что они носятъ на себѣ характеры безсознательныхъ умозаключеній [1]).

4) По мѣрѣ умноженія случаевъ возбужденія чувствующаго снаряда одними и тѣми же или сходственными предметами, различныя стороны ощущенія выясняются все болѣе и болѣе, такъ какъ при этомъ постоянно измѣняются въ какомъ-либо отношеніи условія перцепціи; черезъ это для сознанія получаются тѣ же самые результаты, которые даются взрослому разсматриваніемъ предмета не съ одной стороны, а съ многихъ.

5) Но рядомъ, или точнѣе вслѣдъ за каждымъ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ репродуцируется роковымъ образомъ предшествовавшій сходный актъ, слѣдовательно въ сознаніи происходитъ всякій разъ по необходимости сопоставленіе двухъ среднихъ членовъ, и изъ нихъ тотъ, который репродуцированъ, слѣдовательно болѣе старый, болѣе знакомый, принимается за родъ умственной мѣрки. Примѣръ.—Я привыкъ видѣть человѣка безъ пятнышка на носу, и вдругъ вижу это пятнышко; оно всегда крайне сильно оффицируетъ меня. Отчего это? Оттого, что я соизмѣряю старый знакомый образъ, принятый за норму, съ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ.

6) Въ зрительныхъ актахъ, представляющихъ субстратъ вполнѣ сформированной мысли, содержаніемъ которой бываетъ сравненіе,

---

[1]) Изъ физіологіи извѣстно, что въ дѣлѣ опредѣленія отстояній предметовъ отъ собственнаго тѣла, человѣкъ руководствуется даже при самомъ быстромъ взглядѣ на предметы степенью сведенія зрительныхъ осей, или прямѣе, силою мышечнаго ощущенія, сопровождающаго сокращеніе мышцъ, поворачивающихъ оба глаза внутри. При этомъ къ чисто зрительному ощущенію присоединяется мышечное чувство, какъ оцѣночный элементъ, и величиною послѣдняго какъ-бы опредѣляется умозаключеніе о степени удаленія предмета. Сходство этого акта съ разумной оцѣнкой удаленія предметовъ высказывается еще рѣзче въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстный геометрическій способъ опредѣлять положеніе отдаленной точки по данной базѣ и угламъ, которые образуются прямыми, соединяющими точку съ концами базы, есть не что иное, какъ маленькое видоизмѣненіе того же акта: база соотвѣтствуетъ прямой, соединяющей центры обоихъ глазъ, а эквивалентомъ силы мышечныхъ сокращеній являются углы при концахъ базы.

мы знаемъ и реальный субстратъ послѣдняго элемента.—Это есть репродуцированная мышечная механика смотрѣнія, являющаяся какъ конецъ репродуцированнаго акта. Она падаетъ теперь на реальный образъ, и происходитъ *реальное* соизмѣреніе, въ родѣ накладыванія треугольниковъ другъ на друга.

7) Умозаключенію не соотвѣтствуетъ никакого реальнаго субстрата; но содержаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе всей мысли, опредѣляется тѣмъ, какими сторонами сопоставляются другъ съ другомъ реальные факторы мысли [не нужно забывать, что этими факторами могутъ быть одинъ предметъ и то или другое его качество или состояніе, два цѣльныхъ предмета, или наконецъ качества или состоянія двухъ предметовъ]. Сопоставляется, напр., реальное впечатлѣніе отъ цѣлаго образа съ репродуцированнымъ сходнымъ какимъ-нибудь признакомъ, выходитъ констатированіе послѣдняго въ цѣломъ; сопоставляются два несходныхъ факта, слѣдующихъ другъ за другомъ постоянно и неизбѣжно во времени,—содержаніемъ мысли является казуальная связь между объектами мысли и пр.

8) Процессъ мышленія не измѣняется ни на іоту, ни при сравненіи многихъ реальныхъ объектовъ между собой, ни при сопоставленіи объектовъ раздробленныхъ уже при помощи научныхъ средствъ, хотя продуктами такого мышленія является уже вся наука о реальномъ мірѣ.

9) Онъ не измѣняется и для случаевъ математическаго мышленія, въ которомъ объектами мысли часто являются даже такія абстракціи, которыя представляютъ продукты дробленія, заходящіе за предѣлы аналитической способности органовъ чувствъ.

10) Процессъ остается наконецъ неизмѣннымъ и для случаевъ даже ошибочнаго философскаго мышленія, когда объектами мысли являются не реальности, а чистѣйшія фикціи. Дѣло объясняется тѣмъ, что правильныя по себѣ операціи мышленія производятся здѣсь надъ правильно произведенными продуктами дробленія словесныхъ выраженій мысли, которымъ нѐ соотвѣтствуетъ однако въ ихъ обособленности ничего реальнаго.

Для выясненія послѣдняго вопроса, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, вопроса о произвольности человѣческихъ дѣйствій, необходимо выяснить прежде всего тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ физіологія смотритъ на произвольныя движенія.

Наука эта до сихъ поръ дѣлитъ всѣ движенія, происходящія въ тѣлѣ, на двѣ большихъ группы: такія, которыя безусловно не

подчинены волѣ, и движенія, на которыя воля можетъ дѣйствовать. Въ такой общей формѣ дѣленіе совершенно справедливо, потому что въ тѣлѣ существуютъ, напр., движенія кишекъ, сокращеніе желчнаго пузыря, мочеточниковъ, матки и пр., о самомъ существованіи которыхъ мы узнаемъ лишь путемъ научнаго изслѣдованія. Но дѣло становится далеко не такимъ простымъ, если вы станете искать общихъ принциповъ такой классификаціи. Старый принципъ, анатомическій, по которому волѣ подчиняются однѣ рубчатыя мышцы, а гладкія нѣтъ, негоденъ: сердце выстроено, напр., изъ рубчатыхъ волоконъ и не подчинено волѣ, а мышца, выгоняющая мочу изъ мочевого пузыря, относится къ разряду гладкихъ, а между тѣмъ подчиняется ей. Другой принципъ этой классификаціи могъ бы быть таковъ: въ категорію абсолютно неподчиненныхъ волѣ движеній должны относиться такія, которыми достигаются чисто растительныя цѣли организма, процессы, которыми обезпечивается матеріальная сохранность тѣла—такіе акты, какъ движеніе крови, передвиженіе пищи по длинѣ кишекъ, изліяніе въ кишечную полость пищеварительныхъ соковъ и пр. Такіе процессы выгодно въ самомъ дѣлѣ вырвать изъ-подъ вліянія воли и придать ихъ совершенію характеръ роковой машинообразности, потому что въ послѣдней лежитъ самая надежная порука, что процессы будутъ совершаться правильно и постоянно наперекоръ всякимъ пертурбаціямъ извнѣ. Какъ ни основательно кажется съ виду такое воззрѣніе, но и оно не можетъ быть возведено на степень безусловнаго принципа въ дѣлѣ классификаціи движеній. Въ самомъ дѣлѣ, дыхательная механика и акты такъ-называемаго принятія пищи (схватываніе ея руками, перенесеніе въ ротъ, жеваніе и пр.), какъ процессы, имѣющіе значительную долю въ дѣлѣ обезпеченія тѣлу всего его вещественнаго прихода, должны были бы совершаться съ этой точки зрѣнія абсолютно машинально, не подчиняясь волѣ нисколько, а между тѣмъ всякій знаетъ, что это не такъ. Третій и послѣдній изъ возможныхъ принциповъ упомянутой классификаціи можетъ быть формулированъ такъ: волѣ могутъ подчиняться такія только движенія, которыя сопровождаются какими-нибудь ясными признаками для сознанія. Съ этой точки зрѣнія движенія рукъ, ногъ, туловища, головы, рта, глазъ и пр., какъ акты, сопровождающіеся для сознанія ясными ощущеніями (смѣсь кожныхъ съ мышечными), притомъ какъ движенія доступныя видѣнію, могутъ подчиняться волѣ. Съ этой же точки зрѣнія можетъ быть объяснена подчиненность ей мочевого пузыря, различныя состоянія котораго отражаются въ сознаніи ясными ощущеніями; далѣе,

подчиненность волѣ голосовыхъ связокъ, такъ какъ ихъ состояніямъ соотвѣтствуютъ различные характеры голосовыхъ звуковъ и пр.; однимъ словомъ, всѣ движенія, недоступныя непосредственному наблюденію черезъ органы чувствъ, но сопровождающіяся косвенно ясными ощущеніями.

Третій принципъ оказывается такимъ образомъ годнымъ; но изъ него не вытекаетъ еще никакого яснаго представленія о томъ, —чѣмъ же отличается произвольное движеніе отъ непроизвольнаго?

Анализируя, наоборотъ, произвольныя движенія въ отдѣльности, физіологія наталкивается сразу на слѣдующій крупный фактъ. Число произвольныхъ движеній, производимыхъ человѣкомъ руками, ногами, головой и туловищемъ въ дѣйствительности, сравнительно съ числомъ возможныхъ движеній, опредѣляемымъ анатомическимъ устройствомъ скелета и его мышцъ, представляется до чрезвычайности ограниченнымъ. Есть въ тѣлѣ такія мышцы, которыя у громаднаго большинства людей вовсе не приходятъ въ дѣятельность, напр., мышцы, двигающія ушами или головной кожей. Въ другихъ мѣстахъ мышцы могутъ комбинироваться только въ извѣстномъ направленіи, но не наоборотъ; напр., сводить глаза легко, а разводить ихъ за предѣлы параллельности осей умѣютъ лишь рѣдкіе, двигать же одинъ глазъ кверху, а другой книзу едва ли кто умѣетъ вообще. Та же исторія съ круговымъ движеніемъ ноги въ одну сторону, а руки соотвѣтствующей стороны въ противоположную, или случай повертыванія предплечія кнаружи, а плеча внутрь и пр. При обособленности тѣхъ путей, которыми передаются волевые импульсы мышцамъ (нервныя волокна), слѣдовало бы ожидать, что одно и то же простое движеніе, напр., сгибаніе руки или ноги, можетъ совершаться на множество разныхъ ладовъ, а мы видимъ совершенно противное. Кто не знаетъ, что воля властна надъ дыханіемъ, а между тѣмъ попробуйте произвесть вдыханіе или выдыханіе одной только половиной грудной клѣтки—анатомически это возможно, потому что встрѣчается въ дѣйствительности при болѣзняхъ, а воля не въ силахъ сдѣлать этого.

Отчего же это происходитъ? Причинъ на это не одна, а нѣсколько. Жизнь не создаетъ для человѣка изъ рода въ родъ условій, чтобы онъ упражнялъ мышцы уха или подкожныя на головѣ, и онѣ остаются изъ рода въ родъ безъ упражненія, все равно какъ человѣкъ никогда бы не додумался до умѣнья плавать, еслибы не было воды на свѣтѣ. Наоборотъ, въ самомъ основномъ планѣ организаціи человѣка должна лежать идея самодвижности, способность схватывать предметы руками, отталкивать ихъ

отъ себя и пр. Безъ этихъ способностей человѣкъ не могъ бы удержаться на землѣ; значитъ, уже при самомъ рожденіи на свѣтъ, въ его нервно-мышечныхъ снарядахъ должны лежать условія для развитія тѣхъ движеній, которыми обезпечивается его матеріальное существованіе. Въ этомъ смыслѣ выше и было сказано мною, что нервно-мышечный снарядъ смотрѣнья, ходьбы и даже рѣчи до извѣстной степени уже готовъ при рожденіи. На физіологическомъ языкѣ это значитъ: въ тѣлѣ есть прирожденныя, опредѣленныя нервно-мышечныя сочетанія, которыя дѣйствуютъ сначала всегда цѣликомъ, т.-е. цѣлою группою нервовъ съ ихъ мышцами разомъ; но затѣмъ, подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью, группы эти могутъ расчленяться въ большей или меньшей степени. Такъ, сгибаніе всѣхъ пальцевъ руки разомъ можетъ перейти, подъ вліяніемъ схватыванія рукою болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, въ сгибаніе пальцевъ па́рами или каждаго въ отдѣльности; а подобнаго расчлененія дыхательной механики даже на двѣ половины можетъ и не случиться, такъ какъ въ жизни нѣтъ условій, при которыхъ человѣку было бы цѣлесообразно дышать одной половиной груди. Оттого-то и выходитъ, что совершенно параллельно цѣлямъ, достигаемымъ тою или другою формою движеній, одно совсѣмъ отсутствуетъ, хотя для движенія есть всѣ анатомическія условія, другія совершаются не иначе, какъ большими массами разомъ (дыхательныя движенія), третьи достигаютъ, наоборотъ, значительной расчлененности (движенія пальцевъ и голосовыя движенія при рѣчи и въ пѣніи), четвертыя происходятъ именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи (круженье рукою и ногою въ одну сторону, а не наоборотъ) и пр. И всѣ эти характеры относятся къ произвольнымъ движеніямъ! Не ясно ли послѣ этого, что всякое произвольное движеніе есть eo ipso движеніе, заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью. Въ такой общей формѣ последній выводъ можетъ быть, впрочемъ, выведенъ и гораздо проще: у ребенка, при его рожденіи на свѣтъ, кромѣ абсолютно непроизвольныхъ движеній (сосаніе, глотаніе, дыханіе, кашель, чиханіе и пр.) нѣтъ никакихъ правильно комбинированныхъ движеній—всѣ они заучиваются въ дѣтствѣ мало-по-малу (смотрѣнье, ходьба, рѣчь, схватыванье всею рукою или отдѣльными пальцами, употребленіе руки, какъ рычага и пр.), и именно эти-то движенія и становятся по преимуществу произвольными, хотя взрослый человѣкъ имѣетъ возможность производить произвольно и невольные акты сосанья, глотанья, дыханія, кашля и пр.

Съ неменьшею яркостью выступаетъ и то обстоятельство, что воля властна далеко не въ одинаковой степени надъ разными формами произвольныхъ движеній. Иногда она является какъ-бы совсѣмъ полновластной; въ другихъ случаяхъ произвольное движеніе возможно, или по крайней мѣрѣ значительно облегчается только въ присутствіи какого-нибудь привычнаго внѣшняго условія, при которомъ движеніе происходитъ нормально; и, наконецъ, есть случаи, гдѣ воля властна лишь надъ самою поверхностью явленія. Примѣрами перваго рода могутъ служить акты сгибанія и разгибанія туловища, рукъ и ногъ; примѣрами второго—произвольное сведеніе зрительныхъ осей безъ и при посредствѣ реальнаго образа, также произвольное глотаніе, возможное только до тѣхъ поръ, пока есть что проглотить, именно слюну во рту и пр. Наконецъ, типическимъ примѣромъ послѣдняго рода можетъ служить отношеніе воли къ дыхательнымъ движеніямъ: мы можемъ, какъ всякій знаетъ, остановить ихъ въ любой моментъ и видоизмѣнять какъ со стороны глубины, такъ и ритма; но все это мы можемъ дѣлать лишь на очень короткое время, затѣмъ прерванныя или видоизмѣненныя дыхательныя движенія возстановляются въ нормальной формѣ наперекоръ всякимъ волевымъ усиліямъ съ нашей стороны. Между этими-то крайностями и лежатъ предѣлы произвольности нашихъ движеній. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ форма вліянія воли остается, однако, одинакова—она можетъ вызывать, прекращать, усиливать и ослаблять движеніе,—и только степень ея власти, повидимому, крайне различна. Какъ же объяснить себѣ подобныя разницы? На это физіологія въ силахъ дать самый опредѣленный отвѣтъ. Всѣ произвольныя движенія, какъ заученныя, или представляющія родъ искусственнаго воспроизведенія натуральныхъ актовъ (напр., произвольное глотаніе и произвольное дыханіе), пріобрѣтаютъ отъ частоты повторенія характеръ *привычныхъ движеній*, и черезъ это на нихъ отражаются всѣ условія привычки. Такъ, хотя сгибаніе пальцевъ рукъ и развивается подъ вліяніемъ реальнаго условія схватыванія болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, но актъ очень часто повторяется въ жизни и безъ существованія схватываемаго объекта, оттого и *пустое*, такъ сказать, сгибаніе пальца дѣлается мало-по-малу привычнымъ. Смотрѣть же и глотать мы привыкли исключительно подъ условіемъ существованія реальнаго субстрата для смотрѣнья и глотанья, все равно какъ мы привыкли ходить подъ вліяніемъ чувства опоры подъ собою; значитъ, когда этихъ реальныхъ руководителей нѣтъ, то и процессъ со-

вершается или съ трудомъ, или не совершается вовсе. Что же касается до дыхательныхъ движеній, то здѣсь мы имѣемъ случай рокового происхожденія явленія, которое можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ воли лишь незначительно именно потому, что оно въ основѣ роковое.

Этою-то привычностью произвольныхъ движеній и объясняется для физіолога то обстоятельство, что внѣшніе импульсы къ нимъ становятся тѣмъ болѣе неуловимы, чѣмъ движенія привычнѣе. Эта же неуловимость внѣшнихъ толчковъ къ движенію и составляетъ, какъ всякій знаетъ, главный внѣшній характеръ произвольныхъ движеній. Послѣ этого переверните предыдущую мысль, и изъ нея непоколебимо выйдетъ, что движенія пальцевъ руки, какъ наиболѣе привычныя, должны казаться намъ наиболѣе произвольными.

Нужно впрочемъ замѣтить, что воля относится поверхностнымъ образомъ не къ однимъ только дыхательнымъ движеніямъ, гдѣ дѣло объясняется тѣмъ, что основы явленія роковыя; такое же отношеніе существуетъ, строго говоря, для всѣхъ вообще случаевъ *сложныхъ* заученныхъ движеній, хотя бы послѣднія и не были вовсе связаны съ такими жизненными вопросами тѣла, какъ дыханіе. Возьмемъ, напр., ходьбу. Разъ она заучена (а заучается она въ дѣтствѣ!), воля властна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вызвать ее, останавливать на любой фазѣ, ускорять и замедлять, но въ детали механики она не вмѣшивается, и физіологи справедливо говорятъ, что именно этому-то обстоятельству ходьба и обязана своей машинальной правильностью. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только думать во время ходьбы о каждомъ моментѣ движенія, и ходьба становится несвободной, натянутой. Та же исторія повторяется, какъ извѣстно, на всѣхъ движеніяхъ, заучаемыхъ даже въ зрѣломъ возрастѣ (ручная ремесленная техника, игра на музыкальныхъ инструментахъ и пр.); она повторяется, наконецъ, на самой рѣчи. Въ виду особенной важности послѣдней въ психической жизни человѣка, я принужденъ здѣсь остановиться, прежде чѣмъ формулирую общій выводъ изъ только-что развитыхъ соображеній.

Съ цѣлью выясненія вопроса, я стану проводить параллель между рѣчью и ходьбой съ различныхъ точекъ зрѣнія. Извѣстно, что рѣчь всякаго человѣка представляетъ какую-нибудь звуковую характерность; одинъ растягиваетъ слова, другой говоритъ слишкомъ быстро, третій шепелявитъ, картавитъ, говоритъ вмѣсто *ш*— *с* и пр. Когда эти свойства сдѣлались отъ долгаго упражненія привычными, то воля уже не властна измѣнять ихъ въ рѣчи,

хотя человѣкъ и остается способнымъ произносить отдѣльно *р* или *и* правильнымъ образомъ. Совершенно то же замѣчаемъ мы и на ходьбѣ: походка можетъ быть тяжелая, медленная и быстрая, одинъ ходитъ плавно, другой подскакиваетъ, третій сѣменитъ ногами и пр. И здѣсь заставьте человѣка сдѣлать надъ собой усиліе въ теченіи двухъ-трехъ шаговъ, оказывается, что онъ можетъ избѣжать своихъ привычныхъ пороковъ въ ходьбѣ, но на короткое лишь время, потому что вмѣшательство воли связываетъ свободу движенія и превращаетъ въ положительный трудъ такую вещь, которая, будучи предоставлена самой себѣ, идетъ какъ по маслу. Извѣстно далѣе, что въ правильную рѣчь я могу вставлять по произволу какіе угодно звуки (говорить, напр., по херамъ) или извращать слоги; аналогичное можно сдѣлать и съ походкой, напр., подпрыгивать или присѣдать въ опредѣленный тактъ при правильной ходьбѣ, встряхивать въ извѣстный періодъ шага ногою, ходить задомъ и пр. Ко всѣмъ такимъ вещамъ можно путемъ долгаго упражненія привыкнуть до такой степени, что трудно уже будетъ говорить и ходить правильно, но пока привычки не сдѣлано, подобное вмѣшательство воли прекращается обыкновенно очень быстро. Стало быть, съ чисто внѣшней стороны степень подчиненности волѣ рѣчи и ходьбы въ самомъ дѣлѣ одинакова. Но, посмотримъ, идетъ ли такая параллельность между обоими процессами и вглубь отъ поверхности явленій. За этой поверхностью во всякомъ заученномъ движеніи лежитъ, какъ первая инстанція, та первая связь движенія съ регулирующимъ его чувствованіемъ, которая хотя и ускользаетъ отъ обыденнаго сознанія, но которую можно доказать самымъ очевиднымъ образомъ. Извѣстно, что человѣкъ можетъ заучить наизусть по слуху длинные стихи на совершенно непонятномъ ему языкѣ, все равно, какъ онъ заучиваетъ пѣсню безъ словъ. Когда человѣкъ декламируетъ эти стихи, реально онъ повторяетъ въ 1001-й разъ то, что дѣлалъ прежде; въ сознаніи при этомъ, рядомъ съ движеніемъ, нѣсколько опережая его, льется звуковой слѣдъ отъ стиховъ, сохраненный въ памяти. Пока слѣдъ этотъ безъ прорѣхъ, рѣчь льется плавно, но чуть въ звуковомъ слѣдѣ встрѣтился недочетъ въ звукахъ (забыто слово), происходитъ перерывъ и въ движеніи. Властна ли воля надъ этими забытыми звуками? — прямо, очевидно, нѣтъ: забытое мы вспоминаемъ всегда окольными путями. Теперь посмотримъ на ходьбу. Хожу я, напр., въ эту минуту. Это значитъ, я повторяю въ 1.000,001-й разъ то, что дѣлалъ прежде. При этомъ рядомъ съ ходьбой у меня тянется въ сознаніи тоже опредѣленная пѣсня, но выстроенная не изъ звуковъ, а изъ нѣмыхъ для слуха, но

ясныхъ для сознанія, кожно-мышечныхъ ощущеній [1]). Пока въ этой пѣснѣ нѣтъ недочетовъ (чувственныхъ), движеніе идетъ правильно, но вотъ нога, размахнувшаяся впередъ, вмѣсто того, чтобы ступить въ данное мгновеніе на полъ, попадаетъ въ неглубокую яму — недочетъ въ чувствованіи, и человѣкъ спотыкается [2]). Неужели аналогія неполная? Разница только въ томъ, что если человѣкъ при ходьбѣ видитъ ту яму, въ которую ему приходится ступить, или то возвышеніе, черезъ которое нужно перешагнуть, то онъ способенъ принаровить ходьбу и къ этимъ случайностямъ. Дѣло здѣсь однако въ томъ, что ходьба заучивается и на такіе частные случаи, но уже подъ контролемъ глаза (а у слѣпыхъ посредствомъ осязанія, при помощи палки, ощупывающей землю), тогда какъ въ заучиваніи пѣсни или стиховъ глаза ниприченъ, — значитъ, выручать изъ бѣды слухъ не могутъ. Но вѣдь въ рѣчи и за предѣлами только-что разобранной инстанціи есть еще нѣчто—это связь ея съ мыслительными процессами. Когда человѣкъ разсказываетъ то, что онъ видѣлъ, или вообще, что у него отложено въ памяти въ формѣ мыслей, въ головѣ его должны идти параллельно голосовымъ движеніямъ мыслительные процессы. Этотъ случай, повидимому, совершенно отличенъ отъ случая декламаціи стиховъ на незнакомомъ языкѣ. И да, и нѣтъ. Если человѣкъ передаетъ въ первый разъ на словахъ только-что пережитое имъ зрительное впечатлѣніе и говоритъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ отдѣльные члены видѣнной имъ картины ложились на его душу, это значитъ, что параллельно словамъ течется репродуцированное зрительное впечатлѣніе въ формѣ образовъ. Но когда человѣкъ сталъ разсказывать о томъ же самомъ, уже подумавъ о видѣнномъ, — а думать, какъ извѣстно, можно и словами, — то возможно, что при разсказѣ (о видѣнномъ!) въ сознаніи репродуцируется словесная фотографія образа, а не самый образъ. И, конечно, въ послѣднемъ случаѣ процессъ будетъ тотъ же, что и при рецитированіи непонятныхъ стиховъ, если отбросить въ сторону тѣ побочныя страстныя осложненія, которыми характеризуется разсказъ о прочувствованномъ и тотъ по-

---

[1]) Если вообразить себѣ, что сокращенія мышцъ при ходьбѣ сопровождались бы совершенно параллельными имъ звуковыми явленіями, какъ въ голосѣ, то самой знакомой намъ пѣсней была бы пѣсня ходьбы; и это доказывается ясно тѣмъ, что уже при той ограниченности звукового осложненія, которое представляетъ намъ ходьба при нормальныхъ условіяхъ (мы слышимъ звуки только въ моментъ ставленія ногъ на полъ), мы все-таки часто узнаемъ по звуку ходьбу знакомаго намъ человѣка.

[2]) Говорятъ, что то же самое бываетъ съ музыкантами, когда они играютъ знакомую имъ вещь на разстроенномъ инструментѣ.

рядокъ разсказа, который управляется ходомъ мыслей. Этотъ-то ходъ мыслей и есть новый элементъ противъ случая декламаціи заученныхъ стиховъ, но надъ нимъ воля, какъ всякій знаетъ, не имѣетъ уже абсолютно никакой власти. Если мы обратимся теперь къ ходьбѣ, то въ ней не видимъ ничего подобнаго послѣднему элементу, и аналогія кончается на томъ, что какъ на рѣчи, такъ и на походкѣ, могутъ отражаться лишь страстныя осложненія мысли, дѣлающія оба рода движеній то порывистыми или плавными, то быстрыми или медленными и пр.

Итакъ, анализъ всѣхъ заученныхъ сложныхъ движеній показываетъ въ самомъ дѣлѣ, что при условіи, когда они совершаются правильно—а это, конечно, норма въ жизни!—процессъ носитъ на себѣ такой характеръ, какъ будто пущена въ ходъ какая-нибудь опредѣленная, стройная механика (при этомъ уму невольно такъ и напрашивается, какъ образъ, органъ, наигрывающій музыкальную пьесу); при этомъ для воли остается, *какъ возможность*, только пусканье въ ходъ механики, замедленіе или ускореніе ея хода, или наконецъ остановка машины, но ничего болѣе.

Но какъ же помирить съ этимъ полновластіе воли надъ такими простыми формами движеній, какъ сгибаніе или разгибаніе, напр., пальцевъ рукъ?—Неужели эти случаи составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Очевидно, нѣтъ, потому что по способу развитія и они столько же заученныя движенія, какъ любое сложное; стало быть и здѣсь, во всѣхъ деталяхъ сгибанія и разгибанія пальца, опредѣляющую роль можетъ играть одна только привычность движенія, а за волей остается возможность лишь начинать и кончать движеніе или видоизмѣнять его быстроту.

Такая же схема дѣйствія воли приложима отъ *а* до *г* и къ тѣмъ произвольнымъ вставкамъ, которыя она можетъ дѣлать въ правильно-сочетанныя движенія (когда я говорю, напр., по херамъ, извращаю слоги, трясу при ходьбѣ ногами, хожу задомъ и проч.). Импульсы къ такимъ вставкамъ выходятъ изъ воли, но возможность вставки дается одной только привычкой, упражненіемъ. Всякій понимаетъ, напр., что вставлять въ рѣчь звукъ *херъ* гораздо легче между цѣльными словами, чѣмъ между слогами словъ, извратить слоги легче въ двусложныхъ словахъ, чѣмъ въ многосложныхъ и проч. Но, съ другой стороны, всякій знаетъ, что привычка побѣждаетъ и эти трудности; тогда же рѣчь съ вставками пріобрѣтаетъ опять тотъ самый характеръ машинообразной правильности и легкости, какою отличается нормальная рѣчь безъ вставокъ.

Такъ какъ на этомъ пунктѣ чисто-объективный или физіоло-

гическій анализъ обрывается, то я принужденъ резюмировать все до сихъ поръ сказанное, прежде чѣмъ перейти въ психологическую область явленій. Вотъ эти общіе выводы:

1) Всѣ элементарныя формы движеній рукъ, ногъ, головы и туловища, равно какъ всѣ комбинированныя движенія, заучаемыя въ дѣтствѣ, ходьба, бѣганье, рѣчь, движенія глазъ при смотрѣніи и пр., становятся подчиненными болѣе уже послѣ того, какъ они заучены.

2) Чѣмъ заученнѣе движеніе, тѣмъ легче подчиняется оно волѣ и наоборотъ (крайній случай—полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія).

3) Но власть ея во всѣхъ случаяхъ касается только начала, или импульса къ акту, и конца его, равно какъ усиленія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли, будучи реально повтореніемъ того, что дѣлалось уже тысячи разъ въ дѣтствѣ, когда о вмѣшательствѣ воли въ актъ не можетъ быть и рѣчи.

Съ этими-то данными я и перехожу въ психическую область.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ ученіями о произвольности, или прямо противуположными нѣкоторымъ изъ только-что сдѣланныхъ выводовъ, или съ такими, къ которымъ наши выводы относятся, какъ глухіе, отрывистые отголоски къ цѣльной, стройной мелодіи. Кого увѣришь въ самомъ дѣлѣ, что первый нашъ выводъ всецѣло приложимъ и къ движеніямъ, заучаемымъ въ зрѣломъ возрастѣ, напр., къ ручной художественной или ремесленной техникѣ, гдѣ заученіе совершается подъ вліяніемъ ясно-сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей и гдѣ отъ *доброй воли* самого учащагося зависитъ весь успѣхъ дѣла. Какъ можно втиснуть безконечно-разнообразную картину произвольности человѣческихъ дѣйствій въ такую тѣсную безжизненную рамку, какъ нашъ третій выводъ? Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ, но любую изъ всѣхъ, которыя вообще извѣстны человѣку. Мнѣ хочется плакать, а я могу пѣть веселыя пѣсни и танцовать; меня тянетъ вправо, а я иду влѣво; чувство самосохраненія говоритъ мнѣ: «стой, тамъ тебя ожидаетъ смерть», а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличный агентъ, распоряжающійся только движеніемъ—это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніемъ во имя того или другого, и часто наперекоръ даже чувству самосохраненія. Притомъ, въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшивается ли она въ механическія детали заученнаго сложнаго

движенія, а важна глубоко сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любой моментъ въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ, или по направленію. Эта-то ярко сознаваемая возможность, выражающаяся въ словахъ «я хочу и сдѣлаю», и есть та неприступная съ виду цитадель, въ которой сидитъ обыденное ученіе о произвольности.

Я разберу всѣ три вопроса по порядку.

Чтобы рѣшить первый изъ нихъ, нужно очевидно съумѣть разложить весь процессъ заучиванія какого-нибудь ремесленнаго или художественнаго ручного производства на составные моменты, и затѣмъ смотрѣть, какое участіе принимаетъ воля въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. При всякомъ заучиваніи нужно: 1) чтобы рука предварительно обладала извѣстной степенью поворотливости, чтобы она умѣла повернуться въ любую сторону, сгибаться и разгибаться во всѣхъ сочлененіяхъ и пр.; 2) чтобы она слушалась во всѣхъ этихъ движеніяхъ глаза (что, впрочемъ, понимается само собою, такъ какъ всѣ движенія рукъ заучиваются всегда подъ контролемъ глаза); 3) чтобы человѣкъ умѣлъ подражать показываемой ему формѣ движенія; 4) чтобы онъ умѣлъ отличать хорошій результатъ правильнаго движенія отъ дурного результата неправильнаго, и, наконецъ, 5) чтобы онъ упражнялся какъ можно болѣе подъ контролемъ достиженія нормальнаго результата. Относительно перваго пункта воля властна въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, какъ и относительно всѣхъ заученныхъ въ дѣтствѣ элементарныхъ движеній рукъ вообще (т.-е. она можетъ ихъ начать, остановить, усилить, ослабить, но не болѣе), потому что первый урокъ техническаго производства представляетъ по самой сути дѣла не болѣе какъ приложеніе уже заранѣе выработанной ручной механики къ новому частному случаю. Во второмъ и третьемъ пунктѣ воля ниприченъ; но она играетъ важную роль въ умѣньи произвесть болѣе или менѣе новую форму движенія, къ которому рука не была еще пріучена до начала уроковъ. Въ этихъ случаяхъ ей приходится очевидно дѣлать то же самое, какъ въ случаѣ, когда человѣкъ въ первый, второй и т. д. разъ въ жизни начинаетъ вставлять въ привычную рѣчь звукъ *херъ* между словами, или искусственно прискакивать во время ходьбы. Чѣмъ сложнѣе это непривычное движеніе, или чѣмъ оно быстрѣе, тѣмъ труднѣе заучиваніе, потому что контролирующему глазу при этомъ работы все больше и больше. Поэтому-то въ сложныхъ производствахъ существуютъ школы для рукъ, при посредствѣ которыхъ онѣ постепенно переходятъ отъ движеній простыхъ къ болѣе сложнымъ. Но разъ всѣ существен-

ныя стороны движенія схвачены, другими словами, человѣкъ запомнилъ послѣдовательный рядъ ихъ, и глазъ, или глазъ вмѣстѣ съ слухомъ наметались въ дѣлѣ контролированія движеній—во все это воля не вмѣшивается однако ни на волосъ! — обученіе можно считать законченнымъ. Остальное довершается самостоятельной практикой, частотой упражненія, причемъ воля является опять-таки агентомъ, управляющимъ началомъ упражненія, его остановками и степенью быстроты—не болѣе.

Итакъ, при заучиваньи сложныхъ движеній въ зрѣломъ возрастѣ, въ самомъ процессѣ заучиванья [1]) воля хотя и принимаетъ участіе, но въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она относится у взрослаго человѣка къ любому заученному движенію. Другими словами, за ней и здѣсь остается сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любую минуту въ движеніе, и видоизмѣнить его въ томъ или другомъ отношеніи. Значитъ, нашъ 1-й пунктъ рѣшается, собственно говоря, ниже, вмѣстѣ съ 3-мъ.

Для выясненія 2-го пункта въ ученіи обыденной психологіи о произвольности человѣческихъ дѣйствій, я принужденъ разобрать дѣло на двухъ параллельныхъ примѣрахъ.

Представимъ себѣ двухъ стариковъ, мирно отживающихъ свой вѣкъ на отдыхѣ отъ практической дѣятельности. Оба они умны, добры, честны, получили одинаковое образованіе и смотрятъ даже на жизнь приблизительно одинаковымъ образомъ. Добро для одного—добро и въ глазахъ другого, помощь ближнему въ нуждѣ для обоихъ пріятный долгъ, снисходительность къ маленькимъ слабостямъ окружающихъ—какъ для одного, такъ и для другого привычная вещь и т. д. И живутъ эти старики приблизительно одинаковымъ образомъ, культивируя, какъ говорится, на практикѣ тѣ добродѣтели, которыя вытекаютъ изъ ихъ ясно-спокойныхъ міросозерцаній. Если судить объ этихъ старикахъ по ихъ дѣйствіямъ, это будутъ два совершенно равнозначущихъ въ нравственномъ отношеніи типа: всякій скажетъ, что черезъ всю ихъ жизнь проходитъ неизсякаемое доброжелательство къ людямъ. И такой приговоръ въ глазахъ всякаго мало-мальски умнаго человѣка не измѣнится и не можетъ измѣниться на волосъ, хотя бы характеры у обоихъ стариковъ были различны, и одинъ дѣлалъ бы добро мягко, деликатно, всегда съ добродушной улыбкой, а дру-

---

[1]) Здѣсь рѣчь можетъ идти конечно только о томъ, какое участіе принимаетъ воля въ самомъ процессѣ развитія ручной техники, безъ отношенія заученія къ тѣмъ практическимъ цѣлямъ въ жизни, которыя достигаются ремесломъ.

гой, дѣлая то же самое, оставался бы съ виду крайне равнодушнымъ, или даже хмурилъ брови. Нравственная однозначность обоихъ типовъ опредѣляется при сказанныхъ условіяхъ не формой, въ которой тотъ или другой дѣлаетъ добро, а тѣмъ ненарушимымъ постоянствомъ, съ которымъ оно дѣлается ими обоими. Если бы меня подвели къ обоимъ типамъ, то я, необинуясь, сказалъ бы, что для меня самое дорогое въ ихъ нравственномъ существѣ—ихъ привычка къ добру, потому что только она ясно говоритъ мнѣ, что эти старики добро не только дѣлали и дѣлаютъ, но будутъ и впредь дѣлать. Въ этомъ-то отношеніи они и равны другъ другу. Но, положимъ, что старики дожились до такой прекрасной старости разными путями. Одинъ всю жизнь провелъ безъ бурь, въ довольствѣ, окруженный любовью, и выучился дѣлать добро на окружающихъ его примѣрахъ. Для этого человѣка то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое сопровождаетъ всякое доброе дѣло, было съ самаго дѣтства воспитателемъ его поступковъ, руководителемъ его дѣйствій. Мудрено ли, что при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ это чувство—безспорно, родъ нравственнаго наслажденія—превратилось мало-по-малу (отъ частаго воспроизведенія) въ потребность, и въ старости, на отдыхѣ, когда умъ освободился отъ милліоновъ практическихъ дрязгъ, оно стало господствующимъ въ дѣлѣ опредѣленія отношеній старика къ людямъ. У такого человѣка добрыя дѣла вытекаютъ изъ моральнаго чувства сами собою, роковымъ образомъ, безъ малѣйшихъ усилій съ его стороны. И если-бы меня спросили, насколько воля вмѣшивается въ поступки этого старика, я, признаюсь откровенно, былъ бы въ большомъ затрудненіи, какъ отвѣтить. Зачѣмъ ей сюда вмѣшиваться, когда поступокъ и имѣетъ цѣну въ глазахъ людей именно тѣмъ, что на его происхожденіи лежитъ печать привычности, печать роковой связи съ моральнымъ чувствомъ, изъ котораго онъ вытекаетъ? Конечно, еслибы старикъ захотѣлъ, онъ могъ бы и не дѣлать добра, но сталъ ли бы отъ такой возможности нравственный образъ его болѣе высокимъ? Сомнѣваюсь; по-моему идеалъ лежитъ въ сторону такого опредѣленія: «онъ не можетъ не дѣлать добра». Во всякомъ случаѣ и къ этому доброму старику очевидно приложимъ нашъ будущій 3-й пунктъ (т.-е. за старикомъ остается волевая возможность и не дѣлать того, что говоритъ моральное чувство), слѣдовательно мы распрощаемся съ нимъ позже, а теперь обратимся къ другому, болѣе суровому. Этотъ былъ, наоборотъ, искушенъ жизнью. Ему приходилось много бороться, добывая себѣ на ясную старость ту матеріальную обстановку, которая даетъ

возможность культивировать мирныя добродѣтели. Жизнь развертывалась передъ нимъ болѣе отрицательной стороной, чѣмъ положительной. Первый старикъ воспитался на благословеніяхъ, улыбкахъ, слезахъ благодарности, а этотъ чаще видѣлъ слезы отъ голода и слышалъ проклятія. Тотъ зналъ о злѣ на землѣ больше по наслышкѣ, а этотъ испытывалъ его и на своихъ плечахъ; тамъ не было никакихъ искушеній въ сторону зла, здѣсь же приходилось рисковать чуть не жизнью, чтобы отстоять добро. И несмотря на все это, такой человѣкъ превращается подъ старость въ типъ нѣсколько угрюмаго, сдержаннаго, но въ сущности такого же добраго и хорошаго старика, какъ первый. Какъ могло это случиться? Въ обыденной жизни говорятъ такъ: человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать двумя вещами: сильно развитымъ моральнымъ чувствомъ (хорошимъ сердцемъ) и сильнымъ характеромъ или сильной волей; и къ этому прибавляютъ даже, что чѣмъ сильнѣе жизненная борьба, тѣмъ сильнѣе воля у человѣка, который выходитъ изъ нея нравственно чистымъ. Такъ толкуютъ люди, и мы до такой степени свыклись съ послѣдней мыслью, что она кажется намъ непоколебимою. Но правда ли это? Вѣдь если я вступаю въ борьбу нравственно-чистымъ и выхожу изъ нея такимъ же, не достаточно ли снабдить человѣка для достиженія этой цѣли, вмѣсто суммы: нравственное чувство + воля, однимъ только нравственнымъ чувствомъ въ усиленной степени. Вѣдь мы знаемъ, что когда человѣкъ идетъ на смерть, въ головѣ у него всегда какая-нибудь страшно-сильная мысль или какое-нибудь крѣпкое чувство, убѣжденіе, вѣрованіе, изъ-за которыхъ смерть становится не страшной, или по крайней мѣрѣ изъ-за которыхъ онъ мирится съ нею. Правда, бываютъ случаи, когда человѣкъ стоически встрѣчаетъ смерть изъ-за одного только чувства покорности судьбѣ; но, во-первыхъ, даже это чувство можетъ быть фанатизировано, во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ активнаго движенія на встрѣчу смерти, какъ въ случаѣ борьбы. Съ другой стороны, ни обыденная жизнь, ни исторія народовъ не представляютъ ни единаго случая, гдѣ одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвигъ. Рядомъ съ ней *всегда стоитъ, опредѣляя ее*, какой-нибудь нравственный мотивъ, въ формѣ ли страстной мысли или чувства. Значитъ, даже въ самыхъ сильныхъ нравственныхъ кризисахъ, когда по ученію обыденной психологіи волѣ слѣдовало бы выступить всего ярче, она одна, сама по себѣ, дѣйствовать не можетъ, а дѣйствуетъ лишь во имя разума или чувства. Другими словами, безличной холодной воли мы не знаемъ; то же, что считается продуктомъ ея со-

вмѣстной дѣятельности съ чувствомъ и разумомъ, можетъ быть прямо выводимо изъ послѣднихъ. Но, конечно, и здѣсь, если обезличить волю, она принимаетъ характеръ присущей человѣку возможности дѣйствовать такъ или иначе. Нашъ второй старикъ борется, напр., съ искушеніемъ и выходитъ изъ него чистымъ; моральное чувство тянетъ его впередъ, а искушеніе назадъ; первое сильнѣе, и человѣкъ идетъ въ сторону морали—это моя философія. Обыденная же психологія говоритъ: нѣтъ, между моральнымъ чувствомъ и поступкомъ нужно вставить въ середину безличную волю, потому что голосъ самосознанія ясно говоритъ мнѣ, что я воленъ слушаться и голоса искушенія, и голоса морали; иду я въ сторону послѣдней—воля сильна, иду въ противную—я слабъ... Опять 3-й пунктъ, къ разбору котораго мы наконецъ и приступаемъ.

Ребенокъ уже въ очень раннемъ возрастѣ выучивается отдѣлять себя въ сознаніи отъ всего окружающаго (процессъ развитія этого явленія изложенъ довольно обстоятельно въ «Рефлексахъ головного мозга»), видимаго глазами или осязаемаго руками. Когда онъ реагируетъ на ласки, обращенныя лично къ нему иначе, чѣмъ на ласки, обращенныя къ какому-нибудь стоящему по близости предмету, доступному его видѣнію, это значитъ, что раздѣленіе до извѣстной степени уже выяснилось. Этотъ аналитическій процессъ идетъ своимъ чередомъ впередъ, а между тѣмъ анализъ начинаетъ падать и на свою собственную особу, уже отдѣленную отъ окружающаго міра. Когда ребенокъ на вопросъ «что дѣлаетъ Петя?» отвѣчаетъ отъ себя совершенно правильно, т.-е. соотвѣтственно дѣйствительности: «Петя сидитъ, играетъ, бѣгаетъ», анализъ собственной особы ушелъ уже у него на степень отдѣленія *себя* отъ своихъ дѣйствій. Что это такое, и какъ это происходитъ? ребенокъ множество разъ получаетъ отъ своего тѣла сумму самоощущеній во время стоянья, сидѣнья, бѣганья и пр. Въ этихъ суммахъ, рядомъ съ однородными членами, есть и различные, спеціально характеризующіе стоянье, ходьбу и пр. Такъ какъ состоянія эти очень часто перемежаются другъ съ другомъ, то существуетъ тьма условій для ихъ соизмѣренія въ сознаніи. Продукты послѣдняго и выражаются мыслями: «Петя сидитъ или ходитъ». Здѣсь *Петя* обозначаетъ, конечно, не отвлеченіе изъ суммы самоощущеній постоянныхъ членовъ отъ измѣнчивыхъ, потому что эта операція удается плохо даже взрослому, но мысли все-таки соотвѣтствуетъ ясное уже и въ умѣ ребенка отдѣленіе своего тѣла отъ своихъ дѣйствій. Затѣмъ, а можетъ быть и одновременно съ этимъ, ребенокъ начинаетъ отдѣлять въ

сознаніи отъ прочаго тѣ ощущенія, которыя составляютъ позывъ на дѣйствія — ребенокъ говоритъ: «Петя хочетъ ѣсть, хочетъ гулять» и пр. Въ первыхъ мысляхъ выражается безразлично состояніе своего тѣла, какъ цѣльное самоощущеніе; здѣсь же сознана раздѣльность уже двухъ самоощущеній, пищевого голода и его удовлетворенія съ одной стороны, гуляльнаго голода и ходьбы на воздухѣ (съ массой ощущеній, отличныхъ отъ комнатныхъ) съ другой. Такъ какъ эти состоянія могутъ происходить при сидѣньи, при ходьбѣ и пр., то должно происходить соизмѣреніе и ихъ другъ другомъ въ сознаніи. Въ результатѣ выходитъ, что Петя то чувствуетъ пищевой голодъ, то гуляльный; то ходитъ, то бѣгаетъ:—во всѣхъ случаяхъ *Петя* является тѣмъ общимъ источникомъ, внутри котораго родятся ощущенія и изъ котораго выходятъ дѣйствія. Если бы тѣло ребенка было устроено такимъ образомъ, чтобы онъ могъ сознавать очень ясно тѣ внѣшніе импульсы, которые предшествуютъ ощущеніямъ, то онъ, конечно, пересталъ бы считать свое тѣло источникомъ ихъ, и не сталъ бы говорить: «Петя хочетъ гулять», а долженъ былъ бы сказать импульсъ *a*, *b* или *c* зоветъ Петю гулять, подобно тому, какъ онъ совершенно правильно говоритъ: «мама зоветъ гулять», когда импульсомъ къ желанію служитъ голосъ матери. Тогда сознаніе ребенка расчленяло бы совершающіеся въ немъ трехчленные рефлексы правильнымъ образомъ на внѣшній импульсъ, ощущеніе и дѣйствіе. Для него же внѣшній импульсъ ускользаетъ, и онъ анализируетъ только два послѣднихъ члена; но такъ какъ они всегда являются связанными для его сознанія съ его собственной особой, то онъ и ставитъ напередъ *себя*, Петю, какъ обозначеніе мѣста ощущенія или дѣйствія (совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ онъ говоритъ: «дерево стоитъ, собака бѣжитъ» и пр.).

Когда два послѣднихъ члена въ рефлексахъ такимъ образомъ расчленены, и вмѣсто перваго ошибочно поставлена собственная особа, для ребенка начинаетъ мало-по-малу выясняться та связь, которая существуетъ между членами; другими словами, слитое сначала ощущеніе отъ своего тѣла, повторяясь безпрерывно при мѣняющихся условіяхъ перцепціи (то сидитъ, то лежитъ, то ходитъ; то голоденъ, то ѣстъ и пр.), переходитъ мало-по-малу въ расчлененное представленіе; а когда начинаетъ выясняться и связь между членами представленія, послѣднее переходитъ въ мысль. Вотъ здѣсь-то и имѣетъ мѣсто случай развитія мыслительной формы, содержаніемъ которой является каузальная связь между объектами мысли,—случай, о которомъ я уже упоминалъ

выше, говоря о развитіи мыслительной способности вообще. Нужно ли говорить, что при этой умственной операціи *Петя*, или можетъ быть уже *я*, что впрочемъ все равно, ошибочно ставится, какъ причина, а дѣйствіе тѣла какъ послѣдствіе? Притомъ ребенокъ дѣлаетъ сразу двѣ ошибки. Вмѣсто того, чтобы выводить изъ анализа факта «*я захотѣлъ гулять и пошелъ*» очевидную зависимость ходьбы, какъ дѣйствія, отъ желанія, онъ оставляетъ средній членъ безъ вниманія, перескакиваетъ черезъ него—это первая ошибка; а другая заключается въ томъ, что началомъ, источникомъ акта, онъ считаетъ себя, а не внѣшній импульсъ, вызвавшій желаніе. Источникъ послѣдней ошибки мы видѣли уже выше; что же касается до источниковъ первой, то они заключаются, я полагаю, въ слѣдующемъ: при той быстротѣ, съ которой смѣняются ощущенія у ребенка, и ихъ сравнительной неопредѣленности, весьма естественно думать, что желаніе, какъ актъ, предшествующій дѣйствію, по своей летучести очень часто имъ просматривается; съ другой стороны, ребенокъ дѣлаетъ тьму движеній съ чужого голоса, по приказанію матери или няньки; образы послѣднихъ, по необходимости, должны представляться ему какими-то роковыми силами, вызывающими въ немъ дѣйствія, и разъ это сознано, мѣрка переносится и на случаи дѣйствій, вытекающихъ изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ побужденій, причемъ эквивалентомъ приказывающей матери или няньки можетъ быть только *я*, а никакъ не смутное желаніе, неимѣющее съ матерью и нянькою ничего общаго.

Итакъ, на этомъ уровнѣ психическаго развитія ребенокъ оцѣниваетъ причину своихъ дѣйствій одинъ разъ правильно, относя ее къ приказанію матери, а другой разъ ложно, считая ею самого себя; но при этомъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ дѣлается ошибка въ томъ отношеніи, что проглядывается средній членъ.

Но, можетъ быть, послѣдующія эпохи развитія приносятъ съ собою условія для исправленія такихъ капитальныхъ ошибокъ въ оцѣнкѣ источниковъ собственныхъ дѣйствій? Судите сами. Ребенокъ долгіе годы остается подъ вліяніемъ чужой воли, значитъ пріуроченіе силы, опредѣляющей дѣйствія, къ человѣческому образу не только не ослабляется, но съ каждымъ днемъ крѣпнетъ. Съ другой стороны, внѣшніе импульсы, которыми опредѣляются дѣйствія, совершающіяся якобы по собственной иниціативѣ, становятся наоборотъ все болѣе и болѣе неуловимы, потому что репродукція актовъ, по мѣрѣ ихъ учащенія, становится легче и легче. Въ третьихъ, по мѣрѣ движенія психическаго развитія впередъ, въ

жизни все болѣе и болѣе умножаются случаи рефлексовъ съ заторможеннымъ концомъ, даже при болѣе или менѣе сильномъ позывѣ на дѣйствіе (стремительность, страстность втораго члена). При этомъ на душѣ происходитъ борьба мотивовъ, тянущихъ человѣка въ разныя стороны, и если мотивъ тормазящій одинъ разъ побѣдилъ, а другой нѣтъ, то изъ соизмѣренія такихъ случаевъ получаются для сознанія новые и крайне яркіе доводы въ пользу отдѣленія *себя* отъ дѣйствія. Значитъ, условія для того, чтобы относить первоначальную причину дѣйствій въ себя, не только не ослабѣваютъ, а наоборотъ усиливаются. Да къ этому присоединяется еще непомѣрно частое употребленіе въ дѣло словесныхъ мыслей, начинающихся словомъ *я*, какъ причиной, и кончающихся какимъ-нибудь дѣйствительнымъ глаголомъ, какъ послѣдствіемъ. Но ошибка проглядыванія среднихъ членовъ, т.-е. внутреннихъ побужденій къ дѣйствіямъ, съ ходомъ развитія впередъ становится конечно менѣе и менѣе частой. Въ концѣ концовъ обыденное сознаніе очень мѣтко называетъ эти побужденія, въ параллель приказывающему внѣшнему голосу, внутренними голосами, и для многаго множества случаевъ допускаетъ даже ихъ опредѣляющее значеніе въ дѣлѣ выбора дѣйствій (человѣкъ повинуется голосу страсти, разсудка и пр.); и тѣмъ не менѣе оно остается при мысли, что первоначальная причина ихъ лежитъ все-таки въ *я*. Откуда же такое противорѣчіе?

Дѣло въ томъ, что мы пріучаемся вкладывать въ *я* не только причину и возможность какъ совершающихся въ данную минуту, такъ и всѣхъ вообще знакомыхъ намъ дѣйствій, но относимъ къ *я*, какъ къ причинѣ, даже самое бездѣйствіе (я хочу и дѣлаю, хочу и не дѣлаю, могу дѣлать и дѣлаю, могу не дѣлать и не дѣлаю, могу дѣлать и не дѣлаю, могу не дѣлать и дѣлаю). Попробуйте, напр., усомниться въ могучести какого-нибудь 5-лѣтняго гражданина, который имѣетъ слабость воображать себя богатыремъ—онъ отправится съ величайшимъ спокойствіемъ и самоувѣренностью хоть къ шкафу, чтобы доказать свою силу. Это ли не сознаніе что «онъ можетъ?» Кто же впрочемъ не знаетъ, что самые самонадѣянные люди на свѣтѣ,—дѣти, и что это свойство переходитъ даже въ юношескій возрастъ. Понятно, далѣе, что если ребенку кажется, будто онъ можетъ сдѣлать чуть не все на свѣтѣ въ положительную сторону, тѣмъ легче вообразить ему себя всемогущимъ въ отрицательную. Чтобы согнуть палецъ, нужно все-таки усиліе, но не согнуть его и усилія нѣтъ, а между тѣмъ ребенокъ вѣдь не можетъ не чувствовать, что не ходитъ, не сгибаетъ пальцевъ никто другой, какъ *онъ самъ*—причина

всѣхъ своихъ дѣйствій и состояній. Правда, въ дѣтствѣ просторъ къ ничего-недѣланью значительно ограниченъ голосомъ матери, няньки или учителя, но вѣдь всякій лишній шагъ противъ приказанія остановиться есть уже *мощь не дѣлать*, выслѣживанье мухи за урокомъ строгаго учителя — то же самое. Та же мысль скрывается, очевидно, за всѣми тѣми невинными хитростями, которыми ребенокъ старается увернуться отъ того, къ чему его принуждаютъ. Когда же за ребенкомъ перестаютъ слѣдить шагъ за шагомъ, случаи для упражненія мощи въ запретную сторону все умножаются, и на душѣ не можетъ не остаться отъ такихъ упражненій слѣда въ формѣ мысли: «если хочешь, то приказывающаго голоса можно и не слушаться». Легко понять, что воля ребенка здѣсь нипричемъ, онъ не дѣлаетъ того, что ему велѣно, потому что голосъ болѣе сильный зоветъ его въ другую сторону; но разъ онъ привыкъ всѣ дѣйствія приписывать себѣ, какъ причинѣ, и фактъ непослушанія не можетъ составлять исключенія изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, если за такимъ фактомъ слѣдуетъ внушеніе его провинившемуся тѣлу. Въ школѣ принудительнымъ элементомъ, сверхъ образа или голоса учителя, является еще урокъ—иго двойное, но за то у школьника есть уже *право* по временамъ *не дѣлать*, *не слушаться голоса*. Тотчасъ послѣ уроковъ за порогомъ школы бойкій школьникъ, сознающій свое право, свою мочь не слушаться, можетъ поднять насмѣхъ того самаго учителя, передъ которымъ онъ дрожалъ за минуту. Въ этомъ періодѣ жизни мочь положительно значитъ для человѣка слѣдовать слѣпо тѣмъ голосамъ, которые его манятъ въ поле, на лугъ, бѣгать, играть, бросать камнями въ прохожихъ, гоняться за собакой, а мочь отрицательно—увернуться отъ назойливаго голоса матери или учителя. Но вотъ въ душѣ школьника начинаетъ происходить какой-то переломъ: голоса перваго рода начинаютъ блѣднѣть, на мѣсто нихъ промелькнетъ въ головѣ то образъ Александра Македонскаго въ латахъ и шлемѣ, о которомъ онъ слышалъ въ школѣ, то разсказъ какъ живетъ муравей, пчела, то картинка изъ книги, и рядомъ съ этимъ изъ голоса матери и даже учителя начинаютъ какъ будто исчезать докучливые тоны, хотя они продолжаютъ по-прежнему приказывать. Это періодъ крайне важный въ жизни — эпоха, когда въ душу всего легче вложить такіе голоса, какъ чувство долга, любовь къ правдѣ и добру. Вкладываніе это, какъ слѣдуетъ, совершается къ несчастію лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а еще рѣже тѣ—когда вкладываніе длится черезъ всю юность. Но за то при такихъ исключительныхъ условіяхъ и развиваются тѣ прелестные типы, которые со-

всѣмъ забываютъ, что они могутъ не дѣлать того, что говоритъ имъ разумъ или сердце, и дѣлаютъ поэтому всякое доброе дѣло непосредственно, легко, безъ усилій, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что дѣло иначе и быть не можетъ. Обыкновенно же развитіе идетъ въ жизни не такъ. На юношѣ и на взросломъ человѣкѣ повторяется исторія ребенка: множество разъ онъ слушается въ своихъ поступкахъ тѣхъ внутреннихъ голосовъ, которые говорятъ ему приблизительно такъ, какъ говорила бы въ дѣтствѣ кроткая мать или строгій, умный отецъ; но часто, и, повидимому, при тѣхъ же условіяхъ, дѣлается совсѣмъ обратное; и тогда прежній образъ дѣйствій приходитъ на память не только за тѣмъ, чтобы возбудить боль въ сердцѣ, но и за тѣмъ чтобы укрѣпить завѣщанную дѣтствомъ мысль, что человѣкъ можетъ не слушаться то того, то другого голоса. При этомъ забывается только слѣдующая маленькая вещь: если кто не слушается одного голоса, то только потому, что онъ слушается другого.

Дѣйствія наши управляются не призраками, въ родѣ разнообразныхъ формъ *я*, а мыслью и чувствомъ. Между ними у нормальнаго человѣка всегда полнѣйшая параллельность: внушенъ, напр., поступокъ моральнымъ чувствомъ — его называютъ благороднымъ; лежитъ въ основѣ его эгоизмъ — поступокъ выходитъ разсчетливымъ; продиктованъ онъ животнымъ инстинктомъ — на поступкѣ грязь. Даже у сумасшедшихъ между этими членами цѣльныхъ актовъ есть соотвѣтствіе. Въ этомъ-то смыслѣ сознательно-разумную дѣятельность людей и можно приравнять двигательной сторонѣ нервныхъ процессовъ низшаго порядка, въ которыхъ средній членъ акта, чувствованіе, является регуляторомъ движенія въ дѣлѣ доставленія послѣднимъ той или другой пользы тѣлу.

И. Сѣченовъ.

Одесса.—15-го февраля 1873.

„ULTIMO“

ПОВѢСТЬ

I *).

Свѣжій мартовскій вѣтерокъ подувалъ все болѣе и болѣе порывисто по узкимъ улицамъ маленькаго городка, стучалъ въ ставни и гудѣлъ въ дымовыхъ трубахъ. И всякій разъ, какъ онъ со свистомъ и воемъ проносился мимо одного углового дома,— Томасъ Кемпе поднималъ глаза съ конторки и укоризненно посматривалъ на свою дочь Христіану, приготовлявшую ужинъ отцу на небольшомъ кругломъ передиванномъ столѣ.

— Все готово, папа́, садись кушать себѣ спокойно, произнесла дѣвушка.

— Спокойно! пробормоталъ старикъ; хорошо спокойствіе! слышишь! Вонъ тамъ, наверху, уже два раза вѣтеръ чуть-было не сорвалъ ставень. Буря того и гляди обрушитъ мнѣ весь домъ на голову, а я оставайся спокойнымъ! хорошо спокойствіе!... А поѣздъ-то отходитъ черезъ часъ!

Онъ съ отчаяніемъ сдернулъ съ своего маленькаго и тупого носика очки, сквозь которыя гнѣвно взглянулъ еще разъ на Христіану, бросилъ ихъ на кучу писемъ, и сталъ рыться въ бумагахъ.

— Я все это приведу въ порядокъ послѣ, сказала Христіана;

---

*) Въ объясненіе тѣхъ пропусковъ и вставокъ, которыя читатель можетъ замѣтить при сравненіи нашего перевода съ появившимся текстомъ въ фельетонѣ одной нѣмецкой газеты, мы должны прибавить, что какъ пропуски, такъ и вставки сдѣланы самимъ авторомъ въ листахъ, которые онъ намъ доставилъ вмѣсто текста, приготовленнаго имъ для отдѣльнаго изданія.

я могу также написать письмо и къ Видекопфу съ Сыновьями насчетъ крупы; я вѣдь знаю, въ чемъ дѣло.

— Ну, вотъ тебѣ разъ! вскричалъ Кемпе, вмѣсто всякаго отвѣта, и съ невѣроятнымъ проворствомъ сползъ съ своего высокаго табурета и бросился черезъ дверь въ лавку, откуда раздался отчаянный дѣтскій крикъ, покрываемый оглушительнымъ хохотомъ мужского голоса. Христіана побѣжала за отцомъ и увидѣла, стоя въ дверяхъ, какъ отецъ дралъ за уши Августа, мальчика при лавкѣ, продолжавшаго орать во все горло,—а затѣмъ скатился по винтовой лѣстницѣ, ведшей изъ лавки прямо въ погребъ.

— Господинъ Эммерихъ, да что же такое случилось? спросила Христіана;—послушайте, вы напрасно смѣетесь, когда видите, что отецъ такъ разстроенъ.

— Вы правы, отвѣчалъ молодой человѣкъ изъ-за прилавка, немедленно переставъ смѣяться; — но это было такъ потѣшно. Фридрихъ разливалъ въ погребѣ *Zeltinger* и зажегъ пучокъ соломы, чтобы растопить смолу. Солома ярко вспыхнула, а этотъ принялся орать, точно домъ загорѣлся. Ну какъ тутъ не расхохотаться!... Но, конечно, еслибы я зналъ, что вы...

Эммерихъ провелъ краснокожими руками по кудрявымъ волосамъ, откашлянулся, но не успѣлъ онъ докончить своей фразы и только бросилъ нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, стоявшую въ дверяхъ, какъ лысая голова принципала уже показалась изъ-за рѣшетки винтовой лѣстницы. Къ счастію Эммериха, въ эту самую минуту раздался рѣзкій звонокъ у дверей лавки. Вошло нѣсколько покупателей; Эммерихъ съ Августомъ поспѣшили къ ихъ услугамъ...

— Пожалуйста, папа́, пойдемъ къ себѣ; супъ совсѣмъ простынетъ, сказала Христіана.

Кемпе усѣлся наконецъ за столъ и проглотилъ ложки двѣ супа съ видомъ человѣка, который только-что сердился, и не безъ причины, но тѣмъ не менѣе рѣшилъ и на этотъ разъ, — какъ-то бывало зачастую, преложить гнѣвъ на милость. Христіана, усѣвшаяся напротивъ, давно привыкла все читать на добромъ старомъ лицѣ, отлично изучила всякое его выраженіе и хорошо знала, что́ значитъ, когда на узкомъ, лысомъ лбу появится красная полоса, а жидкія сѣдыя брови, нависшія надъ мигающими глазами, начнутъ подергиваться, тонкія же губы задрожать. Но сегодня она стала втупикъ: сегодня впервые, въ теченіи долгихъ лѣтъ, поведеніе отца казалось ей загадочнымъ, настолько же загадочнымъ, насколько поѣздка въ Лейпцигъ, которую онъ вдругъ затѣялъ за обѣдомъ. Что́ бы это означало? Старикъ вообще съ

такимъ трудомъ отрывался отъ дома и отъ дѣлъ, да и то лишь въ крайнихъ случаяхъ... Въ послѣдніе три года, онъ не ѣздилъ даже и на ярмарку, а прежде посѣщалъ ее аккуратно.—Эта яма мнѣ опротивѣла, говаривалъ онъ обыкновенно, и Христіана не думала спрашивать: почему? А между тѣмъ... дѣла шли обычнымъ порядкомъ; сегодня, какъ и всегда, она прочитала ему полученныя письма и отвѣтила на многія, по его указаніямъ.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, папа́? спросила она внезапно... и испугалась звука собственнаго голоса. Она совсѣмъ не хотѣла объ этомъ говорить, но слова сорвались съ языка нечаянно.

— Что такое? возразилъ Кемпе; въ чемъ дѣло?

— А въ томъ, что прежде, сколько мнѣ извѣстно, у тебя, папа́, не бывало никакихъ секретовъ отъ меня, и меня тревожитъ твое молчаніе.

— А-а! никакихъ секретовъ! а развѣ у тебя нѣтъ секретовъ отъ меня? Молчаніе... тревожитъ... да, да! Твое молчаніе меня также тревожитъ; вотъ уже прошла недѣля, а ты все еще не объяснила мнѣ, почему ты отказала Вейкерту.

— Но развѣ ты у меня спрашивалъ объ этомъ, папа́? Да и зачѣмъ тебѣ спрашивать о томъ, что ты такъ же хорошо знаешь, какъ и я сама?

— Что́ я знаю? ничего я не знаю! вскричалъ старикъ, бросая свою ложку на тарелку и отталкивая тарелку отъ себя;— ровно ничего! кромѣ развѣ того, что ты хочешь должно быть остаться старой дѣвой на всю жизнь; можно ли ожидать, что знатный господинъ докторъ, послѣ того, какъ онъ промоталъ твои деньги...

— Папа́!

По блѣдному лицу дѣвушки разлился яркій румянецъ до самаго корня густыхъ, пепельно-свѣтлыхъ волосъ, заплетенныхъ безъискусственно въ толстыя косы и скрученныхъ надъ энергическимъ широкимъ лбомъ. Она привстала съ своего стула, но тотчасъ же снова опустилась на него и сказала голосомъ, которому тщетно старалась придать твердость:

— Ты обѣщалъ не отзываться такъ о Конрадѣ, это не измѣнитъ дѣла, а мнѣ больно тебя слушать. И... и я не желала бы даже, чтобъ было иначе, потому что вижу, что иначе и быть не можетъ. Конраду такъ много дѣла; въ большомъ городѣ, гдѣ господствуетъ такая сильная конкурренція, трудно составить себѣ практику; а Конрадъ стоитъ теперь на хорошей дорогѣ...

— Какъ бы да не такъ! закричалъ Кемпе, бросая салфетку на диванъ и поспѣшно протискиваясь между столомъ и диваномъ;—

у меня кусокъ останавливается въ горлѣ, когда я долженъ выслушивать такія вещи, которымъ ты сама совсѣмъ не вѣришь; на твоемъ мѣстѣ, я постыдился бы морочить своего старика-отца, который желаетъ тебѣ добра, который день и ночь думаетъ лишь о счастіи своего единственнаго дѣтища... Оставь меня! Я могу управиться одинъ! мнѣ не нужно твоей помощи!

Онъ надѣлъ фуражку съ широкимъ козырькомъ и тщетно пытался обмотать вокругъ шеи длинный, красный, шерстяной шарфъ, и все же кончилъ тѣмъ, что далъ—по старой привычкѣ—Христіанѣ распутать всѣ узлы и аккуратно завязать шарфъ.

— Спасибо; хорошо; спасибо, спасибо!—ворчалъ онъ.

Христіана опиралась обѣими руками на его плечи; онъ посмотрѣлъ на нее, ожидая обычнаго прощальнаго поцѣлуя, но она не поцѣловала его; ея голубые глаза твердо глядѣли на отца, и онъ опустилъ свои поспѣшно.

— Папá, сказала она... и голосъ, который во всякое другое время звучалъ для старика лучше всякой музыки, теперь показался ему какимъ-то страшнымъ... Папá, скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что съ Конрадомъ ничего не случилось.

— Чтó съ нимъ можетъ случиться! вотъ глупости! какое мнѣ до него дѣло! Я больше не хочу ничего о немъ слышать! у меня довольно своихъ дѣлъ! Мнѣ все равно! вотъ уже два года, какъ ты совершеннолѣтняя, и прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ твои деньги лежатъ безъ всякаго оборота у Гольдгеймера... Богъ наказалъ! Богъ наказалъ!...

Старикъ вырвался у дочери еще при первыхъ словахъ, рѣзко имъ сказанныхъ, и забѣгалъ вокругъ комнатки, словно ему нужно было собирать изъ всѣхъ угловъ свои вещи, между тѣмъ, какъ онѣ уже съ обѣда лежали на готовѣ.

— Вотъ твои очки, замѣтила Христіана; твоя ермолка лежитъ въ лѣвомъ карманѣ, а табакерка и носовой платокъ въ правомъ. Плащъ твой понесетъ Августъ, а калоши тебѣ слѣдуетъ теперь же надѣть; вотъ правая, позволь мнѣ тебѣ помочь!

Она опустилась передъ нимъ на колѣни, и онъ почувствовалъ внезапно, какъ двѣ горячихъ слезы скатились на его руки.

— Дитя мое, дорогое, дорогое, несчастное дитя мое!—зарыдалъ старикъ, охватывая ее своими руками.

— Скажи, папá! съ Конрадомъ ничего не случилось? я увѣрена въ этомъ!—прошепталъ старику на ухо тихій голосъ.

Сказать ей всю правду? Тихій голосъ снова зазвучалъ, какъ грозное предостереженіе, словно ея устами вѣщала ему совѣсть, но онъ такъ твердо рѣшился, такъ все строго разсчиталъ...

— Сигналъ подаютъ! сигналъ подаютъ! — закричалъ Августъ своимъ пронзительнымъ голосомъ, раскрывая дверь настежъ, между тѣмъ какъ Эммерихъ выбивалъ маршъ на стеклѣ слухового окошечка, черезъ которое онъ сообщался съ своимъ принципаломъ.

— Такъ и есть! такъ и есть!—проворчалъ старикъ, вскакивая со стула, словно наэлектризованный; я пропущу поѣздъ, благодаря всѣмъ этимъ разговорамъ; ничего нѣтъ важнаго, ровно ничего! дѣло идетъ объ изюмѣ, который поставляютъ Ликъ и Сыновья. Мнѣ предстоитъ съ ними сдѣлка, весьма щекотливая сдѣлка... и пожалуйста, чтобы ставни наверху приколотили покрѣпче, да чтобы Фридрихъ не зажигалъ свѣчей въ погребѣ, и...

— Будь покоенъ, папа́; я за всѣмъ присмотрю; прощай, папа́!

— Прощайте, хозяинъ; счастливаго пути, хозяинъ!

Дверь съ трескучимъ звонкомъ захлопнулась за старикомъ и мальчикомъ, который несъ за нимъ вещи на близлежащій дебаркадеръ желѣзной дороги. Эммерихъ, проводившій уѣзжающаго съ нижайшими поклонами до самыхъ дверей, повернулся на каблукахъ и увидѣлъ, что предметъ его страсти, идеалъ всѣхъ его мечтаній, стоитъ въ лавкѣ недвижимо, съ поникшими очами, съ блѣднымъ лицомъ... отъ страха? отъ ожиданія? Ужели наступилъ роковой моментъ? ужели пришла пора разыграть трогательную сцену, которую онъ ежедневно обдумывалъ въ своей мансардѣ, въ теченіе цѣлыхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ? Броситься къ ея ногамъ съ распростертыми объятіями и съ тѣмъ страстнымъ выраженіемъ въ лицѣ, дѣйствіе котораго неотразимо, и воскликнуть съ тѣмъ удивительнымъ чувствомъ, на какое онъ былъ способенъ: «О, королева, все же жизнь прекрасна!»

Но прежде, чѣмъ Эммерихъ успѣлъ угомонить свое страстное сердце настолько, чтобы быть въ состояніи откашлянуться—и что́ было совсѣмъ необходимо—она, не поднимая даже глазъ на него, медленно повернулась, медленно переступила черезъ четыре ступеньки, которыя вели въ жилыя комнаты, и исчезла за стеклянной дверью, съ зеленой, жестоко непрозрачной занавѣской... точно Гретхенъ, при выходѣ изъ церкви! Эммерихъ вздохнулъ, съ отчаяніемъ запуская обѣ краснокожія руки въ густыя кудри:—Охъ! ужъ эти мнѣ нервы! злополучные нервы!

II.

Христіана возстановила въ комнатѣ порядокъ, нарушенный сборами къ отъѣзду отца, убрала со стола, разставила стулья по мѣстамъ, затѣмъ подошла къ конторкѣ, чтобы привести въ порядокъ бумаги, написать письмо къ Видекопфу съ Сыновьями насчетъ крупы и разнести изъ черновой книги, — которую ей передалъ, по ея требованію, Эммерихъ въ слуховое окошечко, — дневную почту по различнымъ книгамъ. Она методически выполнила все это, не просчитавшись и не описавшись ни разу, но за то вполнѣ механически, потому что во все это время въ головѣ ея роились мысли, одна другой печальнѣе, пока она прислушивалась къ стонамъ и завыванію вѣтра на дворѣ, или къ рѣзкому звонку у дверей лавки. Затѣмъ она вытерла перо, сняла клеенчатые нарукавники, надѣваемые изъ предосторожности, чтобы сберечь платье, тщательно сложила ихъ, взяла въ руки лампу, вышла изъ комнаты и уже только на лѣстницѣ вспомнила, зачѣмъ отправляется. Она прошла на чердакъ, приперла стучавшее слуховое окно, и вотъ, минуту спустя, снова сидѣла въ комнатѣ, за своимъ небольшимъ письменнымъ столомъ; лампа стояла передъ ней. Она подперла рукой голову и думала, думала... и мысли были все такія печальныя, такія невыразимо-печальныя; и на дворѣ стоналъ и вылъ вѣтеръ, а колокольчикъ у дверей лавки пронзительно взвизгивалъ время отъ времени.

И чѣмъ долѣе сидѣла она такимъ образомъ и старалась выяснить себѣ истину, тѣмъ темнѣе становилось у нея въ головѣ и тѣмъ глуше билось сердце въ груди. Изъ этого лабиринта представлялся только одинъ исходъ! неужели это должно случиться? неужели это можетъ случиться? да это страшнѣе самой смерти! Умереть за него... да развѣ она задумалась бы, хотя бы на минуту! Да развѣ она не призывала смерти въ то время, какъ еще могла молиться,—смерти, которая освободила бы ее отъ этой пытки и развязала бы ему руки? Но жить, жить, чего добраго, еще долгіе, долгіе томительные годы! безъ цѣли и надежды! подобно духу, разставшемуся съ тѣломъ и бродящему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ нѣкогда жилъ и дѣйствовалъ, а теперь прислушивается, не вспоминаетъ-ли кто о немъ, хотя во снѣ... Это тяжко, да, очень тяжко! Тяжко и жестоко, какъ послѣднее письмо, которое онъ написалъ ей, недѣлю тому назадъ, въ отвѣтъ на то, въ которомъ она поздравляла его съ днемъ рожденія! Если бы

ее ударили ножемъ въ сердце, то и тогда ей не было бы такъ больно! Чего же она еще медлитъ, на что надѣется?

Она поспѣшно вытащила ключикъ, который носила на цѣпочкѣ вокругъ шеи, отперла одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, чтобы вынуть изъ него одно письмо, которое въ немъ лежало. Но въ то время, какъ она нагибалась надъ нимъ, ящикъ, изъ котораго она не вынула ключика, послѣдовалъ за ея движеніемъ и изъ него высыпалось все, что въ немъ хранилось, на письменный столъ.

Тамъ было—кромѣ вышеупомянутаго письма—восемь пачекъ писемъ. Каждая пачка завернута была въ бумагу, на которой былъ выставленъ годъ и заботливо связана красной шелковой лентой. Всѣ пачки перемѣшались между собой, и она хотѣла-было уложить ихъ обратно въ ящикъ, но не могла удержаться, чтобы не привести въ порядокъ. Ей незачѣмъ было разсматривать пачки, она знала каждую по ея объему и вѣсу. Внушительная первая пачка—ея любимая—помѣчена была 1849 г., а на другихъ, все еще внушительныхъ, хотя и не такихъ объемистыхъ и тяжелыхъ, значились 1850 и 1851 гг. А затѣмъ, изъ году въ годъ пачки становились все меньше, все легче, и послѣдній годъ въ цѣлыхъ три мѣсяца принесъ только одно единственное письмо... страшное письмо!

Она съ судорожной поспѣшностью схватила его и снова уронила, словно пальцы ея коснулись раскаленнаго желѣза; черезъ минуту она уже развязала ленту, которая охватывала первую пачку и развернула одно изъ писемъ... первое попавшееся... они всѣ ей были одинаково милы и дороги. Оно было написано на простой сѣрой бумагѣ и плохія чернила совсѣмъ уже пожелтѣли. Всякому другому чтеніе его показалось бы весьма затруднительнымъ; она же могла прочитать каждое слово съ закрытыми глазами. Но теперь глаза ея не были закрыты; они были широко раскрыты; сухъ и горячъ былъ ихъ пристальный взглядъ, какъ у человѣка, который глядитъ въ лицо дорогого покойника; и вотъ этими широко-раскрытыми, сухими и горячими глазами читала она:

«Наконецъ-то, наконецъ! Раненый олень, за которымъ цѣлый день гналась по скаламъ заливающаяся пронзительнымъ воемъ стая охотничьихъ собакъ, котораго лютыя борзыя цѣлый день гоняли по валежнику и колючимъ терніямъ,—этотъ олень вдругъ перепрыгнулъ черезъ широкій оврагъ, и спасенъ! Спасенъ! Кто знаетъ, что заключается въ этомъ словѣ? Кто? Я вправѣ это

спросить! и вижу тебя, вижу, какъ этотъ листокъ дрожитъ у тебя въ рукахъ, въ то время какъ твои милые глазки пробѣгаютъ эти строки, а твой милый голосъ радостно восклицаетъ: онъ спасенъ, онъ спасенъ! Да, моя милочка, ты это знаешь и одна ты! и больше никому не надобно этого знать, потому что больше никто не заботится о бѣдномъ бѣглецѣ. Но твой добрый, честный отецъ, твоя кроткая, набожная мать? Ахъ, дорогая, я знаю это: они также радуются, что клевреты тирана не захватили меня въ Дрезденѣ, и что я не долженъ въ настоящую минуту мотать шерсть въ Вальдгеймѣ... но развѣ они простятъ мнѣ когда-нибудь, что я возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ нашего короля, помазанника Божія... что я объявилъ войну самому Богу; но какому богу, лицемѣрному, изолгавшемуся, жестокому богу юнкеровъ и патеровъ—и буду воевать пока у меня хватитъ голоса, чтобы кричать: вы лжете и обманываете, да! вы лжете и обманываете!

«Я вижу задумчивое выраженіе твоего милаго личика, которое такъ идетъ тебѣ, и слышу, какъ ты тихо, совсѣмъ тихо и растерянно спрашиваешь: что же выйдетъ изъ всего этого? Милочка моя! такъ вопрошали еще апостолы въ минуту малодушія, но Богъ, въ котораго они вѣрили, былъ живъ и не покидалъ ихъ! и не покинетъ онъ и насъ... добрый, великій, сіяющій Богъ свободы и любви... если мы съумѣемъ крѣпко вѣрить.

«Безъ того ничего, конечно, не будетъ, дорогая! да и сильная же и истинная должна быть вѣра, одушевляющая молодого человѣка въ растрепанной блузѣ и разорванныхъ сапогахъ, который здѣсь, въ этой бѣдной лачужкѣ бѣдной швейцарской деревеньки, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, пишетъ это письмо, на бумагѣ, которою обязанъ великодушію своихъ хозяевъ—старой, совсѣмъ высохшей старушкѣ, и ея сыну, который всякій разъ улыбнется, какъ взглянетъ на меня, и у котораго, сдается мнѣ, голова несовсѣмъ въ порядкѣ! Сильна, говорю я, должна быть его вѣра, если, не взирая ни на что и ни на кого, онъ не сомнѣвается, что наступитъ такое время, когда единственная бѣлокурая дочка почтеннаго бюргера и торговца съѣстными припасами Томаса Кемпе, Христіана, станетъ законной женой вышеупомянутаго молодого человѣка. Только одно обстоятельство смущаетъ меня: что моя тетушка Мартина имѣла глупость умереть и еще бо́льшую глупость назначить тебя,—вмѣстѣ съ полудюжиной другихъ племянниковъ и племянницъ, своей наслѣдницей! Десять тысячъ талеровъ приходятся на одну твою долю!

«Это мнѣ вовсе не нравится, моя милочка! Равенство и равенство! Тебѣ извѣстны мои принципы и... моя гордость, говоришь ты? Пусть такъ... надо же, чтобы у всякаго было что-нибудь свое! у того молодого человѣка, который отнюдь не намѣревается убивать и поджигать, но въ потѣ лица своего, зарабатывать свой хлѣбъ, въ должности школьнаго учителя... свой свободный, вполнѣ свободный хлѣбъ. Дорогая, мнѣ хочется сказать тебѣ вмѣстѣ съ Сыномъ Іосифа изъ Назарета: раздай нищимъ и ступай за мной! Въ силахъ ли ты это сдѣлать? о, да, еслибы только у тебя нашлось необходимое мужество! и развѣ человѣкъ не вправѣ дѣлать то, что въ его силахъ?»...

Христіана опустила листокъ и устремила въ пространство широко-раскрытые, пылавшіе глаза. Она сто разъ читала его, но теперь ей казалось, что она какъ будто впервые прочла. «Человѣкъ вправѣ дѣлать то, что въ его силахъ!» Да, это такъ! То была его поговорка, поговорка человѣка, который былъ такъ силенъ и такъ смѣлъ, что смѣлость и сила другихъ людей казались, по сравненію, слабыми попытками карлика на ряду съ гигантскими усиліями великана. Развѣ она не удивлялась въ то время, да и теперь, какъ онъ принялся изучать медицину въ Цюрихѣ, не взирая на свои скудныя школьныя познанія, и прислалъ ей черезъ нѣсколько лѣтъ свой докторскій дипломъ «честно завоеванный, хотя я ни одного слова въ немъ не понимаю». Какъ онъ потомъ поѣхалъ въ Парижъ и три мѣсяца позже писалъ: «счастіе мнѣ улыбнулось! и благодаря всего одной операціи! пол-Парижа посѣтило мое скромное жилище, въ пятомъ этажѣ улицы *de L'Ouest!* Пріѣзжай, моя милочка, пріѣзжай! теперь я больше не боюсь твоего капитала и со всѣми его процентами, которые я уже поглотилъ, но далѣе не стану пожирать!»

А дальше! дальше! дальше онъ преодолѣлъ еще и не то; онъ отказался отъ Парижа и вѣрной, блестящей будущности, когда старый упрямый отецъ, робкая мать, страдавшая неизлечимой болѣзнью, не захотѣли отпустить его. Онъ вернулся въ отечество, гдѣ ему, конечно, не грозила больше тюрьма, благодаря амнистіи, но за то грозило средневѣковое цеховое иго, наказавшее молодого ученаго — дружбы котораго искали первѣйшіе парижскіе авторитеты,—всевозможными экзаменами, начиная съ гимназическаго, къ которому бывшему школяру пришлось готовиться сызнова, отъ перваго латинскаго склоненія до греческаго синтаксиса включительно. Онъ и это преодолѣлъ.

Она закрыла лицо обѣими руками; долго сдерживаемыя слезы хлынули ручьемъ...

— Да, онъ преодолѣлъ! Но это стоило мнѣ его любви, произнесла она, рыдая, и я по-дѣломъ наказана. Я не должна была принимать этой жертвы, не должна была осуждать его на эту барщину. Горе мнѣ,—я это сдѣлала! и жестоко наказана за это. Письмо не было бы никогда написано, еслибы не это!

— Но оно написано! вскричала она, вскакивая съ мѣста и отводя отъ лица бѣлокурые волосы, которые распустились и покрыли горячее, залитое слезами лицо,—и я еще медлю! какъ будто мало одного отвѣта! Нѣтъ, я не хочу даже его читать. Въ его строкахъ ничего не прочтешь; онѣ такъ вѣжливы, такъ гладки, такъ холодны... такъ холодны, потому что она такъ молода, такъ хороша, потому что онъ ее такъ горячо любитъ!

Трепетъ пробѣжалъ у нея по всему тѣлу. Въ печкѣ, къ которой она невольно обратила взоръ, еще тлѣли уголья отъ огня, разведеннаго ею давеча, чтобы согрѣть отцовскія дорожныя вещи, и вотъ вспыхнуло яркое пламя... Почти не сознавая, чтó она дѣлаетъ, она все выбросила, все, что было въ ящикѣ, на тлѣющіе уголья.

— Все кончено, проговорила она.

Она подошла къ конторкѣ отца, на которой привыкла всегда писать свои письма. Когда она вынимала изъ ящика листъ бумаги, ей бросилась въ глаза записка, которую отецъ ея навѣрное положилъ туда по ошибкѣ. Записка была писана его рукой и— она тотчасъ же это увидѣла—заключала списокъ различныхъ порученій, которыя ему слѣдовало выполнить. Такую памятную записку онъ имѣлъ обыкновеніе составлять передъ каждой своей поѣздкой. Старикъ будетъ очень жалѣть, что позабылъ свою записку, хотя очки и память еще хорошо служили ему. Быть можетъ ей удастся отправить эту записку съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ, тогда онъ рано получитъ ее. Однако, если онъ въ самомъ дѣлѣ позабылъ что-нибудь... «3 рубашки, 2 воротника» и т. д... это все съ нимъ;—2-е, «въ вагонѣ сѣсть спиной къ локомотиву»... Надѣюсь, что это ему удалось;—3-е, «остановиться у «Зеленой березы» и спросить № 12 (въ № 11 дымило въ послѣдній разъ, а дерево кровати сверлилъ древоточецъ); 4-е, немедленно повидаться съ нотаріусомъ Вейкертомъ (который меня ждетъ): a) переговорить о векселѣ по востребованію въ 4000 тал. и о томъ, не потребуется ли по закону согласіе Христ..? b) во всякомъ случаѣ немедленно забрать скупленные векселя, такъ какъ, 5-е, на слѣдующее утро наступитъ ultimo; 6-е, С. Ф. Ликъ и

Сыновья (послѣдній изюмъ на 5% порченный); 7-е, Вейсъ и ком. сапожной ваксы (больше глянца); 8-е, позавтракать (умѣренно); затѣмъ прямо, 9-е (пріемные часы 9—11), къ доктору и приставить пистолетъ къ груди: *aut? aut?* (*NB! NB!* не давать себя запугать!!) Въ случаѣ счастливаго исхода (на который едва смѣю надѣяться), 10-е, написать къ Христ... (*per express*); въ противномъ случаѣ, 11-е, прямо къ Гольдгеймеру съ векселемъ и раскрыть глаза на счетъ любезнаго зятюшки *in spe*»...

Эммерихъ сидѣлъ, запустивъ одну руку въ свои кудри за прилавкомъ и мрачно глядѣлъ на мальчика, приклеивавшаго ярлыки въ «Цельтингеру», который онъ только-что принесъ изъ погреба. Нервы Эммериха окончательно успокоились; но случай невозвратно миновалъ... Трагизмъ его существованія въ томъ самомъ и заключался, что его нервы и случай никогда не могли поладить другъ съ другомъ, никогда.

— Господинъ Эммерихъ!

Приказчикъ вскочилъ и увидѣлъ, что она стоитъ въ дверяхъ на верхней ступенькѣ и знáкомъ приглашаетъ его войти. Сердце его забило тревогу; неужели великая минута должна наступить уже сегодня вечеромъ, теперь, когда его нервы, послѣ страшнаго предшествовавшаго раздраженія, еще не вполнѣ окрѣпли?

— Господинъ Эммерихъ, сказала Христіана, я должна выѣхать въ Лейпцигъ съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ; отецъ забылъ одну бумагу, которая ему понадобится завтра рано поутру; да онъ и безъ того ожидаетъ меня къ полудню. Важныя письма, которыя бы пришли, оставляйте безъ отвѣта... я во всякомъ случаѣ вернусь завтра вечеромъ. Пусть Фридрихъ проводитъ меня на желѣзную дорогу. Поняли меня?

Выраженіе лица Эммериха дѣлало этотъ вопросъ необходимымъ. Понялъ-ли онъ ее? Эммерихъ спрашивалъ себя отъ этомъ безустанно, когда вернулся за прилавокъ, и принялся расхаживать до одурѣнія на маленькомъ пространствѣ, которое оставляли свободнымъ бутыли съ сиропомъ и ящики съ черносливомъ. Понялъ-ли онъ ее? Долженъ-ли онъ понимать ея слова буквально? долженъ-ли онъ перевести ихъ на языкъ любви, страсти и нервовъ? Чего добраго! Лейпцигъ совсѣмъ не Лейпцигъ, а какая-нибудь маленькая хижина, ожидающая счастливую влюбленную чету? И не называла-ли она Фридриха, который долженъ былъ проводить ее на желѣзную дорогу, вмѣсто Леопольда-Теодора Эммериха? Понялъ-ли онъ ее?!

Эммерихъ все еще продолжалъ вопрошать себя объ этомъ, когда одиннадцати-часовый поѣздъ давно уже несся, подъ покро-

вомъ бушующей ночи. Старая дама, которая ѣхала изъ Дрездена и до сихъ поръ сидѣла одна въ своемъ купѐ, очень обрадовалась, когда къ ней подсѣла попутчица. Она немедленно завела интимную бесѣду о путешествіяхъ вообще и о цѣли и смыслѣ своего путешествія въ частности. Но молодая особа, которая только-что сѣла въ вагонъ, отвѣтивъ скромнымъ, кроткимъ голосомъ на первые вопросы, завернулась въ пальто, надвинула капишонъ на глаза, и уснула.

Или по крайней мѣрѣ притворилась, что спитъ,—такъ подумала про себя старая дама, когда до тонкаго слуха ея долетѣло изъ-подъ капишона что-то весьма похожее на подавленное рыданіе. Старая дама сама не знала, отчего у нея не хватаетъ духа спросить, о чемъ горюетъ молодая особа; такимъ образомъ, въ купѐ снова воцарилась тишина, и поѣздъ несся все съ той же быстротой по широкой, озаренной луной, равнинѣ, подъ покровомъ бушующей ночи.

III.

Въ тотъ самый часъ, какъ Томасъ Кемпе выѣхалъ изъ дому, въ квартирѣ банкира Гольдгеймера въ Лейпцигѣ, двое слугъ дѣятельно разставляли на столахъ и на каминахъ зажженныя лампы и зажигали свѣчи въ канделябрахъ. Слуги исполняли свое дѣло методически-спокойно, переходя изъ одной комнаты въ другую и едва перекидываясь словечкомъ-другимъ. А фрейлейнъ Рикхенъ, экономка, которая прошла вслѣдъ за ними, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ, не находила для себя никакого дѣла; и хотя она подвинула одно кресло немного впередъ, а другое—назадъ, провела рукой по бархатной салфеткѣ, покрывавшей столъ, переложила диванную подушку съ одного мѣста на другое, но все это она дѣлала затѣмъ только,—какъ замѣтилъ Жакъ Францу,—чтобы «выставиться передъ барыней», которая только-что вышла изъ своей уборной въ красную гостинную и шла ей на встрѣчу по длинной анфиладѣ комнатъ.

— Готовы ли вы, Рикхенъ? спросила госпожа Гольдгеймеръ.

— Совсѣмъ готовы, сударыня. Позвольте, сударыня... одну минуту!

Рикхенъ стала позади своей барыни и принялась поправлять красную бархатную ленту, которая была надѣта на ея черныхъ волосахъ; Францъ подмигнулъ съ усмѣшкой Жаку въ то время, какъ они проходили мимо этой группы и толкнулъ его локтемъ.

— А что? развѣ Матильда опять наглупила?—спросила г-жа Гольдгеймеръ.

— Какъ водится, сударыня... Вотъ такъ!

— Скоро-ли будетъ готова Mélanie?

— Барышня сейчасъ будутъ готовы.

— Баринъ еще не вернулся?

— Карета въѣхала во дворъ нѣсколько минутъ тому назадъ; да, вотъ, она еще тамъ. Баринъ во всякомъ случаѣ въ своей конторѣ... Слышите?

Барыня приложила ухо къ отверстiю разговорной трубы, которая была проведена изъ конторы мужа въ ея будуаръ.

— Ты одна, Лучiя?—послышалось изъ трубы.

— Да, Гвидо! а что?

— Я желалъ бы поговорить съ тобой.

— Прошу васъ, любезная Рикхенъ, сходите, узнайте, готова-ли Mélanie.

Экономка немедленно исчезла.

— Что̀ понадобилось отъ меня мужу?—спросила себя г-жа Гольдгеймеръ, опускаясь въ одно изъ креселъ, стоявшихъ передъ каминомъ, и разсѣянно разсматривая свои маленькiя, бѣлыя ручки, усѣянныя кольцами;—онъ былъ сегодня за обѣдомъ очень не въ духѣ; эти мужчины такъ страшно капризны, а мы, бѣдныя женщины... Ахъ! вотъ и ты, милый Гвидо!

Черезъ дверцу, скрытую обоями, быстро прошмыгнула сухопарая фигура ея мужа и заняла мѣсто въ креслѣ рядомъ съ ней. Лицо его уже не глядѣло такъ сердито, какъ за обѣдомъ. Онъ повернулся къ ней, обогрѣвъ сначала руки надъ пылающимъ каминомъ.

— Ты опять выѣзжалъ?

— Страшно много дѣла; завтра—*ultimo*. Завтра утромъ открывается подписка на новый выпускъ акцiй Харьковско-Азовской, Юго-Восточной и полудюжины другихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя продаются у меня и у Зильбермана; само собою разумѣется, съ дурацкой премiей. Я необходимо долженъ былъ переговорить съ Зильберманами, а такъ какъ они-было отказались прiѣхать на сегодняшнiй вечеръ... но съ какимъ вкусомъ ты сегодня одѣта, изящно и просто... то я хотѣлъ повидаться съ самимъ Зильберманомъ, которому я сказалъ, что у насъ вовсе не балъ, а такъ-себѣ вечеръ за-просто... будетъ немножко музыки, да вотъ развѣ молодежь протанцуетъ польку, а затѣмъ и баста!

— Но они, конечно, прiѣдутъ?

— Я имъ сказалъ, что ты въ отчаяніи, что Mélanie въ отчаяніи...

— Чтó такое, Гвидо!..

Гольдгеймеръ быстро повернулъ голову по направленію къ сосѣдней комнатѣ; но то былъ слуга; Гольдгеймеръ придвинулъ кресло поближе къ женѣ и сказалъ тихимъ, выразительнымъ голосомъ:

— Да, въ отчаяніи, и ты сдѣлаешь мнѣ такое удовольствіе, скажешь что-нибудь въ этомъ родѣ Зильберманамъ, когда они пріѣдутъ, и ты—и Mélanie также.

— Но мы вовсе не въ отчаяніи! *au contraire!*

— Можетъ быть, но у меня есть свои причины...

— Само собой разумѣется! у васъ всегда отыщутся всякія причины,—отвѣчала жена, пожимая круглыми плечиками.

— Разумѣется, всегда! — возразилъ Гольдгеймеръ; — а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ! Но всего лучше то, что тебѣ такъ же хорошо извѣстны эти причины, какъ и мнѣ. Словомъ, дальше такъ идти не можетъ! Зильберманы потеряли всякое терпѣніе, и ихъ сегодняшній отказъ былъ, какъ я тотчасъ это сообразилъ, демонстраціей. Mélanie слишкомъ худо обращалась вчера съ Евгеніемъ; самъ-то онъ довольно терпѣливъ; но Зильберманъ объявилъ, что съ него довольно! Я узналъ это не отъ него... онъ былъ нѣмъ, какъ рыба; а также и не отъ Евгенія, который не показывался, но отъ нея самой. Я къ ней почти силой ворвался, потому что сначала она не хотѣла меня принять. Она умная и добрая женщина, съ которой легко столковаться, если только пожелаешь. Остается только захотѣть и быть доброй и умной—чтó для тебя не трудно—и завтра все будетъ покончено.

— Но Mélanie любитъ доктора,—отвѣчала госпожа Гольдгеймеръ, которая сидѣла въ креслѣ съ полузакрытыми глазами;—и онъ право такъ милъ, да и ты всячески отличаешь его, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тебя лечитъ, ты собственно сталъ совсѣмъ здоровъ; я могу сказать, впервые...

— За это онъ получилъ весьма приличный гонораръ, а всѣ твои дальнѣйшія размышленія просто на-просто фразы, которыхъ я не могу и не хочу больше слушать. Я не хочу, чтобы Mélanie сдѣлала себя несчастной на всю жизнь изъ-за романической любви, которая можетъ надоѣсть ей черезъ день. Я не хочу, чтобы этотъ бѣглый докторъ, сынъ голоднаго школьнаго учителя, который самъ былъ учителемъ и долженъ былъ бы голодать, еслибы его родственники, или какъ ихъ тамъ...

— Но откуда ты знаешь все это,—спросила Гольдгеймеръ, вставая съ нѣкоторой живостью.

— Отъ нашего стараго Крепельмана, которому не грѣхъ было бы сообщить мнѣ объ этомъ и раньше. Онъ случайно находился сегодня въ моемъ кабинетѣ, когда вошелъ докторъ Вильдъ. Я увидѣлъ съ перваго взгляда, что они другъ друга знаютъ; со второго, что встрѣча не особенно пріятна для обоихъ, хотя докторъ, въ виду полнѣйшей невозможности избѣжать встрѣчи, подалъ старику руку, и спросилъ его, какъ онъ поживаетъ.—Я давно уже знакомъ съ нимъ, замѣтилъ докторъ, когда старикъ ушелъ и тотчасъ же свернулъ разговоръ на другое. Но когда онъ ушелъ, я позвалъ старика и...

— Мнѣ очень любопытно узнать...

— Разумѣется, не больше, чѣмъ мнѣ; но есть-ли возможность вывѣдать что-либо отъ этого стараго молчальника! Я даже удивляюсь, что онъ и настолько-то проговорился. Онъ, конечно, знаетъ больше и не особенно лестное для доктора... И такого-то человѣка долженъ я взять себѣ въ зятья! Да еще, вдобавокъ, онъ будетъ презирать меня съ высоты своего христіанскаго величія за то, что я его озолочу... и неужели наша Mélanie должна креститься, съ тѣмъ, чтобы также презирать своего отца и свою мать?

Гольдгеймеръ вскочилъ съ мѣста и принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ маленькими, неслышными шажками. Его поблекшее, смуглое и безбородое лицо казалось еще темнѣе обыкновеннаго при тускломъ свѣтѣ лампы съ абажуромъ, а черные глаза сверкали, какъ молнія изъ-подъ густыхъ бровей. Его женѣ было не по-себѣ отъ взгляда этихъ сверкающихъ глазъ, такъ что она съ облегченіемъ вздохнула, когда рядомъ, въ залѣ, послышались шаги; но узнавъ твердые, хотя и быстрые шаги, она снова испуганно взглянула на мужа.

IV.

— Здравствуйте, любезный докторъ, сказалъ громко Гольдгеймеръ, идя на встрѣчу и съ большимъ радушіемъ протягивая руку высокому мужчинѣ, который показался въ дверяхъ;—вы меня просто пристыдили, какой вы прыткій! Вотъ вы уже въ полномъ парадѣ, а я все еще не успѣлъ сбросить рабочаго костюма.

— Я пришелъ рано, отвѣчалъ докторъ Вильдъ, наклоняя свою высокую фигуру, чтобы поцѣловать руку, которую, улыбаясь, протягивала ему жена Гольдгеймера, сидя въ креслахъ; —слишкомъ рано, но я хотѣлъ сдержать слово, которое далъ нѣсколько легкомысленно нашимъ дамамъ, и переговорить о небольшомъ представленіи, которое мы затѣяли на сегодняшній вечеръ....

— Превосходно! закричалъ Гольдгеймеръ, потирая руки; я только-что объ этомъ думалъ.... но у васъ ужъ вѣрно все готово, колдунъ вы этакій! Практика, лекціи, сочиненіе ученыхъ книгъ, писаніе салонныхъ пьесъ.... настоящій графъ Сенъ-Жерменъ, который выѣхалъ на почтовыхъ въ одинъ и тотъ же моментъ изъ четырехъ городскихъ заставъ! Ну, я не стану мѣшать; да кромѣ того, мнѣ еще нужно облечься во фракъ. *Au revoir, au revoir!*

И Гольдгеймеръ, улыбаясь и махая рукой, изчезъ въ дверь, которая вела въ спальню и гардеробную обоихъ супруговъ.

— Ну, скорѣй, скорѣй, покажите, что вы принесли? что у васъ готово, нашъ милый другъ, сказала Гольдгеймеръ.—Навѣрное, что-нибудь очень хорошенькое, что-нибудь остроумное! Да развѣ можетъ быть иначе, если вы что-нибудь затѣете.

— Гдѣ m-lle Mélanie? спросилъ Вильдъ, оставаясь стоять возлѣ камина, и, облокотясь рукой на его доску, онъ глядѣлъ по направленію къ залѣ—я желалъ бы....

Его большіе, строгіе, голубые глаза засвѣтились, когда онъ заслышалъ шелестъ женскаго платья, но онъ не перемѣнилъ своей позы, пока стройная воздушная дѣвушка не подошла близко къ нему и не протянула ему обѣ руки.

— Здравствуйте! отчего вы такъ пристально на меня смотрите, развѣ я вамъ не нравлюсь?

Онъ не выпускалъ ея маленькихъ ручекъ; его сіяющіе, голубые глаза покоились на ней съ нѣжностью и оглядывали ее съ ногъ до головы. Въ блестящихъ сѣрыхъ глазахъ засвѣтилась благодарность; затѣмъ длинныя, темныя рѣсницы опустились и очаровательная кокетливая улыбка заиграла вокругъ прелестнаго маленькаго ротика.

— Однако.... я чуть-было не сказала: дѣти! вскричала г-жа Гольдгеймеръ.

— Но, вѣдь, вы такъ и сказали, возразилъ Вильдъ, выпуская руки дочки и съ живостью поворачиваясь къ матушкѣ.

— Ну, да вѣдь и нельзя же васъ не назвать дѣтьми, промолвила г-жа Гольдгеймеръ уклончиво; вы тратите драгоцѣнное

время на комплименты, а намъ нельзя терять ни одной минуты, если мы только хотимъ прослушать то, что нашъ другъ измыслилъ на сегодняшній вечеръ. Онъ былъ вчера такимъ таинственнымъ; я убѣждена, онъ приготовилъ нѣчто весьма оригинальное.

— И вы не ошибаетесь, отвѣчалъ докторъ, пододвигая дочери стулъ и усаживаясь самъ;—это импровизація, о которой—да и можетъ ли быть иначе, скажете вы, m-lle Mélanie,—я не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія, божусь вамъ, всего какой-нибудь часъ тому назадъ: это длинный рядъ живыхъ картинъ, текстъ для которыхъ продиктованъ мною, въ то время, какъ я одѣвался, моему писцу, который случайно зашелъ ко мнѣ. Само собой разумѣется, что это ни больше ни меньше, какъ самые злополучные вирши, въ родѣ слѣдующихъ...

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько листковъ бумаги и началъ читать:

Безъ подготовки, и какъ есть,
Представиться имѣю честь!

— И такъ далѣе и такъ далѣе. Интродукція, прелюдія; дальше идетъ уже тема:

Мудрецъ какой-то, иль зоилъ,
Давно съ вояжемъ путь сравнилъ.
Какъ превосходно сравнено!
Какъ все подмѣчено умно!
И жить и ѣздить, напримѣръ,
Вдвоемъ удобнѣй не въ примѣръ:
И для вояжа, и чтобъ жить,
Всѣмъ нужно золота добыть.
Острякъ къ тому бы могъ сказать—
Вѣдь эта тема—благодать—
Кто не ломается, ну тотъ
Себѣ пресчастливо живетъ;
А кто помажетъ колесо,
Тотъ и катится хорошо.
Посмотримъ же, messieurs, mesdames,
Какъ нашей жизни макадамъ
Усѣянъ лѣтомъ и зимой
Различныхъ путниковъ толпой;
Несется все, и старъ, и младъ,
И бѣденъ кто, и кто богатъ....

— Прелестно, прелестно! воскликнула дочь, хлопая въ ладоши. Я уже вижу, къ чему все это клонится! Сначала мы увидимъ дѣтскую колясочку. Не такъ-ли?

— Точно такъ, отвѣчалъ докторъ Вильдъ съ улыбкою, которая удивительно какъ скрашивала его строгое лицо.

Въ такихъ же стихахъ докторъ дѣйствительно изобразилъ далѣе, какъ въ началѣ жизненнаго пути катится плетеная колясочка, а въ ней дитя съ розовыми щечками. Оно нетвердо на ногахъ, но за то шибко бѣгаетъ. Здоровый мальчуганъ цѣлой головой переросъ дѣвочку: она отлично понимаетъ это и крѣпко уцѣпилась ручонками за молодца, будущаго королевскаго вѣрнаго мушкетера. Прохожіе любуются ими. Это—картина безмятежнаго покоя, поэзія человѣческой весны, лучше которой не съумѣетъ придумать ничего самъ Оскаръ Плеттъ, знаменитый издатель иллюстрированныхъ дѣтскихъ книгъ.

— Восхитительно, восхитительно! перебила снова Mélanie, не сводя сверкающихъ глазъ съ чтеца.—Дальше, пожалуйста, дальше! Это дѣти двухъ сосѣдей, не правда-ли? и онъ любитъ ее?

— Онъ любитъ ее! воскликнулъ докторъ Вильдъ, улыбаясь;— развѣ онъ можетъ не любить ее?!

Слѣдовала другая картина. Годы дѣтства проносятся быстро; младенецъ превратился въ ребенка, незнающаго страха, особенно если дочь сосѣда, Катя, милостиво согласится покататься на его санкахъ...

— Итакъ, далѣе, mesdames, произнесъ докторъ:—затѣмъ у насъ явится телѣга, на которую забралась молодежь, возвращаясь съ пикника, разстроеннаго дождемъ; а тамъ свадебная карета, и наконецъ, естественно....

Докторъ опять взялся за стихи, изображавшіе, какъ на разукрашенной палубѣ парохода тѣ же дѣйствующія лица плывутъ въ солнечный день внизъ по старому Рейну; и весело улыбаются молодой женщинѣ горы и зáмки, лѣса и долины; и видитъ онъ, какъ горы и зáмки, лѣса и долины отражаются въ глазахъ молодой женщины.

— Вольный переводъ Гейне, mesdames,—комментировалъ докторъ; но не забудьте—это импровизація. Дальше будетъ внутренность вагона желѣзной дороги, гдѣ сидитъ семейство, ѣдущее въ Ишль или Баденъ-Баденъ. Затѣмъ открытое ландо на Корсо; на задней скамейкѣ сидятъ родители, а напротивъ ихъ дочери; рядомъ галопируютъ конюхи на гордыхъ коняхъ; въ заключеніе же мы представимъ прогулку, подобную той, которую мы видѣли въ первой картинѣ, но только теперь не героиня катается, а слуга везетъ героя въ изящномъ креслѣ на колесахъ; рядомъ съ нимъ пожилая дама; оба они толкуютъ о юныхъ годахъ и о томъ, неужели инвалидъ, который такъ неутомимо за копѣйку вертитъ шарманку,—неужели это тотъ самый инвалидъ, который нѣкогда на этомъ самомъ мѣстѣ поцѣловалъ дѣвушку. При

этомъ пожилая дама наклонилась и поцѣловала старика отъ души:

Страсти умчатся, любовь остается при насъ—
Этой сентенціей мы заключаемъ нашъ сказъ.

Докторъ свернулъ листокъ.

— Боже мой, какъ это будетъ мило, проговорила m-me Гольдгеймеръ. Вы меня простро растрогали; дайте мнѣ вашу руку, удивительный вы человѣкъ! Но какимъ образомъ думаете вы изобразить все это въ лицахъ? я не могу себѣ этого представить; тутъ потребуется столько аксессуаровъ.

— Вовсе никакихъ, возразилъ Вильдъ, почтительно прижимая къ губамъ протянутую ему руку; — вовсе никакихъ! Весь юморъ этой вещицы будетъ заключаться именно въ томъ, что все вышеописанное будетъ совершаться на глазахъ у нашей публики. Мы недавно снискали себѣ великую славу своими живыми картинами; наша Лорелей, наша Леонора и проч... все это было вполнѣ великолѣпно; но за то какія издержки, сколько приготовленій! говорили злые языки. Этого они не скажутъ на этотъ разъ. Мы покажемъ имъ, что наше богатство состоитъ не въ однихъ богатыхъ костюмахъ. Не такъ-ли, m-lle Mélanie?

Дѣвушка подняла длинныя рѣсницы.

— Наше богатство! повторила она. Что можемъ мы сдѣлать, какъ не съ благодарностью подбирать тѣ крошки, которыя падаютъ съ вашего стола? и которыя вы легкой, щедрой рукой сметаете съ него!

— Это отзывается упрекомъ, m-lle Mélanie.

— Дѣти... теперь я право не могу звать васъ иначе... вставила г-жа Гольдгеймеръ; подумайте однако, что импровизація импровизаціей, а все-таки слѣдуетъ непремѣнно многое обдумать заранѣе. Кого выберемъ мы въ дѣйствующія лица?

— Для второстепенныхъ лицъ кое-кого изъ нашей молодежи. Затѣмъ поднимемъ занавѣсъ—это будетъ идти очень живо. Прологъ въ стихахъ, а также и тѣ стихи, которые сопровождаетъ текстъ, нашъ театральный другъ превосходно прочтётъ — онъ сегодня играетъ только въ одной первой пьесѣ. Что же касается героевъ, которые натурально должны оставаться все одни и тѣ же при всѣхъ метаморфозахъ, то я полагаю, что m-lle Mélanie, если я усердно попрошу ее...

— Я, конечно, постараюсь выполнить мою роль, какъ только съумѣю.

— Когда такъ, то день... я хотѣлъ сказать вечеръ — нашъ; потому что, какъ замѣтилъ Гёте, «легко слѣдовать за колесницей,

которою управляетъ сама фортуна»,и теперь я не сомнѣваюсь, что подпоручикъ Гербертъ съумѣетъ добиться, хотя бы только *succès d'estime*.

— Онъ такой ничтожный, замѣтила дѣвушка.

— Но представительный, ловкій, и пудра отлично пристанетъ къ его чернымъ, курчавымъ волосамъ.

— А вы... вы сами.

— Я? m-lle Mélanie! Боже мой! я буду вездѣ понемножку: на сценѣ, передъ сценой, за роялемъ, когда придется наполнить чѣмъ-нибудь антрактъ, котораго, надѣюсь, не будетъ; enfin, какъ домовой, постараюсь быть полезнымъ по возможности... это роль скромная, но кто-нибудь долженъ же взять ее на себя.

Mélanie отвѣчала разсѣянной улыбкой; она думала о своей собственной ролѣ, о томъ: можно-ли изъ нея что-нибудь сдѣлать. Самымъ блестящимъ мѣстомъ будетъ конечно картина на палубѣ рейнскаго парохода: молодая женщина подъ руку съ молодымъ мужемъ—она не разъ воображала себя въ такой картинѣ... въ сѣромъ дорожномъ платьѣ... платье должно быть нѣсколько свѣтлѣе ея глазъ... сѣрая соломенная шляпа съ сѣрымъ вуалемъ... и все такихъ оттѣнковъ, чтобы глаза ея оставались самыми темными... Молодой мужъ рисовался ей не такъ отчетливо; онъ имѣлъ черты то того, то другого изъ ея поклонниковъ, и такъ было и въ настоящую минуту. То былъ и не милый, но живой подпоручикъ Гербертъ, то былъ и не тотъ стройный мужчина, который стоялъ теперь облокотясь на каминъ. За то на одну минуту образъ мужа мелькнулъ такъ ясно, что она даже испугалась; ей предстала маленькая, черномазенькая фигурка Евгенія Зильбермана, въ перчаткахъ ея любимаго цвѣта, которыя онъ носилъ, чтобы доказать ей свою любовь, и съ вѣчнымъ pince-nez, блестящія стекла котораго бывали постоянно обращены на нее.

— Вы что-то задумались, m-lle Mélanie? Можетъ быть вамъ не нравится моя идея, скажите прямо. Для меня она не представляетъ ровно никакой цѣны, если прелестнѣйшая изъ нашихъ фей не особенно рада привести ее въ исполненіе.

— Ахъ, любезный докторъ, какъ можете вы быть такъ злы! я увѣрена, что не только я... что всѣ мы будемъ очень веселиться, не правда ли, мамá?

— О, разумѣется, разумѣется! отвѣчала г-жа Гольдгеймеръ, которая не спускала въ послѣднюю минуту глазъ съ хорошенькаго лица дочери.

— Разумѣется! безъ всякаго сомнѣнія; но—могу ли я говорить вполнѣ откровенно? Гербертъ—онъ, конечно, милый, без-

обидный человѣкъ, но господа офицеры... объ этомъ будутъ говорить вездѣ, въ клубахъ, на парадѣ, въ обществѣ...

— О чемъ это будутъ говорить, осмѣлюсь спросить? произнесъ Гольдгеймеръ, выходя съ самой невиннѣйшей физіономіей изъ-за двери, за которою онъ слышалъ послѣдній разговоръ отъ слова до слова.

— *We want a hero*, возразилъ докторъ, смѣясь; но только герой отнюдь не долженъ быть героемъ...

— Для прелестной маленькой пьески, которую сочинилъ нашъ другъ, добавила г-жа Гольдгеймеръ.

— Понимаю, замѣтилъ банкиръ, понимаю! Если такъ, то возьмите Евгенія Зильбермана—его никто еще отродясь не принималъ за героя.

Быстрый, какъ молнія, взглядъ выразительныхъ глазъ Вильда перелетѣлъ отъ дочери къ матери, и отъ матери къ дочери. Обѣ опустили рѣсницы; щеки матери покрылись густымъ румянцемъ; нѣжное личико дочери какъ будто слегка поблѣднѣло.

— За исключеніемъ, быть можетъ, его самого, проговорилъ Вильдъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшки, не спуская глазъ съ дочери банкира.

— Разумѣется, кромѣ его самого, возразилъ Гольдгеймеръ, переставивъ вазу на каминѣ съ одного мѣста на другое; кто въ дѣйствительности никогда не бывалъ героемъ, тотъ долженъ же хотя воображать себя такимъ. Это выведетъ насъ всѣхъ изъ затрудненія... а меня изъ двойного. Дѣло въ томъ,—я не стану скрывать этого отъ нашего друга, — я обязанъ оказать въ нѣкоторомъ родѣ удовлетвореніе—если можно такъ выразиться — Зильберману, по случаю одного маленькаго, дѣлового недоразумѣнія, вина котораго падаетъ не совсѣмъ на него. А для Зильбермановъ—мужа и жены—такое удовлетвореніе было бы пріятно. Хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе...

Въ залѣ рядомъ зашуршали дамскія платья и заскрипѣли мужскіе сапоги. Черезъ минуту маленькій салонъ наполнился посѣтителями, еще минута—и гости толпились въ залѣ, а черезъ десять—вся анфилада пріемныхъ комнатъ была биткомъ набита нарядной толпой.

V.

Разговоры были особенно оживлены сегодня вечеромъ. Завтрашнее *ultimo* обѣщало быть весьма интереснымъ, и изъ Берлина прибыли извѣстія, которыя, если бы они подтвердились, могли имѣть невообразимыя послѣдствія. Мимо солидныхъ финансистовъ, важныхъ чиновниковъ и высшаго ранга офицеровъ, толковавшихъ о матеріяхъ важныхъ, сновала веселая молодежь. Очевидно, что происходило нѣчто такое, что должно было оставаться секретомъ, хотя всѣ были посвящены въ этотъ секретъ, и даже многіе изъ пожилыхъ дамъ и кавалеровъ поочередно скрывались за зеленой портьерой, прикрывавшей широкія двери, которыя вели въ корридоръ. Между тѣмъ терпѣніе остальныхъ гостей, непосвященныхъ въ тайну и перебравшихся, почти случайно, изъ остальныхъ комнатъ въ желтую залу, подвергалось не особенно жестокому наказанію. Не прошло и десяти минутъ, какъ прологъ былъ уже прочитанъ однимъ любимымъ комикомъ, пріятелемъ дома, которому охотно повѣрили, что онъ — «безъ подготовки», когда онъ съ патетическимъ жестомъ указалъ на свой фракъ и разомъ на лавровый вѣнокъ изъ зеленой бумаги, которымъ украсили его лысину.

Общество не успѣвало приходить въ себя отъ смѣха, вызываемаго этимъ забавникомъ; можно сказать даже, что оно какъ будто принимало участіе въ представленіи, такъ какъ дѣйствующія лица предоставили широкое поле для фантазіи зрителей. Стулъ изображалъ дѣтскую колясочку, а минуту спустя лошадь; два ряда стульевъ, разставленныхъ въ такомъ порядкѣ, что ихъ можно было принять за экипажъ, запряженный лошадьми, переставанавливались минуту спустя такъ, чтобы изображать собой вагонъ желѣзной дороги. Скомканные листы бѣлой бумаги шли за комки снѣга. Свертки изображали спеленованныхъ младенцевъ, труба отъ самовара, занесенная, должно быть, прямо изъ кухни, представляла собой трубу парохода. Нѣкоторыя изъ картинъ вызывали такой дружный хохотъ, что комику приходилось прерывать свое чтеніе. И совсѣмъ тѣмъ, когда зеленая занавѣсъ взвилась въ послѣдній разъ — надъ четой, судьбу которой зрители прослѣдили съ перваго утренняго восхода до послѣдняго вечерняго заката, — то въ шумной залѣ внезапно воцарилась тишина, мертвая тишина, послѣ чего шумные аплодисменты и громкія похвалы привѣтствовали дѣйствующихъ лицъ, которыя теперь смѣшались съ остальнымъ обществомъ. Они всѣ выполнили свою

роль превосходно; но пальма первенства, разумѣется, принадлежала дочери хозяина. Какимъ прелестнымъ *baby* была она! какимъ привлекательнымъ подросткомъ съ великолѣпными, длинными, темными локонами! Какой красавицей казалась она въ миртовомъ вѣнкѣ и подвѣнечномъ вуалѣ! а въ костюмѣ новобрачной... она была просто восхитительна!

— Между нами будь сказано, еслибы обратить сцену въ дѣйствительность... онъ-то довольно ничтоженъ рядомъ съ ней, этотъ добрый Евгеній!—Онъ будетъ мужемъ своей жены!—Какъ?—Онъ кажется очень сильно влюбленъ; но при существующихъ обстоятельствахъ... совсѣмъ безнадежно!—Вы полагаете, что докторъ?—Ну да, разумѣется!

Такіе толки слышались между посѣтителями, и, конечно, самый поверхностный наблюдатель вскорѣ открылъ бы, что между стройнымъ докторомъ и хорошенькой дѣвушкой существуетъ великая симпатія. Въ то время, какъ общество осыпáло его комплиментами, какъ автора и распорядителя, онъ приписывалъ всю честь героинѣ, которая, въ свою очередь, увѣряла, что вся заслуга на сторонѣ доктора Вильда, что вся честь и слава принадлежитъ ему... Въ эту минуту, когда общество тѣснилось вокругъ нихъ, они дѣйствительно были похожи на жениха съ невѣстой, о помолвкѣ которыхъ только-что возвѣстили гостямъ, и вотъ—они принимаютъ поздравленія.

Это самое говорилъ маленькій, черномазый господинъ, который стоялъ поодаль отъ другихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, въ дверяхъ красной залы; и потомъ прибавилъ тономъ горькой ироніи:

— Вообще, я благодаренъ вамъ за то, что вы пригласили насъ лично присутствовать при этомъ маленькомъ семейномъ торжествѣ.

— Вы несправедливы ко мнѣ, любезный Зильберманъ, отвѣчалъ поспѣшно Гольдгеймеръ; — чтó могъ я, чтó могли мы еще сдѣлать какъ не передать главную роль Евгенію!

— Главную роль! хороша главная роль!—возразилъ другой. —Кто теперь красуется рядомъ съ вашей дочерью? кто теперь разговариваетъ съ вашей дочерью? Когда будетъ помолвка? Вы скомпрометтируете дѣвушку, если это еще продолжится.

Зильберманъ хотѣлъ отойти; Гольдгеймеръ, поблѣднѣвшій при его послѣднихъ словахъ, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Неужели вы собираетесь уѣзжать?

— Разумѣется, что мнѣ тутъ дѣлать!

— Любезный Зильберманъ, повѣрьте, что я въ самомъ непріятномъ положеніи.

— Я это знаю. Вамъ приходится уплатить завтра крупную сумму.

— Не то. Я уже позаботился объ этомъ; да, наконецъ, въ худшемъ случаѣ, вы...

— Увѣрены-ли вы въ этомъ?

Черные глаза его собесѣдника засверкали; Зильберманъ коснулся того самаго пункта, который его особенно интересовалъ.

— Вы мнѣ обѣщали, любезный Зильберманъ!

— Вы тоже мнѣ многое обѣщали, любезный Гольдгеймеръ!

— Я сдержу свое обѣщаніе.

— Когда?—Срокъ моему обѣщанію наступаетъ завтра утромъ; ваше же опять отложится въ долгій ящикъ. Хотите устроить дѣло такимъ образомъ: я дамъ вамъ завтра утромъ сто тысячъ, или сколько тамъ вамъ понадобится, а вы объявите вашу дочь невѣстой моего сына. Вотъ мой ультиматумъ, а теперь...

— Вы не уѣдете.

— Вы хотите сказать...

— Я согласенъ.

Оба банкира подали другъ другу руки. Гольдгеймеръ долго продержалъ въ своей рукѣ руку собрата. Многіе пожилые господа и дамы повернулись теперь въ ихъ сторону: Гольдгеймеръ желалъ, чтобы его видѣли рука объ руку съ Зильберманомъ.

— Что такое сейчасъ между вами происходило? — спросила г-жа Гольдгеймеръ на ухо у мужа, когда нѣсколько минутъ спустя общество шло ужинать.

— Я послѣ скажу тебѣ. Теперь же сдѣлай такъ, чтобы Mélanie сѣла за одинъ столъ съ Евгеніемъ! Умоляю тебя!

Ужинъ, сервированный на маленькихъ столикахъ, за которыми могло сѣсть человѣкъ шесть-семь и за которымъ шампанское лилось рѣкой, былъ чрезвычайно оживленъ. Онъ прошелъ бы спокойно, даже для самого Гольдгеймера, который видѣлъ, что его дочь сидѣла съ Евгеніемъ за однимъ столомъ, а докторъ Вильдъ съ какой-то модной красавицей за другимъ, еслибы не безтактность одного изъ гостей,—а отъ безтактности, какъ сказалъ Гольдгеймеръ своей сосѣдкѣ, г-жѣ Зильберманъ,—никогда нельзя считать себя обезпеченнымъ, даже въ самомъ хорошемъ обществѣ.

Какой-то молодой, но уже женатый банкиръ, видѣвшій въ своемъ громадномъ богатствѣ дипломъ на упражненіе, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, природнаго дара слова, нашелъ нужнымъ высказать благодарность, испытываемую обществомъ, къ тѣмъ, которые доставили ему такое высокое и чистое наслажденіе. И въ то время, какъ онъ прославлялъ заслуги док-

тора Вильда и героини въ этотъ славный вечеръ, и переплеталъ ихъ имена въ пестрыхъ, фантастическихъ аллегоріяхъ, а все общество, поднявшись съ своихъ мѣстъ и чокаясь бокалами, провозглашало здоровье «талантливаго импрессаріо и его прекрасной примадонны», которымъ теперь ничего больше не оставалось, какъ тоже чокнуться бокалами—глаза доктора, сверкая, остановились на раскраснѣвшей дѣвушкѣ, и затѣмъ съ торжествомъ обошли всѣхъ присутствующихъ, которыхъ стройная фигура его превышала цѣлой головой.

Но иное выраженіе можно было прочитать на лицѣ доктора когда, полчаса спустя, онъ стоялъ въ библіотекѣ, опершись локтемъ на доску камина и опустивъ глаза въ полъ. Онъ былъ одинъ въ высокомъ, слабо освѣщенномъ покоѣ; все общество ринулось въ бѣлую залу, гдѣ кружились пáры, уносимыя вихремъ польки, которую исполнялъ на фортепіано, какъ умѣлъ, одинъ изъ виртуозовъ общества. Звуки долетали и до библіотеки, но сдавленные и заглушенные, какъ-бы маня доктора, уединившагося отъ остального общества подъ вліяніемъ какой-то безотчетной грусти, охватившей его среди пиршества, среди тріумфа. Имъ овладѣло такое ощущеніе, какое ему случалось до сихъ поръ испытывать лишь при пробужденіи отъ глубокаго сна: ему представилось, что все, что творится вокругъ него, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ нему, что вся эта пестрая картина, развертывающаяся передъ его глазами, не взирая на свой блескъ и сверкающее великолѣпіе, есть не что иное, какъ тѣнь, миражъ, которая должна разсѣяться и исчезнуть черезъ минуту.

Онъ бросился въ кресло, передъ каминомъ, въ которомъ тлѣли еще уголья подъ густымъ слоемъ золы. Такое ощущеніе было, конечно, результатомъ мимолетнаго физическаго состоянія: острая анемія большого мозга, ослабленіе энергіи въ *nervus sympathicus*, или нѣчто въ этомъ родѣ; но подобныя вещи не должны случаться, когда человѣкъ находится почти у цѣли, давно желанной, окруженной всякими препятствіями, дорогой цѣли! Неужели чрезмѣрное напряженіе поглотило всѣ силы? Развѣ цѣль не оправдывала чрезмѣрнаго напряженія, беззавѣтнаго развитія силъ? Развѣ то не было вершиной Альпъ, свѣтлой какъ ѳеиръ, на которой онъ стоялъ такъ часто, охватываемый одиночествомъ и въ то же самое время не чувствуя себя одинокимъ—ея образъ прокрадывался къ нему повсюду, черезъ ущелья, пропасти, каменные утесы. Всюду, даже сюда!

Онъ обвелъ глазами покой, убранный съ рѣдкимъ вкусомъ... богатыя рѣзныя дубовыя полки, уставленныя книгами въ велико-

лѣпныхъ переплетахъ, столы, покрытые глобусами, изъ которыхъ каждый былъ въ своемъ родѣ произведеніе искусства. Наконецъ, глаза его остановились на прекрасной головѣ Минервы, улыбавшейся ему изъ своей ниши. Горькая усмѣшка искривила его ротъ. «Паллада, Аѳина! прошепталъ онъ, не твое ли дуновеніе слышу я въ своихъ волосахъ? Развѣ ты не знаешь, что твои герои никогда не слушаются твоихъ предостереженій? и воля Зевса всегда совершается!»...

— Mélanie!

Она показалась изъ-за складокъ наполовину задернутой гобеленовой занавѣси, отдѣлявшей библіотеку отъ небольшого коридора, колебалась съ минуту и затѣмъ бросилась къ нему; онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу. Стройная, очаровательная фигура впервые очутилась въ его объятіяхъ, впервые почувствовалъ онъ прикосновеніе нѣжныхъ, свѣжихъ, какъ роса, губокъ. И все это на одинъ мигъ, пролетѣвшій, какъ молнія, сверкнувшая пламенемъ, и блаженный, какъ райская вѣчность. Блескъ нѣжныхъ очей, едва слышный шопотъ розовыхъ устъ, произнесшихъ его имя, пожатіе маленькой, бѣлой ручки, шелестъ платья... все это исчезло, и вотъ онъ снова стоитъ одинъ, облокотясь на каминъ. Сердце его стучало, онъ провелъ рукой по лбу, по вискамъ, въ которыхъ бились жилы, точно хотѣли лопнуть, и протянувъ сильныя руки, произнесъ: «Моя, моя! слышишь ли ты, Паллада, моя! по волѣ Зевса, который гораздо могущественнѣе тебя! А надъ нимъ опять тяготѣетъ судьба, которой онъ долженъ покориться... какъ и всѣ мы... какъ и ты... какъ я и она... Судьба! вотъ кто соединяетъ меня съ нею... а теперь: будь, что будетъ!»

Послышались чьи-то быстрые шаги. Не отецъ ли это, который быть можетъ видѣлъ, какъ его дочь прокралась въ библіотеку? Если бы то былъ онъ! все рѣшилось бы разомъ.

То былъ не Гольдгеймеръ, а слуга, искавшій доктора. За докторомъ прислали; вотъ визитная карточка.

Слуга съ почтительной миной и уваженіемъ поднесъ серебряный подносъ, на которомъ лежала карточка.

— Что прикажете передать, господинъ докторъ?

— Я сейчасъ буду!

Жакъ поклонился и вышелъ. Онъ исполнилъ свое порученіе не спѣша; но Вильдъ зналъ, что случай спѣшный, да и не въ его принципахъ было не слѣдовать по первому призыву туда, гдѣ нуждались въ его помощи.

— Вы уѣзжаете,—сказалъ ему встрѣтившійся Гольдгеймеръ.

— Я долженъ ѣхать... баронесса Гальденъ...

— Счастливецъ! вы скоро завладѣете всей нашей аристократіей! И назадъ не пріѣдете? Но мои дамы будутъ неутѣшны, совсѣмъ неутѣшны! Итакъ, до свиданія, любезный докторъ, до свиданія!

Гольдгеймеръ очень спѣшилъ, но слова его звучали крайне ласково; Вильдъ задержалъ въ своихъ рукахъ руку, которую тотъ хотѣлъ отнять.

— Извините! можете ли вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ завтра утромъ... скажемъ, въ 12 часовъ!

— Но, любезный докторъ, развѣ я когда-нибудь не былъ дома для васъ... правда, что завтра *ultimo*, и я буду страшно занятъ... однако...

— Такъ я пріѣду—отвѣчалъ Вильдъ.

Онъ не замѣтилъ, что лицо Гольдгеймера приняло при этомъ особенное, полу-смущенное, полу-мрачное выраженіе. Глаза доктора были устремлены на дочь, которая въ настоящую минуту исполняла въ кадрили съ своимъ танцоромъ *balancez aux places.* Кавалеръ ея, повидимому, сбился; она грозила ему пальчикомъ, лукаво улыбаясь. Въ эту минуту кавалеръ обернулся; то былъ Евгеній Зильберманъ. Она не замѣтила прихода Вильда; она не глядѣла на него и въ настоящую минуту, хотя онъ стоялъ какъ разъ напротивъ, и всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, у самой двери. Онъ медлилъ уходить; и вотъ она очутилась, во время фигуры *en avant deux*, какъ разъ рядомъ съ нимъ; и все-таки не видѣла его.

Но тѣмъ явственнѣе видѣлъ онъ ея смѣющееся, раскраснѣвшееся отъ танцевъ, прелестное личико, ея темно-сѣрые глаза, которые лукаво слѣдили изъ-подъ длинныхъ, шелковыхъ рѣсницъ за выраженіемъ восторга, написанномъ на лицѣ у ея кавалера.

Такой представлялась она ему и тогда, когда онъ шелъ отъ ложа больной къ себѣ черезъ старый, угрюмый городъ. Луна, взошедшая-было не задолго до полуночи, уже снова пряталась за высокія, темныя крыши. Свѣжій вѣтерокъ дулъ вдоль пустыхъ улицъ, въ которыхъ громко отдавались его шаги. Онъ шелъ, погруженный въ свои мысли, и чуть-было не столкнулся съ небольшимъ человѣчкомъ, который бѣжалъ ему на встрѣчу, обѣими руками придерживая свою фуражку, не взирая на то, что онъ уже повязалъ поверхъ нея шарфъ, прикрывавшій наполовину его лицо.

— Извините, почтеннѣйшій!—вскричалъ человѣчекъ, и черезъ секунду скрылся за угломъ.

Вильдъ остановился въ недоумѣніи. Худенькая фигурка, тороп-

ливые, безпокойные шажки, слезливый голосокъ, раздавшійся изъ-подъ шарфа и даже самъ этотъ толстый шарфъ... Что понадобилось здѣсь этому старикашкѣ... и какъ разъ теперь! А если то былъ не онъ, то почему именно теперь... И воскресли въ его памяти образы былыхъ дней, тѣхъ дней, о которыхъ онъ не хотѣлъ вспоминать, которые должны были быть изглажены изъ его памяти, если только онъ хотѣлъ съ твердостью встрѣтить завтрашній день, съ той твердостью, съ какой онъ только-что глядѣлъ въ глаза смерти, у которой онъ вырвалъ жертву изъ когтей.

Высоко надъ нимъ прозвучали среди завываній вѣтра звуки церковнаго колокола: разъ! два!

— Что я толкую про завтра! завтра уже наступило! и слава Богу! Ожидающій меня приговоръ раздражаетъ мои нервы. Но если бы судьба и рѣшила противъ меня, то я раздѣляю мнѣніе того храбраго кондотьера, который предпочиталъ конецъ съ ужасами, чѣмъ ужасы безъ конца.

VI.

Хлопотливое утро выдалось для Конрада Вильда. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безпокойнаго, прерываемаго страшными грёзами сна, въ 5 часовъ утра, долженъ былъ онъ снова отправиться къ роженицѣ. Тамъ снова пришлось ему напрягать всѣ свои умственныя и физическія силы, пока наконецъ и тутъ онъ не остался побѣдителемъ, и могъ сказать молодому супругу, что теперь — насколько человѣку дано предсказывать — онъ можетъ ручаться за жизнь матери и ребенка.

Конрадъ, вернувшись домой, не легъ спать, а прямо сѣлъ за письменный столъ, спѣша докончить статью, которую онъ обѣщалъ доставить въ одинъ ученый журналъ сегодня къ полудню. Онъ зналъ, что рукопись не опоздаетъ, если онъ пошлетъ ее въ редакцію сутками позже, но онъ привыкъ пунктуально выполнять свои обязательства, а потому продолжалъ работать, хотя это было ему тяжело. Наконецъ, онъ выпустилъ перо изъ рукъ и принялъ сильную дозу лекарства изъ своей домашней аптечки, которое должно было успокоить его возбужденные нервы.

Онъ потушилъ лампу и, стоя у окна, горячими, утомленными глазами, созерцалъ картину сѣренькаго утра. Ночная буря угомонилась, хотя вѣтеръ съ ропотомъ продолжалъ гнать передъ собой мутныя, сѣрыя тучи... на сѣверъ, въ страну тумановъ, въ страну смерти! Какъ говоритъ Спиноза? сильный человѣкъ всего

менѣе думаетъ о смерти!... Значитъ, я сегодня слабый, очень слабый человѣкъ! Сегодня? развѣ я уже не былъ слабымъ человѣкомъ тогда, когда уступилъ мелкимъ душонкамъ и допустилъ загнать себя сюда на каторгу для того, чтобы убѣдиться черезъ короткое время, что я взвалилъ на себя такую обузу, которая повлечетъ за собой вовсе не тотъ конецъ, котораго она ожидала, а совсѣмъ, совсѣмъ другой.

Печальная улыбка мелькнула на мрачномъ блѣдномъ лицѣ. Онъ подошелъ къ своему письменному столу и вынувъ изъ него бумагу, развернулъ: то былъ полисъ одного англійскаго общества страхованія жизни, въ которомъ онъ застраховалъ свою жизнь. Въ числѣ статутовъ общества, онъ подчернулъ нѣкоторые параграфы, и его глаза остановились на тѣхъ строкахъ, въ которыхъ гарантировалась уплата страховой суммы законнымъ наслѣдникамъ самоубійцы, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ въ теченіи двухъ лѣтъ принадлежалъ къ членамъ общества.

— Совсѣмъ не то! — повторилъ онъ. Этотъ конецъ не въ моемъ вкусѣ, но... то, чего отъ меня требуютъ, еще меньше мнѣ по вкусу.

Онъ нагнулся надъ столомъ и написалъ длинный рядъ цифръ, одну подъ другой, которымъ, наконецъ, подвелъ итогъ. Сумма превышала на пятьсотъ или на шестьсотъ талеровъ сумму, обозначенную въ полисѣ.

— Однако, долги шибко возросли съ тѣхъ поръ, какъ я подводилъ имъ счетъ въ послѣдній разъ; но все же они съ избыткомъ покроются, если продать съ молотка все мое имущество. Хотя бы оно пошло за безцѣнокъ — то и тогда... Однѣ книги стоютъ вдвое. Наличныхъ денегъ, конечно, они не найдутъ здѣсь; какъ бы не позабыть запастись ими сегодня.

Онъ позвонилъ; слуга принесъ ему кофе; на подносѣ лежалъ счетъ, который Іоганнъ, согласно инструкціямъ своего барина, подавалъ ему въ концѣ каждаго мѣсяца. Одинъ грошъ смущалъ Іоганна; онъ не былъ увѣренъ, переплатилъ ли онъ его, или же недодалъ.

— Хорошо, сказалъ Конрадъ Вильдъ, и когда слуга уже вышелъ изъ комнаты, замѣтилъ про себя: — мнѣ кажется, что я скорѣе бы укралъ милліонъ, чѣмъ задолжать одинъ грошъ этому честному малому... И развѣ это будетъ воровствомъ? Развѣ я не заслужилъ ея любви, когда потратилъ на нее свои лучшія силы, какъ честный человѣкъ? И развѣ человѣкъ не дѣлается лучше, умнѣе, добрѣе, помимо своей воли, когда онъ видитъ передъ собою такое прелестное, талантливое, милое созданіе? Да и кто

зажегъ эту страсть въ моей душѣ, какъ не она сама, осыпавшая меня всякими ласками? какъ не ея кроткіе, любящіе глаза, которые постоянно преслѣдовали меня, и если отворачивались на минуту, то лишь затѣмъ, чтобы снова вернуться, точно пара голубковъ, которые, не успѣвъ приподняться съ земли, снова складываютъ свои крылышки и опускаются клевать сладкое зерно? Нѣтъ, нѣтъ! Я не воръ и не обманщикъ... а развѣ самъ жертва обмана! И какъ легко поддаться обману, когда сердце является сообщникомъ; и какъ безконечно трудно заблуждаться тамъ, гдѣ оно молчитъ,—нѣтъ! гдѣ оно возмущается и вопитъ: не хочу, не могу, не взирая на вашу жалкую, лавочную мораль, не взирая на вашу накрахмаленную, мѣщанскую добродѣтель, которая умываетъ руки надъ отщепенцами, надъ клятвопреступниками, надъ предателями. А теперь... конецъ со всѣмъ этимъ отнынѣ и во вѣки! Будь проклята та минута, когда тѣнь сомнѣнія омрачила мнѣ душу.—Развѣ есть уже посѣтители?

— Нѣсколько человѣкъ уже дожидаются въ пріемной, возвѣстилъ Іоганнъ; приходила также одна дама и настоятельно просила переговорить съ господиномъ докторомъ; она приходила не за медицинскимъ совѣтомъ. Я и отправилъ ее во-свояси, добавилъ Іоганнъ; когда онѣ приходятъ не за совѣтомъ, то я уже знаю, что̀ это значитъ. Господинъ докторъ готовъ приманить въ домъ всѣхъ нищихъ. Я объявилъ, что доктора нѣтъ дома, и баста!

Вильдъ едва слушалъ то, что его слуга бормоталъ себѣ подъ носъ, пока не убралъ кофейный приборъ и не ушелъ съ нимъ въ спальную. Онъ отворилъ дверь въ пріемную, чтобы впустить паціентовъ; за первымъ послѣдовалъ второй, третій, четвертый, и такъ шло въ теченіе двухъ цѣлыхъ часовъ безъ перерыва, и каждый уходилъ удовлетворенный, успокоенный, утѣшенный. И никто не подозрѣвалъ какъ смутно, безпокойно, безутѣшно было во все это время на душѣ у врача, который такъ терпѣливо внималъ жалобамъ, такъ добросовѣстно выслушивалъ и выстукивалъ больныхъ, съ такой неизмѣнной вѣжливостью провожалъ каждаго, богатаго, какъ и бѣднаго, до дверей, и затѣмъ взглядомъ большихъ, строгихъ глазъ и привѣтливымъ движеніемъ руки приглашалъ новаго войти въ его кабинетъ.

Всѣмъ было извѣстно, что докторъ Вильдъ аккуратно держится своихъ пріемныхъ часовъ; поэтому публика спѣшила нахлынуть въ теченіе перваго часа, во второй появлялись уже два или три отсталыхъ, больше изъ пріѣзжихъ, а съ послѣднимъ ударомъ одиннадцати часовъ послѣдній посѣтитель спѣшилъ уда-

литься. Такимъ образомъ, пріемная, наконецъ, совсѣмъ опустѣла, и когда Вильдъ заглянулъ, то въ ней никого не было, кромѣ богато-одѣтой, важной дамы — какой-то польской графини, которой пришлось дожидаться добрыхъ полчаса, къ ея величайшему изумленію — а поэтому онъ нѣсколько удивился, когда, минуту спустя, провожая обратно графиню и вручивъ ей карточку одного изъ своихъ собратовъ, увидѣлъ въ пріемной маленькаго человѣчка, который стоялъ въ дверяхъ и, при стукѣ отворявшихся дверей, съ живостью повернулся и пошелъ на встрѣчу Вильду.

— Я пришелъ...

— Извините! — отвѣчалъ Вильдъ, провожая даму до дверей пріемной, и тамъ простился съ ней на французскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ медленными шагами подошелъ къ маленькому человѣчку, совсѣмъ смутившемуся и словно приросшему къ своему мѣсту, и сказалъ ему спокойнымъ, дѣловымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ своими паціентами: — Сдѣлайте одолженіе, войдите сюда.

Маленькій человѣчекъ опустилъ приподнятую правую руку, затѣмъ лѣвую, потеребилъ толстый, красный шарфъ, и вошелъ въ дверь, которую отворилъ передъ нимъ Вильдъ.

— Чему я долженъ приписать честь вашего посѣщенія, господинъ Кемпе? — произнесъ Вильдъ, и послѣ нѣкоторой паузы, въ продолженіе которой взоры маленькаго человѣчка съ изумленіемъ и любопытствомъ блуждали по комнатѣ, добавилъ: — У меня весьма мало свободнаго времени.

— Вѣрю, отвѣчалъ Кемпе, вѣрю; вы устроились здѣсь очень хорошо, очень хорошо; въ дрезденскомъ дворцѣ не лучше, чѣмъ у васъ.

— Вы, конечно, предприняли путешествіе сюда не затѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ это интересное замѣчаніе.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ, конечно нѣтъ, возразилъ Кемпе; но когда видишь подобную обстановку, то невольно сдѣлаешь такое замѣчаніе. Такая обстановка должна стоить страсть сколько денегъ!

— Но — я позволю себѣ еще разъ замѣтить вамъ, что у меня мало свободнаго времени — какая цѣль вашего посѣщенія?

Маленькому человѣчку стало, повидимому, не по себѣ отъ этого вопроса. Онъ завертѣлся на стулѣ, дергая съ смущеніемъ толстый красный шарфъ, который отъ этого только туже затягивался.

— Цѣль моего посѣщенія? Эхъ, господинъ — господинъ докторъ, да, вотъ какъ я долженъ васъ звать, хотя я и вашъ крестный отецъ и всегда добросовѣстно выполнялъ свои обязанности

по отношенію къ вамъ—да и послѣ того я, кажется, ничего не опустилъ, а даже дѣлалъ больше, чѣмъ многіе другіе на моемъ мѣстѣ; хоть и говорю все это вовсе не изъ похвальбы, но повторяю, и всегда буду повторять, что на то была Божія воля! И я никакъ не могу сказать, чтобы моя дорогая покойница иначе къ вамъ относилась, чѣмъ подобаетъ честной женщинѣ и христіанкѣ, даже и тогда, когда она не захотѣла отпустить наше дитя слишкомъ за двѣсти миль въ нечестивый, иноземный Вавилонъ; а что касается моей Христіаны... моей бѣдной, несчастной Христіаны...

Старикъ обтеръ бумажнымъ носовымъ платкомъ лысый лобъ и провелъ имъ по глазамъ, которые замигали, какъ только что онъ произнесъ имя своей дочери. Вильдъ подперъ голову рукой и не поднималъ глазъ, даже и тогда, когда Кемпе умолкъ. Ему было жалко старика... онъ охотно избавилъ бы его отъ этой горести, но это было невозможно.

Какъ сказать ему объ этомъ?

Онъ всталъ и подошелъ къ окну, какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда мысль измѣняла ему, и языкъ не находилъ подходящаго выраженія.

По другой сторонѣ пустой почти улицы шелъ господинъ, который надвинулъ шляпу на самыя брови и поднялъ воротникъ пальто. Господинъ этотъ шелъ тихими шагами, какъ человѣкъ, который поджидаетъ другого, и вотъ... въ эту самую минуту онъ повернулся и бросилъ украдкой взглядъ на окно, но завидя доктора, надвинулъ шляпу еще ниже и, направившись къ ближайшему перекрестку, исчезъ за угломъ.

Но зоркіе глаза Вильда уже успѣли разглядѣть его.

Мрачная улыбка озарила его лицо и голосъ его зазвучалъ рѣзко и грубо, когда онъ остановился съ скрещенными руками передъ маленькимъ человѣчкомъ, который все еще продолжалъ тереть свой вздернутый носикъ:

— Ну, и чтожъ, вѣроятно молодецъ Вейкертъ научилъ васъ, какъ перейти къ дѣлу послѣ такого трогательнаго вступленія?

— Вейкертъ!—вскричалъ старикъ съ испугомъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Онъ самый! Или, быть можетъ, онъ совсѣмъ случайно расхаживаетъ на часахъ подъ моими окнами, въ то время, какъ вы здѣсь читаете мнѣ нотацію, долженствующую перейти въ угрозы, какъ скоро вы замѣтите, что слезы и стенанія не помогаютъ! Неправда-ли, многоуважаемый господинъ Кемпе, мои слова кажутся вамъ жесткими; но вы сами въ этомъ виноваты. Еслибы

вы пришли одни—я и тогда, разумѣется, бы высказалъ вамъ то, что должно быть высказано, но мнѣ было бы это тяжелѣе, и я высказалъ бы это вамъ гораздо мягче. Теперь же, когда вы велѣли этому человѣку сопровождать васъ, чѣмъ, разумѣется, не ограничиваются его услуги; теперь, когда вы допустили въ это дѣло, — которое, какъ ни тяжело оно для насъ всѣхъ, все же наше семейное дѣло, которое никого, кромѣ насъ, не касается,— вмѣшаться человѣку, про котораго вамъ извѣстно, что онъ плутъ и мерзавецъ и мой злѣйшій врагъ... теперь, господинъ Кемпе, я полагаю, что мы можемъ начать прямо съ конца, и позвольте мнѣ объявить вамъ, что я никогда не женюсь на вашей дочери ни теперь, ни позже; а затѣмъ будьте такъ добры, объясните мнѣ, какія условія посовѣтовалъ вамъ Вейкертъ предъявить мнѣ на этотъ случай.

Маленькій человѣкъ какъ будто сталъ еще меньше въ то время, какъ глаза доктора метали на него молніи. Его лысая голова, какъ будто защищаясь отъ непогоды, совсѣмъ ушла въ складки краснаго шарфа; онъ соскользнулъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и стоялъ передъ Конрадомъ, дрожа всѣми членами.

— Итакъ, вы не хотите жениться на Христіанѣ?—произнесъ онъ наконецъ.

— Я, кажется, довольно ясно сказалъ вамъ это.

— И... и даже въ томъ случаѣ, если мы... если я стану преслѣдовать васъ судомъ за нарушеніе вашего обѣщанія?

— Представьте себѣ,—даже и въ томъ случаѣ.

— И... и вамъ извѣстно, что вы задолжали мнѣ въ продолженіи этихъ восьми лѣтъ тысячу талеровъ, а моей Христіанѣ цѣлыхъ три тысячи, не считая процентовъ. Вы конечно не станете требовать, чтобы...

— Боже меня упаси! напротивъ того, я надѣюсь въ самомъ непродолжительномъ времени заплатить вамъ и вашей дочери всю вышеупомянутую сумму, съ процентами и процентами на проценты. Вы вѣдь не потребуете жидовскихъ процентовъ?

— Въ самомъ непродолжительномъ времени, говорите вы, когда же именно?

— Можетъ быть, завтра; можетъ быть, даже сегодня... во всякомъ случаѣ, навѣрное черезъ шесть или восемь недѣль.

Докторъ Вильдъ подошелъ къ письменному столу и началъ рыться въ своихъ бумагахъ; онъ проговорилъ послѣднія слова спокойнымъ голосомъ, черезъ плечо. Кемпе принялся шарить въ верхнемъ карманѣ своего сюртука, не спуская при этомъ глазъ съ Вильда, какъ будто бы для него было крайне важно не при-

влекать его вниманія. Наконецъ, онъ благополучно добылъ очки и толстый портфель, а изъ этого послѣдняго вынулъ, изъ числа другихъ бумагъ, одинаковаго формата, длинную, узкую полосу, которую, осторожно приблизившись къ столу, почти подсунулъ подъ руку Вильда.

— Имѣя въ виду, что въ животѣ и смерти Богъ волёнъ— промолвилъ онъ.

— Не стѣсняйтесь,—возразилъ Вильдъ, бросивъ бѣглый взглядъ на бумагу: четыре тысячи и т. д. да еще «по предъявленію»?— очень хорошо. Вотъ возьмите!

Онъ подписалъ свое имя на векселѣ и протянулъ документъ Кемпе, который сложилъ его съ остальными, такого же формата.

— И вотъ все, о чемъ намъ нужно было переговорить?

— Да... то-есть... пробормоталъ Кемпе.

— Если такъ, честь имѣю кланяться.

Докторъ внезапно отвернулся. Кемпе, который только-что было вынулъ изъ портфеля другія бумаги, торопливо уложилъ ихъ обратно и едва не выронилъ изъ рукъ самаго портфеля... Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже стоялъ на улицѣ и искалъ глазами Вейкерта, который куда-то исчезъ и вышелъ къ нему навстрѣчу изъ-подъ воротъ одного дома на улицѣ, которая перекрещивалась съ той, на которой жилъ Вильдъ.

— На томъ мѣстѣ было такъ вѣтряно, — проговорилъ Вейкертъ. Ну, что?

— Это ужасный человѣкъ,—возразилъ Кемпе, казавшійся совсѣмъ разстроеннымъ;—ужасный человѣкъ!

По узкому лицу нотаріуса пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Немного рѣзокъ? такъ? Вѣдь я предупреждалъ васъ объ этомъ, но мы скоро обуздаемъ молодца. Что́ онъ сказалъ насчетъ векселя по предъявленію? Ничего? Ну, да все равно, онъ подписалъ его. Ну, а какъ насчетъ другихъ?

— Другихъ? Я... я совсѣмъ ему ихъ не показывалъ... Я...

Нотаріусъ остановился и поглядѣлъ въ блѣдное, разстроенное лицо Кемпе: — Вы не показывали ихъ ему? Боже мой, да въ своемъ ли вы умѣ! Сейчасъ-же ступайте къ нему!

— Ни за что въ мірѣ!—закричалъ Кемпе такъ громко, что на него оглянулись нѣсколько прохожихъ.

— Тише!—замѣтилъ нотаріусъ.—Насъ слышатъ посторонніе люди. Если такъ, то отдайте ихъ мнѣ; я съ радостью предъявлю ихъ ему.

— Да какъ же,—возразилъ маленькій человѣчекъ;—это будетъ не по-христіански радоваться такому дѣлу. Да онъ и то сейчасъ

догадался, что вы замѣшаны въ дѣлѣ; я жалѣю, что послушался вашего совѣта.

— Какъ угодно, — отвѣчалъ нотаріусъ, — а такъ какъ вы больше не нуждаетесь въ моихъ услугахъ...

Онъ приподнялъ шляпу; Кемпе придержалъ его за полу сюртука и заговорилъ жалобнымъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать съ остальными векселями?

— Раскурите ими трубку,—отвѣчалъ нотаріусъ съ насмѣшливой усмѣшкой. Честь имѣю...

Но пройдя нѣсколько шаговъ онъ снова вернулся къ маленькому человѣчку, все еще не трогавшемуся съ мѣста, и сказалъ:

— Вы конечно не заслуживаете этого отъ меня, ни вы, ни ваша дочь. Но я добрый, глупый, не себялюбивый человѣкъ и не могу видѣть, что вы торчите тутъ, точно ракъ на мели. О чемъ вы сокрушаетесь! Онъ не хочетъ жениться на Христіанѣ... я объ этомъ сожалѣю, очень сожалѣю, но вѣдь я вамъ это предсказывалъ. Нельзя получить всего разомъ, но вы получите по крайней мѣрѣ свои деньги. Развѣ вы не понимаете... но неужели мнѣ опять повторять вамъ! Ѣдемъ!

— Куда!

Нотаріусъ кликнулъ извощика: въ контору Гольдгеймеръ и Сыновья, въ...

— Знаю,—отвѣчалъ извощикъ.

VII.

Для Гвидо Гольдгеймера утро тоже прошло въ треволненіяхъ, отчасти самаго тяжелаго свойства. Обыкновенно онъ показывался не раньше одиннадцати часовъ въ своемъ кабинетѣ, изъ котораго одна дверь съ матовыми стеклами вела въ контору, а другая въ сѣни дома. Сегодня же управляющій дѣлами, Самуэли, конторка котораго приходилась какъ разъ возлѣ стеклянной двери, заслышалъ принципала съ десяти часовъ, но напрасно ждалъ призыва. Онъ рѣшилъ подождать еще пять минутъ и затѣмъ самому постучаться: сегодня было такъ много дѣла.

Тѣмъ временемъ Гольдгеймеръ торопливо шагалъ по комнатѣ отъ камина, расположеннаго въ глубинѣ, на которомъ стояли великолѣпные часы и вплоть до большого венеціанскаго зеркала, помѣщавшагося въ простѣнкѣ между двумя окнами. По временамъ онъ останавливался и пристально глядѣлъ въ пестрый узоръ тол-

стаго турецкаго ковра, или механически принимался рыться въ бумагахъ, лежавшихъ на его письменномъ столѣ, или же заглядывалъ въ газеты, лежавшія на другомъ столѣ, и затѣмъ снова начиналъ свою прогулку, отъ камина къ зеркалу. Остановившись противъ часовъ, стрѣлка которыхъ съ жестокимъ равнодушіемъ подвигалась впередъ, онъ придумывалъ планъ, отъ котораго отказывался минуту спустя, и летѣлъ разсматривать въ зеркалѣ свою мрачную физіономію. Онъ былъ въ страшномъ положеніи. Въ двѣнадцать хотѣлъ быть Вильдъ,—самъ онъ, конечно, не выйдетъ къ нему и... этого онъ настоятельно потребовалъ отъ дочери... она также не покажется, но какой изъ этого толкъ! Полчаса позднѣе подъѣдетъ кабріолетъ Зильбермановъ; отецъ и сынъ выйдутъ изъ экипажа; отецъ направится въ его кабинетъ, а сынъ пойдетъ къ дамамъ. Пять минутъ позже Евгеній появится въ кабинетѣ, чтобы извѣстить обоихъ отцовъ, что его предложеніе принято, и затѣмъ всѣ трое поѣдутъ на биржу... обдѣлывать свои общія дѣла. Но... что будетъ, если Mélanie въ самомъ дѣлѣ откажетъ Евгенію, какъ она грозилась это сдѣлать и повторяла свою угрозу, не взирая на все краснорѣчіе отца, съ какимъ онъ изображалъ ей свое положеніе... и даже въ болѣе черныхъ краскахъ, чѣмъ того требовала дѣйствительность. И жена его присутствовала при этомъ и только и умѣла, что прижимать носовой платокъ къ глазамъ, да приговаривать:—Не мучь наше дитя! а затѣмъ:—Неужели ты рѣшишься такъ огорчить своего отца! и потомъ снова хныкала. Охъ, ужъ эти женщины! эти женщины! и зачѣмъ это имъ дано столько правъ! и зачѣмъ это спрашиваютъ ихъ мнѣнія, точно у нихъ есть воля, разумная воля! Но не можетъ быть, чтобы она въ самомъ дѣлѣ такъ поступила! его Mélanie, его умная Mélanie, которая была себѣ на умѣ, и такъ прекрасно понимала всякіе дѣловые вопросы, которые онъ иногда задавалъ ей шутя... неужели она могла рѣшиться... изъ романической фантазіи...

Гольдгеймеръ, который бѣгалъ, подгоняемый этими мыслями, точно звѣрь въ клѣткѣ, вдругъ остановился и топнулъ ногою. Я ненавижу его, этого высокомѣрнаго человѣка съ гордыми голубыми глазами... этого длинноногаго, широкоплечаго нѣмца, который смотритъ на насъ, какъ на рабовъ, какъ на низшую расу, и воображаетъ, что оказываетъ намъ необыкновенную честь, когда обращается съ нами какъ съ равными! Ему равными! да самъ-то онъ кто такой, что осмѣливается глядѣть на насъ свысока! Добро бы еще былъ дворянинъ, юнкеръ, предки котораго мучили и тиранили нашихъ предковъ!.. тогда, пожалуй, можно было бы найти нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что можешь сказать: госпо-

динъ баронъ, или господинъ графъ, конечно, я поступаю противно своимъ принципамъ и убѣжденіямъ, но такъ какъ вы не можете жить безъ Mélanie... и такъ далѣе... это все же было бы пріятнѣе! А то, какой-нибудь учительскій сынъ, какой-нибудь демократишка, атеистъ, плутъ!.. этотъ человѣкъ непремѣнно плутъ... откуда онъ беретъ средства для жизни? еслибы только мнѣ узнать объ его прошломъ, объ его отношеніяхъ... но теперь уже поздно... слишкомъ поздно! Мнѣ слѣдовало спохватиться объ этомъ полгода тому назадъ... Половина одиннадцатаго!—Что вамъ нужно?

Самуэли, безплодно стучавшійся нѣсколько разъ въ дверь, рѣшился отворить ее, не дожидаясь разрѣшенія войти, такъ какъ ему предстояло покончить кучу важныхъ дѣлъ, и онъ не могъ рѣшить ихъ одинъ.

Самуэли никакъ не могъ сегодня понять своего принципала. На его докладъ о томъ, что въ кассѣ не достаетъ добрыхъ трехсотъ тысячъ для уплаты разницы и платежей по купонамъ двухъ русскихъ и трехъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ,—Гольдгеймеръ раздражительно отвѣчалъ:—Это мнѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и вамъ! А на остальные вопросы, которые, если и не были такими жгучими, но все же были очень важны, или вовсе не отвѣчалъ, или же пожималъ плечами и нетерпѣливо вскрикивалъ:—Еще что! еще что! зачѣмъ вы приходите ко мнѣ съ этими пустяками! еще что! еще что!

— Мнѣ больше нéчего докладывать въ настоящую минуту, отвѣчалъ Самуэли, собирая свои бумаги, кромѣ того, что я выдалъ сегодня Христіанѣ Кемпе изъ Вурцена десять тысячъ талеровъ, причитающихся ей съ прошлаго марта мѣсяца, вмѣстѣ съ процентами за послѣдніе три года. О личности этой дамы засвидѣтельствовалъ Крепельманъ, но я и безъ того хорошо ее помнилъ, такъ какъ она уже была разъ съ отцомъ своимъ въ конторѣ, три года тому назадъ. Старый Кемпе представилъ при этомъ случаѣ кредитивъ на имя доктора Вильда, которымъ впрочемъ докторъ совсѣмъ не воспользовался...

— И вы только теперь говорите мнѣ объ этомъ! вскричалъ банкиръ, вскакивая съ своего мѣста; въ своемъ ли вы умѣ?

Самуэли охотно возразилъ бы, что принципалу слѣдовало бы самому себѣ задать этотъ вопросъ; но онъ воздержался и пошелъ звать старика Крепельмана или Крепельменхена, какъ его въ шутку называли молодые конторщики.

— Идите къ нему немедленно, сказалъ Самуэли; онъ зоветъ васъ, полагаю, чтобы спросить насчетъ капитала Кемпе; я понять не могу, чего онъ отъ васъ хочетъ; быть можетъ, вы знаете?

Но для Самуэли остался неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ: знаетъ ли объ этомъ или нѣтъ маленькій сухопарый человѣчекъ, который пристально поглядѣлъ на него изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ и густыхъ бровей, тусклыми голубыми глазами. По крайней мѣрѣ, онъ не отвѣчалъ ни слова, но спокойно дописалъ свою фразу, вытеръ перо, слѣзъ съ высокой табуретки и прошелъ черезъ длинныя сѣни конторы къ стеклянной двери, которую — къ невыразимому удивленію Самуэли—отворилъ для него самъ Гольдгеймеръ.

— И такъ поступаютъ со мной люди, которые служатъ уже сорокъ лѣтъ въ моей конторѣ, встрѣтилъ его банкиръ.

— Сорокъ два года, если вы говорите про меня, возразилъ старикъ, и батюшка вашъ всегда дружески обращался со мной.

Смуглое лицо Гольдгеймера покраснѣло.

— Я вовсе не намѣренъ обращаться съ вами недружелюбно, любезный Крепельманъ,—прошу васъ, сядьте; но я нахожу, что вы поступаете со мной не совсѣмъ подружески, — принимая во вниманіе, что вы такой старый, довѣренный сотрудникъ — и не хотите помочь мнѣ разъяснить дѣло, которое, какъ вамъ извѣстно, такъ близко меня касается. Вы столкнулись вчера у меня съ докторомъ Вильдомъ; я увидѣлъ по первому взгляду, что вы знаете другъ друга, и что встрѣча не особенно пріятна для васъ обоихъ. Когда докторъ ушелъ, я позвалъ васъ къ себѣ и попросилъ пересказать мнѣ все, что вы про него знаете. Что я разспрашивалъ васъ не изъ празднаго любопытства, любезный Крепельманъ — это вы хорошо сознавали и сообщили мнѣ... должно думать, подъ вліяніемъ неожиданной встрѣчи... кое-какія подробности. Между прочимъ вы упомянули о томъ, что нашъ старинный пріятель, Кемпе, относился къ доктору, какъ къ родному сыну, и о томъ, что докторъ всѣмъ ему обязанъ; но когда я заявилъ о своемъ удивленіи, что докторъ никогда не упоминалъ въ моемъ присутствіи о такомъ близкомъ ему лицѣ, то вы пожали плечами, и я больше не могъ вытянуть изъ васъ ни единаго слова:— Вы-молъ ничего не знаете, и пусть я самъ спрошу у доктора; вы-де не видали Кемпе цѣлыхъ три года... о дочери ни слова... а сегодня утромъ вы проводили молодую особу къ намъ, помогли ей получить деньги... что долженъ я объ этомъ думать, господинъ Крепельманъ? я всегда васъ считалъ такимъ честнымъ, порядочнымъ человѣкомъ... конечно и до сихъ поръ считаю...

— Я не вижу, чтобы мои поступки доказывали противное, пробормоталъ старикъ.

— Вы не хотите меня понимать, возразилъ банкиръ, пере-

водя поспѣшно глаза съ неподвижнаго лица старика на часы, стрѣлка которыхъ двигалась съ жестовой быстротой,—или же въ самомъ дѣлѣ не понимаете меня: вы давно уже вдовецъ и, сколько мнѣ извѣстно, никогда не имѣли дѣтей. А поэтому вы и не понимаете, что я, какъ отецъ, желаю узнать, что́ за человѣкъ...

— Не судите, да не судимы будете! пробормоталъ старикъ.

— Очень хорошо, очень вѣрно! но только ко мнѣ непримѣнимо, любезный Крепельманъ! да я вовсе и не желаю судить, я желаю только получить ясное, опредѣленное понятіе о человѣкѣ; а когда онъ при этомъ... но къ чему стану я скрывать отъ васъ, довѣреннаго друга моего дома, то обстоятельство...

— О которомъ знаетъ пол-города, пробормоталъ старикъ.

— Ну да, тѣмъ меньше! Итакъ, если человѣкъ скрываетъ отъ насъ свое прошлое, насколько его можно скрыть; когда онъ никогда не упоминаетъ объ имени своего стараго друга и благодѣтеля, когда съ своей стороны эти друзья, эти благодѣтели, наполовину отвертываются отъ этого человѣка, какъ вы, напримѣръ, ясно это показываете; когда добрый Кемпе, который прежде пріѣзжалъ всегда во время ярмарки, чтобы лично регулировать свои дѣла, не показываетъ носа вотъ уже цѣлыхъ три года, то-есть, какъ разъ столько времени, сколько докторъ знакомъ въ моемъ домѣ... а этотъ послѣдній — я совсѣмъ-было забылъ объ этомъ, да Самуэли мнѣ напомнилъ,—вовсе не предъявляетъ кредитива и даже никогда не упоминаетъ о томъ, что онъ выданъ ему старикомъ на нашъ домъ, и выданъ, разумѣется, не ради шутки; а m-lle Кемпе съ своей стороны какъ разъ въ настоящую минуту вынимаетъ капиталъ, завѣщанный ей теткой и срокъ уплаты которому наступилъ уже годъ тому назадъ, и вынимаетъ его, не предваривъ насъ объ этомъ заблаговременно... Ну, согласитесь, любезный Крепельманъ, что не нужно особенной проницательности для того, чтобы сложить изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ исторію, въ которой докторъ играетъ роль, отнюдь не возбуждающую къ нему довѣрія. Я, разумѣется, вынужденъ предоставить вамъ на выборъ: помочь мнѣ, да или нѣтъ, распутать нѣкоторыя темныя обстоятельства этого дѣла, и даже въ томъ случаѣ, если вы откажетесь оказать мнѣ эту услугу—на которую я имѣю, кажется, нѣкоторыя права—ну, что же? Тогда ваше молчаніе будетъ для меня весьма многознаменательно, и я, разумѣется, перетолкую его такъ, какъ мнѣ будетъ удобнѣе. Будетъ ли то удобнѣе для самого доктора—это другой вопросъ, на который мнѣ отвѣчать не приходится.

Банкиръ вскочилъ съ своего мѣста, лицо его пылало. Когда

онъ началъ свою рѣчь, то самъ не зналъ, куда она заведетъ его; а теперь ему казалось, что онъ напалъ на настоящій слѣдъ, что самаго незначительнаго указанія будетъ ему достаточно для того, чтобы разъяснить себѣ все дѣло? Черные глаза его не отрывались отъ старика, который, подперевъ сѣдую голову морщинистой рукой и погруженный въ глубокое раздумье, неподвижно сидѣлъ передъ нимъ въ креслахъ. Но вотъ старикъ поднялъ голову; глаза его были красны и свѣтились страннымъ, дикимъ блескомъ, какъ показалось Гольдгеймеру и—странно и дико—прозвучали первыя его слова; можно было бы подумать, что старикъ разговариваетъ самъ съ собой:—Я не могу, онъ не сдержалъ... но онъ нѣкогда боролся за свободу, страдалъ, и такъ до сихъ поръ добръ къ бѣднымъ... и... и...

Взглядъ его и голосъ стали крѣпче; онъ повидимому только теперь опомнился, что́ онъ говоритъ и съ кѣмъ говоритъ.

— А если она сама, до которой это ближе всѣхъ касается, отказывается отъ него... совсѣмъ отказывается; если она, благородное созданіе, нарочно пріѣхала сюда нынѣшней ночью, чтобы сказать ему объ этомъ, чтобы расчистить съ его пути тѣ бревна, которыя положены ея роднымъ отцомъ... что́ можемъ мы сказать, что́ можемъ мы сдѣлать, чтобы помѣшать союзу, который этотъ ангелъ благословляетъ?

Старикъ вышелъ изъ кабинета; банкиръ поглядѣлъ ему въ слѣдъ мрачными глазами.

— Лицемѣръ! Подумать только, что приходится терпѣть около себя подобныхъ людей, которые сорокъ лѣтъ ѣдятъ вашъ хлѣбъ, и все-таки остаются вашими врагами. Скажите, какія штуки: боролся за свободу... добръ къ бѣднымъ! та-та-та! вздоръ! чепуха! Дураки, дураки! Вѣчно остаются дураками, хотя бы дожили до лѣтъ Маѳусаила! А тутъ еще эта барышня! благородное, видите, созданіе, отказывается отъ него, молодчика! Недостаетъ только, чтобы она сама явилась сюда и привела его къ Mélanie, и соединила бы ихъ руки! Какъ могъ я такъ опростоволоситься, и надо же, чтобы за него распиналась покинутая Эльвира... эта порода людей неизлечима! и зачѣмъ ей понадобились ея деньги? расчистить съ его пути бревна, положенныя ея роднымъ отцемъ...

Гольдгеймеръ, снова забѣгавшій по комнатѣ, вдругъ остановился:—Ея родной отецъ! Ну хоть онъ противъ него! Деньги замѣшаны въ дѣло? Значитъ, существуютъ старыя обязательства, долги... я всегда говорилъ: практика его не настолько еще велика! Еслибы можно было поймать его на этомъ! еслибы открыть

что-нибудь такое, что можетъ скомпрометтировать господина доктора... хоть пустякъ какой-нибудь, который бы можно было раздуть, въ особенности, если самъ старикъ... устроитъ патетическую сцену... ахъ! я дуракъ!

Банкиръ ударилъ себя по лбу.

— Слишкомъ поздно! я не могу вызвать его сюда теперь изъ-подъ полу; но я далъ бы...—Что нужно?

Жакъ принесъ визитную карточку. Онъ объявилъ господину, который пришелъ, что баринъ едва-ли можетъ принять его въ настоящую минуту, но этотъ господинъ такъ настаивалъ...

Банкиръ взглянулъ на карточку: нотаріусъ Вейкертъ?—Съума вы сошли? Зачѣмъ вы не проводили тотчасъ же этого господина въ контору?

Я предлагалъ ему идти въ контору, сударь; говорилъ ему, что сюда принимаете вы только по частнымъ дѣламъ; но онъ сказалъ, что пришелъ по частному дѣлу; онъ написалъ на оборотѣ нѣсколько словъ.

Гольдгеймеръ перевернулъ карточку: «Прошу убѣдительнѣйше позволенія переговорить наединѣ нѣсколько минутъ по иску господина Томаса Кемпе на доктора В...»

Радостное изумленіе выразилось на лицѣ банкира. Устремивъ на Жака черные глаза, метавшіе молніи, онъ вскричалъ:

— Ну, что-жъ вы тутъ торчите? попросите этого господина покорнѣйше пожаловать сюда... слышите!

Фр. Шпильгагенъ.

МАГОМЕТАНСКОЕ
РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ ИНДІИ.

X.

Англичане въ Индіи держатъ себя вообще очень далеко отъ туземцевъ и, подобно римскимъ правителямъ провинцій временъ Августа, всегда избѣгаютъ благоразумно всякаго вмѣшательства въ дѣла вѣры управляемыхъ ими народовъ; но за то измѣна, прикрытая какимъ-нибудь религіознымъ вопросомъ, можетъ совершенно свободно и безпрепятственно распространяться по всей странѣ. Ваггабиты это знаютъ и этимъ пользуются; притомъ они такъ ловки, что за ними трудно было бы не только услѣдить, но даже отгадать ихъ присутствіе. Система, введенная ими для сбора податей, весьма проста, но вполнѣ дѣйствительна и совершенна. Большая часть Бенгаліи, раздѣлена ими на округа; въ каждомъ такомъ округѣ извѣстное количество селъ составляютъ фискальную группу, находящуюся въ вѣдѣніи старшаго сборщика податей, который, въ свою очередь, для каждаго селенія опредѣляетъ особаго сельскаго сборщика. Большею частію въ каждомъ селеніи полагается только одинъ сборщикъ податей, но въ нѣкоторыхъ, гдѣ населеніе слишкомъ велико, имъ помогаютъ муллы, которые лично и черезъ своихъ помощниковъ вѣдаютъ еще и свѣтскія дѣла секты. Кромѣ того, существуетъ особое должностное лицо, на попечительствѣ котораго лежитъ обязанность доставлять по-

сыльныхъ для опасной корреспонденціи и для передачи собранныхъ приношеній. Подати, или приношенія, имѣютъ слѣдующіе виды: первый, такъ-называемый законный, съ самаго основанія секты предназначенъ былъ для поддержанія священной войны, и состоитъ изъ $2^1/_2{}^0/_0$, взимаемыхъ со всякаго имущества, находящагося во владѣніи, въ теченіи луннаго года. Подать эта, собираемая, впрочемъ, только съ тѣхъ, у которыхъ имущество превосходитъ извѣстную цѣнность, весьма скоро оказалась недостаточною для предназначенной цѣли, такъ что одинъ изъ калифовъ (Унайатъ-Али) присоединилъ къ ней и добровольныя приношенія, собираемыя въ пользу бѣдныхъ при мечетяхъ во время рамазана, и такимъ образомъ деньги, предназначенныя для пропитанія несчастныхъ, обратились въ источникъ для поддержанія грабежей и убійствъ. Желая еще болѣе увеличить средства секты, этотъ же самый калифъ учредилъ особаго рода подать, отъ которой не избавляются даже и самые бѣдные люди: именно, при каждомъ принятіи пищи повелѣвалось каждому правовѣрному откладывать одну горсть риса, и по пятницамъ собранный такимъ образомъ рисъ передавать сборщику податей. Этимъ способомъ образовались весьма значительные склады провіанта, впослѣдствіи публично продаваемаго для увеличенія кассы возстанія. Впрочемъ, предусмотрительные калифы постоянно заботились о томъ, чтобы кромѣ положенныхъ податей, на которыя они смотрѣли какъ на законныя и имъ вполнѣ принадлежащія, былъ бы данъ какъ можно большій просторъ всѣмъ добровольнымъ приношеніямъ, и рѣдко проповѣдники этимъ не пользовались. Отъ времени до времени, кромѣ того, производились чрезвычайные сборы, въ особенности во время путешествій самихъ калифовъ или извѣстныхъ проповѣдниковъ. Главные сборщики податей разъ въ годъ объѣзжали мѣста, ввѣренныя ихъ попеченію, и чрезвычайно строго наблюдали за тѣмъ, чтобы все должное было заплачено сполна и не было бы никакихъ недоимокъ.

Легко понять, какъ такого рода организація опасна для правительства, сколько она уже причинила зла и сколько еще причинитъ въ будущемъ. Въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ, почти постоянно приходилось судить измѣнниковъ одного за другимъ, и кромѣ того каждая экспедиція на границахъ влекла за собою всякій разъ необходимость учрежденія во внутренности страны особыхъ государственныхъ генеральныхъ судовъ. Въ настоящее время во всѣхъ тюрьмахъ Индіи содержатся люди, собранные съ самыхъ отдаленныхъ провинцій и ожидающіе суда за открытую измѣну или за подготовленіе къ тому. Послѣ неудачной экспе-

диціи 1863 года, назначенъ былъ на слѣдующій годъ въ Умбаллѣ, подъ предсѣдательствомъ сэра Герберта Эдуардса, государственный судъ. Одиннадцать человѣкъ мусульманъ, великобританскихъ подданныхъ, судились за государственную измѣну; между ними были духовные, принадлежавшіе къ первостепеннымъ мѣстнымъ фамиліямъ, богатѣйшій городской мясникъ въ Делли и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду поставщикъ мяса на всю регулярную британскую армію, городской маклеръ изъ Тансвара, солдатъ-сипай, странствующій проповѣдникъ, управляющій домомъ въ Патнѣ, и наконецъ простой землепашецъ. Судъ, продолжавшійся весьма долго, открылъ чрезвычайно много замѣчательныхъ фактовъ и далъ довольно ясное понятіе о страшной силѣ и превосходной организаціи и администраціи ваггабитской секты.

Подсудимые принадлежали ко всѣмъ слоямъ общества, нѣкоторые изъ нихъ обладали огромнымъ состояніемъ, были люди отлично образованные и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные какъ по уму, такъ по той необыкновенной энергіи и тому таланту, съ которыми они вели дѣло возстанія. Оказалось, что вся страна заражена доктринами ихъ ученія, но ничѣмъ непоколебимая преданность сектаторовъ, конечно, не дала возможности дойти до полной истины; скорѣе они соглашались перенести всѣ ужасы казни, чѣмъ выдать кого-нибудь изъ своихъ. Для сношеній между собою у нихъ оказался особый секретный языкъ, ключъ къ которому впрочемъ удалось открыть во время суда. Главные подсудимые были приговорены къ смерти, но британское правительство поступило весьма благоразумно не утвердивъ приговора и замѣнивъ его пожизненною каторгою: въ случаѣ казни преступниковъ, оно тѣмъ въ глазахъ народа даровало бы имъ мученическій вѣнецъ, обезсмертило бы ихъ имена и еще болѣе содѣйствовало бы къ распространенію фанатизма.

Судъ этотъ доказалъ тоже, какое ничтожное вліяніе на распространеніе ваггабизма имѣли экспедиціи, предпринимаемыя отъ времени до времени въ горы. Внутренніе раздоры между сектаторами дѣйствительно давали иногда нѣсколько лѣтъ отдыха на границахъ, но за то въ это время они особенно усердно проповѣдывали священную войну въ самомъ сердцѣ британскихъ владѣній. Въ Восточной Бенгаліи нѣтъ округа гдѣ бы измѣна не пустила глубокаго корня, и все мусульманское населеніе по Гангу, отъ Патны до берега моря, усердно откладывало и вѣроятно продолжаетъ откладывать свои приношенія для поддержанія пограничныхъ мятежныхъ колоній.

Кромѣ того, открытъ былъ еще одинъ весьма многознамена-

тельный фактъ. Титу-Майанъ, какъ мы уже сказали, въ 1831-мъ году съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ восточныхъ округахъ прилегающихъ къ Калькуттѣ. Послѣдователи его, принявшіе названіе фараизовъ, сами называли себя новыми мусульманами и хотя во многомъ сходились съ ученіемъ ваггабитовъ, въ сущности все-таки составляли отдѣльную религіозную секту. Въ 1843 году, число ихъ такъ увеличилось, что, вслѣдствіе донесенія мѣстнаго начальства, правительство принуждено было обратить особое вниманіе на этихъ новыхъ преобразователей, проповѣдывавшихъ уже не одну священную войну, но и всеобщее равенство и уничтоженіе всѣхъ существующихъ порядковъ и различій между людьми. Оказалось, что ваггабиты, замѣтя возрастающую ихъ силу и вѣрно оцѣнивъ ея будущее значеніе, черезъ одного изъ своихъ калифовъ, именно того самаго, который судился за государственную измѣну въ 1864 году, дѣйствовали такъ удачно, что соединили обѣ секты въ одну, такъ что въ послѣднія 13 лѣтъ ихъ находили и на поляхъ битвы, и въ судахъ и, однимъ словомъ, вездѣ рядомъ съ ваггабитами.

Съ 1864-го по 1868-й годъ, тратились громадныя суммы денегъ на полицейскія средства, и несмотря на это правительство въ 1868-мъ году все-таки вовлечено было въ дорогую горную экспедицію. Понятно, что мильярды фунтовъ стерлинговъ, затраченные на желѣзныя дороги, каналы, фабрики и прочее обязываютъ Англію заботиться о сохраненіи своего могущества въ Индіи, и не только потеря его, но даже временная утрата тамъ вліянія была бы для нея равносильна самому страшному бѣдствію. Главное, въ настоящее время чрезвычайно важно для Англіи и конечно болѣе всего способствуетъ къ поддержанію ея владычества именно то, что между мусульманскимъ населеніемъ существуютъ религіозные раздоры, и ваггабиты, на которыхъ многіе правовѣрные смотрятъ какъ на отъявленныхъ раскольниковъ, имъ быть можетъ еще болѣе ненавистны, чѣмъ даже невѣрные. Аресты, суды, политическія гоненія, казни и прочее убѣдили мусульманъ въ опасности соединенія съ фанатическою сектою, и въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе вліянія ихъ муллъ и ученыхъ, рѣшались для собственнаго же спокойствія формальнымъ протестомъ отъ нея отдѣлаться. Самые энергическіе предводители ваггабитовъ частью погибли, частью арестованы и ожидаютъ суда, а отчасти и вслѣдствіе удаленія отъ нихъ массы ихъ единовѣрцевъ, стали бояться слишкомъ дѣятельно продолжать свою пропаганду, такъ что фанатическая секта внутри Индіи, по крайней мѣрѣ наружно, какъ будто бы начала подавать надежды

на ослабленіе, а быть можетъ даже и на распаденіе. Но за то пограничныя колоніи, какъ онѣ сами по себѣ и ни ничтожны, продолжаютъ существовать и угрожать спокойствію сосѣдей, и несмотря на кажущееся ничтожество опасны уже тѣмъ, что могутъ послужить къ соединенію мусульманъ въ какую-нибудь огромную религіозную коалицію. Въ прошломъ году, туземная пресса Британской Индіи сильно занималась вопросомъ о возможности другой Афганской войны, и, конечно, если бы такого рода несчастіе постигло бы Англію, то заранѣе можно опредѣлить ту роль, которую при этомъ будутъ играть пограничныя колоніи, но никакъ нельзя предвидѣть, чтó въ это время сдѣлаютъ внутри Индіи ваггабитскіе заговорщики.

XI.

Конечно, ваггабитамъ не удалось растянуть по всей Бенгаліи свои сѣти и именно вслѣдствіе довольно серьёзнаго сопротивленія со стороны ихъ единовѣрцевъ. Не говоря уже о той ненависти, которая существуетъ между различными мусульманскими сектами и которая развита у нихъ не менѣе сильно, чѣмъ у послѣдователей Христа, присутствіе ваггабита есть всегда угроза для людей зажиточныхъ или пользующихся вообще какими бы то ни было преимуществами. Революціонеры въ политикѣ, равно какъ и въ дѣлахъ совѣсти, они не довольствуются быть только реформаторами или реорганизаторами, какъ были, напримѣръ, Лютеръ и Кромвель, но они, безпощадные разрушители всего стараго, и въ теоріяхъ о свободѣ и равенствѣ идутъ, конечно, далѣе, чѣмъ кто-либо до сихъ поръ. Въ теченіи послѣдняго пятидесятилѣтія, всякій мулла съ дюжиною акровъ земли прикрѣпленной къ мечети, хранитель какой-нибудь гробницы [1]), землевладѣлецъ и вообще всякій собственникъ, упорно возставали противъ сектаторовъ, а между 1813-мъ и 1830-мъ годами ни одинъ ваггабитъ, безъ опасенія лишиться жизни, не смѣлъ открыто показываться на улицахъ Мекки, и даже въ настоящее время онъ подвергается тамъ публичнымъ оскорбленіямъ или насиліямъ.

Всякое броженіе умовъ въ религіозномъ или политическомъ смыслѣ всегда опасно для существующихъ властей, а ваггабиты, какъ коммунисты и краснѣйшіе изъ всѣхъ республиканцевъ, страшны не только для властей, но и для всѣхъ тѣхъ, ко-

---

[1]) Въ Индіи у богатыхъ мусульманъ существуетъ обычай жертвовать, смотря по состоянію, небольшое количество земли для содержанія богомольца, которому поручается хранить гробницу умершаго родственника.

торые пользуются какими бы то ни было преимуществами. Въ самомъ началѣ ихъ появленія въ Индіи, при Саидъ-Ахматѣ, рука ихъ одинаково тяжело падала какъ на невѣрныхъ, такъ равно и на мусульманъ, сопротивлявшихся ихъ принципамъ. Во время возстанія около Калькутты, они совершенно равно и безъ всякаго въ этомъ отношеніи пристрастія жгли и разоряли жилища, принадлежащія какъ ихъ богатымъ единовѣрцамъ, такъ и языческимъ индусамъ, первымъ даже доставалось отъ нихъ хуже, ибо кромѣ ихъ имущества они отъ нихъ отбирали еще и дочерей, которыхъ отдавали въ замужство за послѣдователей своего ученія [1]). Понятно послѣ этого, что такого рода секта не можетъ пользоваться сочувствіемъ привилегированныхъ и зажиточныхъ классовъ, хотя въ Бенгаліи въ этомъ случаѣ представляется довольно замѣчательное исключеніе. Представители цѣлаго промысла, одного изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ тамъ, именно скорняки и кожевенники, были и продолжаютъ быть постоянно на ихъ сторонѣ. Происходитъ это отъ слѣдующихъ причинъ: скорняки и кожевенники пользуются глубочайшимъ презрѣніемъ индусовъ; они налагаютъ свои «нечестивыя» руки на трупы священныхъ животныхъ, коровъ и богатѣютъ отъ ихъ убійствъ. Люди эти считаются нечистыми отъ рожденія, внѣ всякой касты, и ни честность, ни способности, ни богатство не могутъ возвысить ихъ до общественнаго уваженія. Презрѣнное положеніе это они переносятъ съ равнодушіемъ, свойственнымъ азіатамъ, и зная всю невозможность для нихъ выдти изъ-подъ этого гнета, никогда и не пытаются дѣлать напрасныя усилія, чтобы отъ него освободиться. Они очень хорошо знаютъ, что если поклонники Брамы получили бы власть хотя только на одинъ день, то они были бы ихъ первыми жертвами, и на этомъ основаніи сблизились съ мусульманами вообще, неимѣющими никакихъ предразсудковъ касательно ихъ ремесла, и ваггабитами въ особенности, тѣмъ болѣе что въ послѣднихъ, долженствующихъ постоянно вести войну противъ невѣрныхъ, то-есть ихъ гонителей, они видятъ надежный залогъ своего личнаго существованія. Такимъ образомъ, обширная кожевенная торговля Индіи перешла почти исключительно въ руки ваггабитовъ и дала имъ возможность сдѣлаться богатѣйшими представителями одной изъ главнѣйшихъ отраслей вывозной торговли края и располагать громадными капиталами. Но, конечно, могущество ихъ происхо-

---

[1]) Изъ оффиціальнаго донесенія о калькуттскомъ возмущеніи видно, что тамъ собралось 80,000 человѣкъ, признавшихъ между собою полное равенство и уничтожившихъ всякое различіе кастъ или преимуществъ рожденія и состоянія.

дить не отъ этихъ причинъ, а главнѣйшимъ образомъ отъ того сочувствія, которое оказываютъ имъ массы простого народа. Принципы ихъ, какъ религіозные, такъ и политическіе, въ высшей степени примѣнены къ удовлетворенію любимыхъ надеждъ и упованій низшихъ классовъ народа. Конечно, между ними есть многія тысячи людей, интересующихся политикою, насколько это необходимо для возстановленія всей чистоты мусульманской вѣры, и отъ полноты души преданные тому, что они считаютъ спасеніемъ своихъ единовѣрцевъ. Эти люди не знаютъ жалости къ себѣ, но за то и не имѣютъ пощады къ другимъ и смотрятъ на самопожертвованіе, какъ на одну изъ первѣйшихъ обязанностей человѣка. Обыкновенно этого рода фанатики отличаются особенно благочестивою и во всѣхъ отношеніяхъ безупречною жизнью и такъ глубоко убѣждены въ правотѣ своего ученія, что ни выгоды, ни угрозы и никакія блага не въ состояніи заставить свернуть ихъ съ избраннаго ими пути.

Вообще, быть ваггабитомъ дѣло далеко не легкое. Во-первыхъ, каждый сектаторъ долженъ непремѣнно жертвовать ежегодно не малое количество денегъ для поддержанія своей религіи, а во-вторыхъ, отъ него требуется еще и дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ или въ распространеніи пропаганды, такъ что въ теченіе всей жизни онъ подвергается постоянно какому-нибудь болѣе или менѣе значительному риску. Нескончаемыми поборами и различными требованіями, ваггабиты разорили цѣлыя тысячи семействъ и въ послѣднее время держали въ страхѣ все сельское населеніе. Молодые мусульмане, наэлектризованные ихъ пропагандою, стремились бѣжать на границы и жертвовать собою для спасенія родины и водворенія истинной вѣры, такъ что ни одинъ отецъ семейства не могъ считать себя обезпеченнымъ и находился въ постоянномъ страхѣ неожиданно лишиться сына. Молодые люди, отправлявшіеся въ фанатическія колоніи, рѣдко возвращались домой; бо́льшая часть изъ нихъ погибала отъ меча или отъ различныхъ болѣзней, но за то въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ удавалось вернуться на родину, они обыкновенно преобразовывались въ самыхъ отъявленныхъ враговъ ваггабитовъ и, разоблачая ихъ обманы, корысть и прочее и тѣмъ охлаждая увлеченіе ихъ послѣдователей, причиняли сектѣ гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ административныя преслѣдованія и суды, учреждаемые правительствомъ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, ваггабиты становились все болѣе и болѣе требовательными и не довольствовались однимъ нравственнымъ вліяніемъ надъ массами народа и собираемыми день-

гами, а требовали отъ своихъ соотечественниковъ обязательнаго, дѣятельнаго и непремѣнно личнаго участія въ священной войнѣ. Естественно, что люди, занимающіе нѣкоторое положеніе въ обществѣ и денежно достаточно обезпеченные, были черезъ это поставлены въ весьма критическое положеніе; исполнить это требованіе значило, кромѣ всевозможныхъ рисковъ, подвергать себя еще опасности быть уличеннымъ въ измѣнѣ и преданнымъ суду, а отказать—влекло за собою не менѣе страшное обвиненіе въ лицемѣріи и вѣроотступничествѣ. Въ прежнее время, посредствомъ денежныхъ пожертвованій можно было почти безъ всякой личной опасности участвовать въ общемъ заговорѣ, но при настоящемъ развитіи системы административныхъ изгнаній изъ края и арестовъ, а также болѣе строгаго надзора со стороны правительства, открытіе и этого преступленія влечетъ за собою тяжелое наказаніе, такъ что зажиточные люди стали даже съ большею осторожностью и то весьма умѣренно отдавать въ мечеть свои приношенія для поддержанія священной войны. Настоящіе фанатики дѣлаютъ все, чтобы возбудить ненависть народа и презрѣніе къ богатымъ и вліятельнымъ людямъ, которые, изъ боязни невѣрнаго правительства, уклоняются отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ вѣрою, и для сохраненія собственнаго спокойствія, служа вмѣстѣ Богу и маммонѣ, измѣняютъ дѣлу освобожденія ислама и угнетенной родины.

Нѣкоторое время привилегированные классы мусульманскаго населенія молчаливо переносили эти обвиненія, и поддержанные духовенствомъ, не менѣе ихъ самихъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, довольствовались тѣмъ, что въ защиту себѣ, отъ времени до времени, выпускали въ свѣтъ какую-нибудь ученую брошюру. Но впослѣдствіи, литературная ихъ дѣятельность получила большее развитіе, и первое, что они начали оспаривать, это ваггабитскій догматъ, обязывающій каждаго правовѣрнаго вести войну противъ великобританскаго правительства, и издали по этому вопросу не только массу различныхъ диссертацій, но и цѣлую фалангу оффиціальныхъ рѣшеній, написанныхъ первостепенными представителями мусульманскаго духовенства и имѣющихъ въ народѣ значеніе закона. Они добились даже до того, что высшее духовенство въ Меккѣ, послѣ тщательнаго обсужденія дѣла, признало возможнымъ не требовать отъ индѣйскихъ мусульманъ опасной и тяжелой необходимости возставать противъ англійской королевы.

Коранъ прямо говоритъ, что правовѣрные обязаны силою оружія распространять исламъ по всему міру, давая покореннымъ

народамъ выборъ между обращеніемъ въ истинную вѣру, вѣчнымъ рабствомъ или смертью. Обязанность эта ясно выражена въ священнѣйшей мусульманской книгѣ и безъ всякаго измѣненія перешла и въ первостепенныя индѣйскія сочиненія, такъ что понятно послѣ этого, какого громаднаго таланта потребовалось со стороны заинтересованныхъ лицъ, чтобы взять на себя смѣлость опровергать главнѣйшій принципъ Магомета и успѣть дать ему совершенно другое значеніе. Но какъ бы то ни было, ударъ, нанесенный этимъ ваггабизму, чрезвычайно чувствителенъ, и если онъ обезпечиваетъ спокойствіе мусульманъ-аристократовъ, то онъ еще болѣе оказываетъ англичанамъ неоцѣненную услугу и, конечно, положительно содѣйствуетъ къ поддержанію ихъ владычества въ Индіи. Трудно достаточно преувеличить ту опасность, которая постигла бы англичанъ, въ случаѣ если бы вопросъ объ обязанности возстанія и веденія священной войны разрѣшенъ былъ бы учеными Индіи и Мекки въ противоположномъ смыслѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оцѣнивая всю важность значенія этого факта, нельзя не придти къ тому заключенію, что могущество Англіи упирается въ Индіи на весьма шаткихъ началахъ. Мусульмане, по корану, обязаны вѣрностью только до тѣхъ поръ, пока правительство не нарушаетъ законы данные Магометомъ, въ противномъ же случаѣ они отъ нея самимъ Богомъ освобождаются; въ Индіи, въ старинные годы, были примѣры кровопролитнѣйшихъ возстаній противъ мусульманскихъ государей, и одно изъ нихъ противъ Акбара, сильнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ великихъ моголовъ, когда-либо царствовавшихъ въ Индіи, почти довело его до потери престола, только вслѣдствіе того, что джауппурскіе муллы и ученые объявили возстаніе противъ него законнымъ. Слѣдовательно, тѣ же самые люди, которые по личнымъ своимъ интересамъ находятъ теперь священную войну незаконною и взялись это доказать, основываясь на книжныхъ авторитетахъ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ всегда найдутъ возможность измѣнить свои прежнія рѣшенія и уволить британскихъ подданныхъ отъ той вѣрности, которую въ настоящее время они считаютъ для нихъ обязательною.

Рѣшая вопросъ объ обязанности возстанія и веденія священной войны, обѣ главныя мусульманскія секты, шіиты и сунниты, пришли совершенно къ одинаковому заключенію.

Шіиты, несмотря на то, что они составляютъ только одну десятую часть, то-есть меньшинство всего мусульманскаго населенія, тѣмъ не менѣе приняли также весьма дѣятельное участіе въ разрѣшеніи общаго магометанскаго вопроса. По ихъ вѣрованію, до окончательнаго утвержденія исламизма должны разновременно

появиться на землѣ двѣнадцать имамовъ, потомковъ великаго пророка. Одиннадцать такихъ имамовъ уже прошли, остается явиться только послѣднему; до его же пришествія міръ обреченъ на страданія и различныя тяжелыя испытанія, а истинная вѣра—на гоненія и притѣсненія со стороны суннитовъ, христіанъ и другихъ еретиковъ. Пришествію послѣдняго имама должны предшествовать различныя знаменія, и Богъ, повелѣвъ ему идти по землѣ для обращенія всѣхъ людей въ истинную вѣру, дастъ и людямъ возможность узнать его и отличить отъ другихъ смертныхъ. Іисусъ Христосъ въ это время сойдетъ также съ небесъ, и учинивъ великую дружбу съ имамомъ, усердно будетъ помогать ему въ утвержденіи истинной вѣры. До этого же времени шіиты находятъ, что всякія человѣческія попытки утвердить исламъ, какъ-то возстанія, войны и проч., ни къ чему не поведутъ и не достигнутъ великой цѣли. Затѣмъ, объясняя значеніе собственно слова «жигадъ», то-есть священная война, они доказываютъ, что основываясь на словахъ святыхъ книгъ, только при семи извѣстныхъ условіяхъ война эта можетъ быть законною и слѣдовательно угодною Богу. Условія эти слѣдующія: 1) Присутствіе истиннаго имама и его благословеніе; 2) достаточное число опытныхъ воиновъ, оружія и прочаго необходимаго для веденія войны; 3) священная война должна быть общею, какъ противъ враговъ истинной вѣры, такъ и противъ нарушителей спокойствія; 4) участвующій въ ней долженъ обладать полнымъ разумомъ, не быть сумасшедшимъ, больнымъ, слѣпымъ или увѣчнымъ; 5) имѣть разрѣшеніе родителей; 6) не быть несостоятельнымъ должникомъ, и 7) имѣть достаточно денегъ для обезпеченія собственныхъ своихъ нуждъ, а равно и существованія своего семейства. Всѣ несогласные съ этими условіями формальнымъ актомъ признаны шіитами за раскольниковъ наравнѣ съ ваггабитами, фараизами и другими, по ихъ мнѣнію, изувѣрами, искажающими смыслъ толкованій священныхъ книгъ и только способствующихъ къ удаленію своихъ послѣдователей отъ милости всемогущаго Бога. Первое и непремѣнное условіе для законнаго права веденія священной войны, по ихъ доводамъ, должно быть личное присутствіе и благословеніе истиннаго имама; всякое же возмущеніе безъ его разрѣшенія неугодно Богу, а слѣдовательно не можетъ имѣть успѣха и должно быть преслѣдуемо какъ нарушеніе закона и порядка.

До какой степени искренни въ этомъ случаѣ мнѣнія шіитовъ, сказать трудно, но если взять въ соображеніе, что они, за исключеніемъ Персіи, другими мусульманами вездѣ одинаково презираемы и нетерпимы, то слѣдуетъ полагать, что чувство собствен-

наго сохраненія должно дѣлать изъ нихъ весьма преданныхъ и вѣрныхъ подданныхъ Великобританіи. Они хорошо знаютъ и твердо убѣждены въ томъ, что если сунниты, индусы или въ особенности ваггабиты когда-нибудь захватятъ власть и бразды правленія, то религіозныя преслѣдованія, отъ которыхъ они при англійскомъ правительствѣ отдохнули, возобновятся съ тою же страшною силою и яростью, отъ которыхъ они въ прежнее время такъ много и такъ горько страдали.

Сунниты, составляющіе большинство мусульманскаго населенія въ Индіи, въ послѣднее время оказались болѣе другихъ ревностными въ распространеніи того принципа, что коранъ нисколько не обязываетъ ихъ къ возстанію или веденію священной войны противъ правительства англійской королевы. Для поддержанія этого довода они, послѣ безчисленныхъ преній, наконецъ обнародовали черезъ посредство своихъ и меккскихъ муллъ два оффиціальныхъ рѣшенія (фатва), предназначенныхъ служить толкованіемъ нѣкоторыхъ словъ корана и имѣющихъ силу закона. Магометанское литературное общество въ Калькуттѣ соединило въ одно цѣлое эти два суннитскіе взгляда на дѣло возстанія и оказало этимъ дѣйствительную услугу какъ зажиточнымъ мусульманамъ, такъ и въ особенности англичанамъ. Трудъ этотъ въ высшей степени интересенъ и служитъ доказательствомъ той громадной ловкости и способности, которыми обладаютъ мусульмане для судебныхъ изворотовъ. Это есть полнѣйшій тріумфъ адвокатуры, ибо два отдѣльныхъ силлогизма, истекающіе изъ двухъ совершенно противоположныхъ началъ, вслѣдствіе искусства подбора аргументовъ подведены такъ, что приходятъ къ одному и тому же желаемому заключенію. Такъ, ученые Сѣвернаго Индустана, издавшіе одно такое рѣшеніе, начинаютъ съ того, что безспорно признаютъ Индію страною непріятеля (Dár-ul-Harb) и выводятъ изъ этого, что, слѣдовательно, религіозное возстаніе было бы въ ней, какъ въ странѣ неправовѣрной, незаконно; калькуттскіе же ученые, поддержанные Меккою, издавъ другое, наоборотъ признаютъ Индію страною ислама (Dár-Ul-Islam) и на этомъ основаніи приходятъ къ тому же самому заключенію, что всякое религіозное возстаніе было бы въ ней противно корану, то-есть тоже незаконно. Конечно, такого рода толкованія при томъ уваженіи, какое мусульмане имѣютъ къ ихъ духовенству, представляютъ большое политическое значеніе и выгодны для правительства уже тѣмъ, что служатъ препятствіемъ къ опасному для всеобщаго спокойствія соединенію послѣдователей пророка въ одно религіозное цѣлое. Кромѣ того, онѣ не менѣе сим-

патичны и высшимъ классамъ магометанскаго общества, ибо избавляютъ ихъ отъ тяжелой необходимости лично участвовать въ пополненіи рядовъ пограничныхъ фанатиковъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что рѣшенія эти, къ сожалѣнію, не имѣютъ особеннаго вліянія на массу простого народа, котораго фанатизмъ съ одной стороны и надежда на лучшее будущее съ другой все-таки увлекаютъ на сторону ваггабитовъ. Но за то принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, даже и между сектаторами, рады имѣть теперь предлогъ освободить себя отъ участія въ заговорѣ. Авторитетъ суннитскихъ ученыхъ далъ имъ возможность выдти изъ весьма серьёзнаго затрудненія и, конечно, не они будутъ стараться, въ настоящее время, подвергать особенной критикѣ акты, представляющіе имъ такъ много выгодъ, такъ что въ этомъ отношеніи, какъ уже было сказано выше, магометанское литературное общество въ Калькуттѣ, черезъ собраніе и изданіе этихъ толкованій, дѣйствительно нанесло тяжелый ударъ ваггабизму.

Докторъ Гёнтеръ, подробно разбирая аргументы, служившіе ученымъ Индіи и Мекки къ разрѣшенію вопроса о возстаніи и священной войнѣ, въ смыслѣ противоположномъ ученію ваггабитовъ, входитъ въ чрезвычайно интересныя подробности и доказываетъ, основываясь на историческихъ данныхъ и текстахъ различныхъ мусульманскихъ священныхъ книгъ, что несмотря на всю блистательную и кажущуюся убѣдительность этихъ аргументовъ, они все-таки въ высшей степени натянуты и при самомъ небольшомъ усиліи могутъ получить совершенно другое значеніе,—а потому приходитъ къ заключенію, что ударъ, нанесенный ваггабитамъ этими преніями и послѣдовавшими за ними оффиціальными рѣшеніями, есть только временный, такъ что, по его мнѣнію, настоящее затишье въ религіозномъ движеніи нисколько не служитъ доказательствомъ того, что вопросъ возстанія рѣшенъ окончательно, и вслѣдствіе этого положеніе англичанъ въ Индіи измѣнилось бы къ лучшему. Я не вхожу въ разборъ этой части сочиненія доктора Гёнтера и перехожу къ указанію причинъ неудовольствія всѣхъ вообще мусульманъ на британское правительство.

XII.

Причины эти чрезвычайно важны, ибо онѣ-то именно и не даютъ никакой гарантіи въ будущемъ для сохраненія спокойствія въ краѣ, болѣе всего содѣйствуютъ ваггабитамъ въ распространеніи идей возстанія и служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что

владычество англичанъ въ Индіи все еще непрочно и постоянно зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей.

Какъ бы ни смотрѣть на Индію, какъ на страну ли ислама (Dár-ul-Islam), или непріятеля (Dár-ul-Harb), вслѣдствіе признанія послѣднихъ толкованій за фатва (то-есть имѣющихъ силу закона), мусульмане, безъ всякаго опасенія погубить свои души и лишиться блаженства будущей жизни, должны въ настоящее время, по собственному же приговору, спокойно и мирно жить подъ властью британской короны. Но, по корану, вѣрность къ какому бы то ни было правительству для правовѣрныхъ обязательна только до тѣхъ поръ, пока оно исполняетъ всѣ принятыя имъ на себя обязательства и уважаетъ ихъ права и религію. Въ случаѣ же если правительство нарушаетъ одно изъ связывающихъ его условій, вмѣшивается въ духовныя или гражданскія дѣла или препятствуетъ въ исполненіи обрядовъ указанныхъ пророкомъ, то всякое обязательство со стороны правовѣрныхъ прекращается, и тогда только силою ихъ можно принуждать къ повиновенію, но вѣрности или спокойствія отъ нихъ требовать болѣе невозможно. Нельзя не отнести къ славѣ англичанъ въ Индіи одинъ весьма важный фактъ, именно тотъ, что они замѣнили военное занятіе страны и тиранническое диктаторство всѣхъ прежнихъ завоевателей мирнымъ и ограниченнымъ гражданскимъ управленіемъ, принаровленнымъ къ нуждамъ и интересамъ края и поддержаннымъ расположеніемъ и сочувствіемъ къ нему народа. Но всякая серьёзная обида, нанесенная мусульманамъ, сдѣлаетъ это мирное управленіе совершенно невозможнымъ. Даже небольшіе промахи въ администраціи обратятся въ этомъ случаѣ въ политическія ошибки, могущія имѣть страшныя послѣдствія, ибо по закону пророка они влекутъ за собою освобожденіе отъ вѣрноподданства, то-есть измѣну, возстаніе и священную войну.

Къ сожалѣнію, британское правительство въ теченіи многихъ лѣтъ своего управленія сдѣлало не одну, а безчисленное количество непростительныхъ ошибокъ и, конечно, никакая власть никогда не обвинялась своими подданными болѣе серьёзно, чѣмъ въ настоящее время англичане въ Индіи.

Все сказанное до сихъ поръ неопровержимо доказало два факта: во-первыхъ, существованіе мятежныхъ фанатическихъ оплотовъ на границахъ британскихъ владѣній и, во-вторыхъ, существованіе хронической измѣны, распространенной по всей Индіи. Безъ сомнѣнія, невозможно требовать, чтобы англичане вели переговоры или заключали договоры съ мятежными своими подданными. Но не въ этомъ дѣло; Англія довольно сильна, могу-

щественна и вполнѣ въ состояніи справиться съ мятежниками, но для этого она должна стараться отдѣлить ихъ отъ спокойныхъ людей и привязать послѣднихъ къ себѣ такъ, чтобы въ нихъ имѣть опору, а въ случаѣ нужды даже и защиту противъ нарушителей всеобщаго спокойствія. Правительство не имѣетъ право быть глухимъ къ обвиненіямъ, возводимымъ на него бенгальскими мусульманами, тѣмъ болѣе, что такого рода равнодушіе влечетъ за собою неминуемую опасность. Мусульмане же утверждаютъ, что всѣ честныя средства къ существованію отняты отъ ученыхъ и образованныхъ людей ихъ вѣроисповѣданія; что введенная система воспитанія совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ требованіямъ и послужила только къ тому, что довела ихъ до нищеты и всеобщаго презрѣнія; что упраздненіе казіевъ, съ незапамятныхъ временъ утверждавшихъ брачные договоры и вѣдавшихъ гражданскимъ судопроизводствомъ правовѣрныхъ, повергло тысячи семействъ въ конечное разореніе; что запрещеніемъ исполнять нѣкоторые обряды, установленные пророкомъ, англичане губятъ ихъ души и лишаютъ надежды на блаженство въ будущей жизни. Но болѣе всего они жалуются на произвольное толкованіе смысла и искаженіе самыхъ религіозныхъ мусульманскихъ учрежденій и на то право, которое присвоили себѣ англичане пользоваться принадлежащими имъ капиталами, пожертвованными и собранными для воспитательной цѣли. Кромѣ этихъ болѣе серьёзныхъ причинъ неудовольствія, существуетъ еще безчисленное количество другихъ, которыя быть можетъ непонятны холодному уму британца, а между тѣмъ чрезвычайно чувствительны для жителей Индустана. Они говорятъ, что англичане обязаны своимъ положеніемъ въ Бенгаліи призыву довѣрившихся имъ и царствовавшихъ тогда мусульманскихъ государей; но впослѣдствіи, когда они сами замѣнили существующую власть, то въ тріумфѣ своемъ не оказали ни малѣйшей пощады къ ихъ же призвавшимъ мусульманамъ и совершенно безжалостно затоптали прежнихъ своихъ союзниковъ въ грязь; однимъ словомъ, они обвиняютъ британское правительство въ недостаткѣ къ нимъ сочувствія, отсутствіи всякаго великодушія, похищеніи и неправильномъ употребленіи принадлежащихъ имъ денегъ, и вообще за всѣ великія бѣдствія, обрушавшіяся на страну въ теченіе ихъ столѣтняго владычества.

Въ настоящее время отъ низшихъ чиновниковъ до занимающихъ высшія должности всѣ сознаютъ, что правительство не исполнило своихъ обязательствъ относительно магометанскихъ подданныхъ королевы. Мусульмане Индіи въ числѣ слишкомъ трид-

цати милліоновъ вопіютъ на тотъ общій упадокъ, который постигъ ихъ подъ британскимъ владычествомъ, и на то, что они, еще такъ недавно покорители и единственные правители страны, доведены до того, что теперь лишены въ ней даже средствъ къ честному существованію. Англичане отвѣчаютъ на это, что это происходитъ только отъ ихъ перерожденія, то-есть собственнаго нравственнаго упадка; но забываютъ, что если этотъ упадокъ и дѣйствительно существуетъ, то онъ есть послѣдствіе ихъ политической системы и того невниманія и гнёта, которые такъ упорно и въ теченіе уже стольких лѣтъ надъ ними тяготѣютъ. Передъ тѣмъ какъ страна перешла въ руки англичанъ, мусульмане исповѣдывали ту же самую вѣру, ѣли ту же самую пищу и во всемъ обыденномъ жили также, какъ и живутъ теперь. Слѣдовательно, если при этихъ условіяхъ раса ихъ была тогда способна къ прогрессу, а это былъ положительный и признанный фактъ, то нѣтъ никакихъ причинъ полагать, что при тѣхъ же самыхъ неизмѣненныхъ обстоятельствахъ, они вдругъ стали бы показывать признаки нравственнаго разложенія. Мнѣніе это тѣмъ болѣе несправедливо, что и донынѣ они отъ времени до времени выказываютъ свое прежнее сильное чувство любви къ независимости и ту способность къ военнымъ предпріятіямъ, которая дѣлала ихъ столь предпріимчивыми въ былое время и давала ихъ расѣ преимущество надъ всѣми другими населяющими Азію.

Конечно, мусульмане, по должной справедливости къ правамъ индусовъ, не могутъ исключительно пользоваться прежнею своею монополіею государственнаго управленія. Этотъ старинный источникъ богатства не можетъ болѣе существовать, и они должны помириться съ мыслью повиноваться власти, непризнающей между своими подданными различія, происходящаго отъ цвѣта кожи или вѣры. Они это, впрочемъ, отлично понимаютъ и нисколько на это не жалуются, но претендуютъ на то, что они совершенно исключены отъ всякаго участія въ управленіи страны ими когда-то покоренной. Имъ не обидно, что они въ Бенгаліи, гдѣ магометанское населеніе преобладаетъ, поставлены на одинаковую ногу съ индусами, но имъ, какъ потомкамъ племени, имѣющаго великое прошлое, обидно, что индусы принимаются на службу, а именно они лишены этого средства существованія и отличія, ибо всюду и постоянно къ ней не допускаются. Нельзя не согласиться, что претензія эта вполнѣ справедлива, и никто не можетъ отнять отъ нихъ права говорить правительству, что при владѣніи тридцатью милліонами мусульманами оно обязано знать, чтó оно съ ними хочетъ дѣлать.

Населеніе восточной и южной Бенгаліи почти исключительно принадлежитъ къ послѣдователямъ закона пророка и какъ высшіе, такъ и низшіе классы исповѣдываютъ тамъ одну и ту же вѣру. Языкъ, извѣстный подъ именемъ бенгальскаго, не есть коренное нарѣчіе и замѣтно отличается отъ говора въ сѣверной Индіи или Персіи, но тѣмъ не менѣе, благодаря дѣятельности мусульманъ, до такой степени выработался, что въ настоящее время имѣется на немъ громадная духовная и гражданская литература. Вездѣ въ этой части Бенгаліи встрѣчаются остатки бывшаго могущества мусульманъ, и полуразвалившіяся мечети, фонтаны и дома ихъ падшей аристократіи, разбросанные по всей странѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ отжившаго величія. Потомки какихъ-нибудь князей, приговоренные по недостатку воспитанія и недопущенію на службу къ невыносимой бездѣятельности, теперь сурово и гордо убиваютъ горе и скуку среди своихъ непокрытыхъ дворцовъ и заросшихъ садовъ. Разоренные дома ихъ наполнены сыновьями и дочерьми, внуками, племянниками и племянницами, и ни одинъ изъ этой голодной толпы не имѣетъ даже надежды найти какія-нибудь занятія, могущія дать ему средства избавиться отъ нищеты и гнетущей его тоски. Безрадостно тянется для нихъ жизнь въ обвалившихся верандахъ или протекающихъ бесѣдкахъ, и время все глубже и глубже ввергаетъ ихъ въ безвыходную пропасть долговъ; конецъ же этому обыкновенно тотъ, что сосѣдній индусъ-ростовщикъ завладѣваетъ остатками имѣнія и тѣмъ однимъ разомъ отнимаетъ отъ нихъ и положеніе, и послѣднее состояніе.

Худшаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ находятся высшіе классы бенгальскихъ мусульманъ, придумать нельзя: у нихъ отнято все, а взамѣнъ не дано ничего. Доступъ къ различнымъ отраслямъ государственной администраціи, какъ-то: финансы, полиція, суды и прочее, для нихъ болѣе не существуетъ. Даже армія, составлявшая всегда ихъ элементъ, окончательно для нихъ недоступна [1]). Лѣтъ сто тому назадъ, бенгальскій мусульманинъ не могъ сдѣлаться нищимъ, а теперь наоборотъ, даже имѣющій

---

[1]) Въ англійской регулярной арміи нѣтъ ни одного офицера, принадлежащаго къ мусульманскому населенію страны, который имѣлъ бы королевскій патентъ на чинъ. Адъютантъ вице-короля Хидайатъ-Али есть единственное исключеніе; впрочемъ и онъ, несмотря на многія оказанныя имъ услуги, пользуется только почетнымъ чиномъ капитана, по патенту мѣстнаго правительства. Мусульмане не принимаются на службу иначе какъ простыми рядовыми въ туземные полки и никакого повышенія ожидать не могутъ, даже почти нѣтъ примѣровъ, чтобы кому-нибудь изъ нихъ удавалось получить хотя почетное, имѣющее только мѣстное значеніе званіе офицера.

состояніе почти не можетъ избавиться отъ конечнаго разоренія. Не говоря о придворной службѣ, бывшей всегда средствомъ къ обогащенію, главные источники могущества и благосостоянія мусульманъ истекали изъ командованія войсками, сбора податей и занятія юридическихъ или административныхъ должностей. Въ настоящее время, какъ уже сказано выше, армія для нихъ совершенно закрыта; боязнь образовать хорошихъ офицеровъ, которые при первомъ же возстаніи примѣнили бы пріобрѣтенныя на службѣ познанія для дѣйствія противъ своихъ же учителей, служила постояннымъ препятствіемъ къ допущенію ихъ въ войска, и теперь даже опасеніе это еще такъ развито, что англичане продолжаютъ упорно держаться принятой системы и отдаляютъ мусульманъ отъ званія, которое тѣ привыкли считать наслѣдственнымъ и для себя обязательнымъ.

Другой источникъ богатства мусульманской аристократіи состоялъ въ сборѣ поземельныхъ и другихъ доходовъ. Требованіе отъ покореннаго народа платежа повинностей было прямымъ послѣдствіемъ побѣды, и завоевателямъ доставался не только доходъ, но еще и выгодная обязанность его сбора. Нельзя впрочемъ не упомянуть о томъ, что въ Индіи отношенія мусульманъ къ туземному коренному населенію основаны были гораздо болѣе на политическихъ принципахъ, чѣмъ на деспотическихъ законахъ корана Магомета. Гордые пришельцы, сохраняя для себя только высшія финансовыя должности, пренебрегали подробностями сбора податей и предоставляли непосредственныя сношенія съ производителями своимъ индусскимъ чиновникамъ. Система финансоваго управленія не была основана на какихъ-нибудь положительныхъ законахъ, а на силѣ, которою располагали покорители; индусы постоянно старались заплатить менѣе, чѣмъ отъ нихъ требовали, а мусульмане—получить болѣе чѣмъ слѣдовало имъ, и всѣ между ними недоразумѣнія рѣшались не судебнымъ порядкомъ, а остріемъ меча.

Англичане вначалѣ сохраняли этотъ общепринятый въ мусульманскомъ мірѣ способъ сбора доходовъ, но впослѣдствіи постепенно его измѣнили и наконецъ ввели ту систему, которая существуетъ теперь, и совершенно удалили всѣхъ мусульманъ отъ участія въ дѣлѣ, въ которомъ они дѣйствительно не могли быть болѣе терпимы. При этой реформѣ правительство не могло оставить безъ должнаго вниманія и вопросъ о правѣ владѣнія землею и терпѣть, чтобы индусы по старому продолжали бы, кромѣ государственной подати, платить еще такую же и мусульманскому дворянству, привыкшему смотрѣть на Индію какъ на свою соб-

ственность, добытую силою оружія, а на ея жителей какъ на арендаторовъ или работниковъ, трудъ которыхъ долженъ идти на поддержку ихъ роскоши и тунеядства. Понятно, что англичане, изъ чувства человѣколюбія, должны были прекратить эти уродливыя отношенія, оскорблявшія всякую справедливость, и разрѣшить поземельный вопросъ на такихъ началахъ, которыя признали бы какъ мусульманъ, такъ и индусовъ, равноправными для владѣнія землею.

Поземельный вопросъ стоилъ огромныхъ денегъ правительству, но разрѣшенъ былъ вполнѣ удачно, а съ европейской точки зрѣнія и совершенно справедливо, такъ что мусульмане, которые въ сущности никогда не были собственниками въ нашемъ смыслѣ этого слова, а пользовались доходами съ земли только черезъ то вліяніе, которое они имѣли на дѣйствительныхъ владѣльцевъ, получили въ вѣчную собственность извѣстные, смотря по занимаемому ими положенію, болѣе или менѣе значительные надѣлы; затѣмъ индусы были признаны также собственниками, необязанными платить за занимаемыя ими земли никому другому, кромѣ правительства. Насколько эта важнѣйшая реформа оказала выгодныя послѣдствія на индусовъ, настолько же она послужила къ окончательному разоренію мусульманской аристократіи. Непривыкшіе къ труду, изнѣженные развратомъ и жившіе въ роскоши и нѣгѣ, мусульмане, не будучи совершенно къ тому подготовлены воспитаніемъ, оказались вполнѣ неспособными къ поддержкѣ своего благосостоянія собственною работою и скоро стали дѣлать огромные шаги по пути разоренія. Въ настоящее время они страшно упрекаютъ въ этомъ англичанъ, но всякій согласится, что упрекъ этотъ совершенно неоснователенъ, и пойметъ, что никакое образованное государство въ мірѣ не рѣшилось бы терпѣть систему налоговъ, обогащающую нѣсколькихъ людей и угнетающую массу трудолюбиваго населенія. Но мусульмане не хотятъ этого понять и видятъ въ дѣйствіяхъ правительства только свое разореніе и утрату преимуществъ, добытыхъ ими когда-то силою меча.

Занятіе высшихъ и низшихъ юридическихъ и гражданскихъ должностей составляло не менѣе важный источникъ благосостоянія мусульманской аристократіи. Вначалѣ, должности эти были исключительною монополіею ихъ расы, и даже довольно долго при англійскомъ правительствѣ они сохраняли преимущество засѣдать съ правомъ голоса въ англійскихъ судахъ; но впослѣдствіи, при постепенномъ изгнаніи изъ судопроизводства закона Магомета, вмѣстѣ съ нимъ стали удаляться и они, а должности ихъ

замѣщаться индусами. Въ гражданской администраціи случилось то же самое: мѣста занимаемыя прежде мусульманами стали предпочтительно отдаваться индусамъ, такъ что если взглянуть теперь на оффиціальный списокъ должностныхъ лицъ Бенгаліи, гдѣ, какъ извѣстно, преобладаетъ магометанское населеніе, то окажется, что изъ 2111 чиновниковъ—1338 англичане, 681 индусы и только 92 мусульмане, и тѣ между прочимъ занимаютъ самыя ничтожныя мѣста. Сто лѣтъ тому назадъ, мусульмане занимали всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, и индусы съ благодарностью принимали второстепенныя мѣста, которыя тѣ имъ предоставляли, а англичане имѣли единственными представителями коммерческихъ факторовъ или дѣлопроизводителей въ магометанскихъ же конторахъ.

Въ настоящее время все измѣнилось до такой степени, что въ нѣкоторыхъ управленіяхъ съ трудомъ можно даже найти человѣка, который былъ бы въ состояніи прочесть что-нибудь на языкѣ бывшихъ властителей страны, и единственныя должности, на которыя имъ еще можно претендовать въ гражданской администраціи, не превышаютъ положенія привратника, разсыльнаго или сторожа. Такое систематическое удаленіе мусульманъ отъ всякой коронной службы, истекающая изъ этого невозможность для ихъ высшихъ классовъ сохранить свое значеніе въ краѣ и посредствомъ занятія административныхъ должностей имѣть хотя небольшое вліяніе на ходъ управленія родиною, возбуждаютъ между ними страшнѣйшее неудовольствіе противъ британскаго правительства, и въ этомъ они совершенно правы. У нихъ нѣтъ никакой будущности, и понятно, что вѣрно оцѣнивая свое положеніе, они кричатъ противъ системы угнетающей ихъ и низводящей до окончательной нравственной гибели.

XIII.

Спрашивается, кто же въ этомъ виноватъ? Быть можетъ, индусы всегда были лучше одарены природою, чѣмъ мусульмане, и требовали только поприща для того, чтобы примѣнить свои способности? Или, быть можетъ, мусульмане имѣютъ столь много средствъ къ существованію внѣ дѣятельности оффиціальной жизни, что, будучи заняты своими собственными дѣлами, равнодушны къ государственнымъ должностямъ и предоставляютъ ихъ индусамъ? Но при знаніи обстоятельствъ къ такого рода заключеніямъ придти невозможно. Индусы несомнѣнно народъ съ дарованіями, но признать за ними такого рода способности, которыя давали бы имъ право на исключительное занятіе всѣхъ должностей въ администраціи, положительно несправедливо и совершенно противорѣчило бы ихъ прошлому. Выше было замѣчено, что мусульмане, вслѣдствіе недостатка воспитанія, не въ состояніи съ успѣхомъ заниматься сельскими дѣлами; то же самое можно замѣтить и относительно другихъ занятій, такъ что всѣ выгоднѣйшія профессіи, какъ-то медицинская, адвокатская и другія перешли въ руки индусовъ и почти совершенно у нихъ отняты. Слѣдовательно, должна же быть какая-нибудь причина, которая довела мусульманъ до того, что лишила ихъ всякой дѣятельности какъ въ государственной администраціи, такъ равно и въ частной жизни. Извѣстно, что когда страна перешла во власть Англіи, то они составляли тамъ высшую породу людей, и не только по отважности или бывшей славѣ ихъ оружія, но и по тѣмъ административнымъ талантамъ и развитію наукъ, которые отличали ихъ отъ другихъ жителей Индіи. Безпристрастная справедливость заставитъ каждаго близко ихъ знающаго сказать, что они далеко не лишены интеллектуальныхъ способностей; лѣнь, въ которой ихъ упрекаютъ, также не есть принадлежность ихъ характера и, кромѣ того, честолюбіе и постоянно угнетающая ихъ бѣдность принуждаютъ ихъ искать дѣятельности и занятій, могущихъ улучшить ихъ положеніе.

Правительство покрыло всю Бенгалію школами, и что школы эти вѣроятно хороши, можно заключить изъ того, что ежегодно изъ нихъ выходятъ развитые и хорошо приготовленные индусы, съ успѣхомъ продолжающіе потомъ свое образованіе въ университетахъ и впослѣдствіи завладѣвающіе всѣми путями, ведущими къ почестямъ и богатству. А между тѣмъ, вліяніе этихъ же са-

мыхъ школъ на мусульманъ совершенно другое, и они не только не служатъ къ развитію между ними образованія, но напротивъ того, скорѣе закрываютъ имъ всякій доступъ къ какой бы то ни было карьерѣ. Слѣдовательно, во внимательномъ разборѣ вопроса о воспитаніи должно заключаться объясненіе того факта, что мусульмане удалены почти отъ всякаго рода дѣятельности и какъ будто приговорены погибнуть въ тунеядствѣ и нищетѣ.

Дѣло въ томъ, что система общественнаго образованія, введенная англичанами, пробудившая порабощенныхъ индусовъ отъ вѣкового сна и возбудившая въ ихъ неподвижныхъ массахъ благородныя побужденія, ненавистна мусульманамъ, нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ требованіямъ и совершенно противоположна какъ ихъ традиціямъ, такъ и ихъ религіи.

Подъ мусульманскимъ владычествомъ индусы покорялись своей судьбѣ точно также покорно, какъ они это дѣлаютъ и теперь. Въ прежнее время для службы требовалось знаніе персидскаго языка, въ настоящее время необходимъ англійскій, и индусы смиренно изучали тогда точно также, какъ они это дѣлаютъ и теперь, нарѣчіе одинаково для нихъ чуждое, но необходимое, какъ средство для достиженія извѣстнаго рода цѣлей.

Мусульмане находятся въ совершенно другомъ положеніи. До водворенія англійской власти, они составляли не только политическую, но и интеллектуальную силу Индіи. У нихъ существовала своя собственная система воспитанія, которая, быть можетъ, была хуже введенной теперь, но, тѣмъ не менѣе, несравненно выше всѣхъ извѣстныхъ въ то время въ Азіи, содѣйствовавшая имъ въ развитіи между ихъ молодежью какъ умственныхъ, такъ и физическихъ способностей и въ приготовленіи тѣхъ дѣятелей, которыми страна тогда изобиловала. Въ теченіе первыхъ 75-ти лѣтъ британскаго владычества, мусульманскія школы сохранялись въ неизмѣнномъ видѣ, англичане имъ покровительствовали и были того мнѣнія, что окончаніе въ нихъ образованія было необходимо для тѣхъ, которые посвящаютъ себя въ будущемъ для государственной службы. Но со введеніемъ школъ, устроенныхъ по англійскому образцу, и какъ только школамъ этимъ удалось подготовить новое поколѣніе людей, старая мусульманская система воспитанія была отброшена, и результатомъ этого вышло то, что всякій доступъ мусульманамъ къ какой бы то ни было общественной дѣятельности оказался вдругъ прекращеннымъ. Конечно, будь мусульмане дальновиднѣе, они должны были бы признать силу совершившагося факта и примѣниться къ своему новому положенію, но они этого не сдѣлали, и оно отчасти понятно — почему.

Воспоминаніе ихъ могущества было еще такъ свѣжо, что они не были въ состояніи смиренно покориться судьбѣ и забыть свои старыя традиціи. Система воспитанія, введенная англичанами, была ими отвергнута съ негодованіемъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что она не представляла имъ никакихъ преимуществъ надъ индусами, надъ которыми они такъ долго властвовали, ненавидѣли какъ идолопоклонниковъ и презирали какъ порабощенную и низшую расу. Религія поддерживала народное предубѣжденіе противъ нововведенія, и долго вопросъ о возможности магометанскому мальчику, безъ опасенія погубить свою душу, посѣщать общественную школу, оставался нерѣшеннымъ. Если бы англичане ввели свою систему воспитанія и проводили ее черезъ посредство англійскихъ учителей, то мусульмане далеко не сдѣлали бы изъ этого вопросъ религіи, ибо хотя они и не любятъ христіанъ, но не презираютъ ихъ до такой степени, какъ индусовъ, и видятъ въ ученіи Христа удалившуюся отъ истины и еретическую религію, но все-таки боговдохновенную. Но несчастіе состояло въ томъ, что правительство ввело въ общественныя школы англійскій и индустанскій языки, а мѣста учителей замѣстило индусами, такъ что мусульмане этотъ промахъ объяснили распространеніемъ язычества черезъ посредство ненавистныхъ имъ язычниковъ.

Три чрезвычайно важныя обстоятельства служатъ препятствіемъ къ распространенію образованія между мусульманами, при помощи общественныхъ и сельскихъ школъ. Первое, какъ уже сказано, индусы-учителя и индустанскій языкъ; второе то, что ни одна изъ этихъ школъ не учитъ языкамъ, необходимымъ мусульманамъ какъ въ общественной жизни, такъ и для совершенія ихъ религіозныхъ обрядовъ; такъ, напримѣръ, арабскій или персидскій, безъ знанія которыхъ правовѣрные не могутъ даже молиться, тамъ совершенно не проходятся; и въ-третьихъ, школы эти чисто свѣтскія, реальныя, оставляютъ всякое религіозное образованіе въ сторонѣ и, слѣдовательно, не даютъ ни малѣйшаго понятія ни о коранѣ, ни о другихъ священныхъ книгахъ.

Англичане никогда не хотѣли обратить должнаго вниманія на школы и устроить ихъ на такихъ началахъ, чтобы получаемое въ нихъ воспитаніе могло быть примѣнимо и одинаково полезно какъ мусульманамъ, такъ и индусамъ. Въ отдаленіи мусульманъ отъ источника даруемаго имъ просвѣщенія, они видѣли только упорство и суевѣріе закоренѣлыхъ изувѣровъ, но не понимали, что у магометанъ вѣра фанатическая и страшно требовательная составляетъ всю основу жизни, и что всякая система

воспитанія, не соединяющая религіозное и свѣтское образованіе вмѣстѣ, никогда у нихъ не примѣнится и всегда имъ будетъ ненавистна. А такъ какъ съ этимъ нельзя не согласиться, ибо это есть неоспоримый фактъ, то послѣ этого понятно, что мусульмане страшно нападаютъ на англичанъ и обвиняютъ ихъ въ обращеніи вносимыхъ ими на воспитаніе дѣтей денегъ исключительно на пользу однихъ только индусовъ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что правительство, введя систему образованія, несоотвѣтствующую потребностямъ мусульманъ и развивая и поддерживая ее на счетъ доходовъ, собираемыхъ для этой цѣли со всѣхъ жителей Индіи безразлично, кромѣ того еще лишило мусульманъ и тѣхъ капиталовъ и земель, которые издавна существовали у нихъ, какъ фонды для поддержки ихъ собственныхъ старыхъ школъ. Въ прежнее время въ Бенгаліи всякая значительная фамилія содержала на свой счетъ въ центрѣ своихъ помѣстій учебное заведеніе, въ которомъ какъ ея дѣти, такъ и дѣти бѣдныхъ сосѣдей получали даровое воспитаніе. Съ утратою значенія и богатства мусульманской аристократіи, школы такія сократились въ числѣ, а остающіяся, за неимѣніемъ надлежащихъ средствъ къ существованію, стали приходить въ весьма быстрый упадокъ, такъ что этотъ способъ воспитанія дѣтей скоро совершенно прекратился. Но утрата этихъ учебныхъ заведеній хотя и была чувствительна для мусульманъ, все-таки еще не лишила ихъ всякихъ средствъ для воспитанія дѣтей, у нихъ оставались другія школы, точно также хорошія и дававшія тоже даровое воспитаніе. Съ незапамятныхъ временъ существовалъ обычай жертвовать капиталы и земли для постройки и содержанія мечетей и школъ; обычай этотъ былъ такъ вкорененъ, что почти всѣ великолѣпныя постройки въ краѣ обязаны ему своимъ происхожденіемъ. По убѣжденію магометанъ, порочная жизнь и цѣлый рядъ преступленій вполнѣ искупаются предсмертнымъ пожертвованіемъ такого рода, и на этомъ основаніи всякій правовѣрный, имѣвшій возможность распорядиться чѣмъ бы то ни было, считалъ для себя непремѣнно обязательнымъ это сдѣлать. Мусульмане, какъ покорители и распорядители страны, нисколько не стѣснялись въ раздачѣ такимъ образомъ земель, которыя въ сущности принадлежали имъ, или, лучше сказать, захватывались ими только по праву сильнаго, а не на основаніи какого-нибудь документа, и, конечно, злоупотребляли своею властью. Когда Индія перешла въ вѣдѣніе англичанъ и лѣтъ 50 спустя былъ поднятъ поземельный вопросъ, то оказалось, что четверть всѣхъ земель, принадлежащихъ госу-

дарству, находилась въ рукахъ мусульманъ. Англичане нашли это невыгоднымъ, и съ 1772 по 1828 годъ производили тщательныя разслѣдованія этого дѣла, но долго колебались и не рѣшались на какія-нибудь крутыя мѣры, пока, наконецъ, достаточно окрѣпши, не пришли къ тому заключенію, что земли эти слѣдуетъ возвратить коронѣ, и дѣйствительно, начиная съ 1828 г. по 1836 годъ, мѣра эта постепенно приводилась въ исполненіе. Послѣдствіемъ этого была страшная паника, и всякій мусульманинъ сталъ дрожать за то, что онъ считалъ своею собственностью; сотни аристократическихъ семействъ были въ конецъ разорены, а школы, только и существовавшія вслѣдствіе владѣнія такими незаконно пожертвованными имъ землями, черезъ отнятіе ихъ получили смертельный ударъ.

Съ точки зрѣнія юридической, владѣніе чужою собственностью есть насильственный захватъ, но съ другой стороны, давность этого владѣнія должна была бы быть принята въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что самые законы Индіи и въ особенности положеніе мусульманъ въ краѣ, могли достаточно извинить послѣднихъ какъ въ этомъ захватѣ, такъ равно и въ неимѣніи документовъ на право владѣнія. Но англичане были въ этомъ случаѣ безжалостны и, конечно, дѣйствія ихъ тогда не мало содѣйствовали къ развитію той глубочайшей ненависти, которую питаютъ къ нимъ разоренные мусульмане, лишенные черезъ это однимъ разомъ и состоянія, и школъ для воспитанія дѣтей.

Отнятіе незаконно занимаемыхъ земель можетъ еще быть юридически объяснено, но присвоеніе нѣкоторыхъ капиталовъ, неоспоримо принадлежащихъ мусульманамъ, со стороны англичанъ дѣйствительно непростительно и вызываетъ противъ нихъ между послѣдователями пророка сильнѣйшія негодованія. Мусульмане доказываютъ, что если бы британское правительство не злоупотребляло властью и не обращало пожертвованныя съ извѣстною цѣлью деньги на предметы, конечно не имѣвшіеся въ виду жертвователями, то въ настоящее время они имѣли бы превосходнѣйшія учебныя заведенія въ Бенгаліи и конечно не были бы доведены до того печальнаго положенія, въ которомъ находятся теперь.

Въ 1806 году умеръ одинъ богатѣйшій мусульманинъ и оставилъ огромное состояніе на благотворительныя учрежденія, между которыми первое мѣсто должна была занять обширная коллегія для дарового воспитанія бѣдныхъ дѣтей магометанской вѣры. Между исполнителями его завѣщанія вышли недоразумѣнія, тя-

нувшіяся до 1810 года и превратившіяся наконецъ въ судебное дѣло. Правительство, чтобы его прекратить, взяло имѣніе въ опеку и приняло на себя исполненіе завѣщанія умершаго богача, но вмѣсто того чтобы, согласно его волѣ, устроить мусульманскую школу, обратило оставленныя имъ деньги на учрежденіе англійской коллегіи, то-есть высшаго христіанскаго учебнаго заведенія, куда мусульмане, вслѣдствіе различныхъ вышеописанныхъ причинъ, почти не поступаютъ. Училище это, одно изъ лучшихъ въ Индіи, существуетъ и теперь исключительно на проценты съ капитала, оставленнаго названнымъ мусульманиномъ, даетъ отличное воспитаніе молодымъ англичанамъ и индусамъ, вполнѣ раціональное и практическое, но не учитъ ни арабскому, ни персидскому языкамъ и не жертвуетъ даже ни одной минуты въ годъ для преподаванія религіи пророка [1]). И такихъ примѣровъ весьма много, такъ что понятно послѣ этого, что мусульмане правы, обвиняя правительство въ похищеніи принадлежащихъ имъ капиталовъ, и конечно никогда не простятъ дѣйствія, которыя они считаютъ за верхъ злоупотребленія силы.

Но этимъ далеко еще не кончаются всѣ причины существующаго неудовольствія на настоящихъ властителей страны.

Жалуясь на то, что англичане отняли у нихъ всякія средства къ честному существованію, мусульмане обвиняютъ ихъ еще и въ покушеніи погубить души ихъ и лишить блаженства въ будущей жизни. Всѣ религіи допускаютъ извѣстное число праздниковъ, то-есть особенные дни, предназначенные для совершенія духовныхъ обязанностей. Магометане, какъ и всѣ другіе, съ тѣмъ же чувствомъ любви относятся къ своимъ торжественнымъ днямъ, и быть можетъ гораздо болѣе прочихъ дорожатъ исполненіемъ обрядовъ, требуемыхъ отъ нихъ кораномъ. Въ большей части Индіи англичане уважали это чувство, но въ нижней Бенгаліи магометане въ послѣднее время такъ были упущены изъ вида, что религіозныя ихъ потребности и обычаи были постепенно забыты, а праздники наконецъ совершенно уничтожены. Въ прошломъ году, общество мусульманскихъ адвокатовъ обратилось къ правительству съ прошеніемъ по этому предмету и указывало на то, что число праздничныхъ дней, допускаемыхъ закономъ, достигаетъ

---

[1]) Правительство, вслѣдствіе жалобъ мусульманъ, устроило для удовлетворенія ихъ при коллегіи небольшую отдѣльную школу, въ которой преподаются арабскій и персидскій языки, а также и законъ пророка. Но уступка эта нисколько не успокоила мусульманъ, ибо капиталъ, оставленный на коллегію, приноситъ 5250 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и англичане, удерживая на свое заведеніе 5000 фунтовъ, только остальные отдаютъ на содержаніе мусульманскаго отдѣленія.

ежегодно у христіанъ до 62-хъ, а у индусовъ до 52-хъ. Мусульманамъ же между тѣмъ даровано всего 11 дней въ году тогда, когда прежде правительство признавало ихъ 21. Все, что общество осмѣливалось просить, это то, чтобы правительство по крайней мѣрѣ не убавляло тотъ минимумъ праздниковъ, которые имъ оставлены были теперь. Прошеніе это вызвано было указомъ, постановляющимъ, чтобы мусульманскіе праздники, допускаемые въ судахъ, не превосходили числомъ и были тѣ же самые, какіе допущены въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Но дѣло въ томъ, что въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ не признаются вовсе никакіе мусульманскіе праздники, а просто начальнику каждаго управленія даровано право, служащаго у него магометанина увольнять отъ занятія по службѣ для совершенія его религіозныхъ обязанностей, но съ тѣмъ чтобы отпуски эти не превосходили 12-ти дней въ году; работа же въ это время не прекращается, и управленія остаются открытыми. Мусульманскіе адвокаты доказывали, что подобная система не можетъ быть примѣнена къ судамъ, ибо если во время магометанскихъ праздниковъ они будутъ открыты и въ нихъ будутъ разбираться дѣла, касающіяся мусульманъ, безъ участія ихъ адвокатовъ, только на томъ основаніи, что одна изъ тяжущихся сторонъ можетъ принадлежать націи, непризнающей мусульманскихъ торжественныхъ дней, то всякая справедливость этимъ будетъ нарушена, и судъ рискуетъ быть совершенно пристрастнымъ. Однимъ словомъ, указъ этотъ вопрёки обычая, существовавшаго 72 года, уничтожалъ совершенно мусульманскіе торжественные праздники и обращалъ дни, назначенные для удовлетворенія религіозныхъ требованій и передъ этимъ признаваемые закономъ, просто въ обыкновенныя отлучки, зависящія отъ произвола начальника [1]).

Остается разсмотрѣть еще одно весьма важное обвиненіе, взводимое на британское правительство. Мусульмане жалуются, что англичане не только удалили ихъ отъ всякаго участія въ юридической дѣятельности, но еще лишили ихъ казіевъ, необходимыхъ имъ въ частной жизни, а также и для исполненія духовныхъ требъ. При магометанскомъ правительствѣ и весьма долго при англійскомъ, казіи соединяли въ себѣ все судопроизводство по уголовнымъ, гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ. Первые

[1]) Впрочемъ, въ настоящее время, по распоряженію лондонскаго кабинета, указъ этотъ отмѣненъ, такъ что теперь мусульмане пользуются нѣсколькими праздничными днями въ году, но все-таки не въ томъ количествѣ, какъ они этого желали и какъ требуетъ это ихъ законъ.

судебные уставы, писанные англичанами для Индіи, вполнѣ признавали важность ихъ значенія, и до сихъ поръ еще сохранился въ сводѣ законовъ длинный рядъ указаній, относящихся до ихъ обязанностей. Вообще казіи до такой степени необходимы для внутренней жизни мусульманъ, что муллы и ученые, рѣшавшіе вопросъ о священной войнѣ, признали, что Индія останется страной ислама (Dár-ul-Islam) до тѣхъ поръ, пока сохранятся въ ней казіи, и наоборотъ, превратится въ страну непріятеля (Dàr-ul-Harb), съ того времени, когда должность эта перестанетъ существовать. Къ сожалѣнію, близкое знакомство съ магометанскими народными чувствами пріобрѣтено англичанами весьма недавно и то только вслѣдствіе тѣхъ кровавыхъ изъявленій неудовольствія, которыя въ послѣднее время такъ часто нарушали спокойствіе страны. Въ 1863 году, одинъ изъ правителей провинцій возбудилъ вопросъ о возможности упраздненія должности казія, и правительство послѣ нѣкоторыхъ колебаній, несмотря на сильнѣйшій протестъ со стороны бомбейскаго начальства, одобрило этотъ проектъ и издало указъ о приведеніи его въ исполненіе, такъ что въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ большая и постоянно увеличивающаяся часть мусульманскаго населенія была лишена лица, необходимаго для совершенія брачныхъ и другихъ не менѣе важныхъ обрядовъ и духовныхъ церемоній. Съ самаго начала, упраздненіе казіевъ еще не было такъ чувствительно, ибо занимавшіе эти должности оставлены были на мѣстахъ до выбытія ихъ черезъ смерть или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но такъ какъ новыхъ назначеній рѣшено было болѣе не дѣлать и вакантныя мѣста впредь болѣе не замѣщать, то вскорѣ бóльшая часть общинъ очутилась безъ казіевъ. Главныя обязанности казіевъ состояли въ утвержденіи духовныхъ завѣщаній, совершеніи браковъ и исполненіи нѣкоторыхъ чисто религіозныхъ обрядовъ. Упраздненіе этой должности имѣло первымъ послѣдствіемъ наводненіе судовъ всевозможными бракоразводными дѣлами въ такомъ количествѣ и столь запутанными, что самые образованные и дѣятельные судьи постоянно были затрудняемы въ справедливомъ ихъ рѣшеніи. Всѣ жалобы на невѣрность женъ обыкновенно не могли быть разрѣшаемы, по главнѣйшему затрудненію доказать не невѣрность, а дѣйствительность самаго брака и, слѣдовательно, правъ мужа. Похищеніе невѣстъ ставило судей въ такое же затрудненіе, ибо невозможно было доказать, съ какою цѣлью совершился увозъ, съ цѣлью ли добыть себѣ жену, или наложницу; первое по магометанскимъ обычаямъ допускаемо, а второе непростительно. Затрудненія, встрѣчаемыя при доказатель-

ствѣ законности брака еще болѣе усложняли дѣла о наслѣдствахъ и подавали поводъ къ тяжбамъ и страшнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Едва ли можно допустить, чтобы магометанская жизнь могла сложиться по правиламъ ихъ вѣры тамъ, гдѣ не существуетъ настоящаго законнаго казія. Не только иные обряды требуютъ его утвержденія, но постоянно возникаютъ такіе мелкіе религіозные вопросы, которые могутъ быть разрѣшены только черезъ его посредство. Если въ общинѣ не существуетъ подобное лицо, заинтересованное въ сохраненіи порядка, то этимъ самымъ уже дается большой просторъ дѣйствіямъ людей злонамѣренныхъ, и это такъ справедливо, что теперь доказано и не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что успѣхъ религіознаго движенія ваггабитовъ очень много обязанъ отсутствію казіевъ, то-есть лицъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ и могшихъ противодѣйствовать вліянію ихъ ученія. Въ политическомъ отношеніи, англичане сдѣлали громадную ошибку, упустивши изъ вида, что признаніе назначеннаго ими казія служило бы выраженіемъ полнаго признанія со стороны мусульманъ и законности британскаго правительства, ибо въ Индіи лица для занятія этихъ должностей никогда не избирались народомъ, а всегда назначались только тою властью, которую жители признавали за законную и имѣющую на то неоспоримое право. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время, вслѣдствіе инипіативы бывшаго вице-короля графа Майо, признавшаго уничтоженіе должности казія одною изъ величайшихъ правительственныхъ ошибокъ, дѣло это вновь поднято, и есть надежда, судя по сочувствію къ нему лондонскаго кабинета, что весьма въ скоромъ времени оно будетъ разрѣшено удовлетворительно.

XIV.

Въ заключеніе скажемъ вмѣстѣ съ докторомъ Гёнтеромъ, что настоящее положеніе англичанъ въ Индіи во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое, опасное и непрочное; но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ глубоко убѣжденъ, что все это могло бы измѣниться къ лучшему, если бы англичане, чистосердечно сознавъ всѣ свои ошибки, приняли надлежащія мѣры для ихъ исправленія. Корень всего зла происходитъ съ одной стороны отъ умственнаго застоя и недостатка образованія у мусульманъ, а съ другой—отъ слишкомъ недостаточнаго знанія ихъ исторіи, обычаевъ и религіи со стороны англичанъ. Если бы правительство примѣнило воспитаніе, давае-

мое въ общественныхъ школахъ, къ мусульманскимъ требованіямъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ посѣщались бы ими и послужили бы, конечно, лучшимъ средствомъ къ примиренію и сближенію всѣхъ національностей. Достаточно одного поколѣнія, чтобы измѣнить положеніе Индіи, и изъ слишкомъ тридцати-милліоннаго населенія сдѣлать если не совершенно преданныхъ, то по крайней мѣрѣ не враждебныхъ подданныхъ.

Общественныя школы должны быть устроены на такихъ началахъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не лишать мусульманъ возможности, черезъ посредство единовѣрцевъ, изучать ихъ вѣру и языки, необходимые какъ для внутренней ихъ жизни, такъ и для совершенія религіозныхъ обрядовъ. Просвѣщеніе сдѣлаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ нихъ менѣе слѣпыхъ послѣдователей ислама. Разумное воспитаніе должно имѣть на нихъ такое же вліяніе, какое оно имѣло на индусовъ, которые еще такъ недавно были самые суевѣрные люди въ мірѣ, а теперь стали болѣе или менѣе равнодушны къ религіознымъ вопросамъ и даже склонны къ принятію христіанства. Вѣротерпимость, какъ первое практическое послѣдствіе пріобрѣтеннаго въ школѣ, отличаетъ грядущее поколѣніе послѣдователей Брамы и Будды отъ отжившаго и отживающаго и прекратила, какъ непремѣнно прекратитъ и у мусульманъ, преступленія, возстанія и кровавые ужасы, совершавшіеся во имя лживаго ученія фанатической и варварской религіи.

Правительство должно быть сильно, ибо безъ этого оно не можетъ быть уважаемо, но не на штыки и страхъ преслѣдованій и казней должна упираться эта сила, а на тѣхъ чувствахъ любви и довѣрія, которыя должны питать къ нему его подданные. На этомъ основаніи, англичане обязаны вникнуть во всѣ причины, возстановляющія противъ нихъ мусульманъ, и не только удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ, но лишить ихъ и въ будущемъ необходимости желать перемѣны правительства, или, какъ они теперь говорятъ, низверженія угнетающаго ихъ ненавистнаго ига.

Сознаться въ ошибкѣ не стыдно, но поддерживать ее, вопреки истины и справедливости, непростительно, а въ политикѣ— въ высшей степени опасно: такого рода упорства кончаются обыкновенно кровавыми развязками.

Въ настоящее время правительство имѣетъ трудную задачу въ Индіи, и много осторожности и такта нужно, чтобы вернуть сочувствіе мусульманскаго населенія. Кромѣ общаго неудовольствія, пустившаго глубокіе корни въ народонаселеніи, присоединилось еще, для усложненія дѣла, религіозное движеніе, грозящее разру-

шить и безъ того уже не слишкомъ прочное зданіе. Силою остановить его и побѣдить невозможно: слово побѣждается словомъ, а не мечемъ, и притомъ смерть за вѣру, во всѣ вѣка, всегда очищала въ глазахъ современниковъ даже самую порочную жизнь. «Правительство должно это помнить—заключаетъ Гёнтеръ и рекомендуетъ англичанамъ постоянно имѣть въ виду фактъ изъ своей, христіанской исторіи: Георгій Каппадокійскій, говоритъ онъ, сперва ведшій порочную жизнь презрѣннаго паразита, потомъ бывшій неисправнымъ и недобросовѣстнымъ поставщикомъ мяса на римскія войска и, наконецъ, порочнымъ священникомъ, черезъ насильственную смерть за вѣру получилъ вѣнецъ святости и преобразился въ Георгія, чтимаго и поклоняемаго теперь всею Англіею.» Справедливость, вниманіе къ нуждамъ народа и просвѣщеніе, сдѣлаютъ больше, чѣмъ мечъ и эшафотъ, а такъ какъ настоящее правительство, какъ кажется автору, это поняло, то онъ и выражаетъ надежду, что положеніе дѣлъ въ Индіи измѣнится, и мусульмане, изъ собственныхъ же выгодъ, впослѣдствіи станутъ спокойно переносить владычество могущественной Англіи.

Гр. П. Кутайсовъ.

Лондонъ, 17/29-го января 1873 г.

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ СОЦІОЛОГІИ

А. Стронинъ, его „Методъ“ и „Политика“.

I.

«Новаторство есть открытіе новаго инстинкта или мнѣнія, оно есть то же, что въ физіологіи зачатіе, рожденіе. Характеристическая особенность его заключается въ томъ, что оно непремѣнно сопряжено со страданіемъ. Мѣра и степень этого страданія могутъ быть безконечно различны, отъ смертной казни онѣ могутъ ниспадать до простого непониманія новатора, какъ, напримѣръ, случилось это съ Шекспиромъ, Ньютономъ или, въ наши времена, съ О. Контомъ, но такъ какъ самосохраненіе (общества) навсегда останется самосохраненіемъ, то оно всегда будетъ противопоставлять препятствія и всякому будущему новаторству, а препятствія эти всегда будутъ отзываться страданіемъ на личностяхъ новаторовъ, каковы бы ни были его относительныя формы».

Въ этихъ отрывкахъ, извлеченныхъ нами изъ новой книги г. Стронина [1]), авторъ имѣлъ прежде всего въ виду великаго, названнаго имъ человѣка, котораго имя только теперь пріобрѣтаетъ заслуженное признаніе и извѣстность, когда давно уже истлѣли его кости. Отношеніе г. Стронина къ Огюсту Конту, перваго и лучшаго періода его дѣятельности, заканчивающагося

1) „Политика, какъ Наука“. Спб. 1872, стр. 228—233.

1842 годомъ, т.-е. изданіемъ послѣдняго тома «Курса положительной философіи», есть прежде всего отношеніе ученика къ учителю, у котораго ученикъ зажигаетъ свой свѣточъ, заимствуетъ исходную точку своего міросозерцанія.—«О. Контъ, по словамъ предисловія къ «Политикѣ» (стр. 7) есть зодчій, положившій вѣчный и незыблемый фундаментъ обществовѣдѣнію; онъ такой Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія». Какъ приготовленіе къ «Политикѣ», г. Стронинъ совѣтуетъ прежде всего читателю прочесть и усвоить себѣ 50-ю лекцію «Курса положительной философіи», какъ несомнѣнное достояніе политической науки. Но, изображая невыгоды новаторства, г. Стронинъ, по всей вѣроятности, относилъ мысленно эти невыгоды и къ самому себѣ. Хотя онъ позитивистъ и контистъ, но въ контизмѣ онъ новаторъ, безконечно отличный отъ тѣхъ приверженцевъ О. Конта, которые съ сектаторскою нетерпимостью, остановившись на «Курсѣ положительной философіи», отвергаютъ все то, что не согласуется съ этимъ евангеліемъ, и которые заявляютъ себя едва-ли не единственными хранителями настоящаго Контова ученія. У Конта, какъ извѣстно, начерченъ только планъ будущей науки соціологіи, доказаны ея необходимость и преподаны нѣкоторыя наставленія, какъ ее созидать. Г. Стронинъ задался мыслью науку эту строить по частямъ; онъ убѣжденъ, что мы засидѣлись слишкомъ долго на сыромъ матеріалѣ, что въ настоящее время пора не только выдѣлывать и обжигать кирпичи, но и выводить стѣны, выводить общіе законы для науки, вмѣсто того, чтобы подбирать одни наблюденія, да факты. Такъ какъ г. Стронинъ питаетъ величайшее неуваженіе къ такъ-называемой академической наукѣ; такъ какъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на способъ и порядокъ, по которымъ распредѣлено въ настоящее время обширное поле знанія, между отдѣльными спеціальностями; такъ какъ для него, какъ будто бы вовсе не существуютъ тѣ заборы, которыми каждая спеціальность обнесла свой участокъ, то очевидно, что идеи г. Стронина не могутъ и разсчитывать на скорый и радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ настолько же парадоксальны, насколько оригинальны. Г. Стронинъ имѣетъ отвращеніе къ общепринятымъ пріемамъ и проторенньмъ путямъ; онъ, какъ піонеръ, врубается въ неизвѣданную чащу лѣса, отыскивая новыя точки зрѣнія; онъ не отступаетъ ни предъ какими выводами, вытекающими изъ предвзятыхъ посылокъ, какъ бы странны ни казались эти выводы,—а выводы иногда дѣйствительно странны и дики, такъ что небольшого труда стóитъ представить ихъ въ забавномъ видѣ. Въ г. Стронинѣ

замѣчательна нетолько оригинальность замысловъ, но и настойчивость, съ которою онъ преслѣдуетъ цѣль и задачу своей жизни: выстройку соціологіи, какъ онъ ее понимаетъ, по частямъ. Въ 1869 году появилась первая его книга: «Исторія и методъ», въ прошедшемъ году издана «Политика, какъ наука», нынѣ, какъ заявлено авторомъ, онъ работаетъ надъ обширнымъ сочиненіемъ, посвященнымъ исторіи, которое будетъ такимъ же продолженіемъ «Политики», какимъ «Политика» была въ отношеніи къ «Методу». Такъ какъ «Политика» есть опытъ приложенія «Метода», то предположивъ изложить критически содержаніе «Политики», мы должны коснуться сначала книги о «Методѣ». Содержаніе этого перваго труда г. Стронина заключается въ слѣдующемъ.

II.

Есть громадная разница между группою наукъ, въ полномъ смыслѣ слова точныхъ, т.-е., математическихъ и естественныхъ, и областью наукъ, которыя можно до сихъ поръ называть неточными, каковы: психологія, обществовѣдѣніе, философія. По одной сторонѣ мы видимъ настоящіе законы, аксіомы, выведенныя изъ безчисленнаго множества методически совершаемыхъ наблюденій, по другой сторонѣ,—сколько головъ, столько теорій, никакой аксіомы, а одно только записываніе и описываніе фактовъ. Правило Конта: *savoir pour prévoir* еще непримѣнимо вовсе, реформы производятся ощупью, царитъ одно вдохновеніе и при отсутствіи знанія обществомъ руководятъ одни инстинкты, которые, какъ извѣстно, бываютъ всякіе, и хорошіе, и дурные, напримѣръ, тѣ, которые заставляютъ общество кидаться попеременно изъ революціи въ реакцію и изъ реакціи въ революцію. Давно пора въ обществовѣдѣніи искать неизмѣнныхъ законовъ, добираться до аксіомъ, въ противномъ случаѣ насъ подавитъ сырой матеріалъ. Спрашивается: какими путями можно дойти до открытія законовъ? Общее мнѣніе приписываетъ нынѣшнее процвѣтаніе естествовѣдѣнія автору книги «Novum Organon», Бэкону, и его индуктивному методу, отъ частностей восходящему къ общимъ понятіямъ и добывающему эти общія понятія посредствомъ самаго постепеннаго, самаго трезваго и осторожнаго отвлеканія. Не всякая наука имѣетъ одинаковые съ другими способы и средства изслѣдованія. Наиболѣе дедуктивная изъ наукъ, математика, началась съ индукціи, посредствомъ которой она добыла свои аксіомы—истины столь очевидныя, что умъ можетъ ихъ повѣрять и убѣ-

ждаться въ нихъ ежеминутно внѣшними чувствами. Въ естественныхъ наукахъ познавательныя средства, коими распоряжается индукція, уже менѣе надежны; они состоятъ въ производствѣ физическихъ опытовъ, причемъ наблюдатель воспроизводитъ явленія, уединяетъ ихъ, исключая все несущественное отъ существеннаго, и изощряетъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ искусственными снарядами. Чѣмъ выше будемъ подвигаться по лѣстницѣ наукъ отъ простыхъ, восходя къ сложнѣйшимъ, тѣмъ слабѣе становиться будутъ основанія, по которымъ изъ частностей мы заключаемъ объ общемъ, такъ что на высотѣ общественной исторіи или соціологіи, у насъ въ рукахъ останется только то, что авторъ называетъ *обсерватикою*—наблюденія надъ преходящими явленіями, кои не могутъ повториться. У наблюдателя нѣтъ снаряда ни для приближенія безконечно далекаго (вѣка до-историческіе), ни для увеличенія безконечно малаго и близкаго (настоящая минута). Изолированіе явленій бываетъ въ этой области самое неточное, оно—подобіе настоящаго изолированія и заключается въ томъ, чтобы, изучая какой-либо общественный элементъ, брать его въ томъ именно обществѣ, гдѣ это начáло преобладало въ жизни и положило на ней свое клеймо (методъ Бокля). Индукція есть способъ познанія вѣрный, но медлительный: она движется точно ползкомъ. Ея достоинство въ томъ, что каждое положеніе и обобщеніе можно тотчасъ повѣрить, но ея обобщенія и законы бываютъ только эмпирическіе. Усматривая, что одно существовало всегда въ пространствѣ съ другимъ, или, что одно слѣдовало всегда во времени за другимъ, индукція заключаетъ, что и напередъ такъ будетъ. Такимъ-то образомъ древніе жрецы предсказывали день и часъ затмѣнія свѣтилъ, не зная причинъ его, а можетъ быть предполагая, что каждое предыдущее затмѣніе есть собственно причина всякаго послѣдующаго, пока не былъ открытъ, посредствомъ смѣлой дедукціи, раціональный законъ обращенія планетъ вокругъ солнца, и потомъ еще болѣе коренной законъ тяготѣнія космическихъ тѣлъ, послѣ чего индукція, поступивъ въ помощницы дедукціи, сдѣлалась полезнѣйшимъ средствомъ повѣрки истинъ, предвосхищенныхъ дедукціею. Со времени Бэкона естественныя науки ушли шибко впередъ и изъ индуктивныхъ сдѣлались въ весьма значительной степени дедуктивными, чему онѣ и обязаны блистательнѣйшими своими открытіями, лучшими своими теоріями; когда эти теоріи будутъ повѣрены и превратятся въ аксіомы, естествознаніе уподобится математикѣ и займется, главнымъ образомъ, дѣланіемъ частныхъ выводовъ изъ общихъ истинъ или аксіомъ. Индукція и дедукція столь же не-

разрывно связаны другъ съ другомъ, какъ впечатлѣніе и рефлексъ, какъ нервы чувства и нервы движенія, какъ наука и искусство; въ общемъ итогѣ мышленія онѣ всегда въ полнѣйшемъ равновѣсіи, но въ каждомъ періодѣ исторіи мышленія преобладаетъ то одна, то другая. Чѣмъ сильнѣе преобладаетъ одна, тѣмъ съ большею достовѣрностью можно предсказать, что въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ будетъ господствовать другая. Взаимное ихъ содѣйствіе въ образованіи наукъ подлежитъ слѣдующему закону: въ младенчествѣ знанія дедукція почти опережала индукцію, какъ метафизическая философія опережала положительную; дедукція толкала впередъ науку, строя смѣлыя догадки. Самыя смѣлыя и богатыя ипотезы ни къ чему однако не послужатъ, если не будутъ поддержаны индукціею, которая необходима какъ средство повѣрочное, для обработки и претворенія ипотезъ въ аксіомы. Индукція преобладаетъ во второмъ періодѣ наукъ, самомъ производительномъ, но коль скоро дойдетъ она до аксіомъ и утвердится на нихъ, то отношеніе способовъ изслѣдованія мѣняется и наступаетъ дедукція завершенія, тѣмъ отличающаяся отъ дедукціи почина, что эта послѣдняя ставила общіе законы въ видѣ неповѣренныхъ догадокъ, а первая изъ утвердившихся аксіомъ выводитъ нескончаемые вереницы результатовъ. Математика и астрономія давно вступили въ періодъ дедукціи завершенія. Химія, физика, біологія обрѣтаются въ періодѣ индуктивномъ самосильнѣйшаго творчества, склоняются уже однако къ дедукціи завершенія. Наоборотъ, въ соціологіи, по причинѣ наибольшаго осложненія явленій и наибольшей неточности способовъ изслѣдованія, настоящая наука едва зарождается; самое полезное для нея средство въ настоящую минуту заключалось бы въ дедукціи почина, но эта дедукція не можетъ донынѣ развернуть своихъ крыльевъ потому, что замыкаясь въ средѣ данныхъ, исключительно соціологическихъ, она одними этими данными хотѣла пробавляться и довольствоваться. Такія тощія общія понятія и начáла, каковы идея прогресса, законы свободы и равенства, максимація счастія и тому подобное, истощены до послѣдней капли во всевозможныхъ философіяхъ исторіи. Обыкновенный пріемъ, употребляемый въ этого рода работахъ, состоялъ въ томъ, что брали какое-нибудь одно человѣческое свойство, отправленіе, явленіе, иногда даже непосредственное чувство, и растягивали его въ безконечность на все прошлое и будущее человѣчества, вслѣдствіе чего въ обществознаніи не только нѣтъ такихъ аксіомъ, какъ въ математикѣ, но даже и такихъ теорій, какими изобилуютъ физика, химія, физіологія,—а кишатъ одни противо-

положныя мнѣнія, изрекаемыя со всѣмъ увлеченіемъ страстей, затрогиваемыхъ общественными вопросами. Такъ какъ, продолжая вращаться въ этомъ заколдованномъ кругу, мы не дойдемъ никогда ни до какого подобія аксіомы, то для созданія соціологіи необходимо прибѣгнуть къ тому роду дедукціи, который еще не примѣнялся къ обществовѣдѣнію, между тѣмъ какъ онъ-то и обѣщаетъ, по мнѣнію г. Стронина, дать самые богатые результаты. Этотъ родъ дедукціи есть *аналогика;* онъ состоитъ въ перенесеніи въ обществовѣдѣніе готовыхъ законовъ и аксіомъ, признанныхъ въ другихъ областяхъ знанія и въ изслѣдованіи. Не тѣ ли самые законы управляютъ жизнью народовъ, судьбами государствъ, которые проявляются въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ и въ развитіи каждаго растенія и каждаго животнаго? Съ давнихъ временъ науки дѣлали одна у другой такія заимствованія, которыя всегда давали самые цѣнные результаты, вели къ величайшимъ открытіямъ въ лѣтописяхъ науки. Заимствуемый законъ объяснялъ сразу цѣлые ряды явленій или фактовъ, которыхъ связи ни между собою, ни съ этимъ закономъ никто и не подозрѣвалъ. Такія приложенія законовъ одной науки къ области другой бывали чаще всего дѣломъ вдохновенія, но есть возможность совершать открытія методически и безъ вдохновенія, исходя изъ предположенія, что нѣтъ въ мірѣ явленій, которыя бы не управлялись законами, что законы эти во всѣхъ наукахъ, если не тожественны, то аналогичны, подобны, соотвѣтственны, такъ какъ всѣ науки находятся между собою въ тѣснѣйшемъ родствѣ. Аналогичность законовъ пропорціональна близости родства между науками, близость родства измѣряется мѣстомъ, занимаемымъ каждою наукою въ общей классификаціи ихъ, донынѣ же нѣтъ классификаціи, которая была бы лучше и совершеннѣе Контовой, основанной на старшинствѣ происхожденія и простотѣ содержанія, и состоящей въ томъ, что первою въ ряду наукъ является математика—наука пространства и времени; за нею механика и астрономія—науки движенія; затѣмъ, физика и химія—науки силъ и матеріи; далѣе, біологія—наука жизни органической со своими подраздѣленіями на жизнь растительную и животную; наконецъ, соціологія — наука жизни общественной. Каждая предыдущая наука, будучи обще и проще, входитъ своими законами въ каждую изъ послѣдующихъ. Элементы наукъ математическихъ и естественныхъ, по перенесеніи ихъ въ обществовѣдѣніе, дадутъ начало разнымъ наукамъ соціальнымъ. Г. Стронинъ предлагаетъ цѣлую схему соціальныхъ наукъ, имъ собственно изобрѣтенную, которая по своей сложности, по странности и содержанія своего

и терминологіи, едва-ли можетъ кому-либо понравиться, но она-то и важности не имѣетъ никакой. Для насъ интересно собственно знать, не какъ называться будутъ соціальныя науки, но доказалъ ли г. Стронинъ возможность примѣненія и превосходство своего метода выводной аналогики въ области обществовѣдѣнія? Для поясненія этого предмета мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ книги «Объ Исторіи и Методѣ» нѣсколько выписокъ и извлеченій (190—301 стр.).

III.

Въ механикѣ сила опредѣляется скоростью движенія помноженною на массу; то же бываетъ и въ жизни общественной. Сотня людей образованныхъ въ уровень съ эпохою, произведетъ дѣйствіе на массу въ десять разъ меньшее, нежели тысяча. Если вся эта сотня скоплена въ одномъ пунктѣ, напр., столицѣ, то она можетъ здѣсь произвести движеніе, котораго не произведетъ и тысяча людей, разсѣянныхъ по всему государству. Въ механикѣ есть законъ сохраненія движенія центра тяжести, по которому центръ тяжести бомбы или гранаты, разорванной на лету, продолжаетъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ осколковъ и движется по той-же параболѣ, по которой двигался до разрыва. Такъ же точно послѣ разрыва французскаго монархизма, всѣ осколки этой бомбы: конвенты, директоріи, консульства продолжали описывать параболу монархизма, продолжали его работу — централизацію. Ежеминутно можно повѣрять въ обществѣ законы тренія и сопротивленія среды; для человѣка такая среда — государство; для государства — человѣчество. Сопротивленіе среды тѣмъ больше, чѣмъ больше поверхность движущагося тѣла, обращенная въ сторону движенія. Неорганизованныя тѣла, двигаясь всею массою, плашмя, развиваются очень трудно и медленно; съ появленіемъ дѣленія на классы, высшій—управляющій, и низшій—управляемый, скорость движенія усиливается, когда значительный, утонченный, хотя еще тупой конецъ аристократіи превращается въ остроконечіе монархіи, вслѣдствіе чего тѣло получаетъ форму конуса, самую удобную для быстраго движенія. Космическая сила тяготѣнія становится въ общественной средѣ общительностью. Влеченіе частей человѣчества къ единенію прямо пропорціонально массамъ притягающихся тѣлъ. Можно доказать почти математически, что оно растетъ пропорціонально квадратамъ разстояній, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Половину законовъ физики можно бы

перенести цѣликомъ въ соціологію, и законъ параллелограмма силъ, и законъ инерціи, и законъ рычага. Машинамъ физики соотвѣтствуютъ учрежденія общественныя въ соціологіи; машина не создаетъ силы, но примѣняетъ ее къ производству извѣстной работы, напримѣръ, къ поднятію тяжести. Чѣмъ длиннѣе плечо рычага, тѣмъ бо́льшую работу можно произвести тою же силою. Въ обществѣ есть, положимъ, извѣстная сила знанія, извѣстный запасъ нравственности, энтузіазма или суевѣрія и порочности. Если мы возьмемъ машину суда и продолжимъ плечо гласности, тогда посредствомъ этого снаряда подѣйствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ на общество знаніе, честность и всѣ присущія обществу скрытыя силы, хорошіе инстинкты, которымъ льститъ гласность, которые она вызываетъ наружу. Наоборотъ, негласность суда стала бы плечомъ рычага, на который бы дѣйствовали невѣжество, лицемѣріе, своекорыстіе и всѣ пороки, избѣгающіе свѣта, гласности. Вѣсу и центру тяжести тѣла соотвѣтствуютъ въ обществѣ власть и правительство. Отъ помѣщенія этого центра тяжести вверху или внизу общества, отъ количества точекъ опоры, то-есть, общественнаго сознанія націи, зависитъ устойчивость тѣла, прочность правительствъ или зависимость ихъ отъ преторіанцевъ, отъ заговорщиковъ, отъ черни столичной. Переходъ силъ теплоты въ движеніе и движенія въ теплоту наблюдается и въ обществѣ, напримѣръ, въ отношеніяхъ мысли къ дѣлу, правительственной опеки къ самоуправленію. Всѣ физическія силы сводятся въ концѣ концовъ къ простѣйшей—движенію, такъ точно и всѣ общественныя силы сводятся къ самой простой, мускульной, военной, къ праву сильнѣйшаго, къ праву кулачному, составляющему неизбѣжную подкладку всякаго общественнаго строя, будь онъ плодомъ самой высокой цивилизаціи. Контъ, Г. Спенсеръ, Д. С. Милль заимствовали отъ физики дѣленіе соціологіи на статику и динамику. Даже акустика воспроизводится въ институтѣ цензуры: звукъ теряется на открытомъ воздухѣ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, но онъ усиливается въ ограниченномъ со всѣхъ сторонъ, получая резонансъ. Образованіе народовъ въ исторіи подлежитъ всѣмъ законамъ химическихъ соединеній. Въ историческіе народы сплачиваются племена, имѣющія между собое извѣстное химическое сродство, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ паяхъ (во всѣхъ слояхъ или только въ верхнихъ) и при извѣстномъ нагрѣваніи, при довольно высокой температурѣ. Этому нагрѣванію соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Стронина, знаніе, просвѣщеніе—сравненіе неудачное, сомнительное; успѣхи знанія могутъ порою исправлять функцію масла, вливаемаго въ огонь племенныхъ распрей и

усобицъ (напримѣръ, въ нынѣшней Австріи), нисколько не содѣйствуя слiянiю племенныхъ элементовъ въ одну историческую націю. Нагрѣваніе, которымъ обусловливается образованіе не только соединенія, но даже простого сплава разнородныхъ элементовъ, происходило большею частью при освобождающихъ скрытый теплородъ великихъ потугахъ, при внезапныхъ и дружныхъ напряженіяхъ воли. Случалось, что въ критическую минуту соединялись въ народѣ партіи для проведенія возрождающей, спасительной реформы; племена братались, забывая рознь для отраженія общей опасности, или дружились для пріобрѣтенія общими усиліями славы и добычи. Еще больше аналогіи существуетъ между всякимъ существомъ органическаго міра, начиная съ гриба и инфузоріи и кончая человѣкомъ, и между обществомъ, та же преемственность формъ, та же наслѣдственность, та же борьба за существованіе, тотъ же естественный подборъ родичей, то же безконечное и вѣчное эксплуатированіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, съ тою только разницею, что эксплуатированіе современемъ перемѣщается и дѣлается тоньше, благороднѣе; сначала властвуетъ аристократія физической силы, потомъ аристократія возраста, породы, потомъ преобладаніе переходитъ къ аристократіи экономической, къ поземельной собственности, капиталу; нынѣ на смѣну капиталу подымается трудъ и въ отдаленномъ будущемъ виднѣются даже будущія формы этой аристократіи психологической: аристократія геніальности, накопленнаго знанія или учености и метода. Въ каждомъ животномъ организмѣ различаются процессы растительные, совершающіеся непрерывно, напримѣръ, процессъ питанія и процессы животные (чувства и движенія) съ перемежающимися періодами дѣятельности и отдыха. Растительный процессъ общества заключается въ жизни его экономической, животный процессъ въ жизни общества интеллектуальной, моральной и политической съ ея очередями акцій и реакцій. Здѣсь намъ приходится разстаться съ авторомъ; мы не намѣрены слѣдовать за нимъ въ область анатоміи человѣческаго тѣла и общества. Каждой части тѣла, каждой почти кости, каждому нерву и мускулу соотвѣтствуютъ, по его словамъ, извѣстные общественные органы такого же числа и состава. Воображеніе окрыляетъ аналогику г. Стронина и увлекаетъ его Богъ-вѣсть куда. Вмѣсто метода, во всякомъ случаѣ рискованнаго, ипотетическаго, является простое остроуміе, игра сравненіями. Авторъ, конечно, можетъ защищаться тѣмъ, что онъ предлагаетъ не аксіомы, а только систематическій рядъ предположеній, которыя индукція можетъ принять или отвергнуть. Индукціи придется работать надъ ними долго, въ концѣ

ея работы виднѣется вдали общая цѣль и будущность не одной соціологіи, но и всѣхъ вообще наукъ, даже философіи, которую преждевременно хотѣли похоронить. Эта цѣль представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Аналогика заставляетъ насъ повѣрять ея коренное положеніе о тождествѣ или подобіи общественныхъ скоропреходящихъ явленій съ явленіями, которыя естествоиспытатель можетъ повторять по произволу. Аналогика пополняетъ въ извѣстной степени общій недостатокъ точности, присущей общественнымъ наукамъ, вводя въ изслѣдованія, совершаемыя помощью одной лишь обсерватики, начало опыта, имѣющее то преимущество, что оно, во-первыхъ, воспроизводитъ по произволу наблюдаемый фактъ, и, во-вторыхъ, уединяетъ его, освобождая отъ всѣхъ несущественныхъ, случайно соединенныхъ съ нимъ элементовъ. Спрашивается: имѣетъ ли соціологія способъ, соотвѣтствующій изолированію? Г. Стронинъ убѣжденъ, что этотъ способъ существуетъ, и что онъ былъ употребляемъ съ успѣхомъ сознательно Боклемъ и безсознательно многими другими. Есть и теперь наука, недавно развѣнчанная и низведенная съ престола, которая служила складочнымъ мѣстомъ соціологическихъ изолированій—это философія. Наслѣдница богословія, антологическая философія, или такъ-называемая метафизика, дѣйствовала всегда такимъ образомъ, что подмѣтивъ въ природѣ внѣшней или душѣ какой-нибудь законъ, начало, явленіе: матерію, силу, духъ, идею, чувство, волю, она возводила это начало въ міровое начало, въ суть всего сущаго. Отсюда эти матеріализмы, спиритуализмы, пантеизмы, атеизмы, которые нынѣ считаются демонетизированными, вслѣдствіе того, что потрясена до основанія вѣра въ какіе бы то ни было абсолюты. Всѣ эти *измы* не что иное, однако, какъ систематическое изолированіе въ области мысли отдѣльныхъ элементовъ дѣйствительности, и представленіе ихъ съ помощью діалектики въ такой полнотѣ и послѣдовательности, съ какими они никогда не существовали въ дѣйствительности, и съ такою притомъ односторонностью, которая ведетъ къ абсурдамъ. Тысяча геніальныхъ умовъ трудились надъ созданіемъ философскихъ системъ, изъ которыхъ ни одна не годится какъ безусловная истина, но всякая полезна, какъ изолированіе извѣстнаго начала. Всѣ философскія системы походятъ на банки, наполненныя спиртомъ въ кунсткамерѣ, въ которыхъ плаваютъ анатомическіе препараты. Когда философія перестанетъ быть изслѣдованіемъ абсолюта, а возьмется за изученіе однихъ вещей скончаемыхъ и условныхъ, когда она откажется отъ притязаній на то, чтобы все знать, и превратится въ одну діалектику, въ

искусство дѣлать логическіе препараты, изолировать отдѣльные начала и элементы, когда она будетъ работать съ полнымъ сознаніемъ, что ея предположенія не суть нѣчто дѣйствительное, не суть нѣчто безусловно-истинное, что это такія же отвлеченности и искусственныя подставки, какъ точка и линія въ математикѣ, какъ матерія и сила въ естественныхъ наукахъ, тогда она и поможетъ выстроиться соціологіи, а потомъ, можетъ быть, она и совсѣмъ поглощена будетъ соціологіею. По достиженіи соціологіею совершеннолѣтія, отъ нынѣшней философіи останется немногое: наука о человѣкѣ — *антропософія,* и въ ней собственно только наука о строеніи души — *психологія,* послѣднее звено, котораго недоставало въ классификаціи Конта, конецъ и вѣнецъ организованнаго знанія. Мѣсто психологіи будетъ по необходимости послѣднее, потому что того требуетъ законъ постепенности въ знаніи, законъ перехода отъ болѣе общаго къ болѣе частному, отъ содержащаго къ содержимому, отъ звѣздъ къ землѣ, отъ общества къ отдѣльному человѣку. Въ настоящее время психологія походитъ на космическое туманное пятно, она моложе соціологіи, которая сама въ свою очередь только-что зарождается. Психологія пробавлялась донынѣ либо мелкими средствами личнаго самосознанія, либо метафизическими фантазіями на темы о безусловномъ добрѣ, истинѣ, красотѣ. Группа наукъ психологическихъ только тогда начнетъ, по мнѣнію г. Стронина, развиваться, когда соціологія успѣетъ окрѣпнуть и выработаться, потому что легче изучать вселенную, нежели микрокосмъ души, и легче познавать законы, которыми управляется цѣлое общество, нежели законы жизни и дѣятельности отдѣльнаго человѣка.

Книга г. Стронина о «Методѣ» въ теченіи трехъ лѣтъ отъ ея изданія мало была распространена въ публикѣ, для которой вообще всякая методологія представляется чѣмъ-то сухимъ, непривлекательнымъ, наставленіемъ, какъ производить будущія изслѣдованія, которымъ посвятятъ себя, конечно, немногіе. Притомъ, достоинство методологіи опредѣляется прежде всего тѣмъ, какою окажется она на практикѣ, при примѣненіи къ дѣлу метода. Г. Стронинъ предлагаетъ теперь опытъ примѣненія своего метода къ частицѣ соціологіи—политикѣ. Обойдя растительный процессъ жизни общества, получившій уже свою научную обработку въ политической экономіи, г. Стронинъ изучилъ нервную систему общества, законы общественныхъ впечатлѣній и рефлексовъ, законы настроенія общественнаго въ его причинахъ, проявленіяхъ и послѣдствіяхъ. Проводниками его въ этой области являются Аристотель, О. Контъ и Бокль, котораго г. Стронинъ величаетъ

Геродотомъ будущей науки исторіи.—Задача избранная имъ немалая; насколько успѣшно ея разрѣшеніе, о томъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ параграфамъ, которые докажутъ, что, въ большинствѣ случаевъ, теорія несравненно легче приложенія ея на практикѣ.

IV.

Слѣдуя Конту, позитивисты дѣлятъ всякую науку объ организмахъ, значитъ и соціологію, на *статику*, излагающую законы равновѣсія, и *динамику*, излагающую законы движенія, иными словами, на науку о строеніи организма и науку о его функціяхъ. Желая въ введеніи къ «Политикѣ» начертить статику общества, дать понятіе о его строеніи, г. Стронинъ видимо увлекся задачею примѣнить во что бы то ни стало математику къ соціологіи. Онъ могъ бы составить анатомическій очеркъ строенія общественнаго на основаніи данныхъ исключительно соціологическихъ, къ чему богатымъ матеріаломъ послужили бы вскрытія историческихъ труповъ и наблюденія надъ живущими теперь общественными группами, но онъ предпочелъ изобразить графически общество въ видѣ геометрическихъ фигуръ, которыя не только на государство, но вообще ни на что въ свѣтѣ непохожи. Общество самаго высшаго порядка или государство можетъ быть представлено въ видѣ конуса. Горизонтальный разрѣзъ этого конуса изображается чертежомъ, въ которомъ малыя клѣточки семьи группируются въ большіе круги—роды, общины, тѣ бóльшіе круги еще въ бóльшія—земли, страны; наконецъ, всѣ круги вмѣщаетъ въ себѣ и опоясываетъ наибольшій кругъ—государство. Состоящая изъ мелкихъ клѣточекъ ткань этого поперечнаго разрѣза даетъ наглядное понятіе объ отношеніи селъ, городовъ и столицъ, причемъ большое значеніе имѣетъ положеніе столицы въ центрѣ площади разрѣза или близъ самой окружности. Вертикальный разрѣзъ конуса образуетъ треугольникъ, который можетъ быть разсѣкается двумя линіями, параллельными его основанію, на три яруса или классы: верхній—аристократія, котораго главная примѣта собственность; средній—тимократія, котораго главная примѣта капиталъ, и нижній трудовой ярусъ или демократія. Двѣ наклонныя линіи, проведенныя отъ вершины треугольника къ его основанію, прорѣзываютъ всѣ три главные класса и образуютъ по три части въ каждомъ, а именно, въ господствующемъ верхнемъ: законодательство, судъ и администрацію, въ среднемъ—предводителей въ дѣятельности экономической, арендаторовъ, мануфактуристовъ и

банкировъ, и въ нижнемъ, рабочемъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Клѣточки разрѣзаннаго такимъ образомъ на 9 частей треугольника изображаютъ сумму главныхъ членовъ общества, но не самъ его разумъ, не интеллигенцію общественную. Подобно тому, какъ нервная сѣть проникаетъ во всѣ части тѣла, такъ что нервныя нити присущи каждому мускулу, хотя сильнѣйшее сосредоточеніе всей нервной системы имѣетъ мѣсто въ мозгу, общественная интеллигенція проникаетъ насквозь весь общественный конусъ и присуща каждой клѣточкѣ продольнаго и поперечнаго разрѣза, такимъ однако образомъ, что наибольшія массы этой интеллигенціи расположены въ верхнемъ ярусѣ, гдѣ законодательство сплетается съ администраціею и судомъ. Основная мысль этого геометрическаго чертежа дѣтски проста, забавна и даже смѣшна. Она напоминаетъ миѳологическую химеру льва-козла-змѣи, такъ странны сложенные въ ней элементы математическіе съ физіологическими; она указываетъ на то, что авторъ забрелъ въ такія дебри, гдѣ и витаютъ только одни чудовища да небылицы. Собирательный человѣкъ есть предметъ невидимый, отвлеченный; если бы намъ удалось обозрѣть разомъ весь аѳинскій народъ, собравшійся на вѣче, или все населеніе Франціи съ его размѣщеніемъ на территоріи, то эти картины не доставили бы намъ никакого понятія о строеніи государства или народа аѳинскаго или французскаго, какъ не доставили бы намъ никакого понятія объ организаціи общества пчелинаго или муравейнаго всевозможные разрѣзы поперечные и продольные муравейника или улья. Отвлеченный предметъ нельзя срисовать, какъ нельзя изобразить кругомъ, треугольникомъ или иною фигурою добро или любовь. Притомъ, если авторъ задался мыслью живописать общество, какъ организмъ, непосредственно сосѣдствующій съ царствомъ животныхъ и растеній и весьма далеко отстоящій отъ области геометрическихъ фигуръ, то ему бы слѣдовало, при составленіи атласа обществъ, взять за основаніе работъ не геометрическую фигуру, но какое-либо органическое тѣло, напримѣръ, тѣло человѣка съ большимъ мозгомъ и мозжечкомъ, со всѣми парами нервовъ, съ лёгкими, почками и печенью. Будь авторъ немного смѣлѣе и послѣдовательнѣе, онъ бы никакъ не ограничился одними скромными догадками въ припискахъ на стр. 247, 302 и 326 о подобіи формы общества съ формою человѣческаго тѣла, но онъ бы составилъ цѣлый иллюстрированный атласъ въ этомъ родѣ, съ изображеніемъ общественныхъ ногъ, рукъ, печени и лёгкихъ. Ближайшее знакомство со строеніемъ человѣческаго тѣла избавило бы его отъ отождествленія интелли-

генціи съ сѣтью нервныхъ волоконъ, расходящихся по тѣлу. Нервы дѣйствительно расходятся по тѣлу и служатъ проводниками ощущеній и движеній, но именно никто не выдавалъ ихъ за органы мышленія,—сіе послѣднее считается функціею мозга. Уподобленіе общества тѣлу человѣка помогло бы автору совершить болѣе правильное расчлененіе общественнаго организма. Вмѣсто тощихъ девяти клѣточекъ треугольника, изъ коихъ три верхніе наполнены содержаніемъ, при помощи Аристотеля (власти законодательная, судебная и исполнительная), а шесть остальныхъ, при содѣйствіи политической экономіи, мы бы имѣли три или четыре десятка органовъ, потому что неменьшее число ихъ открыла столь пренебрегаемая авторомъ эмпирическая обсерватика. Мы не имѣли бы дѣленія органовъ по ярусамъ, но собственно и ярусовъ-то нѣтъ, потому что всякій общественный органъ имѣетъ развѣтвленія свои и внизу и вверху, въ семьѣ, общинѣ и сословіи. Изъ сопоставленія фактовъ, извлеченныхъ изъ любого учебника, авторъ убѣдился бы, что въ обществѣ бываетъ не то, что въ физіологіи, что одна и та же функція, напримѣръ, мышленіе или правленіе, можетъ быть исправляема попеременно разными органами общественными. Ог. Контъ замѣтилъ, что умственная жизнь общества проходитъ три періода: религіозный, метафизическій и научный. Въ первомъ, мыслителями являются жрецы, правителями—воины; во второмъ, во главѣ мышленія становятся философы, а во главѣ правленія—юристы; съ теченіемъ времени мышленіе и правленіе опошлились, доставшись въ руки литераторовъ и адвокатовъ, иными словами, фразеровъ и софистовъ, но впослѣдствіи вожатыми общества сдѣлаются люди, обладающіе высшимъ положительнымъ знаніемъ и крупные промышленники. Мы можемъ спорить съ Контомъ и о господствѣ ученыхъ, и о господствѣ промышленниковъ, но мы никакъ не въ состояніи опровергнуть главную мысль его, заключающуюся въ томъ, что тѣ же функціи въ обществѣ могутъ быть исправляемы разными органами поочередно, между тѣмъ у г. Стронина нѣтъ даже и полнаго перечня этихъ органовъ; у него нѣтъ не только органовъ, чередующихся при отправленіи одной и той же функціи, но не имѣется даже важныхъ органовъ, неизмѣнно исправляющихъ одну и ту же функцію. Въ атласѣ г. Стронина нѣтъ вовсе такой функціи, какъ религія, ни органа ея, духовенства, нѣтъ даже отведеннаго особаго помѣщенія для организованной вооруженной силы народа, между тѣмъ, какъ уже Аристотель далъ особое мѣсто состоянію воиновъ. Въ послѣдующихъ частяхъ своей книги авторъ сравниваетъ войско съ костною системою въ тѣлѣ чело-

вѣка; въ концѣ оказывается, что война есть судебная подъ-функція функціи правленія, значитъ, что самъ органъ, исправляющій эту подъ-функцію, есть подъ-органъ правительства и одинъ изъ видовъ суда; слѣдовательно, что его, пожалуй, надо бы помѣстить постоемъ въ верхнемъ ярусѣ общественнаго конуса, гдѣ отведена уже квартира аристократіи, но гдѣ и сама аристократія до того стѣснена, что пришлось вытѣснить и зачислить въ праздношатающіеся ту часть ея, которая не посвящаетъ себя спеціально ни законодательству, ни суду, ни администраціи. Хорошо размѣщеніе силъ, при которомъ подъ самою крышею, въ верхнемъ этажѣ, помѣщены самыя большія тяжести! Зданіе обвалилось бы тотчасъ, какъ обваливались и падали не разъ правительства, опиравшіяся на одно регулярное войско. Еслибы авторъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ въ сравненіи общества съ тѣломъ человѣка, то онъ бы открылъ при нѣкоторыхъ сходствахъ громадныя несходства въ сравниваемыхъ предметахъ. Тѣло человѣка имѣетъ опредѣленное число органовъ, которые всѣ организованы и развиваются почти равномѣрно, такимъ образомъ, что каждому возрасту человѣка соотвѣтствуетъ извѣстная степень развитія всѣхъ органовъ. Г. Стронинъ сознаетъ, что не то бываетъ съ обществами, что будущія общества, которыя сложатся изъ соединенія цѣлыхъ расъ, будутъ громаднѣе теперешнихъ государствъ и будутъ обладать бóльшимъ числомъ ярусовъ и бóльшимъ числомъ клѣточекъ въ обоихъ разрѣзахъ, и продольномъ и поперечномъ, значитъ, что и органовъ у нихъ будетъ не въ примѣръ болѣе противу настоящаго. Г. Стронинъ признаетъ, что въ обществахъ и современныхъ, и уже умершихъ, органы не развивались и не развиваются одновременно и равномѣрно, есть органы выработанные, организованные и есть другіе неорганизованные, въ зачаточномъ состояніи, указанные природою, аморфные. По мнѣнію г. Стронина, только правительство, а послѣ него костная система общества, массовая его сила, то-есть войско, вполнѣ организованы и служатъ образцомъ для выработки всѣхъ остальныхъ членовъ, для совмѣщенія, разнообразія живого существа съ единствомъ мертвой машины. Слабѣе сплоченъ механизмъ гражданскаго управленія или бюрократія. Скорѣе другихъ устраиваются группы, соприкасающіяся съ правительствомъ, напримѣръ, вѣроисповѣданія, политическія партіи, даже заговорщики и агитаторы. Изъ вѣроисповѣданій, одно римско-католическое выработало организацію, которая и составляетъ весь секретъ его прочности, но наука, искусство и всѣ отрасли промышленности пребываютъ въ хаотическомъ состояніи броженія; отсутствіе организаціи дѣлаетъ

ихъ совершенно безсильными въ отношеніи правительства. Европа страдаетъ нынѣ отсутствіемъ надлежащей организаціи труда. Громадная сила присуща всякому узелку, всякой клѣточкѣ устраивающейся матеріи. Современемъ всѣ члены общества получатъ организацію, такъ что вовсе не будетъ атомовъ въ состояніи броженія. Есть еще черта, отличающая общество отъ высшихъ животныхъ организмовъ, но одинаково замѣчаемая какъ въ обществахъ, такъ и въ растеніяхъ и пресмыкающихся животныхъ: самостоятельность частей въ недѣлимомъ, вслѣдствіе чего каждая часть продолжаетъ жить, когда недѣлимое распалось. Когда червь разсѣченъ на части, каждая часть движется еще и шевелится; точно также и послѣ паденія государства живутъ и движутся составныя его части: историческая нація, области, общины, сословія, семьи и, наконецъ, отдѣльныя лица, причемъ каждая частица дѣйствуетъ по тѣмъ законамъ, которые проявлялись въ жизни распавшагося государства. По замѣчанію г. Стронина, общества дѣлятся на централизованныя и децентрализованныя. Первая форма соотвѣтствуетъ потребности наращенія, вторая потребности сохраненія, возможно бо́льшаго сопротивленія вліяніямъ окружающей среды. Прочнѣйшая и, въ этомъ отношеніи, совершеннѣйшая форма общества—федеративная, та именно, которая совмѣщаетъ самое большее разнообразіе съ единствомъ, всего менѣе похожа на форму человѣка. Чтобы совсѣмъ покончить съ атласомъ г. Стронина, мы соглашаемся съ нимъ, что есть несомнѣнныя сходства между мірами матеріи неорганической и органической, есть сходство между растеніемъ, животнымъ и человѣкомъ, есть сходство между человѣкомъ физическимъ и нравственнымъ, есть, наконецъ, сходство между нравственнымъ человѣкомъ отдѣльнымъ и собирательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что въ изученіи этихъ сходствъ и подобій мы не далеко ушли отъ Мененія Агриппы и его притчи о членахъ тѣла и желудкѣ, и что книга г. Стронина не только не уясняетъ этихъ сходствъ и подобій, но окончательно весь вопросъ запутываетъ, потому что, напередъ предполагая одни только сходства, не замѣчаетъ рѣжущихъ глаза несходствъ и отличій. Платонъ догадывался по аналогіи, что міръ земной есть живое исполинское животное. Г. Стронинъ усматриваетъ по аналогіи совершенное сходство общества съ конусомъ. Одно предположеніе сто́итъ другого, съ тою только разницею, что Платонъ выдавалъ свою догадку за истину, а г. Стронинъ играетъ и забавляется только догадкою, не выдавая ее за истину. Идея Платона не повела къ уразумѣнію строенія земли, такъ точно и идея г. Стронина не поведетъ

къ уразумѣнію строенія общества и отношенія его частей. Все это статическое введеніе въ «Политику» несостоятельно по ошибочности основного замысла. Отъ явленій въ пространствѣ перейдемъ къ явленіямъ во времени, къ фактамъ динамическимъ, къ послѣдовательности общественныхъ отправленій, составляющихъ настоящее содержаніе «Политики».

V.

Эта часть труда вышла несравненно удачнѣе. Причину не трудно угадать. Автору помогла помимо его сознанія и воли, та самая психологія, которую Контъ исключилъ изъ числа наукъ, но которую г. Стронинъ помѣстилъ на самомъ концѣ, какъ науку позднѣйшую, слѣдующую за соціологіею, къ которой и не слѣдуетъ вовсе прибѣгать для построенія соціологіи. Предметъ психологіи—мысли и поступки людей; и тѣ, и другіе слѣдуютъ одни за другими въ извѣстномъ порядкѣ; съ незапамятныхъ временъ начались надъ ними научныя наблюденія и опыты, ихъ разсѣкали, складывали, разлагали и раздѣляли на классы главнымъ образомъ при посредствѣ того внутренняго чувства самосознанія, самосозерцанія или психическаго зрѣнія, къ которому такъ недовѣрчиво относится авторъ въ своемъ «Методѣ». Собрано матеріалу столько, что его достало на объясненіе если не всѣхъ функцій психическихъ, то по крайней мѣрѣ самой важнѣйшей изъ нихъ—функціи мышленія, и на образованіе нѣкоторыхъ соціологическихъ представленій. Понятія разума, чувства, воли, умственнаго и физическаго труда, добродѣтелей и способностей, переносимы были на цѣлые классы людей, на состоянія, сословія, и собирательный человѣкъ созидался на образъ и подобіе столь же, какъ онъ, невидимаго нравственнаго человѣка. Съ другой стороны, основное единство физическаго и нравственнаго человѣка столь велико, зависимость второго отъ перваго столь безусловна, что обѣ науки, физіологія и психологія человѣка, сближаются и почти неразрывно соединяются въ безчисленномъ множествѣ точекъ. Физіологія человѣка есть, какъ извѣстно, частица біологіи или общей физіологіи животныхъ и растеній; историки вовсе не заглядывали въ этотъ міръ физіологіи, пробавляясь отжившею, отвлеченною спиритуалистическою психологіею Декарта, которая разсматривала душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, и не догадывалась даже, что микрокосмъ сознанія есть только освѣщенная солнцемъ вершина громадной горы жизни психической, то-есть, что значительная часть психическихъ

процессовъ совершается внѣ нашего самосознанія, которое пользуется уже готовыми результатами этой безсознательной работы. Достоинство и заслуга опыта г. Стронина заключаются въ томъ, что онъ вникнулъ въ жизнь царствъ растительнаго и животнаго и, процѣдивъ законы этой жизни сквозь фильтръ психологіи, примѣнилъ ихъ къ обществу. Въ общественной жизни онъ различаетъ три процесса: *біологическій*, свойственный всѣмъ организмамъ; *соціологическій*, свойственный всѣмъ общественнымъ функціямъ, какъ экономическимъ, такъ и политическимъ; наконецъ, процессъ спеціально *политическій*.

А. *Біологическій процессъ жизни и смерти.*—Нѣтъ ничего вѣчнаго во вселенной; доказано, что земля наша падетъ когда-то на солнце, но задолго до того на ней прекратится, вслѣдствіе охлажденія, всякая органическая жизнь. Еще раньше того человѣчество дойдетъ до конца своихъ судебъ и своего развитія. Надъ нимъ повисъ неумолимымъ рокомъ физіологическій законъ скрещиванія породъ. Вырожденіе грозитъ неминуемо всѣмъ династіямъ и всѣмъ аристократіямъ, избѣгающимъ неровныхъ браковъ. Когда, вслѣдствіе повторенія однихъ и тѣхъ же соединеній, выработанъ неподвижный типъ въ родѣ, народѣ, племени, они мельчаютъ и теряютъ способности, даровитость. Родъ облагороживается мезаліансами; народъ можетъ продолжать свое существованіе, вливая кровь плебейскую въ свои политическіе классы. Человѣчество въ общемъ своемъ составѣ имѣетъ обильнѣйшіе источники обновленія крови. Въ одной Европѣ сколько можетъ быть неиспробованныхъ донынѣ племенныхъ сочетаній, а останутся еще въ видѣ запасовъ Америка, со своими бѣлыми людьми, измѣненными вслѣдствіе климатическихъ вліяній, племена монгольское, малайское, негрское. Съ теченіемъ времени однако всѣ соединенія будутъ исчерпаны, и престарѣлое человѣчество станетъ въ концѣ концовъ весьма образованнымъ, но неподвижнымъ и дряхлымъ Китаемъ.

Всякій организмъ растетъ, цвѣтетъ и вянетъ. Три главные періода жизни назовемъ *прогрессомъ*, когда организмъ растетъ и слагается, *застоемъ*, когда слаганіе и разлаганіе уравновѣшиваются, и *регрессомъ*, когда беретъ верхъ разлаганіе. Чѣмъ больше государство, чѣмъ обильнѣе въ немъ источники скрещиванія породъ, тѣмъ дольше каждый періодъ его жизни. Сверхъ физіологической причины смерти—прекращенія скрещиваній, авторомъ намѣчена другая — психологическая, которой связь съ первою имъ необъяснена: исчерпаніе до тла политическихъ идеаловъ. Отъ этихъ двухъ причинъ изживаются и народы, и учрежденія. Застояв-

шаяся съ Гракховъ, римская республика склоняется книзу въ лицѣ Марія, Помпея, Цезаря. Застоявшееся со временъ Иннокентія III папство разлагается въ глазахъ нашихъ до того, что теряетъ половину самого себя — свою свѣтскую власть. Королевская власть процвѣтаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и застаивается отъ XVI до XVIII столѣтій, среднее сословіе процвѣтаетъ въ застоѣ въ XIX столѣтіи; но регрессъ его уже предвозвѣщенъ движеніями рабочаго класса. Человѣчество, вообще взятое, несомнѣнно сильно растетъ еще и быстро прогрессируетъ, вслѣдствіе чего вездѣ прогрессивныя политическія партіи брали верхъ надъ регрессивными; всѣ эвпатриды, патриціи и палаты лордовъ были побиваемы демосомъ. Желая изучить регрессъ и убѣдиться въ томъ, что прогрессивное движеніе бываетъ всегда перемежающееся, надо проходить исторію по частямъ, но и въ промежуткахъ прогресса, въ прорывахъ мертваго отдыха и застоя, какая пластическая сила! Въ промежуткѣ IX—VII вѣка до Рождества Христова, между паденіемъ Востока и процвѣтаніемъ Греціи, неизвѣстно какимъ образомъ базилейсы и касты превратились въ аристократіи и въ тимократіи, съ раздѣленіемъ народа по податямъ. Въ темномъ промежуткѣ среднихъ вѣковъ неизвѣстно какимъ образомъ рабство превратилось въ колонатъ и крѣпкое землѣ состояніе. Можно довольно точно опредѣлить границы трехъ періодовъ. Конецъ прогресса знаменуется *прекращеніемъ* общественныхъ *потребностей*, или вслѣдствіе того, что идеалы изжились, или еще чаще вслѣдствіе того, что оказалась невозможность удовлетворить потребностямъ. Въ семъ послѣднемъ, самомъ обыкновенномъ случаѣ, потребность либо напрягается по мѣрѣ встрѣчаемаго сопротивленія и производитъ революцію, которая протягиваетъ прогрессъ на нѣкоторое время, но истощаетъ неимѣрно средства организма, либо она заглушается на мѣстѣ, атрофируется, вслѣдствіе чего является застой, потому что потребности имѣютъ свою естественную очередь и насыщаются по очередному порядку: сначала экономическая, потомъ политическая, потомъ опять экономическая и такъ дальше. Въ Перикловыхъ Аѳинахъ исчерпанъ былъ до послѣдней капли демократическій идеалъ, дошедшій не только до полнаго уравненія гражданъ, но и до замѣщенія всѣхъ должностей по жребію, вслѣдствіе чего Аѳины пали безъ пелопоннезской войны и безъ Македоніи. Идеалъ римскихъ прогрессистовъ былъ несравненно шире и состоялъ въ пріобщеніи къ государству всего плебса и всѣхъ итальянскихъ союзниковъ не только политически, но и экономически, посредствомъ аграрныхъ законовъ. Еще шире былъ идеалъ французскій, но потребность вве-

денія средняго сословія въ жизнь политическую была безразсудно задержана при двухъ Лудовикахъ и Регенствѣ, вслѣдствіе чего вспышка этой потребности имѣла столь неудержимую вулканическую силу, что сорокъ лѣтъ (1789—1830) ушли на то только, чтобы насытить эту потребность и ввести этотъ разлившійся потокъ въ его русло. Но насыщеніе потребности было слишкомъ запоздалое: неуспѣло среднее состояніе достигнуть господства, какъ уже набѣгали съ ужасающею быстротою двѣ другія передержанныя волны—потребностей уравненія всего народа въ политическихъ правахъ—и облегченія участи рабочаго пролетаріата,—обѣ въ нелѣпыхъ отъ несвоевременной выработки формахъ всеобщей подачи голосовъ и коммунизма. Напоромъ этихъ волнъ объясняется и ломкость буржуазной іюльской монархіи, и новый взрывъ 1848 г. Нѣтъ организма, который бы устоялъ противъ такого многократно повторяющагося тифа. Гораздо раньше воцаренія Наполеона III, Франція готова была къ паденію. Среди послѣдней прусско-франкской войны, нужда экономическая вспыхнула еще разъ кровавымъ пламенемъ парижской коммуны 1871 г., но была тотчасъ же задавлена. Циркуляръ Жюля-Фавра, приглашающій европейскія державы къ облавѣ противъ Интернаціола, является надгробною надписью французскаго прогресса (87 стр.). Всякій элементъ, даже самый прогрессивный, перестаетъ быть таковымъ, когда дойдетъ до полнаго господства и не будетъ возбуждаемъ подавленною имъ въ конецъ оппозиціею. Прогрессивнѣйшая сила—ученость, можетъ сдѣлаться тормазомъ, когда, сосредоточившись въ маломъ числѣ избранныхъ, будетъ только капитализироваться, не размѣниваясь посредствомъ популяризаціи знаній, не разсыпаясь между массами народа.

Застой отличался прекращеніемъ потребностей и непоявленіемъ никакихъ новыхъ идеаловъ. По весьма оригинальному, но недостаточно доказанному мнѣнію г. Стронина, регрессъ знаменуется воскрешеніемъ мертвыхъ идеаловъ прошедшаго. Во главѣ движенія становятся ретрограды, люди стараго покроя, любители и хвалители добрыхъ старыхъ временъ. Съ тѣхъ поръ неподвижность становится добродѣтелью, заслугою, и совпадаетъ съ либерализмомъ. Послѣ Гракховъ Римъ пятится назадъ до олигархіи посредствомъ Leges Corneliae и до царскихъ временъ въ Цезарѣ и Августѣ. Живымъ примѣромъ регресса является современная Франція. Ж. де-Местръ, Шатобріанъ, романтики, подогрѣваютъ средневѣковые идеалы, іюльская монархія кончается тѣмъ, что общество дѣлаетъ шагъ назадъ въ цезаризмъ, а послѣ цезаризма она вѣроятно сдѣлаетъ еще одинъ шагъ назадъ чрезъ республику

къ бѣлымъ лиліямъ и Шамбору. Нѣтъ никакой возможности остановиться на консервативной республикѣ и жить со дня на день безъ всякихъ идеаловъ, такъ только, чтобъ жить. Французскіе прогрессисты, люди заинтересованные въ сохраненіи республики, не вѣдаютъ чего хотятъ, а потому не удержатъ, а тѣмъ болѣе не повернутъ впередъ катящуюся назадъ подъ гору государственную колесницу. Всякое шествіе впередъ бываетъ поочередно двумя ногами, то политически, то экономически. Всеобщая подача голосовъ была политическимъ шагомъ впередъ, но не было сдѣлано затѣмъ никакого экономическаго шага впередъ, при отсутствіи котораго темная чернь готова плевать на свободу слова, преподаванія, печати, на самоуправленіе, и является слѣпымъ орудіемъ тиранніи. Чтó же предлагаютъ французскіе Гракхи? фаланстеръ или народный банкъ, выдающій безпроцентныя ссуды, коммуну или децентрализацію? Сколько головъ, столько умовъ, идеалы неясные, требуютъ много вещей за разъ и притомъ неподходящихъ. Можно ли послѣ того удивляться, что колесница покатится назадъ съ усиленною скоростью чрезъ всѣ ступени политическихъ самоубійствъ къ избирательному цензу и Шамбору, къ папству и абсолютизму, и еще дальше къ королямъ-тунеядцамъ Меровингамъ, къ колыбели государства. Передержанная буржуазная потребность не успѣла еще насытиться, когда была обогнана другою, демократическою потребностью; обѣ столкнулись въ убійственной борьбѣ, недопускающей никакихъ мировыхъ сдѣлокъ. Теорія г. Стронина можетъ и не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ причинъ бѣдствій Франціи, но во всякомъ случаѣ она объясняетъ паденіе Франціи несравненно лучше книги Э. Ренана (De la réforme intellectuelle et morale. Paris. 1871), который утверждаетъ, что народъ французскій былъ побитъ и приниженъ потому, что совсѣмъ потерялъ привычку народовъ, управляемыхъ монархизмомъ по историческому праву (Пруссіи) подчинять безпрекословно правительствамъ по ихъ указамъ свою жизнь, свое имущество, не разспрашивая и не повѣряя этихъ указовъ.

Періодомъ регресса заканчивается жизнь, послѣ чего за физіологіей слѣдуетъ патологія, судьбы смерти, послѣдовательность разложенія. Авторъ различаетъ три функціи смерти, которыя вяжутся съ функціями жизни въ одно непрерывное кольцо: *вырожденіе, перерожденіе* и *возрожденіе*. Характеристика ихъ слабѣе характеристики функцій жизни; она состоитъ въ слѣдующемъ. Въ періодѣ вырожденія внѣшнія вліянія одолѣваютъ организмъ, который видимо разсыпается и разлагается механически. Грецію поглощаетъ Македонія, папство теряетъ многія страны, оторван-

ныя отъ него протестантизмомъ, королевская власть ограничивается введеніемъ отвѣтственности министровъ. Изъ государствъ въ такомъ состояніи разложенія обрѣтается нынѣ Австрія. Ее исключили изъ Германіи, отняли сѣверную Италію, послѣ чего она сама собою раскололась на двѣ половины и сдѣлалась Австро-Венгріею. Ей грозитъ новый расколъ: чешскій вопросъ, федерализмъ, выкопанныя древнія права короны св. Вячеслава. Изъ ея настоящаго положенія нѣтъ выхода; централизація отдаляетъ агонію, но готовитъ матеріалы революціи; федерація подготовляетъ разборъ, выдѣляя заранѣе каждому изъ выжидающихъ вступленія въ наслѣдство сосѣдей его часть. Разборъ совершится или путемъ войны или путемъ трактатовъ, причемъ г. Стронинъ, горячій панславистъ, сулитъ бо́льшую часть наслѣдства Россіи и предсказываетъ, что несмотря на все нежеланіе дѣлать новыя завоеванія, она не въ состояніи будетъ не откликнуться на зовъ за помощью братьевъ чеховъ. Вырожденіе становится перерожденіемъ, когда внѣшній факторъ, довершающій разложеніе, начинаетъ дѣйствовать не издали, а вблизи, внѣдряется въ организмъ и перерабатываетъ разложившіяся части химически, какъ бродило. Обыкновенно общество гибнетъ отъ того именно качества, которое составляло нѣкогда его главную силу: Греція отъ искусства, Римъ отъ завоеваній, Польша отъ аристократизма. Врагъ, поселившись въ организмѣ, внутри его, находитъ союзниковъ; напротивъ того, погибающая нація рѣшается на отчаянныя средства и съ каждымъ новымъ усиліемъ поражаетъ сама себя болѣе и болѣе. Въ каждомъ историческомъ трупѣ водятся черви, изъ его остатковъ образуются новые живые организмы, наступаетъ періодъ возрожденія, которое, кончая первый круговой оборотъ жизни, переходитъ непосредственно въ прогрессъ, то-есть, въ начало новаго оборота.

VI.

В. *Соціологическій процессъ, дѣленіе и единеніе труда, акціи и реакціи.*—Всякій разъ, когда люди образуютъ союзы, сочетанія, либо экономическія, либо политическія, имѣетъ мѣсто явленіе, сообщающее этому общенію людей его неизмѣнно коническую форму: *соединеніе и раздѣленіе труда.* Это начало общественной жизни открыто впервые экономистами, которые изучали его однако весьма односторонне, и изслѣдуя одну сторону этого закона—раздѣленіе, не обращали вниманія на другую—соединеніе. Первое указаніе на громадное значеніе принципа и его примѣнимость ко всей жизни

общественной, сдѣлано Контомъ. Г. Стронинъ даетъ дальнѣйшее развитіе идеи Конта, причемъ онъ приводитъ столько примѣровъ и обнаруживаетъ такое діалектическое искусство, что эта часть его «Политики» можетъ считаться основательнѣйшею и лучшею. Первый законъ, выводимый имъ изъ факта единенія и дѣленія труда, есть законъ *непосредственнаго подчиненія*, по которому части соединяются въ непосредственно слѣдующую общность, а цѣлое распадается на непосредственно слѣдующія частности безъ всякихъ скачковъ, правильно, органически. Никогда родъ не раздѣляется на подъ-классы и подъ-виды, перескакивая черезъ классы и виды; никогда подъ-виды не создаютъ рода, не бывъ предварительно соединены въ виды. И въ историческихъ событіяхъ, и въ идеяхъ наблюдается неизмѣнная постепенность перехода отъ беконовскихъ axiomata minora къ media, и потомъ къ superiora. Прежде всего появляется, напр., фетишизмъ: обожаніе извѣстнаго дуба, холма, рѣки; потомъ обожаніе отвлеченностей: лѣса, огня, воды; потомъ послѣ саббеизма вполнѣ отвлеченныя идеи: мудрость (Аѳина), красота (Афродита) и т. д., изъ среды которыхъ выдвинулся рокъ (фатумъ, ананкэ), изображающій собою переходный мостъ отъ политеизма къ монотеизму. Наоборотъ, монотеизмъ раздѣлился сначала на древній (еврейскій) и новый; сей послѣдній на христіанство и исламъ, христіанство на восточное и западное, западное на католицизмъ и протестантизмъ. Такъ единятся и дѣлятся наука и искусство, всякая работа экономическая и общественная. Видовъ много, родовъ мало, но они господствуютъ и управляютъ. Синтезъ общества, чиноначаліе соединеній и раздѣленій составляетъ самую типическую черту общественнаго устройства.

На ряду съ закономъ подчиненія существуетъ другой, законъ *соподчиненія* однородныхъ частей, опредѣляющій ихъ старшинство и очередь при всѣхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ. Когда родъ дѣлится на виды или классы по праву возраста, по старшинству, первое мѣсто занимаютъ и скорѣе развиваются виды и формы простѣйшіе, грубѣйшіе, болѣе общіе. Такимъ-то образомъ наука о природѣ является прежде науки о человѣкѣ. Въ естествовѣдѣніи сначала науки неорганической природы, потомъ органической. Въ природѣ органической выдѣляется видъ—математика, который дѣлится еще на Востокѣ на два подъ-вида: науку времени, чиселъ, ариѳметику и науку пространства, фигуръ, геометрію. Второй видъ наукъ неорганической природы появляется впервые въ Греціи, гдѣ и развился одинъ его подъ-видъ: наука силъ—физика, но другому подъ-виду: наукѣ матеріи—химіи, пришлось дожидаться среднихъ вѣковъ. Человѣкъ и общество еще перемѣшаны у Аристо-

теля. Нынѣ «humaniora» уже подраздѣлились на соціологію и психологію, соціологія на статику и динамику, изъ коихъ старшинство подобаетъ статикѣ, что доказывается быстрымъ успѣхомъ географіи и статистики, между тѣмъ какъ динамическая наука—исторія, занята до сихъ поръ живописью и портретированіемъ, и нисколько не думаетъ объ отысканіи общихъ законовъ развитія и аксіомъ. Изъ двухъ частей государствъ прежде всего устраивается классъ управляющихъ, между тѣмъ какъ классъ управляемыхъ остается неустроеннымъ, аморфнымъ. Въ классѣ управляющихъ первый чередъ принадлежитъ монархизму, потомъ аристократизму, потомъ демократизму. Нѣтъ во всѣхъ обществахъ права, которое было бы безспорнѣе права старшинства, первородства, но наоборотъ, при соединеніи труда младшіе члены семьи, клана, вида, всегда и непремѣнно низводятъ съ престола и оттѣсняютъ, затираютъ своихъ старшихъ собратій. Всѣ соединенія совершаются не въ старшихъ, а въ младшихъ подъ-видахъ и подъ-классахъ. Ариѳметика съ геометріей соединяются въ физикѣ и химіи, химія съ физикой въ физіологіи. На соединеніи всѣхъ старѣйшихъ наукъ въ соціологіи построена система Конта, на немъ основанъ и методъ аналогіи г. Стронина. На этомъ основаніи г. Стронинъ проповѣдуетъ соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ младшемъ изъ нихъ—русскомъ, преобладаніе славянъ въ Европѣ; онъ даже предсказываетъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ православіи.

Оба закона: подчиненія и соподчиненія, изъ которыхъ послѣдній подраздѣляется еще на законъ старшихъ и законъ младшихъ видовъ, суть законы эмпирическіе и нуждаются въ раціональномъ объясненіи, которое одно только и можетъ убѣдить насъ въ томъ, что это соединеніе, чтобы раздѣлиться, и это раздѣленіе, чтобы тотчасъ же потомъ соединиться, не есть напрасная работа и совсѣмъ не похоже на химическія соединенія тѣлъ и химическія разложенія тѣлъ на составные элементы. Соединяющіе свой трудъ общественные элементы не пропадаютъ въ цѣломъ, соединеніе и раздѣленіе труда совсѣмъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ имъ явленій ни въ неорганической природѣ, ни въ біологіи. Великое начало соединенія и раздѣленія труда есть начало исключительно только соціологическое; основаніе его психологическое: понятіе о цѣли и средствахъ. Люди соединяются для достиженія общими усиліями общей цѣли, и раздѣляются для достиженія той же цѣли разными путями и средствами. Понятія о цѣли и средствахъ живьемъ взяты изъ психологіи и перенесены въ соціологію, что и составляетъ второе заимствованіе, сдѣланное авторомъ отъ пси-

хологіи, такъ какъ первое заключалось во введеніи въ процессъ жизни и смерти обществъ идеи объ исчерпаніи идеаловъ. Какъ душа и тѣло, какъ дедукція и индукція, такъ соединеніе и раздѣленіе труда составляютъ группу, которой характеристическая черта есть неизмѣнная парность обоихъ элементовъ. Ихъ равновѣсіемъ обусловливается здоровье общества. Одинъ элементъ связываетъ и уплотняетъ общество до окостѣненія, другой разрѣшаетъ его и разсыпалъ бы его въ песокъ, вотъ почему этотъ элементъ и преобладаетъ въ концѣ лѣтъ, наканунѣ разложенія. Въ среднихъ вѣкахъ былъ избытокъ соединенія, быстрая кристаллизація, нынѣ раздѣленіе доходитъ до безобразія, до нелѣпости, у каждаго своя вѣра, совсѣмъ нѣтъ признанной философіи, одна часть науки не вѣдаетъ о другой, цвѣтетъ ученость мелко-травчатая, академическая. Въ искусствѣ техника совсѣмъ подавляетъ идею, международная политика проповѣдуетъ догматъ невмѣшательства, а политическая экономія формулу: laissez faire, laissez passer! Эксцессъ въ одномъ направленіи влечетъ за собою поворотъ въ другую сторону, который начинается нынѣ на нашихъ глазахъ.

Великое начало соединенія и раздѣленія труда порождаетъ цѣлую теорію мѣняющихся дней и ночей, бодрствованія, чередующагося со сномъ. Общественный корабль не скользитъ по гладкой поверхности водъ, но прорѣзываетъ путь, то подымаясь на волнахъ, то погружаясь въ бездны. Во всякомъ возрастѣ, въ стадіяхъ прогресса, застоя или регресса, линія движенія волнообразна; она состоитъ изъ *акцій* и *реакцій*, причемъ замѣчательно то, что въ стадіи прогресса и всякая акція бываетъ прогрессивна, какъ напряженіе по направленію слаганія роста, соединенія труда, реакція же имѣетъ всѣ признаки ретроградности; напротивъ того, въ стадіи регресса всякая акція, будучи напряженіемъ по направленію къ распаденію, къ разложенію, отличается ретроградностью; напротивъ того, реакція бываетъ ознаменована лучшими началами — либерализмомъ. Въ періодѣ прогресса великими акціями бываютъ союзы классовъ, состояній, народовъ, государствъ; въ періодѣ регресса акціями бываютъ одни дѣленія, напримѣръ, Діоклеціаново или Өеодосіево. Насъ бѣситъ реакція, однако она столь же нужна, какъ сонъ, какъ пищевареніе; она усвоиваетъ организму, разжевывая ихъ, всѣ пріобрѣтенія, гуртомъ добытыя въ моменты сильной исторической акціи. Высота и размѣры волнъ акціонно-реакціонныхъ неодинаковы, бурныя волны начала прогресса мельчаютъ и превращаются въ легкую зыбь въ періодѣ застоя, послѣ чего онѣ опять болѣе сильны и могучи въ періодѣ реакціи. Видимыми факторами колебаній, подъема на высоту и

соскользанія внизъ, являются политическія партіи, руководимыя споконъ-вѣку болѣе слѣпымъ инстинктомъ, нежели ясными убѣжденіями. Авторъ насчитываетъ пять такихъ партій: радикалы, либералы, консерваторы, ретрограды и обскуранты. Партіи борются чаще всего и прежде всего открытою физическою силою; если потомъ борьба силою превращается въ борьбу числомъ, то только потому, что самъ числовой разсчетъ предопредѣляетъ, куда неминуемо будетъ клониться побѣда и располагаетъ слабѣйшихъ числомъ къ добровольному отказу отъ борьбы. Потомъ дѣлается еще одно усовершенствованіе: партіи начинаютъ мотивировать свои убѣжденія, возникаетъ общественное мнѣніе. Но въ этомъ мотивированіи бываетъ всегда несравненно болѣе инстинктивнаго, нежели сознательнаго; страсть подтасовываетъ мотивы; лишь только инстинктъ усилился, возгорѣлась страсть, спорщики прибѣгаютъ къ кулаку, вспыхиваетъ междоусобная война или совершаются политическія преступленія. Даже въ спокойныхъ промежуткахъ между взрывами борьба политическихъ мнѣній запечатлѣна страстностью и поминутно уклоняется отъ главнаго вопроса, причемъ забывается самъ предметъ спора: польза или безполезность извѣстной мѣры, закона, учрежденія и кончается личностями, т.-е. тѣмъ, что спорщики поносятъ себя взаимно, называя другъ друга глупцами или подлецами. Люди, чаще стоящіе у кормила правленія—консерваторы, менѣе разборчивы въ средствахъ, не пренебрегаютъ инсинуаціями, метятъ въ жизнь и свободу противниковъ. Люди, добивающіеся власти—прогрессисты, разятъ своихъ противниковъ, обличая ихъ въ нравственномъ ничтожествѣ, въ нравственномъ развратѣ, сами же стараются представляться лучшими, болѣе честными людьми. Въ томъ и заключается великое значеніе нравственности въ исторіи, что борьба партій умами кончается всегда борьбою доблестями и сердцами. Умственное превосходство, политическая геніальность бываетъ удѣломъ либераловъ въ стадіи прогресса и ретроградовъ, въ стадіи регресса. Обыкновенно сталкиваются другъ съ другомъ ближайшія партіи, либералы съ ретроградами, но бываютъ случаи, когда радикализмъ и обскурантизмъ соприкасаются надъ головами либераловъ, консерваторовъ и ретроградовъ, и либо заключаютъ другъ съ другомъ чудовищные союзы на погибель среднихъ партій, либо тузятъ себя и уничтожаютъ. Такіе случаи доказываютъ всегда болѣзненное состояніе общества; тогда-то и проявляется во всей наготѣ неразуміе политическихъ инстинктовъ, которые увлекаютъ обскурантовъ къ террору и тиранніи, радикаловъ къ заговорамъ, преступленіямъ и революціямъ. Г. Стронинъ — злѣйшій против-

никъ великихъ событій, великихъ переворотовъ и даже великихъ царствованій. У людей, по мнѣнію его, какъ у дѣтей, такъ и тянутся руки къ огню, который свѣтитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жжетъ. Всякій заговоръ понижаетъ уровень общества на всю ту потребность, которая сказалась въ заговорѣ и которая умолкаетъ потомъ, бывъ подавлена, такъ что потомъ, послѣ длиннаго перерыва, необходимо пропагандировать ее опять. Съ этой точки зрѣнія г. Стронинъ жестоко осуждаетъ декабристовъ (195). Революція никогда ничего не создаетъ, часто она кончается регрессомъ; но если она и не перейдетъ въ регрессъ, вся ея работа состоитъ только въ взорваніи на воздухъ препятствія, загородившаго обществу путь развитія, послѣ чего организмъ поправляется медленно, пока не возстановитъ до-революціоннаго равновѣсія и не начнетъ функціонировать, отправляясь съ того пункта, въ которомъ застигла его задержка, устраненная революціею. Необыкновенно живое и мѣткое изображеніе общественныхъ катастрофъ, ихъ причинъ, хода и послѣдствій, составляетъ одну изъ лучшихъ частей книги г. Стронина.

VII.

С. *Спеціально-политическій или правительственный процессъ.*—Раздѣливъ жизнь обществъ на возрасты прогресса, застоя и регресса, и каждый возрастъ на дни и ночи, или на акціи и реакціи, авторъ ставитъ вопросъ, какою послѣдовательностью движеній общество создаетъ и развиваетъ свои политическіе продукты. До сихъ поръ онъ дѣлалъ только набѣги на психологію, теперь онъ совсѣмъ переѣзжаетъ на психологическую почву съ багажемъ и пожитками. Вся жизнь души человѣка содержится между предѣлами полученнаго впечатлѣнія и вызваннаго имъ рефлекса. Между этими предѣлами лежатъ длинные ряды мыслей, чувствованій и желаній. Человѣкъ обновляется ежеминутно впечатлѣніями, пріобрѣтаетъ новыя привычки мышленія и воли, такъ что, по истеченіи извѣстнаго времени, то же лицо, не переставая быть собою, является отличнымъ отъ прежняго человѣкомъ. То же повторяется и въ обществѣ. На всѣхъ ступеняхъ общественной пирамиды размѣстились мыслящіе атомы, составляющіе *интеллигенцію* общества, элементъ жизни созерцательной, служащіе проводниками впечатлѣній. Есть также въ обществѣ масса, въ нравственномъ отношеніи пассивная, и дѣятельная только въ экономическомъ, готовая поддаваться всевозможнымъ рефлексамъ, вызваннымъ воспріятыми впечатлѣніями,—назовемъ ее *граждан-*

ствомъ. Наконецъ, посерединѣ между этими двумя факторами помѣстился третій—*правительство*, снабженный задерживающими впечатлѣнія аппаратами и недопускающій, чтобы впечатлѣнія переходили автоматически въ рефлексы. Эти три фактора соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ функціямъ души (мышленіе, чувство, воля) и совершаютъ сообща одно дѣло, состоящее въ *инкорпораціи*, то-есть, во введеніи въ плоть и кровь общества новыхъ, свѣжихъ элементовъ, и въ *экскорпораціи*, или въ изверженіи негодящихся уже старыхъ продуктовъ. Одна и та же пища, переработанная поочереди каждымъ изъ трехъ факторовъ, становится совершенно особымъ на видъ продуктомъ. Интеллигенція вырабатываетъ политическія *идеи*, правительство—*право*, а гражданство — *нравы*. Вся тайна общественной гигіены заключается въ томъ, чтобы новыя политическія понятія претворялись правильно и постепенно въ права, а права столь же постепенно въ нравы, такъ чтобы организмъ обновлялся во всѣхъ частяхъ постоянно, мало-по-малу. Каждая задержка процесса присвоиванія новаго элемента на одной ступени развитія, безъ перехода въ другую, угрожаетъ болѣзнью, которая, если затянется и превратится въ хроническую, влечетъ за собою бунты, тиранніи, заговоры и всякія катастрофы. Несомнѣнно, что уже въ XIV-мъ столѣтіи Франція имѣла свои états généraux, и что въ ней зарождались тогда идеи объ ограниченной монархіи. Эти идеи не могли войти въ законы вслѣдствіе быстраго и безмѣрнаго развитія абсолютизма. Въ теченіе трехъ вѣковъ возрасталъ напоръ прибывающихъ идей, при совершенномъ застоѣ въ правахъ, пока идеи не поднялись до высоты запружающей теченіе ихъ плотины, и прорвали эту плотину посредствомъ революціи, единственная задача, которая составила устраненіе застоя въ одномъ только фазисѣ политическаго процесса—законодательномъ. Но такъ какъ идеи накоплялись въ теченіе трехъ вѣковъ, и набрались ихъ цѣлые легіоны, то и стали онѣ тѣсниться разомъ и выталкивать другъ друга. Весь трагизмъ теперешняго положенія Франціи заключается именно въ этомъ фактѣ переверщенія въ идеяхъ при недоверщеніи правъ. Бываютъ случаи, что реформа появляется прежде всего въ законахъ, которымъ еще не соотвѣтствуютъ ни идеи, ни нравы; таковы были реформы Іосифа II-го въ Бельгіи и Венгріи, которыя пропали безслѣдно вслѣдствіе того, что въ идеяхъ интеллигенціи не встрѣтили поддержки, а напротивъ того, испытали отпоръ со стороны нравовъ. Въ весьма здоровыхъ и крѣпкихъ организмахъ, напримѣръ, въ Англіи бывали случаи, что идея, не имѣя доступа въ уплотнившійся до крайности законъ, просачивалась по-

мимо него прямо въ обычай и создавала свободу печати, отвѣтственность министровъ, гласность парламентскихъ преній и тому подобныя учрежденія, совсѣмъ лишенныя донынѣ законодательной санкціи, но императорскій Римъ поплатился жизнью за подобнаго рода опытъ, допустивъ христіанству вливаться прямо въ нравы помимо преслѣдующаго христіанъ закона. Творчество политическое имѣетъ свою постепенность и свои *предѣлы*. Нравы не могутъ идти дальше идей и законовъ, не могутъ ихъ опережать. Ростъ идей возможенъ только на извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, наконецъ, все вмѣстѣ: нравы, права и идеи обусловливаются строеніемъ общества, его анатоміею. Бываютъ утопіи, нигдѣ и никогда неприложимыя, напр. коммунистическія. Бываютъ нововведенія, которыя совсѣмъ негодятся для извѣстныхъ организмовъ. Реформа немыслима, если она не имѣетъ многихъ точекъ соприкосновенія съ существующимъ порядкомъ и многихъ точекъ опоры въ прошедшемъ. Жизнеспособность реформы пропорціональна ея мелочности, спеціальности. Легче пересоздать департаментъ въ министерствѣ, нежели всю администрацію или все судоустройство, или воспитать всю интеллигенцію въ народѣ, но попытка пересоздать вдругъ заразъ и всю экономію, и всю политику, могла бы быть отнесена или къ сумасшествію, или къ полному незнанію первѣйшихъ началъ соціологіи.

VIII.

Каждый изъ трехъ главныхъ политическихъ факторовъ совершаетъ особымъ путемъ процессъ инкорпораціи и экскорпораціи соотвѣтствующихъ ему продуктовъ. Въ области интеллигенціи, то-есть совокупности людей, ведущихъ жизнь наиболѣе созерцательную, особенно преданныхъ религіи, наукѣ, искусству, починъ движенія принадлежитъ *новаторамъ*—открывателямъ новыхъ инстинктовъ или мнѣній, которыхъ обыкновенный удѣлъ страдальчество. За ними слѣдомъ идутъ *пропагандисты*, распространители новой идеи, и совершается эстетическій процессъ этой идеи, облеченіе ея въ простыя и красивыя формы. Новаторъ обыкновенно одинокъ, но популяризаторы являются десятками и сотнями, пока идея не снищетъ себѣ популярности. Какъ только умственная почва вѣка вспахана пропагандою, совершается послѣдній актъ воплощенія идеи — *агитація*, которая часто ведетъ счастливыхъ смѣльчаковъ побѣдною дорогою на самую вершину правительственнаго Капитолія, гдѣ и кончается задача идеи, въ смыслѣ политическаго про-

дукта. Мотивированныя мнѣнія и инстинкты, отлитые пропагандою въ идеалы, дѣлаются законопроектами и поступаютъ въ вѣдѣніе второго политическаго фактора — правительства. Служа посредникомъ между идеею и правомъ, интеллигенціею и гражданствомъ, правительство исправляетъ функцію согласующаго движенія мозжечка. Оно есть органъ общественный, преимущественно эстетическій. Оно подраздѣляется на три подъ-органа, соотвѣтствующіе той же троицѣ психическихъ способностей или дѣятельностей, теоретической, практической и эстетической; а именно: на *законодательство, судъ* и *администрацію.* Всѣ три подъ-органа имѣютъ дѣло съ правомъ; ихъ функціи—правоопредѣленіе, правосудіе и правленіе. Спрашивается: что же такое *право?* На этотъ вопросъ авторъ даетъ отвѣтъ столь, повидимому, циническій, столь противный всѣмъ общимъ мѣстамъ и возводимымъ въ аксіомы положеніямъ современнаго либерализма, что это опредѣленіе не можетъ не вызвать многочисленныхъ протестовъ. Становясь на точку зрѣнія Прудона въ наименѣе популярномъ изъ его сочиненій: «La guerre et la paix», г. Стронинъ утверждаетъ, что споконъ-вѣку и донынѣ право было и будетъ одно: право кулачное, право сильнѣйшаго. Онъ уничтожаетъ работу Гуго Гроція и его послѣдователей, работавшихъ три вѣка надъ тѣмъ, чтобы заковать въ кандалы чудовище — войну, чтобы обратить физическую силу въ рабыню божественной метафизической идеи права. Г. Стронинъ обожаетъ войну, дѣлаетъ ее органомъ величайшей и превыше всѣхъ другихъ стоящей международной справедливости. Сущность этой позитивистической переработки правовѣдѣнія заключается въ слѣдующемъ.

Въ началѣ исторіи приказывалъ, господствовалъ, распоряжался другими, значитъ, издавалъ законы тотъ, кто былъ физически сильнѣе. Физическая сила доставляла обладающему ею довольство и досугъ, много вещей и рабовъ. Освобождая отъ необходимости физическаго труда, богатство породило науку и искусство. Богатство и знаніе замѣнили собою отчасти и физическую силу, потому что открыли возможность заимствовать ее у другихъ, пользоваться ею какъ орудіемъ. Соединенные элементы силы, богатства и знанія составляютъ всю суть и основаніе всякой прежней и будущей аристократіи, то-есть, господствующаго сословія, опредѣляющаго права, издающаго законы въ своемъ интересѣ. Современемъ массы народа обогащались и раздобылись средствами; полагаясь на свою цѣпкость и численное превосходство, онѣ завладѣвали властью, передѣлывали кодексы, дѣлались участниками права сильнѣйшаго, посредствомъ своихъ выборныхъ делегатовъ. Слу-

чалось иногда, что власть была переносима въ среду, которая не обладала ни знаніемъ, ни богатствомъ, напр., въ 1848 г., во Франціи, посредствомъ введенія sufrage universel, но подобный переносъ никогда не удавался и приносилъ пользу одной только тиранніи. Право не перестало быть правомъ сильнѣйшаго; законъ положительный не измѣнилъ и нынѣ своей природы, онъ обязателенъ подъ страхомъ принужденія, наказанія. Даже и въ самой Англіи министръ не потому не нарушаетъ конституціи, что не желаетъ возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, но потому, что ему пришлось бы жутко отъ примѣненія къ нему argumenti baculini. Если когда-нибудь народы перестанутъ воевать, такъ это потому, что можно будетъ напередъ разсчитать побѣду, какъ можно разсчитать въ Англіи послѣдствія наложенія податей, неразрѣшенныхъ парламентомъ. Когда агитація сдѣлала свое дѣло и большинство въ господствующемъ состояніи убѣдилось, что его интересъ требуетъ осуществленія извѣстнаго идеала, тогда начинаетъ дѣйствовать первый — законодательный подъ-органъ правительства, который расширяетъ или съуживаетъ этотъ идеалъ, примѣняя его ко всѣмъ условіямъ настоящаго и прошедшаго. Въ выработкѣ законопроекта принимаютъ участіе особыя правительственныя коллегіи, коммиссіи, потомъ онъ переработывается еще разъ въ еще бо́льшихъ собраніяхъ, парламентахъ, сеймахъ, государственныхъ совѣтахъ, наконецъ, онъ окончательно утверждается и дѣлается обязательнымъ закономъ. Какъ будетъ исполняемъ этотъ законъ, добровольно или понудительно? Въ томъ главный вопросъ, въ томъ источникъ всѣхъ будущихъ его нарушеній, значитъ, источникъ необходимости суда и наказанія. Откуда проистекаетъ преступленіе? Отъ свободной воли человѣка — отвѣчаютъ богословы, психологи старой школы и почти всѣ криминалисты; но есть и возражатели, которые, замѣтивъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что въ причинахъ дѣйствій, мотивахъ есть строгая послѣдовательность и правильность, отвергаютъ свободу воли; эта свобода, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ оптическій обманъ чувства психическаго зрѣнія, самообольщеніе, самосознанія. Г. Стронинъ обходитъ вопросъ о свободѣ воли, хотя лично онъ весь на сторонѣ ея противниковъ, и строитъ все уголовное право на слѣдующемъ фундаментѣ, который на этотъ одинъ разъ оказывается непсихологическимъ. Законъ никогда не выражаетъ собою общественное мнѣніе всего народа, онъ только мнѣніе сильнѣйшаго, то-есть большинства въ господствующемъ классѣ. Часто законъ не только не соотвѣтствуетъ даже и этому-то мнѣнію, но поставленъ въ противность ему и наперекоръ. Если бы законъ и со-

вершенно совпадалъ съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ можетъ расходиться съ жизнью, съ законами отправленій общественнаго организма, потому что общественное мнѣніе есть прежде всего мнѣніе господствующей партіи, а партіи руководимы слѣпыми инстинктами и ошибаются даже и тогда, когда мотивируютъ свои убѣжденія. Сообразимъ еще пестроту состава общества, историческія наслоенія въ немъ, неравномѣрность просвѣщенія, ума, привычекъ въ этихъ слояхъ; тогда мы поймемъ, что полнѣйшая правда закона всегда относительна, или есть еще правда самой жизни, что эта правда закона неприложима ко множеству конкретныхъ отношеній и случаевъ. Допустимъ, что законы писанные идеально хороши, что законодательство идетъ въ уровень съ общественнымъ мнѣніемъ, что общественное мнѣніе руководствуется наукою, то-есть, открытыми уже и логически осмысленными законами организма, однако статистика занесетъ многія преступленія въ свои лѣтописи, и отдѣльное лицо будетъ все-таки протестовать противъ указовъ общества, даже самыхъ раціональныхъ, даже такихъ, какъ, напримѣръ: не убивай, не похищай, не поджигай! Можно уменьшить до minimum'а, но нельзя вполнѣ устранить несогласія положительнаго закона съ общественнымъ мнѣніемъ, мнѣнія съ правилами развитія организма, то-есть, съ правдою, наконецъ, самой правды съ настоящею дѣйствительною жизнью, которая только отражается въ правдѣ науки, какъ въ зеркалѣ. Отсюда роковая необходимость *суда* и *наказанія*, во внутреннихъ, и войны во внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Ежеминутно падающій вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ, законъ долженъ быть ежеминутно возстановляемъ и поднимаемъ посредствомъ слѣпой силы, принужденія, реакціи со стороны возмущающихся преступленіемъ юридическихъ инстинктовъ общества. Неразуміе юридическаго судебнаго инстинкта въ обществѣ столь же очевидно, какъ очевидны недостатки всякаго положительнаго закона, однако ему нельзя проявляться иначе, нѣтъ у общества иного средства противодѣйствовать нарушенію закона, и изъ двухъ золъ это зло еще лучшее. Соціологія возникаетъ только теперь, а жизнь течетъ изъ вѣка въ вѣкъ и всегда должна была, немедля и не входя въ причины событій, разрѣшать труднѣйшіе вопросы, о «моемъ» и «твоемъ», о «должномъ» и «не должномъ». Ей не приходилось сложа руки ждать ничего неопредѣляя, отказываясь отъ власти, давать волю страстямъ массы, готовой всегда прибѣгнуть къ жестокому насилію. Во всякомъ случаѣ лучше разрубить затрудненіе коекакъ, обогнать фактъ подставивъ теорію, опереться на догадкѣ и издать законъ, поддерживаемый судомъ и подлежащій усовершен-

ствованію. Притомъ въ судѣ — подъ-органѣ правительства, нелишенномъ значительной доли интеллигенціи, инстинктъ правосудія бываетъ всегда двойной, состоящій изъ двухъ стремленій: одного къ осужденію, наказанію, другого—къ помилованію, примиренію, прощенію. Дѣйствіе преступника можетъ быть и не вмѣнено ему, не поставлено ему въ вину. Очищеніе отъ вины покупалось тогда на деньги, нынѣ оно выкупается заслугами, возрастомъ, вреднымъ вліяніемъ среды, вообще стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Функція суда срединная, центральная; достойнѣйшую ея часть всегда составляла царственная прерогатива помилованія. Продуктъ суда — *правосудіе*, не то безусловное, измышленное философами, но реальное, состоящее въ уравненіи дѣянія съ подлежащимъ закономъ, то-есть съ тѣмъ правомъ сильнѣйшаго, въ которомъ окопались, точно въ крѣпости, соединенные союзники: сила физическая, богатство и знаніе. Судъ есть гарнизонъ этой крѣпости, и исполняетъ свою обязанность мало заботясь о психическихъ цѣляхъ наказанія, устрашенія, предупрежденія, исправленія, которыя не суть ни причина, ни источникъ суда.

Что́ въ обществѣ судъ и приговоръ, то въ международныхъ отношеніяхъ война и побѣда. Войнѣ присущи тотъ же драматизмъ, какъ и судебному процессу, тѣ же стремленія къ осужденію и извиненію, такъ же точно какъ и въ процессѣ вѣсы побѣды склоняются къ тому, кому благопріятствуютъ сила, богатство и знаніе. Сходство между судомъ и войною поразительное, но судъ былъ безмѣрно идеализированъ общественнымъ мнѣніемъ; ради красиваго узора достойныхъ и мягкихъ формъ судоговоренія оно забываетъ про грубую канву, на которой шитъ узоръ, между тѣмъ какъ война есть та же канва, но обращенная къ намъ изнанкою съ рваными концами шелку и шерсти. Война требуетъ страшныхъ приготовленій, богатства, экономіи, организаторскихъ способностей, духа единенія народа съ войскомъ—патріотизма. Всякая армія есть двойной экстрактъ народа и государства. Въ войнѣ высшая организація всегда побѣждаетъ низшую, причемъ конечно побѣда идетъ въ прокъ человѣчеству.

Третій подъ-органъ правительства — *администрація*, посвященъ поддерживанію права, исполненію закона. Г. Стронинъ умалчиваетъ о томъ, что въ кругъ ея вѣдомства входитъ попеченіе о благосостояніи гражданъ, посредствомъ банковъ, учрежденій земледѣльческихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и содѣйствіе развитію просвѣщенія посредствомъ школъ; онъ пропускаетъ всю ту благотворную дѣятельность, посредствомъ коей администрація связана множествомъ звеньевъ съ экономическою жизнью

народа и вліяетъ на ходъ этой жизни. Ограниченная однимъ исполненіемъ существующихъ законовъ, тощая и обрѣзанная, администрація походитъ на челнокъ въ рукахъ ткача; она снуетъ ежеминутно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, внѣдряя въ общество законы популярные безъ суда, непопулярные при помощи суда или доводя до правительства результаты своихъ наблюденій, поставляя его въ извѣстность о несходствѣ жизни съ предписаніями закона, а также указывая законодательству на факты жизни непредусмотрѣнные закономъ. Такимъ образомъ, конецъ дѣятельности администраціи стекается съ началомъ дѣятельности законодательства, и всѣ три функціи правительства образуютъ непрерывный кругъ. Онѣ и дополняютъ взаимно одна другую. Если законъ устарѣлъ или ретроградень, судъ съузитъ или расширитъ его посредствомъ искуснаго толкованія. Судъ регулируетъ также и администрацію, оставляя безъ послѣдствій ея иски, оказывающіеся несостоятельными, или привлекая ее къ отвѣтственности; законодательство можетъ ежеминутно перестроить и администрацію и судъ.

«Политика» г. Стронина кончается теоріею функцій *гражданства*, то-есть той густой массы, которой не проникаетъ сплошь ни одна идея, въ которую всякій законъ внѣдряется медленно и съ трудомъ, но изъ которой ни одного разъ усвоеннаго предмета нельзя исключить безъ того, чтобы онъ не оставилъ многочисленныхъ корешковъ. Гражданство есть преимущественно сила физическая и экономическая, а не политическая, это матерія приводимая въ движеніе интеллигенціею посредствомъ правительственныхъ аппаратовъ. Она не дѣлится въ политическомъ отношеніи ни на какіе органы и всѣ ея функціи крайне просты и элементарны, и состоятъ въ *привычкѣ* и *отвычкѣ*. Вгоняя въ народъ новыя права и обязанности, администрація достигаетъ того, что дѣяніе, предписанное закономъ, совершается наконецъ безсознательно, автоматически, что оно обращается въ рутину, въ нравъ, вторую природу человѣка. Какъ только человѣкъ усвоилъ себѣ этотъ нравъ, какъ только онъ его возлюбилъ, то тотчасъ же этотъ нравъ освѣщается лучемъ красоты, эстетическаго творчества и отливается онъ въ обрядъ, обычай. — Подвинутый еще на одну ступень изъ области поэзіи въ область чистаго мышленія, нравъ изъ обычая превращается въ *преданіе*, святыню народа, замѣняющую ему не разъ науку и служащую неистощимымъ родникомъ, изъ котораго интеллигенція почерпаетъ свои идеи. Такимъ образомъ, опять и въ послѣдній разъ мы видимъ, что жизнь вращаетъ исполинскимъ колесомъ: интеллигенція беретъ изъ преданія идеи, кото-

рыя, бывъ крещены духомъ вѣка, претворяются сначала въ права, а потомъ въ обычаи и преданія. Скоро ли и какимъ образомъ совершается полный круговой оборотъ идей, правъ, преданій и опять идей?—на эти вопросы «Политика» даетъ только самые общіе, приблизительно точные отвѣты.

Изъ всѣхъ продуктовъ политической жизни самые разрѣженные и, такъ сказать, газообразные суть идеи; гораздо плотнѣе права, которыя можно назвать жидкими продуктами жизни, и всего плотнѣе и тверже—нравы. Идеи блещутъ всѣми цвѣтами радуги: гдѣ ихъ много, тамъ игра этихъ цвѣтовъ порождаетъ оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго наблюдателю кажется, что политическая жизнь богата и полна, а между тѣмъ она можетъ быть бѣдна, можетъ произращать одни пустоцвѣты безъ сѣмянъ. Франція импонировала такимъ мнимымъ богатствомъ гуманнѣйшихъ идей, пока не убѣдились, что само накопленіе этихъ идей есть болѣзненный признакъ въ организмѣ, который былъ весьма даровитъ, но истощился отъ всякаго рода излишествъ; что этому накопленію идей соотвѣтствуетъ страшная рутина практики, потому что нѣтъ возможности мѣнять ежегодно и даже ежедневно свои законы, а тѣмъ болѣе нравы. Быстрое движеніе и частое измѣненіе законовъ не можетъ быть также несомнѣннымъ показателемъ высоты развитія общества; вспомнимъ только несмѣтное количество нашихъ бумажныхъ реформъ, начиная съ Петра Великаго, изъ коихъ немногія оказали вліяніе на измѣненіе основъ политической жизни, поражающей своею худобою, и только недавно начавшей наполняться болѣе обѣщающимъ содержаніемъ. Настоящее мѣрило народнаго развитія—это нравы народа, которыхъ нельзя заимствовать извнѣ, но необходимо самому выработать, послѣ чего они могутъ существовать цѣлые вѣка, несмотря ни на какія усилія, направленныя къ разложенію ихъ со стороны законодательства, при содѣйствіи ему даже и физической силы. Нравы суть продукты политическіе всего болѣе децентрализованные, но и они распространены неравномѣрно и не по всему обществу. Есть обычаи, которые отъ начала міра не проникли до сихъ поръ въ низшіе слои общества, есть преданія преходящія и ломкія, свойственныя одной только аристократіи, то-есть, тому классу общества, который всего склоннѣе къ новизнамъ, и который въ своей погонѣ за новизнами готовъ совсѣмъ оторваться отъ тяжелыхъ на подъемъ народныхъ массъ. Эти соображенія приводятъ автора къ уразумѣнію великаго значенія *средняго состоянія*, связывающаго верхъ и низъ общества, состоянія умѣренно прогрессивнаго, хранящаго преданія, но воспрі-

имчиваго также къ идеямъ. Круговой оборотъ продуктовъ въ жизни политической бываетъ всегда пропорціоналенъ величинѣ общества, его массивности. Коренной недостатокъ всякаго громаднаго организма заключается въ томъ, что онъ развивается страшно медленно и требуетъ много времени на выработку идей, законовъ и преданій. Это и заставляетъ автора признать относительное превосходство *федерализма*, какъ такой именно формы, которая, при всей громадности цѣлаго, даетъ возможность крови обращаться быстрѣе въ каждомъ изъ членовъ этого цѣлаго.

IX.

Возрастаніе средняго состоянія и федерализмъ — таковы два окончательные вывода, которыми г. Стронинъ заключаетъ свою теорію и два пожеланія, которыми онъ напутствуетъ свою книгу, отдавая ее на судъ общественнаго мнѣнія. Книга изобилуетъ оригинальными взглядами, неожиданными и поразительно новыми сопоставленіями и сравненіями, но есть въ ней порядочная доза недоказаннаго и страннаго. Оставляя въ сторонѣ мелочи, постараемся формулировать болѣе крупныя возраженія, которыя можно сдѣлать почтенному труду.

Взявъ въ руководство методъ аналогики, г. Стронинъ строитъ систематическія догадки; предположивъ, что всякій законъ космическій повторяется и въ біологіи и въ соціологіи, онъ сталъ примѣнять законы пространства, геометрическія аксіомы къ тому, что лишено пространства, къ явленіямъ духа общественнаго. Онъ открылъ стройныя подобія, составилъ чудовищный атласъ, негодящійся къ употребленію, совсѣмъ не воспользовавшись притомъ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ исторіею или такъ-называемою имъ эмпирическою обсерватикою историческихъ событій. Г. Стронинъ не исполнилъ обязательствъ взятыхъ имъ на себя въ «Исторіи и Методѣ»; онъ ничѣмъ не подтвердилъ на опытѣ правильности своего взгляда на мѣсто, которое по его началамъ должна занимать психологія. Куда дѣвать психологію? По этому вопросу, составляющему яблоко раздора въ лагерѣ позитивистовъ между Литтре и Д. Ст. Миллемъ, г. Стронинъ высказался такимъ образомъ, что психологія слѣдуетъ за соціологіею и есть послѣдняя наука, значитъ, что соціологію можно построить не прибѣгая къ помощи психологіи. Оказалось на опытѣ, что это невозможно. Уже въ біологическомъ процессѣ общества, г. Стронинъ двояко объясняетъ смерть обществъ, біологически и

психологически: доведеніемъ до конца работы скрещиванія породъ и исчерпаніемъ общественныхъ идеаловъ. Оба рѣшенія не только лишены всякой раціональной связи, но они и не совпадаютъ одно съ другимъ. Исторія изобилуетъ примѣрами народовъ, скончавшихся либо отъ недостатка въ идеалахъ, либо отъ другихъ вполнѣ естественныхъ причинъ, гораздо прежде нежели смѣшались ихъ племенные элементы, гораздо прежде, чѣмъ выработался, а можетъ быть и потому, что недовольно скоро выработался у нихъ одинъ общій типъ отъ скрещенія составныхъ элементовъ (Финикія, Карѳагенъ, древняя Персія). Замѣтимъ мимоходомъ, что вводя въ біологическій процессъ новый факторъ — идеалы, авторъ долженъ былъ формировать законъ ихъ образованія и отживанія, чего онъ не сдѣлалъ. Въ соціологическомъ процессѣ г. Стронинъ основалъ все начало соединенія и раздѣленія труда на психологическихъ понятіяхъ о цѣли и средствахъ Наконецъ, въ политическомъ процессѣ авторъ раздѣлилъ факторовъ жизни политической на подобіе функцій души: разума, чувства и воли.

Остановимся на минуту на біологическомъ процессѣ. Началомъ и причиною застоя, послѣ котораго наступаетъ сначала упадокъ, а потомъ и смерть общества, авторъ считаетъ неудовлетвореніе общественной потребности, которая или изуродовала организмъ, замолкая, атрофируясь, или истощила его, потрясая его революціями. Это объясненіе не вполнѣ согласно съ понятіемъ объ обществѣ, какъ объ организмѣ, который долженъ старѣться, хотя бы никогда не хворалъ, хотя бы ни одна его органическая потребность не была подавлена. Изъ положеній автора надлежало бы заключить, что такой совершенно правильно развивающійся организмъ пользовался бы даромъ похожимъ на безсмертіе, однако это немыслимо, потому что всякій организмъ кончается, даже и безъ болѣзни, причемъ можно сильно поспорить, имѣетъ ли односторонность развитія такую непосредственную связь съ недолговѣчностью, какую предполагаетъ авторъ. Есть односторонніе и увѣчные организмы между людьми, которые доживаютъ почти до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Къ этому же ложному выводу о безсмертіи мы можемъ придти еще другимъ путемъ: ничто не препятствуетъ народу обновлять до безконечности свои идеалы, то-есть, получать все новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей среды, образовать изъ нихъ понятія и наряжать эти понятія въ чувственныя формы. При некончающейся во всю жизнь впечатлительности организма не можетъ быть окончательнаго исчерпанія всѣхъ идеаловъ безъ остатка, развѣ пришлось бы допустить, что поражены

параличемъ вдругъ окончательно всѣ нервы ощущеній, то-есть вся интеллигенція народа.

Начало и конецъ стадіи прогресса опредѣлены далеко не точно, еще бо̀льшая путаница выходитъ съ разграниченіемъ застоя и регресса. Остроумная догадка о воскресеніи народныхъ идеаловъ виситъ на воздухѣ ничѣмъ неподтвержденная, недоказанная. Нельзя серьёзно относиться къ такой діалектической игрѣ понятіями, какую представляетъ предположеніе, что римскій цезаризмъ есть поворотъ Рима назадъ къ временамъ Тарквинія и тому под.; наоборотъ, можно доказать противное, а именно, что народы сильно прогрессирующіе углублялись иногда въ свое историческое прошедшее для извлеченія оттуда народныхъ преданій, необходимыхъ для разрѣшенія задачъ современности. Обращеніе народа къ своей исторіи для заимствованія оттуда идеаловъ не есть непремѣнный показатель регресса; напротивъ того, оно можетъ иногда служить доказательствомъ крѣпости организма, который при выработкѣ понятій изъ впечатлѣній поочередно, то хватаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, то отворачивается съ омерзѣніемъ отъ чужого и пытается выводить все содержаніе своей жизни изъ исключительныхъ особенностей своей личности. Эти два поочередныя стремленія, одно къ космополитическимъ рукожатьямъ и объятіямъ, другое къ уединенію, къ дикому возлюбленію самого себя, съ пожертвованіемъ всего патріотизму, вызываютъ появленіе волнообразной линіи акцій и реакцій едва ли не въ большей степени, нежели фактъ соединенія и раздѣленія труда, положенный авторомъ въ исключительное основаніе акцій и реакцій. Вся эта глава о соединеніи и раздѣленіи труда была бы согласна съ истиной, если бы развитіе организма было только внутреннее, если бы оно совершалось, такъ сказать, подъ воздушнымъ колоколомъ, безъ всякаго вліянія окружающей среды, которое иногда мѣшаетъ развитію, а иногда служитъ могущественнѣйшимъ стимуломъ и производитъ совершенный поворотъ не только въ чувствахъ, но и въ самыхъ понятіяхъ. Патріотизмъ есть громадная скрытая сила, которая освобождается, превращается въ живую и пылаетъ только въ короткія минуты борьбы и опасности. Тогда-то и совершаются мгновенно такія перемѣны, такія акціи и реакціи, которыхъ объясненія напрасно бы мы искали въ мѣрныхъ движеніяхъ общественнаго сложенія и разложенія, анализа и синтеза.

Въ политическомъ процессѣ г. Стронинъ является психологомъ, но психологомъ одностороннимъ и неполнымъ. Неизвѣстно, куда у него дѣвались функція чувства, аффекты простые и пре-

вратившіеся отъ повторенія въ привычки, то-есть, страсти? Изъ всѣхъ чувствъ выдѣлено одно—эстетическое, и приписано правительству, а въ правительствѣ особенно войнѣ и суду. Несомнѣнно, что процессъ чувства есть самый темный и сложный вопросъ современной психологіи, но безъ него нельзя себѣ объяснить, почему общество откликается только на нѣкоторыя идеи вѣка и отвращается отъ остальныхъ, почему изъ громаднаго запаса мертваго знанія оно выбираетъ тѣ, а не другія идеи, которыя и становятся ферментомъ, живыми политическими идеалами; нельзя также объяснить и образованіе политическихъ партій — явленіе, которое исключено авторомъ безъ всякаго повода изъ политическаго процесса съ перенесеніемъ его въ соціологическій, гдѣ оно совсѣмъ неумѣстно, въ начало соединенія и раздѣленія труда. Политическія партіи суть факторы, которыхъ произведеніемъ является само правительство. Совокупность всѣхъ партій и составляетъ гражданство, не то пассивное и сгущенное въ одну безформенную массу, какимъ оно представляется автору, но раздѣленное на отряды, знающее наизусть свои преданія, чуткое на кличъ интеллигенціи и вліяющее такимъ образомъ на историческія судьбы общества. Хотя бы нѣкоторые или даже и всѣ классы народа не обладали правами политическими, ихъ настроеніе и сочувствіе производятъ сильнѣйшее давленіе на правительство. Если бы г. Стронинъ былъ болѣе основательный психологъ, то онъ не поражалъ бы насъ своимъ одностороннимъ и грубымъ натурализмомъ, мѣтко схватывающимъ инстинкты, но не оставляющимъ почти мѣста въ жизни сознательной идеѣ; отъ него ускользаетъ весь переходъ инстинкта въ идею. По его мнѣнію, политическія партіи какъ были слѣпыя, дѣйствующія по инстинкту, такъ таковыми и навсегда останутся. То же можно бы сказать и о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, однако извѣстно, что въ зрѣломъ возрастѣ человѣка и общества разсудокъ беретъ верхъ надъ аффектами и инстинктомъ, и что бывали политики, предводители партій, которые математически вѣрно разсчитывали будущія событія, значитъ, что и въ политикѣ не вездѣ и не для всѣхъ инстинктъ служитъ единственнымъ проводникомъ. То же можно сказать и о судебномъ инстинктѣ. Г. Стронинъ думаетъ, что онъ совсѣмъ покончилъ съ уголовнымъ правомъ, указавъ на его первоначальный источникъ— инстинктъ, но на инстинктѣ нельзя ничего построить, даже если допустимъ, что этихъ инстинктовъ два: одинъ, клонящійся къ суровости, и другой къ смягченію. Изъ инстинкта нельзя вывести систему наказанія, а такъ какъ умъ нашъ ищетъ раціональной системы наказанія, то онъ берется по необходимости за изученіе

послѣдствій, вытекающихъ изъ наказанія, какъ для общества, такъ и для самого преступника, значитъ, прибѣгаетъ къ психологіи. Въ своемъ источникѣ право есть несомнѣнно порожденіе силы и вѣрнѣйшее отраженіе господства силы, богатства и знанія, но дальнѣйшая переработка его обществомъ, толкованіе, приложеніе и обобщеніе видоизмѣняютъ это право, безъ всякаго переноса власти изъ класса въ классъ и даже среди глубокаго застоя. Эти вліянія растягиваютъ право, подкладываютъ подъ первобытное и грубое проявленіе воли самыя умныя и тонкія предположенія и теоріи, такъ что оно переполняется совсѣмъ новымъ содержаніемъ и дѣлается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ прежняго. Безъ всякой перемѣны въ законѣ отношенія общественныя, нравственныя и юридическія дѣлаются нѣжнѣе, мягче, что́ и подмѣтили древніе и средневѣковые писатели, и что они приписывали изнѣженности, какъ послѣдствію долгаго мира. Это постепенное размягченіе суроваго обычая, эта гуманность, выдѣляющаяся вслѣдствіе долгаго общежитія и просачивающаяся безсознательно въ практику и въ толкованіе закона, хотя бы буква закона была самая суровая, составляютъ то, что́ у Стронина представлено вторымъ подъ-видомъ судебнаго инстинкта, стремленіемъ къ невмѣненію. Мы уже указали на то, что авторъ страшно обрѣзалъ администрацію, исключивъ изъ нея вліяніе на экономію общества полицейскихъ и финансовыхъ установленій, искусно завѣдуемыхъ администраціею. Въ книгѣ г. Стронина ощущается вообще недостатокъ теоріи взаимнодѣйствія процессовъ экономическаго и политическаго. Авторъ догадывается, что всякій шагъ впередъ экономическій вызываетъ новый шагъ впередъ политическій, и что общество движется точно человѣкъ, на ходу дѣйствующій поочередно обѣими ногами. Эта истина брошена въ видѣ остроумнаго сравненія, но не развита съ надлежащею обстоятельностью.

Мы покончили съ общею частью труда г. Стронина, съ его теоріею; но въ книгѣ есть еще двѣсти страницъ, посвященныхъ спеціально Россіи; къ этому-то эпилогу намъ придется теперь обратиться.

X.

Создавъ посредствомъ дедукціи систему политики, которой анатомическая или статическая часть весьма слаба, а динамическая исполнена догадокъ, требующихъ подтвержденія, г. Стронинъ долженъ бы былъ провѣрить свои теоріи на дѣлѣ, то-есть, начертить исторію человѣчества или какой-либо части человѣчества, извѣстной группы

народовъ, или хотя-бы одного народа и доказать, что человѣчествомъ или народомъ пройдены всѣ тѣ процессы, которые составляютъ содержаніе «Политики». Безъ историческаго труда, который обѣщанъ г. Стронинымъ, его теорія виситъ на воздухѣ и остается блистательнымъ фейерверкомъ. Но нетерпѣливое его желаніе перейти тотчасъ къ практическимъ результатамъ, столь велико и увѣренность въ непреложности предугаданныхъ и неповѣренныхъ законовъ столь сильна, что отложивъ представленіе доказательствъ, онъ нынѣ же задается мыслью дать на основаніи началъ своей политики діагностику и прогностику сегодняшней Россіи, иными словами, сдѣлавъ скачекъ изъ науки въ искусство, онъ берется по фактамъ текущей политики опредѣлить возрастъ, степень и особенности развитія Россіи и предсказать ея судьбы, формулировать какъ ближайшее будущее, такъ и самое отдаленное. Всякому свойственно гадать о будущемъ, но иное дѣло угадывать, иное же дѣло знать будущее и предрѣшать его вѣщимъ духомъ во имя науки, на основаніи законовъ, выведенныхъ изъ прошедшаго. Эта титаническая задача не была по силамъ ни одной философіи исторіи, едва-ли она удалась и г. Стронину. Послѣднія 200 страницъ его книги, посвященныя Россіи, конечно весьма пикантны, онѣ прочтутся съ любопытствомъ даже тѣми людьми, которые не одолѣютъ его теоріи; на этихъ страницахъ выводятся люди близко знакомые, затрогиваются свѣжія раны, изъ которыхъ еще сочится кровь, и высказываются смѣло, а порою и рѣзко, прочувствованныя многими изъ насъ задушевныя думы, еще не обратившіяся въ былое, изображается наглядно живая дѣйствительность настоящей минуты. Строго-научнаго мало въ этихъ опредѣленіяхъ и предсказаніяхъ, по всей вѣроятности немногимъ больше, чѣмъ въ предсказаніяхъ старинныхъ календарей о погодѣ на грядущій годъ. Вѣроятности выводовъ препятствуетъ то, что въ основаніяхъ заключеній настоящіе факты перемѣшаны съ гражданскими убѣжденіями автора, то-есть, что авторъ въ законы русской политики возводитъ чувства, его одушевляющія, которыя онъ желалъ бы видѣть руководящими будущностью отечества. Таковы, напримѣръ, его теорія русскихъ завоеваній, оставляющихъ будто-бы неприкосновенными своеобразности инкорпорируемыхъ земель; таковы его идеи о сплоченіи въ единицы цѣлыхъ расъ человѣчества, о панславизмѣ и паневропеизмѣ подъ русскимъ знаменемъ, о славянско-русской политикѣ, съ точки зрѣнія которой славянскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1867 г. представляется чуть-ли не міровымъ событіемъ и началомъ новой эры (стр. 492). Увлеченіе г. Стронина своими идеями столь велико, что въ будущей

возможной германско-славянской борьбѣ онъ предлагаетъ, какъ средство одолѣть противниковъ нравственнымъ превосходствомъ, введеніе воинскаго чиноначалія по выборамъ (485), и предрекаетъ открытіе въ тактикѣ такого клинообразнаго построенія войскъ, по закону разсѣченія среды остроконечіями, которое дастъ опять перевѣсъ холодному оружію надъ огнестрѣльнымъ. Подобные прогностики могли бы смѣло стать на ряду съ самыми фантастическими предвѣщаніями знаменитаго Фурье. Г. Стронинъ мыслитель весьма радикальный, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ сердечный и патріотъ до мозга костей, пропитанный преданіями національной исторіи, которыя такимъ образомъ укладываются съ радикализмомъ; что самымъ радикальнымъ выходитъ у него непремѣнно и почти всегда завѣтное національное, и предполагаемое имъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей въ младшей изъ нихъ— православіи, и соединеніе всѣхъ славянъ въ самомъ младшемъ племени — русскомъ, и соединеніе всей Европы подъ началомъ ославянившейся Россіи, словомъ, осуществленіе на радикальной канвѣ славянофильскаго идеала, съ тою только разницею отъ московскаго славянофильства, что оно гуманнѣе, безобиднѣе; что оно ведетъ не къ съѣденію и перевареніи всей славянщины, а потомъ пожалуй и Европы, здоровымъ великороссійскимъ желудкомъ, но клонится къ тому, чтобы каждой особи славянской и даже не-славянской, дать мирно жить въ нѣдрахъ гигантскаго государства, допускающаго величайшее разнообразіе частей. Хотя за взглядами г. Стронина мы не признаемъ научности, тѣмъ не менѣе они остроумны, глубокомысленны и заслуживаютъ того, чтобы быть принятыми если не къ руководству, то по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, вотъ почему мы постараемся передать вкратцѣ ихъ содержаніе.

XI.

Никогда и нигдѣ—въ такомъ родѣ разсуждаетъ г. Стронинъ— за исключеніемъ Новаго Свѣта—Сѣверной Америки, не было еще демократизма подобнаго твоему, мужицкое государство съ 55 милліонами на 80 землевладѣльцевъ. И что въ сравненіи съ этою колоссальною гущею наша буржуазія изъ какихъ-нибудь 500 т. человѣкъ, подраздѣляющаяся еще притомъ на два непохожіе одинъ на другой пласта. Одинъ пластъ крупной буржуазіи— еврейско-нѣмецкій, полипомъ вросъ въ общественное тѣло, захватилъ коммерцію, биржу, а отчасти и оффиціальную или такъ-называемую академическую науку; другой пластъ—мелкой буржуа-

зіи, отдѣленный отъ аристократіи нѣмецко-еврейской стѣной, тоже мужичій, только побогаче; онъ плаваетъ въ демократизмѣ какъ въ своемъ соку и не выработалъ, да и не выработаетъ никогда буржуазнаго духа узкаго разсчета, довольства малымъ, умѣренности. Столь-же насквозь демократична и интеллигенція русская отъ основанія вплоть до самой вершины общественнаго конуса. Въ одномъ изъ ея факторовъ—религіи, духовенство выросло все изъ народа и только во времена монгольскія пополнялось аристократіею, которая потомъ перестала въ него опускаться. Кромѣ этого духовенства имѣется еще своя особая интеллигенція, вполнѣ самородная и простонародная, выросшая какъ ягода въ лѣсу и неимѣющая ничего себѣ подобнаго—это расколъ. Въ другомъ факторѣ—наукѣ, корку академическую нѣмецкаго наслоенія пробивали съ Ломоносова головами своими недюжинные люди, все почти кровные демократы. Въ одномъ только искусствѣ аристократія приняла участіе съ честью и славою (Пушкинская плеяда), но далеко не вся. Г. Стронинъ допускаетъ двѣ русскія аристократіи: одну по образу монголовъ, хуже и ниже всякаго вельможества, и другую, по образцу Европы, которая отличается тѣмъ, что оставаясь аристократіею по крови, братается по духу съ демократизмомъ; процѣдившись сквозь демократическій фильтръ въ церкви, въ школѣ, въ русской конструкціи жизни, она не только прогрессивнѣе всякой аристократіи въ Европѣ, не исключая англійской, но въ ущербъ своимъ интересамъ, она столь-же по духу радикальна, какъ и самый отъявленный демократизмъ. «Аристократизма мы не знали, говоритъ авторъ, въ другихъ формахъ какъ невѣжественныхъ» (355), а такъ какъ жизнь сложилась такимъ образомъ, что и буржуазности намъ не видать, то намъ остается только нашъ демократизмъ, который мы должны пронести дальше, сдѣлать и просвѣщеннымъ, и сознательнымъ. Къ тому же результату приводитъ изученіе государства въ пространственномъ отношеніи по горизонтальному разрѣзу. Наша малая сравнительно съ объемомъ государства столица пять разъ мѣняла мѣсто, и усѣлась на дальнемъ сѣверѣ, на самой периферіи государства; наши расползающіеся во всѣ стороны города похожи на деревни, но за то села безподобны по своей густотѣ, по плотности, по объему. Никогда тебѣ не сравниться ни съ Англіею и Франціею, странами великихъ столицъ, ни съ Германіею, буржуазнымъ міромъ городовъ, о деревенская страна, предрасположенная судьбою къ децентрализаціи, несмотря и вопреки всей нынѣшней централизаціи правительства. Залогомъ децентрализаціоннаго строя служитъ твой колоссальный объемъ все еще воз-

растающій, какъ катящаяся глыба снѣгу. Когда ты устоишься и почувствуешь потребность промѣнять строй пригодный для приращенія на строй наиболѣе пригодный для сохраненія, тогда и начнется разсредоточеніе съ умноженіемъ и уразноображеніемъ политическихъ органовъ, служащее показателемъ высшей организаціи.

Мы уже указывали, почему не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы долгота дней націи исключительно обусловливалась запасомъ неиспробованныхъ скрещиваній, но мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что скрещиванія составляютъ источникъ обновленія, и что Россія страшно богата въ этомъ отношеніи, потому что къ помѣси славянскаго съ финскимъ, образовавшей великорусское ядро катящейся глыбы, пристало почти все русское, да и многое славянское, что даже общій русскій типъ еще неустановился, что любая окраина Россіи есть цѣлая этнографическая казна. Теперь близорукіе централисты сѣтуютъ на эту пестроту окраинъ, они хотѣли бы многое разомъ урѣзать и вытравить, но придетъ время, когда интеллигенція и правительство убѣдятся, что подобное отношеніе къ своему собственному цѣннѣйшему добру то же, что самоизувѣченіе себя, и постигнутъ возможность продлить жизнь и прогрессивность цѣлаго на многіе вѣка покровительствомъ помѣсямъ и случиваніемъ племенъ и сословій.

Никто въ мірѣ не оспариваетъ, и злѣйшіе враги и завистники признаютъ, что молодое созданіе еще растетъ и въ ширь и въ высь, и въ пространство и въ населеніе; но много лѣтъ имѣетъ оно за собою, а такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то можно принять за вѣроятное, что уже подходитъ къ концу періодъ роста и что чѣмъ не запаслась, чего не пріобрѣла въ смыслѣ коренныхъ качествъ нація, того уже и не видать ей. Трудъ ея жизни состоялъ въ политическихъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ, изъ которыхъ первыя преобладали надъ послѣдними. Слабость инстинкта соединенія была сначала поразительная, много времени прошло, пока образовалась первая государственная клѣточка; едва стали наращаться на эту клѣточку роды одинъ за другимъ, какъ явилось раздѣленіе въ видѣ удѣльности, которое уничтожило почти всю работу соединенія, пока случайность внѣшняя и иго татарское не дало инстинкту соединенія рѣшительнаго перевѣса надъ инстинктомъ раздѣленія, и не повело племя самое ковкое, безличное, тягучее, къ тѣмъ инкорпораціямъ, присоединеніямъ, завоеваніямъ, которыхъ конецъ впереди, потому что для автора дѣло рѣшеное: коль скоро есть пангерманизмъ, то будетъ пан-

славизмъ, а дальше и паневропеизмъ подъ гегемоніею Россіи. Какъ ни открещиваются всякій разъ отъ завоеванія всѣ наши партіи, идти впередъ приходится не по охотѣ, а по неволѣ, не преднамѣренно, а необходимо, подобно Вѣчному Жиду, потому что въ сердцѣ самой Европы оказываются союзники, братья, подобно чехамъ, простирающіе къ намъ руки, и придется идти на Дунай и Карпаты, и за Альпы и Рейнъ, пока не дойдемъ до Атлантическаго океана.... (386). Чегожъ жалѣть, помогай Богъ, дай только намъ побольше аппетиту на этотъ богатырскій пиръ горою! Жаль, что не обозначено приблизительно, въ какой годъ отъ Рождества Христова совершится это побѣдное шествіе до Атлантическаго океана, съ бубнами и литаврами; вѣроятно еще не скоро, потому что если романскія племена, съ Франціею во главѣ, спустились уже книзу по дугѣ прогресса, Англія стоитъ на кульминаціонномъ пунктѣ этой дуги, а Германія подвигается вверхъ по другому концу ея, то для Россіи кульминаціонный пунктъ еще весьма далекъ (366). Искренно жаль разрушать эти милыя грёзы, эти розовыя надежды, а между тѣмъ, однако, грунтъ, на которомъ онѣ построены, столь шатокъ, что онѣ не могутъ не провалиться. Основаніе ихъ состоитъ въ такомъ розовомъ, аркадскомъ представленіи у автора о завоеваніяхъ вообще и русскихъ въ особенности, которое никакъ и ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности. По мнѣнію г. Стронина, соединенія романскія отличались быстротою, порывистостью, грандіозностью и непрочностью (Карлъ Великій, Иннокентій III, Карлъ V, Наполеонъ I). Германскія—совершались настойчиво, преемственно, клонились къ совершенному обезличенію побѣжденныхъ, къ уподобленію ихъ себѣ—способъ отличный, но для малыхъ только пространствъ и при условіи большихъ временъ. Русскій способъ завоеванія не похожъ на романскій; завоеванія совершались не порывисто, не внезапно, безъ завоевательно-настроенныхъ государей, безъ особенно геніальныхъ полководцевъ, точно въ видѣ прибоя волны морской. Русскій способъ завоеванія не похожъ и на германскій, но воспроизводитъ римскій; онъ никогда не вытравлялъ систематически племенныхъ и національныхъ особенностей. «Никогда,—говоритъ г. Стронинъ, въ словахъ, которымъ мы бы хотѣли отъ всей души вѣрить,—мы не набрасывались ни на вѣру, ни на языкъ побѣжденныхъ, мы не набрасывались на нихъ даже съ религіозною и политическою пропагандою исподоволь. Миссіонерство наше слабо, школа наша и донынѣ не существуетъ, нашъ чиновникъ и до сихъ поръ не политикъ» (380). Все, что дѣлается на западной окраинѣ подъ именемъ обрусенія, представ-

ляется автору случайностью, налетѣвшимъ шкваломъ мелкой завистливости, подражательностью или отрыжкою гнилой старины. Въ доказательство, что методъ русскій есть воспроизведеніе римскаго, то-есть, что онъ не мѣшаетъ побѣжденнымъ оставаться собою, приводятся въ прошедшемъ сеймъ польскій 1815—1830 гг., автономія остзейской окраины, конституція Финляндіи, въ далекомъ будущемъ федеральный союзъ не изъ губерній, а изъ великихъ земскихъ единицъ, отмежеванныхъ какъ географіею, такъ и исторіею: Великороссія сѣверо-западная славянскаго типа, Великороссія финскаго типа, можетъ быть еще Великороссія татарскаго типа, двѣ Малороссіи на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, Бѣлоруссія, Новороссія, Остзейскій край и Польша съ Финляндіею, Кавказомъ, Туркестаномъ, Сибирью; наконецъ, въ настоящемъ признаки, изъ которыхъ можно заключить, что это прошлое поведетъ къ этому будущему. Такимъ признакомъ г. Стронинъ считаетъ земскую реформу, которая когда-нибудь введется и на окраинахъ, фактъ, раздутый журналистикою, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, русскихъ сепаратизмовъ; наконецъ, русскій отвѣтъ на требованія земской автономіи — генералъ-губернаторства или намѣстничества, установленія, учрежденныя, повидимому, для единообразія, а между тѣмъ укрѣпляющія въ сущности разнообразіе и служащія зародышемъ децентрализаціи. Это блистательное открытіе римско-русскаго метода завоеваній не выдерживаетъ повѣрки и оказывается личнымъ гуманнымъ пожеланіемъ автора, возведеннымъ въ законъ русской исторіи. Если бы г. Стронинъ потрудился заглянуть въ исторію глубже, въ до-петровскую эпоху, то онъ бы нашелъ тамъ методъ завоеваній, открытый еще политикою московскихъ вѣнценосцевъ, посредствомъ котораго такъ основательно прикрѣплены, напримѣръ, сѣверныя народоправства, что не осталось въ нихъ уже никакихъ другихъ воспоминаній и живыхъ преданій великой старины. Способъ этотъ весьма успѣшный, въ смыслѣ закрѣпленія пріобрѣтеній, хотя и дорого оплачиваемый вѣковымъ безплодіемъ вспаханной такимъ образомъ почвы, состоялъ въ томъ, чтобы демократизировать общество, оставивъ некультурные слои народа нетронутыми, но снять у нихъ съ плечъ разомъ всѣ культурныя, аристократическія наслоенія и замѣстить ихъ заѣзжими людьми и пришлыми элементами изъ центра государства. Понятно, что при такомъ истребленіи мѣстныхъ аристократій и при неимѣніи у себя иного аристократизма, кромѣ того, который проявляется «въ невѣжественныхъ формахъ», государство насколько выиграло въ отношеніи безопасности, настолько проиграло въ отношеніи чувства индивидуализма, ко-

тораго роковую потерю оплакиваетъ г. Стронинъ, на всю нашу будущность (401). Не разнообразіе и не богатство задатковъ нашего федерализма, но совсѣмъ иныя причины произвели то, что отдѣльный человѣкъ слабъ и малъ въ этомъ могучемъ, но весьма до сихъ поръ однообразномъ цѣломъ. Съ Петра Великаго измѣнились значительно и пріемы завоевательные; въ Европу прорубались окошки, простирались руки къ культурѣ, которая вся выросла изъ аристократизма, проявлявшагося тамъ не въ однихъ только невѣжественныхъ формахъ; отсюда автономія остзейскаго края, Финляндіи, конгрессоваго королевства западныхъ и юго-западныхъ губерній; отсюда попытки развести у себя дома, сверхъ аристократіи по образцу монгольскому, аристократію по нѣмецкому и даже по польскому образцу; отсюда самыя широкія уступки всевозможнаго происхожденія барству, даже иногда во вредъ интересамъ низшихъ некультурныхъ слоевъ населенія. Извѣстно, съ какою силою проявилъ себя инстинктъ демократическій, возвращаясь разомъ къ преданіямъ древне-московскимъ завоеванія Новгорода и Пскова. Русско-римскаго метода завоеваній, такимъ образомъ, не было въ Россіи и нѣтъ, а есть два крайніе пріема и между ними никакой средины: либо лелѣять и пересаживать къ себѣ всякое барство, либо срѣзывать всякую культурность до основанія. Разводить барство не значитъ возращать индивидуализмъ. Срѣзывать культурный слой не значитъ подготовлять панславизмъ и паневропеизмъ, не значитъ даже создавать въ покоренной странѣ прочную русскую партію, которая не образуется никогда посредствомъ однихъ аграрныхъ законовъ, и возможна въ демократическомъ направленіи только посредствомъ возрощенія мѣстной культуры изъ мѣстныхъ же сѣмянъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ привычкамъ, преданіямъ и особенностямъ политически объединяемой земли. Самъ же авторъ говоритъ: «безъ духа сепаратизма, безъ принципа автономичности частей, нѣтъ теперь духа соединительности, нѣтъ теперь Рима для міра» (396), но дѣло въ томъ, что вопросъ только поставленъ, задача не рѣшена, методъ не открытъ, а пока онъ не будетъ открытъ, можно повременить съ торжественнымъ маршемъ за Рейнъ къ Атлантическому океану.

Вся часть, сильнѣйшая въ «Политикѣ» о раздѣленіи и соединеніи труда, вышла слабѣйшею въ прогностикѣ и діагностикѣ Россіи; она темна и непослѣдовательна. Почти такая же оцѣнка приходится на долю опредѣленія числами изгибовъ и размѣровъ волнообразной линіи русскихъ акцій и реакцій. Вполнѣ вѣрно то, что богатырь, засидѣвшись сиднемъ четыре вѣка, и потративъ

ихъ на изобрѣтеніе метода собиранія земель, сдѣлалъ потомъ исполинскій прыжокъ при Петрѣ, послѣ котораго пришлось долго отдыхать; что и затѣмъ онъ подвигался внезапными и раздѣленными временемъ прыжками, что непостепенность развитія превратилась въ хроническую болѣзнь и всякій разъ, то разражается цѣлая буря прогресса, то наступаетъ мертвенное затишье застоя, среди котораго приходится начинать съизнова десять разъ начатое дѣло, попорченное потомъ и брошенное. Но, соглашаясь на то, что русскія волны еще не могутъ превратиться въ легкую зыбь, мы никакъ не раздѣляемъ того безнадежно-пессимистическаго взгляда автора, по которому каждой акціи и реакціи отмежевано не меньше 30 лѣтъ, взгляду, по которому мы должны ублажать себя только тѣмъ, что еще лѣтъ десятокъ или полтора мы будемъ обрѣтаться въ періодѣ убывающей акціи, потомъ опустимся еще на 30 лѣтъ въ темную глубь какой-то гигантской реакціи. Наша интеллигенція, по мнѣнію г. Стронина, вымерла до-тла, нигдѣ нѣтъ ни капли таланта, творчества; наша правительственная жизнь мельчаетъ, двѣ-три реформы, податная, военная—и конецъ; за то кипитъ жизнь экономическая, но и она, пробушевавъ, завянетъ,—тогда-то и начнется настоящая реакція; мы нынѣ видимъ одни только цвѣточки и не вкушали еще ягодокъ. Въ то время, когда всѣ нынѣшнія учрежденія будутъ мало-по-малу уходить въ тряскую почву, всасываться ею, намъ будетъ предстоять одно утѣшеніе: реакціи во внутренней политикѣ будутъ соотвѣтствовать акція во внѣшней, уже отдохнувшей, громъ побѣдъ, гроза завоеваній, а среди реакціи экономической будетъ собираться съ силами интеллигенція наша, не новый, не бывалый до нынѣ расцвѣтъ, но самобытное русское творчество. Самъ г. Стронинъ признаетъ, что Павловская реакція длилась всего четыре года, наверстывая интенсивностью то, что теряла въ экстенсивности, значитъ и въ будущемъ могутъ быть реакціи покороче; что и волны акціи неровны; такъ, между двумя громадными прогрессіями Петра I и Александра II, помѣстились двѣ гораздо меньшія: Екатерины II и Александра I. Ошибочность прогностики о продолжительности акцій и реакцій въ Россіи проистекаетъ у автора изъ того, что онъ уединяетъ народъ русскій и разсматриваетъ его совсѣмъ внѣ всякой связи съ Европой. Опредѣлять волны жизни по одной внутренней работѣ, по соединенію и раздѣленію труда у себя дома, можно бы только тогда, еслибы государство было на дальнемъ острову, внѣ всякаго общенія съ остальнымъ человѣчествомъ, чего нельзя допустить даже въ отношеніи Англіи, которая все-таки испытываетъ на себѣ вліяніе

жизни общеевропейской. Въ Россіи, вслѣдствіе ея молодости, воспріимчивости, подражательности, заимствованія главныхъ мотивовъ жизни извнѣ, всѣ европейскія акціи и реакціи имѣютъ громадное вліяніе, какъ факторъ, опредѣляющій вмѣстѣ съ внутреннимъ соединеніемъ и раздѣленіемъ труда очередь русскихъ акцій и реакцій, а такъ какъ акціи и реакціи европейскія вовсе не совпадаютъ съ русскими, то всякое опредѣленіе числами лѣтъ акцій и реакцій въ Россіи, по однимъ русскимъ дѣламъ и отношеніямъ, есть ни къ чему неведущая кабалистика, невнушающая никакого къ себѣ довѣрія. Вѣра въ скоро-грядущій періодъ завоеваній и побѣдъ, какъ ничѣмъ не мотивированная и только непосредственная, не подлежитъ даже повѣркѣ критики. Напротивъ того, совсѣмъ непонятно, какъ могутъ упадокъ въ интеллигенціи, застой въ законодательствѣ и истощеніе экономическое породить завоеванія и подготовить расцвѣтъ интеллигенціи; скорѣе можно предполагать, что мы будемъ побиты, но бывъ побиты, воспрянемъ, и поумнѣемъ, и пріободримся. Наши пораженія были всегда плодотворнѣе побѣдъ, на этомъ основаніи у насъ пропасть пессимистовъ, которыхъ девизъ: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, и такъ какъ нація обрѣтается еще въ періодѣ роста, въ теченіи коего идетъ ей все впрокъ и побѣда и пораженія, то наши пессимисты оказывались совершенно правыми въ большинствѣ случаевъ.

Исторію и характеристику политическихъ партій г. Стронинъ начинаетъ съ никонцевъ и старообрядцевъ, и ведетъ ее вплоть до западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ. На нашихъ глазахъ случилось превращеніе:—одна изъ партій прогрессивныхъ получила кличку, которая будетъ ея крещеніемъ и останется за нею всю будущую жизнь, кличку «нигилизма и нигилистовъ», между тѣмъ, какъ наши консерваторы еще не раздобылись на соотвѣтствующее имъ названіе. Партій во всей Россіи только двѣ, и онѣ скорѣе соціальныя, нежели политическія; главное основаніе дѣленія до сихъ поръ: «за мужика, или противъ мужика»; второстепенныя суть: сепаратизмъ и централизаторство, вѣрованіе во все или ни во что́ невѣрованіе, полный спиритуализмъ или матеріализмъ. искусство для исскусства или реализмъ. Между этими крайностями нѣтъ ни посредствующихъ оттѣнковъ, ни компромиссовъ. Современемъ явятся эти посредствующія звенья, но непреходящимъ отличіемъ всѣхъ нашихъ будущихъ партій будетъ все-таки ихъ не политичность, а общественность, ихъ соціальная подкладка, ихъ стояніе на великихъ, общечеловѣческихъ вопросахъ, а не на мѣстныхъ и національныхъ, что́ вполнѣ и соотвѣтствуетъ духу націи, призванной ко всемірному владыче-

ству и привыкшей вмѣщать въ себѣ всѣ политическія формы, отъ финляндской до самоѣдской.

Перехожу къ впечатлѣніямъ и рефлексамъ, къ процессу инкорпорацій и экскорпорацій. Всѣхъ главныхъ впечатлѣній авторъ насчитываетъ четыре: удѣльной жизни (до ½ XIII); монгольское (½ XIII—½ XV); впечатлѣніе завоеваній (½ XV—½ XIX), и заходящее въ завоевательный періодъ, совмѣщающееся съ нимъ, впечатлѣніе Европы (½ XVII—½ XIX). Какъ совпаденіе европейскаго періода съ завоевательнымъ, такъ и то обстоятельство, что съ ½ XVII в. завоеванія дѣлались на счетъ Европы, указываетъ на то, что авторъ произвольно раздвоилъ на два впечатлѣнія одинъ и тотъ же фактъ, проявляющійся только двумя различными, обусловливающими себя взаимно сторонами. Никакое впечатлѣніе не можетъ пропáсть, пока не экскорпорировано, ни одно не могло быть въ конецъ экскорпоривано, вотъ почему въ насъ шевелятся донынѣ рефлексы жизни удѣльно-вѣчевой. Въ этой жизни сложились двѣ противоположныя привычки: жить сообща, міромъ, и жить въ разсыпную, землями. Экскорпорировать ихъ взялся помонгольскій монархизмъ, но не настолько, чтобы ихъ извести; они есть и напрашиваются въ жизнь. Режимъ земскій изъ общества ушелъ въ правительство въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ; режимъ мірской ушелъ изъ аристократіи къ мужикамъ, притаился и теперь вдвигается опять чрезъ открытую дверь земскихъ учрежденій, самоуправленія губерній. Другое впечатлѣніе, монгольское, не довольно проклятое русскими историками, потрясло всю нервную систему общества, заставило всѣхъ толпами бѣжать въ монахи, заставило аристократію слагаться по монгольскому типу, дало ей развиваться не вверхъ, а только внизъ, на счетъ народа, пріуготовило его закрѣпощеніе, наконецъ, отрѣзало насъ отъ Европы такъ, что и теперь не легко ее догнать, и что никогда, во вѣки вѣковъ, несовмѣстить намъ европейскаго индивидуализма съ нашимъ мірскимъ режимомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно создало монархизмъ, безчисленными корнями проникшій до самой подпочвы. Тираннія Грознаго, прекращеніе династіи, послужили только блистательною повѣркою крѣпости принципа, невѣроятной его прочности. Романовскій монархизмъ потянулъ къ Европѣ и началъ новый періодъ жизни, завоевательный въ физическомъ, подражательный въ цивилизаціонномъ отношеніи, въ которомъ г. Стронинъ усматриваетъ дѣйствіе двухъ впечатлѣній, потому что рефлексами его являются два качества, повидимому, несогласимыя:—гордость и смиреніе, изъ которыхъ гордость отмежевала себѣ внутреннюю

политику и даетъ себя больно чувствовать порою побѣжденнымъ, напр., полякамъ, а смиреніе знаменуетъ собою внѣшнюю политику и проявляется не только въ отсутствіи всякаго шовинизма, но и въ порядочной дозѣ самоуниженія передъ равными и высшими иностранцами. Отъ завоеваній выработался въ великорусскомъ племени тонъ повелительный, но эта гордость относится всегда къ массѣ, безъ разложенія ея на личности, безъ сознанія личнаго достоинства. Съ другой стороны, уваженіе къ иностранному доходитъ до подобострастія, до раболѣпства, но оно снабдило русскаго человѣка и драгоцѣннымъ качествомъ, безъ котораго нѣтъ ни владычества всемірнаго, ни даже роли всемірно-исторической: склонностью къ самоосужденію, безпощадною критикою надъ самимъ собою, безъ всякихъ умалчиваній. Общій ходъ русской исторіи до сихъ поръ таковъ, что наибольшей экскорпораціи подвергался духъ индивидуализма, а наибольшая инкорпорація досталась духу стадности, безличности, государственности, что вся жизнедѣятельность направлена была въ правительственную роль; развитіе стало совершаться правительственнымъ починомъ, скачками, усвоеніемъ европейскихъ обычаевъ, прежде чѣмъ поспѣли европейскіе законы, и усвоеніемъ европейскихъ правъ, прежде чѣмъ привились европейскія идеи. Составляя совершенную противоположность Франціи, которая страдала перевершеніемъ идей при застоѣ въ учрежденіяхъ, Россія страдаетъ хроническимъ недовершеніемъ идей, вслѣдствіе чего подъ прогрессивное нововведеніе, опережающее вѣкъ, подкапываются нравы, и оно можетъ быть столь же легко урѣзано, сколь легко дано. Отсюда возможность ввести разомъ не только классическое, но и восточное преподаваніе, ввести не только префектскую, но и сатрапскую власти (450), ограничить какъ угодно земскія учрежденія, судъ присяжныхъ, законы о печати; одного того нельзя сдѣлать, и въ этомъ одномъ наталкиваемся на предѣлъ политическаго творчества: нельзя экскорпорировать пропитывающій всю организацію русскаго общества демократизмъ, невозможно аристократизировать это общество.

Объявивъ русскую интеллигенцію въ настоящую минуту вполнѣ несостоятельною, отказавъ ей и въ новаторствѣ и въ агитаторствѣ, низведя ея современную работу до самой вялой и мелкой пропаганды идей, давно положенныхъ въ ротъ и десять разъ пережеванныхъ, г. Стронинъ не высоко ставитъ и наличныя средства подъ-органовъ, исправляющихъ функціи правительственныхъ процессовъ: законодательства, администраціи и суда. Увеличивающаяся трудность разработки законодательныхъ вопросовъ, возра-

стающая по мѣрѣ осложненія жизни, повела къ палліативнымъ средствамъ усиленія законодательныхъ установленій, къ кабинетному выслушиванію экспертовъ, къ сондированію земства и печати, а между тѣмъ наличная зрѣлость общества для мотивированія законоположеній въ представительномъ собраніи столь мала, что авторъ отрицаетъ возможность добыть изъ народа достаточный персоналъ, который бы могъ трезво, толково и полезно разсуждать о нуждахъ и дѣлахъ общегосударственныхъ. Нѣтъ худа безъ добра; нераздѣленіе законодательной власти съ аристократіей, невозможность раздѣлить ее нынѣ съ еврейско-нѣмецкой тимократіей поведетъ къ тому, что она будетъ раздѣлена съ демократіей, когда эта демократія сдѣлается мало-мальски грамотна и знающа. Еще пройдетъ одно поколѣніе, и власть, сама идя на встрѣчу дѣйствительной потребности, призоветъ общество высказаться чрезъ представителей по вопросамъ о дѣлахъ государственныхъ. Вѣроятно, при этомъ случаѣ не будетъ никакихъ конституціонныхъ уговоровъ, а просто съ одной стороны свобода мнѣній, съ другой вниманіе къ новому органу законодательства только совѣщательному, въ основу котораго вѣроятно ляжетъ давно взлелѣянный славянофилами антиевропейскій идеалъ земскаго собора; идеалъ этотъ облечется, вѣроятно, въ форму единаго народнаго вѣча, а если и раздѣлится на думы, земскую и боярскую, то подъ условіемъ никакъ не наслѣдственности въ думѣ боярской, и вѣроятно даже не выборности, а просто назначенія. Обновленный судъ нашъ вышелъ, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Зевса, на первыхъ порахъ онъ поражалъ новизною, обычай, нравы спѣшили въ немъ на помощь закону писанному, каждая буква учрежденія была переполнена духомъ. Нынѣ, когда новое учрежденіе вдвинулось плотно въ жизнь и сдѣлалось популярнымъ, прошедшее беретъ свое, задними ходами возвращаются и втискиваются опять и произволъ, и грубость, и взятки, и неравенство и халатное отношеніе къ дѣлу. Теперь едва возможно угадывать будущія судьбы судебной реформы, но если судъ будетъ совершенствоваться, то это усовершенствованіе будетъ клониться, во-первыхъ, къ тому, чтобы дать больше гарантій личности, уравновѣшивая защиту съ обвиненіемъ, во-вторыхъ, чтобы еще больше ослабить вмѣняемость. Никакіе законы не возмогутъ водворить суровость и взыскательность, когда нравы мягки какъ воскъ, когда въ нихъ нѣтъ мстительности, злорадства при видѣ казни, когда въ нихъ утвердилась равнозначительность преступленія съ несчастіемъ. Чтó бы ни толковали наши юристы и публицисты, уголовное противодѣйствіе преступленію не будетъ уси-

ливаться, а будетъ ослабѣвать путемъ расширенія суда по совѣсти на счетъ суда по закону, путемъ смягчающихъ обстоятельствъ, смягченія наказаній и помилованія, путемъ преобразованія мѣстъ заключенія. То же незлобіе, та же наклонность къ невмѣненію замѣтны и въ отношеніяхъ Россіи къ внѣшнимъ врагамъ ея, лишенныхъ мелкой завистливости и злопамятованія, хотя при этомъ общество не забываетъ ни на минуту о высокомъ значеніи вооруженной силы и вполнѣ солидарно съ верховною властью въ ея милитаризмѣ. Что касается до администраціи, то она отличается отъ всякой другой въ Европѣ гораздо большею дозою произвольности, которую она почерпаетъ дважды: отъ историческаго, традиціоннаго автократизма и отъ самого общества, на днѣ котораго лежитъ полная произвольность власти (крестьянская семья). Внизу подъ нами — океанъ произвола, неограниченность власти отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, мужчины надъ женщиною, всякаго физически сильнѣйшаго надъ физически слабѣйшимъ. Этотъ произволъ есть тѣневая сторона нашей демократіи, возмущающая, отвратительная; она насъ относитъ ко временамъ первобытнымъ, предшествовавшимъ образованію феодальнаго порядка. Изъ демократіи этотъ произволъ заносится и въ законодательство, и въ судъ, и даже въ интеллигенцію. Между тѣмъ эта интеллигенція только и есть наша надежда и спасеніе. Она одна, дѣйствуя обратнымъ токомъ на умы и нравы, можетъ мало-по-малу экскорпорировать произволъ, составляющій канатную канву нравовъ. Она замѣняетъ въ Россіи среднее состояніе и спаиваетъ низъ общества съ готовою оторваться вершиною. Задача ея не высокая, роль ея не казистая: популяризація знаній, долбленіе окаменѣлой массы крестьянства каплями воды, проведеніе до низу общества самыми тонкими струями продуктовъ политическихъ. Школа, — вотъ единственный завѣтъ будущаго. Безъ школы, безъ образованія, безъ страшныхъ, сверхъестественныхъ усилій со стороны интеллигенціи наша демократія не только не пойдетъ на смѣну буржуазіи, но застынетъ мертвымъ, летаргическимъ сномъ; всѣ ея силы и счастливыя предрасположенія обратятся въ слабость, и организмъ пораженъ будетъ въ самомъ его центрѣ, потому что русскій демократизмъ есть тотъ конецъ Аріадниной нити, на которомъ свитъ весь русскій политическій клубокъ; безъ демократизма общество не дойдетъ до разрѣшенія ни одной изъ предстоящихъ ему задачъ. — Таковы послѣднія заключенія автора.

В. Спасовичъ.

ПЕЙЗАЖЪ

И

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИВОПИСИ.

Между художниками если не установилось, то весьма распространилось мнѣніе, что пейзажъ составляетъ низшій родъ живописи, сравнительно съ жанромъ, живописью исторической и даже баталической. Пейзажъ является для этихъ родовъ не болѣе, какъ аксессуаромъ. Въ то же время пейзажъ представляетъ, повидимому, меньше трудностей въ техникѣ. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что пейзажи Айвазовскаго исполняются талантливымъ авторомъ въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ. Но всѣ знатоки согласны, кажется, въ томъ, что эти пейзажи представляютъ не болѣе, какъ эскизы, въ которыхъ фантазія художника съ замѣчательнымъ мастерствомъ набрасываетъ такія гармоническія сочетанія линій красокъ и тоновъ, которые въ природѣ не существуютъ и вѣроятно не могутъ существовать.

Но эти картины нравятся публикѣ, и въ этомъ явленіи скрывается одна изъ загадокъ эстетическихъ наслажденій. Никто не будетъ оспаривать красоты въ этихъ яркихъ, блестящихъ фантазіяхъ, но эта красота является чѣмъ-то чисто внѣшнимъ, подобно тѣмъ декораціямъ, которыя соблазняютъ эффектомъ красокъ, смѣлостью рисунка, силой освѣщенія.

Въ противоположность этой внѣшней сторонѣ, въ пейзажѣ являются другія, глубже лежащія и точно также неразъясненныя стороны, а между тѣмъ онѣ придаютъ пейзажу тотъ характеръ

серьёзной живописи, который можетъ поставить его на ряду съ жанромъ и исторической картиной. Но прежде этихъ сторонъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о техникѣ пейзажа.

Многимъ изъ пейзажистовъ удается передать весьма вѣрно прозрачность воды, отраженіе въ ней, прозрачность и глубину воздуха, тона облаковъ и даже свѣтовые эффекты. Немногіе способны рисовать траву, кусты и въ особенности деревья. Эти послѣднія представляютъ намъ большія затрудненія со стороны техники, потому что въ нихъ мы видимъ самые сложные предметы изъ всѣхъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ пейзажа. Пейзажисту необходимо передать всю эту сложность, все расположеніе партій, вѣтвей и весь комплектъ листьевъ такимъ образомъ, чтобы письмо его не было ни сухо, ни вычурно. При всякомъ масштабѣ пейзажа (за исключеніемъ, разумѣется, масштаба декорацій) всѣ эти почти неуловимыя подробности должны быть переданы въ миніатюрѣ. Если жанристъ нерѣдко затрудняется передать вѣрно детали комнаты въ миніатюрѣ, то задача его такъ или иначе можетъ быть исполнена, тогда какъ при передачѣ деревьевъ, игры свѣта на листьяхъ, различныхъ ихъ отблесковъ и тоновъ, художникъ нерѣдко долженъ остановиться и признать здѣсь полное безсиліе искусства.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ трудностей, съ которыми приходится бороться пейзажисту, есть много другихъ, касающихся сущности дѣла. Въ противуположность задачамъ жанриста, которыя могутъ быть всегда опредѣлены и ясно поставлены, задачи пейзажиста являются чѣмъ-то совершенно неопредѣленнымъ. Когда дѣло касается этихъ задачъ, то можно встрѣтить весьма разнорѣчивыя, иногда довольно странныя сужденія. Рѣчь здѣсь идетъ прежде всего о такъ-называемыхъ «мотивахъ», и этотъ терминъ художники опредѣляютъ различно. Одни желаютъ видѣть въ мотивѣ метеорологическія аксессуары пейзажа, то-есть утро или вечеръ, ясную погоду или бурю и т. п. Другіе идутъ дальше, они желаютъ видѣть въ мотивѣ гармоническое соединеніе этихъ аксессуаровъ съ составомъ самого пейзажа. Такъ, напр., соединеніе голыхъ угрюмыхъ скалъ съ вечернимъ освѣщеніемъ или съ бурной погодой, или соединеніе какой-нибудь цвѣтущей, такъ сказать, играющей мѣстности, богатой растительностью, съ яснымъ и яркимъ освѣщеніемъ.

Въ такихъ сочетаніяхъ нѣкоторые художники желаютъ даже видѣть мысль пейзажа или мысль самого художника, выраженную въ той именно формѣ, которая для нея можетъ считаться болѣе удобною. Существуютъ и такіе художники, которые въ каждомъ

пейзажѣ видятъ отпечатокъ индивидуальности самого художника, и оригинальностью пейзажа измѣряютъ его достоинства. Найдется не мало также поклонниковъ совсѣмъ другого взгляда, такихъ пейзажистовъ, которые проповѣдуютъ рабское подражаніе природѣ и всю силу пейзажа ищутъ въ фотографической вѣрности копіи съ оригинала. Наконецъ, въ противуположность этому взгляду существуютъ пейзажисты «классики», которые готовы измѣнить природу по личному вкусу, только бы пейзажъ вышелъ красивъ и изященъ. Но въ чемъ же заключается эта красота и изящество? Это вопросъ очевидно общій, т.-е. касающійся всѣхъ родовъ живописи и вмѣстѣ съ тѣмъ это старый, знаменитый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ.

Классицизмъ имѣетъ въ своей области только одну положительную сторону, до отрицательной стороны въ художествѣ и вообще въ эстетикѣ ему нѣтъ дѣла. Онъ стремится воспроизвести или создать самыя красивыя пропорціи или отношенія въ красках, тонахъ, линіяхъ и во всемъ составѣ пейзажа. Такое стремленіе вполнѣ естественно, законно и даже полезно, но пейзажисты принимаются за него чисто внѣшнимъ, рутиннымъ образомъ. Они забываютъ, или имъ вовсе неизвѣстно, что каждая черта, каждый тонъ пейзажа имѣютъ свое внутреннее значеніе. Онъ обусловливается жизнью, составомъ предметовъ, всѣми тѣми явленіями, которыя даютъ ту или другую форму всѣмъ частямъ пейзажа. Если художникъ придаетъ сѣверному пейзажу южное небо, то какъ бы ни былъ красивъ этотъ пейзажъ, онъ не будетъ классическимъ, и никакія эстетическія внѣшнія отношенія не выкупятъ здѣсь неправды внутренняго содержанія. То же самое будетъ, если художникъ, рисуя южный пейзажъ, придастъ ему однотонность или остановится на двухъ-трехъ яркихъ тонахъ, бьющихъ въ глаза, но гармонически-комбинированныхъ. При южномъ освѣщеніи и небѣ мы встрѣчаемъ, даже при мглистомъ, наполненномъ парами воздухѣ, удивительное разнообразіе въ тонахъ, въ ихъ сочетаніи. Но это разнообразіе вовсе не дѣлаетъ пейзажа пестрымъ; оно придаетъ ему только удивительную полноту и законченность во всѣхъ его деталяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой полноты и законченности, тамъ нѣтъ правды, тамъ требованіе эстетики удовлетворяютъ только внѣшнимъ, грубымъ образомъ, и художникъ старается замаскировать этотъ недостатокъ неопредѣленностью, незаконченностью, бойкостью кисти, контрастами свѣта, тѣни и красокъ. Примѣръ такихъ картинъ представляютъ картины Айвазовскаго.

Болѣе сложныя отношенія представляютъ картины школы

Калама. Въ нихъ мы также видимъ классицизмъ, т.-е. стремленіе къ положительной сторонѣ пейзажа, привязанность къ красотѣ линій и тоновъ, но въ этой школѣ мы встрѣчаемся не съ одной внѣшностью. Во многихъ случаяхъ отношенія чисто формальныя сливаются съ внутреннимъ содержаніемъ предмета. Но не рѣдко этимъ внутреннимъ содержаніемъ жертвують въ пользу красоты, хотя эта красота является условною и ложною.

Всѣ такіе пріемы выходятъ изъ одного, совершенно невѣрнаго предположенія. Художники обыкновенно считаютъ природу спообобною на безконечныя комбинаціи въ частяхъ. Правда, они держатся въ извѣстныхъ предѣлахъ и не изображаютъ деревьевъ выше горъ и облаковъ, но тѣмъ не менѣе даже въ пейзажахъ Калама мы можемъ встрѣтить самыя произвольныя обращенія съ природными условіями. Въ его швейцарскихъ видахъ нерѣдко можно замѣтить несоразмѣрность первыхъ и вторыхъ плановъ съ горами, заканчивающими перспективу картины. Въ этихъ дальнихъ планахъ геніальный художникъ иногда группировалъ горы въ такихъ относительно малыхъ размѣрахъ, которые въ швейцарской природѣ вовсе не встрѣчаются.

Нѣкоторые цѣнители желаютъ видѣть въ пейзажахъ Каламовской школы «романтизмъ», но чтó такое этотъ романтизмъ въ живописи? Не будетъ ли это аффектація, чрезмѣрное усиленіе тѣхъ сторонъ, которые могутъ сильно, но непрочно возбуждать эстетическое чувство, какъ громкая реторическая фраза, какъ шумиха словъ, которой поражаетъ слушателя ораторъ или зрителя актеръ, владѣющій только внѣшними средствами. Мнѣ кажется это отчасти вѣрнымъ, но въ то же время нельзя, повидимому, сомнѣваться и въ томъ, что въ романтизмѣ лежитъ сильное, увлекающее чувство, глубину котораго трудно опредѣлить.

Если мы будемъ разсматривать внутреннюю сторону классицизма въ живописи, то мы невольно придемъ къ убѣжденію, что она вполнѣ законна и естественна. Дѣйствительно, гдѣ мы встрѣчаемъ наиболѣе благопріятныя условія для красоты пейзажа?— На югѣ, въ Италіи, Испаніи, Греціи, Крыму, гдѣ южный климатъ умѣряется моремъ, гдѣ онъ обусловливаетъ болѣе или менѣе роскошную растительность, гдѣ самыя горы представляютъ намъ отчасти удобства, отчасти разнообразіе условій жизни. На югѣ мы видимъ красивыя южныя сосны, пинны, лавры, мирты, кипарисы, алои, роскошные виноградники и плющи. Однимъ словомъ, мы видимъ массу растеній, дающихъ пейзажу роскошный, праздничный видъ. При этомъ самое освѣщеніе неба или моря принимаетъ красивые, теплые и чистые тоны.

Но почему же намъ нравятся эти красивыя линіи и краски? Потому, что въ нихъ выражается свобода и сила жизни, ея удобства, ея разнообразіе. Мы можемъ даже удобства человѣческой жизни мѣрить этими красивыми отношеніями. Правда, эти удобства можно назвать примитивными, но тѣмъ не менѣе, тамъ гдѣ они соединяются, выигрываютъ и всѣ другія стороны, развитыя цивилизацiей и выросшія на этихъ примитивныхъ условіяхъ жизни.

Съ другой стороны, всѣ эти красивыя отношенія въ линіяхъ, тонахъ, формѣ и размѣрахъ предметовъ дѣйствуютъ на человѣчество развивающимъ образомъ. Они воспитываютъ въ насъ чувство изящнаго, т.-е. они пріучаютъ глазъ къ болѣе правильнымъ и сложнымъ пропорціямъ. Неразвитому вкусу нравятся яркія краски и грубыя комбинаціи ихъ. Онъ удовлетворяется сочетаніемъ первичныхъ цвѣтовъ во всей ихъ рѣзкости. Въ окраскѣ предметовъ у нашего простого народа, точно-также какъ и у татаръ, нерѣдко встрѣчается смѣшеніе яркихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго, зеленаго или краснаго, зеленаго и голубого. У прежнихъ живописцевъ всѣхъ школъ мы видимъ яркую синеву неба. То же самое встрѣчается почти у каждаго начинающаго, неумѣлаго пейзажиста. Но съ развитіемъ эстетическаго чувства это пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ, рѣзко раздражающимъ глазъ, исчезаетъ. Они становятся для него также непріятны, почти болѣзненны, какъ всѣ сильныя свѣтовыя ощущенія. Отрѣшившись отъ этихъ сильныхъ раздражителей, глазъ начинаетъ различать ихъ составныя части. Онъ видитъ не простые цвѣта, но ихъ оттѣнки, переходы и вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность тѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ комбинацій этихъ тоновъ, которые представляются для него совершенно новыми, болѣе пріятными, можетъ быть, въ силу самой ихъ сложности. Эти комбинаціи будутъ эстетическими, по крайней мѣрѣ для современнаго періода человѣчества.

То же самое, что мы видѣли въ краскахъ, приложимо къ эстетическимъ пропорціямъ формъ, линій и т. д. Разсматривая рисунки начинающихъ рисовать и въ особенности дѣтей, мы видимъ въ этихъ рисункахъ грубые очерки тѣхъ сторонъ предметовъ, которые поражаютъ глазъ прежде всѣхъ другихъ. Въ этихъ неумѣлыхъ очеркахъ ребенокъ не только не можетъ передать, но даже не видитъ тѣхъ отношеній, которыя мы называемъ эстетическими. Съ возрастомъ и навыкомъ, глазъ развивается и начинаетъ видѣть эти отношенія. Но они мѣняются съ возрастомъ человѣчества, и тотъ типъ красоты, который считался у грековъ и рим-

лянъ за идеалъ совершенства, теперь можетъ встрѣтить нѣкоторыя весьма существенныя поправки. Во всякомъ случаѣ остается здѣсь неизмѣннымъ одинъ принципъ весьма существенный и физіологическій или біологическій. Подъ именемъ красиваго, изящнаго, или вообще всего того, что доставляетъ намъ такъ-называемое эстетическое наслажденіе, мы можемъ понимать такое сочетаніе линій, красокъ, формъ, звуковъ и тому подобныхъ возбудителей чувствъ, которое вызываетъ въ насъ стремленіе или къ чисто физіологическимъ, или психологическимъ удобствамъ, дѣлающимъ жизнь пріятною и правильною [1]).

Для объясненія этого опредѣленія мы возьмемъ сравненіе. Человѣкъ правильно организованный во всѣхъ частяхъ его тѣла, т.-е. представляющій такія пропорціональныя отношенія, при которыхъ всѣ его органы дѣйствуютъ свободно и ни одинъ не преобладаетъ въ развитіи надъ другими,—такой человѣкъ въ то же время покажется намъ и болѣе красивымъ, если только глазъ нашъ можетъ легко отличить эстетическія или правильныя пропорціи отъ неправильныхъ. То же самое мы видимъ и въ пейзажѣ. Деревья и вся растительность его только тогда будутъ красивы, когда всѣ части ихъ будутъ полны жизни, сильны, здоровы. Ставши на эту точку зрѣнія искусство, понятно, должно производить только правильныя, красивыя, классическія формы.

Въ реализмѣ мы встрѣчаемъ совершенно противоположное. Тамъ мы имѣемъ дѣло или только съ одними отрицательными сторонами, или съ ихъ преобладаніемъ надъ положительными. Задача реалиста въ ея тѣсной и конкретной формѣ воспроизвести мѣстность съ фотографической точностью. Но самая мѣстность выбирается здѣсь въ силу индивидуальнаго вкуса. Притомъ ни одинъ пейзажъ не переносится прямо на полотно. Каждый компонуется. Измѣняются контуры, одно обрѣзывается, другое прибавляется, третье выбрасывается. И все это дѣлается съ цѣлью, чтобы пейзажъ былъ, какъ говорятъ художники, «интереснѣе». Въ сущности здѣсь переработывается натура, натура неприбранная, неукрашенная, та, которая встаетъ передъ полотномъ художника на каждомъ шагу во всякое время. Все это—желаніе подойти къ классицизму, хотя издали. Но есть также въ этомъ свои серьёзныя стороны.

---

[1]) За этимъ опредѣленіемъ скрывается другое, неизбѣжно вытекающее изъ него. Если мы будемъ понимать подъ словомъ «прогрессъ» стремленіе всѣхъ организмовъ придти посредствомъ осложненій ихъ организаціи къ болѣе полнымъ и гармоничнымъ отношеніямъ со всѣми явленіями природы, то понятно, что движенія эстетическія въ этомъ стремленіи будутъ играть весьма видную роль.

Для жителя сѣверной бѣдной природы самый лучшій пейзажъ будетъ тотъ, который воспроизводитъ ее съ фотографической вѣрностью, со всей грустной перспективой ея сѣрыхъ тоновъ, съ ея бѣдными плоскими линіями и однообразными предметами. Очевидно, что источникъ такого вкуса лежитъ въ сторонѣ отъ эстетическихъ отношеній, если подъ именемъ ихъ мы будемъ понимать разнообразіе красокъ и формъ въ полныхъ гармоническихъ сочетаніяхъ. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ субъективныхъ или даже племенныхъ, національныхъ потребностей вкуса необходимо вытекаютъ условія для характера именно того пейзажа, который удовлетворяетъ этимъ потребностямъ.

Здѣсь лежитъ источникъ безконечнаго разнообразія этихъ личныхъ потребностей. Для зрителя не важно, чтобы пейзажъ былъ классическимъ или реальнымъ, чтобы онъ производилъ природу во всей ея правдѣ, или былъ чрезвычайно красивъ. Для него важно то, чтобы онъ отвѣчалъ его внутреннимъ стремленіямъ, его личному вкусу. Какъ бы ни былъ красивъ пейзажъ южной природы, житель сѣвера, никогда невидавшій ни южной растительности, ни яркихъ красокъ, будетъ имъ любоваться, но истинная прелесть для него будетъ скрыта въ нашей сѣверной природѣ.

Между національными потребностями мы остановимся теперь на одной и разсмотримъ, что́ такое русскій пейзажъ?

Наши художники подъ именемъ «русскаго» пейзажа изображаютъ обыкновенно плоскую мѣстность, прикладывая къ ней въ видѣ діагноза русскую церковь, избы, мужиковъ, парней. Неужели русскій пейзажъ не имѣетъ въ себѣ ничего характернаго? Правда, на томъ пространствѣ, на которомъ раскинута Россія, можно встрѣтить самыя разнообразныя мѣстности, со всевозможными мотивами. Въ этихъ мѣстностяхъ мы можемъ найти то голыя, песчаныя или полынныя, то ковыльныя или полныя роскошной растительности, луговыя, и даже саксауловыя степи, можемъ найти прибрежья сѣвернаго и южнаго морей, прибрежья плоскія, нагорныя, скалистыя и т. д. Можемъ встрѣтить и живописные острова южнаго берега Финляндіи, и пловучіе острова, покрытые красивыми группами деревьевъ, на прудахъ и озерахъ юговосточной Россіи. Можемъ найти тундры, непроходимые лѣса и болота, даже цѣпи горъ могутъ представить самые разнохарактерные типы по колориту и рисунку. Возьмите, напр., Кавказъ и Тіань-Шань или Алтай. Даже сѣверный, средній и южный Уралъ представляютъ громадную разницу для пейзажа. Гдѣ же въ этомъ чуть ли не безконечномъ разнообразіи характерность?

Гдѣ тѣ общія черты, которыя могутъ быть приняты собственными, типическими для русскаго пейзажа?

Разсматривая сравнительно различныя мѣстности Европы и Россіи, имѣющія сходный характеръ, мы можемъ найти нѣкоторыя различія. Такъ, напр., на Кавказѣ мы не встрѣтимъ того разнообразія контуровъ и той обстановки пейзажа, которыя мы находимъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Еще менѣе имѣютъ сходства съ нашими горными цѣпями горы Италіи, въ особенности южной, вулканическія горы ея острововъ съ ихъ рѣзкими острыми вершинами, съ ихъ своеобразной растительностью. Вообще, въ южной Италіи поражаетъ въ пейзажѣ полное, гармоническое отношеніе его составныхъ частей. Тамъ какъ будто по заказу соединяются вмѣстѣ и плывучесть, округлость линій и эстетическое расположеніе холмовъ, горъ, растеній, и колоритность и сила южнаго солнца. Вотъ почему художнику-итальянцу странно слышать, что какой-нибудь художникъ южной Германіи, Франціи или Россіи, принужденъ компоновать пейзажъ. Для итальянца чуть не каждый уголокъ Сициліи или окрестностей Неаполя представляютъ готовую картину, къ которой только въ немногихъ случаяхъ приходится прикомпоновать первый планъ. Вслѣдствіе этого вполнѣ понятно то благотворное вліяніе, которое можетъ оказывать природа южной Италіи на развитіе нашихъ молодыхъ пейжазистовъ. Тамъ передъ каждымъ изъ нихъ развертывается живая книга, которая говоритъ для него языкомъ вполнѣ понятнымъ, если только внутри самого художника присутствуетъ эстетическое чувство.

Подъ вліяніемъ окружающей природы складывается характеръ человѣка и цѣлаго народа. Эта давно уже высказанная истина сдѣлалась теперь общимъ мѣстомъ. Перевертывая ея выраженіе мы должны сказать, что по характеру народа мы должны отыскивать характеръ той мѣстности, въ которой онъ развился и сложился, и вотъ въ этомъ-то характерѣ и лежатъ типическія особенности всякаго національнаго, и въ томъ числѣ и русскаго пейзажа.

Чтобы опредѣлить двѣ главныхъ стороны, andante и allegro, русскаго характера я беру мастерской очеркъ Тургенева: «Пѣвцы» и по немъ опредѣляю характеръ самого пейзажа. Залихватскій типъ рядчика Якова Турки, типъ смѣшанный, скрещенный изъ славянской и тюркской крови. Но обѣ эти народности до нѣкоторой степени развивались подъ одинаковыми условіями. Тамъ и здѣсь степной характеръ мѣстности, однообразіе равнинъ отразилось почти въ одинаковыхъ размѣрахъ. Тамъ и

здѣсь слышится неопредѣленная тоска, заунывность или разгулъ дикой, неограниченной воли. Въ русской пѣснѣ эти особенности выражены рѣзче. Это характеръ племени. Въ пѣснѣ Якова рядчика чувствуется этотъ разгулъ, раздолье, эта безграничная свобода, гдѣ человѣкъ какъ-будто сливается съ безличными стихійными силами природы. Это allegro невольно охватываетъ слушателей. Оно родное ихъ характеру, оно тянетъ его на просторъ необузданной воли, на свободу своеобразнаго самоотреченія, молодечества, ухарства, гдѣ жизнь копѣйка, гдѣ для «лыцарской души» разливанное море по колѣно.

Пѣсня другого Якова, пѣсня andante, представляетъ другую крайность того же характера. Это другой конецъ одной и той-же скалы. Въ ней также слышится безпредѣльность свободы, но свободы, которая влечетъ къ себѣ серьёзными симпатіями. Тамъ грусть безконечной привязанности, тамъ осмысленные, болѣе сложные аккорды. «Русская, правдивая, горячая душа, говоритъ Тургеневъ, звучала и дышала въ этомъ голосѣ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны... Онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды вечеромъ, во время отлива на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку. Она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на встрѣчу знакомому морю, на встрѣчу низкому багровому солнцу».

Таково andante русской пѣсни. Въ немъ слышится неопредѣленный просторъ суроваго, широкаго моря, въ немъ чувствуется сіяніе розовой зари любви, любви ко всему, что нуждается въ этомъ неопредѣленномъ чувствѣ. Наконецъ, въ этихъ безконечно-заунывныхъ могучихъ звукахъ слышится тотъ полётъ бѣлой, быстрокрылой чайки, которая носится надъ волнами житейскаго моря, слышится звукъ той горячей русской души, которая находитъ себѣ отголосокъ только въ безпредѣльномъ и безконечномъ...

Таковъ характеръ русской пѣсни; таковъ долженъ быть характеръ русскаго пейзажа. Безконечныя равнины, холмистыя или совершенно плоскія, степныя, тѣ равнины, которыя породили и русскую богатырскую удаль, и русскую горячую, безпредѣльную симпатію. Онѣ должны опредѣлять характеръ пейзажа. Безпредѣльность—его непремѣнное условіе. Горизонтъ его сливается съ небомъ. Онъ уходитъ въ ту безконечную даль, въ которую стре-

мится русская пѣсня. Цѣлая перспектива холмовъ, то обнаженныхъ, то обросшихъ кустарниками, съ оврагами, лѣсами, съ доломъ, въ которомъ вьется маленькая, узенькая болотистая рѣчонка. Вотъ одна изъ мѣстностей русскаго пейзажа.

Цѣлая перспектива лѣсовъ или боровъ, хвойныхъ, угрюмыхъ, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ заостренныхъ пирамидальныхъ вершинъ, то поднимающихся цѣлыми группами, островами, то встающихъ цѣльной зубчатой стѣной. Вотъ другая картина, чисто русской природы.

Разъ мнѣ случилось быть на вершинѣ одной изъ довольно высокихъ горъ Сѣвернаго Урала. Широкая панорама лѣсовъ, большею частью хвойныхъ, развернулась передо мной. Внизу, у подошвы горы, сквозь столѣтнія лиственницы блестѣло широкою гладью «черное озеро». За нимъ тянулись безконечные лѣса, терявшіеся на горизонтѣ въ сѣдомъ еще неулегшемся туманѣ, а надъ всей картиной было опрокинуто холодное блѣдно-голубое небо. Сколько было разнообразія въ этой простой, величавой картинѣ, разнообразія въ контурахъ, въ едва замѣтныхъ, неуловимыхъ оттѣнкахъ тоновъ! Здѣсь невольно чувствовалась какая-то безконечная ширь, могущество суровой, дикой природы, которая всецѣльно отразилась на угрюмомъ складѣ сѣвернаго крестьянина, на его звѣриныхъ, многотрудныхъ промыслахъ, на его заунывныхъ пѣсняхъ, полныхъ глубокаго, поэтическаго чувства.

Всѣмъ, кому случалось разъѣзжать по Руси, знакомы эти равнины, поросшія мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ, березникомъ или осиной:

Ель, да песокъ, березнякъ, да осина—
Не весела ты, родная картина.

Но подъ вліяніемъ этой картины сложился духъ русскаго народа. Она ему дѣйствительно «родная». Это чисто природныя мѣстности, гдѣ она, сама природа, распоряжается лѣснымъ хозяйствомъ. Дикія, безплодныя, необработанныя, незасѣянныя, онѣ поражають громадными площадями, пустыннымъ однообразіемъ, нетронутой свѣжестью. То сухія, слегка холмистыя, съ небольшими оврагами, то совершенно низменныя, ровныя, сырыя, болотистыя — онѣ разбросаны на огромное разстояніе, почти повсюду и на сѣверѣ, и въ средней Россіи, и даже на югѣ. Въ солнечный-ли яркій и жаркій полдень, въ тихій-ли, ясный вечеръ, въ сырой-ли дождливый день—онѣ развертываются передъ художникомъ широкимъ полотномъ, съ богатыми поэтическими мотивами, съ самыми разнообразными тонами.

Въ жаркій полдень, когда свѣтъ теплыми, яркими, желтыми пятнами падаетъ на песчаные бугры и осыпи, накаленные солнцемъ — какія легкія, прозрачныя тѣни ложатся вокругъ молодыхъ сосенъ и елей! Еще несложившіяся пирамидальныя деревца, разбросанныя группами, колками, по песчаной равнинѣ, уходятъ въ перспективу, гдѣ надъ синѣющимъ лѣсомъ, на горизонтѣ лежатъ неподвижныя кудрявыя, ярко-блестящія облака. Сколько разнообразія здѣсь въ цвѣтѣ травъ, въ контурахъ ихъ партій, какой красивый контрастъ съ ихъ зеленью представляютъ большія шапки блѣдно-зеленаго оленьяго моха. Песчаная дорожка съ глубокими колеями, съ пнями и кочками, вьется по самой серединѣ этого лѣска, уходитъ въ синюю даль перспективы; а на первомъ планѣ она пересѣкаетъ грязное, почти голое болотцо. Небольшая стайка куропатокъ или дикихъ клинтуховъ подошли къ этой грязной лужицѣ...

Хорошъ такой пейзажъ и въ ясный вечеръ. По небу на горизонтѣ еще стелются синія тучи, пролившіяся дождемъ. Мѣстами теплый, красновато-желтый свѣтъ заходящаго солнца падаетъ рѣзкими пятнами на ихъ клубящіеся контуры. Мѣстами онъ позолотилъ верхушки самыхъ высокихъ сосенъ и елокъ, а остальное все въ тѣни, въ самыхъ нѣжныхъ, прозрачныхъ тонахъ, отъ которыхъ вѣетъ какой-то теплой свѣжестью. Зайчикъ выскочилъ изъ этихъ колковъ и присѣлъ на пустынную дорожку, около лужицы, зорко смотритъ широко-разставленными глазами и насторожилъ, поводитъ во всѣ стороны чуткими, длинными ушами...

Еще лучше кажется подобная картина въ сѣрый, дождливый день, когда низко стелются, задѣваютъ разорванными клочками за верхушки деревьевъ тяжелыя облака. Почти сплошное небо угрюмо опрокинулось надъ панорамой молодого лѣса. Сырой, мглистый воздухъ, дождь чувствуется во всей картинѣ. Глубокія рытвины полны водой, въ которой отражается сѣрое небо и только прыгающія капли дождя мѣшаютъ этому отраженію, рябятъ поверхность. Какая-то фигурка плетется грустно по дорожкѣ, тонетъ въ грязи, фигурка закутанная въ рогожу, какъ попъ въ ризу.

Хороша, наконецъ, эта безконечная панорама лѣсовъ, въ особенности смѣшанныхъ изъ хвои и березняку, поздней осенью, въ тѣ дни, когда облака плывутъ безконечными вереницами, мѣняя контуры почти каждое мгновеніе. И сколько разнообразія въ этихъ переливахъ тоновъ сѣрыхъ, синихъ, красноватыхъ, желтыхъ! Какими чудными контрастами ложатся отъ нихъ наносныя тѣни на группы деревьевъ, какими яркими пятнами выдѣ-

ляются пожелтѣвшія березы отъ темной бархатной зелени пихтъ и елей.

А русскія рѣки? Широкія въ мелководьѣ, еще болѣе широкія въ полую воду, съ ихъ громадными равнинами поёмныхъ луговъ, богатыхъ своеобразными озерами...

Но трудно, почти невозможно, передать всѣхъ мотивовъ широкаго русскаго пейзажа. Почему-же не берутся за него наши художники? Почему онъ мельчаетъ, дробится въ какіе-то этюдики? Ктó и чтó виновато здѣсь? Образованіе-ли, требующее какой-то несознанной, переданной завѣщаніемъ и рутиной классической красоты, образованіе подавляющее въ художникѣ его природныя, даже самыя могучія симпатіи, или въ нашемъ художникѣ не нашлось еще тѣхъ широкихъ силъ, которыя поставили бы его въ уровень съ его стремленіями, которыя дали бы ему возможность создать его родной пейзажъ русской природы?

Н. Вагнеръ.

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ *).

Пришла весна,—не та весна, когда таетъ снѣгъ и проноситъ ледъ, когда сырость и холодъ чередуясь одѣляютъ щедро всяческими недугами, когда по дорогамъ нѣтъ проѣзда, а по немощеннымъ улицамъ маленькаго городка нѣтъ прохода,—а настоящая весна, зеленая, шумная, благоуханная. У насъ подъ окнами былъ небольшой палисадникъ; трава въ немъ зазеленѣла, верба готова была распуститься, и я съ наслажденіемъ глядѣла на яркую молодую зелень, начиная чувствовать сильное желаніе подышать деревенскимъ воздухомъ. Я вспомнила, что и Васильевъ совѣтовалъ мнѣ увезти на лѣто дѣтей въ деревню, гдѣ они скорѣе поправятся. Мнѣ ужъ надоѣла Синегорская жизнь — эта скучная старосвѣтская идиллія съ грязненькой подкладкой,—идиллія, которая вначалѣ меня немного забавляла. Мужъ не препятствовалъ мнѣ въ моемъ желаніи уѣхать. Въ Калинову посланы были нужныя распоряженія, и рѣшено, что послѣ пасхи я выѣду со всѣми дѣтьми, а мужъ будетъ пріѣзжать къ намъ, когда будетъ позволять служба.

Былъ вечеръ вербнаго воскресенья. Я съ дѣтьми сидѣла за чайнымъ столомъ; мужъ былъ на имянинахъ у исправника. У дверей позвонили.

— Кто тамъ?—спросила черезъ дверь няня, не торопясь отпирать: она всегда брала эту предосторожность, опасаясь почему-то впустить недобраго человѣка.

---

*) См. выше: янв. 35; февр. 625; мар. 151 стр.

— Свои,—отвѣчалъ веселый знакомый голосъ.—Я чуть не выронила чайника изъ рукъ.

— Сергѣй Михайловичъ!—узнала няня и поспѣшила отворить, слегка нахмурясь,—вспомнивъ вѣроятно свои съ нимъ схватки во время болѣзни дѣтей.

— Какъ же вамъ ѣздилось? — спросила я, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Хорошо ѣздилось,—отвѣчалъ онъ съ той улыбкой, которая у него означала хорошее настроеніе и нисколько не относилась къ словамъ. — Дѣло я кончилъ отлично, время провелъ сносно, дорога хорошая,—словомъ, все хорошо! Только подъѣзжая къ дому бумажникъ потерялъ, да въ немъ, слава Богу,— только три рубля было.

— Ну, и слава Богу!—произнесла я, невольно поддаваясь тому же ясному и радостному настроенію. — Ну, а скажите-ка, вы не соскучились по насъ?

— Нѣтъ, когда я крѣпко занятъ, я не способенъ соскучиться по комъ бы то ни было; я даже какъ-то мало помню все постороннее,—отвѣчалъ онъ.

Меня немножко кольнуло такое откровенное признаніе.

Дѣти между тѣмъ пошли спать, а люди ужинать. Настала та тишь, которая такъ дорога людямъ, весь день преслѣдуемымъ дѣтскимъ шумомъ и суматохой, общей всѣмъ домамъ, гдѣ не ведутъ правильной жизни. Мы сидѣли вдвоёмъ въ гостинной.

— Знаете-ли?... я давно хочу что-то вамъ сказать, — проговорила я.

— Скажите,—тихо и ласково произнесъ онъ.

— Я хочу хорошенько объяснить вамъ причину, по которой я желала вашего отъѣзда...—начала я.

— Вы мнѣ ее объяснили давно,—улыбаясь замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону! — живо проговорила я, смущаясь при воспоминаніи о той шуткѣ, на которую онъ намекнулъ.—Вотъ теперь я хочу это выяснить: видите-ли...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но промолчалъ, а я затруднялась продолжать: какъ-то щекотливо казалось мнѣ признаваться, что мужъ дескать ревнуетъ или можетъ приревновать...

— Вы слишкомъ часто у насъ бывали... — продолжала я, все еще не находя настоящихъ словъ.—Здѣсь, въ уѣздномъ городѣ, того и гляди сплетутъ что-нибудь... Вотъ вы сами предупреждали меня, что у Мальвины Осиповны языкъ скверный. Ну, вы понимаете, какъ легко такой особѣ выдумать Богъ-знаетъ

что. А ужъ другіе-то постараются распространить... Ну, и вѣдь можетъ дойдти и до мужа...

— А Александръ Семеновичъ вѣроятно посмѣялся бы, еслибъ въ добрый часъ это ему извѣстно стало, а въ недобрый часъ — далъ бы хорошенькаго нагоняя Осиповнѣ, и я бы съ своей стороны прибавилъ, — сказалъ Васильевъ съ убѣжденіемъ, хоть и улыбаясь.

— Кто знаетъ, такъ ли бы это было!—тихо усомнилась я.

— Непремѣнно такъ. Я и представить себѣ не могу, чтобъ было иначе.

Я покачала головой съ невольнымъ сомнѣніемъ, а онъ пристально поглядѣлъ на меня и задумался.

— А можетъ быть вы и правы,—проговорилъ онъ потомъ. —Я не взялъ въ разсчетъ, что всякій смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія... Но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, еще ничего такого не выходило?

— Нѣтъ, ничего,—поспѣшно произнесла я.

— Ну, такъ и не выйдетъ ничего, — съ увѣренностью сказалъ онъ:—я за это ручаюсь.

— А мы съ вами все-таки будемъ друзьями,—порѣшила я подавая ему руку.

— Непремѣнно,—выговорилъ онъ, пожимая мою руку просто, и—мнѣ показалось—холодно, и сейчасъ же посмотрѣлъ на часы.

— Однако поздно,—замѣтилъ онъ.—Пора и домой. Только вотъ еще два слова: я разъ какъ-то наговорилъ вамъ разнаго вздора — помнится; пожалуйста извините меня. Со мной этакое случается.

— Никакого вздора вы мнѣ не говорили,—сказала я.—А вотъ сознайтесь-ка, что вы плохой отгадчикъ: какъ-то разъ вы съ увѣренностью утверждали, что отгадали о чемъ я думаю, а между тѣмъ я вижу ясно, что вы ничего не поняли!...

Онъ посмотрѣлъ на меня въ недоумѣніи.

— Вотъ теперь я васъ совсѣмъ не понимаю,—тихо и медленно выговорилъ онъ.—Можетъ быть я и тогда ошибся... Впрочемъ, все это пустяки...

— Пустяки!—повторила я.

— Разумѣется, пустяки! — подтвердилъ онъ, стоя уже за дверью.

На Ѳоминой я выѣхала въ Калинову.

Были послѣдніе дни апрѣля, но весна стояла уже въ полномъ цвѣту такъ, какъ она обыкновенно у насъ бываетъ только въ половинѣ мая. Въ полѣ было хорошо, все предвѣщало рѣдкій урожай. Народъ говоритъ, что рожь тогда хороша, когда на весенняго Егорія въ ней можетъ спрятаться ворона; теперь какая угодно ворона могла спрятаться въ густой, зеленой ржи. Дѣти были чрезвычайно веселы дорогой; все занимало ихъ: и черная лента дороги, и ярко-зеленые ковры молодой зелени по сторонамъ, и еще темный, но уже начинающій зеленѣть лѣсъ, и скотъ на лугахъ, и деревушки по пути. Я тоже была очень рада поѣздкѣ и ѣхала въ такомъ довольномъ настроеніи, какого давно не помнила. Двѣ послѣднія недѣли предъ отъѣздомъ еще усилили мое желаніе удалиться изъ Синегорска. На Страстной пріѣхалъ новый полковой командиръ Деревянкинъ. Будто оправдывая свое прозваніе *великопостнаго*, онъ не пропустилъ ни одной службы въ церкви и въ то же время началъ принимать полкъ съ такою поспѣшностью, расходуя на это такъ много времени, что всѣ недоумѣвали, когда же онъ ѣстъ, спитъ и отдыхаетъ? Мужъ возвращался домой послѣ своихъ съ нимъ свиданій всегда не въ духѣ.

Дорогой мелькомъ припоминались мнѣ послѣдніе дни въ городѣ: ничего отраднаго въ нихъ не было. Я смотрѣла по сторонамъ и думала, какъ устроить свою жизнь въ Калиновой. Теперь у меня было больше досуга: деревенское хозяйство перешло на руки жены приказчика; въ свободное время я предполагала читать, заниматься.

— Василій Ивановичъ!—сказала я передъ отъѣздомъ нашему полковому библіотекарю, — дайте мнѣ побольше книгъ въ деревню.

— Сдѣлайте одолженіе, Катерина Александровна, берите хоть цѣлый возъ, предложилъ онъ. У насъ прежнихъ журналовъ никто не читаетъ; и въ новыхъ-то одну беллетристику разрѣзываютъ. Не знаю право, для чего они эту библіотеку завели? Только мнѣ обуза...

Мы подъѣхали къ своему дому. Какимъ низенькимъ и старенькимъ показался мнѣ онъ даже послѣ нероскошныхъ домовъ Синегорска! Онъ напоминалъ собой столѣтнюю старушку, которая живетъ себѣ благополучно, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, возьметъ, да и умретъ своею смертью. Мнѣ жутко было войти подъ его ветхую кровлю; мнѣ казалось, вотъ-вотъ онъ обрушится на насъ, *умретъ своею смертью*! А дѣти очень обрадо-

вались деревнѣ и сейчасъ же отправились съ нянькой въ садъ на лугъ, въ рощу. Я уложила спать меньшого сына и вышла на балконъ. Садъ уже зеленѣлъ; старыя липы еще стояли темныя и мрачныя, но молодыя деревья покрывались уже мелкой листвой. Я задумалась. «Сколько лѣтъ этотъ самый садъ мѣнялъ свой уборъ на моихъ глазахъ»! подумала я. Мнѣ вспомнилось мое прошлое, далекое и недавнее... Давно я порывалась отсюда, хоть куда-нибудь, лишь бы отсюда! припомнила я. А теперь я такъ точно порывалась изъ Синегорска... Все не сидится на мѣстѣ, съ грустной ироніей подумала я!

Лѣтомъ дѣти мнѣ менѣе надоѣдали: у нихъ вѣчно были свои дѣла то на гумнѣ, то въ саду, то во дворѣ; Наташа всюду ковыляла за ними на своихъ коротенькихъ ножкахъ, держась то за руку няньки, то за ея передникъ. При мнѣ оставался меньшой сынъ, но и на него весна и деревня дѣйствовали благотворно: онъ былъ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Синегорскѣ—словомъ, у меня было достаточно свободнаго времени для чтенія.

Но я читала слишкомъ страстно и поспѣшно. Мозгъ мой не въ состояніи былъ переваривать разомъ то великое множество пищи, которое я ему задавала... Иногда мнѣ казалось, что я мѣшаюсь въ умѣ. «Кто сошелъ съ ума: я или тѣ, которые пишутъ?» спрашивала я у себя. Мужъ пріѣзжалъ ко мнѣ часто, хоть и не надолго. Разъ, въ добрую минуту, я такъ увлеклась, что вдругъ заговорила съ нимъ о всѣхъ моихъ новыхъ недоумѣніяхъ... Я сама чувствовала, что говорю со страстью, съ убѣжденіемъ. Мужъ слушалъ меня терпѣливо (онъ всегда дѣлался очень добръ послѣ разлуки), но какъ только я замолкла, заговорилъ о томъ, какая жила новый полковой командиръ и какъ онъ нагрѣлъ руки около князя.

— Намъ-то онъ пока мягко стелетъ, да ужъ я вижу, что жестко будетъ спать, продолжалъ онъ, и началъ подробно разсказывать, какъ онъ принималъ полкъ, гдѣ и какіе нашелъ безпорядки и сколько лишняго долженъ былъ приплатить ему князь, изъ желанія покончить скорѣе процедуру сдачи полка такой *сквалыгѣ*, какъ Деревянкинъ. Я все это прослушала, удивляясь между тѣмъ самой себѣ, что вздумала пуститься сегодня въ такія изліянія...

Я опять стала чаще и чаще думать о Васильевѣ. Въ послѣднія двѣ недѣли я съ нимъ только разъ и видѣлась, и то на первый день пасхи, на нѣсколько минутъ и въ большомъ обществѣ. Онъ слишкомъ усердствовалъ въ своемъ желаніи не давать повода сплетнямъ и пересаливалъ такъ, что опять-таки подавалъ этотъ поводъ: мнѣ казалось, что мужъ находитъ страннымъ его исчезновеніе

послѣ такой короткой дружбы... Но на эту дружбу я теперь смотрѣла не такъ, какъ тогда, когда просила Васильева уѣхать. Теперь я боялась другого—боялась, что совсѣмъ покончилась эта дружба. Мнѣ вздумалось, почему же не написать къ Васильеву. Эта мысль безпрестанно являлась въ моей головѣ, и наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, уже въ концѣ іюля, письмо было готово. Оно было самое обыкновенное, и я написала его сразу.

Но мнѣ нужно было еще сказать, что это письмо должно остаться въ секретѣ для всѣхъ, не исключая и мужа,—и вотъ тутъ-то я запнулась! Передъ своею совѣстью я была права, но какъ взглянетъ на это мужъ—мнѣ было хорошо извѣстно. Я не хотѣла вызывать семейныя бури. «И безъ нихъ хорошо», думала я. Но сознаваться постороннему человѣку, что я хочу обманывать мужа—было трудно и щекотливо. Я однакожъ вынудила себя дописать письмо и высказала прямо, что какая ни есть простая и невинная вещь это письмо, а мужъ мой можетъ посмотрѣть на это иначе, и потому я предпочла бы, чтобъ онъ о немъ вовсе не зналъ. Я долго не рѣшалась отправить письмо, однакожъ отправила.

Пришелъ августъ съ его жаркими днями и прохладными ночами. Дѣти прослѣдили самолично всю процедуру уборки и возки хлѣба, и Миша съ Лидой и нянькой не разъ отправлялись въ поле на пустомъ возу, который затѣмъ съ тріумфомъ конвоировали пѣшкомъ, когда онъ возвращался нагруженный золотистыми снопами. Одна за другой воздвигались высокія, стройныя скирды хлѣба на гумнѣ, и ужъ не мало ихъ воздвиглось. По этимъ скирдамъ я, съ помощью Лиды, учила Мишу счету. Въ саду стали собирать послѣднія яблоки и сливы, когда, по обоюдному согласію съ Александромъ, рѣшено было уѣхать намъ въ Синегорскъ. Дѣти опять прыгали отъ радости, и я была довольна, хотя опять не безъ горечи подтрунивала надъ своею неусидчивостью.

Въ двадцатыхъ числахъ сентября мы пустились въ путь. Опять былъ ясный, теплый день, какъ и въ прошломъ году; опять дѣти дивились разноцвѣтному убору деревьевъ въ лѣсу и просились выдти изъ экипажа, какъ только онъ ѣхалъ шагомъ, и потомъ бѣгомъ пускались въ погоню за длинными, тонкими нитками паутины, летавшей въ воздухѣ. Дорога была отличная; мы ѣхали скоро и пріѣхали рано. Александръ перемѣнилъ квартиру и за-

нялъ небольшой каменный домикъ, наискось отъ Бѣлостоцкихъ. Мы зажили по-прежнему.

Впрочемъ не совсѣмъ по-прежнему; въ отсутствіи семьи, Александръ, тяготясь непривычной тишиной въ домѣ, созывалъ къ себѣ гостей при первой возможности. Они повадились по вечерамъ къ намъ и при мнѣ; если былъ дома мужъ,—почти непремѣнно являлось къ намъ нѣсколько человѣкъ играющихъ и неиграющихъ. Мнѣ это надоѣдало, и я иногда съ трудомъ выдерживала роль вѣжливой хозяйки, однакожъ выдерживала. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ пришелъ и Васильевъ. Это было утромъ; мужъ былъ дома, но запершись въ кабинетѣ диктовалъ писарю какую-то бумагу. Я встрѣтила Васильева одна и была этому очень рада: я не могла и не хотѣла скрывать моего радостнаго чувства.

— Такъ мы будемъ друзьями? тихо спросила я, подавая ему руку.

— Конечно, рѣшительно выговорилъ онъ, глядя на меня по-прежнему ласково, но въ то же время съ чѣмъ-то въ родѣ любопытства и даже изумленія.

— Вы будете приходить къ намъ по вечерамъ иногда? все также тихо спрашивала я, но заслыша шаги мужа, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Ну, какъ живете-можете, Сергѣй Михайловичъ? спросилъ его Александръ.

— Да я думаю такъ же, какъ и всѣ, отвѣчалъ тотъ. Послѣ долгаго затишья предвижу непогоду и готовлюсь встрѣтить и выдержать ее съ честью.

— И хорошо дѣлаете, что готовитесь, — сказалъ мужъ. А развѣ у васъ тоже показались признаки скорой непогоды?

— Ну, господа! вы говорите, какъ оракулы: со стороны и разобрать нельзя,—замѣтила я.

— Мы другъ друга понимаемъ, да и ты — я думаю—насъ понимаешь,—сказалъ мужъ. Такъ какъ-же, Сергѣй Михайловичъ?

— Признаки-то показались-ли? Очень показались,—отвѣчалъ Васильевъ. Судите сами—время стоитъ хорошее, мѣстность здѣсь здоровая, а больныхъ не перечесть: втрое больше, чѣмъ весною. Какія же могутъ быть этому причины, кромѣ дурного содержанія?... Потомъ, въ лазаретѣ... Правда, я при князѣ запасся медикаментами на цѣлый годъ, да чтó въ нихъ проку, когда больныхъ и выздоравливающихъ приходится кормить одной овсянкой?... Начнешь говорить ему, что солдаты будутъ умирать, какъ осенью мухи, при такомъ содержаніи въ лазаретѣ, а онъ въ отвѣтъ: «смотрите, говоритъ, за вашими фельдшерами, они у васъ

плутуютъ». Какого чорта можно сплутовать при такихъ нищенскихъ средствахъ!...

Я потихоньку улыбнулась, несмотря на то, что въ словахъ его ничего не было смѣшного: но я до сихъ поръ никогда не видѣла его въ такомъ азартѣ.

— Вамъ сплотиться слѣдовало-бы, дѣйствовать сообща,—замѣтила я.

— Какъ тутъ сообща дѣйствовать съ такими господами, какими Богъ надѣлилъ нашъ полкъ!—съ жаромъ возразилъ Александръ. Посмотрите вы на Бѣлостоцкаго: ужъ какъ, я думаю, на сердцѣ кошки скребутъ, когда обрѣзываютъ у насъ справки до послѣдней невозможности, а вѣдь точно собачонка впередъ забѣгаетъ, и хвостомъ виляетъ, и такими-то умильными глазками посматриваетъ! «Бейте, дескать, колотите! а я все-таки къ вамъ со всею моею собачьею преданностью!» Да и одинъ-ли Бѣлостоцкій? Онъ только больше другихъ въ глаза бросается: слишкомъ ужъ глупъ и слишкомъ откровененъ въ своей подлости.

— А вотъ кончится срокъ нанятому дому подъ лазаретъ (князь вѣдь за годъ впередъ заплатилъ)... Посмотримъ, куда-то насъ тогда упрячутъ?—замѣтилъ Васильевъ.

— Должно быть въ доброе мѣсто, — сказалъ Александръ. Куда же вы, Сергѣй Михайловичъ? можетъ быть пообѣдали бы вмѣстѣ.

— Нѣтъ, благодарю. Я обѣщалъ обѣдать у судьи: тамъ сынишка имянинникъ, котораго я какъ-то отъ воспаленія вылечилъ...

— А вы бываете нынче у судьи?—спросила я, немного съ удивленіемъ.

— Какъ же, бываю,—отвѣчалъ онъ. Долго я крѣпился, не заводилъ ни съ кѣмъ близкаго знакомства, да нѣтъ! нельзя этакъ прожить въ одиночку!...

У меня—не знаю отчего—будто сердце упало.

Въ полку между тѣмъ шло глухое броженіе и замѣтно было серьёзное безпокойство. Молодежь только подсмѣивалась надъ ханжествомъ Деревянкина и его недавноприбывшей супруги и надъ ихъ мелочною, доходящею до скаредности, разсчетливостью, но солидные люди имѣли болѣе серьёзные поводы къ недовольству. Кто не жилъ полковою жизнью или близко не присматривался къ ней на досугѣ, гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городкѣ или деревенскомъ захолустьѣ — для того не совсѣмъ понятна роль и значеніе полкового командира въ этомъ небольшомъ міркѣ. Извѣстно, что, до послѣднихъ реформъ по военному вѣдомству, пол-

ковой командиръ — начальникъ полка со властью почти неограниченной, былъ въ то же время и подрядчикомъ, доставлявшимъ фуражъ для лошадей, одежду и продовольствіе для солдатъ и неимѣвшимъ по этой части надъ собою никакого контроля. Въ извѣстные сроки онъ получалъ отъ казны на содержаніе полка деньги по справочнымъ цѣнамъ, бывшимъ всегда гораздо выше цѣнъ нормальныхъ (на этотъ счетъ заранѣе принимались мѣры, благодѣтельно отзывавшіяся на карманахъ кое-какихъ уѣздныхъ властей). На эти деньги полковой камандиръ долженъ былъ содержать полкъ; но обыкновенно онъ сдавалъ подрядъ эскадроннымъ командирамъ, оставляя однакожъ себѣ извѣстную, часто львиную часть излишка противъ цѣнъ нормальныхъ. Изъ этихъ львиныхъ частей составлялись, иногда, очень серьёзныя состоянія. Что касается эскадронныхъ и ротныхъ командировъ, у нихъ тоже оставался кое-какой излишекъ; болѣе честные изъ нихъ удѣляли часть его для улучшенія содержанія солдатъ; болѣе алчные забирали его весь себѣ, но случались и такіе молодцы, которые, сверхъ этого излишка, отхватывали себѣ добрую сумму и урѣзывали до-нельзя солдатскій паекъ и фуражъ; такими, впрочемъ, ихъ товарищи нѣсколько гнушались. При князѣ эта дѣлёжка происходила самымъ безобиднымъ образомъ, чтобъ не отставать отъ заведеннаго порядка (князь уважалъ старые полковые обычаи и преданія, каковы бы они ни были, и какъ будто даже не могъ и не позволялъ себѣ относиться къ нимъ критически), онъ оставлялъ себѣ кое-какую малость, но всю ее еще съ прибавкой отдавалъ солдатамъ. За то онъ требовалъ, чтобъ и люди и лошади содержаны были какъ слѣдуетъ, и косо смотрѣлъ на тѣхъ, кто слишкомъ уже заботился о своемъ карманѣ. Но теперь вѣтеръ подулъ съ другой стороны. Деревянкинъ оттягалъ уже себѣ львиную часть излишка и готовился наложить руку и на остальное. «Загребистая лапа!» басомъ опредѣлялъ подполковникъ Таракановъ, который постоянно молчалъ и выговорить слово рѣшался только въ крайнемъ случаѣ, за что̀ и былъ подозрѣваемъ нѣкоторыми въ большомъ глубокомысліи. Я тогда не совсѣмъ ясно разумѣла механизмъ полкового хозяйства и какъ-то разъ попросила мужа объяснить мнѣ его суть,—выслушала его объясненіе, и опустила руки.

— Да какая-же это гадость! — брезгливо выговорила я. Неужели-же нельзя уничтожить такую гнусную систему? Неужели до сихъ поръ не нашлось ни одного человѣка, который разоблачилъ бы ее и не сталъ ей подчиняться?

— Положимъ—нашелся-бы такой, да что̀ вышло бы проку?—

возразилъ мужъ. Все это спокопъ-вѣку заведено и всѣмъ извѣстно—и публикѣ, и высшимъ властямъ; разоблачать это нé-передъ кѣмъ. Но, положимъ, нашелся бы Донъ-Кихотъ, который купилъ бы для полка все, слѣдуемое по смѣтѣ, а излишекъ представилъ бы въ казну—ты думаешь, лучше было бы солдату? Смѣта вѣдь составлена въ слишкомъ общихъ чертахъ: того ему было бы много, другого бы не было вовсе: солдатъ бы бѣдствовалъ. А самого Донъ-Кихота товарищи по должности, да и начальство, тотчасъ бы выжили. Вотъ и все!...

— Это ужасно! Александръ! ты не знаешь, сколько же именно мы заѣдаемъ солдатскаго хлѣба!—съ мучительнымъ усиліемъ выговорила я.

— Ни куска,—твердо выговорилъ мужъ. Я самъ дѣлюсь съ ними тѣмъ, что у меня остается отъ покупки фуража. Что у меня солдаты содержатся лучше, чѣмъ у другихъ—ты это знаешь вѣроятно.

Но я этимъ не удовлетворилась: мнѣ все-таки не давала покоя мысль, что мы пользуемся солдатскими средствами. Правда, я знала, что они у мужа хорошо содержатся; знала я и то, что мы проживали очень немного: въ Синегорскѣ жизнь была очень дешева, а мы жили только-что безбѣдно. Эти сборища по вечерамъ стоили малость; да они мало-по-малу становились рѣже къ зимѣ. Но мнѣ вдругъ вспало на мысль — а если мужъ потихоньку копитъ себѣ деньгу? Онъ не запирался отъ меня; его ключи всегда были у меня. Мнѣ совѣстно было прямо пойти свидѣтельствовать его ящики, но если мнѣ случалось открывать ихъ по другой надобности, я ничего не оставляла въ покоѣ, все перерывала въ боязливомъ ожиданіи напасть на слѣды экономій (я, какъ видите, еще не отвыкла лицемѣрить съ собой). Но капиталы не отыскивались и я начинала понемногу убѣждаться, что ихъ и нѣтъ, и быть не можетъ. Мнѣ совѣстно дѣлалось передъ мужемъ за мои подозрѣнія, совѣстно было взглянуть ему въ глаза, и въ этомъ настроеніи я скоро стала замѣчать, что стынетъ мое негодованіе на него, на его готовность мириться съ окружающею мерзостью. Я начинала соглашаться, что есть своя доля правды въ его взглядѣ на дѣло. «Чтó подѣлаютъ отдѣльныя личности, коли такъ плоха вся система, спокопъ-вѣку заведенная? И если ужъ такъ плоха она, а мы не въ силахъ измѣнить ее — что же остается, какъ не выбирать изъ двухъ золъ—меньшее!» Но мнѣ ужасно обидно было такъ часто сталкиваться съ необходимостью мириться съ такими вещами, съ которыми не хотѣлось бы мириться; тѣмъ сильнѣе говорило во мнѣ явно несбыточное желаніе

уйти отсюда куда-нибудь, уйти отъ этихъ дрязгъ и низостей, выплыть изъ этой грязной и мелкой лужи въ болѣе широкое русло иной жизни, которой я не знала, но которую рисовала себѣ такими свѣтлыми, радужными красками!...

Разъ вечеромъ зашелъ къ намъ Васильевъ. Я наливала чай въ столовой; дѣти были въ дѣтской, а мужъ съ Таракановымъ и полковымъ квартирмейстеромъ толковали о своихъ дѣлахъ въ кабинетѣ.

— Что вы такъ рѣдко къ намъ заглядываете? — тихо и съ упрекомъ спросила я.

— Вамъ не угодишь: тó часто, тó рѣдко! —улыбаясь замѣтилъ онъ.—А гдѣ Александръ Семеновичъ?

— Тамъ,—произнесла я, указывая головой на дверь въ кабинетъ.

Онъ прошелъ туда, а я, заслышавъ отворившуюся изъ сѣней дверь, выглянула въ переднюю, кого еще Богъ принесъ,—и къ ужасу своему увидѣла Мальвину Осиповну съ супругомъ. Она въ послѣднее время рѣдко ко мнѣ показывалась—очень возгордилась, что жена Деревянкина до сихъ поръ съ ней одной только познакомилась.

— Здравствуйте, ma chère! — нѣсколько покровительственно заговорила она, припадая, однако, цѣловаться со мною съ прежнимъ жаромъ. — А у васъ прехорошенькая квартирка: гораздо лучше прежней. Александръ Семеновичъ дома? А! такъ у васъ гости?—произнесла она подозрительно заглядывая въ кабинетъ.— И Сергѣй Михайловичъ здѣсь? Онъ, наконецъ, начинаетъ показываться въ люди... Здравствуйте, Александръ Семеновичъ! здравствуйте, messieurs!—привѣтствовала она всѣхъ.—Ну, Сергѣй Михайловичъ! вы рѣшительно исправляетесь: скоро сдѣлаетесь совсѣмъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ. Я вами очень, очень довольна!

Васильевъ едва замѣтно нахмурился и ничего не отвѣчалъ. Мальвина Осиповна усѣлась къ столу, мужчины возлѣ стола, также и дѣти, изъ которыхъ Миша съ почтеніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, посматривалъ на невѣроятные усы и бакенбарды Тараканова... Разговоръ невязался; одна Мальвина Осиповна болтала какой-то вздоръ, кстати и некстати приплетая туда Деревянкиныхъ и усиливаясь дать замѣтить свою съ ними короткость. Наконецъ, не помню кто изъ мужчинъ заговорилъ о полковыхъ дѣлахъ.

— А я очень радъ, что свидѣлся съ вами, Семенъ Степановичъ!—сказалъ Васильевъ Бѣлостоцкому.—Я къ вамъ давно сби-

рался, да никакъ не соберусь... Хотѣлъ спросить васъ, не пожертвуете ли вы что-нибудь для улучшенія содержанія больныхъ вашего эскадрона? Александръ Семеновичъ и Дмитрій Гавриловичъ (онъ указалъ на Тараканова) малую толику на этотъ предметъ удѣляютъ, а вашимъ больнымъ обидно — я думаю — овсянкой питаться, когда тѣ говяжій бульонъ ѣдятъ.

Бѣлостоцкій смутился и оглянулся на жену, словно звалъ ее на выручку. Мальвина Осиповна сверкнула своими кошачьими глазками.

— Я удивляюсь, Сергѣй Михайловичъ, какъ это вы умѣете вѣчно примѣшать эти служебныя дрязги ко всякому разговору! — выговорила она пока еще кисло-сладкимъ тономъ. — Всякому изъ насъ хотѣлось бы пріятно провести вечеръ, поболтать весело, посмѣяться...

— И мнѣ хотѣлось бы этого,—перебилъ Васильевъ,—да не могу я проводить весело вечеръ, когда днемъ нѣсколько разъ наталкиваюсь на всяческія безобразія...

— И знаете ли, Сергѣй Михайловичъ! вы этимъ компрометтируете Павла Ѳедоровича—наставляла она. — Онъ долженъ содержать лазаретъ и неужели онъ—такой христіанинъ—неужели онъ допуститъ, чтобъ больнымъ чего не доставало! А вы, будто для нищихъ, для нихъ выпрашиваете.

— Да потому, что они хуже нищихъ, — началъ-было Васильевъ.

— Не повѣрю! не повѣрю! — энергично возопила Мальвина Осиповна. И притомъ — отчего *вы* объ этомъ хлопочете? вамъ, по настоящему нѣтъ до этого дѣла? Это дѣло...

— Вотъ въ томъ-то и штука, что онъ передалъ лазаретъ въ мое вѣдѣніе, — возразилъ Васильевъ. А впрочемъ, я не съ вами говорилъ объ этомъ и все это до васъ не касается, — спохватился онъ.

— Это очень любезно, очень вѣжливо! — съ сарказмомъ произнесла она.

— Да, не мѣшайтесь въ чужія дѣла, не напрашивайтесь на непріятности! — посовѣтовалъ ей онъ. Вѣдь этакъ вы можете такую бѣду себѣ нажить, что и раскаяваться будете—да поздно будетъ.

Она взглянула на мужа, потомъ на всѣхъ насъ, будто ища союза и помощи, но Бѣлостоцкій барабанилъ пальцами объ спинку стула, Александръ крошилъ сухарь въ чай Мишѣ, я перетирала чашки, квартирмейстеръ шутилъ съ Лидою, а Таракановъ глубокомысленно курилъ, — словомъ, никто не показывалъ ни малѣйшаго желанія вмѣшаться въ перебранку.

— Вотъ и испорченъ вечеръ!—вздохнула она. А я разсчитывала провести его пріятно!.. Что-жъ, поѣдемъ домой, Simon!

Я не нашла возможнымъ ее удерживать: очень ужъ противна она мнѣ казалась. Прощаясь съ нею, я подумала, что она уѣзжаетъ нестолько потому, что ее разогорчилъ Васильевъ, сколько изъ боязни, чтобъ не спасовалъ ея мужъ, не согласился бы дать пособіе больнымъ солдатамъ.

— Теперь прямо къ Деревянкину махнетъ: еще вѣдь рано,— замѣтилъ Александръ. То-то наплететъ!..

— Это всенепремѣнно?—подтвердилъ даже и Таракановъ.

— Эка карга проклятая! Никто не умѣетъ такъ разозлить меня, какъ она!—выбранился Васильевъ.

— Она и такъ васъ въ безсердечіи упрекаетъ,—засмѣялась я.

— Она долго и усердно доискивалась — есть-ли сердце у Сергѣя Михайловича,—очень усердно!—значительно подмигнулъ квартирмейстеръ.

— Неужели?—изумилась я, и взглянувъ на Васильева, расхохоталась. Всѣ послѣдовали моему примѣру. Онъ сдѣлалъ гримасу.

Въ эту зиму опять предположены были танцовальные вечера въ клубѣ; на этотъ разъ обыватели хлопотали о нихъ еще болѣе военныхъ. Жена судьи привезла изъ института дочь, окончившую курсъ, нѣкоторыя помѣщичьи дочери и жены намѣрены были веселиться; исправница выписала какихъ-то родственницъ дѣвушекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ множество модныхъ нарядовъ собственно для себя,—словомъ, зима обѣщала быть веселою и оживленною. Когда Мальвина Осиповна и другіе лизоблюды начали упрашивать Деревянкину украсить эти вечера своимъ присутствіемъ, та отвѣчала, что вообще она не охотница до свѣтскихъ развлеченій, но на эти вечера пріѣдетъ когда-нибудь взглянуть.

Она скоро познакомилась со всѣми въ городѣ (она не хотѣла никого обидѣть, какъ объяснила намъ Мальвина Осиповна). Была она у всѣхъ уѣздныхъ и полковыхъ дамъ; была даже у меня, несмотря на то, что я когда-то была актрисой; была и у жены инвалиднаго, несмотря на то, что, по словамъ Мальвины Осиповны, она была весьма легкаго поведенія... Деревянкина оказалась высокой, тощей особой, лѣтъ за сорокъ, съ лицомъ старой дѣвы и манерами старой ханжи. Одѣвалась она скромно, можно сказать, бѣдно, и осуждала тѣхъ, кто заботился о своемъ туалетѣ. Мальвина Осиповна припрятала свои пышныя сѣтки, какъ только познакомилась съ нею.

— Это ваши дѣти? — спросила у меня Деревянкина, взглянувъ на дѣтей. Святое бремя, но какая великая отвѣтственность? — торжественно добавила она. Подойдите, душенька, ко мнѣ! — позвала она Лиду.

Но дѣти, которымъ она съ перваго взгляда, не понравилась, одинъ за другимъ вылетѣли изъ комнаты; она холодно посмотрѣла имъ вслѣдъ и вѣроятно подумала (такъ по крайней мѣрѣ мнѣ пришло въ голову), что такими-то именно должны быть дѣти бывшей актрисы. Меня къ себѣ за-просто она не принимала, какъ это обыкновенно водится при первыхъ знакомствахъ въ провинціи. А я была и рада этому! мнѣ не до нея было: у меня были мои дѣти, мои книги, мои тревоги и сомнѣнія, мои домашнія хлопоты...

Въ прошломъ году танцовальные вечера начались на святкахъ; теперь съ ними поторопились — назначили первый вечеръ въ половинѣ ноября, въ день заговѣнъ. Деревянкина осудила это распоряженіе: въ постъ-де веселиться неприлично, и объявила, что до святокъ не выѣдетъ въ клубъ. Несмотря на это, все общество ожидало перваго вечера съ большимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, вожделѣнный день настал!.. Мужъ уѣхалъ изъ дому рано: ему нужно было заѣхать къ Тараканову, который пріѣхалъ только-что изъ эскадрона и остановился въ гостинницѣ. Дѣти въ тотъ день много гуляли и катались по первому снѣжку, и утомленные моціономъ улеглись спать рано, въ исходѣ восьмого часа. Пользуясь минутами невозмутимой тишины и покоя, я усѣлась съ книгой въ спальной, какъ раздался звонокъ и послышались хорошо знакомые мнѣ легкіе, и вмѣстѣ твердые шаги. Я закрыла книгу и вышла къ Васильеву.

— Что-жъ это вы не пошли въ клубъ? — удивилась я. Вѣдь сегодня первый танцовальный вечеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? а я и забылъ, — отвѣчалъ онъ. То-то — гляжу — на улицахъ оживленіе необыкновенное... А вы опять не будете ѣздить?

— Что́ мнѣ тамъ дѣлать? — спросила я.

— А знаете — это напрасно: все-таки развлеченіе! — проговорилъ онъ.

— О, это развлеченіе хуже самой скуки, — возразила я. Скучаешь по крайней мѣрѣ не стѣсняясь — въ домашнемъ платьѣ, сидя спокойно или лежа; а туда нужно вырядиться, болтать со всѣми, быть любезною!.. Ну, а скажите-ка однако: очень удивило васъ мое письмо? — храбро спросила я, помолчавъ.

— Да, удивило! — немедля отвѣчалъ онъ. Сначала я даже

не зналъ, какъ объяснить себѣ его, а потомъ—мнѣ кажется—я понялъ.

— Что-же вы поняли?—живо спросила я.

— Вы вѣроятно передъ тѣмъ... повздорили немножко съ Александромъ Семеновичемъ, улыбаясь отвѣчалъ онъ.

— Чтó вамъ это вздумалось?

— Иначе я ничего не могу понять,—тихо проговорилъ онъ. Вы тамъ жалуетесь на одиночество, говорите—кàкъ тяжела вамъ жизнь, а мнѣ кажется вы—самая счастливая женщина въ мірѣ.

— Я? вы не шутите?

— Да, вы! У васъ мужъ, который такъ васъ любитъ... вѣдь это видно. У васъ дѣти... началъ высчитывать онъ.

— А это все, что нужно для счастія!—съ ироніей замѣтила я.

— Что-же еще нужно женщинѣ?—съ убѣжденіемъ произнесъ онъ, и задумался.

Я между тѣмъ пристально взглянула на него: его лицо было серьёзно и выражало тревожное недоумѣніе...

— Впрочемъ, семейныя дѣла судитъ Богъ—говорятъ благоразумные люди, — сказалъ онъ наконецъ. Я, съ своей стороны, очень радъ былъ бы дружбѣ съ вами, но... мнѣ кажется — вы теперь уже очень умѣренно ее желаете.

— Какъ такъ?—спросила я.

— Такъ. Въ минуту грусти или раздраженія вы почему-то вспомнили обо мнѣ, но эта минута прошла—и мы съ вами теперь встрѣчаемся совершенно равнодушно, кàкъ люди совсѣмъ посторонніе.

— Еще бы намъ иначе встрѣчаться при... здѣшней публикѣ!—замѣтила я.

— Правду сказать — я все это время наблюдалъ васъ, изучалъ... продолжалъ онъ, не слушая меня. И мнѣ кажется — я васъ теперь хорошо знаю.

— Ну, и что-жъ?—спросила я очень заинтересованная.

— Вы... какъ бы это сказать?.. У васъ... Вы скоро увлекаетесь и скоро остываете...

— Хорошо-же вы меня поняли?—съ упрекомъ проговорила я.

— Какъ умѣлъ,—отвѣчалъ онъ, слегка улыбаясь. Иначе я рѣшительно не могу объяснить себѣ тѣ переходы...

Но онъ не договорилъ; опять зазвенѣлъ колокольчикъ, и я услышала голосъ и шаги мужа.

— Чтó это вы такъ рано изъ клуба?—удивился Васильевъ, раскланиваясь съ мужемъ. Да вы нездоровы! — догадался онъ,

взглянувъ на Александра. Вотъ — значитъ, я здѣсь кстати... Чтó съ вами—скажите?

Я сама видѣла, что на Александрѣ лица нѣтъ.

— Нѣтъ... ничего... глухо и съ разстановкой выговорилъ онъ. Должно быть угорѣлъ въ нумерѣ у Тараканова,—прибавилъ онъ, спустя минуту.

— А! такъ нѣтъ-ли у васъ уксуснаго эѳира, Катерина Александровна?—заботливо проговорилъ Васильевъ. Или вотъ пошлите въ аптеку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—досадливо перебилъ Александръ.—Мнѣ теперь ничего не нужно: мнѣ уже лучше... прибавилъ онъ, тяжело усаживаясь въ кресло и закидывая голову назадъ.

— Лучше? да, вѣдь вы скоро на воздухъ вышли... А все-же вамъ прилечь бы теперь. Право, ложитесь, Александръ Семеновичъ! нужды нѣтъ, что еще рано. Вѣдь эта головная боль послѣ угара — ужасно мучительная вещь! — посовѣтовалъ Васильевъ, и сталъ прощаться.

Когда онъ вышелъ, я взглянула опять на мужа: онъ былъ страшно блѣденъ, лицо его судорожно подергивалось.

— Въ самомъ дѣлѣ — ты прилегъ бы, Александръ, — тихо выговорила я съ заботливостью и вмѣстѣ съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ...

— Прилягу! — глухо произнесъ онъ такимъ страннымъ тономъ, что я замолкла.

— А вотъ—скажите-ка мнѣ: это у васъ заранѣе условлено было? — спросилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась не то угроза, не то допросъ.

— Чтó условлено?—спросила въ свою очередь и я.

— Вотъ она, невинность-то какая! — съ злымъ сарказмомъ проговорилъ онъ. — Свиданіе-то это таинственное — давно было условлено?

— Ты съума сошелъ, Александръ?

— Да, я сошелъ съума, — согласился онъ. Я давно сошелъ съума: тогда, когда поднялъ васъ изъ грязи и задумалъ сдѣлать честную женщину, честную жену и мать изъ отставной актрисы! Развѣ вы могли отрѣшиться отъ своего прошлаго? Вы держались, пока были на привязи, взаперти—въ деревнѣ...

— Замолчи, Александръ! Ты раскаешься послѣ,—съ мольбой въ голосѣ говорила я.

— Я? раскаюсь?—вскричалъ онъ. Я не въ томъ раскаюсь: мнѣ слѣдовало бы раздавить васъ!—глухо добавилъ онъ и замолкъ, словно задыхаясь.

Я вдругъ почувствовала въ себѣ рѣшимость и живость — встала и заговорила почти спокойно и твердо.

— Ты можешь раздавить меня: у тебя на это хватитъ силы, — сказала я. Ты можешь оскорблять меня, сколько тебѣ угодно: вѣдь я женщина, и еще твоя жена. Но пока ты не раздавилъ меня — я не хочу болѣе подвергаться твоимъ оскорбленіямъ. Я не стану жить въ одномъ домѣ съ тобою...

— И къ чорту! къ чорту!.. такъ изступленно закричалъ онъ, что я въ ужасѣ отступила назадъ, а прикурнувшій на скамьѣ въ передней деньщикъ испуганно вскочилъ и появился въ дверяхъ со всклокоченными волосами и совершенно растеряннымъ видомъ.

Я не помню, долго-ли я простояла тутъ на мѣстѣ, безъ словъ, безъ мысли, едва дыша... Плачъ меньшого сына въ дѣтской разбудилъ меня; я, шатаясь, вышла, прошла къ себѣ и не раздѣваясь бросилась въ постель...

Не знаю, спалъ-ли мужъ въ эту ночь, но я не спала. Мнѣ живо вспомнилось, какъ сдѣлали мнѣ такую же обиду восемь лѣтъ назадъ... Да, именно такую же: она была мягче выражена, но сущность ея оставалась та же. И я перенесла ее—я ее простила и забыла. Я испугалась тогда неизвѣстности и опасностей, предстоявшихъ мнѣ послѣ разрыва!... И вотъ когда пришлось расплачиваться!..

Утромъ мужъ не вышелъ къ чаю. Дѣти побѣжали провѣдать его и возвратились испуганные, съ извѣстіемъ, что папà боленъ. Я прислушалась: онъ какъ будто стоналъ въ кабинетѣ. Когда я вошла туда, онъ безъ подушки лежалъ на диванѣ, въ такомъ жалкомъ, безпомощномъ видѣ! Я съ усиліемъ вынудила себя прикоснуться къ нему: у него былъ жаръ. Я послала за Беренсомъ—его не было въ городѣ. За Васильевымъ я не рѣшилась послать и сама съ нянею и деньщикомъ обложила его горчичниками и ежеминутно мѣняла холодные компрессы на горячемъ лбу. Къ утру ему стало лучше. Очнувшись, онъ смотрѣлъ на меня сначала дико и странно, но мало-по-малу взглядъ его смягчался и, наконецъ, его глаза стали слѣдить за мною уже съ выраженіемъ мольбы... Я дѣлала свое дѣло молча, но съ неумолимою рѣшимостью, по выздоровленіи его, вмѣстѣ съ дѣтьми уѣхать въ деревню.

— Ты простишь меня, Катя?—робко, умоляющимъ голосомъ, спросилъ, наконецъ, онъ.

Я не отвѣчала: у меня ни за что не нашлось бы слова въ отвѣтъ.

— Катя! Катя! — молилъ онъ, напрасно стараясь схватить мою руку. Неужели ты не понимаешь, какъ ты мнѣ дорога? Вѣдь оттого я такъ сумасшествую! Катя! ты пожалѣешь меня?...

Но въ моей душѣ не было состраданія: въ ней все замерло, кромѣ чувства обиды и озлобленія... И чѣмъ робче, чѣмъ горячѣе онъ молилъ меня о примиреніи, тѣмъ, казалось, меньше я была способна примириться... Такъ какъ онъ выздоровѣлъ, я ушла къ себѣ и заперлась... Дѣти смутно чувствовали, что въ домѣ происходитъ что-то необычайное и притихли. Три раза въ сутки мнѣ неизбѣжно приходилось встрѣчаться съ мужемъ: за обѣдомъ, за утреннимъ и вечернимъ чаемъ; эти встрѣчи требовали отъ меня большого усилія и принужденія; подать ему стаканъ чаю или тарелку супу казалось мнѣ подвигомъ. У себя въ комнатѣ я стала понемногу укладываться и собираться и послала нарочнаго къ Калинову, чтобы приготовили домъ и протапливали его къ моему пріѣзду.

Но среди этихъ хлопотъ и сборовъ, которыми отчасти я хотѣла заглушить тяжелое воспоминаніе, иногда неожиданно мнѣ вспоминалось какое-нибудь слово Васильева, звукъ его голоса, какая-нибудь черта его лица и потомъ вслѣдъ затѣмъ другой голосъ, другія слова, другое лицо, съ тѣмъ звѣрскимъ выраженіемъ, которое я на немъ недавно видѣла. У меня захватывало дыханіе при этомъ сравненіи... Чтобы прогнать эти воспоминанія, я начинала усиленно хлопотать о своемъ переѣздѣ; но это только еще болѣе утомляло меня, а мозгъ также болѣзненно-напряженно работалъ... Мнѣ приходилъ потомъ на мысль Петербургъ, та широкая, полная борьбы и интереса жизнь, которую, я думала, ведетъ тамъ мыслящее общество... То были странныя, безсвязныя, горячечныя грёзы! Не слышно было отрезвляющаго голоса разсудка, — и результатомъ всего этого оказалось то, что въ одно прекрасное утро я не въ состояніи была встать съ постели: страшная слабость смѣнила мое лихорадочное возбужденіе. Мужъ испугался, и вѣрно онъ въ самомъ дѣлѣ устыдился своего поведенія и раскаялся: онъ немедленно послалъ за Васильевымъ.

Васильевъ рѣшительно сталъ въ-тупикъ: позвать-то его позвали, но объяснить ему, отчего приключилась мнѣ моя болѣзнь, не хватало духа у мужа; у него не хватало духа даже коротко сказать доктору, что болѣзнь моя имѣла психическую причину, что я перенесла сильное огорченіе. Впрочемъ, онъ и самъ можетъ быть не сознавалъ этого въ должной мѣрѣ и въ должной

ясности, а я предпочитала молчать при посѣщеніяхъ доктора и предоставляла говорить мужу. Мнѣ казалось, что я даже и не больна: правда, я не могла двигаться отъ слабости, но кромѣ этого, да безсонницы, у меня не было болѣзненныхъ симптомовъ. Васильевъ ломалъ-ломалъ голову, и порѣшилъ на какомъ-то нервномъ страданіи. Онъ прописалъ мнѣ успокоивающія и укрѣпляющія средства.

Странно сказать: еслибъ не было при мнѣ почти постоянно моего мужа, видъ котораго наводилъ на меня тяжелое чувство, эти дни крайняго разслабленія были бы для меня хорошимъ временемъ. Мнѣ нравилось лежать такъ, безъ движенія, почти безъ мысли, съ тѣми отрывочными свѣтлыми грёзами, которыя вдругъ появлялись, какъ только я оставалась одна, и вдругъ потомъ исчезали. Я не скоро замѣтила, что и дѣти стали какъ-то необыкновенно тихи и благонравны. Даже то сильное чувство къ Васильеву, которое внезапно нахлынуло въ мою душу послѣ той страшной ночной сцены, приняло совсѣмъ иной характеръ въ этотъ періодъ жизни полусознательной. Я ждала появленія Васильева съ тихою радостью; мнѣ казалось, я чувствовала заранѣе его приближеніе, и когда онъ входилъ ко мнѣ и сидѣлъ въ моей комнатѣ, перекидываясь словами съ мужемъ, я прислушивалась къ звукамъ его голоса, не слыша словъ, въ какой-то сладкой истомѣ не замѣчая, что онъ говоритъ не одинъ, что вмѣстѣ съ его голосомъ слышится другой, который мнѣ непріятенъ, почти страшенъ... Подчасъ мнѣ казалось, что я вѣкъ пролежала бы такъ, въ этомъ странномъ полузабытьи. Разъ, когда мужа не было въ комнатѣ, пришли ко мнѣ старшія дѣти; я посадила ихъ возлѣ себя и приласкала—какъ вдругъ у Лиды показались слезы на глазахъ.

— Что съ тобой, моя дѣвочка! Что это ты, дитя мое!—спрашивала я, заглядывая въ ея большіе, влажные глазки, которые она старалась отъ меня спрятать. Дѣвочка припала ко мнѣ и зарыдала.

— Ты не умрешь, мама́? Мамочка? ты будешь жить съ нами,—говорила она, прижимаясь ко мнѣ. Миша тоже началъ всхлипывать и тоже заплакалъ, и я вдругъ почувствовала, что у меня выступаютъ слезы на глаза, и чрезъ минуту рыдала — рыдала также, какъ дѣти. Тутъ была—въ этихъ слезахъ моихъ—и горечь недавней обиды, и жалость къ дѣтямъ, и что-то въ родѣ раскаянія въ томъ, что я забывала ихъ въ эти тяжелые дни, что ихъ не было со мною въ тѣхъ мечтахъ моихъ, которыми я теперь жила... Мужъ пришелъ на эту сцену. Онъ не смѣлъ по-

дойти къ нашей группѣ и стоялъ въ сторонѣ, блѣдный и растерянный, какимъ я его никогда не видѣла. Еслибъ было возможно примиреніе между нами — оно состоялось бы теперь. Но я нисколько не смягчилась, глядя на него. Я отерла слезы, поцѣловала дѣтей и, повернувшись къ стѣнѣ, опять впала въ то состояніе полузабытья, въ которомъ жила все это время.

Но съ этого дня мнѣ стало легче. Помогли-ли мнѣ лекарства, или этотъ кризисъ мнѣ помогъ—эти облегчающія слезы,— не знаю, но я почувствовала себя крѣпче, стала вставать съ постели, спать по ночамъ, даже читать понемногу. Я привыкла къ присутствію мужа, какъ къ чему-то тяжелому, обидному, но неизбѣжному; иногда я перекидывалась съ нимъ нѣсколькими словами о дѣтяхъ, или о домашнихъ дѣлахъ. Оказалось, что ѣхать въ Калинову мнѣ совершенно невозможно: тамъ совсѣмъ развалились старыя печи, какъ только стали топить ихъ по моему приказанію. Я не слишкомъ огорчилась: на меня напала какая-то апатія, какое-то нравственное отупѣніе. Мужъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Васильевъ все еще посѣщалъ меня, какъ больную, хоть и не слишкомъ часто; вѣроятно, чтобъ показать и доказать свое раскаяніе и довѣріе ко мнѣ, мужъ не стѣснялся уходить изъ дому, когда ждали доктора. Мнѣ часто приходилось принимать его одной.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ меня. Хорошо? Ну, и слава Богу! Что вы это читаете?

Я сказала, и, подъ вліяніемъ неостывшаго впечатлѣнія отъ чтенія, начала со всѣмъ жаромъ негодованія говорить о тѣхъ лицахъ, которыя въ жару спора своимъ излишнимъ увлеченіемъ и безтактностью роняли общее дѣло. Онъ выслушалъ меня внимательно и съ большимъ удивленіемъ...

— Удивительная у васъ способность увлекаться! проговорилъ онъ. Ну, можно-ли такъ близко принимать къ сердцу вещи, васъ некасающіяся. Ну, и пусть ихъ! Чтó вамъ до нихъ?

— Какъ вы такъ говорите! Это касается всѣхъ! начала я съ жаромъ.

— Постойте—не волнуйтесь, не горячитесь! шутя остановилъ онъ меня, и взявъ пузырекъ на столѣ, началъ отсчитывать въ рюмку лавровишневыя капли.

— Нѣтъ, не нужно! отстранила я рукой лекарство; я не буду волноваться. Но, скажите, Бога ради, неужели въ самомъ дѣлѣ вы такъ равнодушны ко всему этому? Неужели вамъ не кажется интереснымъ слѣдить за жизнью нашего общества, знать, чтó оно думаетъ, чѣмъ живетъ, что ему предстоитъ?...

— Гмъ! Во-первыхъ, вы, мнѣ кажется, смѣшиваете два разнородныя понятія: общественная жизнь, и общественныя дрязги. Во-вторыхъ,—я слѣжу за своимъ дѣломъ, которому посвятилъ себя, оно затрогиваетъ такъ много отраслей знанія. Рядомъ съ этимъ все то, что *вы* называете общественной жизнью, кажется мелочью и пустяками!... Потомъ, у меня полковой лазаретъ на рукахъ и большая практика. Слѣдить за болѣзнями, облегчать страданія людей, мнѣ кажется, гораздо отраднѣе и полезнѣе для общества, чѣмъ читать всякіе пустяки...

— Но, какъ хотите, это такая односторонность...

Онъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать? возразилъ онъ. Всеобъемлющихъ умовъ, всеобъемлющихъ натуръ мало, да и есть-ли онѣ!

Въ другой разъ Васильевъ опять пришелъ ко мнѣ въ отсутствіи мужа, но въ моей спальнѣ дружно и шумно играли дѣти. Я сидѣла на постели и машинально слѣдила за ними.

— Вамъ хорошо сегодня? Это видно и по лицу, и вотъ поэтому, указалъ онъ, съ улыбкой, на дѣтей.

Онъ сѣлъ въ кресло возлѣ кровати и сталъ съ разсѣянной улыбкой смотрѣть, какъ играли дѣти. Мы просидѣли нѣкоторое время молча.

— Какъ бы это и куда бы это уйти?! вдругъ выговорила я, словно изъ души у меня внезапно вырвался этотъ полу-вопросъ и полу-мольба.

Онъ встрепенулся и посмотрѣлъ на меня испуганными глазами. «Вѣрно подумалъ, что я начинаю бредить или съ ума сходить!» пришло мнѣ на мысль. Въ тотъ разъ скоро пришелъ мужъ, и Васильевъ долго просидѣлъ съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ.

Черезъ нѣсколько дней, по утру, мнѣ показалось что-то холодно и сыро; на дворѣ валилъ мокрый снѣгъ большими хлопьями. Я велѣла затопить у себя печь, усѣлась въ большое кресло передъ огнемъ и скоро согрѣлась. Я сидѣла такъ долго, не то дремля, не то мечтая, какъ услышала, что пришелъ Васильевъ, и будто проснулась.

— Что это—опять слабое лихорадочное состояніе! изумился и обезпокоился онъ. Почему бы это? вы не можете отыскать причину?

— Нѣтъ, не могу, тихо и нехотя проговорила я.

Мнѣ уже нѣсколько наскучила возня съ моею болѣзнію, въ которую я не вѣровала... Онъ немного помолчалъ.

— Не ладится что-то мое леченіе, сказалъ онъ потомъ то-

номъ, въ которомъ слышалось не то огорченіе, не то досада. Я замѣчаю—вы не хотите быть откровенной со мною, а это бы нужно было для успѣха леченія. Вообще—ни леченіе, ни предположенная дружба наша—не клеятся, прибавилъ онъ съ улыбкой, и въ то же время, все-таки, съ упрекомъ.

— Да, наша дружба врядъ-ли склеится, замѣтила я.

— Почему-же? Что ей теперь мѣшаетъ? спросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ — врядъ-ли склеится въ томъ видѣ, какъ я недавно желала, продолжала я съ убѣжденіемъ.

— Какія-же теперь оказываются препятствія? повторилъ онъ.

— Препятствія важныя, можетъ быть, непреодолимыя. А я тогда не могла взять ихъ въ разсчетъ... Оказывается, что я васъ люблю, также тихо и медленно сказала я, и даже не удивилась, что мнѣ не стыдно и не страшно, что я говорю такую необычайную вещь такъ спокойно.

Онъ измѣнился въ лицѣ.

— Вы шутите, или... началъ онъ.

— Или схожу съ ума—вы хотите сказать? договорила я за него. Но въ эту минуту явились дѣти. Лида объявила, что готовъ кофе, что Миша нарисовалъ карандашомъ носъ и глаза куклѣ, которую няня сшила для Наташи изъ лоскутковъ полотна. Я выслушала все это полу-сознательно, такъ же полу-сознательно взглянула на куклу и засмѣялась, взяла чашку кофе и предложила другую Васильеву.

— Берегите себя, сказалъ онъ, какъ-бы не замѣтивъ моего предложенія, торопливо простился и ушелъ.

Между тѣмъ, я укрѣплялась, и жизнь моя начала входить въ прежнюю колею, кромѣ, впрочемъ, отношеній моихъ къ мужу. Я стала опять понемногу хозяйничать, изрѣдка выходила къ гостямъ, начала учить читать Лиду. Съ Васильевымъ мнѣ долго уже не случалось оставаться наединѣ; да онъ и рѣже бывалъ у насъ: у него опять поднялась война изъ-за помѣщенія подъ лазаретъ, съ тою разницею противъ прежняго, что у него не было такого надежнаго союзника, какъ князь, а былъ, вмѣсто того, новый важный противникъ—Деревянкинъ. Мальвина Осиповна что-то давно къ намъ не жаловала. Послѣ я узнала, что на первомъ танцовальномъ вечерѣ она, во всеуслышаніе, замѣтила Александру, что очень удобно имѣть друзей дома: вотъ, дескать, Александру Семеновичу нечего стѣсняться, что жена одна и скучаетъ; я, молъ, уѣзжая, видѣла, какъ прошелъ къ ней Васильевъ. Мужъ

никогда не вспоминалъ послѣ объ этомъ; но она, вслѣдъ затѣмъ, насплетничала что-то у Деревянкиныхъ по части полковыхъ дѣлъ, и когда это открылось, мужъ громогласно объявилъ, что если она покажется когда-нибудь къ намъ, онъ покажетъ ей, чѣмъ ворота запираютъ. При этомъ случился молоденькій офицерикъ, бывшій у нея на побѣгушкахъ, онъ, вѣроятно, и передалъ ей это. А между тѣмъ, пришли святки. Какъ-то, на другой день послѣ танцевъ въ клубѣ, собрались къ намъ кое-кто; пришелъ и Васильевъ. Начали толковать о вчерашнемъ вечерѣ; посмѣиваясь вспоминали, какъ торжественно появились туда Деревянкины съ Бѣлостоцкими въ видѣ свиты; разбирали, кто изъ дамъ какъ былъ одѣтъ и кто интересенъ.

— А Сергѣй-то Михайловичъ какъ вчера отличался! вспомнилъ казначей.

Я вопросительно взглянула на Васильева.

— Да, въ плясъ пустился, смѣясь выговорилъ онъ. Одну кадриль протанцовалъ съ судейской дочерью, другую съ самой исправницей; чуть-было потомъ и Деревянкину не пригласилъ. Куда ни шло, думаю!

— Ну, и весело вамъ было? спросила я.

— Ничего, отвѣчалъ онъ. Сначала я боялся перепутать фигуры, но, однакожъ, обошлось благополучно.

— А Неонила Марковна, воля ваша, лучше всѣхъ вчера была! безаппелляціонно заявилъ Сатинъ, говоря о судейской дочери.

— Да, она не дурна, согласился и Васильевъ.

— Нѣтъ, господа! Любовь Яковлевна лучше, возразилъ казначей, называя жену инвалиднаго. Неонила Марковна хорошенькая—что и говорить, но у Любовь Яковлевны такія плечики, такая фигура, такія ямочки на щекахъ, что все отдай, — и то мало!

— Чтожъ вы не отстаиваете своего мнѣнія? съ легкой ироніей спросила я у Васильева.

— Что мнѣ его отстаивать! Я по этой части не знатокъ и не любитель даже, смѣясь и не замѣчая ироніи, отвѣчалъ онъ. Имъ и книги въ руки! указалъ онъ на офицеровъ.

— Да, господа! вчерашній вечеръ хорошо удался: какъ-то дальше будетъ! замѣтилъ кто-то.

Начались соображенія, какъ будетъ дальше. Кто-то объявилъ, что подъ новый годъ будутъ въ клубѣ сестры Громовы, мѣстныя красавицы, дочери богатаго помѣщика. Сатинъ сказалъ, что и предсѣдатель управы хотѣлъ бывать въ клубѣ съ женой, но пе-

рессорился съ мѣстною администраціей, и потому не будетъ... я скоро перестала слушать—надоѣло. «Читать некогда и не стóитъ! не безъ горечи думала я о Васильевѣ, а танцовать кадрили съ исправницей и судейской дочерью—время находится!» Гости наши разошлись поздно: была тема для разговоровъ—вчерашній вечеръ, и заговорились и засидѣлись.

Слѣдующіе дни прошли какъ-то незамѣтно и безразлично; я ихъ и не помню. Но мнѣ очень памятенъ остался канунъ новаго года. Цѣлый день прошелъ по всегдашнему, но вечеромъ дѣти что-то очень долго не ложились спать: развеселились, затѣяли шумныя игры, наряжались. Я не хотѣла имъ препятствовать, а мужъ былъ въ клубѣ. Только-что улеглись онѣ потомъ, я тоже легла въ постель и взяла просмотрѣть новую книгу, присланную мнѣ передъ вечеромъ. Книга меня заинтересовала:—я зачиталась, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги моего мужа.

— Катя! новый годъ пришелъ, сказалъ онъ, подходя къ моей постели. Знаешь старинную примѣту: какъ кто встрѣтитъ новый годъ, такъ и проведетъ его?

Я молчала и не поднимала глазъ отъ книги.

— Забудемъ прошлогоднія дрязги и встрѣтимъ новый годъ друзьями! умолялъ онъ. Я былъ виноватъ передъ тобой, но ты, вѣдь, жестоко уже наказала меня... Забудемъ все и попробуемъ быть счастливыми!

— Нѣтъ, нѣтъ! будьте вы одни счастливы, какъ вамъ угодно; а я не хочу этого счастія!...

Я не считалъ тебя безсердечною, Катя!.. началъ онъ.

— Мало ли чѣмъ вы меня считали и не считали! съ злымъ сарказмомъ перебила я. То, что было, уже не возвратится, а такъ какъ вы все еще не хотите понять меня, я сегодня за-одно ужъ объяснюсь съ вами разъ навсегда, порѣшила я, оборотясь къ нему и глядя на него во всѣ глаза. Я не уйду отъ васъ: мнѣ некуда уйти... Т.-е., я ушла бы, не задумываясь; но оставить вамъ дѣтей или взять ихъ съ собою на вѣрную погибель отъ нищеты—я одинаково не могу. Да, такъ я останусь здѣсь. Но я буду у васъ нянькой, экономкой, учительницей, всѣмъ, чѣмъ хотите, но вашей женой—никогда! Слышите ли? никогда и ни за что въ свѣтѣ!..

— Не можетъ быть, чтобъ это было твое послѣднее слово, Катя! настаивалъ онъ. Не можетъ быть, чтобъ послѣ стольких лѣтъ привязанности—такой привязанности, какъ моя—мы разошлись бы изъ-за нѣсколькихъ словъ, изъ-за минуты сумасшествія?

— Нѣтъ! мы разойдемся не изъ-за одной минуты, возразила я. Мы давно начали расходиться. Неужели вы не замѣчали, какъ рвались одна за другой тѣ нити, которыя насъ связывали? А *тогда* все порвалось, все! Теперь между нами все рѣшено и покончено, ничего не осталось общаго!..

— А дѣти? Катя, дѣти! напомнилъ онъ.

— Дѣти? Я остаюсь здѣсь — вотъ какъ дороги мнѣ дѣти! отвѣчала я. Не подходите ко мнѣ! оставьте меня! съ ужасомъ и отвращеніемъ закричала я, когда онъ хотѣлъ взять мою руку. Не прикасайтесь ко мнѣ — или я разбужу весь домъ!.. Онъ сталъ, какъ вкопанный... Его поблѣднѣвшее лицо стало принимать мало-по-малу угрожающее выраженіе: столько изступленной злобы выразилось на немъ, что мнѣ стало страшно.

— Счастливъ твой богъ, что возлѣ тебя теперь ребенокъ! глухо проговорилъ онъ, указывая на Наташу, которая всегда спала со мною. Ты говоришь — все между нами кончено. Ну, я согласенъ, и не будь ее — я покончилъ бы и съ тобою, и съ собою...

Онъ повернулся и невѣрными шагами вышелъ изъ комнаты.

Съ того дня я стала бояться моего мужа. Я съ усиліемъ входила въ комнату, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ другими, и ни за что не вошла бы туда, гдѣ онъ былъ одинъ. На ночь я запиралась со всѣхъ сторонъ и спала плохо. Не знаю, что было бы со мною; можетъ быть я совсѣмъ извелась бы отъ слабости и крайняго истощенія организма безпокойствомъ и безсонницею, еслибъ не помогли обстоятельства.

Нашъ полкъ былъ расположенъ довольно тѣсно въ ближайшихъ къ городу селахъ. Въ самомъ Синегорскѣ и его богатыхъ предмѣстьяхъ стоялъ эскадронъ мужа; по ту сторону рѣчки, въ богатомъ селѣ, которое также можно было назвать его предмѣстьемъ (оно было менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ него), стоялъ эскадронъ Бѣлостоцкаго. Городское населеніе находило этотъ постой для себя очень стѣснительнымъ и несправедливымъ и давнымъ-давно хлопотало, чтобъ расположили полкъ попросторнѣе. Эти хлопоты и ходатайства наконецъ увѣнчались успѣхомъ; предписано было вывесть изъ города эскадронъ, и чуть ли не стараніями Деревянкина назначена ему стоянка въ 50-ти вер. отъ города. Въ селѣ, куда шелъ эскадронъ, не было подходящей квартиры для большой семьи; рѣшено было, что я съ дѣтьми останусь до весны въ Синегорскѣ. Мужъ посердился, побранилъ Деревянкина, но день выхода эскадрона на новую стоянку былъ назначенъ. Онъ отправился.

Въ день отъѣзда его минуло три недѣли нашему послѣднему

съ нимъ объясненію. Первое время послѣ него, онъ смотрѣлъ на меня съ страшнымъ озлобленіемъ, но подъ конецъ сталъ понемногу смягчаться. Онъ видѣлъ, конечно, что я таяла, какъ свѣчка; можетъ быть ему жаль меня стало. Наканунѣ его отъѣзда вечеромъ у насъ были гости, и въ томъ числѣ Васильевъ; они пришли проститься съ мужемъ. Я замѣтила, что Васильевъ долго смотрѣлъ на меня, не то изумленнымъ, не то испуганнымъ взглядомъ.

— Вы вѣрно опять нездоровы: ужасно вы измѣнились! замѣтилъ онъ, глянувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Александръ.

— За чаемъ я кашлянула раза два.

— Какъ вы нехорошо кашляете! сказалъ онъ, качая головой.

— Простудилась, выговорила я. Дня три назадъ ходила въ лавки и продрогла; съ тѣхъ поръ кашляю.

— Да, простуда легко находитъ случай привязаться къ разслабленному организму, тихо замѣтилъ онъ.

— А вы мнѣ какихъ-нибудь капелекъ дайте или порошечковъ, слегка улыбаясь попросила я.

— Хорошо, я дамъ вамъ легкое средство, согласился онъ; но вамъ нужно беречься, очень серьёзно беречься.

Мужъ прислушивался издали къ этому разговору. Мнѣ показалось, что онъ его немного встревожилъ.

На другой день онъ выѣхалъ. Я съ дѣтьми пришла проститься съ нимъ.

— До свиданія! отрывисто проговорилъ онъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но молча протянулъ мнѣ руку.

Я поспѣшно подала свою, не безъ внутренняго содроганія.

Какъ красенъ міръ Божій показался мнѣ, когда я осталась одна! какъ уютенъ домъ нашъ, какъ свѣтелъ день и какъ все приняло радостный видъ!.. Я даже и забыла, что меня считаютъ больной, что мнѣ нужно лечиться...

— Какъ ваше здоровье? Какъ вашъ кашель? спросилъ меня какъ-то вскорѣ послѣ того Васильевъ короткимъ, дѣловымъ тономъ.

Я разсказала что̀ и ка́къ. Онъ покачалъ головой.

— Мнѣ кажется—вы очень легко относитесь къ этому предмету, серьёзно замѣтилъ онъ. Не пришлось бы вамъ пожалѣть впослѣдствіи.

— Чтожъ—чахотка мнѣ угрожаетъ, что ли? спросила я.

— Не чахотка именно, а многія серьёзныя болѣзни начинаются такими—повидимому—пустяками. Мнѣ жаль, что вы не хотите быть со мной откровенной въ томъ, въ чемъ вамъ слѣдовало бы быть откровенной...

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ «слѣдовало бы».

— Что же такое я отъ васъ скрываю? спросила я, пожимая плечами.

— Вы избѣгаете говорить со мной о вашемъ здоровьи: чуть я заговорю о немъ, вы спѣшите перемѣнить разговоръ.

— Спрашивайте. Я скажу вамъ все, что вамъ покажется нужно знать, предложила я.

— Мнѣ прежде всего нужно выслушать у васъ грудь, сказалъ онъ.

— Слушайте, согласилась я.

Онъ прилегъ ко мнѣ на грудь; я опустила голову и его волосы почти касались моего лица. Я вдругъ почувствовала, что у меня сердце бьется съ страшною силою и напрасно старалась затаить учащенное дыханіе... Онъ поднялся съ взволнованнымъ лицомъ, и тяжело дыша, молча откинулся на спинку кресла.

— Я не нашелъ ничего особенно неблагопріятнаго, послѣ нѣкотораго молчанія неровнымъ голосомъ заговорилъ онъ, усиливаясь попасть въ свой дѣловой тонъ. Вы можете принимать то же средство и раза два въ день успокоительныя капли, которыя недавно принимали. Но вамъ нужно беречься — это я вамъ повторяю! Вамъ нужно многое измѣнить въ своемъ образѣ жизни.

— Напримѣръ? лѣниво освѣдомилась я.

— Напримѣръ — нельзя вамъ вести такую сидячую жизнь, какую вы ведете. Она много вліяетъ на ваше настроеніе: у васъ такія неровности характера, вы такъ легко раздражаетесь — все это въ значительной степени зависитъ отъ вашей сидячей жизни. Кромѣ моціона, я посовѣтовалъ бы вамъ еще развлеченіе.

«Я слышала уже все это!» съ тоской подумала я, оборачиваясь къ скрыпнувшей двери. То вошла Лида, и усѣвшись возлѣ меня, стала внимательно слѣдить за нашимъ разговоромъ.

— А еще не мѣшало бы вамъ значительно меньше читать. Ужасъ—какое множество книгъ у васъ всегда здѣсь! указалъ онъ на столъ.

— Да вѣдь это мое единственное развлеченіе, замѣтила я.

— Оно не совсѣмъ подходящее для васъ; вамъ слѣдовало бы поискать другихъ, посовѣтовалъ онъ.

— Какихъ же бы, напримѣръ? полюбопытствовала я.

— Разумѣется — здѣсь ихъ трудно найти, но все же... Познакомились бы съ кѣмъ-нибудь, предложилъ онъ.

— Съ судейшей и исправницей, подсказала я.

— Да хоть бы и съ ними, согласился онъ очень серьёзно.

— Вотъ ужъ славное развлеченіе! сказала я. Что же мнѣ съ ними дѣлать-то познакомившись? что у меня съ ними общаго?

— Какъ что? слегка изумился онъ. Заботы о домѣ, о семьѣ...

— У коровы тоже есть заботы о семьѣ, раздражительно замѣтила я.

— Да, но корова заботится о семьѣ телятъ, а вы—о семьѣ людской, возразилъ онъ и пожалъ плечами;—должно быть—очень тяжело жить на свѣтѣ при такомъ презрѣніи къ людямъ, какъ у васъ! заключилъ онъ чуть не съ соболѣзнованіемъ. Вы кажется всѣхъ и все презираете?

— И васъ въ томъ числѣ? тихо спросила я.

— Можетъ быть и меня тоже, серьёзно отвѣчалъ онъ. Мнѣ подчасъ приходитъ на мысль, что вы *тогда*... хотѣли пошутить надо мною, едва слышно, но такъ же серьёзно добавилъ онъ.

— Изъ чего же вы заключили, что я людей презираю? Изъ того, что я не хочу знаться съ уѣздными барынями? Развѣ и вы презирали людей, когда не хотѣли сближаться съ здѣшнимъ чиновничьимъ кружкомъ?.. Но главный вопросъ Васильева я обошла.

— Я—другое дѣло, отвѣчалъ онъ разсѣянно, видимо думая о другомъ.—Странная вы женщина! прибавилъ онъ, вѣроятно отвѣчая на свои мысли.

— Мнѣ скорѣе кажется, что вы—странный человѣкъ! горячо проговорила я.

Онъ опять пожалъ плечами и сталъ прощаться.

— Какъ это такъ, мамà! ты говоришь, что онъ странный, а онъ говоритъ, что ты странная... Кто же изъ васъ странный? спросила Лида очень серьёзно, почти озабоченно, и по-дѣтски, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— А я забыла сказать, зачѣмъ я пришла сюда; пусти насъ погулять съ нянею на выгонъ. Степановъ говорилъ Мишѣ, что тамъ много-много дѣтей съ горъ катаются... Пусти, мамочка! просила она, заглядывая мнѣ въ глаза и ласкаясь.

— Ну, идите, согласилась я, отвѣчая на ея ласки.

Она выбѣжала въ припрыжку.

Чрезъ недѣлю я получила письмо отъ мужа. Видно онъ очень стосковался въ своемъ захолустьи,—одинъ, безъ семьи, безъ общества; видно также, что онъ очень тревожился обо мнѣ,—о моемъ здоровьи и моемъ настроеніи; видно, многое его томило и мучило: тонъ его письма былъ и тревожный, и скучный. Онъ начиналъ разспрашивать о дѣтяхъ, о домашнихъ дѣлахъ, и потомъ вдругъ переходилъ къ нашимъ теперешнимъ отношеніямъ,

съ жаромъ просилъ — молилъ меня о примиреніи. Я положила поскорѣе отвѣтить ему; но чтó писать ему по поводу обстоятельства, которое наиболѣе мучило и заботило его—я не знала: примириться съ нимъ такъ, какъ онъ хотѣлъ этого—я не могла...

— А вы что-то не въ духѣ? Что съ вами? спросила я Васильева.

— Да сейчасъ отъ Деревянкина... Отвели мнѣ опять подъ лазаретъ совсѣмъ ажурное помѣщеніе; пошелъ я къ исправнику: «Я—говоритъ—до этого не касаюсь; поручилъ предсѣдательствовать въ квартирной коммиссіи своему помощнику».—Я и къ помощнику: «чтожъ дѣлать—говоритъ—коли у насъ ни одного путнаго дома на очереди нѣтъ».—Нечего дѣлать—иду къ Деревянкину. «Бога ради—говорю—дайте средства хоть сколько-нибудь починить его—хоть обмазать глиной его кругомъ, какъ мажутъ хаты въ Малороссіи, да прикрыть соломой дырья въ соломенной крышѣ». Такъ и слышать не хочетъ: «Тамъ—говоритъ—никакихъ дыръ нѣту; еслибъ онѣ были, такъ свѣтились бы!» Какъ вамъ это нравится?... Ну, ужъ я ему и наговорилъ.

— Воображаю! засмѣялась я, живо представивъ себѣ эту сцену.

— Да еще толкуетъ, какъ Мальвина Осиповна: «Это-де не ваше дѣло, это дѣло Адама Өедоровича. Какъ будто не знаетъ, что Адамъ Өедоровичъ послѣдній годъ до полнаго пенсіона дослуживаетъ, ни во что не мѣшается и все на меня взвалилъ... Ну, ужъ службишку я себѣ выбралъ? При первой возможности—давай Богъ ноги! уберусь...

— Вотъ славно, если всѣ честные люди будутъ уходить, оставляя негодяевъ распоряжаться, какъ имъ нравится! замѣтила я.

— Чтó дѣлать? Сила солому ломитъ: ничему тутъ не поможешь, только себя уходишь... Буду проситься въ какой ни есть дрянненькій госпиталь, хоть самымъ младшимъ ординаторомъ... Тамъ все-таки покойнѣе будетъ. Кончу свою диссертацію: доктору медицины легче себѣ хорошее мѣсто пріискать. А потомъ... потомъ буду добиваться другой цѣли, прибавилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— Какой же? Это не секретъ? спросила я съ живѣйшимъ интересомъ.

— Нѣтъ, не секретъ! Женитьбы, — отвѣчалъ онъ: женитьбы по сердцу... по разсудку, добавилъ онъ. Это главная цѣль моей жизни!

Я нѣсколько минутъ пристально смотрѣла — не шутитъ ли

онъ? Но онъ говорилъ серьёзно, даже какъ будто съ увлеченіемъ.

— Какое счастіе, продолжалъ онъ, внушить прочную привязанность хорошей женщинѣ, пользоваться ея заботой, окружить себя дѣтьми, воспитывать ихъ общими силами!... Это одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ прожить долго и благополучно!... И какой это вздоръ, что женитьба—та же лотерея. Вольно же бросаться очертя голову! Я выберу себѣ жену осмотрительно...

— По извѣстному рецепту, подсказала я.

— Да, отвѣчалъ онъ, какъ будто немного обидясь; я буду искать женщину, одаренную тѣми качествами, безъ которыхъ немыслимо семейное счастіе: женщину со здравымъ смысломъ, съ добрымъ сердцемъ, съ хорошимъ здоровьемъ и, слѣдовательно, съ ровнымъ характеромъ, женщину, способную къ самоотверженію... въ пользу дѣтей, конечно. Въ мою пользу самоотверженія я отъ нея не потребую: я скорѣе самъ готовъ всѣмъ пожертвовать для счастія жены! Я готовъ безропотно работать, какъ волъ, чтобъ доставить ей спокойствіе и удобство, чтобъ обезпечить семью...

Мы помолчали нѣсколько минутъ: онъ видимо былъ подъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ счастливой мечты.

— А вы что это такъ задумались? ласково спросилъ, наконецъ, онъ меня. Я отвела руку и, поднявъ голову, долго и пристально съ грустью смотрѣла на него. Я чувствовала, что сейчасъ навернутся мнѣ слезы на глаза...

— Что̀ бы я далъ, чтобъ узнать — о чемъ вы теперь думаете? тихо произнесъ онъ такимъ голосомъ, который ясно выражалъ, что онъ взволнованъ и растроганъ.

— Зачѣмъ вамъ это? спросила я, и, кажется, невольный упрекъ зазвучалъ въ этомъ вопросѣ.

Онъ глядѣлъ на меня глазами, полными участія.

— Да что́ вамъ до этого? повторила я, сквозь слезы. А вотъ я такъ дорого бы дала, чтобъ услышать, что все высказанное вами — вздоръ, что у васъ не такія мелкія цѣли, не такія будничныя мечты. Вы вѣрно шутили, вѣдь такъ!... Бога ради, не говорите никогда такъ, какъ вы сейчасъ говорили. Вѣдь вы шутили? Оставьте мнѣ эту послѣднюю иллюзію! Не отнимайте ее! выговорила я и чуть не зарыдала.

Онъ широко открылъ глаза и смотрѣлъ на меня изумленнымъ взглядомъ, не находя словъ... Онъ вѣрно опять усомнился, не сошла ли я съ ума.

— Вы все еще плохо поправляетесь, сказалъ онъ и поспѣшно простился со мною.

Только-что проснулась я на другое утро, няня съ таинственнымъ и значительнымъ видомъ подала мнѣ письмо, объявивъ, что его привезъ нарочный изъ Павловки — изъ того села, гдѣ стоялъ мужъ съ эскадрономъ. Адрессъ написанъ былъ незнакомымъ почеркомъ; я распечатала письмо—тотъ же почеркъ. Озадаченная и нѣсколько испуганная, я отыскала подпись; тамъ значилось «Андрей Медвѣдевъ»—имя единственнаго офицера, отправившагося съ мужемъ и эскадрономъ въ Павловку... Я поспѣшно пробѣжала его письмо; онъ писалъ, что недавно, пріѣхавъ отъ знакомыхъ помѣщиковъ, у которыхъ прогостилъ дня четыре, онъ засталъ Александра больнымъ, почти въ безсознательномъ состояніи. Къ счастію, Беренсъ случился въ то же время на слѣдствіи въ Павловкѣ; его тотчасъ пригласили къ мужу, и онъ обѣщалъ не оставлять его, пока не пріѣду я и не привезу съ собой другого доктора.

Письмо помѣчено было вчерашнимъ числомъ. Оно поставило меня въ большое затрудненіе: ѣхать было необходимо, и ѣхать какъ можно скорѣе; но собраться такъ неожиданно скоро было не легко. Еще мудренѣе мнѣ казалось рѣшить вопросъ о томъ, куда дѣвать дѣтей на время моего отсутствія, такъ какъ взять ихъ съ собою было невозможно: у мужа была маленькая квартирка въ двѣ комнатки, во флигелькѣ у священника; понятно, что нельзя было и думать помѣстить ихъ въ такой тѣсной квартиркѣ, когда притомъ въ ней лежалъ больной, можетъ быть тифозный. Я долго ломала голову надъ этимъ вопросомъ; наконецъ меня осѣнила благая мысль: завести ихъ къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ, которая жила въ 30-ти верстахъ отъ Синегорска, по дорогѣ въ Павловку, немного въ сторону отъ почтоваго тракта. Такъ я это и порѣшила. Я послала за Васильевымъ; оказалось, что онъ уѣхалъ въ деревню къ предсѣдателю управы, у котораго сильно заболѣла жена; возвращенія его ждали только ночью. Нечего дѣлать—нужно было ѣхать безъ доктора.

Завезя дѣтей къ тетушкѣ, я выѣхала дальше.

— А вотъ она и Павловка!—полуоборотясь ко мнѣ прокричалъ Степановъ. Я выглянула: передо мной, при ясномъ свѣтѣ мѣсяца, темнѣя, раскидывалось большое село; кое-гдѣ лѣниво лаяли собаки, будто сами не вѣря, чтобъ это было нужно... Но вотъ блеснулъ огонекъ въ сторонѣ. «Не тамъ ли?» —подумалось мнѣ... Такъ и есть: сани завернули именно въ этотъ дворъ. Степановъ вскочилъ съ облучка и постучался; со свѣчей въ рукѣ показалась заспанная фигура деньщика и за нимъ усатое лицо Жеребцова—любимаго вахмистра Александра. Я вышла изъ са-

ней, еле ступая отъ утомленія; деньщикъ живо подхватилъ меня подъ руку. «Закачало васъ, сударыня!»—заботливо проговорилъ онъ. У меня не хватило храбрости предложить имъ тотъ вопросъ, который былъ у меня на умѣ. Мы вошли въ первую комнату; на диванѣ, совсѣмъ одѣтый, спалъ Медвѣдевъ. Шумъ отворившейся двери разбудилъ его; онъ вскочилъ съ дивана и сталъ поспѣшно оправлять растрепанные волосы. Я подошла къ нему и крѣпко, съ благодарностью, пожала ему руку, но все-таки ничего у него не спросила.

— Садитесь здѣсь, оправляя диванъ, шопотомъ проговорилъ онъ. Обогрѣйтесь: Александръ Семеновичъ уснулъ спокойнѣе прежняго. Не хотите ли чаю?

— Нѣтъ, не нужно! шопотомъ выговорила я, опускаясь на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Мнѣ совѣстно было утруждать собою этотъ истомленный людъ.

— А Беренсъ гдѣ? спросила я у Медвѣдева.

— Онъ въ домѣ у священника ночуетъ. Вы не привезли Васильева?

— Его не было въ Синегорскѣ, съ трудомъ отвѣчала я: меня не на шутку начала пронимать дрожь.

— О, да какъ же вы озябли!—проговорилъ Медвѣдевъ. Я, право, велю поставить самоваръ, настойчиво добавилъ онъ и пошелъ къ двери еле слышными шагами.

Въ то же время другая дверь, — та, что вела въ спальную Александра—немного отворилась: выглянулъ Жеребцовъ. Я позвала его рукой къ себѣ.

— Кто же сидитъ при немъ? — съ тою же дрожью и усиліемъ и также шопотомъ спросила я.

— Я-съ, ваше высоко... сударыня!—поправился онъ. Я денно и нощно при нихъ нахожусь.

Я поднялась, чтобъ идти къ больному, но едва устояла на ногахъ. Медвѣдевъ поддержалъ и довелъ меня. Александръ уже не спалъ; онъ метался на постели, съ открытыми глазами; при нашемъ входѣ Жеребцовъ поднялся со стула и отступилъ отъ кровати. Медвѣдевъ объяснилъ мнѣ, какъ и когда давать лекарство и, простившись со мною, вышелъ. Я предложила пойти отдохнуть и Жеребцову, но онъ отказался уйти, а постлавъ свою солдатскую шинель на полу за ширмами и бросивъ подъ голову фуражку, прикурнулъ тутъ же въ спальной, замѣтивъ мнѣ въ видѣ объясненія или даже оправданія, что «у нихъ оченно страшный бредъ бываетъ». Я сѣла въ кресло и стала смотрѣть на воспаленное лицо мужа, съ страннымъ, дикимъ взглядомъ; ему, ка-

залось, было очень худо... И вдругъ мнѣ совершенно явственно пришла въ голову мысль, которая неясно и безсознательно шевелилась во мнѣ всю дорогу и весь день,—мысль, что если онъ умретъ—я буду свободна... Мнѣ стало совѣстно... Я хотѣла прогнать эту мысль, хотѣла заставить себя ни о чемъ больше не думать. Въ эту минуту мужъ вскрикнулъ что-то въ бреду, я взглянула на него и встрѣтилась съ его дикимъ взглядомъ. У меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ... Но я продолжала смотрѣть на него; словно силы у меня не было отвести глаза въ другую сторону... Наконецъ, его лицо какъ-то странно измѣнилось на моихъ глазахъ... Я вздрогнула и очнулась. Сначала я боялась, что свалюсь съ ногъ отъ слабости и утомленія, но точно будто силы мои удвоились: я не чувствовала особенной слабости. Иногда мнѣ вспоминалось, что этого моего больного я ненавидѣла, когда онъ былъ здоровъ—ненавидѣла такъ, что, казалось мнѣ, рада была бы его смерти. Это было точно будто давно, очень давно!... Подчасъ мнѣ приходило въ голову, что я была бы отличной сестрой милосердія.

Когда Александръ, наконецъ, пришелъ въ себя, онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ гдѣ дѣти? Я отвѣтила ему и прибавила, что каждые два-три дня имѣю отъ кузинъ извѣстія о нихъ. Съ тѣхъ поръ онъ просто и безцеремонно сталъ пользоваться моими заботами, словно забылъ, что̀ произошло между нами въ послѣднее время. Иногда онъ бывалъ раздражителенъ и требователенъ, но это очень рѣдко; вообще же говоря—онъ былъ больной очень сносный. Разъ, когда я готовила ему какое-то питье, онъ смотрѣлъ на меня долго и пристально, съ особымъ выраженіемъ во взглядѣ.

— Такъ они, слава Богу, совсѣмъ уже покончились—наши нелады, Катя! проговорилъ онъ вдругъ, взявъ мою руку и пожимая ее своими еще безсильными руками.

Я не отвѣчала, но у меня сердце упало. Мысль, что опять онъ начнетъ требовать у меня любви—эта мысль разомъ отняла у меня спокойствіе... Онъ сталъ чаще слѣдить за мной съ тревогой во взглядѣ.

— Ахъ, Катя, какъ ты измѣнилась! Какъ тебя уходила моя болѣзнь! проговорилъ онъ разъ съ нѣжнымъ сожалѣніемъ.

Я улыбнулась, съ горечью подумавъ, что меня не болѣзнь уходила, а выздоровленіе.

— Тебя вѣрно и отсутствіе дѣтей мучитъ, догадался онъ

потомъ. Съѣзди-ка и привези хоть Лиду и Мишу: все тебѣ покойнѣе будетъ. Какъ-нибудь размѣстимся здѣсь на время.

Я сейчасъ же согласилась, и дѣти скоро явились.

— Собирайтесь-ка въ Синегорскъ, господа! сказалъ мнѣ мужъ черезъ недѣлю, получивъ бумаги изъ полка. Я васъ провожу, оправлюсь совсѣмъ и вернусь опять на службу.

Но вышло иначе. Полковыя интриги достигли къ этому времени огромныхъ размѣровъ; мужъ принялъ сторону оппозиціи, и ему дали почувствовать необходимость перемѣнить полкъ.

— Какъ-же ты порѣшилъ, Александръ, спросила я, выслушавши его объясненіе съ начальствомъ.

— А ты, Катя, что мнѣ посовѣтуешь? въ свою очередь спросилъ онъ.

— Я не знаю, отвѣчала я съ нерѣшимостью. Ты, конечно, правъ, но, съ другой стороны...

Я недоговорила, но хотѣла сказать, что ему грустно было бы разстаться съ семьей и тяжело, затруднительно возить ее за собой, не говоря уже о томъ, какое вліяніе имѣла бы походная жизнь на мое здоровье... Кажется, мужъ догадался, чтó я хотѣла сказать и молча согласился со мною, чтó перемѣна полка пришла кстати: нужно перемѣнить и жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней онъ окончательно порѣшилъ, что поѣдетъ въ полкъ. Путь предстоялъ немалый, верстъ 300 слишкомъ. Прощаясь, онъ казался страшно убитымъ, а дѣти надрывали душу своимъ плачемъ! Я провожала его тоже со слезами и еще съ ѣдкой грустью, полною упрековъ себѣ. «Сколько женщинъ были бы вполнѣ счастливы съ этимъ человѣкомъ, и его сдѣлали бы счастливымъ!.. Зачѣмъ допустила я его связать свою жизнь съ моею? Зачѣмъ я не посторонилась во-время?» говорила я про себя, смутно чувствуя, что наша супружеская жизнь покончилась, и что, прощаясь съ нимъ, я отпускаю его на вѣчное одиночество, и себя осуждаю на то же.

Сначала онъ, какъ-будто, мечталъ перевезти насъ къ себѣ послѣ осенняго кампамента, но это оказалось неудобнымъ: полкъ передвинулся еще далѣе, стоянка была неудобная. Мало-по-малу онъ сталъ сживаться съ своею жизнью бобыля: съ полковымъ командиромъ онъ сошелся, съ товарищами тоже. Въ настоящую минуту онъ, кажется, привыкъ къ своей одинокой жизни и полюбилъ ее; можетъ быть онъ уже и не захотѣлъ бы перемѣнить ее на что другое. И слава Богу!...

А я прожила лѣто въ Калиновой; но остаться тамъ на зиму было невозможно; старый домъ былъ не то, что неудобенъ, а

даже опасенъ: вотъ-вотъ рухнетъ! Въ Синегорскѣ мнѣ угрожали непріятныя встрѣчи и тяжелыя воспоминанія... Я выбрала себѣ для жизни сосѣдній городокъ, маленькій, весь потонувшій въ садахъ; онъ былъ еще глуше Синегорска, жизнь въ немъ была еще дешевле, а нравы патріархальнѣе. Земство, кстати, открывало здѣсь мужскую прогимназію изъ соболѣзнованія къ отцамъ семействъ, которымъ слишкомъ далеко и убыточно было возить дѣтей въ далекій губернскій городъ. Я такъ и зажила: зиму здѣсь, лѣто—въ Калиновой, не въ старомъ домѣ, а въ новой избѣ, раздѣленной сѣнями на два большихъ покоя,—зажила тихо, глухо, однообразно, безъ свѣтлыхъ надеждъ впереди, безъ напрасныхъ порываній къ невѣдомому и несбыточному счастію, внушенныхъ мнѣ силою фантазіи и неподдержанныхъ ни образованіемъ, ни воспитаніемъ воли, ни развитіемъ окружавшей среды.

Я начинаю мириться съ своею темной, монотонной, безрадостной жизнью, какъ примиряетъ сонъ послѣ тяжелаго дня, какъ миритъ смерть... Подчасъ непріятно пробуждаютъ однѣ домашнія дрязги и недостатокъ средствъ, но и ко всему этому я притерпѣлась. Я дошла, по крайней мѣрѣ, до того спокойствія, которое дозволило мнѣ отнестись къ пережитой мною жизни, какъ къ жизни кого-то посторонняго, и вотъ, быть можетъ, почему эту жизнь найдутъ слишкомъ откровенною, чтобъ она могла заинтересовать собою читателя, привыкшаго къ эффектамъ; но развѣ жизнь женщины нашего общества и была интересна гдѣ-нибудь, кромѣ романовъ? Да и мы, женщины, въ это переходное время, стоя на перепутьи, интересовались также не жизнью, а одними романами. Но все же въ общей экономіи мы не останемся лишними, если позаботимся о томъ, чтобы воспитать своихъ дѣтей какъ можно лучше, т.-е. какъ можно меньше, не стѣсняя ихъ свободы, не скрывая отъ нихъ своей жизни, и покажемъ имъ эту жизнь всю, какъ есть, безъ прикрасъ, но и безъ клеветъ на нее, а себѣ съумѣемъ вовремя сказать: «наша пѣсенка спѣта»!

Н. Дмитріева.

Конецъ.

ПРЕДѢЛЫ ПОЗНАНІЯ
ПРИРОДЫ

Über die Grenzen des Naturerkennens. Ein Vortrag in der zweiten Sitzung der 45 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte zu Leipzig, am 14 August 1872 gehalten von Profes. *Emil Du Bois-Reymond*. 1872.

Въ первомъ періодѣ развитія культуры въ древней Греціи преобладало поэтическое воззрѣніе на природу, создавшее множество миѳовъ: вся природа была населена тогда разными божествами, управлявшими ею, бо́льшая часть которыхъ заботилась объ услажденіи человѣческой жизни —

Поэзіи волшебной пеленою
Ликъ истины задернутъ былъ тогда...
Тогда вездѣ, во всемъ взоръ освященный
Слѣдъ божества плѣнительнаго зрѣлъ...
На томъ холмѣ рѣзвилась Ореада;
Дріада въ этомъ деревѣ жила,
Изъ урны той прелестная Наяда
Серебряный источникъ пролила...
Не приступалъ тогда скелетъ ужасный
Къ одру, на коемъ смертный угасалъ,
Но грустный геній, поцѣлуй свой страстный
Напечатлѣвъ, свой факелъ опускалъ [1])...

Въ этомъ первомъ періодѣ культуры, человѣчество понимало природу больше чувствомъ, чѣмъ мышленіемъ, больше обожало ее, чѣмъ знало, больше преклонялось передъ дѣйствіями ея про-

[1]) Соч. Шиллера, изд. Гербеля, «Боги Греціи».

цессовъ, чѣмъ анализировало ихъ. Разнымъ явленіямъ природы придавались человѣческія формы и свойства; такимъ образомъ, созерцаніе ея состояло преимущественно въ антропоморфизмѣ. Затѣмъ, съ этими воззрѣніями, передававшимися по преданію, вступили въ борьбу послѣдовательное мышленіе, анализъ всего существующаго и причинъ его бытія,—однимъ словомъ, возникла *философія*, отъ которой бѣжали прелестные образы боговъ и богинь, созданныхъ фантазіей и, по существовавшимъ вѣрованіямъ, до тѣхъ поръ владычествовавшихъ надъ природой.

Въ среднихъ вѣкахъ, древній миѳическій характеръ воззрѣнія на природу измѣнился въ мистическій, трансцендентальный, впрочемъ, близко подходившій къ первому. Конечно, мы говоримъ только объ общемъ характерѣ временъ, такъ какъ поэзія, мистицизмъ существуютъ еще въ наукѣ и въ жизни и понынѣ, не составляя, впрочемъ, отличительной черты нашего времени.

Въ среднихъ вѣкахъ преобладало религіозное, мистическое направленіе, которое отражалось и въ наукѣ; вмѣсто физики существовала магія, вмѣсто астрономіи—астрологія, вмѣсто химіи—алхимія; «грѣшное чтеніе сочиненій по физикѣ» было осуждаемо и влекло за собой наказаніе; кто переступалъ за тѣсную сферу тогдашняго естествознанія, тотъ былъ обвиняемъ въ связи съ нечистымъ духомъ и находилъ смерть на кострѣ. Ученость заключалась въ изреченіяхъ; схоластика давала готовые отвѣты на всѣ вопросы. И этотъ періодъ, отрицавшій роскошную культуру древняго міра, суровый, суевѣрный, ждавшій со дня на день свѣтопреставленія, преслѣдовавшій пытливость человѣческаго духа пытками инквизиціи и костромъ, спасавшій свое тѣло и душу въ монастыряхъ, въ аскетизмѣ, длился до половины XV-го столѣтія, и человѣчество до того отдалилось отъ своихъ древнихъ прототиповъ, что ему предстала необходимость *возрожденія* въ духовной жизни. Съ половины XV столѣтія, съ началомъ эпохи возрожденія наступаетъ періодъ положительнаго знанія; на классической же почвѣ Италіи возникло влеченіе къ наслажденію природой и къ изображеніямъ ея (у поэтовъ), а затѣмъ развилась и наклонность къ естествознанію, къ научному анализу природы. Прежде всего вниманіе было обращено на землю, на изслѣдованіе мѣста, занимаемаго ею въ мірозданіи, а затѣмъ и на самого человѣка, —явились Колумбъ, Галилей, Коперникъ, Гарвей, открывшій кровообращеніе въ животныхъ (1578—1657). Открытіе Колумба (1492) и слѣдовавшихъ за нимъ знаменитыхъ путешественниковъ расширили горизонтъ міросозерцанія, дали новый матеріалъ для естественно-научнаго изслѣдованія; но средства къ послѣднему еще

были очень ограниченны, еще недоставало метода изслѣдованія; эти средства были даны Галилеемъ, — основателемъ экспериментальной философіи (1564—1642). Честь попытки заставить природу говорить, разоблачать факты, выводить изъ послѣднихъ законы, которымъ подчинены явленія и процессы природы во всѣхъ ихъ фазахъ развитія, принадлежитъ Галилею. Такая же честь установленія метода къ изслѣдованію природы принадлежитъ и отцу положительной науки, Бэкону Веруламскому. Его сочиненіе: «Новый органъ», появившееся въ 1620 г., открыло новую эру въ изслѣдованіи природы. Въ немъ излагается не философія природы, но реальное ученіе объ открытіи истинныхъ законовъ ея. Естествознаніе, говоритъ Бэконъ, можетъ почерпать свой матеріалъ только изъ опыта, который есть корень всякаго знанія. Такое свѣдѣніе, которое могло бы служить не произвольнымъ, но вѣрнымъ толкователемъ природы, пріобрѣтается только всестороннимъ наблюденіемъ и опытами, причемъ умъ судитъ только объ опытѣ, а опытъ рѣшаетъ вопросъ о самомъ предметѣ. Но не слѣдуетъ, однако, ограничиваться только явленіями, останавливаться только на нихъ однѣхъ, и недостаточно переходить отъ опыта къ опыту, отъ полученнаго путемъ опыта свѣдѣнія къ другому и т. д. Чувствами познается только оболочка, внѣшность природы, но мы должны стремиться познать причины явленій и даже причины причинъ, а для этого недостаточно однихъ только чувствъ и ума. Чувства слабы и легко заблуждаются; умъ, предоставленный самому себѣ, можетъ быть уподобленъ, въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ, рукѣ безъ орудія; умъ наклоненъ къ предразсудкамъ и прежде всего долженъ быть освобожденъ отъ нихъ. Умъ наклоненъ спѣшить впередъ, переходя непосредственно отъ чувственнаго къ сверхчувственному, отъ частности къ общему; опытъ ему скоро наскучаетъ. Поэтому умъ долженъ быть поставленъ подъ руководство особаго *метода*, долженъ быть посредствомъ его обученъ искусству понимать предметы. Такой методъ или такое искусство есть *наведеніе* (индукція), но не то обычное наведеніе, которое тоже исходитъ изъ частнаго, но остается недолго въ области опыта, довольствуется немногими отдѣльными случаями, быстро восходитъ отъ чувственнаго къ особому, а отъ послѣдняго къ самымъ общимъ аксіомамъ и принимаетъ ихъ за незыблемыя основныя истины. Истинное наведеніе начинаетъ также съ частнаго и кончаетъ общимъ, но оно спокойно остается въ области опыта и покидаетъ ее только тогда, когда изслѣдуетъ ее вполнѣ; оно идетъ впередъ только постепенно, шагъ за шагомъ, осмотрительно анализируетъ, собираетъ, соединяетъ въ одно,

исключаетъ неидущее къ дѣлу, выводитъ изъ отдѣльныхъ, добытыхъ путемъ опыта, фактовъ, ихъ причины, дѣлаетъ предположенія, имѣющія болѣе обширное примѣненіе, и, наконецъ, изъ послѣднихъ выводитъ уже общія положенія. Оно то восходитъ на гору, то спускается долу, но всегда идетъ осторожно. Истинный естествоиспытатель уподобляется пчелѣ, собирающей свой матеріалъ съ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, но претворяющей его въ свою плоть; грубый эмпирикъ подобенъ муравью, который только сноситъ все въ одно мѣсто, собираетъ; но чисто-умозрительный изслѣдователь — это паукъ, который выпускаетъ свою ткань изъ самого себя. Сочиненіе Бэкона много способствовало возникновенію въ изслѣдованіи природы новой жизни, которая еще значительнѣе развилась впослѣдствіи отъ расширенія и дополненія метода ея виновника; напр., теперь уже нельзя согласиться съ словами Бэкона, что орудія изслѣдованія мало возвышаютъ силу чувствъ; эти слова, впрочемъ, были совершенно справедливы въ его время, когда орудій изслѣдованія природы было очень мало и они были несовершенны.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ открытія, успѣхи въ области естественно-научной техники; но мы упомянемъ только о телескопахъ Гершеля, Росса, объ усовершенствованіи микроскопа (Гартнакъ), о громадныхъ успѣхахъ химіи, о разнородныхъ примѣненіяхъ пара и электричества, о термометріи, о спектральномъ анализѣ и проч. Далѣе, въ наше время весьма большую роль играютъ количественныя опредѣленія, которымъ Бэконъ придавалъ мало значенія, опять-таки потому, что въ его время не были извѣстны такіе чувствительные аппараты, тѣ химическіе методы, которыми количества вещества измѣряются въ наше время. Методъ Бэкона въ наше время значительно усиленъ соединеніемъ предложенной имъ индукціи съ *дедукціей*, которая связуетъ добытыя путемъ опыта истины, сравниваетъ результаты этой связи съ самою природою, для провѣрки дѣйствительно ли изслѣдователь шелъ по настоящему пути и не заблуждался ли онъ. Дедукція уподобляется повѣркѣ счета, сдѣланнаго индукціей, есть пробный камень истинности новаго пріобрѣтенія науки; путемъ дедукціи, напримѣръ, открыта планета Нептунъ астрономомъ Леверье, который указалъ на существованіе ея, основываясь на давно замѣченныхъ возмущеніяхъ планеты Урана. Ученіе Бэкона стало общимъ руководителемъ; въ основу науки имъ положенъ опытъ; естествоиспытатель начинаетъ свою работу снизу, съ частностей, но не всегда остается при нихъ, а восходитъ все выше и выше, не теряя, впрочемъ, подъ собою почвы; но иногда, за от-

сутствіемъ естественной прочной основы, онъ прибѣгаетъ къ *гипотезѣ*, которая въ свою очередь служитъ для него вспомогательнымъ средствомъ, новымъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ и болѣе объемлющихъ изысканій, а не мѣстомъ успокоенія послѣ совершонныхъ трудовъ. Гипотеза принесла много пользы въ опытныхъ наукахъ; она такъ необходима для нихъ, что не даромъ сказалъ Гёте: «Лучше имѣть плохую гипотезу, чѣмъ не имѣть никакой»; никакое научное открытіе не родится уже готовымъ, но возникаетъ послѣ ряда догадокъ, предположеній, бываетъ результатомъ постепеннаго предварительнаго развитія теоріи.

Наиболѣе совершенное созданіе въ современной наукѣ—теорія Дарвина, съ строгою постепенностью восходящая отъ мелкихъ частностей къ общимъ выводамъ, можетъ служить лучшимъ въ наше время примѣромъ примѣненія индуктивнаго метода.

Не поставляя себѣ задачею въ подробности представить здѣсь исторію прогресса естественныхъ наукъ въ послѣднемъ, продолжающемся еще теперь, періодѣ развитія ихъ,—періодѣ положительнаго знанія, мы бѣгло указали на характеръ этого періода. Благодаря громаднымъ успѣхамъ естествознанія въ новѣйшее время міросозерцаніе человѣка расширилось, человѣкъ относится къ природѣ и самому себѣ объективно, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, благодаря тѣмъ же пріобрѣтеннымъ знаніямъ, развивается сознаніе своихъ силъ,—онъ начинаетъ критически относиться къ сферѣ своихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ къ пониманію своей ограниченности, къ тому, что для его знаній существуютъ *предѣлы*. Такимъ образомъ, сознаніе этихъ предѣловъ является конечною идеей послѣ долгихъ предшествовавшихъ изслѣдованій, доказательствомъ прогресса положительнаго знанія, сфера котораго опредѣлилась. И это сознаніе, будучи далеко отъ того, чтобы повергать человѣка въ безутѣшное состояніе, или въ апатію, напротивъ, еще болѣе побуждаетъ его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и тѣмъ составляетъ противоположность трансцендентальному направленію, которое ублажаетъ метафизика идеями о безпредѣльности человѣческаго духа, и погружаетъ его въ блаженное созерцательное состояніе, уподобляющее его индійскому факиру. Здѣсь, правда, нѣтъ предѣловъ, но за то здѣсь большой просторъ для мечтаній, неимѣющихъ ни малѣйшей физической точки опоры.

Предѣлы человѣческаго знанія заключаются прежде всего въ свойствахъ его природы, затѣмъ въ условіяхъ, его окружающихъ, и, наконецъ, опредѣляются свойствомъ предметовъ его изслѣдова-

нія. Природа человѣка подчинена извѣстнымъ естественнымъ законамъ и, стало-быть, уже въ силу этого условія ограничена въ извѣстной степени, такъ какъ она не можетъ проявлять своей дѣятельности внѣ этихъ законовъ. Если это относится къ цѣлому организму человѣка, то тоже самое можно сказать и объ отдѣльныхъ его частяхъ или органахъ. Въ условіяхъ же физическаго строенія человѣка и его тѣлесныхъ отправленій кроются причины ограниченности его умственной дѣятельности.

Приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя частности, которыя заимствованы нами у Молешотта [1]). Количество пищи и напитковъ, которое употребляетъ взрослый человѣкъ въ теченіи рабочаго дня, равняется $3^1/_2$ килограммамъ; для превращенія этого количества пищи и питья въ кровь, въ тѣлѣ человѣка выдѣляется ежедневно не больше 23 килограммовъ разныхъ пищеварительныхъ жидкостей (слюны, желудочнаго сока, желчи и проч.); слѣдовательно, значительно большее количество пищи не могло бы раствориться въ данномъ количествѣ соковъ, не обогащало бы кровь и оставалось бы въ кишечномъ каналѣ безъ всякой пользы для мышцъ и нервовъ,—т.-е. для главныхъ органовъ, при помощи которыхъ человѣкъ работаетъ. Далѣе, претвореніе пищи въ кровь и плоть можетъ совершаться только при помощи вдыхаемаго нами кислорода воздуха, а взрослый человѣкъ вдыхаетъ ежедневно меньше одного килограмма кислорода; слѣд. предѣлы въ питаніи человѣка существуютъ и съ этой стороны, а вмѣстѣ съ питаніемъ ограничиваются какъ источники его силы, такъ и дѣятельность его тѣла. Для правильной дѣятельности всѣхъ органовъ тѣла необходимо, чтобъ кровь и внутренности тѣла имѣли опредѣленную и почти постоянную теплоту, образованіе которой зависитъ отъ пищи и кислорода; образующаяся теплота въ тѣлѣ служитъ источникомъ движенія вообще и механической работы тѣла въ частности; судя по количеству образующейся теплоты, а равно по объему работы сердца и мышцъ, человѣкъ не можетъ продолжать напряженной работы долѣе 10 часовъ. Наша зрительная способность ограничена не только силою преломленія въ прозрачныхъ средахъ нашего глаза, строеніемъ сѣтчатой оболочки глаза, но также и ея чувствительностью; вслѣдствіе того, человѣкъ невооруженнымъ глазомъ можетъ видѣть въ небесномъ пространствѣ только звѣзды 6-й величины, т.-е. не далѣе какъ на 600,000 поперечниковъ орбиты, описываемой землею вокругъ солнца; звѣзды же 7-й величины могутъ быть различаемы только по-

---

[1]) См. „Die Grenzen des Menschen". Vortrag von Jac. Moleschott.

средствомъ телескопа. Другой предѣлъ нашей зрительной способности состоитъ въ томъ, что мы ощущаемъ глазомъ только извѣстное число колебаній свѣта, которыми обусловливается ощущеніе извѣстнаго цвѣта (при наименьшемъ числѣ колебаній мы ощущаемъ красный цвѣтъ, при наибольшемъ — фіолетовый), но лучей свѣта, лежащихъ за фіолетовымъ (ультра-фіолетовыхъ), глазъ не въ состояніи ощущать, потому что они не производятъ цвѣтового впечатлѣнія вслѣдствіе того, что этимъ лучамъ соотвѣтствуетъ столь большая скорость колебаній, за которой не въ состояніи слѣдить сѣтчатая оболочка глаза. Познаваніе внѣшнихъ предметовъ посредствомъ зрѣнія затрудняется еще внутреннимъ свѣтомъ, который рождается въ самой сѣтчатой оболочкѣ глаза. Сложный глазъ бабочки, говоритъ Карлъ Фогтъ, видитъ предметъ иначе, чѣмъ человѣческій глазъ; у паука есть разные зрительные органы для зрѣнія вдаль и вблизи, у многихъ животныхъ вовсе нѣтъ органа зрѣнія, слѣдовательно, они ничего не воспринимаютъ посредствомъ зрѣнія; нельзя поэтому отрицать, что въ природѣ могутъ быть предметы, которые мы могли бы познать, но для познанія которыхъ нѣтъ соотвѣтственнаго чувства въ нашей организаціи,—слѣдовательно нѣтъ пути для познанія ихъ. Поэтому наше знаніе—относительно, оно есть только результатъ отношенія нашей организаціи къ предметамъ; законы природы, которые мы поставляемъ, суть только законы внутренней необходимости нашего матеріальнаго существованія по отношенію къ природѣ; поэтому они не суть общіе законы природы.

О воспринятіи впечатлѣній слухомъ можно сказать то же, что было сказано и о зрительныхъ впечатлѣніяхъ: если тѣло дѣлаетъ меньше 16 колебаній въ секунду, то эти колебанія не ощущаются человѣкомъ какъ звукъ; съ другой же стороны, если тѣло дѣлаетъ болѣе 48,000 колебаній въ секунду, то происходящій вслѣдствіе того звукъ такъ высокъ, что вообще не производитъ впечатлѣнія на слуховой нервъ человѣка; конечно, здѣсь возможны исключенія. Чувствами обонянія и вкуса мы ощущаемъ во внѣшнемъ мірѣ болѣе качественныя условія, чѣмъ количественныя, слѣдовательно они мало могутъ поучать умъ; въ сравненіи съ зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, эти два послѣднія чувства очень ограниченны.

Перейдемъ теперь къ отправленіямъ нервной системы и умственной дѣятельности. Если принять, что разстояніе между периферіей пальца, осязающаго какое-либо тѣло, и нервнымъ центромъ равняется метру, то оказывается, что раздраженіе, производимое осязаемымъ тѣломъ на палецъ, проходитъ по чувствую-

щему нерву съ быстротою 100 метровъ въ секунду (Валентинъ), 60 метровъ (Гельмгольцъ); по другимъ изслѣдователямъ эта скорость еще меньше; слѣдовательно процессъ ощущенія не такъ быстръ, какъ можно было бы ожидать, зная быстроту свѣта и электрическаго тока; да кромѣ того, встрѣчаетъ предѣлы и наша способность къ опредѣленію продолжительности ощущенія; быстрота проводимости въ двигательныхъ нервахъ человѣка еще незначительнѣе и равняется, среднимъ числомъ, 33,9 метрамъ (Гельмгольцъ и Бакстъ).

Вундтъ испыталъ на самомъ себѣ, что для полученія имъ чувственнаго ощущенія, которое могло бы превратиться въ явственное представленіе, необходима была по крайней мѣрѣ 1/8 секунды. Всякій, дѣлавшій наблюденія надъ собою, можетъ убѣдиться, что умственные процессы совершаются далеко не съ быстротою молніи. Каждому извѣстно, сколько времени употребляютъ для своихъ открытій изслѣдователи, или какихъ умственныхъ напряженій стоили имъ эти окрытія. Сверхъ того, сколько встрѣчается неблагопріятныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ изслѣдованію, напр. глазомъ, требующихъ напряженнаго и продолжительнаго вниманія, за которымъ наступаетъ опять препятствіе,—утомленіе, требующее отдыха, слѣдовательно, перерыва занятій; все это, напр., очень хорошо извѣстно занимающимся микроскопическими изслѣдованіями.

Если человѣкъ выражаетъ словесно свои представленія другимъ, то, по словамъ Молешотта, для произношенія имъ каждаго слога необходима 1/10 секунды. Но самое простое понятіе можетъ быть выражено не меньше какъ тремя слогами, и человѣческій умъ, по своимъ свойствамъ, не въ состояніи слѣдить за рядомъ понятій, которыя воспринимаются органомъ слуха одно за другимъ, не будучи соединены никакою логическою связью. Если принять, что преподаватель въ теченіи часа выразитъ своимъ слушателямъ 300 понятій, то на каждую мысль придется 12 секундъ.

Однако, при ограниченности природы человѣка, примѣры которой мы только-что привели, ему свойственно стремленіе къ познаванію всего существующаго и причинъ его, и это стремленіе выражается въ непрерывныхъ изслѣдованіяхъ, число которыхъ постоянно возрастаетъ; съ ними же вмѣстѣ возрастаетъ и численность пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній, совершенствуются орудія, при помощи которыхъ они пріобрѣтаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши внѣшнія чувства; поэтому мы можемъ смѣло надѣяться, что по мѣрѣ совершенствованія и изощренія нашихъ внѣшнихъ

чувствъ и искусственныхъ орудій изслѣдованія, для насъ будутъ открываться новые предметы, и область нашего знанія будетъ более и болѣе расширяться, но въ концѣ концовъ изслѣдователи все-таки встрѣтятъ предѣлы, за которыми уже не можетъ быть мѣста положительному знанію.

Разсужденію объ объективныхъ предѣлахъ познанія природы, представляющихся при изученіи ея, посвящена недавно появившаяся брошюра проф. Дюбуа-Рэмона: «О предѣлахъ познанія природы». Авторъ прежде всего задаетъ вопросъ, что такое *познаніе природы?* Онъ отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: «Познаніе природы, или, говоря точнѣе, естественно-научное познаніе міра тѣлъ, при помощи и въ смыслѣ теоретической естественной науки, есть объясненіе измѣненій, происходящихъ въ мірѣ тѣлъ, движеніями атомовъ, которыя производятся центральными силами послѣднихъ, независимыми отъ времени, или объясненіе процессовъ природы механикой атомовъ. Гдѣ послѣднее удается, тамъ наша потребность въ причинности чувствуетъ себя пока удовлетворенною».

Если бы всѣ измѣненія въ мірѣ тѣлъ были сведены на движенія атомовъ, происходящія отъ дѣйствія ихъ постоянныхъ центральныхъ тѣлъ, то вселенная была бы разоблачена, познана въ естественно-научномъ отношеніи; тогда слова: «законъ и случай» были бы только другими названіями для механической необходимости; тогда была бы мыслима такая степень естествознанія, на которой весь процессъ міра могъ бы быть выраженъ въ одной математической формулѣ, по которой во всякое время были бы очевидны мѣсто, направленіе и скорость движенія каждаго атома вселенной. Лапласъ, въ своемъ сочиненіи: «Essai philosophique sur les probabilités» (2-me edition, 1814, стр. 3), сказалъ: «Мы должны смотрѣть на настоящее состояніе вселенной, какъ на эффектъ ея прежде бывшаго состоянія, и какъ на причину послѣдующаго. Тотъ умъ, который въ данный моментъ позналъ бы всѣ силы, оживляющія природу, и взаимныя отношенія существъ, ее составляющихъ; который бы, сверхъ того, былъ такъ обширенъ, что могъ бы подвергнуть эти данныя анализу, — тотъ умъ постигъ бы въ одной и той же формулѣ движенія самыхъ громадныхъ тѣлъ вселенной и движенія легчайшаго атома; ничто не осталось бы неизвѣстнымъ для такого ума: будущее и прошедшее были бы для него настоящимъ. Слабымъ подобіемъ такого ума представляется человѣческій умъ въ дѣлѣ усовершенствованія имъ астрономіи. Его открытія въ механикѣ и въ геометріи, вмѣстѣ съ открытіемъ всеобщаго тяготѣнія, дали ему возможность понять,

въ тѣхъ же самыхъ аналитическихъ выраженіяхъ, прошлыя и будущія состоянія системы міра. Примѣняя тотъ же методъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ своихъ познаній, онъ подвелъ подъ общіе законы явленія, которыя составляли предметъ его наблюденій, и въ состояніи предвидѣть тѣ явленія, которыя должны обнаружиться при данныхъ условіяхъ. Всѣ усилія человѣческаго ума въ изысканіи истины стремятся непрестанно приблизиться къ тому высшему уму, понятіе о которомъ мы изложили выше, но отъ котораго человѣческій умъ будетъ безконечно далекъ. Это стремленіе свойственно человѣчеству и ставитъ его выше животныхъ, и его успѣхи въ этомъ отношеніи кладутъ печать на націи и вѣка и созидаютъ ихъ истинную славу». Даламберъ въ своемъ введеніи къ «Энциклопедіи» говоритъ: «Для того, кто могъ бы постичь вселенную *съ одной точки зрѣнія*, она была бы *единымъ* фактомъ и великою истиной». «Умъ человѣческій, повторяетъ Дюбуа-Рэмонъ, хотя будетъ всегда далекъ отъ такого совершеннаго познанія природы, отъ такого ума, однако отличается отъ послѣдняго только степенью; такимъ образомъ, умъ, изображенный Лапласомъ, представляетъ высшую мыслимую степень нашего собственнаго познанія природы; слѣдовательно, для того, чтобъ сколько-нибудь приблизиться только къ начаткамъ этого знанія, всѣ процессы природы должны были бы быть сведены на движенія вещественно-безразличнаго и безкачественнаго субстрата, который представляется намъ въ видѣ разнообразной матеріи, другими словами,—всѣ качества ея должны были бы быть объяснены распредѣленіемъ и движеніемъ ея самой. Это требованіе не противорѣчитъ ученію о чувствахъ, такъ какъ органы чувствъ и нервы приводятъ въ соотвѣтственныя имъ мозговыя области все одно и то же движеніе, причемъ не можетъ быть разницы между чувствующими и двигательными нервами; движеніе съ одного изъ нихъ, при искусственномъ сроіценіи ихъ между собою, можетъ переходить на другой (см. объ опытахъ Вюльпіана, доказывающихъ двойственную проводимость нерва, т.-е. отъ обоихъ его концовъ); при сроіценіи крестъ-на-крестъ зрительнаго и слуховаго нервовъ мы бы слышали глазомъ молнію, какъ громовые удары, и видѣли бы ухомъ громъ, какъ рядъ свѣтовыхъ впечатлѣній; поэтому чувственное впечатлѣніе, какъ таковое, возникаетъ только въ мозговыхъ областяхъ, въ чувствующемъ веществѣ мозга; въ нихъ только однородное вообще движеніе, происходящее во всѣхъ нервахъ, перелагается въ чувственное ощущеніе и, смотря по природѣ этихъ областей мозга, рождаются качества; поэтому извѣстныя слова: «и бысть свѣтъ», физіологически должны быть пони-

маемы иначе, такъ какъ свѣтъ сталъ лишь тогда только существующимъ, когда первая красная глазная точка инфузорія въ первый разъ могла отличить свѣтлое отъ темнаго. Безъ зрительнаго и безъ слухового чувствующаго вещества въ мозгу, этотъ блистающій яркими красками и полный звуковъ міръ, распростирался бы вокругъ насъ темною и беззвучною средой. Міръ теменъ и беззвученъ, т.-е. безкачественъ также и при механическомъ воззрѣніи на него, получаемомъ посредствомъ объективнаго созерцанія его,—воззрѣніи, которое вмѣсто звука и свѣта знаетъ только колебанія безкачественнаго первобытнаго вещества, ставшаго здѣсь вѣсомою матеріей, а тамъ—невѣсомою. Какъ ни основательны эти представленія вообще, но для примѣненія ихъ въ частностяхъ не сдѣлано еще ничего».

Выше опредѣленное авторомъ познаніе природы, пока удовлетворяющее нашей потребности въ причинности, собственно не удовлетворяетъ ей и не есть познаніе. Атомистическая теорія сводитъ, какъ было сказано выше, всѣ измѣненія въ мірѣ тѣлъ на постоянную сумму силъ и постоянное количество матеріи; такимъ образомъ, ничего не остается болѣе объяснять въ самыхъ измѣненіяхъ тѣлъ. Атомистическая теорія, въ извѣстныхъ границахъ, служитъ для нашихъ физико-математическихъ соображеній; она даже неизбѣжна; но если переступить за границы того, чего можно отъ нея требовать, то она становится метафизическимъ ученіемъ и ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ, напр. къ противорѣчію между физическимъ и философскимъ атомами. Происхожденіе этихъ противорѣчій легко понятно, такъ какъ мы въ состояніи представить себѣ только то, что дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства, или на наше внутреннее чувство. Такимъ образомъ, при помощи атомистической теоріи мы не дѣлаемъ ни одного шага впередъ къ уразумѣнію существующаго и, дробя матерію на мельчайшіе атомы, въ концѣ концовъ мы сталкиваемся съ непреодолимымъ препятствіемъ, предѣломъ въ познанію природы, — съ вопросомъ о *сущности матеріи и силы;* сущность той и другой всегда останется для насъ непостижимою; прежде, чѣмъ были бы возможны первыя предположенія о происхожденіи, повидимому, разнообразныхъ тѣлъ изъ безразличной въ сущности матеріи, должно было бы сперва отыскать философскій камень, который бы превратилъ неразложенныя еще въ настоящее время вещества одно въ другое и произвелъ бы ихъ изъ высшаго основного, если не первобытнаго, вещества.

Но если предположить, что матерія и сила даны и извѣстны, то міръ тѣлъ становится тогда понятнымъ въ идеѣ. Отъ перво-

бытнаго туманнаго шара нашей планеты мы переходимъ къ постепенному ея дальнѣйшему образованію и, наконецъ, къ происхожденію условій, при которыхъ стало возможнымъ возникновеніе *жизни*. Все равно, гдѣ и въ какой формѣ она появилась сначала, — на глубокомъ-ли днѣ морскомъ, въ видѣ первобытной слизи животнаго *батибія*, или же при содѣйствіи солнца, испускавшаго еще больше ультра-фіолетовыхъ лучей и при еще болѣе высокомъ частичномъ давленіи углекислоты въ атмосферѣ, — такъ какъ при соединеніи неорганическихъ веществъ въ живыя существа дѣло идетъ прежде всего о движеніи, затѣмъ о болѣе или менѣе прочномъ установленіи равновѣсія между частицами и о началѣ обмѣна вещества или при помощи силъ, присущихъ самимъ частицамъ, или вслѣдствіе сообщеннаго имъ движенія извнѣ. Различіе между живымъ и мертвымъ, между растеніемъ и животнымъ, если брать только тѣлесныя отправленія послѣдняго, и кристалломъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ кристаллѣ матерія находится въ постоянномъ, неизмѣнномъ равновѣсіи, тогда какъ по органическимъ веществамъ протекаетъ токъ матеріи; поэтому она находится въ нихъ въ болѣе или менѣе динамическомъ равновѣсіи, то съ положительнымъ балансомъ, то съ балансомъ, равнымъ нулю, отрицательнымъ. Поэтому, кристаллъ, безъ воздѣйствія на него внѣшнихъ массъ и силъ, вѣчно остается тѣмъ, что онъ есть; существованіе органическаго вещества, напротивъ, зависитъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, — стимуловъ, и ограничено извѣстнымъ временемъ; органическія существа измѣняютъ въ себѣ силы, находящіяся въ состояніи напряженія, въ живыя, дѣйствующія, и наоборотъ. Основного различія между силами въ кристаллѣ и органическомъ существѣ нѣтъ, но они несоизмѣримы между собой, подобно тому, какъ несоизмѣримо какое-либо архитектурное произведеніе, въ которомъ всѣ части подобны цѣлому, съ фабрикой, въ которую, съ одной стороны, поступаютъ уголь, вода, разные сырые матеріалы, и изъ которой, съ другой стороны, выходятъ углекислота, водяной паръ, дымъ, зола и продукты машинъ.

Первое появленіе живыхъ существъ на землѣ есть ни что иное, какъ трудная механическая проблема; если бы мы могли воспроизвести тѣ условія, при которыхъ нѣкогда произошли органическія существа, что мы можемъ теперь сдѣлать для нѣкоторыхъ кристалловъ, то и въ настоящее время точно также происходили бы органическія существа, по принципу актуализма, какъ они рождались и въ первобытное время, и здѣсь мы не столкнулись бы съ безусловнымъ препятствіемъ, и не здѣсь другая граница къ познанію природы. Эта другая препона, непостижимая для насъ

загадка, подобно сущности матеріи и силы, есть сущность *сознанія* (Bewusstsein). Авторъ съ намѣреніемъ употребляетъ слово «сознаніе», такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о фактѣ психическаго процесса даже самаго низшаго рода.

Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность, такъ и первая степень сознанія — чувственное ощущеніе, говоритъ Дюбуа-Рэмонъ, необъяснимы матеріальными условіями и останутся таковыми навсегда, какіе бы прогрессы знанія ни сдѣлалъ человѣческій умъ. Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія или боли у самаго простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. При нашей неспособности вполнѣ постигнуть матерію и силу, наиболѣе совершенное знаніе ея, какого мы можемъ достигнуть, есть *астрономическое знаніе*. Астрономическимъ знаніемъ вещественной системы авторъ называетъ такое знаніе всѣхъ ея частей, ихъ взаимнаго положенія и ихъ движенія, что какъ то, такъ и другое можетъ быть вычислено въ каждое прошедшее и будущее время, съ такою же точностью, съ какою можетъ быть вычислено движеніе небесныхъ тѣлъ, при совершенствѣ наблюденій и теоріи. Авторъ полагаетъ, что мы въ состояніи были бы пріобрѣсти такія знанія о разнородныхъ матеріальныхъ процессахъ, какъ-то: о сокращеніи мышцъ, объ отдѣлительномъ процессѣ желѣзы, о свѣтѣ, издаваемомъ электрическимъ органомъ, о ростѣ и химизмѣ клѣточекъ, наконецъ, о происходящихъ матеріальныхъ процессахъ въ мозгу человѣка. При такомъ знаніи были бы совершенно ясны также и процессы, постоянно, слѣдовательно, необходимо совпадающіе по времени съ душевными процессами, и было бы высокимъ торжествомъ, если бы могли сказать, что при опредѣленномъ душевномъ процессѣ происходитъ въ опредѣленныхъ нервныхъ узлахъ и нервахъ опредѣленное движеніе опредѣленныхъ атомовъ; если бы, напр., мы знали, какое вращеніе атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода, фосфора и другихъ атомовъ соотвѣтствуетъ блаженству, происходящему при слушаніи музыки, при чувственномъ наслажденіи, при страшной боли отъ поврежденія тройничнаго нерва. Но что касается самыхъ психическихъ процессовъ, то, при астрономическомъ знаніи органа души, они были бы для насъ такъ же непонятны, какъ и теперь; астрономическое знаніе мозга, самое совершенное, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только *движеніе матеріи*, которое отнюдь не объяснило бы происхожденія сознанія изъ какого-либо распредѣленія или движенія матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ ато-

мовъ, и здѣсь—*другая* безусловная *граница* нашего познанія природы.

Несмотря на всѣ открытія въ области естествознанія, человѣчество, въ теченіе двухъ тысячъ вѣковъ, также мало подвинулось впередъ въ объясненіи душевной дѣятельности матеріальными условіями, какъ и въ пониманіи матеріи и силы, и никогда не познаетъ ихъ. Но, приэтомъ авторъ замѣчаетъ, что вопросъ объ объяснимости душевныхъ процессовъ матеріальными условіями должно отличать отъ вопроса о томъ, не суть-ли эти процессы продукты матеріальныхъ условій. По поводу извѣстнаго заключенія Карла Фогта, что мысли стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени, Дюбуа-Рэмонъ замѣчаетъ, что нельзя порицать это заключеніе, потому что Фогтъ представляетъ себѣ душевную дѣятельность продуктомъ матеріальныхъ условій мозга, но что въ этомъ заключеніи ошибочно то, что природа душевной дѣятельности будто бы понятна изъ строенія мозга такъ же, какъ процессъ отдѣленія (secretio) понятенъ изъ строенія желѣзы. Но въ области, лежащей между означенными выше границами познанія природы, естествоиспытатель можетъ распоряжаться и дѣйствовать полновластно, съ сознаніемъ своей силы, и съ полнымъ правомъ можетъ создавать путемъ индукціи свое собственное мнѣніе объ отношеніяхъ между духомъ и тѣломъ.

Мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что Дюбуа-Рэмонъ въ своихъ разсужденіяхъ остается постоянно на естественно-научной почвѣ, устраняя отъ себя даже поверхностное разсмотрѣніе вопроса о томъ, не суть-ли наши душевные процессы результатъ матеріальныхъ условій; онъ только разбираетъ вопросъ объ образѣ происхожденія духовной жизни при посредствѣ этихъ условій, и приходитъ къ тому заключенію, что мы никогда не будемъ въ состояніи объяснить психическіе процессы этими условіями, напр., разными движеніями, группировками частицъ нервнаго вещества, и что доступнымъ для насъ могло бы быть только *движеніе* послѣднихъ. Слѣдовательно, не только нельзя упрекнуть Дюбуа-Рэмона въ матеріализмѣ, но, напротивъ, въ его рѣчи очевидно критическое отношеніе къ этому ученію: для него важенъ вопросъ, могутъ-ли рождаться психическіе процессы изъ матеріальныхъ условій, слѣдовательно, вопросъ о способѣ ихъ возникновенія и о томъ, будемъ ли мы когда-нибудь въ состояніи понять внутреннія условія этихъ процессовъ.

Дюбуа-Рэмонъ говоритъ, что объясненія Декарта, Лейбница и др. связи души съ тѣломъ и ихъ взаимодѣйствія не имѣютъ уже значенія въ глазахъ современныхъ естествоиспытателей вслѣд-

ствіе *дуалистическаго* начала, на которомъ эти объясненія построены, и потому остается мѣсто для сомнѣнія—не есть ли сознаніе просто дѣйствіе матеріи, не суть ли душа и тѣло, т.-е. матерія и сила, въ сущности одно и то же? Не можетъ ли вещество, при опредѣленныхъ условіяхъ, чувствовать, желать и мыслить? Дюбуа оставляетъ, конечно, эти вопросы открытыми, да они собственно и не составляютъ предмета его рѣчи, а между тѣмъ, эти вопросы, поставляемые Дюбуа, служатъ все-таки невольнымъ, съ его стороны, выраженіемъ настоящаго направленія философіи природы и человѣка, такъ-наз., *монистической* философіи, составляющей противоположность дуалистической.

Начатки монистической философіи кроются еще въ глубокой древности (Демокритъ, 470 г. до Р. Х.); этого ученія придерживались затѣмъ нѣкоторые философы позднѣйшаго времени; какъ намёкъ на это ученіе, мы указываемъ и на приведенныя нами выше слова Даламбера, что вселенная, для тѣхъ, кто бы могъ понять ее съ *одной точки зрѣнія*, была бы *единымъ* фактомъ. Но какъ ни старо начáло монистическаго ученія, т.-е. ученія о единствѣ матеріи и силы, духа и тѣла, дуализмъ, составляющій противоположность ему, все-таки былъ его предшественникомъ. Начатки монизма совпадаютъ съ началомъ философіи какъ науки, тогда какъ дуалистическое воззрѣніе на природу человѣка такъ же древне, какъ древенъ родъ человѣческій, въ подтвержденіе чего мы приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательнаго сочиненія Тэйлора: «Первобытная Культура» [1]. Въ главѣ объ анимизмѣ (гл. XI, ч. II) авторъ, замѣняя этимъ слово «спиритизмъ» (общее ученіе о духовныхъ существахъ), говоритъ слѣдующее (Т. I, стр. 9, 11, 12): «Анимизмъ характеризуетъ племена, стоящія весьма низко на ступеняхъ человѣчества, и поднимается отсюда безъ перерывовъ, но глубоко видоизмѣненный, при переходѣ въ среду высокой современной культуры... Анимизмъ составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, основу философіи религіи, какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ. Теорія о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ, т.-е. о томъ, что душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, что она составляетъ причину жизни и мысли въ одушевленномъ ею существѣ, что въ ней сосредоточены сознаніе и воля послѣдняго, что она отдѣляется отъ тѣла и пр., настолько удовлетворительно объясняетъ факты, что она удержала свое мѣсто даже въ высшихъ слояхъ культуры. Хотя классическая средневѣковая философія во мно-

[1] См. русскій переводъ этого сочиненія, Т. I.

гомъ измѣнила ее, она настолько сохранила слѣды своего первоначальнаго характера, что въ существующей теперь психологіи цивилизованнаго міра видны еще слѣды наслѣдства отъ первобытныхъ временъ... Смерть (стр. 28) представляетъ фактъ, который на всѣхъ степеняхъ культуры наводитъ мысль съ особенною силой, хотя и не всегда здраво, на психологическіе вопросы. Появленіе безтѣлесной души во всѣ времена считалось фактомъ, стоящимъ въ спеціальной связи съ отдѣленіемъ души отъ тѣла при смерти. Это видно изъ допущенія не только теоріи привидѣній, но и особаго ученія о смертной тѣни».

Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, попеременно преобладали главнымъ образомъ два противоположныя другъ другу философскихъ ученія о природѣ человѣка: спиритуализмъ и матеріализмъ, имѣвшія большое вліяніе на науку о человѣкѣ вообще, но не принесшія существенной пользы по своей односторонности. Въ настоящее время эти оба ученія находятъ примиреніе въ монизмѣ,— ученіи, по которому матерія и сила составляютъ одно единое, нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Августъ Шлейхеръ говоритъ: «Направленіе мышленія въ новѣйшее время, очевидно, переходитъ въ монизмъ. Дуализмъ, понимать ли его какъ противоположность духа природѣ, содержанія—формѣ, сущности—явленію, или какъ бы ни захотѣли его опредѣлить, вполнѣ отжилъ для естественно-научныхъ воззрѣній нашего времени. Для монизма нѣтъ матеріи безъ духа (безъ опредѣляющей ее необходимости), равнымъ образомъ нѣтъ духа безъ матеріи, или скорѣе нѣтъ ни духа, ни матеріи въ обыкновенномъ смыслѣ, но только существуетъ одно единое, которое въ то же время и духъ, и матерія. Обвинять это воззрѣніе, основанное на наблюденіи, въ матеріализмѣ, было бы такъ же ошибочно, какъ и называть его спиритуализмомъ.» Проф. Геккель, въ своихъ публичныхъ лекціяхъ объ естественной исторіи творенія, заключая по извѣстнымъ фактамъ и явленіямъ природы, пришелъ къ убѣжденію въ единствѣ ея, именно въ совершенномъ единствѣ органической природы съ неорганическою. Для него вся природа оживлена, т.-е., проникнута божескимъ духомъ, закономъ, необходимостью. Въ силу своихъ убѣжденій онъ раздѣляетъ то воззрѣніе на міръ, которое называется *механическимъ* или *причиннымъ* и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такъ упрочилось въ нѣкоторыхъ областяхъ естествознанія, что не можетъ быть и рѣчи о противоположномъ ему воззрѣніи: естествоиспытатель, анализируя явленія природы, открываетъ въ нихъ необходимыя и неизмѣнныя дѣйствія физическихъ и химическихъ силъ, присущихъ веществу;

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

По поводу мнѣнія пр. Любимова о пересмотрѣ Университетскаго Устава, въ „Рус. Вѣстн.“ 1873, февраль.

Вслѣдствіе министерскаго циркуляра, разосланнаго прошлою осенью, во всѣхъ русскихъ университетахъ пересматривался въ теченіи нынѣшней зимы университетскій уставъ 1863 года, и въ министерство былъ отправленъ обширный матеріалъ общихъ совѣтскихъ и факультетскихъ заключеній, а также особыхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ университетской корпораціи. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній проникали отъ времени до времени въ печать; но вообще журналистика отнеслась довольно равнодушно къ обсужденію нынѣ дѣйствующаго устава и возможныхъ реформъ университетской жизни. Такое равнодушіе не удивительно и не можетъ служить укоромъ для печати. Въ нормальномъ состояніи печать есть отраженіе общественнаго мнѣнія, а послѣднее волнуется и высказывается только въ томъ случаѣ, если существующіе порядки очень плохи и требуютъ законодательныхъ реформъ или, напротивъ, если есть основаніе думать, что предполагающіяся законодательныя мѣры могутъ вредно отразиться на судьбѣ существующихъ учрежденій. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ ни того, ни другого повода. Какъ бы ни казались неудовлетворительны нѣкоторыя стороны университетской жизни передъ глазами строгой критики, основанной на идеальныхъ требованіяхъ, общественное мнѣніе не могло винить за это университетскій уставъ, а видѣло главную причину въ скудости ученыхъ силъ и средствъ страны, въ которой только 100 лѣтъ тому назадъ былъ основанъ первый университетъ. Съ другой стороны, общественное мнѣніе не могло думать, чтобы при пересмотрѣ устава 1863 года имѣлось въ виду отступить

отъ его существенныхъ принциповъ и нанести ущербъ университетской жизни и наукѣ. Но вотъ, недавно въ одномъ изъ журналовъ появилось пространное мнѣніе по поводу пересмотра университетскаго устава, составленное съ большими претензіями и въ очень полемическомъ тонѣ, и подписанное однимъ изъ профессоровъ московскаго университета—г. Любимовымъ. Чтó могло заставить автора выступить съ своимъ мнѣніемъ въ печати? Какъ всѣ мнѣнія отдѣльныхъ членовъ университетской корпораціи, такъ и мнѣніе г. Любимова предназначалось конечно для министерства, т.-е. должно было служить министерству матеріаломъ при пересмотрѣ устава. Но эта цѣль была уже достигнута тѣмъ, что г. Любимовъ подалъ свое мнѣніе въ совѣтъ московскаго университета, который долженъ былъ препроводить его вмѣстѣ съ мнѣніями другихъ членовъ и своимъ заключеніемъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, министерство имѣло полную возможность ознакомиться не только съ мнѣніемъ проф. Любимова, но и съ впечатлѣніемъ, которое оно произвело на совѣтъ московскаго университета [1]). Поэтому нужно думать, что г. Любимовъ, печатая свою записку, имѣлъ въ виду подѣйствовать на общественное мнѣніе и вызвать въ журналистикѣ разборъ и справедливую оцѣнку своихъ предложеній. Мы охотно предоставили бы другимъ эту оцѣнку, такъ какъ убѣждены, что дѣло не много выиграетъ отъ журнальной полемики—если бы г. Любимовъ не носилъ званія профессора московскаго университета. Не такія мнѣнія приписывало общество профессорамъ этого университета, и не такія рѣчи привыкло оно слышать отъ нихъ. Правда, никакая корпорація не можетъ принимать на себя отвѣтственность за мнѣнія отдѣльныхъ своихъ членовъ, но хотя въ теоріи всѣ съ этимъ согласны, въ дѣйствительности однако не всегда анализируются впечатлѣнія, и разглагольствованія самоувѣреннаго ритора нерѣдко принимаются за голосъ цѣлаго общества.

Мнѣніе, напечатанное г. Любимовымъ, недостойно обсуждаемаго въ немъ предмета не только по мыслямъ въ немъ высказаннымъ, но и по внѣшней формѣ. Какъ иначе назвать пошловато-игривый, глумящійся, вызывающій тонъ статьи, полемическіе пріемы автора, который поражаетъ ненавистный ему уставъ 1863 года не доводами, а подозрѣніями и намёками, наконецъ его напускной паѳосъ, заимствованный изъ газетъ, привыкшихъ спасать своихъ читателей отъ мнимыхъ золъ и вредныхъ вліяній. Если бы г. Любимовъ не зай-

[1]) После отдѣльныхъ возраженій, представленныхъ нѣсколькими профессорами, совѣтъ московскаго университета высказался *единогласно* противъ мнѣнія г. Любимова.

вилъ объ этомъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ, никто бы не повѣрилъ, что такое литературное произведеніе было представлено совѣту одного изъ русскихъ университетовъ, и предназначалось для отправленія въ министерство народнаго просвѣщенія, и если бы г. Любимовъ не подписался подъ своимъ мнѣніемъ, никто бы не призналъ въ авторѣ представителя серьёзной науки. Безъ сомнѣнія, та муза, которая на этотъ разъ вдохновляла г. Любимова, родилась не на классической почвѣ и жила не на безмятежномъ изящномъ Олимпѣ, это муза позднѣйшихъ временъ, муза фельетонная, однимъ и тѣмъ же перомъ потѣшающая читателей описаніемъ масляничнаго гулянья и пугающая ихъ съ поддѣльнымъ негодованіемъ знаменитымъ крикомъ: „Катилина у воротъ Рима"!

Но забавно то, что г. Любимовъ, несмотря на свои фельетонные пріемы, становится на высокій пьедесталъ наблюдательнаго изслѣдователя и безпристрастнаго дѣльца. Онъ даетъ урокъ министерству за то, что оно не приступило къ *„предварительному изслѣдованію*, enquête, по-французски, а стало непосредственно вызывать мнѣнія„. Онъ презрительно глумится надъ многочисленными мнѣніями, поданными въ различныхъ русскихъ университетахъ, говоря, что упомянутымъ способомъ „получаются произвольныя теоретическія построенія, порожденныя болѣе или менѣе случайными отношеніями мысли къ предмету, обыкновенно подъ вліяніемъ симпатій и антипатій отчасти собственныхъ, отчасти чужихъ, къ какимъ желается принаровиться". Въ пылу обличенія онъ забываетъ, что его собственное мнѣніе, также *непосредственно вызванное*, подпадаетъ подъ ту же категорію теоретическихъ построеній и даже увлекается съ изумительнымъ безпристрастіемъ и непостижимой откровенностью до слѣдующей тирады — „такимъ способомъ получается обиліе трудовъ фантазіи, но не устраняются неудобства какъ мнѣній въ халатѣ, такъ мнѣній въ ливреѣ разной окраски»! Что это, наивность, или горькая иронія надъ своей судьбой? Какъ можно было ожидать чего-нибудь подобнаго въ нашъ индуктивный вѣкъ, особенно со стороны профессора опытной науки?

Г. Любимовъ начинаетъ свой фельетонный разборъ существующаго университетскаго устава съ высокоторжественнаго увѣренія, что онъ приступаетъ къ дѣлу въ качествѣ *наблюдателя безъ предвзятой системы*. Искренность этого увѣренія г. Любимовъ доказываетъ тѣмъ, что съ первыхъ же страницъ своей записки обнаруживаетъ странное и неестественное ожесточеніе противъ устава 1863 года. Ожесточеніе это вызвано гражданскимъ негодованіемъ противъ того времени, когда возникъ уставъ 1863 года. Въ пылу благороднаго негодованія г. Любимовъ увлекается до исторической *кривды*, облеченной въ

форму шаловливой остроты. Эпоха шестидесятыхъ годовъ характеризуется г. Любимовымъ въ самыхъ черныхъ краскахъ: „это было время, говоритъ онъ, канцелярскаго либерализма, разсуждавшаго такъ: не должны ли и мы, дабы не отстать отъ образованныхъ странъ, завести административнымъ путемъ на казенныя деньги маленькія партіи, небольшую оппозицію, помощью казенныхъ субсидій создать и поддержать оппозиціонные органы печати, завести свой рабочій вопросъ, даже, буде можно, маленькую революцію, конечно все для виду, безъ энергіи".

Мы конечно не станемъ обсуждать эпоху 60-ыхъ годовъ, столь близкую къ намъ, что каждый изъ читателей имѣетъ объ ней свои опредѣленныя понятія; мы не станемъ также называть тѣ литературные источники, изъ которыхъ г. Любимовъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ эпохѣ 60-хъ годовъ, такъ какъ этотъ родъ литературы слишкомъ памятенъ нашимъ современникамъ. Для насъ интересна та индукція, которая служила г. Любимову нитью, руководившею имъ въ его лабиринтѣ гражданскихъ опасеній: время 60-хъ годовъ было эпохой вредныхъ вліяній и идей, которыя должны быть истреблены. Уставъ возникъ въ эту эпоху. Слѣдовательно, уставъ вреденъ и долженъ быть отмѣненъ!

Каковъ бы ни былъ характеръ эпохи 60-хъ годовъ, университетскому уставу нечего стыдиться времени своего происхожденія. Онъ находится въ этомъ отношеніи въ слишкомъ хорошемъ обществѣ, которое можетъ его вполнѣ обезпечить отъ навѣтовъ г. Любимова и подобныхъ ему индуктивныхъ историковъ. Университетскій уставъ двумя годами моложе знаменитаго положенія о крестьянахъ и на два года старше устава, создавшаго гласное судопроизводство. Хотя главная вина университетскаго устава 1863 г. въ глазахъ г. Любимова заключается въ томъ, что онъ зародился въ злополучную эпоху, непользующуюся его сочувствіемъ; но за этимъ лирическимъ аргументомъ слѣдуютъ однако у него четыре другихъ обвиненія, повидимому, болѣе индуктивнаго свойства:

1) Уставъ 1863 г. далъ поводъ говорить, что университетамъ предоставлено самоуправленіе.

2) Уставъ узаконилъ систему невмѣшательства со стороны властей.

3) Уставъ расшаталъ всѣ отношенія.

4) Уставъ расширилъ дѣятельность совѣтовъ во вредъ ихъ спеціальному назначенію заниматься техническо-учебной частью.

Итакъ, г. Любимовъ упрекаетъ Уставъ въ томъ, что онъ далъ поводъ къ слухамъ, будто бы университетамъ дано самоуправленіе. Но никакіе уставы въ мірѣ, конечно, нельзя упрекать за тѣ слухи,

въ которымъ они могли подать поводъ. Г. Любимовъ доказываетъ, что наши университеты учреждены правительствомъ, черпаютъ главныя свои средства изъ государственнаго казначейства, въ своихъ рѣшеніяхъ, по сколько-нибудь важнымъ дѣламъ, связаны необходимостью начальственнаго разрѣшенія; не имѣютъ возможности распорядиться специальными средствами по-хозяйски, на нѣсколько лѣтъ; что профессора въ то же время чиновники, даже въ болѣе прямомъ смыслѣ, чѣмъ члены судебнаго вѣдомства (?) и т. д., и изъ этого глубокомысленно выводитъ, что университетамъ „не предоставлено самоуправленія, въ точномъ смыслѣ этого слова".

Оспаривая у русскихъ университетовъ самоуправленіе въ точномъ смыслѣ, г. Любимовъ борется съ вѣтряными мельницами. Перечисленіе доказательствъ, выставленныхъ имъ въ пользу мнѣнія, что университеты лишены самоуправленія, легко можно было бы пополнить. Г. Любимовъ могъ бы прибавить къ нимъ и то, что университеты лишены права высказывать въ печати свое коллективное мнѣніе по вопросамъ, близко насающимся ихъ, и даже лишены права возражать противъ пасквилей и оскорбительныхъ намёковъ—безъ начальственнаго разрѣшенія. Университетамъ, до сихъ поръ, была предоставлена полная свобода только въ одномъ случаѣ; въ одномъ только своемъ дѣйствіи университеты являлись въ качествѣ высшей инстанціи—въ присужденіи ученыхъ степеней. Всѣ остальныя дѣйствія университетовъ подлежатъ административному утвержденію. Поэтому, мы конечно не станемъ спорить съ г. Любимовымъ о томъ, дано-ли университетамъ самоуправленіе въ точномъ смыслѣ. Мы только не согласны съ его аргументаціей, будто бы университетамъ потому не могло быть дано самоуправленіе, что они учреждены правительствомъ и пользуются содержаніемъ отъ казны. Вѣдь французская академія, напр., также учреждена правительствомъ и также получаетъ содержаніе отъ казны, но это не мѣшаетъ ей быть гораздо болѣе независимой отъ центральной власти, чѣмъ русскіе университеты.

Церковь нигдѣ не была обязана своимъ происхожденіемъ государству и въ очень многихъ странахъ, относительно своихъ средствъ, была почти независима отъ него, а между тѣмъ, со времени среднихъ вѣковъ, государство вездѣ стремилось подчинить духовенство своему контролю. Тѣмъ менѣе могло государство освободить изъ-подъ всякаго контроля оффиціальныхъ представителей науки, призванныхъ воспитывать молодое поколѣніе. Подобное положеніе совершенно невозможно тамъ, гдѣ съ университетскимъ образованіемъ связаны гражданскія и политическія права. Что значило бы, по мнѣнію г. Любимова, предоставить университетамъ самоуправленіе

въ *точномъ смыслѣ* этого слова? Если онъ разумѣетъ подъ этимъ полное выдѣленіе университетовъ изъ государственной связи, созданіе нѣсколькихъ ни отъ кого независимыхъ корпорацій браминовъ, которые бы ставили свой авторитетъ выше авторитета государства, учрежденіе ордена *иллюминатовъ*, которые бы въ своихъ замкнутыхъ собраніяхъ опредѣляли, что считать истиной, кому заниматься распространеніемъ истины и кого возводить на высшія степени мудрости—г. Любимовъ не найдетъ ни одного приверженца среди русскихъ университетовъ, который бы пожелалъ раздѣлить съ нимъ его точныя понятія о самоуправленіи. На глазахъ же г. Любимова одинъ высшій учебный институтъ, учрежденный частными лицами и по своимъ средствамъ совершенно независимый отъ казны, сталъ, тотчасъ послѣ своего основанія, стремиться къ сліянію съ казеннымъ вѣдомствомъ. Онъ, такъ сказать, постепенно вросталъ въ министерство народнаго просвѣщенія и руководившія имъ лица не успокоились до тѣхъ поръ, пока англійскій образецъ не былъ перекроенъ на національный ладъ, пока директоры и преподаватели института не превратились въ классныхъ чиновниковъ и не были признаны органами министерства народнаго просвѣщенія. Все это однако не мѣшало имъ разумно понимать слово „самоуправленіе" и даже выговорить для института больше правъ, чѣмъ уставъ 1863 г. предоставилъ русскимъ университетамъ [1]).

Итакъ, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы замкнуть университеты, оторвать ихъ отъ государственной почвы, изолировать ихъ, сдѣлать изъ нихъ привилегированную корпорацію. Вопросъ не въ самоуправленіи, а въ томъ, гдѣ провести черту между централизаціей и децентрализаціей. Вопросъ въ томъ, что предоставить чиновникамъ департамента, а что профессорамъ. Университеты нельзя противопоставлять министерству, ибо профессора, утвержденные правительствомъ, представляютъ собой также органы министерства народнаго просвѣщенія, какъ и чиновники этого вѣдомства, неимѣющіе ученыхъ степеней или оставившіе занятія, которыя доставили имъ эти ученыя степени. Итакъ, повторяю, опредѣлять отношенія университетовъ къ министерству народнаго просвѣщенія не значитъ проводить

---

[1]) Въ лицеѣ, основанномъ гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, директоръ, его помощники и преподаватели университетскаго курса, сравненные въ правахъ службы съ экст. профессорами университета, избираются правленіемъ, состоящимъ пока изъ основателей. Но ни въ уставѣ, ни въ дополнительныхъ статьяхъ къ уставу лицея нѣтъ статьи, которая давала бы министерству право замѣстить, по истеченіи извѣстнаго срока, одну изъ этихъ должностей своимъ кандидатомъ или назначить сверхштатнаго преподавателя университетскихъ курсовъ, какъ это положено университетскимъ уставомъ.

границы между враждебными государствами. Весь вопросъ въ цѣлесообразномъ раздѣленіи труда; весь вопросъ въ томъ, что̀ предоставить коллективному обсужденію или, пожалуй, и рѣшенію профессоровъ, т.-е. ученыхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, и что̀ предоставить другимъ, т.-е. административнымъ его органамъ.

Однимъ словомъ, г. Любимовъ завелъ рѣчь о самоуправленіи совершенно не кстати, по крайней мѣрѣ, *съ предвзятой мыслью;* его воображенію, настроенному со времени его сотрудничества въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ на классическій ладъ, навѣрно представлялась при этомъ картина изъ Иліады; ему представлялась благородная роль хитроумной Эриды, съумѣвшей во̀-время подкатить свое яблоко на Олимпъ.

Впрочемъ, мы считаемъ не лишнимъ напомнить г. Любимову, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ журналъ, въ редакціи котораго онъ принимаетъ дѣятельное участіе, смотрѣлъ совершенно иначе, можно сказать, діаметрально противоположнымъ образомъ, на университетское управленіе. Тогда „Русскій Вѣстникъ“ не подвергалъ сомнѣнію вопросъ—дано-ли университетамъ *самоуправленіе въ точномъ смыслѣ* этого слова. Нѣтъ, онъ необинуясь (см. „Р. В.“ 1868 г., іюнь. 616 стр.) утверждалъ, что „недавняя реформа (т.-е. уставъ 1863 г.) возвратила нашимъ университетамъ самоуправленіе“. „Русскій Вѣстникъ“ приходилъ даже въ восторгъ отъ этого. „Какъ бы то ни было, восклицаетъ онъ, самоуправленіе есть благо. Это капиталъ, который въ первые годы можетъ не дать процентовъ, но современемъ, подобно поземельной рентѣ, можетъ удвоиться и утроиться самъ собою“. Въ московскомъ университетѣ, помнимъ мы, введеніе новоустановленной системы было истиннымъ праздникомъ.

Теперь, по мнѣнію „Русскаго Вѣстника“, университетамъ не дано самоуправленія. Но если это такъ, то второй упрекъ г. Любимова, будто бы новый уставъ узаконилъ *систему невмѣшательства* или, вѣрнѣе, *обязательнаго невниманія властей*, противорѣчитъ первому обвиненію и лишенъ всякаго смысла. Дѣйствительно, только человѣкъ, совершенно невникнувшій въ духъ устава и незнакомый съ исторіею русскихъ университетовъ за послѣдніе годы, можетъ говорить о невниманіи властей къ университетамъ. Всѣмъ извѣстно, что уставъ предоставляетъ министру возможность своимъ одобреніемъ или неодобреніемъ направлять дѣятельность совѣтовъ, утверждать и отвергать всѣхъ оффиціальныхъ представителей университетской корпораціи, ректора и декановъ; что отъ министерства не только зависитъ утвержденіе всѣхъ новыхъ профессоровъ и всѣхъ оставляемыхъ при должности, но что ему даже предоставлено право вводить въ совѣтъ университета совершенно постороннія лица, во-

преки желанію университета. Затѣмъ, министру не только предоставлены обширныя права относительно университетовъ, но на немъ лежитъ обязанность заботиться объ ихъ процвѣтаніи. Увѣреніе г. Любимова, будто бы министръ можетъ сказать, что, желая остаться вѣрнымъ духу устава, онъ не счелъ себя въ правѣ направлять или останавливать естественный ростъ живой организаціи—не болѣе какъ софизмъ, ни для кого не убѣдительный, и дѣйствительно, почти нѣтъ русскаго университета, который не могъ бы указать въ послѣдніе годы своей исторіи на прямое или косвенное вмѣшательство со стороны министерства. Не желая перечислять отдѣльные случаи, мы удовольствуемся указаніемъ на отмѣну той существенной статьи устава 1863 г., по которой оставленіе профессоровъ при должности обусловливалось избраніемъ двухъ третей. Если же это вмѣшательство со стороны министерства происходило не чаще, если избранныя совѣтомъ лица и оставленныя имъ при должности всегда утверждались, то это объясняется тѣмъ, что министерство одобряло выборы или не имѣло въ виду съ своей стороны лучшихъ людей вмѣсто избранныхъ.

Увѣреніе же г. Любимова, что если какой-нибудь университетъ придетъ въ упадокъ, то по существующему уставу нельзя отыскать лица, на которое можно было бы возложить нравственную отвѣтственность за это событіе, ибо и министръ, и попечитель, и ректоръ, и каждый изъ членовъ совѣта могутъ умыть себѣ руки и сослаться на коллективное управленіе большинства совѣта — все это только недоразумѣніе, происшедшее оттого, что г. Любимовъ, очевидно, не понимаетъ, чтó значитъ нравственная отвѣтственность, и смѣшиваетъ ее съ отвѣтственностью передъ начальствомъ или передъ судомъ. Мы можемъ увѣрить г. Любимова, что слова „умываю себѣ руки“ никогда ни съ кого не снимали нравственной отвѣтственности. И никакой профессоръ не можетъ оправдать себя указаніемъ на коллегіальность факультетскихъ и совѣтскихъ рѣшеній, если онъ будетъ, напримѣръ, поддерживать недостойнаго кандидата, или изъ личныхъ разсчетовъ заграждать достойнымъ молодымъ людямъ доступъ къ экзаменамъ и степенямъ, или даже если онъ будетъ проводить мнѣнія, недостойныя представителя науки, и подкапывать, такимъ образомъ, уваженіе къ наукѣ, безъ котораго дѣятельность университетовъ не можетъ быть плодотворна.

Итакъ, г. Любимовъ, не вѣря въ чувство „нравственной отвѣтственности“, видитъ одно спасеніе для университетовъ въ „вмѣшательствѣ властей“. Совершенно не такъ разсуждалъ „Русскій Вѣстникъ“ въ той статьѣ, которую мы уже приводили въ назиданіе профессора Любимова. „Русскій Вѣстникъ“ въ 1868 году горячо всту-

пился по поводу одного министерскаго назначенія за принципъ „невмѣшательства и невниманія властей“,—онъ горько жаловался публикѣ на то, что власти воспользовались своимъ законнымъ правомъ. Министерское вмѣшательство произвело тогда на „Русскій Вѣстникъ“, какъ онъ выражался, „впечатлѣніе весьма прискорбнаго свойства“. Редакція этого журнала, къ которой принадлежалъ и г. Любимовъ, удивлялась „столь сильному дѣйствію власти“, называла это „цензурой, тяжкой исправительной мѣрой“, которая можетъ дурно отразиться на нравственности профессоровъ. „Можно ли ожидать,—замѣчалъ почтенный журналъ, уроки котораго профессоръ Любимовъ слишкомъ скоро забылъ,—можно ли ожидать, чтобы въ университетской корпораціи стояло высоко чувство достоинства, когда ея авторитету будутъ наносимы, прямо или косвенно, столь сильные удары?“ „Русскій Вѣстникъ“ не только порицалъ вмѣшательство властей, но онъ указывалъ на то, что оно можетъ быть основано на ошибочныхъ данныхъ и имѣть въ виду не пользу университета, а посторонніе интересы. „Всякое вмѣшательство, сказано на стр. 634, влечетъ за собою рано или поздно дурныя послѣдствія, если происходитъ изъ постороннихъ дѣлу соображеній и на основаніи невѣрныхъ или недостаточныхъ свѣдѣній“. Мы предоставляемъ будущимъ индуктивнымъ историкамъ разрѣшить вопросъ, почему „Русскій Вѣстникъ“ въ 1868 году такъ горячо отстаивалъ неприкосновенность университетскаго *самоуправленія*, а въ 1873 году такъ безпощаденъ къ нему; почему въ 1868 году онъ относился такъ враждебно и подозрительно къ вмѣшательству властей въ жизнь университетской корпораціи, а теперь только въ этомъ вмѣшательствѣ видитъ спасеніе для университета?

Третій упрекъ г. Любимова заключается въ томъ, будто бы уставъ 1863 года имѣлъ своимъ слѣдствіемъ расшатываніе отношеній. Это обвиненіе совершенно голословно и принадлежитъ къ числу тѣхъ риторическихъ фигуръ, которыя допускаются только въ іезуитскихъ учебникахъ. Неблагозвучное слово „расшатываніе“ опирается на слѣдующихъ двухъ доказательствахъ: 1) Уставъ 1863 года предоставилъ факультетамъ и совѣтамъ право на извѣстныхъ основаніяхъ приглашать въ факультетское собраніе доцентовъ и другихъ преподавателей, не носящихъ званія профессоровъ. Уставъ хотѣлъ избѣгнуть излишней регламентаціи и предоставить самимъ университетамъ рѣшеніе столь несущественнаго въ ихъ жизни вопроса, какъ участіе доцентовъ въ факультетскомъ собраніи. Если бы изъ этой неопредѣленности устава вытекали какія-нибудь неудобства для университетовъ, то ничего не мѣшало имъ испросить у министерства болѣе точныхъ указаній. За этимъ совершенно ничтожнымъ аргументомъ

идетъ у г. Любимова другой, по его мнѣнію, болѣе страшный. Въ уставѣ 1835 года было сказано: „каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра, ввѣряется особенному начальству попечителя“. Въ уставѣ 1863 года сказано: „каждый университетъ, подъ главнымъ начальствомъ министра, ввѣряется попечителю». Изъ сличенія этихъ двухъ фразъ г. Любимовъ выводитъ заключеніе, что уставъ 1863 года расшатываетъ отношенія. Г. Любимовъ называетъ это *наблюдательнымъ методомъ,* мы видимъ въ этомъ *обиліе трудовъ фантазіи.*

Четвертое обвиненіе заключается въ томъ, что уставъ расширилъ кругъ дѣятельности совѣта, поручивши его вѣдѣнію также и хозяйственную и полицейскую часть. Г. Любимовъ жалуется, что вслѣдствіе этого дѣла́ технически-учебнаго свойства заняли второстепенное мѣсто, и что кипучая дѣятельность обнаружилась только въ дѣлахъ о столкновеніяхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ. Все это г. Любимовъ выводитъ изъ университетскихъ протоколовъ.

Вѣрность наблюдательнаго метода г. Любимова была не разъ подвержена сомнѣнію, даже на болѣе научной почвѣ; и въ данномъ случаѣ протоколы вовсе не доказываютъ, чтобы учебная часть въ университетѣ пострадала отъ хозяйственныхъ занятій совѣта, и чтобъ столкновенія въ совѣтѣ происходили по вопросамъ хозяйственнымъ. Мы бы не знали, почему наблюдательный методъ г. Любимова привелъ его именно къ такому выводу, еслибъ онъ самъ въ этомъ случаѣ не поспѣшилъ открыть намъ глаза. Онъ говоритъ: „необходимо, чтобъ преподаванію была доставлена благопріятная обстановка, удобныя аудиторіи, удобныя помѣщенія для лабораторіи и кабинетовъ, а также для лицъ, завѣдующихъ ими и руководящихъ занятіями студентовъ. Всего этого легче достигнуть, если хозяйственная часть университетовъ будетъ предоставлена особенному строительному комитету при округѣ“. Г. Любимовъ, столь долго жившій на казенной квартирѣ, безъ сомнѣнія, вполнѣ компетентный судья въ вопросѣ, насколько удобная казенная квартира можетъ благодѣтельно повліять на преподаваніе. Кто не жилъ на казенной квартирѣ, тотъ не испыталъ этого вліянія и потому не пойметъ нѣжной заботливости г. Любимова объ удобномъ помѣщеніи во время пересмотра университетскаго устава. Очень можетъ быть, что, по мнѣнію г. Любимова, строительный комитетъ при округѣ будетъ внимательнѣе къ интересамъ казенныхъ квартирантовъ, чѣмъ совѣтъ университета; но мы сомнѣваемся, чтобы эта внимательность была въ интересахъ университета или казны. Г. Любимовъ говоритъ, что возможное сокращеніе всякаго рода формальнаго бумагописанія въ высшей степени жела-

тельно. Мы вполнѣ раздѣляемъ это желаніе, но полагаемъ, что сношенія лицъ, руководящихъ кабинетами и правленія съ новымъ строительнымъ комитетомъ только удвоятъ формальное бумагописаніе.

Что же касается до полицейской части, то г. Любимовъ жалуется, что учрежденіе университетскаго суда есть мертвая буква. Если это такъ, то можно сказать: слава Богу! Вовсе не желательно, чтобы университетскій судъ, разбирающій проступки студентовъ въ стѣнахъ университета и столкновенія ихъ съ профессорами, находился въ постоянной и непрерывной дѣятельности. Университетскій судъ существуетъ для исключительныхъ случаевъ, и слабая дѣятельность его свидѣтельствуетъ только въ пользу устава 1863 года.

Въ московскомъ университетѣ, впрочемъ, еще прежде было высказано желаніе, чтобы нѣкоторыя мелочныя дѣла, неимѣющія значенія для университета, были предоставлены вѣдѣнію правленія или немногочисленнаго собранія, составленнаго изъ членовъ совѣта. Совѣтъ не ходатайствовалъ объ этомъ предъ министромъ, чтобы не ломать устава, недавно введеннаго. Въ случаѣ же пересмотра устава было бы, конечно, желательно упростить дѣятельность совѣта. Этого можно было бы легко достигнуть, расширивъ административныя права ректора и правленія, предоставивъ, напримѣръ, имъ назначеніе лицъ, неизвѣстныхъ членамъ совѣта — чиновниковъ канцеляріи, библіотекаря и его помощниковъ, помощниковъ проректора, клиническихъ акушерокъ и т. п. Правленіе въ такомъ случаѣ можно было бы увеличить четырьмя членами, по одному съ каждаго факультета, которые бы поступали туда поочереди и мѣнялись ежегодно. Для того, чтобы эти депутаты факультетовъ принимали дѣйствительное участіе въ дѣлахъ правленія, необходимо было бы предоставить лицамъ, считающимъ себя неспособными къ дѣятельности правленія, право отказываться отъ очереди. Дѣла правленія должны были бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, а для установленія контроля со стороны совѣта было бы достаточно предоставить меньшинству правленія право перенести дѣло въ совѣтъ.

Самый существенный вопросъ въ жизни университетовъ есть, безъ сомнѣнія, вопросъ о замѣщеніи каѳедръ. Касаясь этого вопроса, г. Любимовъ искажаетъ духъ устава 1863 года. Онъ говоритъ: «уставъ 1863 года указываетъ *одинъ* путь въ назначеніи профессоровъ и доцентовъ — избраніе совѣтомъ, по предложенію кого-либо изъ членовъ факультета, для котораго избирается лицо (путь конкурса, какъ извѣстно, практически не имѣетъ значенія [1]). Право

---

[1]) Въ этихъ словахъ г. Любимова заключается какъ-бы косвенное обвиненіе совѣтовъ въ томъ, что они не прибѣгаютъ къ конкурсу для замѣщенія открывающихся

министра назначать профессоровъ не отвергается абсолютно, но обставлено условіями, при которыхъ пользованіе правомъ имѣетъ видъ дѣйствія, направленнаго противъ университета по недовѣрію или въ наказаніе». На дѣлѣ вовсе не такъ. Замѣщеніе штатныхъ каѳедръ раздѣлено на три отдѣльныхъ дѣйствія и, согласно съ этимъ, распредѣлено между тремя органами. Предложеніе новаго лица предоставлено факультетамъ, или точнѣе, членамъ факультетовъ, оцѣнка посредствомъ баллотировки предоставлена совѣту, утвержденіе баллотировки, то-есть собственно назначеніе предоставлено министру или попечителю, его органу. Такое распредѣленіе совершенно нормально; ни министръ, никто изъ членовъ совѣта при министерствѣ не въ состояніи въ большинствѣ случаевъ лично судить о достоинствахъ кандидатовъ на профессорскія должности. Ихъ вниманіе можетъ быть только возбуждено исключительными обстоятельствами, если избрано лицо, очевидно недостойное, или если устраненъ болѣе достойный кандидатъ. Подобные случаи никогда не могутъ укрыться отъ внимательнаго министерства. Неправильности избранія всегда будутъ указаны результатомъ баллотировки или факультетскими протоколами, или газетными отзывами, или прямыми сношеніями заинтересованныхъ лицъ съ попечителемъ или министромъ. Уставъ 1863-го г. предоставилъ министерству возможность замѣстить постепенно даже всѣ каѳедры по своему усмотрѣнію; оно можетъ не утверждать избранныхъ баллотировкою кандидатовъ, а по прошествіи года со дня освобожденія каѳедры замѣстить ее своимъ кандидатомъ. Напрасно г. Любимовъ думаетъ, что общественное мнѣніе будетъ возмущено подобными дѣйствіями со стороны министерства. Общественное мнѣніе, конечно, можетъ быть введено въ заблужденіе различными органами печати; но въ нормальномъ положеніи общественное мнѣніе всегда будетъ только одобрять такія дѣйствія министерства, которыя, очевидно, клонились къ пользѣ преподаванія. Взглядъ, что вмѣшательство министерства въ выборы можетъ быть наказаніемъ университету, не принадлежитъ общественному мнѣнію, а былъ высказанъ въ русской печати, какъ мы видѣли, только тѣмъ органомъ, къ редакціи котораго принадлежитъ г. Любимовъ. При

вакансій. Но вѣдь конкурсъ можетъ имѣть значеніе лишь тамъ, гдѣ есть много желающихъ занимать вакантныя каѳедры и много кандидатовъ съ соотвѣтствующими учеными степенями. Этого-то именно и нѣтъ пока въ Россіи. Нѣкоторыя каѳедры остаются незамѣщенными не потому, что университеты не прибѣгаютъ къ конкурсу, а потому, что вслѣдствіе объявленія конкурса не выростутъ изъ земли неизвѣстные факультету ученые. Конкурсъ успѣшно примѣнялся къ тѣмъ случаямъ, гдѣ можно было дѣйствительно разсчитывать на конкурренцію, напримѣръ, при замѣщеніи мѣстъ лекторовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.

такой щепетильности по отношенію къ контролю министерства можно было бы ожидать, что г. Любимовъ потребуетъ новыхъ гарантій для независимости университетскихъ выборовъ; но совершенно наоборотъ, онъ требуетъ прямыхъ министерскихъ назначеній, отказавшись отъ прежней подозрительности „Русскаго Вѣстника“, который въ 1868 году возбудилъ на своихъ страницахъ глубокомысленный вопросъ: „Развѣ административныя лица, облеченныя властью назначать людей на разныя должности и повышать ихъ по службѣ, обезпечены отъ всякихъ ошибокъ?“ Впрочемъ, гарантіей противъ злоупотребленій при такомъ порядкѣ, г. Любимовъ выставляетъ общественное мнѣніе, впадая при этомъ въ тотъ либерализмъ, противъ котораго онъ такъ ополчился въ началѣ своей записки. Самъ онъ, впрочемъ, не твердо увѣренъ въ достаточности этой гарантіи, ибо говоритъ: „злоупотребленій при прямыхъ университетскихъ назначеніяхъ, когда есть хотя мало-мальски развитое общественное мнѣніе, едвали можно опасаться въ большей мѣрѣ и т. д.“. Но вопросъ именно въ томъ, существуетъ ли это развитое общественное мнѣніе въ вопросахъ о замѣщеніи каѳедръ, и кого считать выраженіемъ этого общественнаго мнѣнія? Мы съ своей стороны предпочитаемъ, чтобы столкновенія по поводу выборовъ, если они неизбѣжны, происходили въ предѣлахъ университетской корпораціи, чѣмъ внѣ ея предѣловъ, на поприщѣ общественнаго мнѣнія и газетной полемики. И мы предпочитаемъ теперешній контроль со стороны министерства надъ дѣйствіями университетскихъ совѣтовъ относительно избранія профессоровъ—контролю надъ дѣйствіями министерства со стороны общественнаго мнѣнія, т.-е. (по понятіямъ г. Любимова) „Русскаго Вѣстника“ и его сотрудниковъ. Но, ссылаясь на общественное мнѣніе, какъ на панацею противъ злоупотребленій со стороны министерства, г. Любимовъ указалъ только на отрицательныя выгоды новаго способа; какія же прямые доводы приводитъ онъ въ пользу замѣны баллотировки прямымъ министерскимъ назначеніемъ? Онъ указываетъ на мнѣніе меньшинства московскаго университета, состоявшагося при обсужденіи проекта устава 1863-го г.: 1) „Корпорація, которая не имѣетъ другихъ средствъ обновленія кромѣ собственнаго выбора, легко можетъ превратиться въ замкнутый кружокъ съ исключительнымъ направленіемъ и съ личными пристрастіями“. Но для предупрежденія этого уставъ 1863-го г. и подчинилъ всѣ выборы университетскіе министерскому контролю и, предоставляя министру утвержденіе, низвелъ баллотировку собственно на степень рекомендаціи. 2) „Университетъ не есть частное общество, независимое отъ правительства, а государственное учрежденіе, установленное для государственныхъ цѣлей и получающее содержаніе отъ казны“—это неоспоримая истина, изъ которой

ничего не вытекаетъ для даннаго случая. 3) „Люди, пріобрѣтшіе громкую репутацію своими учеными трудами могутъ быть извѣстными и не-спеціалистамъ", — конечно, но каѳедры очень рѣдко замѣщаются людьми съ громкою репутаціей, обыкновенно же только людьми, которые имѣютъ составить себѣ свою репутацію. 4) „Министръ по своему положенію имѣетъ то преимущество, что стоитъ выше личныхъ столкновеній"—мы съ этимъ не споримъ, но министръ по своему положенію долженъ руководиться при замѣщеніи каѳедръ по всѣмъ существующимъ наукамъ и во всѣхъ русскихъ университетахъ указаніями людей, которые вовсе не безпристрастнѣе въ случаѣ личныхъ столкновеній, чѣмъ большинство членовъ совѣта и менѣе способны судить о достоинствѣ мѣстныхъ кандидатовъ. 5) „Примѣры европейскихъ университетовъ, гдѣ назначеніе профессоровъ предоставлено министерствамъ и примѣры обновленія русскихъ университетовъ этимъ же путемъ." За границей эта мѣра вызвана условіями и обставлена гарантіями, которыхъ нѣтъ въ Россіи. Въ германскихъ университетахъ нѣтъ опредѣленнаго штата профессоровъ и нѣтъ опредѣленнаго содержанія. Всякое новое лицо, особенно если оно имѣетъ за собой громкую репутацію, вступаетъ въ университетъ на особыхъ денежныхъ условіяхъ, переговоры же объ этихъ условіяхъ и опредѣленія ихъ естественно вызываютъ необходимость предоставить все дѣлопроизводство администраціи. Что этотъ способъ не устраняетъ пристрастія и столкновеній, доказывается исторіей всѣхъ университетовъ. Всѣ германскіе университеты переживали эпохи процвѣтанія и сравнительнаго упадка нерѣдко по винѣ завѣдывавшихъ ими лицъ. Если же административная опека не приводила къ худшимъ результатамъ, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣмецкіе университеты глубже коренятся въ народной жизни; во-вторыхъ, многочисленностью ученыхъ силъ и сравнительной легкостью замѣщенія каѳедръ; въ-третьихъ, обычаями студентовъ, которые рѣдко проводятъ всѣ свои семестры въ одномъ только университетѣ, но имѣютъ возможность отправляться туда, куда ихъ привлекаютъ извѣстные профессора; въ-четвертыхъ, политическою раздробленностью Германіи, вслѣдствіе которой каждое государство старалось наперерывъ передъ другими о процвѣтаніи своего университета, и администраціи поставлено было при этомъ въ необходимость болѣе или менѣе руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ, созданнымъ не газетами, а многочисленными спеціально-учеными органами. Что же касается до примѣровъ обновленія русскихъ университетовъ административнымъ путемъ, то рядомъ съ этимъ существуютъ примѣры противоположнаго характера. Не обращаясь къ суду исторіи, мы можемъ только сказать, что чѣмъ болѣе будетъ развиваться въ Россіи науч-

ная жизнь, тѣмъ менѣе русскіе университеты будутъ нуждаться въ административномъ обновленіи.

Съ избраніемъ профессоровъ тѣсно связанъ вопросъ объ оставленіи ихъ при должности, и во-вторыхъ, о доцентахъ и привать-доцентахъ. Въ Германіи, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго штата профессоровъ, ученый остается при университетѣ, пока болѣзнь и старость не лишатъ его совершенно возможности преподаванія. Неудобство такого обычая устраняется тѣмъ, что рядомъ съ состарѣвшимся преподавателемъ дѣйствуютъ другія лица въ званіи экстраординарныхъ или ординарныхъ профессоровъ. Если бы наше министерство располагало лишнею сотней тысячъ рублей ежегодно, примѣненіе у насъ заграничнаго обычая устранило бы всякія неудобства. Но при ограниченности штатовъ только въ исключительныхъ случаяхъ становится возможнымъ имѣть двухъ профессоровъ по одному предмету, и это достигается лишь тѣмъ, что другія каѳедры остаются незамѣщенными или заняты только доцентами. И потому теперь нерѣдко приходится жертвовать или интересами лицъ, или интересами преподаванія, такъ какъ долголѣтнее замѣщеніе каѳедры однимъ лицомъ можетъ иногда вредно отражаться на самомъ преподаваніи, во всякомъ же случаѣ вредно тѣмъ, что заграждаетъ путь въ университеты молодымъ силамъ и даже заставляетъ ихъ избирать иную карьеру. Съ другой стороны, нельзя не войти въ положеніе многихъ заслуженныхъ лицъ, которымъ грозитъ послѣ долголѣтней службы забаллотировка и ничтожная пенсія, съ помощію которой невозможно прокормить семью. Уставъ 1863 г. имѣлъ въ виду исключительно интересы преподаванія, быстрое обновленіе лицъ, и потому обусловливалъ дальнѣйшее оставленіе профессоровъ въ университетѣ новымъ избраніемъ двумя третями. Эта мѣра была отмѣнена, вѣроятно, въ виду справедливаго вниманія къ интересамъ заслуженныхъ преподавателей. Но при теперешнемъ положеніи дѣла не обезпечены ни личные интересы, ни интересы преподаванія, такъ какъ только въ исключительныхъ случаяхъ можно ожидать отъ Совѣта выраженіе своего недовѣрія къ баллотирующемуся лицу, которое вслѣдствіе этого недовѣрія иногда лишается средствъ къ жизни. Поэтому единственное средство для избѣжанія указаннаго затрудненія заключается въ возвращеніи къ уставу 1835 года, по которому пенсія равнялась окладу, и такимъ образомъ уравнять и нынѣ пенсіи съ полнымъ окладомъ и вмѣстѣ лишить профессоровъ, продолжающихъ службу послѣ 25 лѣтъ, права получать пенсію при окладѣ. Тогда будутъ оставаться въ университетѣ только лица еще чувствующія въ себѣ призваніе къ преподаванію, а съ другой стороны Совѣтъ будетъ имѣть возможность строже разбирать достоинства баллотирую-

мыхъ. При этомъ конечно не слѣдуетъ забывать, что самое оставленіе при должности исключительно зависитъ отъ министерства, которое можетъ не утвердить переизбранное лицо, а въ случаѣ забаллотированія достойнаго по его мнѣнію профессора, назначить его сверхштатнымъ или даже штатнымъ.

Что же касается до доцентуры, то учрежденіе ея едва ли принесло ту пользу, которую можно было отъ нея ожидать. Она представляетъ тѣ неудобства, что Совѣты, избирая доцентовъ, часто не въ состояніи судить о преподавательскихъ достоинствахъ молодого магистра, а между тѣмъ избраніе доцента лишаетъ университетъ возможности привлечь къ преподавательской дѣятельности другихъ молодыхъ людей. Поэтому мы думаемъ, что было бы полезно предоставить магистрамъ право быть экстраординарными профессорами—(магистерскія и докторскія диссертаціи отъ сего только выиграютъ въ серьёзности), доцентуру же совершенно уничтожить. Штатная сумма, предназначенная для доцентовъ, значительно увеличенная, могла бы быть предоставлена въ распоряженіе факультетовъ подъ контролемъ Совѣта и попечителя съ тѣмъ, чтобы факультетъ имѣлъ право приглашать къ преподаванію различныхъ молодыхъ людей по разнымъ спеціальностямъ, а также выдавать вознагражденіе приватъ-доцентамъ въ случаѣ одобренія ихъ дѣятельности со стороны факультета. Такимъ образомъ, при каждомъ факультетѣ образовалась бы цѣлая семинарія молодыхъ болѣе или менѣе испытанныхъ преподавателей, изъ которыхъ бы избирались кандидаты на каѳедры. Такъ какъ такимъ образомъ число читаемыхъ въ университетѣ лекцій значительно бы увеличилось, то можно было бы необязательныя лекціи какъ профессоровъ, такъ и преподавателей и приватъ-доцентовъ перенести на вечерніе часы. На эти вечернія лекціи являлись бы студенты всѣхъ факультетовъ и это послужило бы къ поднятію уровня общаго образованія, которое теперь недоступно студентамъ нашихъ спеціальныхъ факультетовъ. Извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ Германіи лекціи, предназначенныя для студентовъ безъ различія факультетовъ, и въ какой степени эти лекціи поддерживаютъ живую связь между различными отраслями наукъ, безъ которой университетъ недостоинъ своего названія. Для этой цѣли лекціи читаются отъ 7 часовъ утра до 7 вечера, и нѣтъ ни одного порядочнаго студента, который кромѣ своихъ спеціальныхъ лекцій не прослушалъ нѣсколько курсовъ по родственнымъ спеціальностямъ или по общеобразовательнымъ предметамъ.

Постараемся теперь сдѣлать выводъ изъ мнѣнія г. Любимова о необходимыхъ реформахъ университетскаго устава, насколько это возможно при неясности и увертливости этого мнѣнія. Въ пылу сво-

его негодованія противъ канцелярскаго либерализма, г. Любимовъ впалъ въ противоположную крайность. Узнавши, что предполагается пересмотръ устава, онъ счелъ долгомъ забѣжать впередъ, заявить не только въ Совѣтѣ, но и въ печати, что уставъ 1863 г. никуда не годится, что онъ вреденъ въ своихъ основаніяхъ, что его слѣдуетъ не только пересмотрѣть, но совершенно отмѣнить. Въ увлеченіи свой цензорской дѣятельности онъ готовъ даже вмѣстѣ съ уставомъ принести въ жертву и самые университеты—ибо къ этому клонятся предлагаемыя г. Любимовымъ реформы. Онъ предлагаетъ, скрывая свое мнѣніе за разными оговорками, уничтожить Совѣтъ, центральный органъ университетовъ, который служитъ связью для частей и даетъ жизненную силу цѣлому, подчинить университеты какому-то строительному комитету и раздробить университетъ на четыре чуждыхъ другъ другу спеціальныя школы. Онъ предлагаетъ замѣнить теперешнюю гласную и громкую *рекомендацію* кандидатовъ на профессорскія должности посредствомъ баллотировки Совѣта—какой-то другой рекомендаціей, которая должна имѣть значеніе простой формальности и не должна лишить заинтересованныхъ кандидатовъ возможности искать иныхъ посредниковъ между собой и министерствомъ. Насколько отъ этого выиграетъ наука, мы предоставляемъ судить читателямъ; но въ одномъ отношеніи разсчетъ г. Любимова вѣренъ: число людей раздѣляющихъ его убѣжденія должно увеличиться въ университетахъ, и если на этотъ разъ мнѣніе г. Любимова было *единогласно* отвергнуто въ Совѣтѣ московскаго университета, то при успѣшномъ развитіи его системы онъ въ будущемъ не подвергнется подобной опасности.

Отъ профессоровъ перейдемъ къ студентамъ. Въ своей запискѣ г. Любимовъ предлагаетъ отмѣнить курсовые экзамены и подвергать студентовъ прямо экзамену на степень, который долженъ производиться особой экзаменаціонной коммиссіей по опредѣленной напередъ и утвержденной министерствомъ программѣ.

Извѣстно, что уставъ 1863 г. предоставилъ совѣтамъ большой просторъ относительно экзаменовъ и контроля надъ занятіями студентовъ. Мѣра, предлагаемая г. Любимовымъ, давно предлагалась различными лицами, и если ни одинъ изъ университетовъ не рѣшился принять ее, то это объясняется неудобствами и затрудненіями, сопряженными съ отмѣной курсовыхъ экзаменовъ. Раздѣленіе преподавательскихъ и экзаменаторскихъ обязанностей, отмѣна курсовыхъ экзаменовъ и экзаменъ прямо на степень были бы въ высшей мѣрѣ желательны, и рано или поздно войдутъ въ обычай. Нѣкоторые факультеты уже теперь стремятся достигнуть этого нормальнаго положенія, вводя у себя необязательные курсы и подраздѣле-

нія факультетскихъ предметовъ на нѣкоторыя группы. Только неподготовленность большинства студентовъ заставила, напримѣръ, историко-филологическій факультетъ московскаго университета отказаться отъ своего первоначальнаго плана и ограничиться раздѣленіемъ, начиная только съ 4-го курса.

Вышеуказанная мѣра встрѣтила бы значительныя затрудненія, если бы получила силу всеобщаго постановленія. Во-первыхъ, какимъ образомъ составить экзаменаціонную коммиссію, откуда взять экзаменаторовъ помимо профессоровъ, особенно въ провинціи. А если коммиссія будетъ состоять изъ профессоровъ, читающихъ въ университетѣ, то экзаменъ естественнымъ образомъ получитъ прежній характеръ, т.-е. экзамена по литографированнымъ профессорскимъ лекціямъ, съ той только разницей въ ущербъ студентамъ, что имъ придется сдавать экзаменъ съ разу за четыре года и съ трудомъ добывать старыя лекціи. О программѣ для каждаго предмета, съ указаніемъ напечатанныхъ сочиненій, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ по многимъ предметамъ или вовсе нельзя указать напечатанныхъ сочиненій, или придется указывать на сочиненія на иностранныхъ языкахъ и заставлять студентовъ пріобрѣтать цѣлыя библіотеки. Экзаменъ по программѣ можетъ имѣть смыслъ только при большой строгости, иначе обратится въ формальность и сдѣлаетъ студентовъ еще болѣе равнодушными къ посѣщенію лекцій. Строгость же немыслима при неподготовленности значительнаго числа студентовъ и потребности въ лицахъ, окончившихъ университетскій курсъ для государственной службы. При отмѣнѣ курсовыхъ экзаменовъ лучшіе студенты выиграютъ и спеціализація между ними увеличится; большинство же проиграетъ и уровень общаго образованія еще болѣе понизится. Поэтому, нужно предоставить каждому университету и даже каждому факультету право по своимъ мѣстнымъ условіямъ рѣшать вопросъ объ отмѣнѣ курсовыхъ экзаменовъ и входить съ ходатайствомъ объ этомъ въ министерство.

Въ концѣ своей записки г. Любимовъ касается вопроса о платѣ за слушаніе лекцій и неудобствъ, проистекающихъ оттого, что университетамъ ежегодно приходится исключать за невзносъ платы нѣкоторое число студентовъ или же прибѣгать къ общественной благотворительности. Для устраненія этихъ неудобствъ г. Любимовъ предлагаетъ, между многими благими пожеланіями, одну только радикальную мѣру—„взимать при самомъ поступленіи въ университетъ плату за всѣ четыре года впередъ (!!!!), хотя и нѣсколько уменьшенную“. Г. Любимовъ напоминаетъ при этомъ доктора, который, не зная какъ излечить болѣзнь, предложилъ удавить больного. Мы не станемъ распространяться о возмутительности такого высокаго ценза для

университетскаго образованія, который, дѣйствительно, придала бы взиманію платы тотъ *одіозный* характеръ, о которомъ говоритъ г. Любимовъ. Противъ бѣдности нѣтъ радикальныхъ средствъ, и общественную благотворительность нельзя регламентировать, какъ этого желаетъ г. Любимовъ. Университетамъ предоставлено по своему усмотрѣнію дѣлать недостаточнымъ студентамъ различныя облегченія. Московскій университетъ освобождаетъ отъ платы только тѣхъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые въ среднемъ баллѣ имѣютъ 4; можно было бы понизить этотъ баллъ и дѣлать льготы тѣмъ, которые по болѣзни были принуждены остаться на томъ же курсѣ; можно, какъ упоминаетъ г. Любимовъ, отсрочивать взиманіе платы до того времени, когда окончившій курсъ поступитъ на службу; можно устроить особое общество для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, подобное тому, какое существуетъ при ярославскомъ лицеѣ, или тому, какое нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлось въ виду учредить въ Москвѣ — общество, которое бы сняло съ правленія и проректора заботы объ участи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ исключенію. Но все это не относится къ пересмотру устава, и весь этотъ вопросъ о недостаточныхъ студентахъ былъ возбужденъ г. Любимовымъ, чтобы бросить лишнюю тѣнь на уставъ 1863 года.

Спѣшимъ сдѣлать выводъ изъ всего вышесказаннаго. Если жизнь русскихъ университетовъ представляетъ нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны, то за это нельзя винить уставъ 1863 г., который дѣйствуетъ всего только девять лѣтъ и среди обстановки, созданной уставомъ 1835 года. Можно сказать только, что нѣкоторыя статьи новаго устава страдаютъ неопредѣленностью (напримѣръ, статья о доцентахъ), а потому этотъ уставъ нуждается только въ пересмотрѣ чисто редакціоннаго характера. Если же бы министерство считало нужнымъ подвергнуть уставъ болѣе коренному пересмотру, то было бы желательно, чтобъ въ этомъ пересмотрѣ приняли участіе депутаты со стороны университетовъ, и чтобы проектъ пересмотрѣннаго устава былъ разосланъ на обсужденіе совѣтовъ. Во всякомъ случаѣ нужно надѣяться, что пересмотрѣнный уставъ сохранитъ за университетами двѣ существенныя черты устава 1863 г.: почетное и независимое положеніе университетовъ, и выборъ профессоровъ совѣтской баллотировкой. Эти два принципа необходимы для процвѣтанія русскихъ университетовъ. Внесеніе этихъ принциповъ въ уставъ 1863 г. было справедливой данью уваженія къ молодой русской наукѣ послѣ печальнаго періода пренебреженія ею; а потому уставъ 1863 г., какова бы ни была будущая судьба его, всегда останется отраднымъ явленіемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

В. Герье.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1873.

Сессія дворянства петербургской губерніи.—Вопросъ о всесословной волости.—Проекты гг. Платонова и Савельева.—Основанія кн. Лобанова-Ростовскаго.—Мнѣніе уѣздной земской управы. — Порядокъ преній собранія. — Основанія проекта о воинской повинности. — Вопросъ объ организаціи арміи. — Сроки.— Изъятія и льготы.

Устройство учрежденій мѣстнаго самоуправленія, какъ и учрежденій государственныхъ въ разныхъ странахъ и въ разные моменты народной жизни, происходило двоякимъ путемъ: учрежденія или исторически развивались постепенно изъ зачатковъ древнихъ, почти до-историческихъ, какъ англійское графство и выросшая изъ той же органической клѣточки англійская конституція; или создавались цѣликомъ вновь, либо потому, что учрежденій извѣстнаго рода вовсе не было и въ зачаткѣ, либо потому, что прежняя форма такихъ учрежденій была снесена внезапною перемѣной въ политической жизни народа. Тотъ и другой путь учредительнаго творчества представляетъ и удобства и неудобства. О выгодахъ постепенной, медленной выработки учрежденій, то-есть, о естественности и прочности такой выработки, а также и о важныхъ неудобствахъ ея, именно той тугости, съ какою высшіе, руководящіе классы дѣлаютъ уступки низшимъ классамъ и допускаютъ ихъ къ участію въ управленіи, и той необыкновенной живучести, которая при этомъ ходѣ развитія высказывается иногда формами, очевидно, обветшалыми, даже дикими— нѣтъ нужды распространяться. Еще менѣе представляется надобности напоминать объ удобствахъ и невыгодахъ другого пути, пути, если можно такъ выразиться —одновременнаго строительства, напоминать, что только при коренной, одновременной перестройкѣ или постройкѣ возможно соблюденіе всѣхъ раціональныхъ условій, то-есть тѣхъ условій, которыя въ данное время представляются раціональ-

ными „лучшимъ людямъ“, но что за то подобныя постройки по большей части „не имѣютъ для себя подготовленной почвы“, „на дѣлѣ оказываются эфемерными“ и нерѣдко подвергаются „общей ломкѣ“.

Все это извѣстно-переизвѣстно, обо всемъ этомъ едва ли гдѣ болѣе чѣмъ въ Россіи за послѣднія лѣтъ пятнадцать было писано и говорено. Сравненіе англійской прочности съ французской непрочностью не менѣе надоѣло русскому читателю, какъ и безконечныя варіаціи на Гнейстовскую тему о важности мѣстнаго самоуправленія, какъ корня самоуправленія въ жизни государственной. Но тема гораздо менѣе избитая, „заигранная“, у насъ, и между тѣмъ начинающая все болѣе и болѣе пробиваться въ нашихъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ, есть мысль такого рода: что особенно трудно созданіе мѣстнаго самоуправленія тамъ, гдѣ его доселѣ не было, гдѣ приходится насаждать его по иностраннымъ примѣрамъ, и гдѣ, между тѣмъ, затрудненіе оказывается не столько въ томъ, какую именно иностранную форму перенять, какую признать болѣе раціональною, но прежде всего въ томъ, что *нѣтъ денегъ* для осуществленія какой-либо болѣе или менѣе превосходной изъ этихъ иностранныхъ формъ. Въ дѣйствительности, дѣло у насъ обстоитъ именно такъ, и главное наше затрудненіе именно таково, какъ сейчасъ сказано, то-есть, не имѣетъ отношенія къ политической философіи, и представляетъ нѣчто крайне вульгарное и даже мелкое по идеѣ, но никакъ не по реальному значенію: денегъ нѣтъ, страна бѣдна, населеніе обременено налогами, людей, живущихъ капиталомъ и занимающихся самоуправленіемъ изъ любви къ отечеству или изъ respectability у насъ нѣтъ! Назначать высокіе оклады за самоуправленіе—выйдетъ, пожалуй, что и все-то самоуправленіе окладовъ этихъ не стоитъ. Не назначать окладовъ—никто не пойдетъ служить; сдѣлать службу обязательною—все-таки станутъ уклоняться. Самоуправленіе и въ томъ видѣ, какъ оно есть, обходится уже достаточно дорого крестьянамъ. Въ газетѣ „Русскій Міръ“ недавно приводили о Тиганьчской волости, въ Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, такой разсчетъ, основанный на данныхъ 1864 года, что волость эта, около 2500 крестьянъ мужескаго пола, получила въ годъ за полевыя и фабричныя работы до 55 т. рублей, на подати и сборы всякаго рода издержала до 18 т. рублей и пропила (по количеству потребленія и цѣнѣ градуса спирта) до 31½ тысячъ рублей. Цифры эти приводятся для доказательства, какимъ тяжкимъ бременемъ лежитъ на народѣ потребленіе вина. Послѣдняя цифра не внушаетъ довѣрія, такъ какъ добыть ее съ точностью весьма трудно и, сверхъ того, если сложить ее съ цифрою сборовъ, то выходитъ, что населеніе должно было содержать себя всего на

какіе-нибудь 5 т. рублей въ годъ, то-есть за 1 рубль на душу въ годъ, предполагая въ волости 5 т. душъ обоего пола, что, очевидно, нелѣпо. Но цифры заработковъ и въ особенности сборовъ могутъ быть опредѣляемы съ нѣкоторой достовѣрностью. Если ихъ принять, то изъ указаннаго газетою примѣра истекаетъ совсѣмъ не то поученіе, для какого онъ приводился; оказывается, что почти треть всего заработка волости уходила на уплату податей и сборовъ. Мы никогда не отрицали тягости пьянства для народа, не отрицали и факта, что пьянство возросло или возрастаетъ. Но изъ приведенныхъ цифръ ясно только одно, именно, что въ названной волости тягость податей и сборовъ сравнительно съ заработками чрезмѣрна. Представьте себѣ для уясненія, что землевладѣлецъ или чиновникъ, получающій въ годъ 3 т. рублей, обложенъ налогомъ въ размѣрѣ трети этого дохода. Вотъ гдѣ, повторяемъ, главное препятствіе къ осуществленію у насъ того или другого превосходнаго иноземнаго образца мѣстнаго самоуправленія.

Эта сущность дѣла пробивалась и въ преніяхъ чрезвычайной сессіи дворянства петербургской губерніи, въ прошломъ мѣсяцѣ, на которой обсуждался вопросъ объ устройствѣ всесословныхъ волостей. Къ сожалѣнію, однако, вся постановка вопроса не была сосредоточена около этого важнѣйшаго практическаго затрудненія, а наоборотъ, задумана была, такъ сказать, свысока, съ вершины теоретическихъ соображеній самаго отвлеченнаго и безплоднаго свойства, соображеній политической философіи и исторіи культуры, однимъ словомъ, съ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя мы резюмировали на первой страницѣ нашей бесѣды. Въ объяснительныхъ запискахъ, которыми сопровождались представленные собранію проекты, указывались всевозможные политическіе и экономическіе поводы къ переустройству нынѣшней волости: неудовлетворительность уѣздныхъ, земскихъ и административныхъ учрежденій, нераціональность общиннаго владѣнія, несовершенство нынѣшняго волостного управленія и суда, неудобство нынѣшняго разобщенія помѣщиковъ и крестьянъ, необходимость внесенія въ волость образованнаго элемента, политическая важность правильно устроеннаго самоуправленія, въ противоположность „деспотизму“ и „соціализму“, политическая необходимость для самого дворянства вступить въ ряды народа и сохранить почетную роль руководительства, приличную ему, какъ наиболѣе образованному сословію.

Такова была высота теоретическихъ соображеній, которыми обставлялись проекты. При обсужденіи же ихъ стала пробиваться сущность дѣла уже и въ то время, когда обсужденіе держалось еще въ области теоріи.

Дворянству указывали въ одно и то же время и на очевидность собственной его *выгоды*, и на необходимость съ его стороны *жертвы*. При дальнѣйшемъ обсужденіи оказалось, что большинство ораторовъ, а затѣмъ и самого собранія, стремясь къ установленію полной солидарности всѣхъ членовъ волости, въ то же время опасалось, что крестьянское большинство всесословной волости непремѣнно обратитъ эту солидарность въ чрезмѣрное обложеніе помѣщиковъ сборами, воспользуется, такъ сказать, распростертыми навстрѣчу ему братскими объятіями для того, чтобы запустить свои руки въ дворянскій карманъ. Это именно соображеніе показалось собранію убѣдительнѣе всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и благодѣтельности самоуправленія по сравненію съ „деспотизмомъ" и „соціализмомъ", такъ какъ оба представленныхъ проекта были отвергнуты, а въ наказъ новой коммиссіи по тому же предмету дано было, по предложенію князя Лобанова-Ростовскаго, въ видѣ главнаго основанія, такое начало, чтобы „отклонить всякое предположеніе о всесословной волости *хозяйственной*, съ волостными *повинностями*", а вторымъ основаніемъ положено, чтобы новый проектъ ни въ какомъ случаѣ не предполагалъ увеличенія уѣздныхъ расходовъ.

Изъ этого рѣшенія собранія слѣдуетъ, что вся работа по составленію проектовъ о всесословной волости и три четверти, по меньшей мѣрѣ, всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу ихъ въ собраніи, были совершенно излишни. Если бы на первомъ мѣстѣ во всемъ этомъ вопросѣ могли стоять теоретическія соображенія, а не отсутствіе средствъ, то проектъ всесословной волости могъ бы быть импровизованъ въ нѣсколькихъ словахъ: учредить выборную волостную управу изъ грамотныхъ людей, получающихъ рублей 300 жалованья, волостного голову изъ лицъ кончившихъ курсъ уѣзднаго училища, съ жалованьемъ такимъ, какое получаетъ управляющій большого имѣнія, т.-е., примѣрно 1,500 рублей, а вмѣсто волостного суда учредить въ каждой волости мировой участокъ. Раціональнѣе такого устройства трудно что-нибудь придумать, а если дворянское собраніе здѣшней губерніи и дворянскія собранія другихъ губерній усмотрѣли бы въ этомъ устройствѣ ту опасность, что крестьянское большинство обратитъ всесословную волость въ оружіе для обремененія помѣщиковъ, для эксплуатаціи „тѣхъ, у кого нѣчто есть, тѣми, у кого этого нѣтъ"—какъ выразился одинъ изъ ораторовъ,—то въ такомъ случаѣ единственное, что можно бы сказать дворянству, было бы, что дворянскія представительства напрасно и разсматриваютъ вопросъ объ учрежденіи всесословной волости. Она есть не что иное, какъ полная солидарность всѣхъ жителей волостного околотка; затѣмъ, если дворянскія собранія станутъ все-таки заниматься сочиненіемъ

проектовъ о всесословной волости съ точки зрѣнія преимущественно опасенія эксплуатаціи помѣщиковъ крестьянами, то цѣль такихъ занятій будетъ вполнѣ ясна; будетъ ясно, что дворяне имѣютъ въ виду не слиться съ волостью, но подчинить себѣ волость.

Можно ли сказать это и теперь, въ примѣненіи къ бывшей чрезвычайной сессіи дворянства петербургской губерніи? Нѣтъ, это было бы несправедливо. Правда, „опасеніе“, о которомъ упомянуто, играло не послѣднюю роль и въ рѣчахъ, и въ постановленіи собранія; но оно не было главной преоккупаціею его въ настоящемъ дѣлѣ. Это было видно какъ изъ проекта и записки г. Савельева, направленныхъ преимущественно въ смыслѣ сліянія и уравненія, такъ и изъ соображеній противъ присвоенія крупнымъ собственникамъ особыхъ преимуществъ, напримѣръ, правъ старостъ, высказанныхъ нѣсколькими лицами. Правда, собранію былъ представленъ другой проектъ, проектъ г. Платонова, которымъ предполагалось нѣкоторое единодержавіе волостного головы, которому присвоивались и званіе мирового судьи, и полицейская власть, и даже акцизный надзоръ,—но этотъ проектъ былъ отвергнутъ собраніемъ почти единогласно. Итакъ, нельзя сказать, что дворянство петербургской губерніи сознательно смотрѣло на устройство всесословной волости, какъ на удочку для улова крестьянской волости въ свои руки. Судя по преніямъ, слѣдуетъ скорѣе признать, что этотъ вопросъ засталъ здѣшнее дворянство врасплохъ, какъ большею частью у насъ всѣ вопросы застаютъ всякія собранія. Было тутъ и желаніе въ самомъ дѣлѣ улучшить нынѣшнее положеніе дѣла, создать нѣчто лучшее съ чисто-раціональной точки зрѣнія, и вмѣстѣ сознаніе, что лучшее устройство потребуетъ новыхъ расходовъ, а для расходовъ положительно нѣтъ средствъ. Былъ и естественный инстинктъ подражанія чужимъ примѣрамъ: то, что издавна, повидимому, такъ успѣшно дѣйствуетъ въ Англіи должно быть хорошо и для насъ; то, что Пруссія, несмотря на упоеніе своимъ государственнымъ могуществомъ, такъ спѣшитъ устроить у себя какъ можно раціональнѣе, должно быть необходимо и намъ. Было и убѣжденіе, что безъ окладовъ, какъ въ Англіи, у насъ служить не станутъ, а потому надо ввести обязательность службы, ибо на оклады нѣтъ средствъ. Сознавалось вмѣстѣ и то, что масса у насъ невѣжественна въ сравненіи съ массою народа въ Пруссіи и что, стало быть, нужна большая до́за опеки, но опять не такой опеки, которая вела бы къ эксплуатаціи, а такой идеальной опеки, которая опекала бы крестьянъ въ крестьянскомъ же интересѣ. Были и такія соображенія, что дворянству нынѣ не остается никакой роли, а между тѣмъ ему роль необходима; наконецъ, было, повторяемъ, замѣтно и поползновеніе къ установленію патримоніальной полиціи,

но сознанное не всѣми, не большинствомъ. Самая разнородность и, если можно такъ выразиться, распущенность мнѣній и взглядовъ, вызванныхъ этимъ вопросомъ въ дворянскомъ собраніи, едва-ли не доказывала болѣе всего тотъ фактъ, что дворянство у насъ вовсе не существуетъ въ видѣ корпораціи одномышленниковъ, фактъ, который мы признаемъ утѣшительнымъ, но который естественно лишаетъ дворянство всякой силы дѣйствія и заставляетъ самыя пренія его идти въ разбродъ.

Проекты устройства всесословной волости, составленные одинъ г. Платоновымъ, другой г. Савельевымъ, и бывшіе предметомъ преній собранія, отвергнуты имъ оба; стало быть, достаточно будетъ охарактеризовать оба эти проекта нѣсколькими словами. Проекту г. Платонова нужно отдать преимущество въ простотѣ самаго устройства и въ ясности той мысли, съ какой подобное устройство предлагалось. Уничтожить уѣздныя учрежденія въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, то-есть отмѣнить земскій и судебный уѣздъ, оставивъ только одного исправника; затѣмъ земскую и судебную власти разбить по волостямъ, соединивъ ту и другую власть въ каждой волости въ лицѣ волостного головы, который будетъ изъ помѣщиковъ, потому что долженъ имѣть условія, соотвѣтствующія званію мирового судьи. Эту волость поставить лицомъ къ лицу непосредственно съ губерніею. Такимъ образомъ получались бы: губернія съ губернаторомъ, губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ депутатовъ отъ волостей и губернскимъ мировымъ судомъ, и подъ нею—волость, съ исправникомъ и волостнымъ головою. Голова, разумѣется, былъ бы выборной, но какъ уже сказано, непремѣнно изъ помѣщичьяго класса. При головѣ была бы управа и, для контроля, дума, но дума эта собиралась бы только два раза въ годъ; наконецъ, въ волости былъ бы и особый волостной судья, изъ окончившихъ курсъ уѣзднаго училища, но судья этотъ, получая вознагражденіе въ 300 рублей, очевидно, былъ бы просто волостной писарь, подчиненный головѣ, который хотя тоже получалъ бы незначительное вознагражденіе, въ 400 рублей, но былъ бы человѣкъ достаточный, потому что долженъ бы былъ соединять въ себѣ условія мирового судьи. Цѣль всего этого устройства очевидна. Такъ какъ г. Платонову принадлежала и иниціатива самаго возбужденія вопроса о всесословной волости въ средѣ дворянства губерніи, то приходится признать, что возникла эта мысль именно съ цѣлью прибрать волость въ руки помѣщиковъ. Но это обстоятельство, повторяемъ, не даетъ еще справедливаго повода относиться съ недовѣріемъ и ко всему разсмотрѣнію этого дѣла въ средѣ здѣшняго дворянства. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Савельевъ объяснилъ, что проектъ г. Платонова при-

велъ коммиссію „въ содроганіе“, и отъ себя прибавилъ, что въ такой волости дѣло управленія обходилось бы дешево, но что каково въ ней было бы жить—это другой вопросъ. Хотя предводитель петербургскаго уѣзда, г. Безобразовъ, и отрицалъ фактъ, будто коммиссія выслушала проектъ г. Платонова „съ содроганіемъ“, и даже не находилъ въ этомъ проектѣ ничего способнаго приводить „въ содроганіе“, тѣмъ не менѣе всесословная волость, устроенная по мыслямъ г. Платонова, несмотря на свою простоту, дешевизну и ясность, не привлекла сочувствій собранія, которое и отвергло, почти единогласно, эту „платоновскую республику“ новаго рода.

Проектъ, г. Савельева не былъ такъ тенденціозенъ, какъ проектъ г. Платонова, и можно даже сказать вовсе тенденціозенъ не былъ. Правда, г. Савельевъ также имѣлъ въ виду предупредить предполагаемую эксплуатацію помѣщиковъ крестьянскимъ большинствомъ, но эту цѣль онъ полагалъ достигнуть не полновластіемъ волостного головы и не установленіемъ для этой должности ценза недоступнаго крестьянамъ. Голова, по мысли г. Савельева, могъ быть избираемъ изъ грамотныхъ людей, владѣющихъ тремя крестьянскими надѣлами. Но для устраненія чрезмѣрнаго преобладанія крестьянскаго элемента въ волости, представительство волости, волостной сходъ, образовывался изъ равнаго числа депутатовъ, отъ трехъ группъ: крупныхъ собственниковъ, мелкихъ собственниковъ и крестьянъ, а также опредѣленіемъ максимума для волостныхъ повинностей на единицу, подлежащую обложенію. Такимъ образомъ, волостной голова могъ бы быть и изъ крестьянъ. Наименѣе удовлетворительно въ этомъ проектѣ было предоставленіе всѣмъ лицамъ волости, подходящимъ подъ земскій избирательный цензъ, правъ старосты, то-есть, не только полицейской власти, но даже право штрафа и ареста. Минимумъ земскаго избирательнаго ценза, какъ извѣстно, составляетъ 200 десятинъ земли (въ здѣшней губерніи) или владѣніе другимъ недвижимымъ имуществамъ цѣною не ниже 15 т. р., или же промышленнымъ заведеніемъ съ оборотомъ производства не менѣе 6 т. рублей. Легко представить себѣ, какая масса полицейскихъ начальствъ возникла бы въ волости на основаніи проекта г. Савельева. И для чего, спрашивается, нужно предоставленіе крупнымъ землевладѣльцамъ полицейской власти? Если для того только, чтобы они могли охранять свои имѣнія отъ бродягъ и воровъ, то это и теперь доступно каждому въ своемъ имѣніи. Каждый у себя дома хозяинъ, и нѣтъ нужды присвоивать землевладѣльцу полицейской власти, такъ какъ нѣтъ нужды присвоивать ее каждому домовладѣльцу въ городѣ или каждому нанимателю квартиры въ квартирѣ. По отношенію къ волостному суду, проектъ г. Савельева предполагалъ

средній терминъ между нынѣшнимъ крестьянскимъ волостнымъ судомъ и простой замѣною его мировымъ судомъ. По мысли этого проекта, волостной судъ долженъ состоять изъ двухъ крестьянскихъ судей подъ предсѣдательствомъ мирового судьи. Но этотъ средній терминъ все-таки предполагаетъ, что въ каждой волости будетъ мировой судья, а вопросъ опять-таки, главнымъ образомъ, въ томъ и состоитъ, что волость не имѣетъ средствъ сама содержать мирового судью. Впрочемъ, мысль г. Савельева объ устройствѣ волостного суда имѣла то достоинство, что она имѣла цѣлью примирить условіе правильности суда съ своеобразными судебными понятіями, предполагаемыми въ народѣ. Съ этой цѣлью, авторъ проекта предполагалъ въ каждомъ уѣздѣ образовать особую коммиссію, которая въ полгода должна была бы собрать всѣ мѣстные юридическіе обычаи въ сводъ и представить его на утвержденіе правительства, такъ чтобы затѣмъ волостной судъ уже рѣшалъ дѣла на основаніи закона, а не неопредѣленныхъ понятій.

Такимъ образомъ, этотъ проектъ не подвергалъ ломкѣ существующія земскія учрежденія, какъ первый проектъ, но создавалъ въ волости новую земскую, всесословную единицу. Затѣмъ и представлялось опять то существеннѣйшее во всемъ дѣлѣ соображеніе, что устройство всесословной волости не только не уменьшило бы существующую тягость обложенія, но увеличивало бы ее, такъ какъ и волости предоставлялось бы право установлять сборы, впрочемъ, не свыше 5-ти процентовъ казенныхъ и земскихъ.

Собраніе, отвергнувъ оба изложенные проекта, приняло предложеніе князя Лобанова-Ростовскаго объ избраніи новой коммиссіи, для разсмотрѣнія вопроса о всесословной волости съ такими основными началами, которыя вотировались каждое отдѣльно и были утверждены собраніемъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ. Вотъ, въ краткомъ изложеніи, эти начала. Всесословная волость не должна имѣть хозяйственнаго характера, не должна установлять повинностей; новая коммиссія будетъ разработывать вопросъ объ учрежденіи только административныхъ и судебно-полицейскихъ волостныхъ старшинъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы уѣздные расходы не были увеличены; 2) чтобы во главѣ волости поставленъ былъ старшина *образованный*, по выбору уѣзднаго земства; 3) чтобы этому старшинѣ присвоены были права мирового посредника, станового, а частью и мирового судьи и судебнаго слѣдователя; 4) чтобы поземельное имущество, соотвѣтствующее земскому цензу, давало владѣльцамъ право полицейскихъ старостъ; 5) чтобы на волостной судъ была апелляція къ участковому мировому судьѣ, по дѣламъ гражданскимъ; 6) чтобы уголовныя дѣла волостнымъ судамъ вовсе не подлежали, но разби-

рались только мировыми судьями; 7) чтобы лица, избранныя два раза въ почетные или участковые мировые судьи, а также въ предводители дворянства, получали *пожизненно* званіе почетныхъ мировыхъ судей, и 8) чтобы почетнымъ мировымъ судьямъ подлежало разбирательство въ волости дѣлъ уголовныхъ.

Вотъ тѣ начала, на основаніи которыхъ будетъ трудиться новая коммиссія. Собраніе утвердило эти начала, кромѣ двухъ послѣднихъ; важный предпослѣдній пунктъ оно отвергло, и тогда пунктъ послѣдній былъ взятъ авторомъ предложенія обратно, для дальнѣйшаго обсужденія его въ самой коммиссіи, которой членомъ избранъ и кн. Лобановъ-Ростовскій. Посмотримъ, къ чему придетъ коммиссія, но основанія, данныя ей, очевидно, соотвѣтствуютъ основной мысли того проекта г. Платонова, который заподозрѣнъ въ томъ, что привелъ „въ содроганіе“ первую коммиссію. Вопросъ поставленъ такъ именно, чтобы власть въ волости сосредоточить въ рукахъ одного старшины, *образованнаго*, стало быть, во всякомъ случаѣ, не крестьянина. Если принята будетъ степень образованія средняго, то должность старшины будетъ доступна только помѣщикамъ, и то далеко не всѣмъ; если принята будетъ степень курса уѣзднаго училища, то должность старшины откроется и для нѣкоторыхъ изъ прежнихъ волостныхъ писарей, но все-таки не для крестьянъ. Всѣмъ землевладѣльцамъ предоставляется власть полицейская, отчего, по совершенно справедливому замѣчанію барона Фредрикса, въ волости „отъ множества начальствъ житья не будетъ“. Установленіе аппеляціи по гражданскимъ дѣламъ отъ волостныхъ судовъ къ участковому мировому судьѣ, не имѣетъ смысла, такъ какъ мировой судья судитъ на основаніи судебныхъ уставовъ, а волостной судъ на основаніи обычая. Изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ само по себѣ вполнѣ раціонально, и въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить убѣжденіе, высказанное нами уже при разсмотрѣніи вопроса о крестьянскомъ волостномъ судѣ, что сужденіе уголовныхъ дѣлъ на основаніи обычаевъ ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо, что обычай въ этой области расходится съ законодательствомъ только въ сторону дикости и грубости.

Подчинить дѣла уголовныя прямо участковымъ мировымъ судьямъ было бы весьма полезно, только бѣда все въ томъ же, что у волости денегъ нѣтъ на содержаніе отдѣльнаго участковаго мирового судьи. Но мысль у князя Лобанова-Ростовскаго была совсѣмъ иная; крупные землевладѣльцы и теперь уже, въ большинствѣ, бываютъ почетными мировыми судьями; вотъ этимъ-то почетнымъ мировымъ судьямъ, а не участковымъ, авторъ предложенія и предло-

жилъ передать вѣдѣніе дѣлъ уголовныхъ въ волости, изъявъ эти дѣла изъ волостныхъ судовъ. А для того, чтобы увеличить число почетныхъ мировыхъ судей и пріобрѣсть для каждой волости мирового судью, вполнѣ „благонадежнаго", съ особой, конечно, точки зрѣнія, князь Лобановъ и предложилъ ходатайствовать объ учрежденіи сословія *безсмѣнныхъ* мировыхъ судей, что́, очевидно, отняло бы у этого института главное его достоинство — то-есть, условіе избранія черезъ каждые три года. Мировой судья вовсе не потому внушаетъ довѣріе, что называется этимъ именемъ, но именно потому, что онъ—выборной на срокъ. Не будь этого, пожизненный мировой судья будетъ ничѣмъ не лучше судей стараго порядка. Баронъ Фредриксъ и по этому пункту справедливо замѣтилъ, что отъ установленія пожизненности судейскаго званія только одинъ шагъ до установленія наслѣдственности этого званія. Собраніе, утверждая предыдущія „основанія", очевидно, не отдавало себѣ яснаго отчета, къ чему клонится схема князя Лобанова, потому что, утвердивъ передачу уголовныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ, оно затѣмъ отвергло мысль объ учрежденіи пожизненныхъ почетныхъ мировыхъ судей, а это обстоятельство такъ сломало комбинацію князя Лобанова, что затѣмъ уже послѣднее свое предложеніе, именно „почетные мировые судьи и вѣдаютъ дѣла уголовныя", онъ взялъ назадъ, т.-е., не подвергнулъ голосованію, а предоставилъ себѣ обсудить вновь, въ самой коммиссіи.

Мы склонны думать, что собраніе утвердило и прочія основанія, предложенныя княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ только потому, что, отвергнувъ прежніе проекты, не видѣло иного выхода, какъ назначить новую коммиссію. Въ письмѣ, напечатанномъ въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ", извѣстный нашъ публицистъ, князь А. Васильчиковъ, высказываетъ объ основаніяхъ или „пожеланіяхъ", принятыхъ собраніемъ, мнѣніе, совершенно сходное съ нашимъ, и видитъ въ нихъ „смѣлое и откровенное заявленіе пожеланій одного изъ дворянскихъ собраній Россійской имперіи". Но намъ кажется, что рѣшеніе собранія едва-ли можетъ быть принято въ смыслѣ заявленія его сознательныхъ стремленій къ подчиненію себѣ волости. Самая ломка, произведенная голосованіемъ въ предложенной комбинаціи, доказываетъ, что собраніе не обдумало ихъ, не уяснило себѣ ихъ значенія въ совокупности. Произошло же это оттого, что собраніе не имѣло и времени обсудить этихъ предложеній. Въ одномъ и томъ же засѣданіи они были прочтены три раза и потомъ вотированы. При этомъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать предложеніе князя Лобанова сперва въ совокупности, а потомъ по статьямъ, собраніе прямо вотировало одинъ за другимъ отдѣльные пункты, и то почти

безъ преній, если не считать нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній барона Фредрикса. Намъ показалось, что собраніе поступало въ этомъ случаѣ слишкомъ поспѣшно, слишкомъ легко, въ томъ соображеніи, конечно, что это еще только основанія для проекта, а потомъ, проектъ будетъ еще подлежать обсужденію, и можетъ быть не только передѣланъ, но и отвергнутъ. Весьма вѣроятно, что такова и будетъ судьба проекта, составленнаго новою коммиссіей. У насъ, какъ извѣстно, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ администраціи, чрезвычайно легко смотрятъ на трату времени и труда; поручая кому-либо работу, мы весьма мало заботимся о предварительномъ опредѣленіи основныхъ ея данныхъ, все въ той мысли, что это еще дѣло поправимое послѣ. А между тѣмъ, проходитъ время, тратится трудъ и тогда возникаютъ совсѣмъ новыя соображенія, возникаютъ обстоятельства, сперва упущенныя изъ вида, и трудъ ломается, иногда по нѣскольку разъ, и все-таки въ концѣ выходитъ нѣчто нестройное и въ значительной мѣрѣ случайное.

Вообще же, присутствуя въ нынѣшнихъ засѣданіяхъ дворянскаго собранія, можно было наблюдать въ немъ нѣкоторыя черты той неурядицы, какая свойственна всѣмъ нашимъ общественнымъ сходкамъ. Отдавая полную справедливость безпристрастію предсѣдателя и такту ораторовъ, мы должны однако замѣтить, что ходу преній и здѣсь недоставало правильности отъ несоблюденія или отсутствія тѣхъ общихъ правилъ, какія можно найти въ любомъ сеймовомъ регламентѣ. Если такія правила считаются обязательными въ собраніяхъ тѣхъ странъ, гдѣ само общество издавно сжилось съ общественными преніями и сами участники собраній инстинктивно соблюдаютъ условія, необходимыя для правильности преній, то тѣмъ болѣе такія обязательныя правила необходимы у насъ, гдѣ подобной привычки нѣтъ и всякое собраніе инстиктивно клонится, наоборотъ, къ полной безпорядочности, анархичности въ разсмотрѣніи дѣла. Мы говоримъ здѣсь не о такъ-называемыхъ „скандалахъ"; въ сессіи петербургскаго дворянства ихъ не было, если не считать случай, что одинъ членъ обидѣлся невниманіемъ слушателей и ушелъ прочь. Мы говоримъ именно о правильности разсмотрѣнія дѣла, безъ которой самыя рѣшенія бываютъ случайны. Приведемъ примѣръ изъ сессіи, о которой мы говорили. Г. Платоновъ, во время преній по проекту г. Савельева, сдѣлалъ предложеніе, чтобы собраніе вообще вопроса о всесословной волости не разсматривало. Будь у насъ извѣстны вездѣ принятыя правила сеймованія, предсѣдатель объявилъ бы, что это предложеніе, составляя такъ-называемый „предварительный вопросъ", должно разсматриваться прежде всѣхъ другихъ и прежде открытія самыхъ преній; что г. Платоновъ могъ

внести это предложеніе тогда, когда былъ первоначально возбужденъ вопросъ о всесословной волости, и передъ тѣмъ, какъ собраніе избрало для разсмотрѣнія его коммиссію, въ настоящее же время, могъ сдѣлать только одно — взять назадъ свой проектъ; если же онъ непремѣнно желалъ устранить проектъ г. Савельева предварительнымъ вопросомъ, то долженъ былъ сдѣлать это до открытія преній. Такимъ образомъ, предложеніе было бы устранено и могло бы быть возобновлено уже только по забаллотировкѣ наличныхъ проектовъ, если бы они приняты не были. Между тѣмъ, что́ же происходитъ: предсѣдатель, при каждомъ неожиданномъ требованіи или предложеніи, прежде всего теряется, потомъ начинаетъ какъ-бы отрицать пользу этого предложенія и, наконецъ, спрашиваетъ собраніе, т.-е. пускаетъ на голоса. Предложеніе г. Платонова, заключавшее въ себѣ предварительный вопросъ, предсѣдатель хотѣлъ поставить въ числѣ всѣхъ прочихъ предложеній, относившихся къ самой организаціи волости, и объявлялъ, что общія пренія открыты по всѣмъ этимъ вопросамъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько дней могли бы длиться пренія о лучшемъ устройствѣ волости, и затѣмъ собраніе, принявъ предложеніе г. Платонова, признало бы, что эти пренія были совсѣмъ ненужны. По убѣжденію нѣкоторыхъ членовъ, предсѣдатель отказался отъ такой мысли, но за то пустилъ предложеніе г. Платонова на голоса, причемъ, вдобавокъ, назвалъ его проектомъ, такъ что многіе недоумѣвали, что́ они вотируютъ: проектъ г. Платонова о всесословной волости, или предложеніе его, чтобы этимъ вопросомъ вовсе не заниматься. Когда одинъ членъ потребовалъ баллотировки, вмѣсто обычнаго „прошу встать, прошу сидѣть", то предсѣдатель отвѣчалъ ему общими соображеніями о необязательномъ характерѣ рѣшеній собранія по настоящему дѣлу, между тѣмъ, какъ должно быть просто правило, что баллотировка производится по требованію столькихъ-то членовъ. У насъ она не можетъ происходить достаточно часто, именно по непривычкѣ нашей къ смыслу этихъ обрядовъ. Когда голосованіе происходитъ par assis et levé, то въ нашихъ собраніяхъ непремѣнно происходитъ сперва недоумѣніе, потомъ кто-нибудь сперва встанетъ и сейчасъ сядетъ. Въ одномъ изъ засѣданій нынѣшней сессіи мы видѣли, какъ одинъ почтенный членъ сперва всталъ и былъ сочтенъ, а послѣ, уставъ что-ли или передумавъ — сѣлъ до окончанія счета, и по всей вѣроятности былъ сочтенъ вновь. Число подавшихъ голоса за и противъ и отношеніе ихъ къ составу присутствія у насъ не объявляются, такъ что ошибка подобнаго рода весьма возможна. Желающихъ говорить о порядкѣ разсмотрѣнія смѣшиваютъ съ говорящими по сущности вопроса, между тѣмъ какъ первые должны говорить внѣ очереди. Одни пред-

ложенія разсматриваются цѣликомъ (проектъ г. Савельева), другія по пунктамъ (основанія кн. Лобанова-Ростовскаго), при чемъ остаются необсужденными въ своей совокупности и затѣмъ ломаются отверженіемъ какого-нибудь существеннаго пункта, какъ то уже и было объяснено выше. Необходимо каждому собранію усвоить себѣ какой-нибудь десятокъ правилъ, обезпечивающихъ правильность хода преній и устраняющихъ возможность рѣшеній чисто случайныхъ, а затѣмъ и вызываемаго ими иногда совершенно напраснаго труда.

Результатъ обсужденія вопроса о всесословной волости въ губернскомъ собраніи петербургскаго дворянства вышелъ пока отрицательный. Посмотримъ, что будетъ съ тѣмъ же вопросомъ въ средѣ здѣшняго губернскаго земства. Извѣстно, что губернская управа, на основаніи постановленія губернскаго же земскаго собранія въ декабрѣ 1870 года, составила проектъ устройства всесословныхъ волостей, разсмотрѣніе котораго было отсрочено въ прошлую сессію только потому, что не всѣ уѣздныя собранія еще высказались о немъ. Въ томъ докладѣ по этому предмету, который былъ представленъ управою губернскому собранію въ концѣ 1872 года, изложены мнѣнія доселѣ поступившія отъ уѣздныхъ земствъ. Изъ нихъ самое опредѣленное мнѣніе высказано управою петербургскаго уѣзда. Все населеніе уѣзда составляетъ 22,799 человѣкъ, въ томъ числѣ лицъ неподатныхъ сословій только 1399 (потомственныхъ дворянъ всего 251). Если же духовенство и иностранцевъ исключить изъ этой цифры, какъ немогущихъ занимать волостныхъ должностей, то останется лицъ привилегированныхъ сословій только 816, т.-е. 3,58% всего населенія. На основаніи этихъ данныхъ, уѣздная управа пришла къ убѣжденію, что при устройствѣ всесословныхъ волостей въ здѣшнемъ уѣздѣ въ нихъ неизбѣжно „преобладаніе крестьянъ надъ прочими сословіями, подчиненіе образованнаго меньшинства необразованному волостному головѣ, что̀ уѣздная управа считаетъ вполнѣ нежелательнымъ", и признаетъ, что „умственный и нравственный уровень необразованной массы можетъ быть возвышенъ только школою, проектированная же губернской управою реформа волостного управленія тутъ не поможетъ". Что во всесословной волости будетъ преобладать большинство, т.-е. крестьяне, не только здѣсь, но и почти вездѣ въ Россіи, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. При разсмотрѣніи дворянскихъ проектовъ по этому вопросу мы видѣли, къ какимъ искусственнымъ средствамъ приходится прибѣгать, чтобы устранить такое преобладаніе. Но намъ кажется, что съ мыслью о преобладаніи крестьянства, хотя и необразованнаго, слѣдуетъ примириться, потому что отрицать эту мысль въ Россіи значитъ отрицать принципы преобладанія большинства и равенства передъ зако-

номъ, то-есть основные принципы всѣхъ произведенныхъ у насъ реформъ. Затѣмъ, отъ народной школы, очевидно, зависитъ вся будущность; но сперва должна быть равноправность, а потомъ школа должна улучшить условія этой равноправности для образованныхъ людей. Иначе, мы становимся на ту извѣстную точку зрѣнія, что крестьянъ слѣдовало сперва сдѣлать образованными людьми, а уже потомъ освободить их. Дѣло въ томъ, что школа все-таки и никогда не создастъ равенства въ степени образованія, стало быть осуществленіе равноправности гражданской должно совершиться независимо отъ успѣховъ школы и не ожидая ихъ.

Отъ обсужденія въ общественномъ собраніи одного изъ нашихъ народныхъ вопросовъ перейдемъ къ разсмотрѣнію въ административныхъ коммиссіяхъ другого вопроса, еще болѣе народнаго или лучше сказать всенароднаго характера, именно вопроса о преобразованіи воинской повинности и самого устройства нашей арміи. Читателямъ уже извѣстно, что коммиссіи, которыя разработывали этотъ вопросъ въ военномъ министерствѣ, окончили свои занятія, и что для дальнѣйшаго разсмотрѣнія этого дѣла во всемъ его объемѣ образовано особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ на правахъ департамента. Въ общее собраніе государственнаго совѣта дѣло это поступитъ по всей вѣроятности неранѣе осенней его сессіи, хотя, какъ слышно, и предполагается привесть новый законъ въ дѣйствіе уже съ будущаго года. Коммиссіями военнаго министерства выработаны два проекта: собственно о преобразованіи воинской повинности и объ устройствѣ ополченія. Сверхъ того, назначенъ особый комитетъ военной реформы, которому подлежитъ разсмотрѣніе вопроса, возникшаго независимо отъ преобразованія повинности, именно вопроса о самой организаціи дѣйствующихъ войскъ, о сохраненіи военныхъ округовъ или о замѣнѣ ихъ, по крайней мѣрѣ на западной границѣ, корпусами и постоянными главными штабами. Наконецъ, само собою разумѣется, что преобразованіе войскъ и устройство ополченія также связано съ вопросомъ объ устройствѣ не армій, но родовъ войскъ, изъ которыхъ будутъ составляться наши вооруженныя силы.

Итакъ, все это дѣло, въ его совокупности, крайне сложно. Уже самое преобразованіе воинской повинности на началахъ общеобязательности и краткосрочности службы касается всѣхъ сторонъ народнаго быта и всѣхъ средствъ государства. Этотъ вопросъ не спѣшный, такъ какъ еслибы намъ представилась война въ теченіи одного изъ ближайшихъ годовъ, то мы вели бы ее во всякомъ случаѣ прежнею, а не новою арміею. Значитъ, здѣсь спѣшить нѣчего, а между тѣмъ

здѣсь нужно самое осмотрительное и всестороннее разсмотрѣніе. Проектъ о воинской повинности, составленный коммиссіею военнаго министерства, не можетъ приэтомъ служить даже и сколько-нибудь обязательной программой, а только *поводомъ*, потому что отбываніе народомъ тягчайшей изъ повинностей есть вопросъ далеко выходящій за предѣлы военной специальности. Военные специалисты въ этомъ дѣлѣ могутъ быть компетентны только для выраженія нѣкоторыхъ условныхъ требованій, какъ-то о численности состава дѣйствующей арміи и запаса, и о минимумѣ срока состоянія въ рядахъ, какой можетъ быть допущенъ ихъ техническими условіями. Все остальное относится къ области соображеній политическихъ, финансовыхъ и хозяйственныхъ. Другое дѣло—вопросы о распредѣленіи служащихъ на категоріи дѣйствующей арміи, запаса и ополченія, о существованіи или недопущеніи отдѣльныхъ мѣстныхъ войскъ. Это—вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только специалистами, но долженъ быть рѣшенъ ими окончательно уже позднѣе, послѣ того, какъ опредѣлятся самыя условія отбыванія повинности. Наконецъ, третій вопросъ, объ округахъ или корпусахъ, вопросъ чисто военный, имѣющій мало связи съ предыдущими и притомъ болѣе спѣшный, чѣмъ остальные; стало быть, его слѣдовало бы рѣшить сперва.

Мы настаиваемъ на необходимости точнаго разграниченія между этими элементами военнаго преобразованія, и на необходимости раздѣленія труда при разсмотрѣніи ихъ потому, что прежде всего желательно было бы избѣгнуть слишкомъ поспѣшнаго рѣшенія одной стороны дѣла, для ускоренія другого рѣшенія, не органически связаннаго съ первымъ. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ одно присутствіе о воинской повинности будетъ имѣть возможность пройти всѣ приготовительныя работы по разнымъ сторонамъ дѣла и не будетъ ли оно вынуждено, самой сложностью предлежащей ей задачи, придать готовымъ уже внесеннымъ проектамъ болѣе окончательное значеніе, чѣмъ какое они должны бы имѣть. Наконецъ, желательно было бы и въ комитетѣ военной реформы избѣгнуть такого естественнаго смѣшенія въ столь сложномъ дѣлѣ, при необходимомъ участіи многихъ управленій, что, напримѣръ, вопросъ объ округахъ, во время преній обратился бы въ вопросъ о нынѣшней системѣ управленія военнаго министерства. Изъ того, напримѣръ, что военное министерство слишкомъ много издерживаетъ по отношенію къ средствамъ бюджета, и что требованія его постоянно возрастаютъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что система округовъ дурна; или изъ того, что перевооруженіе обошлось намъ дорого, ровно ничего не слѣдуетъ относительно подраздѣленія войскъ на такія или иныя категоріи. Вотъ почему крайне важно опредѣлить сперва точную программу того порядка, въ какой

постепенности и при какомъ именно составѣ будутъ разсматриваться входящіе сюда вопросы и не полезно ли было бы какъ при присутствіи, такъ и при комитетѣ учредить особыя гражданскую и военную редакціонныя коммиссіи.

Обратимся теперь къ обзору собственно проекта о воинской повинности, то-есть тѣхъ главныхъ основаній его, выработанныхъ въ военномъ министерствѣ, какія получили общую извѣстность путемъ неоффиціальной печати, такъ какъ, къ сожалѣнію, основанія проекта доселѣ оффиціально опубликованы не были.

Перечислимъ кратко главныя черты проекта. Всѣ лица, достигшія 20-ти лѣтъ, призываются къ вынутію жребія, если не объявили желанія служить вольноопредѣляющимися. Вынувшіе жребій, освобождающій отъ службы, зачисляются въ ополченіе, прочіе поступаютъ въ ряды и будутъ состоятъ въ сухопутныхъ войскахъ на службѣ 15 лѣтъ, въ томъ числѣ 6 лѣтъ дѣйствительной службы и 9 лѣтъ въ запасѣ; сроки эти сокращаются временными отпусками, которые будутъ даваться для рядовыхъ послѣ пяти лагерныхъ сборовъ, то-есть 4½ лѣта. На этомъ основаніи намъ говорятъ, что „для большинства назначается собственно только 4½ года дѣйствительной службы подъ знаменами“. Однако, временно-отпускные могутъ быть призываемы на службу во всякое время. Состоящіе въ запасѣ призываются только въ случаѣ войны. Отбывшіе службу подъ знаменами и въ запасѣ перечисляются въ ополченіе и состоятъ тамъ до 38-ми-лѣтняго возраста, т.-е. 3 года. Туда же, въ ополченіе, зачисляются прямо на все время съ 20-ти до 38-ми-лѣтняго возраста всѣ тѣ, кто при тиражѣ вынулъ жребій, освобождающій отъ службы. Ополченіе созывается только въ случаѣ войны, высочайшимъ манифестомъ, но противъ непріятеля выводятся только тѣ изъ ополченцевъ, которые моложе 27-ми лѣтъ. Изъ этихъ именно людей не только формируются части ополченія, но также пополняются дѣйствующія войска, когда запасъ ихъ истощенъ. Остальные же люди, числящіеся въ ополченіи, служатъ только для формированія его частей, то-есть такихъ частей, которыя будутъ нести внутреннюю службу.

Изъятіе отъ воинской повинности проектъ допускаетъ только для священнослужителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и для православныхъ псаломщиковъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и даже въ семинаріяхъ. Затѣмъ изъятіе условное, а именно освобожденіе отъ немедленнаго поступленія подъ знамена, но съ зачисленіемъ все-таки въ запасъ, то-есть въ армію же, но только на случай войны, допускается для врачей и преподавателей училищныхъ предметовъ. Льготы при прохожденіи службы проектомъ допу-

скаются, для вынимающихъ жребій, по образованію, по семейному и имущественному положенію. По образованію льготы даются двоякія: отсрочка призыва для воспитанниковъ учебныхъ заведеній и сокращеніе срока службы для кончившихъ курсы училищъ. Всѣ учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда: 1-й—университеты и высшія училища, 2-й—гимназіи и среднія училища, 3-й—прогимназіи, и 4-й—народныя училища. Кончившіе курсъ училищъ перваго разряда служатъ въ рядахъ 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ перечисляются въ запасъ; кончившіе средній курсъ — въ рядахъ 1 ½ года, въ теченіе которыхъ, однако, должны быть два лагерныхъ сбора; кончившіе курсъ третьяго разряда — въ рядахъ 3 года, прошедшіе же курсъ народныхъ училищъ — въ рядахъ 4 года; затѣмъ всѣ, пробывшіе установленный срокъ въ рядахъ, зачисляются въ запасъ.

По семейному положенію льгота состоитъ въ постепенности призыва лицъ, относящихся къ тремъ разрядамъ по семейному положенію: къ первому разряду относятся единственные внуки, сыновья или братья-работники при дѣдѣ или бабкѣ, вдовѣ-матери или престарѣломъ отцѣ, наконецъ при сиротахъ. Этотъ разрядъ подлежитъ призыву позже всѣхъ и по имѣющимся разсчетамъ совсѣмъ служить не будетъ. Второй и третій разряды менѣе льготные, но все еще льготные, призываются одинъ послѣ другого, но только въ случаѣ, если для выполненія набора недостало людей, совсѣмъ непринадлежащихъ къ разрядамъ льготнымъ, то-есть, сыновей такой семьи, у которой сыновей нѣсколько и ни одинъ не состоитъ на службѣ, и не умеръ, состоя на службѣ. По имущественному положенію льгота заключается только въ отсрочкѣ на годъ призыва такимъ лицамъ, которые владѣютъ и лично управляютъ недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ и торговымъ заведеніемъ.

Приведенныя правила, изъятія и льготы относятся только къ лицамъ, вынимающимъ жребій. Но тѣмъ молодымъ людямъ, которые получили образованіе въ заведеніяхъ не ниже третьяго изъ указанныхъ выше разрядовъ училищъ, дозволяется поступать на службу вольноопредѣляющимися, не вынимая жребія, и для нихъ установляется особая льгота относительно сроковъ дѣйствительной службы, то-есть, состоянія въ рядахъ, въ мирное время. Вольноопредѣляющіеся перваго разряда (прошедшіе курсъ перворазрядныхъ училищъ) служатъ въ дѣйствующихъ войскахъ только 3 мѣсяца и по выдержаніи особаго испытанія и отбытіи одного лагернаго сбора, хотя бы въ то же время, могутъ быть, по прошествіи этого срока, производимы въ офицеры. Второй разрядъ даетъ право на годовой срокъ дѣйствительной службы и на тѣ же права по отбытіи его. Для третьяго разряда срокъ двухъ-лѣтній, но производство въ офицеры

только по прослуженіи еще третьяго года. Окончивъ эти сроки, вольноопредѣляющіеся перечисляются въ запасъ или продолжаютъ службу. Вольноопредѣляющіеся въ гвардіи и кавалеріи должны содержать себя на свой счетъ; вольноопредѣляющіеся, которые служатъ на свой счетъ, могутъ жить на вольныхъ квартирахъ. Цѣлью учрежденія вольноопредѣляющихся указывается: желаніе „привлечь въ войска людей, могущихъ служить для пополненія корпуса офицеровъ".

Изъ перечисленія этихъ основаній проекта оказывается, что устройство воинской повинности предположено примѣнительно къ устройству ея въ Пруссіи. Но изъ двухъ началъ, на которыхъ основано прусское устройство, то-есть общеобязательности и краткосрочности службы, у насъ проектъ хочетъ осуществить только первое; срокъ состоянія въ войскахъ, то-есть въ дѣйствующей арміи и въ резервѣ, проектъ оставляетъ прежній, то-есть 15 лѣтъ. А между тѣмъ начала краткосрочности и общеобязательности службы тѣсно связаны одно съ другимъ, неотдѣлимы одно отъ другого. Если годовой контингентъ 20-ти-лѣтнихъ составляетъ 200 тысячъ человѣкъ, то, проведя строго общеобязательность и устранивъ краткосрочность, то-есть оставивъ нынѣшній общій срокъ, мы получимъ составъ дѣйствующей арміи и запаса вмѣстѣ въ 3 милліона человѣкъ. Намъ скажутъ, что ежегодные призывы будутъ дѣлаться не въ такомъ размѣрѣ, а въ половинномъ, не въ 200, а въ 100 тысячъ. Но вѣдь это и значитъ уменьшать общеобязательность на половину; съ какой цѣлью?—съ той, чтобы краткосрочность устранить совсѣмъ. Таковъ именно странный смыслъ произвольнаго сокращенія призыва и вмѣстѣ продленіе сроковъ: это есть отступленіе отъ обоихъ основныхъ началъ прусскаго устройства, отъ обоихъ тѣхъ принциповъ, для осуществленія которыхъ у насъ предпринимается военная реформа. Какой разсчетъ, спросимъ еще разъ, нарочно не проводить чрезъ службу одного изъ двухъ 20-ти-лѣтнихъ, а вмѣсто того, въ случаѣ войны, призывать въ ряды состоящаго въ запасѣ 34-хъ-лѣтняго человѣка, семьянина и хозяина?

Хвалители проекта, упомянувъ о сохраненіи имъ нынѣшняго общаго срока состоянія въ войскахъ, спѣшатъ прибавить, что изъ этихъ 15-ти лѣтъ 9 будутъ въ запасѣ, а *только* 6 и даже $4^1/_2$ „дѣйствительной службы". Но, во-первыхъ, 6 и $4^1/_2$ года состоянія въ рядахъ совсѣмъ не все равно. Тѣ $1^1/_2$ года, которые выигрываются посредствомъ временнаго отпуска послѣ $4^1/_2$ службы, все равно почти потеряны для дѣятельности человѣка, потому что онъ будетъ состоять въ полномъ распоряженіи военнаго министра, можетъ ежедневно ожидать призыва въ ряды, изъ-за сотенъ верстъ, для по-

полненія убыли или въ виду дипломатическихъ компликацій, или наконецъ, просто потому, что главный штабъ пожелаетъ сдѣлать опытъ призыва временно-отпускныхъ въ такой-то губерніи, какъ онъ дѣлаетъ теперь. Спрашивается, возможно ли начать серьёзно какую-нибудь дѣятельность, когда находишься въ такомъ неопредѣленномъ положеніи? Примѣръ нашихъ нынѣшнихъ временно-отпускныхъ самъ доказываетъ это. Много ли отъ нихъ пользы для страны? Служить $4^1/_2$ года и потомъ $1^1/_2$ года быть въ отпуску, значитъ, терять $1^1/_2$ года, или быть въ положеніи немного различнымъ отъ того, въ какомъ находятся солдаты отпускаемые осенью, послѣ лагернаго сбора, на „вольныя работы". Если бы наши спеціалисты утверждали, что 6-ти-лѣтній срокъ состоянія въ рядахъ необходимъ у насъ по техническимъ условіямъ, тогда мы не могли бы возразить ничего, могли бы развѣ замѣтить, что напрасно спеціалисты считаютъ русскаго вдвое глупѣе пруссака, который дѣлается отличнымъ солдатомъ при 3-хъ-лѣтнемъ пребываніи подъ знаменами. Но когда сами спеціалисты признаютъ, что пяти лагерныхъ сборовъ ($4^1/_2$ лѣтъ) совершенно достаточно для образованія изъ русскаго хорошаго солдата, то затѣмъ мы уже недоумѣваемъ, къ чему же срокъ состоянія въ рядахъ полагается 6-ти-лѣтній? Для пополненія убыли? Нѣтъ, отвѣтимъ сами, но для произвольнаго уменьшенія ежегоднаго призыва на половину; иначе, имѣя подъ знаменами 6 возрастовъ 200-тысячнаго призыва, мы получили бы постоянную армію (stehendes Heer) въ 1 мил. 200 т. человѣкъ, что и не нужно, и невозможно. Значитъ, краткосрочность устраняется именно для того, чтобы устранить общеобязательность, или наоборотъ: этимъ доказывается вмѣстѣ и неразрывность обоихъ этихъ началъ, и намѣреніе проекта, въ значительной мѣрѣ устранить оба эти начала изъ будущаго устройства русской арміи. Въ самомъ дѣлѣ, если при призывѣ въ 100 тысячъ, цѣлая половина (даже $^2/_3$) возрастныхъ не призываются на службу, не проводятся чрезъ ряды, но зачисляются прямо въ ополченіе, то стало быть половина (или $^2/_3$) ополченія будетъ вовсе негодна для дѣйствія и совершенно напрасно на нее разсчитывать. А вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, который разъ уже попалъ на службу, будетъ прикрѣпленъ къ ней 6 лѣтъ подъ знаменами, то-есть вдвое долѣе, чѣмъ въ Пруссіи, да еще 9 лѣтъ въ запасѣ, то-есть опять вдвое долѣе, чѣмъ въ Пруссіи въ резервѣ. Въ результатѣ выйдетъ, что мы будемъ имѣть чрезмѣрную по численности постоянную армію, изъ людей закабаленныхъ на долгій срокъ, при чемъ повинность для нихъ будетъ крайне тяжела, ландвера вовсе имѣть не будемъ, а ополченіе наше, какъ состоящее въ большинствѣ изъ людей вовсе не прошедшихъ службы, будетъ

никуда негодно. Это-ли называется подражаніемъ прусскому устройству, введеніемъ у насъ прусской военной системы?

Для нагляднаго сравненія сопоставимъ дѣленіе и сроки службы у насъ и въ Пруссіи слѣдующимъ образомъ:

Stehendes Heer.	Reserve.	Landwehr 1-s Aufgebot.	2-s Aufgebot.	Landsturm.
3 г.	4 г.	4 г.	5 л.	до 49 лѣтъ.
Въ дѣйств. арміи.	Въ запасѣ.	Ополченіе.	Ополченіе.	
6 ($4^1/_2+1^1/_2$) л.	9 л.	1-е до 27 лѣтъ.	2-е до 38 лѣтъ.	

Итакъ, самое дѣленіе у насъ не соотвѣтствуетъ прусскому, и существенная разница состоитъ въ томъ, что наше ополченіе не соотвѣтствуетъ прусскому ландверу. Теперь примемъ нашъ запасъ за ландверъ перваго призыва, состояніе во временномъ отпускѣ за состояніе въ резервѣ, наконецъ, 1-й разрядъ нашего ополченія за ландверъ второго призыва. Тогда сравненіе представится въ слѣдующемъ видѣ:

Stehendes Heer.	Reserve.	Landwehr 1-s Aufgebot.	2-s Aufgebot.	Landsturm.
3 г.	4 г.	4 г.	5 л.	до 49 лѣтъ.
Въ дѣйств. арміи.	Въ отпуску.	Въ запасѣ.	Ополченіе.	Ополченіе.
$4^1/_2$ г.	$1^1/_2$ г.	9 л.	до 27 лѣтъ.	до 38 лѣтъ.

Взглядъ на эти сравнительныя цифры обнаруживаетъ то коренное различіе въ условіяхъ, среди которыхъ такое устройство возникло въ Пруссіи и возникаетъ у насъ. Сущность положенія въ Пруссіи была въ томъ, что 10 — 18-ти-милліонное государство, во-что бы то ни стало, хотѣло играть роль равную съ державами съ населеніями вдвое и втрое болѣе многочисленными. Вотъ почему прусское устройство разсчитано на то, чтобы имѣть какъ можно больше людей: повинность окончательно прекращается только въ 49 лѣтъ, то-есть послѣ 29-лѣтняго состоянія въ спискахъ. Въ одно время могутъ быть призваны къ оружію цѣлыхъ 16 возрастовъ людей, прошедшихъ чрезъ ряды арміи. У насъ условія совсѣмъ иныя: у насъ прежде всего—людей дѣвать некуда. И между тѣмъ, у насъ все-таки предполагаютъ и держать людей дольше подъ ружьемъ, чѣмъ въ Пруссіи, и вмѣстѣ выводить противъ непріятеля ту именно часть ополченія (до 27 лѣтъ), которая состоитъ изъ людей неслужившихъ, необученныхъ, однимъ словомъ, изъ мобилей, а не изъ ландверамановъ. Почему не ввесть просто прусское устройство, прусское подраздѣленіе, но примѣняясь къ многочисленности нашего народа, сократить у насъ общій срокъ службы противъ прусскаго, такъ какъ мы имѣемъ возможность дѣлать гораздо бо̀льшіе ежегодные призывы? По строгой логикѣ, отъ различія нашего положенія съ условіями Пруссіи, кажется и невозможно сдѣлать иного вывода, какъ именно этотъ: ввести то же подраздѣленіе, но сократить общій срокъ службы.

Если за минимумъ для обученія у насъ признаются не 3, а 4½ года, то пусть такъ и будетъ срокъ дѣйствительной службы 4½ года; состояніе во временномъ отпуску при краткосрочности службы не имѣетъ смысла, состояніе въ резервѣ совсѣмъ не нужно, такъ какъ цифра призыва опредѣляется ежегодно, сообразно потребностямъ комплектованія постоянной арміи; затѣмъ запасъ сдѣлать прямо соотвѣтственнымъ ландверу, оставивъ состояніе въ немъ въ 9 лѣтъ, но раздѣливъ запасъ на два призыва, именно запасъ, а не ополченіе. Въ первомъ призывѣ запаса 4 года, во второмъ — 5 лѣтъ, совершенно какъ въ Пруссіи, а ополченіе пусть будетъ все однородно, и противъ непріятеля пусть вовсе не назначается, однимъ словомъ, пусть оно будетъ ландштурмомъ, но со срокомъ не до 49, какъ въ Пруссіи, а до 38, какъ предположено проектомъ. Тогда мы будемъ располагать во всякое время 13½ возрастами обученныхъ, прошедшихъ черезъ ряды людей, что совершенно достаточно и, при призывѣ въ 150 тысячъ, дастъ армію въ 1 мил. 950 тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не будемъ тогда нуждаться въ томъ, чтобы разсчитывать на необученную часть ополченія для дѣйствія противъ непріятеля. Мысль объ этомъ разрядѣ ополченія (до 27 лѣтъ) и мысль о 1½ годовомъ состояніи во временномъ отпуску, очевидно — представляютъ слабѣйшія стороны нынѣшняго проекта. Измѣненіе, на необходимость котораго мы указываемъ, имѣло бы между тѣмъ огромное значеніе для облегченія тягости воинской повинности. Прослуживъ 4½ года, человѣкъ могъ бы заняться дѣломъ, зная, что не будетъ оторванъ отъ занятій иначе, какъ въ случаѣ войны. Просостоявъ еще 4 года въ первомъ призывѣ запаса, онъ, имѣя 28½ лѣтъ, могъ бы обзавестись семействомъ, и въ случаѣ войны не былъ бы выводимъ въ поле, такъ какъ запасъ второго призыва если и собирается, то остается въ тылу дѣйствующей арміи; стало быть послѣ войны было бы меньше сиротъ, чѣмъ если всѣ до 35-лѣтняго возраста будутъ состоять въ запасѣ безразлично.

Обратимся теперь къ изъятіямъ и льготамъ. Въ прежнихъ нашихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ при самомъ возбужденіи вопроса о преобразованіи воинской повинности, мы доказывали, что изъятія должны быть допущены не по сословнымъ различіямъ, но по образованію; процентъ лицъ, получающихъ высшее образованіе въ Россіи, въ сравненіи съ числомъ населенія такъ ничтоженъ, что имъ невозможно ни усилить армію, ни поднять умственный и нравственный ея уровень: 1 на 1,000 не можетъ оказать ровно никакого вліянія. А между тѣмъ, чѣмъ меньше образованныхъ силъ въ странѣ, тѣмъ важнѣе сберегать ихъ и не ставить препятствій, перерывовъ, на пути ихъ развитія. Но льготы, предоставляемыя проектомъ образо-

ванію, нѣтъ сомнѣнія, значительны, и если уже полагаютъ необходимымъ безусловно не допускать полнаго изъятія, то можно, пожалуй, и удовлетвориться этими льготами. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, на какомъ же основаніи проектомъ допущено полное, безусловное изъятіе для „псаломщиковъ“, кончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и даже въ семинаріяхъ? Мы понимаемъ отсрочку призыва для воспитанниковъ духовныхъ училищъ, какъ и другихъ училищъ; она и опредѣляется особо, при чемъ для духовныхъ училищъ допущены самыя долгія отсрочки; мы понимаемъ освобожденіе священнослужителей отъ службы. Но съ какой стати давать полное изъятіе еще псаломщикамъ, которыхъ вслѣдствіе того разведется видимо-невидимо? Этимъ путемъ множество людей, вовсе не особенно цѣнныхъ для государства, будутъ избѣгать службы и воспользуются такимъ изъятіемъ, котораго не предоставлено даже докторамъ университетовъ. Стóитъ кончить курсъ въ семинаріи и, освободившись отъ воинской повинности званіемъ псаломщика, потомъ заняться чѣмъ угодно. Богомольное купечество съ благодарностью приметъ исполненіе такой духовной повинности, вмѣсто отбыванія повинности военной; о сыновьяхъ лицъ духовнаго званія уже и не говоримъ: для нихъ это прямая дорога, и изъ псаломщиковъ они по-прежнему будутъ наводнять собою гражданскую службу. Итакъ, въ Россіи одна каста все-таки будетъ, каста привилегированная въ самомъ существенномъ изъ всѣхъ гражданскихъ условій. Только это будетъ не потомственное дворянство, а потомственное духовенство. Колѣно Іуды теряетъ привилегію, но она возстановляется въ пользу колѣна Левія. Неужели же Россія въ настоящее время ни въ комъ рѣшительно такъ не нуждается, какъ въ псаломщикахъ?

Затѣмъ, спросимъ, отчего предполагаемыя льготы по образованію, сокращая срокъ состоянія въ рядахъ, нисколько не касаются срока состоянія въ запасѣ? Для чего докторъ исторіи, магистръ технологіи непремѣнно должны въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ подлежать призыву къ оружію? Извѣстно чтó наши военные спеціалисты говорятъ противъ допущенія полнаго изъятія для лицъ высшаго образованія: мы не даемъ такихъ изъятій, 1) чтобы не нарушить принципа общеобязательности, но люди съ высшимъ образованіемъ будутъ служить въ дѣйствительности самые короткіе сроки, до 3 мѣсяцевъ, при чемъ отвлеченіе ихъ отъ ихъ занятій будетъ почти непримѣтно; 2) полнаго изъятія мы имъ не даемъ еще потому, что намъ нужны образованные люди для пополненія корпуса офицеровъ. Прекрасно! но первое требованіе будетъ вполнѣ достигнуто и въ томъ случаѣ, если, прослуживъ въ рядахъ нѣсколько мѣсяцевъ, люди съ высшимъ образованіемъ и въ запасѣ будутъ состоять скажемъ 2,

3 года; для чего же имъ, прослуживъ 3 мѣсяца въ рядахъ, состоять затѣмъ въ запасѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ 9 мѣсяцевъ? Людей что́ ли у насъ мало, или число этихъ лицъ такъ значительно, что на нихъ приходится разсчитывать для пополненія рядовъ, въ случаѣ войны, какъ въ Германіи? Вовсе нѣтъ: людей и безъ того дѣвать некуда; всѣхъ подлежащихъ повинности и безъ того нѣтъ средствъ ни вооружить, ни содержать. А между тѣмъ, даже и профессоровъ и преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній проектъ предполагаетъ освободить только отъ поступленія въ ряды въ мирное время, но зачисляетъ ихъ въ запасъ на полный срокъ, то-есть на 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, всѣ лица съ высшимъ образованіемъ и даже всѣ доктора медицины, всѣ врачи, всѣ профессора университетовъ и преподаватели, недостигшіе 35-лѣтняго возраста должны будутъ идти въ походъ. Развѣ это только одно соблюденіе принципа, развѣ это значитъ, что въ дѣйствительности они. будутъ служить мало? Мы пока не знаемъ, какія должности будутъ давать право на исключеніе отъ призыва, но довольно и того, если огромное большинство пятнадцати возрастовъ людей съ высшимъ университетскимъ или техническимъ образованіемъ должно будетъ отправляться въ походъ: уже отсюда очевидно, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дѣятельности въ странѣ война произведетъ полный застой и совершенную ломку.

Говорятъ — намъ нужны образованные офицеры. Но вѣдь Россія издерживаетъ спеціально на приготовленіе офицеровъ 4 милл. рублей въ годъ (смѣта гл. упр. воен. учебн. зав.), то-есть цѣлую треть всего итога смѣты министерства народнаго просвѣщенія. Намъ скажутъ, что рѣчь и идетъ о пополненіи офицеровъ не для постоянной арміи, а для запаса. Это такъ, но какихъ же офицеровъ запасъ получитъ изъ кандидатовъ университета, служившихъ въ рядахъ всего 3 мѣсяца, или изъ преподавателей, которые и вовсе въ рядахъ не служили, а прямо были зачислены въ запасъ? Очевидно не капитановъ, не ротныхъ командировъ, но только прапорщиковъ, субалтернъ-офицеровъ. Капитаны всегда и вездѣ будутъ непремѣнно воины по профессіи, а не по повинности. Весьма важно, конечно, для нравственнаго уровня корпуса офицеровъ, для облагороженія нравовъ и обычаевъ въ офицерской средѣ имѣть и субалтернъ-офицеровъ какъ можно болѣе образованныхъ. Но это можетъ примѣняться только къ постоянной арміи, а не къ запасу, который созывается только въ походъ, и всегда представитъ пеструю массу людей, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ мундира и знамени, и никакихъ общихъ понятій и нравовъ установиться не можетъ. Въ такой временной, походной арміи, офицеръ имѣетъ именно только боевую цѣну, и въ ней-то образо-

ванность и всякія качества субалтернъ-офицеровъ имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ служебная опытность и снаровка унтеръ-офицеровъ, которые находятся въ гораздо большей связи съ солдатами, чѣмъ субалтернъ-офицеры. Въ такой походной арміи, лучшій унтеръ-офицеръ будетъ не магистръ химіи, а простой рядовой изъ постоянной арміи; лучшій субалтернъ-офицеръ будетъ не медикъ, а фельдфебель, прослужившій два срока въ постоянной арміи, хотя бы онъ плохо зналъ даже правописаніе. Офицеры же, командующіе частями, начиная съ роты и эскадрона, въ запасѣ во всякомъ случаѣ должны быть профессіональные. Какой, спрашивается, офицеръ кандидатъ университета, который, пробывъ на 22-мъ году жизни 3 мѣсяца въ рядахъ, и послѣ того 12 лѣтъ неслыхавшій барабана, незнакомый съ ружьемъ послѣдней системы, занимавшійся совсѣмъ инымъ дѣломъ, имѣющій семейство, вдругъ, 34-хъ лѣтъ отъ роду, призывается быть офицеромъ въ боевой арміи, то-есть въ мобилизованномъ запасѣ?

Изъ предшествующаго, по нашему убѣжденію, совершенно очевидно, что нѣтъ никакого серьёзнаго повода установлять равенство срока состоянія въ запасѣ для всѣхъ безъ исключенія, и что льгота по образованію должна заключаться не только въ сокращеніи срока состоянія въ рядахъ, но и въ соотвѣтственномъ сокращеніи срока состоянія въ запасѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1873.

Правительственный кризисъ въ Англіи. — Свойства кризиса. — Гладстонъ и Ирландія. — Пораженіе и возстановленіе правительства. — Дополненіе французской конституціи. — Новая конвенція съ Германіею. — Новая организація арміи.

Среди народнаго представительства Великобританіи и Ирландіи, во главѣ его, по обѣимъ сторонамъ спикера, сидятъ на противоположныхъ скамьяхъ, за однимъ столомъ, лицомъ къ лицу одно противъ другого, два готовыхъ правительства: одно, управляющее страною въ настоящее время, другое, готовое на смѣну перваго. Оба эти правительства состоятъ изъ людей наибо́льшаго авторитета въ странѣ, изъ людей опытныхъ въ дѣлахъ управленія. При наступленіи кризиса не происходитъ никакой пертурбаціи, не является сомнѣнія, въ чьи руки перейдетъ власть: джентльмены, сидящіе по лѣвой сторонѣ отъ спикера, переходятъ на правую его сторону, на министерскую скамью, а джентльмены, сидѣвшіе на этой скамьѣ, переходятъ на лѣвую сторону, и изъ правительства превращаются въ главный штабъ оппозиціи. Одни называютъ себя либералами, другіе консерваторами, хотя по континентальнымъ понятіямъ и тѣ и другіе — либералы. Но въ смыслѣ относительномъ, подраздѣленіе ихъ по этимъ названіямъ все-таки вѣрно. Дѣло въ томъ, что политическая жизнь націи есть постоянный процессъ развитія; но процессъ этотъ можетъ, сообразно потребностямъ даннаго времени, совершаться быстрѣе или медленнѣе. Превосходная политическая организація Англіи представляетъ машину, которая дѣйствуетъ вполнѣ согласно съ сознаніемъ, стремленіемъ націи, и имѣетъ въ себѣ регуляторы, которые, смотря по состоянію общественнаго мнѣнія, тотчасъ прибавляютъ или убавляютъ силу движенія. Страною правитъ общественное мнѣніе; органомъ его, полновластнымъ, державнымъ органомъ, служитъ палата

общинъ. Какъ только среди отправленій этого органа наступитъ такой моментъ, который покажетъ, что страна несогласна идти съ настоящимъ правительствомъ въ какой-либо важной мѣрѣ, или останавливаться вмѣстѣ съ тѣмъ передъ какою-либо важной мѣрою, замедляя ея,—кризисъ происходитъ и разрѣшается почти механическимъ образомъ. Такъ совершенна эта машина, дѣйствующая по совокупности законовъ нигдѣ не записанныхъ, но выработанныхъ жизнью и исторіею, проникшихъ понятія всей націи, что полная соотвѣтственность хода управленія волѣ націи достигается, повторяемъ, именно механическимъ образомъ. Нынѣшнее правительство въ одной важной мѣрѣ не получило при голосованіи большинства, или получило большинство ничтожное: краснорѣчивая цифра эта служитъ указателемъ долженствующей наступить перемѣны, какъ извѣстная цифра давленія на манометрѣ показываетъ необходимость убавить паровъ или прибавить ихъ. Увидавъ такую знаменательную цифру, джентльмены, сидящіе во главѣ правой, министерской стороны встаютъ и изъявляютъ намѣреніе перейти на лѣвую сторону. Противники ихъ, сидящіе насупротивъ, встаютъ одновременно и если признаютъ наличный градусъ давленія соотвѣтствующимъ ихъ силѣ дѣйствія, то переходятъ на министерскую скамью и принимаютъ власть. Такой переходъ означаетъ только то, что внѣшній, законодательный процессъ развитія отнынѣ будетъ совершаться нѣсколько быстрѣе или нѣсколько медленнѣе прежняго, сообразно состоянію атмосферы и потребностямъ страны, какъ они въ данную минуту сознаются общественнымъ мнѣніемъ. Переходъ этотъ, въ свою очередь, предназначается на короткое, по нашимъ понятіямъ, время, всего на два, три, много пять лѣтъ, такъ какъ между колебаніями въ общественномъ времени, естественно, не можетъ быть болѣе продолжительныхъ перерывовъ, а стало быть правительство и не можетъ существовать неопредѣленно долгое время. И при наступленіи перемѣнъ, въ Англіи перемѣняются именно *правительства,* а не министерства. Гладстонъ соотвѣтствуетъ Гранту. Правительства Англіи также временны, какъ и правительства Америки, и назначаются впередъ также только на время. Но разница съ американскими учрежденіями та, что въ Америкѣ временность смѣны опредѣлена закономъ, въ видѣ обязательнаго срока; въ Англіи же срокъ не опредѣленъ, и сама жизнь вызываетъ его наступленіе: срокъ наступаетъ въ тотъ самый моментъ, когда потребность страны продиктуетъ его. Эта конституціонная машина Англіи представляетъ еще ту черту совершенства, что еслибы, сверхъ ожиданій, показаніе регулятора или манометра, то-есть голосованіе палаты представилось сомнительнымъ, еслибы оказалось основаніе сомнѣваться въ томъ, что манометръ этотъ показалъ обще-

ственное сознаніе вѣрно, то въ самомъ механизмѣ есть условіе для ректификаціи: палата можетъ быть распущена правительствомъ, и затѣмъ уже непосредственно сама страна рѣшитъ вопросъ новыми выборами. Тогда правительство или пріобрѣтетъ вновь силу, недостававшую ему въ прежней палатѣ, или немедленно удалится безъ всякаго дальнѣйшаго колебанія. Вотъ нѣкоторое преимущество англійской организаціи передъ американскою. Въ Америкѣ, гдѣ смѣна правительства и представительства опредѣлена обязательными сроками, органъ народа не имѣетъ возможности удалить ранѣе срока правительство, уже несоотвѣтствующее желаніямъ страны; правительство же, если сомнѣвается въ дѣйствительномъ согласіи конгресса съ народомъ, не можетъ распустить представительства и должно уживаться до наступленія извѣстнаго срока съ такимъ парламентомъ, который тормазитъ всю его дѣятельность и явно высказываетъ ему свое недовѣріе. Такъ было съ преемникомъ Линкольна — Андрў Джонсономъ и боровшимся съ нимъ парламентомъ.

Въ 1868 году, когда, вслѣдъ за избраніемъ нынѣшней палаты общинъ, на основаніи новаго избирательнаго билля (1867 г.), образовалось нынѣшнее правительство съ Гладстономъ во главѣ, либеральный премьеръ поставилъ и объявилъ первой своей задачею вести политическое развитіе страны скорыми шагами къ устраненію главнаго внутренняго разлада въ Соединенныхъ Королевствахъ—разлада Ирландіи съ Великобританіею. Для устраненія „disaffection“ Ирландіи, Гладстонъ предпринялъ загладить слѣды того зла, которое было сдѣлано этой странѣ англо-саксонскимъ завоеваніемъ, протестантскимъ притѣсненіемъ, правительственной эксплуатаціею. Исходя изъ вполнѣ справедливой мысли, что въ нерасположеніи Ирландіи виновата Англія, а не сама Ирландія, нанесшій зло, а не потерпѣвшій, — Гладстонъ говорилъ: можно примирить Ирландію и необходимо должно примирить ее! Съ этой цѣлью, онъ предпринялъ устранить главнѣйшіе поводы къ жалобамъ ирландскаго народа: отмѣнить господство протестантской церкви въ странѣ католической, изгладить слѣды экспропріаціи туземнаго племени побѣдителями, посредствомъ такого измѣненія въ поземельныхъ законахъ, которое облегчало бы ирландскимъ фермерамъ дѣлаться собственниками своей земли; наконецъ, открыть католическому населенію доступъ къ высшему, университетскому образованію и открываемымъ академическими степенями карьерамъ такимъ образомъ, чтобы ирландскіе католики могли пользоваться этими преимуществами не нарушая своей религіозной совѣсти, не вступая въ коллегіи протестантскія.

Первыя двѣ части этой программы были исполнены Гладстономъ при энергической поддержкѣ Брайта, отмѣною въ Ирлан-

ціи Establishment и проведеніемъ Irish land bill. Теперь предстояло осуществить третью часть программы примиренія съ Ирландіею. Примиреніе само по себѣ, очевидно, необходимо, такъ какъ безъ него придется или сдерживать силою революціонныя движенія въ этой странѣ, или же согласиться на учрежденіе въ ней отдѣльнаго законодательства, отдѣльнаго парламента. Извѣстный ирландскій патріотъ, адвокатъ Боттъ, утверждаетъ, что Ирландія непремѣнно должна добиться отдѣльнаго парламента и безъ революціоннаго движенія, такъ какъ, съ одной стороны, англійскій парламентъ никогда не дастъ справедливаго вниманія ея нуждамъ, а съ другой стороны, если ирландскіе депутаты, сидящіе теперь въ этомъ парламентѣ, будутъ упорно вотировать противъ всякаго правительства, то они затруднятъ дѣло управленія въ Англіи и тѣмъ принудятъ ее отвести имъ особое мѣсто въ Дублинѣ.

Итакъ, то примиреніе съ Ирландіею, о которомъ хлопочетъ Гладстонъ, практически необходимо, если не хотятъ устроить въ Соединенныхъ Королевствахъ чего-либо въ родѣ австро-венгерскаго дуализма. Вотъ почему завершенію этого дѣла Гладстонъ придавалъ такую важность, вотъ почему онъ въ нынѣшней тронной рѣчи настаивалъ на необходимости принять ту новую мѣру для умиротворенія Ирландіи, которую онъ внесъ въ парламентъ. Мѣра эта и объявлена была существеннымъ трудомъ, предназначеннымъ нынѣшней сессіи, и рѣшимость гладстонова правительства „стоять или пасть“ (stand or fall by it) вмѣстѣ съ этимъ законодательнымъ проектомъ, съ самаго начала не подлежала сомнѣнію.

Чтобы дать правильный взглядъ на самый проектъ Гладстона и встрѣченныя имъ возраженія, объяснимъ сперва, въ чемъ состоятъ жалобы ирландскихъ католиковъ по этому вопросу. Въ Ирландіи есть университетъ англиканскій, Trinity College, въ Дублинѣ, одаренный такими фондами, по свидѣтельству Гладстона, что учрежденіе это есть богатѣйшій университетъ въ мірѣ. Католики могутъ поступать туда учениками, но формула установленной присяги не даетъ имъ возможности получать тамъ степени. Есть еще Magee College, принадлежащій пресбитеріанамъ. Сверхъ того, есть въ Ирландіи еще чисто-свѣтскій университетъ, основанный правительствомъ прямо съ цѣлью исключить вліяніе на него какого-либо духовенства. Это такъназываемый „королевскій университетъ“ (Queen's University) съ тремя коллегіями, которыя находятся въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвеѣ. Противъ этихъ учрежденій постоянно возставало католическое духовенство, именно на томъ основаніи, что они не вѣроисповѣдные, что религія изъ нихъ вовсе исключена, что они „разсадники атеизма“. Эти учрежденія раздаютъ академическія степени, но находятся въ

совершенномъ подчиненіи у правительства. Вражда противъ нихъ католическаго духовенства сама по себѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, едва ли была бы достаточна, чтобы устранять отъ нихъ католическое юношество. Фенійское движеніе показало, что католицизмъ въ Ирландіи всемогущъ только тогда, когда является защитникомъ и представителемъ патріотизма, но что ирландскій патріотизмъ сильнѣе даже ирландскаго католицизма. Но такъ какъ Queen's University и его коллегіи не то что „освобождены“ отъ вліянія католицизма, но прямо направлены противъ національнаго духовенства и состоятъ въ полномъ распоряженіи англійскаго правительства, то понятно, что въ глазахъ ирландцевъ-патріотовъ эти учрежденія немногимъ отличаются отъ самихъ Trinity и Magee Colleges, которыя, какъ учрежденія вѣроисповѣдныя протестантскія, *открыто* враждебны ирландскому патріотизму, между тѣмъ, какъ королевскія учрежденія скрытно враждебны ему. Вотъ отчего главнымъ образомъ зависитъ тотъ фактъ, что ирландское католическое юношество пользуется послѣдними не много болѣе, чѣмъ первыми. Въ „королевскомъ университетѣ“, и въ Trinity College вмѣстѣ взятыхъ, число студентовъ-католиковъ составляетъ всего одну седьмую или восьмую часть, между тѣмъ, какъ католики составляютъ громадное большинство населенія. Вотъ почему Гладстонъ, въ объяснительной рѣчи къ нынѣшнему своему проекту, могъ сказать, что „ирландскіе католики находятся, въ отношеніи къ университетскому обученію, въ положеніи бѣдственно-дурномъ, возмутительномъ“ (miserably bad, scandalously bad) и привелъ фактъ, что „4 слишкомъ милліона ирландскихъ католиковъ успѣваютъ (succeed) ввести въ университетскій курсъ для полученія академическаго образованія всего 145 человѣкъ“ (нынѣшняя цифра), а высшее спеціальное (профессіональное, въ томъ числѣ юридическое, медицинское и техническое) образованіе въ Ирландіи получаютъ всего 784 студента, между тѣмъ, какъ цифра ихъ составляетъ 4000 въ Шотландіи, которая имѣетъ вдвое меньшее населеніе. Католики сами имѣютъ въ Дублинѣ коллегію, которая называетъ себя Roman Catholic University, но эта коллегія не имѣетъ права давать академическихъ степеней.

Теперь понятно, въ чемъ состоятъ жалобы ирландцевъ. Какъ, говорятъ они, единственныя полноправныя коллегіи въ католической Ирландіи, коллегіи богатѣйшія и въ которыхъ религія занимаетъ подобающее ей мѣсто — суть коллегіи протестантскія! Католики же должны обучаться или въ нихъ, или въ такихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, на которыя общество не имѣетъ вліянія, изъ которыхъ религія совсѣмъ изгнана, и въ которыхъ наши сыновья должны, для

пріобрѣтенія академическихъ дипломовъ, слушать поученія прямо направленныя противъ ихъ вѣры. Чего же хотятъ ирландцы? Если послушать ирландскихъ епископовъ, то ирландскій народъ желаетъ учрежденія на государственный счетъ университета католическаго, съ отмѣною протестантской Trinity College. Требованіе это нераціонально. Слишкомъ очевидно, что чѣмъ свободнѣе университетъ отъ какихъ-либо вѣроисповѣдныхъ вліяній, тѣмъ лучше. Но, рядомъ съ этой теоретической истиной не надо упускать изъ виду и практической стороны вопроса: когда англійскія газеты говорятъ: смѣшно требовать, чтобы англійское правительство на казенныя средства создало католическое учрежденіе, нарушивъ тѣмъ какъ требованіе разума, такъ и соображеніе своего интереса, потому что учрежденіе это, по всей вѣроятности, стало бы враждебно Англіи, — то газеты эти совершаютъ такъ-называемое въ логикѣ petitio principii, то-есть считаютъ доказаннымъ то, что̀ требуется еще доказать. Слѣдовало бы сперва доказать, что никакого примиренія съ Ирландіею не нужно, что Ирландіею можно будетъ всегда управлять силою. Этотъ мотивъ и у насъ нерѣдко слышится, когда говорятъ: на *русскія* деньги содержатъ нѣмецкій университетъ въ Дерптѣ или польскій университетъ въ Варшавѣ. Дѣло въ томъ, что англійскія деньги, казенныя средства, настолько, насколько Ирландія участвуетъ своими податями въ бюджетѣ, суть въ дѣйствительности деньги *ирландскія*, и гораздо основательнѣе можно сказать, что нынѣ въ Ирландіи содержатся англійскія училища на ирландскія деньги. Что̀ касается соображеній разумности, которыя безспорно должны идти въ разрѣзъ съ учрежденіемъ вѣроисповѣднаго университета, то соображенія эти въ равной мѣрѣ примѣнимы и къ англиканской Trinity College; если требованіе католиковъ объ отмѣнѣ этого учрежденія признается несправедливымъ, въ такомъ случаѣ нельзя назвать несправедливымъ требованіе ихъ объ учрежденіи полноправной католической коллегіи или университета. Ясно, что еслибы Ирландія имѣла свое законодательство, свой парламентъ, то такой именно университетъ и былъ бы учрежденъ. Стало быть, если идетъ рѣчь объ устраненіи такого сепаратизма примиреніемъ, то примиреніе и должно имѣть первой цѣлью оказать всякія снисхожденія національному чувству ирландцевъ, такъ что даже и соображенія чистой разумности должны являться уже только на второмъ планѣ: никто не можетъ силою заставлять другого принять то, что̀ самъ считаетъ разумнѣе, хотя бы и основательно, и сила все-таки остается силою.

Таково *истинное* положеніе этого вопроса, который и англійскими и континентальными газетами былъ, разумѣется, представленъ съ исключительной точки зрѣнія такихъ или иныхъ мѣстныхъ интере-

совъ. Истинное положеніе его, очевидно, было ясно для Гладстона, хотя и онъ въ своей вступительной рѣчи, длившейся три часа, и занявшей 10 столбцовъ мелкой печати въ „Times", не могъ поставить факты въ ихъ безусловной наготѣ. Цѣлью проекта Гладстона было именно примиреніе. Примиренія онъ надѣялся достигнуть посредствомъ компромисса, а компромиссъ означаетъ обоюдныя уступки. Итакъ, Гладстонъ не предполагалъ зайти такъ далеко, чтобы удовлетворить желаніе ирландскихъ епископовъ, то-есть отмѣнить Trinity College и устроить католическій университетъ. Но онъ полагалъ отмѣнить нынѣшній, недостигающій цѣли Queen's University и одну изъ его коллегій, именно Гальвейскую, такъ какъ въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ число студентовъ въ 1871-мъ году было всего 117, а расходъ казны составлялъ 10 т. фунтовъ. Вмѣсто правительственнаго университета онъ предлагалъ основать такой университетъ, University of Dublin, который оставался бы также совершенно свободнымъ отъ вѣроисповѣдныхъ вліяній, но имѣлъ бы самостоятельность и подлежалъ бы вліянію общества. Вокругъ этого университета, въ уставѣ котораго приняты были бы всѣ мѣры для охраненія свободы совѣсти, для обезпеченія религіознаго чувства какого бы то ни было толка отъ всякаго оскорбленія, группировались бы протестантская Trinity College, и дублинская католическая коллегія, и пресбитеріанская Magee College, и двѣ изъ нынѣшнихъ „королевскихъ" коллегій (Queen's Colleges), именно тѣ, которыя находятся въ Бельфастѣ и Коркѣ. Чтобы дать этому университету самостоятельность и вмѣстѣ не упуская его совершенно изъ-подъ правительственнаго контроля, открыть, однако, и обществу доступъ ко вліянію на составъ и направленіе этого учрежденія, Гладстонъ предлагалъ устроить въ немъ совѣтъ управленія изъ членовъ, назначаемыхъ отъ разныхъ сторонъ и, сверхъ того, сенатъ изъ всѣхъ лицъ, которыя получили въ этомъ университетѣ ученыя степени. Итакъ, сенатъ могъ осуществиться только современемъ. Совѣтъ же Гладстонъ думалъ первоначально назначить такъ: 28 членовъ, назначенныхъ прямо парламентомъ по представленію правительства, по одному выборному члену отъ каждой изъ связанныхъ съ университетомъ коллегій, имѣющей не менѣе 50 матрикулированныхъ студентовъ, и по 2 отъ такой, которая имѣетъ ихъ не менѣе 150. Совѣтъ въ этомъ составѣ дѣйствовалъ бы съ января 1875 года по январь 1885 года; послѣ этого срока, вакансіи въ совѣтѣ замѣщались бы въ каждомъ году поочереди самыхъ вакансій, по избранію одной изъ четырехъ сторонъ: правительства, конференціи профессоровъ, сената и, наконецъ, самого совѣта. Чтобы обезпечить религіозное чувство этого смѣшаннаго, спеціально никакой религіи не принадлежащаго

учрежденія, проектъ Гладстона вовсе исключалъ изъ самого университета преподаваніе богословія, нравственной философіи (moral philosophy) и новѣйшей исторіи (modern history). Эти предметы могли бы преподаваться отдѣльно въ каждой коллегіи, но не въ университетѣ, и для полученія академической степени никто не могъ бы, безъ своего согласія, быть подвергаемъ испытанію въ нихъ. При университетѣ полагалось 10 стипендій (fellow ships) по 200 фунтовъ въ годъ, 25 премій въ 50 фунтовъ каждая и 100 премій въ 25 фунтовъ каждая. Въ экзаменъ на полученіе стипендій или премій упомянутые два предмета также не должны были входить, чтобы не было повода оказывать предпочтеніе которому-либо изъ вѣроисповѣданій. Наконецъ, все съ той же цѣлью охраненія религіознаго чувства отъ оскорбленія со стороны другого исповѣданія, въ уставъ включено было правило, которое вызвало въ парламентѣ и печати всеобщій протестъ, именно: „съ 1 января 1875 года совѣтъ будетъ имѣть право допрашивать, дѣлать выговоры или наказывать временнымъ или полнымъ лишеніемъ должности (to question, reprimand, or punish by suspension, deprivation or otherwise) всякаго профессора, преподавателя, экзаменатора или иное лицо, имѣющее власть (authority) въ университетѣ, которое при исполненіи обязанностей своей службы въ университѣ устнымъ словомъ, письменно или иначе (!), по мнѣнію совѣта намѣренно нанесло оскорбленіе (given offence) религіознымъ убѣжденіямъ кого-либо изъ членовъ университета (members of the university, здѣсь разумѣются и студенты)". Расходъ на содержаніе профессоровъ, стипендіи и преміи исчислялся въ 50 т. фунтовъ ежегодно, которые предположено было покрывать слѣдующимъ образомъ: 12 т. фунтовъ брать у богатой Trinity Gollege (крайне непріятно для протестантовъ), подобно тому, какъ коллегіи въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ даютъ изъ своихъ средствъ пособія своимъ университетамъ; 10 т. фунтовъ изъ казны (т.-е. ту сумму, которая осталась бы свободною за упраздненіемъ гальвейской „королевской" коллегіи и „королевскаго" же университета въ Дублинѣ); 5000 фунтовъ изъ платы студентовъ при имматрикуляціи; остальныя же 20 т. фунтовъ изъ остатка отъ ликвидиціи фондовъ отмѣненной государственной дотаціи англиканской церкви въ Ирландіи (бывшій Established Church). Итакъ, главныя средства истекали бы изъ протестантскихъ источниковъ.

Вотъ сущность того билля, который былъ внесенъ Гладстономъ въ палату общинъ. Сказано уже выше, почему онъ считалъ проведеніе такого билля необходимымъ и почему отъ судьбы билля должна была зависѣть судьба правительства. Билль не прошелъ, потому что обѣ стороны вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него практически, какъ

на примиреніе, стали одна на точку зрѣнія своихъ безусловныхъ требованій, другая на точку зрѣнія безусловно-раціональныхъ требованій. При такомъ отношеніи къ дѣлу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ всегда проваливается компромиссъ, полумѣра, которая по практическимъ видамъ никогда не можетъ выдержать критики съ безусловной точки зрѣнія. Общественное мнѣніе въ Англіи возстало противъ проекта, въ особенности за тѣ ограниченія, которыя были вносимы для огражденія свободы совѣсти, ограниченія, составлявшія, съ раціональной точки зрѣнія, дѣйствительно слабѣйшую сторону билля. Профессоръ Фоусеттъ объявилъ въ парламентѣ, что ограниченія эти лишатъ достоинства самое преподаваніе въ новомъ дублинскомъ университетѣ. Профессоръ Плэферъ сказалъ въ парламентѣ же, что на этотъ университетъ будутъ смотрѣть съ презрѣніемъ (scorn) университеты всей Европы. Въ печати высказаны были вещи совершенно справедливыя сами по себѣ. Такъ, газета Pall-Mall, нападая преимущественно на тотъ пунктъ устава, которымъ предоставлялось право наказанія за мнѣнія, выраженныя съ каѳедры, что въ старину въ самой Англіи, въ силу именно такой власти едва не запретили знаменитому Дженнеру, открывшему оспоприviваніе, доказывать теорію вакцинаціи. „Еслибы, говорила таже газета, можно было спросить всю Европу, посредствомъ голосованія, кто изъ живущихъ на всемъ пространствѣ британскихъ острововъ наиболѣе способенъ занять профессорскую каѳедру, то, нѣтъ сомнѣнія, Европа отвѣтила бы—г. Дарвинъ. Никто изъ читавшихъ Дарвина не скажетъ, что онъ намѣренно оскорбляетъ религіозное чувство, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ человѣка, котораго вліяніе религіознаго чувства столь непреложно устранило бы отъ каѳедры, какъ именно г. Дарвина. Неужели же предоставлено будетъ какимъ-нибудь майнутскимъ бурсакамъ (въ Майнутѣ католическая семинарія) право изгонять Дарвина?“ Все это безусловно справедливо, но все это упускаетъ изъ виду самую цѣль билля—примиреніе, компромиссъ. Англичане превосходно сдѣлаютъ, проводя *у себя* безусловно раціональныя начала, и ирландцы прекрасно сдѣлали бы, еслибы приняли ихъ, но вѣдь цѣль билля прямо противоположна той мысли, чтобы англичане благодѣтельствовали ирландцамъ по своему усмотрѣнію, рѣшая сами за нихъ, что для нихъ лучше. Если ирландцы хотятъ просто католическаго университа, то-есть смыслъ предлагать имъ нѣчто такое, что нисколько не враждебно католицизму, нѣчто по существу своему нейтральное; но нѣтъ смысла отвѣчать имъ, что католическій университетъ нехорошъ, хотя это и правда, что мы-молъ лучше дадимъ вамъ такой университетъ, гдѣ будетъ Дарвинъ.

Но главная бѣда для проекта Гладстона возникла съ другой

стороны: католическіе прелаты самой Ирландіи возстали противъ него. Со слѣпымъ упорствомъ, столь свойственнымъ католицизму и его представителямъ вообще, они стали на безусловную точку своихъ крайнихъ требованій и отвергли уступки правительства. Какъ, восклицали они, вы хотите, чтобы по прежнему одни протестанты въ католической Ирландіи имѣли богатыя коллегіи, снабженныя музеями, библіотеками, стипендіями, всѣми средствами, и чтобы католики вступали въ состязаніе съ ними на университетскомъ полѣ, лишенные всѣхъ средствъ и пособій! Вы даете намъ какое-то чудовищное, неимѣющее пола существо, которое называете университетомъ, нѣчто такое, что вы сами принуждены сдѣлать посмѣшищемъ, посредствомъ разныхъ ограниченій, нѣчто все-таки отъ васъ же зависящее, а между тѣмъ ожидаете, что мы за такой даръ будемъ кланяться вамъ? Вы смѣете называть это уступкой, шагомъ къ примиренію; вы, саксонцы, расхитившіе всѣ средства Ирландіи, отнявшіе у нея землю, деньги и образованіе, вы бросаете намъ пенни неимѣющій чекана, сами смѣетесь надъ нимъ, и ждете, что мы нагнемся поднять его и поклонимся вамъ? Все это пустяки. Отдайте намъ наши деньги, и мы сами устроимъ себѣ, что намъ надо. Въ практическомъ переводѣ это означало: упраздните богатыя протестантскія коллегіи въ Ирландіи, а на ихъ средства устройте или дайте намъ устроить католическій университетъ со всѣми необходимыми учебными пособіями.

Когда страстный протестъ неисправимаго католическаго духовенства противъ мѣры Гладстона сталъ фактомъ, то судьба мѣры, очевидно, уже была рѣшена. Одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ представителей той группы виговъ, которая наиболѣе близка къ консерваторамъ и неохотно слѣдуетъ за вождемъ „ударившимся въ радикализмъ“, той самой группы, благодаря которой министерство, признавшее Гладстона своимъ главою, уже однажды пало, и изъ которой Гладстонъ впослѣдствіи взялъ своего министра финансовъ, Роберта Лоу — чѣмъ и ослабилъ ее — извѣстный ораторъ Горсменъ въ рѣзкой, неопровержимой по логикѣ рѣчи доказалъ, что такъ какъ билль Гладстона со всѣми своими несовершенствами имѣлъ смыслъ только какъ попытка къ примиренію съ Ирландіею, то теперь, когда Ирландія его отвергла, билль этотъ никакого смысла не имѣетъ. На это Гладстонъ отвѣчалъ одной изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ ярко выступаетъ личность этого энергическаго, добросовѣстнаго, мыслящаго и упорнаго дѣятеля. Онъ утверждалъ, что билль имѣетъ прежній и весьма важный смыслъ, несмотря на оппозицію ирландскаго духовенства; что никогда онъ, Гладстонъ, не имѣлъ въ виду заслужить одобреніе духовенства, подойти подъ католическую ферулу;

что онъ предпринялъ дѣло нужное ирландскому народу, а не духовенству, и что англійское общество обязано исторіею, обязано всѣмъ, что упрекаетъ его въ прошломъ — идти къ примиренію съ Ирландіею; что таковъ именно смыслъ билля, и что передъ этой его цѣлью мало значатъ предъявленныя противъ него теоретическія соображенія. Эта рѣчь вполнѣ соотвѣтствовала темпераменту Гладстона и его роли, какъ онъ самъ ее понимаетъ. Мыслитель съ крѣпкимъ убѣжденіемъ и дѣятель съ непреклонной волею, онъ готовъ былъ провести свою мысль, свое убѣжденіе вопреки обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ, ссылаясь на народъ, котораго не слышно.

Но, если онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что въ Ирландіи билль не одобряетъ только духовенство, то онъ ошибся: ирландскіе члены палаты общинъ подали голоса *противъ* него; впрочемъ, едва-ли Гладстонъ самъ ожидалъ въ то время иного исхода, онъ только боролся до конца, всѣми силами, вѣрный своему характеру. Уже на одномъ банкетѣ, до голосованія передъ вторымъ чтеніемъ билля, на обѣдѣ въ честь 25-лѣтняго юбилея одного изъ членовъ либеральной партіи, представителя Кройдона (городъ близъ Лондона), г. Локкакинга, премьеръ какъ-бы читалъ отходную своему кабинету; въ его спичѣ уже перечислялись цѣли достигнутыя и звучала нота потребности въ отдыхѣ. Провести въ теченіи пяти лѣтъ десять парламентскихъ сессій, сидя почти безсмѣнно въ вестминстерской палатѣ, съ половины дня до глубокой ночи, такъ какъ ни одно сколько-нибудь важное дѣло не обходится безъ вопросовъ премьеру или его вмѣшательства; быть приготовлену отвѣчать на вопросы по всѣмъ дѣламъ, совершать иногда истинно-геройскіе подвиги напряженія нравственнаго и физическаго, чтобы покорить палату и въ то же время—совѣщаться съ товарищами, условливаться съ членами своей партіи; наконецъ, вести дѣло самого управленія—вотъ что вынесъ Гладстонъ за послѣдніе годы, вотъ каковъ трудъ англійскихъ министровъ. Какъ у нихъ хватаетъ силъ?—случилось намъ однажды спросить у одного изъ только-что дѣлавшихъ запросъ.—It's killing work, былъ отвѣтъ.

Видя, наконецъ, что билль нельзя провести безъ измѣненій, Гладстонъ поручилъ военному министру Кардвеллю „облегчить" для билля путь ко второму чтенію. Кардвелль въ своей рѣчи доказывалъ, что правительство совсѣмъ не придаетъ безусловнаго значенія всѣмъ статьямъ, что оно не имѣло въ виду соглашенія съ духовенствомъ, и что билль можетъ быть подвергнутъ измѣненіямъ при обсужденіи подробностей его въ „комитетѣ", то-есть въ томъ, такъ сказать, „разговорномъ" засѣданіи, которое наступаетъ въ палатѣ, когда со стола снята булава, и билль, „прочтенный во второй разъ", обсуждается въ деталяхъ. Лишь бы только состоялось второе чтеніе,

лишь бы билль былъ одобренъ въ принципѣ, а тамъ мы можемъ многое уступить, потому что ничѣмъ не связаны ни передъ кѣмъ,— вотъ что давала понять рѣчь военнаго министра. Противники билля могли объяснять рѣчь Кардвелля въ такомъ смыслѣ, что хотя первоначально билль и былъ предназначенъ къ тому, чтобы заслужить одобреніе ирландскаго духовенства, и въ то время правительство ничего не уступило бы изъ билля, что́ могло казаться благопріятнымъ католикамъ, но такъ какъ католики отвергли билль, то теперь правительство въ свою очередь готово отречься отъ нихъ, сознать свою ошибку и поступить сообразно полученному уроку, то-есть именно пожертвовать совершенно статьями, ограждавшими католиковъ, лишь бы билль прошелъ, то-есть лишь бы правительство не понесло пораженія. Еслибы Гладстонъ самъ ничего не прибавилъ къ рѣчи военнаго министра, то она такъ бы и была понята, и второе чтеніе билля навѣрное состоялось бы, а затѣмъ билль подвергся бы существеннымъ измѣненіямъ въ комитетѣ, но правительство все-таки избѣгло бы прямого пораженія; повѣривъ его обѣщанію уступокъ и допустивъ второе чтеніе, парламентъ тѣмъ самымъ выразилъ бы довѣріе правительству, и тогда никакого кризиса не могло бы произойти.

Такъ, навѣрное, поступилъ бы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, почтенный джентльменъ „сидящій на другой сторонѣ" стола, то-есть Бенджаминъ Дизраэли. Такъ именно онъ провелъ билль объ избирательной реформѣ, растерявъ по дорогѣ всю сущность своего проекта, и, сохранивъ почти одно заглавіе своего проекта, хвастался потомъ побѣдой. Но такъ не могъ поступить Уилльямъ Гладстонъ. Онъ неспособенъ униженіемъ покупать себѣ побѣду. Поэтому, послѣ рѣчи Кардвелля, сознавая впечатлѣніе ею произведенное, Гладстонъ всталъ и объявилъ, что „объясненія данныя теперь правительствомъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что оно готово при разсмотрѣніи статей подвергнуть обсужденію достоинство ихъ (discuss propositions on their *merits*), а не въ томъ смыслѣ, что правительство будто бы признается въ ошибкѣ (that they were in *error*) и согласно передѣлать (alter) билль". Тогда Дизраэли съ своей всегдашней фехтовальной ловкостью тотчасъ усмотрѣлъ, какъ это объявленіе раскрыло грудь противника, и немедленно нанесъ ему тяжкій ударъ: „и такъ, сказалъ онъ, объясненія данныя правительствомъ сводятся лишь къ кому, что когда мы допустимъ второе чтеніе билля, то выиграемъ этимъ не болѣе, какъ согласіе правительства разсуждать съ нами о спорныхъ пунктахъ. Это должно сдѣлать насъ осторожными. Само собою разумѣется, что когда мы начнемъ обсуждать подробности, то будемъ обсуждать ихъ, иначе что же мы будемъ дѣлать?

Значитъ, правительство нисколько не обязывается сдѣлать намъ уступки по существеннымъ пунктамъ, да это и понятно: если бы правительство согласно было измѣнить билль въ его сущности, то оно просто должно было бы взять его назадъ". Вотъ что сказалъ Дизраэли, не желая, конечно, и знать, какъ самъ онъ допускалъ всевозможныя искаженія своихъ биллей, чтобы только избѣгнуть пораженія.

Но рѣчь Дизраэли произвела большое впечатлѣніе, и не только на его приверженцовъ, но и на Гладстоновское большинство. Часть этого большинства давно устала слѣдовать за своимъ вождемъ, давно упрекаетъ его въ „радикализмѣ", какъ Горсменъ, или въ отсталости, какъ Дилькъ и Гербертъ, или въ личномъ деспотизмѣ, какъ всѣ, кого Гладстонъ не послушалъ. Онъ слишкомъ долго министръ, это очевидно, онъ истощилъ преданность своего лагеря.

При голосованіи по предложенію прочесть билль во второй разъ, за это предложеніе оказались 284 голоса, противъ — 287 голосовъ; билль былъ отвергнутъ и правительство потерпѣло полное пораженіе. Оппозиція громкими криками привѣтствовала этотъ результатъ и, по словамъ одного корреспондента, видно было, какъ нѣкоторые члены ея пожимали другъ другу руки, взаимно поздравляя себя. Дѣло было въ третьемъ часу ночи. Большинство трехъ голосовъ противъ правительства—повидимому, не особенно импонирующая цифра; но надо вспомнить, что у Гладстона въ палатѣ бываетъ постоянное большинство до 80-ти голосовъ. Итакъ, 80 голосовъ положительныхъ превратились въ 3 отрицательныхъ—вотъ цифровое значеніе результата. На другой день, у дворцовъ парламента собралась толпа. Гладстонъ пришелъ пѣшкомъ и при входѣ, а также проходя чрезъ древнюю „вестминстерскую залу" былъ привѣтствуемъ собравшеюся тамъ публикою. Въ палатѣ онъ объявилъ, что министерство просило королеву объ увольненіи и что просьба эта принята. На неловкій вопросъ одного изъ членовъ—кто же будетъ новый премьеръ?—онъ возразилъ, что съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ обратиться къ новому правительству. Само собою разумѣлось, что новое правительство должно было состоять изъ джентльменовъ, сидящихъ на другой сторонѣ палаты. Королева призвала Дизраэли, „по совѣту самого Гладстона"; иначе и быть не могло.

Но Дизраэли не удалось составить правительства. Между тѣмъ Гладстонъ, по соблюдаемому въ этомъ случаѣ обычаю, уѣхалъ за городъ и ждалъ тамъ рѣшенія. Прошло нѣсколько дней; говорили, что Дизраэли ждалъ пріѣзда лордовъ Дерби и Кэрнса и совѣщался съ членами своей партіи. На самомъ дѣлѣ, Дизраэли, вѣроятно, съ самаго начала не помышлялъ серьёзно о принятіи власти. Нынѣшней палатѣ остается законный срокъ еще до 1875 года, хотя, впрочемъ,

палата никогда не досиживаетъ полнаго срока. Какъ управлять страною при палатѣ, въ которой большинство принадлежитъ противной партіи и хотя разстроилось по отдѣльному вопросу, но можетъ при всякомъ случаѣ превзойти правительственную партію 80-ю голосами? Съ другой стороны, если принять власть въ надеждѣ на благопріятный консерваторамъ результатъ новыхъ выборовъ, то-есть, въ предположеніи распустить палату, то избирательныя издержки и теперь такъ еще велики, что на распущеніе члены смотрятъ всегда какъ на жертву, а страна какъ на особое усиліе; жертва и усиліе оправдываются только чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, необходимостью спросить мнѣніе страны по опредѣленному политическому вопросу, а не по одному только вопросу—кому быть министромъ. Гладстонъ имѣлъ бы поводъ распустить палату, еслибы считалъ возможнымъ спрашивать мнѣніе страны по вопросу объ ирландскомъ университетѣ. Но у Дизраэли никакого готоваго вопроса, стало-быть и повода къ тому, чтобы вопрошать страну, не было. Въ своихъ послѣдующихъ объясненіяхъ въ палатѣ, онъ даже объявилъ, что у консервативной партіи вовсе и нѣтъ программы мѣръ, такъ какъ сущность ея направленія въ томъ именно и состоитъ, чтобы охранять существующее. Въ свое время мы разбирали эту мысль, когда она была впервые высказана другимъ вождемъ партіи тори, маркизомъ Сэльсбэри; Дизраэли въ сущности только повторилъ ее. Правда, вскорѣ онъ же, въ другой рѣчи, объяснилъ, что никогда еще задача консервативной партіи не была такъ опредѣленна, какъ теперь, когда надламываются всѣ „національныя" учрежденія Великобританіи, когда угрожаетъ опасность и церкви, и поземельной собственности. Одно время говорили, что консервативное правительство могъ бы составить графъ Дерби. Нынѣшній графъ Дерби, доселѣ болѣе извѣстный у насъ подъ титуломъ лорда Стэнли, который онъ носилъ при жизни отца, уже бывалъ министромъ; онъ очень талантливый человѣкъ, и въ консерватизмѣ своемъ приближается къ либераламъ настолько, насколько либералъ Горсменъ близокъ къ консерватизму. Между принципами, политическими взглядами такихъ людей, какъ эти двое, можно сказать, нѣтъ различія, хотя каждый знаетъ *свою* сторону, *свою* партію и не можетъ перейти подъ чужое знамя. Отецъ графа Дерби, какъ извѣстно, былъ долгое время признаннымъ главой партіи тори, и это само уже даетъ сыну его нѣкоторый авторитетъ въ партіи, независимо отъ личныхъ его способностей. Но молодой лордъ Дерби не имѣетъ достаточно того, что́ старикъ Дизраэли имѣетъ въ изобиліи—смѣлости. Однимъ словомъ, консервативное правительство не состоялось, и оба вождя, Дизраэли и Гладстонъ, явились въ палату со своими объясненіями объ исходѣ ми-

нистерскаго кризиса. Дизраэли объяснилъ, что отказался потому, что не счелъ возможнымъ управлять при нынѣшнемъ составѣ палаты. Гладстонъ объяснилъ, что онъ „получилъ отъ ея величества такое сообщеніе, которое удостовѣрило его, что оппозиція, при настоящемъ случаѣ, не намѣрена составить правительства". Эти слова Гладстона были поняты въ такомъ смыслѣ, какъ будто онъ хотѣлъ дать понять, что Дизраэли предложилъ королевѣ распустить палату, но что *королева не согласилась* на это, и тогда Дизраэли устранился. Дизраэли тотчасъ всталъ снова, „чтобы разъяснить то, что иначе можетъ быть понято въ превратномъ смыслѣ (misconstrued). Когда королева спросила меня, готовъ ли я составить управленіе, то я отвѣчалъ, что хотя я и готовъ составить правительство, которое могло бы вести дѣла страны къ удовольствію ея величества, но не могу принять на себя вести управленіе при нынѣшней палатѣ общинъ". Извѣстно, что лицо монарха никогда не упоминается въ правильныхъ отправленіяхъ парламентской дѣятельности; особа монарха неотвѣтственна, а стало-быть къ нему нельзя относить никакого дѣйствія; корона всегда закрыта правительствомъ отвѣтственнымъ. Но вполнѣ понятно, что когда это правительство на время исчезаетъ, то корона открывается. Англійскія газеты много занимались тою мыслью, какую онѣ заподозрили въ объясненіяхъ Гладстона, именно будто королева сама могла хотѣть или не хотѣть чего-нибудь. Но въ концѣ онѣ вполнѣ удовлетворились объясненіемъ Дизраэли. „Pall-Mall" замѣтилъ по этому поводу: „Таинственныя выраженія, употребленныя гг. Гладстономъ и Дизраэли, на минуту произвели такое впечатлѣніе, будто лицо (the personage), которое теоретически служитъ центромъ и главной пружиной нашихъ учрежденій, пріобрѣло вновь нѣкоторую степень практическаго значенія (importance); но теперь, когда все, что было сказано въ палатѣ, подверглось точному учету, мы можемъ только, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, поздравить ея величество со вполнѣ конституціоннымъ образомъ ея дѣйствія, состоявшаго въ томъ, что она спросила обоихъ джентльменовъ, серьёзно ли они думаютъ то, что говорятъ ей". Итакъ, Гладстонъ и все его правительство остались, но ослабленные пораженіемъ, остались, „но не прежніе". Замѣчательная черта нравовъ обнаруживается еще изъ объясненій Гладстона; оказывается, что когда королева сообщила ему поводы, въ силу которыхъ Дизраэли отказался составить правительство, то онъ, Гладстонъ, „воспользовался временемъ отъ пятницы до воскресенья для того, чтобы написать нѣсколько писемъ государынѣ, въ которыхъ подвергнулъ возраженія г. Дизраэли критическому разбору", доказывая, что Дизраэли слѣдовало составить правительство. Содержаніе одного изъ этихъ писемъ Гладстонъ прочелъ палатѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснивъ, что самъ желалъ отдыха и неохотно остался въ управленіи, онъ прибавилъ важное заявленіе, что не думаетъ распускать палату въ текущемъ году, развѣ если будетъ вынужденъ къ тому непредвидѣнными обстоятельствами; но что обѣщанія онъ этимъ никакого не даетъ, оставляетъ за собою полную свободу дѣйствій и прямо проситъ свою партію знать, что онъ не принялъ никакого обязательства передъ ними въ томъ смыслѣ, что парламентъ распущенъ не будетъ.

Въ положеніи Франціи за послѣдній мѣсяцъ произошли двѣ важныя перемѣны: временная конституція измѣнена и дополнена новыми законами объ отношеніяхъ президента республики къ собранію и заключена новая конвенція съ Германіею, которая ускоряетъ очищеніе французской территоріи отъ стоящихъ на ней германскихъ войскъ.

Такъ-называемая коммиссія Тридцати была назначена собраніемъ подъ вліяніемъ двухъ потребностей: потребности отразить посланіе, которымъ Тьеръ возобновилъ сессію и въ которомъ объявлялъ, въ осторожно составленныхъ выраженіяхъ, что республика есть фактъ, стало быть объ установленіи ея не слѣдуетъ разсуждать, или что фактъ этотъ уже не подлежитъ обсужденію; слова посланія имѣли тотъ и другой смыслъ; затѣмъ—потребности удовлетворить желанію Тьера о томъ, чтобы „придать республикѣ консервативный характеръ“ посредствомъ нѣкоторыхъ новыхъ учрежденій, въ числѣ которыхъ онъ предоставлялъ, къ удовольствію палаты, нѣсколько стѣснить условія всенароднаго избирательства, а за то, къ своему удовольствію, предполагалъ устроить вторую, верхнюю палату, посредствомъ которой можно было бы отдѣлаться отъ первой, такъ какъ, по мысли Тьера, второй палатѣ принадлежало бы право, въ согласіи съ правительствомъ, распускать первую, то-есть распустить нынѣшнюю. Для удовлетворенія такимъ двумъ потребностямъ, большинство и рѣшилось назначить коммиссію Тридцати, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы напомнить Тьеру, что „бордоское соглашеніе“ продолжаетъ еще существовать, что нынѣшній порядокъ вовсе не имѣетъ характера окончательно принятой формы правленія, и что собранію принадлежитъ державная, учредительная власть; для того же, чтобы избавить собраніе отъ личнаго давленія, какое на нее производило доселѣ личное участіе Тьера въ преніяхъ и неоднократныя его угрозы выдти въ отставку—ограничить право его участія въ преніяхъ собранія и установить отвѣтственность министровъ. Во-вторыхъ, коммиссія Тридцати была назначена для выслушанія учредительныхъ проектовъ Тьера и приведенія ихъ въ такое равновѣсіе, чтобы кон-

серватнвное большинство не дало ему болѣе, чѣмъ получить отъ него, и чтобы у второй палаты отнять главное ея назначеніе возможность сдѣлаться орудіемъ Тьера для распущенія нынѣшняго собранія.

Послѣ нескончаемыхъ переговоровъ, преній и объясненій съ Тьеромъ коммиссія представила наконецъ продуктъ своего „соглашенія" съ Тьеромъ. Докладчикомъ ея былъ герцогъ Брольи. Весь ходъ соглашенія и самый законъ, бывшій его послѣдствіемъ, представляли — въ теоріи — полное пораженіе Тьера. Сперва министръ юстиціи произнесъ рѣчь, которою правительство въ сущности отрекалось отъ той точки, на которую Тьеръ сталъ-было въ посланіи. Потомъ, самый проектъ закона былъ составленъ такъ, что онъ провозглашалъ полное право собранія дать Франціи иныя учрежденія, а въ отдѣльныхъ статьяхъ осуществлено ограниченіе участія Тьера въ преніяхъ, и у второй палаты впередъ отнята возможность быть орудіемъ къ распущенію нынѣшней. Вотъ текстъ новаго закона, въ томъ видѣ, какъ онъ состоялся окончательно: „Національное собраніе, сохраняя за собой въ неприкосновенности принадлежащую ему учредительную власть (pouvoir constituant), но желая сдѣлать улучшенія въ кругѣ дѣйствій органовъ власти, опредѣляетъ: *Ст. 1.* Первая статья закона 31-го августа 1871 года измѣняется нынѣ слѣдующимъ образомъ: президентъ республики сообщается съ собраніемъ посредствомъ посланій, которыя, за исключеніемъ открывающихъ сессіи, прочитываются на трибунѣ министромъ. Однако онъ и лично можетъ быть выслушиваемъ собраніемъ при обсужденіи законовъ, когда признаетъ это нужнымъ и предувѣдомитъ о томъ собраніе посланіемъ. Пренія, въ которыхъ президентъ республики желаетъ принять участіе, пріостанавливаются по полученіи посланія, и президентъ выслушивается на слѣдующій день, развѣ состоится отдѣльное постановленіе, что онъ будетъ выслушанъ въ тотъ же день. Послѣ его рѣчи, засѣданіе прекращается и пренія возобновляются только въ другое засѣданіе. Обсужденіе происходитъ внѣ присутствія президента республики. *Ст 2.* Президентъ республики обнародываетъ (promulgue) въ теченіе трехъ дней тѣ законы, которые признаны неотлагательными (urgentes), а другіе законы въ теченіе мѣсяца послѣ принятія ихъ собраніемъ. Въ теченіе трехдневнаго срока президентъ имѣетъ право потребовать посланіемъ, излагающимъ причины, чтобы такой законъ, который не проходилъ чрезъ троекратное чтеніе, былъ подвергнутъ обсужденію вновь. По законамъ, подлежащимъ формальности трехъ чтеній, президентъ республики имѣетъ право, послѣ второго чтенія, чтобы обсуждаемый проектъ заносимъ былъ на очередь для третьяго обсужденія не ранѣе, чѣмъ въ двух-

мѣсячный послѣ того срокъ. *Ст. 3* (не была въ первоначальномъ проектѣ коммиссіи и прибавлена во время преній). Предшествующая статья не примѣняется къ такимъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя національное собраніе приметъ на основаніи своихъ учредительныхъ правъ, оговоренныхъ во вступленіи къ настоящему закону. *Ст. 4* (прежде 3-я). Запросы могутъ быть обращаемы только къ министрамъ, а не къ президенту республики. Когда обращённые къ министрамъ запросы или присланныя собранію петиціи относятся къ дѣламъ иностраннымъ, то президентъ республики будетъ имѣть право дать объясненія самъ. Когда же запросы или петиціи эти будутъ касаться политики внутренней, то одни министры будутъ отвѣтствовать за дѣйствія до нихъ относящіяся (qui les concernent). Однако же, и президентъ республики имѣетъ право быть выслушаннымъ, съ соблюденіемъ формъ опредѣленныхъ въ статьѣ 1-й, но только въ такомъ случаѣ, если совѣтъ министровъ, особымъ заключеніемъ, объявитъ, что возбужденные вопросы касаются общей политики правительства и потому имѣютъ связь съ отвѣтственностью президента республики, и если притомъ такое заключеніе совѣта было до открытія въ собраніи преній предварительно сообщено собранію вице-президентомъ совѣта министровъ. Выслушавъ заявленіе вице-президента совѣта, собраніе назначаетъ день для открытія преній. *Ст. 5.* Національное собраніе разойдется не ранѣе, какъ законодательно опредѣливъ (avoir statué): 1) устройство и способъ перехода властей законодательной и исполнительной; 2) учрежденіе и права второй палаты, которая вступитъ въ должность только послѣ того, какъ настоящее собраніе разойдется, и 3) избирательный законъ. Правительство представитъ собранію проекты законовъ по исчисленнымъ выше предметамъ".

Проектъ, составленный коммиссіею Тридцати, „по соглашенію" съ Тьеромъ, прошелъ въ собраніи безъ измѣненій, кромѣ оговоренной выше вставки, которая составила 3-ю статью закона. Самая эта вставка представила, очевидно, новое пораженіе для правительства, такъ какъ его veto не будетъ примѣняться, стало быть, къ важнѣйшимъ изъ актовъ собранія, именно къ актамъ учредительнымъ. Главнымъ образомъ статья эта направлена противъ всякой возможности Тьера остановить своимъ veto измѣненіе правленія, если бы большинство внезапно рѣшилось произвести такое измѣненіе. Но, въ болѣе широкомъ смыслѣ, это ограниченіе veto президента, устраненіемъ его отъ учредительныхъ проектовъ, можетъ быть истолковано и въ смыслѣ почти полнаго лишенія его права veto, такъ какъ всякій законъ самъ по себѣ уже есть учредительный актъ, учрежденіе. Въ теоріи—повторяемъ—весь ходъ дѣла и,

наконецъ, самый проектъ представляетъ полное пораженіе тьеровской политики въ томъ смыслѣ, какъ она была высказана въ его посланіи. Прямое, личное вліяніе его на собраніе стѣснено всякими формальностями (ихъ прозвали—chinoiseries) и собраніе, хотя предоставило ему veto, но только въ видѣ кратковременнаго пріостановленія законовъ, и то менѣе важныхъ; наконецъ, оно хотя и обѣщало Тьеру вторую палату, но именно только пообѣщало, да еще впередъ лишило его надежды найти въ ней исходъ изъ нынѣшняго положенія, а за то оговорило свое намѣреніе разойтись не прежде, какъ по устройствѣ властей и порядка ихъ перехода, то-есть, пожалуй,—учредивъ монархію?

Но это такъ только въ теоріи, на практикѣ же нѣчто совсѣмъ иное. Чтобы перемѣнить правленіе, надо имѣть въ рукахъ силу, которой у монархическаго большинства, раздѣленнаго на три партіи, нѣтъ; въ такомъ случаѣ и параграфъ не поможетъ. У Тьера же, сверхъ того veto, какое ему предоставлено теперь закономъ, есть, все-таки, другое, гораздо сильнѣйшее: онъ оказалъ странѣ такія услуги, что положительно признается единственнымъ человѣкомъ, который можетъ теперь управлять Франціею; пока онъ живъ—другой правитель немыслимъ. А между тѣмъ, грозить своей отставкой, въ случаѣ, если собраніе поступитъ такъ или иначе, Тьеръ, все-таки, можетъ—вотъ болѣе вѣрное veto.

По всей вѣроятности, самъ Тьеръ во всемъ новомъ законѣ усматриваетъ только одно: собраніе пообѣщало ему вторую палату, о которой онъ такъ заботился, и хотя палата эта можетъ осуществиться не ранѣе конца года, но что же въ томъ за бѣда, если Тьеръ къ концу года устроитъ дѣла такимъ образомъ, что собраніе разойдется и безъ иниціативы къ тому со стороны второй палаты? Разница теоріи съ практикою, или лучше—словъ съ дѣломъ, обнаружилась во всемъ блескѣ вскорѣ послѣ того, какъ былъ утвержденъ новый законъ. Объ этой коммиссіи Тридцати говорили мѣсяцы, пренія по ея проекту длились три недѣли. Но *забыли* и коммиссію, и пренія, и законъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того, какъ узнали, что тѣмъ временемъ *сдѣлалъ* Тьеръ. Чрезъ два дня по утвержденіи собраніемъ изложеннаго закона (13 марта), подписана была (15 марта) новая конвенція между французскимъ и германскимъ правительствами, конвенція, изъ которой усматривается, что Франція окончитъ уплату своей пяти-мильярдной контрибуціи до послѣдняго франка не позже 5 сентября нынѣшняго же года, и не позже двухъ недѣль послѣ этого срока, и послѣдній германскій солдатъ сойдетъ съ ея почвы. Извѣстіе это произвело въ Парижѣ такой восторгъ, въ которомъ совершенно утонули и память о ком-

миссіи Тридцати, и новый законъ, и само собраніе. Сила, авторитетъ Тьера возрасли до небывалой степени, и вопросъ о томъ, кто остался побѣдителемъ: онъ или собраніе, въ ихъ борьбѣ между собою, исчезъ, такъ какъ установилось всеобщее народное убѣжденіе, что судьба собранія рѣшена новою конвенціею, что по очищеніи территоріи собраніе принуждено будетъ разойтись. Собраніе поспѣшило поднести Тьеру патріотическое поздравленіе.

Обратимся теперь къ конвенціи. Изъ трехъ мильярдовъ, которые еще подлежали уплатѣ, одинъ, какъ извѣстно, былъ уплаченъ еще осенью. Въ настоящее же время уже уплаченъ и второй, такъ какъ бо́льшая часть его была уже выслана до 15-го марта, и къ 5-му мая (н. с.) должна была окончиться уплата его. Затѣмъ, остается третій и послѣдній (пятый мильярдъ всей контрибуціи), который и будетъ уплаченъ къ 5-му сентября весь. Между тѣмъ какъ трактатъ 29-го іюня 1872 года опредѣлялъ, что послѣдній платежъ по послѣднему мильярду можетъ послѣдовать даже до 1-го марта 1875 года, Тьеръ нашелъ въ финансовыхъ рессурсахъ Франціи средство окончить всю уплату на цѣлыхъ 1½ года ранѣе. Вотъ текстъ главныхъ статей конвенціи 15-го марта 1872-го года, дополняющей предшествующіе трактаты: 26-го февраля и 10-го мая 1871 года и 29-го іюня 1872 года. Франція обязуется остальные 500 милліоновъ изъ четвертаго полумильярда уплатить вмѣсто 1-го марта 1874 года (согласно послѣднему трактату) уже къ 10-му мая 1873-го года. Уплата производится суммами не менѣе 100 милл.; о передачѣ каждой германское правительство должно быть предварено за мѣсяцъ впередъ. Остальной затѣмъ мильярдъ уплачивается Франціею не къ 1-му марта 1875-го года (согласно послѣднему трактату), но уже въ 1873-мъ году въ четыре срока, по 250 милл. фр. каждый разъ, а именно 5-го іюня, 5-го іюля, 5-го августа и 5-го сентября; вмѣстѣ съ послѣднею частью будутъ уплачены германскому правительству и проценты, слѣдующіе съ 2-го марта 1873 года. Императоръ германскій и король Пруссіи обязуется дать своимъ войскамъ необходимыя повелѣнія, дабы округъ Бельфора и четыре департамента: Арденновъ, Вогезовъ, Мэрты-Мозеля и Мааса совершенно были очищены въ 4-хъ-недѣльный срокъ послѣ 5-го іюля, за исключеніемъ только крѣпости Вердёна, съ райономъ трехъ километровъ (верстъ) вокругъ. Крѣпость же Вердёнъ съ упомянутымъ райономъ будетъ очищена въ 14-ти-дневный срокъ съ 5-го сентября 1873 года. Содержаніе войскъ, стоящихъ во Франціи до полнаго очищенія, остается на обязанности Франціи. Число войска, которое будетъ занимать Вердёнъ, не превзойдетъ нынѣшней численности тамошняго гарнизона, именно 1000 человѣкъ. До очищенія Вердёна, округъ Бельфоръ и вышеупомянутые

четыре департамента, по выходѣ изъ нихъ германскихъ войскъ, будутъ считаться въ военномъ отношеніи территоріею нейтральной и не получать иныхъ войскъ, кромѣ гарнизоновъ,—нужныхъ для поддержанія порядка. Франція (въ теченіи этого времени) не будетъ строить или расширять тамъ укрѣпленій. Въ департаментахъ же занятыхъ германскими войсками, и въ округѣ Бельфора, е. в. императоръ германскій и король Пруссіи не велитъ возводить никакихъ укрѣпленій сверхъ существующихъ. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, въ настоящей конвенціи изложенныхъ, е. в. императоръ германскій и король Пруссіи удерживаетъ себѣ право вновь занять или не очищать указанные выше крѣпости и департаменты. Въ удостовѣреніе чего, уполномоченные обѣихъ сторонъ настоящую конвенцію подписали и приложили свои печати.—Въ Берлинѣ, 15-го марта. Виконтъ де-Гонтó-Биронъ. Бисмаркъ.

Обнародованіе этой конвенціи, повторяемъ, значительно измѣнило и внутренне политическое положеніе во Франціи. Сила Тьера возросла, и окончательная побѣда его надъ собраніемъ не подлежитъ сомнѣнію; при жизни Тьера республика обезпечена. Но послѣ? Надо постоянно имѣть въ виду, что прочность республики и невозможность установленія монархіи во Франціи зависѣли и зависятъ отъ жизни трехъ людей, изъ которыхъ одному было 65 лѣтъ, другому 76 лѣтъ, а третьему 52½ года. Императоръ Наполеонъ (род. 20 апр. 1808 г.) уже сошелъ со сцены. Пока живъ Адольфъ Тьеръ (род. 16 апрѣля 1797 г.) республику низвергнуть не можетъ никакое большинство собранія; пока живъ Генрихъ, называемый „герцогъ бордосскій, графъ Шамборъ“ (род. 29 сентября 1820 г.), имѣющій легитимное право именоваться „Божіею милостію король Франціи и Наварры“, до тѣхъ поръ монархическая партія раздвоена, безсильна, и сильнѣйшая ея часть—орлеанская, не имѣетъ рѣшительно никакого права на престолъ. Но когда сойдутъ со сцены оба эти лица, тогда легитимнымъ королемъ сдѣлается графъ парижскій, и вся монархическая партія сплотится вокругъ него. Вопросъ будетъ тогда между нимъ и Гамбеттой, и если во Франціи самымъ популярнымъ дѣломъ будетъ возвращеніе утерянныхъ провинцій, то едва ли она не предпочтетъ ту форму правленія, которая представляетъ болѣе крѣпкую организацію для веденія войны на жизнь и на смерть; а такова именно была бы эта война для Франціи. Здѣсь кстати будетъ, въ заключеніе нашей статьи, упомянуть о проектѣ устройства арміи, внесенномъ недавно въ собраніе военнымъ министромъ. По этому проекту сухопутная армія состоитъ изъ дѣйствующихъ войскъ, войскъ мѣстныхъ (территоріальныхъ) и чрезвычайныхъ войскъ (партизанскихъ), которыя образуются при войнѣ и пользуются всѣми

международными правами войскъ регулярныхъ. Дѣйствующія войска раздѣляются на бригады, дивизіи и корпуса: 2 пѣхотныхъ полка составляютъ бригаду, и двѣ бригады и батальонъ стрѣлковъ — дивизію, три дивизіи—корпусъ, изъ которыхъ одна дивизія можетъ быть по обстоятельствамъ откомандирована. Соединеніе нѣсколькихъ корпусовъ составляетъ армію, которой дается главнокомандующій; но въ мирное время корпуса прямо подчинены военному министру. Кадры арміи составляютъ 144 пѣхотныхъ трехъ-батальонныхъ полка, каждый съ однимъ резервнымъ баталіономъ; 36 стрѣлковыхъ баталіоновъ. Изъ этого составляются 36 дивизій, раздѣленныхъ на 12 корпусовъ; 72 конныхъ полка, раздѣленные на бригады и дивизіи, распредѣляются по корпусамъ; 40 полковъ артиллеріи, 4 полка инженерныхъ. Объ этомъ проектѣ мы упоминаемъ и для справки по усиленно разбираемому у насъ теперь вопросу объ организаціи арміи, такъ какъ отмѣна главныхъ штабовъ армій и дѣленія на корпуса послѣдовали у насъ именно по примѣру Франціи. Но справка эта можетъ служить въ пользу обѣихъ спорящихъ у насъ сторонъ: Франція думаетъ теперь возстановить корпуса, это правда; но она не предполагаетъ въ мирное время содержать главныхъ штабовъ, а подчиняетъ свои корпуса непосредственно *военному министру*.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта, 1873.

Учредительскія плутни и соціальное движеніе.

Я намѣренъ остановиться сегодня главнымъ образомъ на томъ, что у насъ называется „Gründerschwindel“,—на продѣлкахъ учредителей различныхъ обществъ—зло, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бóльшее и бóльшее значеніе. Только мимоходомъ упомяну о политическихъ событіяхъ, весьма коротко, такъ какъ парламентская борьба настоящей минуты не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ занимающему насъ явленію. Главная часть парламентскихъ трудовъ касалась такъ-называемыхъ церковныхъ законовъ, существенныя статьи которыхъ благополучно прошли въ палатѣ депутатовъ и которыми въ непродолжительномъ времени займется палата господъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что законы будутъ приняты, потому что измѣненіе статей 15-й и 18-й конституціи, необходимое,

какъ базисъ для этихъ законовъ, вотировано было значительнымъ большинствомъ въ палатѣ господъ.

Значеніе этихъ законовъ въ извѣстномъ отношеніи преувеличено. Они, конечно, очень важны въ данную минуту, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ лекарство важно для больного. Въ рѣчи, которую Бисмаркъ произнесъ въ палатѣ господъ, чтобы побудить послѣднюю принять измѣненіе конституціи, онъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ настоящей борьбѣ дѣло нейдетъ ни о вѣрѣ, ни о невѣріи, но „о вѣковой борьбѣ за власть между королями и духовенствомъ, которая восходитъ гораздо раньше, чѣмъ рожденіе Спасителя міра, о той борьбѣ, которую еще Агамемнонъ велъ въ Авлидѣ со своими жрецами и которая стоила ему дочери, о той борьбѣ, которая наполняетъ собой нѣмецкую исторію среднихъ вѣковъ до самаго распаденія Германской имперіи“. Но во времена глубочайшей набожности, полнѣйшаго подчиненія свѣтскихъ властителей римской церкви, первые пользовались такими правами, которыя въ настоящее время были бы признаны крайнимъ насиліемъ надъ церковью. Карлъ Великій, признанный церковью святымъ, пользовался широкими правами надзора надъ епископами и аббатами. Генрихъ III, одинъ изъ благочестивѣйшихъ германскихъ императоровъ, низложилъ на своемъ пути въ Римъ троихъ тогдашнихъ папъ, которые препирались другъ съ другомъ, и посадилъ на апостольскій престолъ своего избранника, епископа Бамбергскаго. Въ позднѣйшія времена имперскіе суды въ Вѣнѣ и Вецларѣ рѣшали вопросы о назначеніи церковныхъ наказаній, а архіепископы зачастую отвергали претензіи римской куріи и жаловались на нихъ императорамъ. Въ настоящее же время епископъ находится въ такой же зависимости отъ Рима, какъ капелланъ отъ епископа, и вся эта громадная армія повинуется папѣ съ такой механической покорностью, которая врядъ ли знакома свѣтской арміи. Слѣдовательно, для того, чтобы не ввести „государство въ государствѣ“ и совершенно нестерпимаго дуализма, свѣтское правительство необходимо должно пользоваться правомъ надзора и воспитывать духовенство въ національномъ духѣ. Въ этомъ отношеніи правительство нельзя упрекнуть ни съ какой стороны. Но если въ парламентской сферѣ шансы ультрамонтановъ неблагопріятны, за то нельзя сказать, чтобы они утратили всякія надежды. Ультра-консервативная партія дѣйствуетъ теперь рѣшительно за-одно съ ними, какъ это ясно выказалось при послѣднихъ дебатахъ въ палатѣ господъ и какъ то ежедневно проявляется въ рѣчахъ „Крестовой Газеты“. Въ этихъ дебатахъ особенное вниманіе привлекъ на себя бывшій министръ-президентъ баронъ Мантейфель, не столько своими рѣчами, которыя были довольно незначительны, сколько тѣмъ авто-

ритетомъ, которымъ онъ еще пользуется въ извѣстныхъ кружкахъ. Онъ утверждалъ, что когда наступитъ роковой моментъ, то борьба завяжется не между королевской и духовной властями, но между свѣтской властью и пролетаріатомъ,—весьма странное мнѣніе, такъ какъ королевская власть, особенно въ Пруссіи, всегда опиралась на низшіе классы, въ началѣ въ борьбѣ съ дворянствомъ, а затѣмъ въ борьбѣ противъ буржуазіи. „Крестовая Газета" положительно утверждаетъ къ тому же, что обѣ церкви (евангелическая и католическая) имѣютъ одинаковые интересы, и что католическая церковь служитъ сильной опорой консервативному принципу. Это опровергается безчисленными историческими примѣрами, и потому не заслуживаетъ возраженія. Но дѣло въ томъ, что ультра-консерваторы еще тѣснѣе сблизятся съ ультрамонтанами, чѣмъ это было до сихъ поръ, а это обстоятельство не лишено значенія для будущихъ выборовъ, на которыхъ ультрамонтаны по всей вѣроятности одержатъ значительные успѣхи, такъ какъ они ведутъ свое дѣло стойко и ловко, и главное, пользуясь вліяніемъ духовенства на женщинъ. Ихъ ближайшая цѣль—вытѣснить изъ парламента всякаго католика, который не принадлежитъ къ партіи центра (то-есть ультрамонтанамъ). Ультрамонтаны и католики сливаются въ одно и дѣйствуютъ такъ ловко, что нѣсколько свободно-мыслящихъ католиковъ вынуждены были выйти изъ рейхстага и прусскаго ландтага, потому что не чувствовали себя въ силахъ выносить непріятности, которымъ подвергались. Другіе примкнули къ центру, какъ напр., графъ Ульрихъ Шафгочъ, объ исторіи котораго я уже упоминалъ въ прошломъ письмѣ. Графъ Шафгочъ въ юности былъ бѣднымъ ассесоромъ (такъ какъ онъ младшій сынъ, а фамильныя помѣстья заложены и перезаложены), когда ему сдѣлано было предложеніе жениться на дочери человѣка, по имени Годулла, который былъ бѣднымъ рудокопомъ, но разбогатѣлъ, благодаря удачнымъ спекуляціямъ, и оставилъ послѣ себя имущество, оцѣненное въ 6 милліоновъ талеровъ. Такое богатство оправдываетъ *mésalliance*, и графъ, женившись на дѣвушкѣ, которую сначала возвели въ дворянское достоинство (Шафгочи принадлежатъ къ числу бывшихъ владѣтельныхъ особъ, а бракъ этихъ послѣднихъ — считающихся *высшимъ* дворянствомъ — съ особою изъ нисшаго сословія [1]) недѣйствителенъ), вскорѣ затѣмъ произведенъ былъ въ камергеры. Онъ выбранъ былъ въ члены

[1]) Что подразумѣвать подъ словомъ «низшее сословіе»—на это суды смотрятъ разно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ признанъ былъ одинъ изъ такихъ браковъ дѣйствительнымъ, потому что жена высокороднаго дворянина, принадлежавшая къ числу театральныхъ хористокъ, могла доказать, что играла иногда въ незначительныхъ роляхъ и слѣдовательно была «артисткой».

рейхстага и примкнулъ къ „нѣмецкой имперской партіи“, которая насчитываетъ нѣсколько свободно-мыслящихъ католиковъ въ своихъ рядахъ. Но, вдругъ перемѣнилъ направленіе, выдѣлился изъ партіи, принялъ участіе въ агитаціяхъ ультрамонтановъ, поддерживалъ ихъ деньгами и вносилъ денежные штрафы за редакторовъ ультрамонтанскихъ газетъ и проч. Поэтому неудивительно, что князь Бисмаркъ такъ энергично напалъ на него. Министерство рѣшило даже по этому случаю, что графъ долженъ быть удаленъ отъ двора, но такъ какъ у него большія связи, то дѣло пока замялось.

Церковные законы вызываютъ не меньшее ожесточеніе въ кругу строгихъ лютеранъ, которыхъ теперь принято называть „евангелическими ультрамонтанами“, и не потому, чтобы евангелической церкви грозили особенныя ограниченія, благодаря этимъ законамъ: хотя они распространяются на обѣ церкви, или лучше сказать на всѣ религіозныя общины, но случаи ихъ примѣненія почти исключительно возможны лишь въ сферахъ католической церкви. Тѣмъ не менѣе трезвый, ясный, свѣтскій духъ этихъ законовъ возмущаетъ фанатиковъ евангелическаго лагеря, и они такого же мнѣнія о Фалькѣ, какого Шарлемеръ-Альстъ о Бисмаркѣ, то-есть, что онъ служитъ двумъ господамъ: прусскому королю и сатанѣ. Шарлемеръ-Альстъ упрекнулъ въ этомъ Бисмарка въ отвѣтъ на упрекъ, брошенный послѣднимъ ультрамонтанамъ, что они служатъ двумъ господамъ: королю въ Пруссіи и папѣ въ Римѣ.

Наравнѣ съ церковными законами, общественное мнѣніе занималось одно время вопросомъ, возбужденнымъ Ласкеромъ. Еще въ февралѣ Ласкеръ въ палатѣ депутатовъ коснулся подкуповъ, совершающихся по желѣзнодорожному дѣлу, въ такой мастерской рѣчи, которую, быть можетъ, рѣдко удавалось слышать въ парламентѣ вообще. Онъ дѣлалъ тяжкіе упреки министру торговли въ томъ, что при присужденіи желѣзнодорожныхъ концессій играла важную роль протекція; кромѣ того, онъ изобличалъ поведеніе учредителей, ихъ отвратительную манеру наживаться на счетъ публики и при этомъ особенно напиралъ на „Померанскую Центральную желѣзную дорогу“, настоящимъ творцомъ которой является тайный совѣтникъ Вагенеръ, служащій въ государственномъ министерствѣ и довѣренное лицо Бисмарка, который самъ нисколько непричастенъ къ этому дѣлу. Мимоходомъ Ласкеръ задѣлъ еще два лица изъ высшей аристократіи, которые продали свои имена акціонернымъ компаніямъ—иначе нельзя выразиться. Одинъ изъ нихъ—принцъ Биронъ Курляндскій, котораго Ласкеръ упрекнулъ въ томъ, что онъ продалъ полученную имъ концессію за 100,000 талеровъ. Принцъ отрицалъ справедливость этого факта, но Ласкеръ подтвердилъ фактами свое показаніе. При этомъ

оказалось, что принцъ потребовалъ себѣ за концессію 100,000 талеровъ въ акціяхъ, но его партнеры прижали его: они предоставили въ его распоряженіе акціи, но *за деньги*, которыя принцъ имѣлъ тѣмъ менѣе охоты уплатить, что акціи стояли очень низко. Но главнымъ дѣломъ оказалось, какъ уже сказано, вагенеровское. Въ краткихъ словахъ оно заключается въ слѣдующемъ: Вагенеръ получилъ концессію на желѣзную дорогу отъ Вангерина до Коница (въ Помераніи), которая получила громкое названіе Померанской Центральной желѣзной дороги. Для эксплуатаціи этой концессіи соединился онъ съ двумя банкирами и, втроемъ, они образовали учредительскій комитетъ. Основной капиталъ объявленъ былъ въ семь слишкомъ милліоновъ талеровъ, но когда дѣло дошло до подписки, то въ дѣйствительности подписались всего на 40,000 талеровъ, а вся остальная сумма была покрыта мнимыми подписями, что́ всегда возможно, такъ какъ законъ не требуетъ провѣрки подписей. Начиная съ этой минуты, учредители произвели цѣлый рядъ недобросовѣстныхъ операцій, цѣлью которыхъ было присвоить себѣ 40,000 талеровъ, въ видѣ вознагражденія за труды и изъ которыхъ Вагенеръ долженъ былъ получить половину. Подобныя вещи, а быть можетъ и худшія, совершались безчисленное множество разъ, но въ настоящемъ дѣлѣ характеристично то, что тутъ скомпрометтированъ высокопоставленный чиновникъ.

Когда Ласкеръ говорилъ свою рѣчь, то она была встрѣчена нѣмымъ молчаніемъ. Въ палатѣ депутатовъ засѣдаетъ много „учредителей", но ни одинъ не рѣшился возразить хотя бы однимъ словомъ оратору, и это было большой ошибкой, потому что Ласкеръ въ своей рѣчи хватилъ черезъ край. Онъ говорилъ какъ какой-нибудь философъ древности, какъ творецъ „*Omnia mea mecum porto*", или какъ человѣкъ, который, избравъ своимъ мѣстожительствомъ бочку, устранился отъ всякаго квартирнаго вопроса. Но еслибы всѣ люди думали такимъ образомъ, то громадные успѣхи цивилизаціи, добытые человѣчествомъ, были бы невозможны, и человѣчество погрузилось бы въ варварство, еслибы стремленіе къ пріобрѣтенію совсѣмъ угасло.

Но величайшая ошибка въ рѣчи Ласкера заключается въ томъ, что она задѣла всѣхъ, кто только когда-либо занимался какими-нибудь дѣлами и предпріятіями, и что поэтому всѣ оскорбленные сплотились въ одно цѣлое, и невиновные покрываютъ виновныхъ. Поэтому общее мнѣніе таково, что все это дѣло окончится ничѣмъ.

Объ этомъ дѣлѣ распускаются впрочемъ всякаго рода басни. Французскія газеты намекали даже, что два смертныхъ случая, которые могли быть весьма пріятны для Вагенера, никакъ не могли быть случайными,—точно мы живемъ въ такомъ столѣтіи, когда отрав-

леніе можетъ служить орудіемъ въ политикѣ. Вышеупомянутые смертные случаи, которые находятся въ нѣкоторой связи съ процессомъ, не могутъ имѣть никакого вліянія на его исходъ. Городской судья Эльснеръ фонъ-Гроновъ, который занесъ въ торговый регистръ Померанскую Центральную желѣзную дорогу, между тѣмъ какъ его предшественникъ отказывался сдѣлать это, давно уже хворалъ, и гнѣвъ, причиненный ему сильными нападками Ласкера, обусловилъ плохой оборотъ болѣзни. Вообще всѣ городскіе судьи сходятся во мнѣніи о покойномъ, который считался вполнѣ честнымъ человѣкомъ.

Загадочное отношеніе правительства къ дѣлу Вагенера объясняется весьма просто двумя слѣдующими мотивами: 1) сто разъ заявленнымъ принципомъ, не уступать давленію общественнаго мнѣнія (стóитъ только припомнить, что именно сильныя нападки со стороны палаты укрѣпляли положеніе министровъ Липпе и Мюлера, хотя эти послѣдніе давно уже обречены были паденію); и 2) то, что политическая дѣятельность Вагенера и его конфиденціальное положеніе поставили его въ возможность узнать много тайнъ, вслѣдствіе чего обращеніе съ нимъ требуетъ особенной осмотрительности. Поэтому вы можете принять за вѣрное, что Вагенеръ рано или поздно будетъ удаленъ съ своего поста, но этимъ все дѣло и ограничится, и онъ даже не будетъ терпѣть матеріальной нужды.

Возвращаясь къ основной идеѣ рѣчи Ласкера, а именно злоупотребленію учредителей, я долженъ замѣтить, что отнюдь не намѣренъ ихъ защищать. Къ несчастію совершенно справедливо, что въ финансовомъ мірѣ понятіе о купеческой чести почти совсѣмъ заглохло, и что даже именитые торговые дома ни мало не стыдятся обманывать публику. Но это происходитъ отчасти и потому, что публика, не взирая на всѣ предостереженія, дозволяетъ себя обманывать, и потому что ею самой овладѣла жажда къ легкой наживѣ. Кто теперь довольствуется небольшимъ процентомъ? Я самъ недавно былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ кружкѣ зажиточныхъ и частію богатыхъ людей, трудно было достать залогъ, потому что почти ни у кого не было такихъ бумагъ, которыя принимаются правительствомъ. Человѣкъ долженъ обладать твердымъ характеромъ для того, чтобы довольствоваться 4½ и 5%, когда онъ можетъ заработать на биржѣ въ одинъ день десять или больше. И такое повышеніе курсовъ, съ немногими промежутками, длится уже со времени окончанія войны. Пессимисты, люди осторожные, оказались въ дуракахъ и частію обѣднѣли, между тѣмъ какъ сангвиники, легкомысленные спекулянты обогатились, при чемъ многіе изъ нихъ составили колоссальныя состоянія. Одному изъ моихъ друзей пришлось недавно посѣтить одного директора департамента, одного министра мелкаго нѣмецкаго госу-

дарства и нѣсколькихъ депутатовъ, принадлежащихъ къ высшему дворянству. Всѣ они живутъ въ третьемъ этажѣ, а бельэтажи заняты банкирами. Это кончится нехорошо; безумная роскошь *parvenus* большое зло, потому что развиваетъ зависть въ бѣднякахъ. Но при всемъ томъ нельзя отрицать, что система экономической свободы сильно подвинула впередъ всю массу народонаселенія; что государства развиваютъ такую интенсивную силу, какой прежде никогда не проявлялось, что благодѣянія растущей культуры выпадаютъ на долю бѣднѣйшихъ и въ такомъ размѣрѣ, о какомъ прежде и непомышляли. Наконецъ, скажемъ и то, что до сихъ поръ никто еще не указалъ средства воспользоваться всѣми этими преимуществами, устранивъ при этомъ всѣ худыя ихъ стороны. Конечно, весьма возможно, что теперешнее положеніе дѣлъ принесетъ горькіе плоды впослѣдствіи, но есть ли такое положеніе въ мірѣ, которое бы не носило въ себѣ зародышъ погибели? Трезвая, суровая Спарта точно также пала, какъ и изысканныя, утонченныя, падкія къ наслажденію Аѳины.

Современное положеніе акціонернаго дѣла способствуетъ несомнѣнно развитію нравственной распущенности въ обществѣ. Недавно, торговая палата извѣстнаго промышленнаго саксонскаго города Хемница постановила приговоръ надъ акціонерными предпріятіями, который обратилъ на себя большое вниманіе въ торговыхъ кружкахъ и вызвалъ нѣсколько возраженій. Въ запискѣ, выработанной коммиссіей, прежде всего ставится вопросъ: содѣйствуютъ ли вообще акціонерныя предпріятія, при ихъ теперешнемъ развитіи, народному благосостоянію, интересамъ торговли и промышленности? и, если нѣтъ, то какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы достигнуть измѣненія принциповъ законодательства?

Относительно перваго вопроса, находимъ въ запискѣ слѣдующіе аргументы: владѣлецъ акціи освобожденъ отъ обязательства отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ въ случаѣ неудачнаго исхода предпріятія; отдѣльные же предприниматели или члены торговаго товарищества ставятъ порукой успѣха своего дѣла все свое имущество и существованіе. Такимъ образомъ, акціонерное право уклоняется отъ общаго торговаго права и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя закономъ установленныя привилегіи, какъ, напримѣръ, освобожденіе отъ личнаго ареста и легкую возможность перевода имущества. Несмотря на то всякая нападка на акціонерное дѣло считается за покушеніе на свободу экономическаго движенія. На этотъ упрекъ записка отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Не слѣдуетъ злоупотреблять свободой для защиты негоднаго или отжившаго.

2) Нѣтъ свободы тамъ, гдѣ, при совершенно одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, одни отвѣчаютъ только деньгами, другіе же гражданскою смертью (здѣсь подразумѣвается банкротство, при которомъ акціонеръ теряетъ только нѣкоторую сумму денегъ, отдѣльный же предприниматель разоряется).

3) Свобода даетъ права, но и налагаетъ обязанности, даетъ самостоятельность, но требуетъ отвѣтственности. Сторонники же акціонерныхъ предпріятій требуютъ самостоятельности, но отстраняютъ отъ себя полную отвѣтственность.

Затѣмъ записка переходитъ къ вопросу, насколько результаты дѣятельности акціонерныхъ обществъ оправдываютъ дарованныя имъ привилегіи, приносятъ ли они пользу народному хозяйству, гарантируютъ ли интересы государства и общества?

Поле дѣятельности акціонерныхъ обществъ — крупныя и смѣлыя предпріятія. Между тѣмъ, въ послѣднее время, держа въ своихъ рукахъ крупныя предпріятія, они избѣгали рисковать, вводить новыя изобрѣтенія, примѣнять новыя открытія и охотнѣе держались проторенной дорожки. Несомнѣнно, что всякое производство въ широкихъ размѣрахъ удешевляетъ фабричные продукты и тѣмъ возвышаетъ общій уровень благосостоянія и способствуетъ просвѣщенію, но акціонерныя общества не достигли этого, какъ не достигли процвѣтанія находящихся въ ихъ рукахъ производствъ. Они страдаютъ тѣмъ же недугомъ, какимъ страдаютъ государственныя и общинныя промышленныя предпріятія,—необходимостью поручать управленіе дѣлами чиновникамъ. Опытъ же показываетъ, что, относительно веденія дѣлъ, чиновникъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ замѣнить владѣльца: свой собственный интересъ всегда сильнѣе чувства долга. Опытъ, сверхъ того, показываетъ, что только соревнованіе между производителями приводитъ къ общеполезнымъ результатамъ, акціонерныя же общества не обращаютъ вниманія на естественный ходъ развитія производства и даютъ ему даже часто совершенно ложное направленіе. Это обусловливается тѣмъ, что частный предприниматель, организуя всякое предпріятіе, справляется прежде всего съ потребностью общества, учредители же акціонерныхъ компаній сообразуются съ требованіемъ на биржѣ новыхъ бумагъ и съ возможностью, посредствомъ ажіотажа, сбыть свои акціи. До будущности предпріятія учредителямъ нѣтъ дѣла.

Все это можетъ, по словамъ записки, привести къ слѣдующимъ, вреднымъ въ экономическомъ отношеніи, послѣдствіямъ: повышенію процента, злоупотребленію капиталомъ, растратѣ капитала и монополіи.

Всѣ эти послѣдствія записка обстоятельно разбираетъ и под-

тверждаетъ фактами. Въ заключеніе, коммиссія приводитъ рядъ предложеній, изъ которыхъ нѣкоторыя были приняты торговой палатой, другія же измѣнены. Окончательное рѣшеніе, которое должно быть представлено союзному канцлеру и саксонскому правительству, гласитъ: 1) Отмѣна облигацій необходима, чтобы дать возможность частнымъ предпринимателямъ конкуррировать съ акціонерными обществами; 2) выпускъ временныхъ акціонерныхъ свидѣтельствъ ниже 40% не долженъ на будущее время допускаться; 3) статистика акціонернаго дѣла за послѣднія 25 лѣтъ должна быть составлена.

Правда, что хемницкая палата многое преувеличила, но многое изъ высказаннаго ею справедливо. Какъ я уже замѣтилъ выше, заявленіе палаты вызвало возраженія. Возраженія эти были сдѣланы со стороны лейпцигской торговой палаты, берлинскаго купечества и постояннаго комитета нѣмецкаго торговаго сейма. Лейпцигская палата замѣтила по этому поводу слѣдующее:

„Мы вполнѣ согласны, что въ области акціонерныхъ предпріятій встрѣчаются, во времена сильнаго общественнаго движенія, каковы два послѣдніе года, явленія весьма неутѣшительныя, достойныя сожалѣнія, и не закрываемъ глаза на опасность отъ могущаго произойти кризиса, который погубитъ не мало прочныхъ предпріятій, на ряду съ ненадежными, и который угрожаетъ народному благосостоянію.

„Мы не усматриваемъ никакой выгоды для промышленности въ томъ обстоятельствѣ, что многіе промышленныя предпріятія, незначительный объемъ которыхъ допускаетъ вполнѣ управленіе отдѣльными лицами или товариществами, безъ всякихъ причинъ превращаются въ акціонерныя компаніи; мы не видимъ въ этомъ выгоды тѣмъ болѣе, что подобная перемѣна должна худо отразиться на отношеніяхъ между рабочими и хозяевами".

Здѣшній постоянный комитетъ нѣмецкаго торговаго сейма состоитъ изъ крупныхъ капиталистовъ. Онъ выбралъ коммиссію для обсужденія мнѣнія хемницкой палаты. Коммиссія представила обстоятельный отчетъ, который прежде всего старается доказать, что образованіе акціонерныхъ компаній есть такая форма ассоціаціи капитала, отъ которой современное общество не откажется. Мошенническія продѣлки учредителей свидѣтельствуютъ только о томъ, что послѣдніе два года были временемъ сильнѣйшихъ спекуляцій. До сихъ поръ ни одно акціонерное общество не подпало конкурсу, ни одинъ учредитель не приговоренъ къ наказанію. Спекуляціи и шарлатанство существовали на свѣтѣ раньше акціонерныхъ обществъ; вреднѣе это или нѣтъ именно въ формѣ акціонерныхъ обществъ, этого нельзя считать доказаннымъ. Коммиссія поставила себѣ вопросъ: нуждается ли акціонерный законъ въ серьёзномъ пересмотрѣ?

и пришла къ заключенію, что существующій законъ нуждается въ измѣненіи только трехъ важныхъ пунктовъ; но трехъ пунктовъ недостаточно для того, чтобы подписать пересмотръ всего закона; впрочемъ желательно знать мнѣніе объ этомъ предметѣ опытнаго юриста. Затѣмъ коммиссія предложила:

Заявленіе торговой и промышленной палаты въ Хемницѣ отвергнуть, заявивъ съ своей стороны, что постоянному комитету извѣстны нѣкоторыя злоупотребленія акціонерныхъ обществъ, но что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, чтобы эти злоупотребленія обусловливались самою сущностью акціонернаго дѣла, а скорѣе ненормально развившимся спекулятивнымъ направленіемъ въ обществѣ.

Далѣе коммиссія предложила, на случай, если комитетъ сочтетъ своевременнымъ приступить къ пересмотру акціонернаго закона, слѣдующіе пункты на обсужденіе:

1) Каждый, кто подписалъ проектъ акціонернаго общества, отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ за его содержаніе.

2) Для полной уплаты акцій долженъ быть назначенъ въ статутѣ опредѣленный срокъ.

3) До полной уплаты выпускъ новыхъ акцій не дозволяется.

При обсужденіи этого предмета въ комитетѣ присутствовалъ, по приглашенію, извѣстный юристъ, который высказалъ мнѣніе, что акціонерный законъ 11-го іюня 1870 года имѣетъ большіе недостатки въ техническомъ отношеніи, и поздно или рано долженъ быть пересмотрѣнъ. Но всякій законъ, будучи введенъ въ дѣйствіе, въ теченіе первыхъ же лѣтъ ясно выказываетъ свои недостатки; не слѣдуетъ спѣшить исправленіемъ этихъ недостатковъ, потому что, по исправленіи ихъ, вскорѣ окажутся новые, и законоположеніе, такимъ образомъ, никогда не установится.

Съ юридической точки зрѣнія это можетъ быть и вѣрно, но на дѣлѣ акціонерный законъ можетъ тѣмъ временемъ привести къ такимъ результатамъ, отмѣнить которые уже будетъ невозможно. Экономическая свобода и могущество капитала производятъ во всѣхъ промышленныхъ странахъ одно и то же дѣйствіе, и прежде всего разверзаютъ все бóльшую и бóльшую бездну между очень бѣдными и очень богатыми. Въ данный моментъ это вліяніе, во всей его силѣ, потому только незамѣтно въ Германіи, что, вслѣдствіе чрезвычайнаго наплыва богатства, въ рабочихъ рукахъ очень нуждаются, вслѣдствіе чего послѣднія предъявляютъ чрезвычайныя требованія. Въ этомъ отношеніи обстоятельства могутъ скоро измѣниться, но начавшееся движеніе рабочаго сословія не прекратится, потому что оно очень живуче. Въ теченіе двухъ съ небольшимъ десятилѣтій Германія пережила два большихъ движенія въ рабочемъ классѣ, сначала ассо-

ціацію по принципу Шульце-Делича, затѣмъ соціальную демократію, въ настоящее время переживаетъ безпрерывныя забастовки. Система Шульце,—основанная на ассоціаціи и самопомощи, — безъ сомнѣнія, дала хорошіе результаты и приноситъ до сихъ поръ много пользы, но она не можетъ произвести общественной реформы. Соціально-демократическій лагерь, по смерти Лассаля, разбился на множество отдѣльныхъ фракцій, ведущихъ безконечные споры между собою и съ сторонниками системы Шульце.

Дарованіе всеобщей подачи голосовъ чрезвычайно способствовало развитію рабочаго движенія. Всякое расширеніе права голоса, говоритъ весьма умный депутатъ рейхстага, Бамбергеръ, въ своей, недавно появившейся книгѣ о рабочемъ вопросѣ [1]), выдвигаетъ впередъ вопросъ о положеніи рабочаго класса, и тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, существуетъ всеобщая подача голосовъ, такая зависимость весьма чувствительна. Такъ-называемый соціальный вопросъ существовалъ въ Германіи до 1866 года только въ литературѣ, если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ ремесленниковъ, вернувшихся изъ Франціи и Швейцаріи. Въ народномъ сознаніи онъ появился въ первый разъ вмѣстѣ съ сѣверо-германскимъ рейхстагомъ, въ которомъ, впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ на свѣтѣ парламенты, за исключеніемъ короткаго французскаго эпизода отъ марта до іюня 1848 года, появились и подняли голосъ оффиціальные представители чистаго соціализма. Въ первомъ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ засѣдали 6 соціалистовъ, въ настоящее время одинъ (Шрапсъ), второй (Бёбель) хотя и выбранъ снова, но отбываетъ наложенное на него въ прошломъ году наказаніе (см. мою корреспонденцію въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ, стр. 872), и рейхстагъ не счелъ себя компетентнымъ въ этомъ случаѣ ходатайствовать о его освобожденіи, такъ какъ статья 31-я конституціи трактуетъ только о снятіи ареста по судебнымъ или гражданскимъ дѣламъ. Весьма вѣроятно, что такая убыль случайная и что слѣдующіе выборы дадутъ другіе результаты. Я придаю еще большее значеніе всеобщей воинской повинности, чѣмъ всеобщей подачѣ голосовъ, хотя вліяніе первой проявляется не такъ быстро, за то проникаетъ глубже. На это можно возразить, что всеобщая воинская повинность существуетъ въ Пруссіи съ 3-го сентября 1814 года; это вѣрно, но она была, можно сказать, призрачна при ничтожномъ годовомъ призывѣ и мирномъ времени; наиболѣе сказывалась всеобщая повинность на образованномъ сословіи и сельскомъ населеніи.

---

1) Die Arbeiterfrage unter dem Gesichtspuncte des Vereinsrechts, von Ludwig Bamberger. Stuttgart. J. G. Cotta. 1873.

Теперь же годовой контингентъ больше, въ послѣднюю войну почти всякій годный къ службѣ былъ призванъ, и самая служба въ военное время имѣетъ, понятнымъ образомъ, совершенно другое вліяніе, чѣмъ въ мирное время. Качества, пріобрѣтаемыя на войнѣ: храбрость, презрѣніе къ смерти, дисциплина, умѣніе приказывать и слушаться, могутъ весьма ясно проявиться въ частной жизни, а также и въ рабочемъ движеніи.

Право стачекъ существуетъ въ Германіи съ 1869 года. § 152-й промышленнаго положенія, отъ 21-го іюня 1869 года, гласитъ: „Отмѣняются всѣ запретительныя и карательныя постановленія противъ промышленниковъ, ихъ товарищей, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ за взаимныя соглашенія и сборища, съ цѣлью достиженія лучшей заработной платы или болѣе выгодныхъ условій работы, въ особенности посредствомъ забастовокъ или разсчета рабочихъ“. Для начала, нѣмецкіе рабочіе имѣли въ своемъ дѣлѣ образецъ въ англійскихъ *trades-unions*, существующихъ тамъ на самомъ дѣлѣ съ незапамятныхъ временъ, но оффиціально разрѣшенныхъ только въ 1824 году, когда всѣ до того времени существовавшія узаконенія противъ стачекъ были отмѣнены парламентомъ, такъ какъ, по выраженію коммиссіи, „несмотря на весьма частые приговоры къ наказанію, всѣ принудительныя мѣры въ дѣлѣ руководства промышленности оказались недѣйствительными и вредными какъ относительно рабочихъ, такъ и мастеровъ“. Немедленнымъ послѣдствіемъ закона были многочисленныя забастовки, такъ что въ 1825 году онъ былъ отмѣненъ и замѣненъ новымъ, который хотя и удержалъ право стачекъ, но ограничилъ ихъ весьма предусмотрительными и сложными карательными постановленіями. Этотъ послѣдній законъ дѣйствовалъ до 1871 года.

Организація рабочихъ ассоціацій обыкновенно такова, что каждая отдѣльная отрасль промышленности образуетъ собой особое цѣлое. Вся ассоціація распадается на множество мѣстныхъ, существующихъ самостоятельно и обращающихся къ авторитету всей ассоціаціи только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, или для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ. Во главѣ всей ассоціаціи стоитъ выбранный исполнительный комитетъ, располагающій нѣсколькими, умѣренно оплачиваемыми чиновниками, для веденія кассы и переписки. Генеральный совѣтъ изъ депутатовъ отъ мѣстныхъ ассоціацій составляетъ постоянное представительство ихъ при центральномъ управленіи. Стачки и взаимная поддержка деньгами, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, должны быть одобрены генеральнымъ совѣтомъ, хотя относительно стачекъ на практикѣ зачастую это не исполняется. Число членовъ всѣхъ ассоціацій съ точностью неизвѣстно, надо полагать, что оно не пре-

вышаетъ 200,000. Хотя одною изъ главныхъ цѣлей ассоціацій считается взаимная помощь въ старости, въ случаяхъ болѣзни или лишеніи способности работать, тѣмъ не менѣе они тратятъ бо́льшую часть своихъ средствъ на забастовки, и на дѣлѣ забастовки оказываются ихъ главною цѣлью. Относительно пользы забастовокъ для рабочихъ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Одни доказываютъ, что потери отъ продолжительныхъ забастовокъ не могутъ вознаграждаться даже значительнымъ повышеніемъ заработной платы, другіе приходятъ къ противуположному заключенію. Весьма умѣренный Рошеръ, не принадлежащій къ манчестерцамъ, склоняется къ первому мнѣнію. Онъ утверждаетъ [1]), что всякая забастовка весьма тяжело отражается на народномъ благосостояніи и наноситъ одинаковый вредъ какъ капиталистамъ, такъ и рабочимъ, потому что положеніе наемнаго рабочаго можетъ значительно улучшиться только въ томъ случаѣ, когда число рабочихъ будетъ увеличиваться съ меньшею быстротою, чѣмъ капиталы, потребные для производства наемной платы, а этого можно достигнуть только посредствомъ сбереженій.

Забастовка вальденбургскихъ горныхъ рабочихъ въ 1869 году была одною изъ интереснѣйшихъ въ Германіи. По опубликованіи промышленнаго положенія, Францъ Дункеръ (извѣстный демократическій депутатъ) и Максъ Гиршъ приступили къ образованію ассоціаціи въ Вальденбургѣ (Силезія). Горные рабочіе образовали мѣстную ассоціацію. Владѣльцы копей, почуявъ для себя опасность, потребовали, чтобы рабочіе немедленно оставили ассоціацію; рабочіе не исполнили ихъ требованія и были изгнаны изъ помѣщеній, которыя получали отъ хозяевъ. Работа была прекращена, и центральное управленіе, въ Берлинѣ, дѣлало всѣ возможныя усилія, собирало деньги во всей Германіи, чтобы первая забастовка увѣнчалась успѣхомъ. Только-что возникшія ассоціаціи жертвовали большія суммы (золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера въ Пфорцгеймѣ сдѣлали значительную ссуду, которую впослѣдствіи тщетно старались получить обратно), партія прогресса (Fortschritspartei), нуждающаяся въ рабочихъ при выборахъ и потому поддерживающая ихъ, предлагала крайнія мѣры; была сдѣлана даже попытка публичнаго займа въ видѣ купоновъ въ 15 зильбергрошей. Тѣмъ не менѣе всѣ рессурсы рабочихъ, прекратившихъ работу въ декабрѣ, истощились въ половинѣ января. Представитель центральнаго управленія, Максъ Гиршъ, выступилъ тогда посредникомъ, и управленіе было настолько безсовѣстно, что предложило рабочимъ выселеніе. Многіе послушались и впали въ страшную нищету, остальнымъ пришлось сдаться на волю

---

[1]) Die Grundlagen de Nationalökonomie. Neunte Auflage, S. 378 u. 384.

побѣдителя. Число рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкѣ, простиралось до 6,000. Несчастный исходъ этой забастовки сильно повредилъ развитію ассоціацій, главная цѣль которыхъ, хотя и не показанная на первомъ планѣ въ ихъ статутахъ, есть организація забастовокъ съ цѣлью достиженія высшей заработной платы. Успѣхъ забастовокъ зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ большей или меньшей потребности въ данной работѣ, и отъ большаго или меньшаго единодушія между капиталистами. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, здѣшнія забастовки достигли слѣдующихъ результатовъ. До первой забастовки каменьщиковъ и плотниковъ, лѣтомъ 1868 года, поденная плата за 11—12-часовую работу была $22\frac{1}{2}$—30 зильбергрошей. Теперь они получаютъ за 9-часовую работу 1 талеръ $12\frac{1}{2}$ зильбергрошей до 2 тал., то-есть на 100% больше при уменьшенномъ на 2 часа рабочемъ времени. Менѣе счастливы въ достиженіи своихъ требованій были сигарщики, которые послѣ трехъ забастовокъ получили всего около 10% прибавки. Первая забастовка портныхъ не удалась, но прошлогодняя принесла 25% надбавки, въ лучшихъ мастерскихъ; работающіе же по заказу (для большихъ торговыхъ домовъ, на вывозъ) ничего не добились. Сапожники двумя забастовками достигли 20% надбавки, позолотчики 25%, при 10-часовой работѣ, столяры 50%, при 9-часовой работѣ. Камнетесы, послѣ забастовки прошлымъ лѣтомъ, получили $33\frac{1}{3}$% надбавки. Сѣдельщики и обойщики удовлетворились только частью своего требованія, 25% надбавки, при чемъ для нихъ была введена 10-часовая работа. Совсѣмъ не удались забастовки кузнецовъ въ 1871 году и рабочихъ на механическомъ заводѣ Пфлуга. Печатальщики достигли своихъ требованій почти безъ забастовокъ, маляры и пивовары—совсѣмъ безъ забастовокъ (послѣдніе $33\frac{1}{3}$% надбавки, и обращеніе на „вы", вмѣсто „ты"). Часовщики, каретники, бочары, послѣ двухъ забастовокъ, получили 20% прибавки. Гончары достигли своихъ желаній почти безъ забастовокъ. Переплетчики, лакировальщики и серебряныхъ дѣлъ мастера также достигли увеличенія заработной платы на 25%. Недовольны въ настоящее время своимъ положеніемъ, кромѣ каменьщиковъ и плотниковъ, штукатурщики, маляры, столяры, портные, сапожники, шляпники, сортировщики сигаръ, токари, полировальщики мебели, и болѣе всѣхъ *наборщики*. Усилія приказчиковъ (положеніе которыхъ дѣйствительно худо) до сихъ поръ не привели ни къ какому результату. Среднее повышеніе заработной платы отъ 20—25% почти соотвѣтствуетъ общему повышенію цѣнъ, а потому вполнѣ справедливо, но такая колоссальная надбавка, какую получили каменьщики, ни съ чѣмъ несообразна и повлекла за собой весьма худыя послѣдствія. Въ весьма интерес-

ной статьѣ „О квартирномъ вопросѣ и его разрѣшеніи“, докторъ Брухъ [1]) говоритъ, по поводу отмѣны запрещенія стачекъ и испытаній мастеровъ, слѣдующее: „первое привело къ забастовкамъ, которыя сдѣлали строительное ремесло весьма невѣрнымъ и опаснымъ дѣломъ; мастера-хозяева, для вознагражденія себя за рискъ, должны брать бóльшія выгоды. Если же капиталистъ заключитъ со строителемъ контрактъ, который послѣдній обязанъ выполнить во что бы то ни стало, а рабочіе устроятъ стачку и выйдутъ изъ нея побѣдителями, то заключившій контрактъ разоренъ. Этотъ Дамокловъ мечъ, постоянно висящій надъ головами занимающихся постройками, заставилъ многихъ дѣльныхъ и солидныхъ мастеровъ отказаться отъ своего ремесла. Самъ работникъ сталъ другимъ, правда, болѣе самостоятельнымъ, за то болѣе грубымъ и заносчивымъ. Солидные принципы коммерческихъ предпріятій прежняго, стараго времени, не признаются новыми, неопытными мастерами, которые выростаютъ изъ земли, какъ грибы. Конкурренція ихъ между собой не понижаетъ цѣнъ.

Чрезвычайное повышеніе цѣнъ на землю и увеличеніе расходовъ по постройкѣ усиливаютъ еще больше квартирное бѣдствіе. Со страхомъ ожидаютъ наступленія лѣта, когда для работъ по канализаціи города и постройкѣ двѣнадцати рынковъ, проектированныхъ однимъ обществомъ, потребуется громадное число мастеровъ и рабочихъ. Но это не составляетъ главнаго момента въ рабочемъ движеніи. Весьма интересенъ очеркъ этого движенія, сдѣланный профессоромъ Гельдомъ, въ Боннѣ, въ недавно появившейся книгѣ, которая трактуетъ собственно о рабочей печати [2]), но при этомъ представляетъ живую картину нравственной жизни рабочаго міра. Слѣдуетъ замѣтить, что Гельдъ принадлежитъ къ школѣ *„Kathedersocialisten“* и относится весьма снисходительно къ худымъ сторонамъ всего движенія. Книга его начинается обзоромъ соціальныхъ партій нашего времени въ Германіи; изъ этихъ партій впрочемъ только одни соціалисты-демократы составляютъ опредѣленную партію. Рабочій вопросъ получилъ въ Германіи самостоятельное и большое значеніе въ началѣ прошлаго десятилѣтія, благодаря дѣятельности Шульце-Делича и Лассаля. Лассаль соединилъ, силой своего генія, разбросанные остатки революціонеровъ 1848 года и недовольный своимъ экономическимъ положеніемъ пролетаріатъ. Идеи его не были новы, но практическое значеніе его дѣятельности громадно, такъ какъ онъ первый далъ опредѣленную организацію рабочимъ массамъ, для дѣйствій общими

[1]) Berlin und seine Entwickelung. Städtisches Jahrbuch für Volkswirthschaft und Statistik. 6 Jahrgang.

[2]) Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart, von Dr. A. Held, Professor in Bonn.

силами. Этимъ онъ положилъ основаніе движенію, продолжающемуся понынѣ. Несмотря на то, что вскорѣ послѣ его смерти партія его распалась и большинство отступило отъ его ученія во многихъ пунктахъ, вліяніе его ораторскаго таланта и агитаторскаго искусства продолжается до сихъ поръ; его основныя идеи, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, продолжаютъ жить въ массѣ рабочихъ, постоянно возрастающей. Шульце, дѣятельность котораго началась до Лассаля, имѣлъ за себя практическій успѣхъ; кромѣ того онъ находилъ большую поддержку весьма вліятельной, распространенной преимущественно въ среднемъ классѣ и въ концѣ концовъ восторжествовавшей партіи либераловъ. Агитація Лассаля, поставившая рабочій вопросъ на весьма опасный путь, способствовала популярности Шульце, въ которомъ многіе увидѣли спасителя общества.

Гельдъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что выраженія „самопомощь“ и „помощь“ со стороны государства, которыми обыкновенно обозначаютъ различіе между системами Шульце и Лассаля,—ничего не объясняютъ. Самопомощь у Шульце не исключаетъ покровительства законовъ и поддержки со стороны государства, система же Лассаля сама собой подразумѣваетъ самопомощь, такъ какъ Лассаль требуетъ для рабочихъ полнаго владычества въ государствѣ. Какъ ни велико разстояніе между этими двумя вождями, есть пункты, на которыхъ они сходятся. Такъ, оба они признаютъ, что всѣ невзгоды, происходящія отъ настоящей агитаціи въ обществѣ, отражаются главнымъ образомъ на неимущемъ рабочемъ классѣ, и чтобы это по возможности предотвратить, слѣдуетъ организовать ассоціаціи, т.-е. ограничить конкурренцію между отдѣльными личностями.

Практическій успѣхъ Шульце несомнѣненъ, ассоціаціи его растутъ въ числѣ. Изъ берлинскаго „Городского Ежегодника“ за 1872 годъ видно, что во всей Германіи, со включеніемъ нѣмецкихъ провинцій Австріи, съ 1864 по 1870 г., число ссудныхъ и кредитныхъ обществъ возросло съ 890 до 1871, число магазинныхъ товариществъ съ 155 до 202, число продуктивныхъ товариществъ съ 28 до 74, число обществъ потребителей съ 97 до 739. Въ Берлинѣ это отношеніе неблагопріятно: за тотъ же періодъ времени число ссудныхъ и кредитныхъ обществъ увеличилось съ 25 до 29, число обществъ потребителей упало съ 16 до 7 и число всѣхъ вообще товариществъ уменьшилось съ 54 до 46. Причиной уменьшенія числа товариществъ послужила вѣроятно организація соціалистами-демократами рабочаго союза, который стремится достигнуть, для рабочихъ всѣхъ ремеслъ, повышенія заработной платы, сокращенія рабочихъ часовъ, отмѣны ночной и воскресной работы и еще многаго другого. Въ началѣ прошлаго года число членовъ рабочаго союза доходило до

14,000. Мѣстныя ассоціаціи, числомъ 28, насчитываютъ до 36,000 членовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть принадлежитъ ассоціаціи рабочихъ-механиковъ.

Партія соціалистовъ-демократовъ имѣетъ чисто революціонный характеръ. Сторонники ея говорятъ, правда, о мирной, законной революціи. Но развѣ возможно посредствомъ законной революціи перевернуть все общество, сравнять различіе между сословіями? Конечно, нѣтъ; тутъ нужна революція въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ противуположность реформѣ, которая развивается постепенно изъ существующихъ порядковъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Лассаль говоритъ, что государство есть не что иное, какъ большая ассоціація бѣдныхъ классовъ. Это значитъ: преобладающее вліяніе образованнаго и имущаго класса должно уступить мѣсто господству массы. Но такъ какъ образованный классъ не будетъ дѣлать добровольныхъ уступокъ, то переворотъ долженъ быть сдѣланъ путемъ демократической революціи. Лассаль, говоритъ Гельдъ, въ своей программѣ рабочихъ, приписывая господствующимъ классамъ эгоизмъ, какъ присущее отъ природы качество,—которое въ низшемъ классѣ, напротивъ того, встрѣчается какъ исключеніе, уничтожаетъ само собой дѣленія общества на высшее и низшее. Принципъ порядка, необходимый во всякомъ обществѣ и поддерживаемый одною частью его, по чувству долга, долженъ погибнуть вмѣстѣ съ свободой, добытой революціей. Идея революціи есть передача власти путемъ насилія, идеи реформы—основанія вліятельной среды, въ силу долга и ко всеобщему благу. Кто считаетъ невозможнымъ, чтобы высшіе классы сознавали потребности низшихъ, кто не вѣритъ въ возможность постепеннаго повышенія уровня низшихъ сословій и требуетъ, чтобы всѣ сословія слились въ одинъ пролетаріатъ, долженствующій представлять собою человѣчество—тотъ революціонеръ, а не реформаторъ.

Шульце вполнѣ заслуживаетъ названіе реформатора. Онъ вселилъ нѣмецкому народу идею, что соціальная реформа возможна и необходима, реформа, въ которой образованные классы могутъ и должны принять участіе, безъ опасенія за свои права, и которая, будучи разумно принята рабочими, принесетъ имъ болѣе прочную пользу, нежели революціонерная агитація. Онъ сдѣлалъ эту идею популярной и доказалъ на практикѣ, что экономическая дѣятельность въ формѣ ассоціацій можетъ свободно развиваться, на ряду съ существующимъ порядкомъ вещей, при чемъ личная свобода, насколько она разумна и полезна, можетъ развиваться и крѣпнуть. Реформы необходимы для общества, потому что выступаютъ наружу новыя потребности, которымъ существующій порядокъ не удовлетво-

ряетъ. Рабочая печать, глубоко изученная Гельдомъ, послужила ему матеріаломъ для оцѣнки отношеній между различными оттѣнками рабочихъ партій. Печать и жизнь двѣ вещи разныя—первая только отражаетъ въ себѣ идеи, руководящія жизнью, но, благодаря свободѣ, которой пользуется печатное слово, отраженіе это близко къ истинѣ. Рабочая печать насчитывала въ концѣ 1872 года въ Германіи, не менѣе 20-ти газетъ, съ 35,000 подписчиковъ, а именно слѣдующія: „*Correspondent*", „*Vorwärts*" и „*Helvetisch Typografia*"—всѣ три органы печатчиковъ; „*Correspondent*"—органъ нѣмецкихъ шляпниковъ, „*Botschafter*"—органъ сигарщиковъ и табачниковъ, „*Genossenschafter*"—органъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, „*Sprechsaal*" — органъ рабочихъ на фарфоровыхъ заводахъ, „*Gewerkverein*"—органъ нѣмецкой ассоціаціи (Гиршъ-Дункеръ), „*Volksstaat*"—въ Лейпцигѣ, „*Volkswille*"—въ Вѣнѣ, „*Demokratische Zeitung*"—въ Берлинѣ, „*Braunschweiger Volksfreund*", *Bürger und Bauerfreund*"—въ Кримичау, *Volksbote*"—въ Дрезденѣ, „*Freie Presse*"—въ Хемницѣ, „*Demokratische Blätter*"—въ Кёнигсбергѣ, „*Demokratisches Wochenblatt*"—въ Фуртѣ, всѣ послѣдніе суть органы основанной въ 1869 году въ Эйзенахѣ партіи рабочихъ соціалистовъ-демократовъ, наконецъ „*Neue Social-Demokrat*" — органъ общегерманскаго рабочаго общества въ Берлинѣ. Въ Швейцаріи издаются: „*Tagwacht*", „*Felleisen*" и „*Rütlianer*". Это внушительное число газетъ не даетъ еще полнаго понятія о томъ значеніи, какимъ пользуется рабочій вопросъ въ періодической печати. Дополненіемъ къ нимъ служатъ, во-первыхъ, летучіе листки, а во-вторыхъ, изданія, составляющія отрасли главныхъ органовъ. Періодическая литература, не имѣющая прямой связи съ рабочими, отводитъ также не мало мѣста рабочему вопросу.

Вышеприведенныя газеты (редактируемыя въ большинствѣ случаевъ самими рабочими) не ограничиваются обсужденіемъ однихъ соціальныхъ или экономическихъ вопросовъ, но сообщаютъ также и политическія новости, и появляются большею частью ежедневно, болѣе крупныя изъ нихъ имѣютъ фельетоны. Большинство этихъ газетъ держится взглядовъ соціалистовъ-демократовъ; наибольшее значеніе между ними имѣетъ „*Volkstaat*", органъ рабочей партіи соціалистовъ-демократовъ, появляющійся два раза въ недѣлю, въ Лейпцигѣ.

Программа этой газеты и другихъ выставляетъ, какъ *ближайшія* требованія рабочей партіи, слѣдующія: всеобщее, равное прямое избирательное право, начиная съ 20-ти-лѣтняго возраста; законодательство принадлежитъ народу (право предлагать и отвергать, какъ въ Швейцаріи), отмѣна всѣхъ привилегій сословія, имущества, рожденія и религіи; народная оборона вмѣсто постоянныхъ войскъ; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; отмѣна всѣхъ

законовъ о печати, обществахъ и стачкахъ; установленіе нормальнаго рабочаго дня; отмѣна всѣхъ непрямыхъ налоговъ и введеніе одного прямого, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Гельдъ приводитъ множество выписокъ изъ этихъ газетъ, которыя впрочемъ прошли безнаказанно. Правда, редакторовъ часто привлекаютъ къ суду, и они проводятъ въ тюрьмѣ не меньше времени, чѣмъ въ редакціи. Не стану приводить здѣсь самыхъ цитатъ и обращаюсь прямо къ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ.

Стремленіе, говоритъ онъ, къ увеличенію заработной платы и сокращенію рабочихъ часовъ связано съ страстной завистью къ богатымъ, роскошь которыхъ и житейскіе пороки изображаются въ самомъ черномъ цвѣтѣ. Государство выставляется организаціей въ пользу привилегированныхъ, т.-е. богатыхъ: такая организація должна уступить мѣсто демократическому государству, которое одно въ состояніи выполнить великія задачи времени, обезпечить трудъ. Ненависть къ существующимъ общественнымъ и государственнымъ порядкамъ породила стремленіе разрушить основы государства и крайній матеріализмъ. Революціонное направленіе настоящихъ соціалистовъ-демократовъ лишено того высокаго полета, которымъ отличались революціонныя движенія, въ главѣ которыхъ стояли образованные люди. Демократія, къ которой они стремились, сводится въ настоящее время на одинъ вопросъ желудка.

Наиболѣе выдающаяся личность между соціалистами-демократами —это Марксъ. Этотъ человѣкъ лишенъ чувства національности. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ ставитъ французскую національность выше нѣмецкой, и смотритъ съ улыбкой на германское національное чувство собственнаго достоинства. Это направленіе сообщилось большинству нѣмецкихъ соціалистовъ-демократовъ. Они бросили идею о національномъ государствѣ, которое находится въ рукахъ капиталистовъ, несмотря на матеріализмъ нашего времени. Въ войнѣ $18^{70}/_{71}$ годовъ, они видѣли, вмѣстѣ съ Марксомъ, только прологъ къ подавленію коммуны войсками обѣихъ сторонъ, въ пользу буржуазіи. На ряду съ отсутствіемъ національнаго чувства отсутствуетъ всякое чувство религіозности. Религія есть „опіумъ народа“; божественная религія должна уступить мѣсто религіи, основанной на соціалистическомъ міросозерцаніи. Проповѣдуется не религіозная терпимость, не какое-нибудь идеальное міросозерцаніе, философски разработанное, а просто, что религія должна быть замѣнена соціальными учрежденіями, обезпечивающими сбытъ и потребленіе. Позитивная религія отвергаетъ все, что выходитъ изъ круга матеріальныхъ интересовъ. Такимъ образомъ она втаптываетъ въ грязь всѣ наслѣдованные нами идеалы, свято почитавшіеся народомъ и продолжающіе

жить въ средѣ образованнаго класса. Единственная возвышенная черта, присущая соціалистамъ, это стремленіе къ братству, но и это стремленіе имѣетъ впереди только улучшеніе матеріальнаго благосостоянія. Матеріализмъ, проникнувъ въ низшіе слои народа, проводится имъ въ жизнь съ ужасающей послѣдовательностью, въ обществѣ происходитъ расколъ, потому что нѣтъ общихъ идей, которыя бы связывали сословія. Стремленіе къ улучшенію матеріальнаго положенія поглощаетъ все; для соціалистовъ-демократовъ не существуетъ другихъ стремленій, которыя бы онъ раздѣлялъ со всѣмъ народомъ, они отворачиваются отъ всего, что не можетъ прямо служить для ихъ матеріальныхъ цѣлей.

На трехъ пунктахъ сходятся всѣ оттѣнки рабочей печати: 1) ассоціація есть сила противупоставляемая капиталу; 2) замѣна рабочей платы участіемъ рабочихъ въ доходѣ,—цѣль, къ которой стремятся всѣ рабочіе, хотя и расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ выбора средствъ для ея достиженія, и 3) уничтоженіе сословій. Послѣднее требованіе соціалисты-демократы сводятъ къ демократическому народному государству.

Сначала я намѣренъ былъ сильно напасть на Гельда и прочихъ „*Kathedersocialisten*" за ихъ снисходительное отношеніе къ соціальному движенію. Кто воспитанъ въ понятіяхъ стараго времени, цѣнитъ образованіе и личную свободу, тому все соціальное движеніе должно внушать страхъ и отвращеніе. Но не то же ли самое повторяется при всякомъ великомъ соціальномъ переворотѣ? Стоитъ только припомнить себѣ слова Тацита, направленныя противъ возникавшаго христіанства, которое три вѣка спустя охватило всю великую Римскую имперію. Вообще, въ древности, лучшіе и благороднѣйшіе умы были склонны къ консерватизму, несмотря на то однако міръ не переставалъ идти впередъ, преобразовываться. Я не богатъ и имѣю всѣ основанія завидовать учредителямъ, экипажи которыхъ обрызгиваютъ меня грязью также, какъ и „рабочаго", который работаетъ навѣрно меньше меня; но, если бы захотѣли принудить меня вступить въ общество, гдѣ мнѣ доставляли бы работу и удовольствіе, гдѣ мнѣ пришлось бы идти въ тактъ бокъ-о-бокъ съ сотнями другихъ, гдѣ я долженъ бы былъ повиноваться болѣе или менѣе деспотической власти, распоряжающейся всѣми моими частными дѣлами, то я предпочелъ бы схватить игольчатое ружье и отстаивать существующій порядокъ. Но молодое поколѣніе смотритъ на это иначе, новыя идеи проникли въ молодыя головы и великія превращенія совершаются ежедневно, а потому слѣдуетъ остерегаться своихъ чувствъ. Соціально-демократической республики предстоитъ еще долгій путь. Пропаганда коснулась до сихъ поръ только

промышленныхъ рабочихъ, крупные же владѣльцы, мелкіе бюргеры, всѣ рабочіе, и имѣющіе хоть небольшую собственность, все сельское населеніе—относятся къ ней болѣе или менѣе враждебно.

Изъ личнаго опыта мнѣ извѣстно только положеніе дѣлъ между наборщиками. Вы входите въ наборную комнату. Отовсюду слышатся политическіе разговоры, конечно, самаго крайняго свойства. Вся политическая пресса, за исключеніемъ, разумѣется, рабочихъ органовъ, выдается за союзницу и рабыню капитала. „Бѣдный рабочій, изъ котораго капиталистъ высасываетъ кровь“, „стачка—это единственное могучее орудіе работника“—вотъ фразы, безъ которыхъ разговоры не обходятся. Нерѣдко случается, что наборщики цензируютъ статьи и отказываются набирать тѣ, которыя имъ не нравятся.

Но, съ другой стороны, нельзя не удивляться силѣ общей организаціи. По первому лозунгу, всѣ рабочіе даннаго округа прекращаютъ работу, повергая себя и своихъ близкихъ, на неопредѣленное время, на тяжелыя лишенія. При этомъ важнѣйшимъ моментомъ является то, что ни одинъ рабочій не воспользуется этимъ обстоятельствомъ для полученія лучшаго мѣста, принадлежавшаго другому. Послѣднее случается, развѣ какъ исключеніе.

Признавая даже, что къ этому примѣшивается отчасти чувство страха, мести со стороны товарищей, нельзя не поражаться единодушіемъ, съ которымъ выступаетъ цѣлая организація.

Одна изъ послѣднихъ забастовокъ была забастовка наборщиковъ, которая, какъ извѣстно, получила свое начало въ Лейпцигѣ. Большинство наборщиковъ въ Германіи принадлежитъ къ „ассоціаціи наборщиковъ“, которая существуетъ съ 1866 г. и развивалась весьма самостоятельно. Уже раньше, силой своего давленія, она вызвала цѣлый рядъ повышеній заработной платы и въ настоящее время можно встрѣтить наборщиковъ, которые при усиленной работѣ могутъ заработать до 20-ти талеровъ въ недѣлю, а это даже при теперешнихъ высокихъ цѣнахъ можетъ считаться значительнымъ заработкомъ. Средоточіемъ нѣмецкой книжной торговли и книгопечатанія по-прежнему остается Лейпцигъ, хотя Берлинъ оказываетъ ему сильную конкурренцію. Лейпцигъ сохраняетъ свое первенство, благодаря дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ тамъ квартиры и жизнь гораздо дешевле, чѣмъ здѣсь. Въ январѣ лейпцигскіе наборщики потребовали новаго повышенія заработной платы въ $16^2/_3$% и пригрозили забастовкой, причемъ хозяева сговорились, если будетъ заключена стачка, разсчитать всѣхъ наборщиковъ, принадлежащихъ къ ассоціаціи. Какъ скоро наборщики узнали объ этомъ уговорѣ, такъ немедленно прекратили работы, даже не давъ законнаго предостереженія. Но хозяева, которые тоже имѣютъ ассоціацію типографовъ, но къ

которой еще добрая половина всѣхъ нѣмецкихъ типографовъ совсѣмъ не принадлежитъ, созвали, согласно статутамъ общества, довѣренныхъ людей, и когда эти послѣдніе одобрили ихъ поведеніе, то было порѣшено, что 8 марта, въ случаѣ, если бы стачка продлилась до тѣхъ поръ, всѣ хозяева, принадлежащіе къ ассоціаціи типографовъ, разсчитаютъ всѣхъ наборщиковъ, принадлежащихъ къ ассоціаціи наборщиковъ. Такъ и случилось. Въ Бреславлѣ наборщики въ одной типографіи прекратили работы въ этотъ день; владѣльцы другихъ типографій порѣшили оказать содѣйствіе своему собрату въ бѣдѣ и хотѣли прислать своихъ учениковъ и подмастерьевъ въ его типографію, но послѣдніе объявили, что въ такомъ случаѣ немедленно образуютъ стачку, и тогда всѣ издатели бреславльскихъ газетъ, которыхъ 6 числомъ, рѣшили выполнить давно задуманную мѣру: издавать газету сообща. Текстъ одинъ и тотъ же у всѣхъ шести и только заглавіе, имя редактора и типографа различествуютъ. Эта газета выходитъ съ 9-го марта въ числѣ 46,000 экземпляровъ (такъ велико общее число экземпляровъ у бреславльскихъ газетъ—весьма значительное для провинціальнаго города).

Въ настоящее время происходитъ общее собраніе типографовъ, на которомъ долженъ быть регулированъ вопросъ о тарифѣ. Это уже было давно порѣшено, но только назначенъ былъ болѣе отдаленный срокъ, и владѣльцы типографій объявили, что они признаютъ въ принципѣ повышеніе заработной платы, но наборщики пристали къ нимъ и объявили, что желаютъ узнать ихъ рѣшеніе черезъ сутки.

Такое положеніе дѣлъ нельзя назвать особенно пріятнымъ, но до сихъ поръ еще, за исключеніемъ реакціонернаго лагеря, въ которомъ вообще все движеніе политико-экономической свободы встрѣчало сильнѣйшую оппозицію,—еще не раздавалось ни единаго голоса за стѣсненіе или ограниченіе права стачекъ. Всѣ друзья экономической свободы говорятъ себѣ, что слѣдуетъ примириться со зломъ, и что рабочіе сами поймутъ современемъ, что стачки — обоюдоострое орудіе. Я того же мнѣнія. Я полагаю также, что грубость и необразованность, презрѣніе ко всему прекрасному и изящному, которое выказываютъ рабочіе съ соціально-демократическими убѣжденіями, не такъ страшно, какъ оно на видъ кажется, потому что одно уже существованіе такой значительной печати, которая частію редижируется съ большимъ искусствомъ, уже показываетъ довольно значительную степень образованія, а крупныя движенія никогда не отличаются мягкостью, напротивъ, весьма грубы и непривлекательны на видъ. Если образованные классы сами не сдадутся, если правительство не дезорганизируется и не потеряетъ головы, то нечего опасаться ни взрыва революціи, ни соціально-демократическаго боль-

шинства въ рейхстагѣ въ ближайшее десятилѣтіе. Но почва сильно поколеблена, старинныя, патріархальныя понятія все болѣе и болѣе улетучиваются изъ міра, а господствующая партія еще не выказала до сихъ поръ творческой способности. Она сдѣлала *tabula rasa* изъ стараго и, конечно, отжившаго экономическаго порядка, но какъ сложится новый—этого еще не знаетъ ни одинъ человѣкъ.

Возвращаюсь къ тому пункту, съ котораго я началъ, то-есть къ политикѣ, но не къ ультрамонтанамъ или Вагенеровскому дѣлу; нѣтъ, я слегка коснусь внѣшней политики, которая отмѣчена великимъ событіемъ, а именно: конвенціей 15-го марта, въ силу которой послѣдняя часть военной контрибуціи должна быть внесена 5-го сентября и затѣмъ вскорѣ произойти полное очищеніе территоріи. Эта конвенція вызвала во Франціи чрезвычайный восторгъ и съ одобреніемъ принята и здѣсь,—а это, конечно, величайшій успѣхъ, какого только можетъ заслужить договоръ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Ласкеръ произнесъ сегодня въ рейхстагѣ блистательную рѣчь въ похвалу князю Бисмарку за его искусное веденіе дѣлъ, и нѣтъ сомнѣнія, что канцлеръ заслуживаетъ этой похвалы. Всѣ его разсчеты оправдались, и за нимъ остается безспорная слава, что онъ ничуть не злоупотребилъ своей властью надъ побѣжденнымъ, что онъ не проявлялъ своеволія, но постоянное и равномѣрное доброжелательство. Демократическія газеты толкуютъ всякій вздоръ о мотивахъ, которые вызываютъ покладливость Бисмарка, причемъ докладъ генерала Мантейфеля императору играетъ главную роль. Но мотивы эти очень просты. Во-первыхъ, канцлеръ убѣдился, безъ сомнѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, что французы не начнутъ войны въ скоромъ времени, иначе онъ могъ бы протянуть срокъ, такъ какъ въ настоящее время всякій лишній мѣсяцъ составляетъ выигрышъ въ виду окончанія постройки крѣпостей и сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. Во-вторыхъ, вся Германія желаетъ, чтобы ея воины вернулись поскорѣе изъ Франціи домой, потому что нѣмецкая армія состоитъ не изъ наемщиковъ, а связана тѣсными узами съ народомъ. Во всякомъ случаѣ нравственный выигрышъ несомнѣненъ, потому что Бисмаркъ передъ цѣлымъ міромъ заявилъ о своемъ миролюбіи; вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его относительно императора и рейхстага—превосходно.

Касательно его отношеній къ прусскому министерству и его намѣреній, покрывало таинственности все еще не приподнято. Всего вѣроятнѣе кажется мнѣ то, что Бисмаркъ находилъ, что прусскія собственно дѣла берутъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ германскими, и что онъ пожелалъ дать благодѣтельный толчокъ этимъ по-

слѣднимъ и съ этою цѣлью пожелалъ устраниться отъ прусскихъ дѣлъ. Это до того естественно, что не можетъ возбуждать ни малѣйшаго удивленія. Въ компетентныхъ кружкахъ утверждаютъ также, что прусское министерство должно проводить болѣе консервативную политику, чѣмъ политика Бисмарка, и это довольно правдоподобно, но, съ другой стороны, для такой политики не представляется теперь никакого простора: при существующихъ обстоятельствахъ все то́, что по старымъ понятіямъ считалось консервативнымъ, при существующихъ обстоятельствахъ было бы реакціоннымъ, а министерство Роона не можетъ и не захочетъ быть реакціоннымъ. Къ тому же графъ Роонъ старъ и утомленъ. Желаніе его удалиться отъ дѣлъ было искреннее, и онъ только подчинился приказаніямъ короля, когда рѣшился принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ. Графъ Эйленбургъ тоже не изъ молодыхъ, Итценплицъ—старикъ, новые элементы (Кампгаузенъ, Фалькъ и отчасти Леонгардтъ) не имѣютъ ничего общаго со старыми и не столько отличаются отъ нихъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ, что нельзя ожидать однороднаго дѣйствія и энергической инціативы. Англичане весьма консервативный народъ, и совсѣмъ тѣмъ у нихъ время отъ времени происходитъ перемѣна министерства, и разумѣется не отъ нетерпѣнія, но потому что коллегіально составленное министерство постепенно измѣняется въ своей конституціи настолько, что перестаетъ удовлетворять. Въ Пруссіи должны проявиться такія же явленія, какъ и въ другихъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ конституціонализмъ, и переходъ къ настоящей парламентской системѣ (при этомъ я подразумѣваю министерство, образовавшееся изъ парламентскаго большинства—по крайней мѣрѣ какъ правило, потому что исключенія бывали и въ Англіи) кажется мнѣ не очень отдаленнымъ. Нельзя повѣрить, чтобы столько именитыхъ, богатыхъ, способныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ людей, согласились нести бремя вѣчнаго парламента, еслибы у нихъ отнята была на вѣки цѣль всякаго благороднаго честолюбца—руководить судьбами своей страны.

Въ концѣ концовъ можно сказать, что Германія находится въ періодѣ быстраго развитія и прогресса. Благополучно оконченная война высвободила пропасть силъ, которыя еще бродятъ и ищутъ себѣ примѣненія. Совершенно гладко все не можетъ идти; сильныя бури могутъ еще перервать развитіе, но нельзя замѣтить, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никакихъ симптомовъ апатіи или неисцѣлимой развращенности. Всеобщее образованіе, увеличеніе богатствъ, смягченіе нравовъ, безспорно, развиваются. Упоминаю объ

этомъ для того, чтобы читатели не подумали, что я набросалъ слишкомъ мрачную картину, указывая на тревожные симптомы въ нашемъ развитіи. Въ мірѣ не существуетъ совершенства, и при ближайшемъ разсмотрѣніи не въ одномъ солнцѣ можно усмотрѣть пятна!

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Трудъ женщины и условія его лучшей организаціи.

Le travail des femmes au XIX-me siècle, par *Paul Leroy-Beaulieu.* Ouvrage couronné par l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, Charpentier et C-ie, 1873 (Женскій трудъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, соч. *Поля Леруа-Больё*).

О женскомъ трудѣ писали и пишутъ очень много на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но до сихъ поръ не было ни одного сочиненія, которое взглянуло бы на этотъ вопросъ съ чисто-научной точки зрѣнія, подкрѣпляя свои выводы всѣмъ опытнымъ матеріаломъ нашего времени. Газетныя статьи о женскомъ трудѣ, а также громадное большинство брошюръ и книгъ, вышедшихъ до сихъ поръ въ Англіи, Франціи и Германіи, имѣли въ виду исключительно агитаціонныя цѣли, и потому всѣ эти произведенія литературнаго рынка изобилуютъ сантиментальнымъ фразёрствомъ и односторонностью взглядовъ; многочисленные авторы всѣхъ этихъ сочиненій или преслѣдовали слишкомъ узкіе интересы того или другого агитаціоннаго общества, или смотрѣли на вопросъ подъ угломъ какихъ-либо политическихъ или соціальныхъ вліяній. За исключеніемъ знаменитаго сочиненія Джона Стюарта Милля „О подчиненности женщинъ", гдѣ, однако, вопросъ женскаго труда разбирается лишь между прочимъ, невозможно указать ни на одно сочиненіе, которое излагало бы женскій трудъ такъ, какъ требуетъ того экономическая наука. Поль Леруа-Больё сдѣлалъ попытку, и довольно удачную, наполнить этотъ пробѣлъ въ экономической литературѣ. Парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ увѣнчала эту попытку своею наградою, и на этотъ разъ какъ нельзя болѣе кстати. Нѣкоторые промахи въ книгѣ Леруа-Больё существуютъ, и взглядъ автора на вмѣшательство государства въ экономическую жизнь страны слишкомъ ограниченъ и отзывается рутиною, но тѣмъ не менѣе авторъ прихо-

дитъ къ умнымъ, полезнымъ и практическимъ выводамъ, подкрѣпленнымъ массою интересныхъ фактовъ и твердою логикою. Съ его сочиненіемъ въ рукахъ, защитникъ женскаго труда можетъ смѣло вступить въ бой съ своими противниками, въ полной надеждѣ на торжество своего дѣла. Право женщины на трудъ подтверждено и доказано въ этой книгѣ столь вѣскими доводами, и практическими и теоретическими, что только одно упрямство можетъ найти ихъ недостаточно убѣдительными...

Авторъ дѣлитъ свой трудъ на три отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ изложены теорія и практика заработной платы за женскій трудъ и положеніе промышленнаго образованія женщинъ во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ цивилизованнаго міра; во второмъ—идетъ дѣло о вмѣшательствѣ закона съ цѣлью воспретить или регламентировать женскій трудъ въ промышленности, а въ третьемъ—о средствахъ возвысить состояніе женщинъ и возстановить семейную жизнь въ рабочемъ сословіи. Хотя первые два отдѣла написаны также дѣльно, какъ третій, и имѣютъ не мéньшій интересъ, мы займемся въ этой статьѣ преимущественно третьимъ отдѣломъ, такъ какъ въ немъ авторъ старается дать полное рѣшеніе вопроса о женскомъ трудѣ при помощи тутъ же рекомендуемыхъ средствъ.

Большинство людей, *интересующихся* вопросомъ женскаго труда, понимаетъ очень хорошо, что въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ о томъ, какъ бы поднять заработную плату за женскій трудъ столь высоко, чтобы она обезпечивала за работницею всѣ ея человѣческія права на жизнь, и чтобы всѣ отрасли промышленности приняли такую организацію, при которой трудящаяся женщина могла бы работать въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, не отрываясь отъ домашнихъ дѣлъ въ своей семьѣ. Какъ этого достигнуть, какими средствами?.. Вотъ что смущаетъ умы сторонниковъ женскаго труда. Въ третьемъ отдѣлѣ книги Леруа-Больё указаны именно эти средства, въ которыя самъ авторъ вѣритъ вполнѣ: „теоретически (смѣло говоритъ онъ) задача рѣшена, по крайней мѣрѣ настолько, насколько возможно; что же касается до практическаго приложенія, оно должно стать предметомъ энергической пропаганды" (стр. 458). Что особенно важно въ этомъ заявленіи автора—это то, что въ его планахъ и соображеніяхъ нѣтъ ничего утопическаго: всѣ учрежденія и законы, какіе нужны для достиженія его цѣлей, существуютъ уже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ государствахъ, но только въ недоразвитомъ состояніи или въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, или въ формѣ первыхъ образцовъ. Но какъ законы, такъ и учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, принялись удачно, вполнѣ практичны, и признаны полезными и справедливыми самою экономическою наукою и политическою практикою.

По сущности своей, планъ автора очень простъ, хотя требуетъ для своего исполненія весьма многихъ условій и очень долгаго и упорнаго труда со стороны всѣхъ, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, а кто же въ немъ не заинтересованъ?.. Вопросъ женскаго труда — вопросъ такой же большой важности для всего общества, какъ и вопросъ мужского труда: какъ тутъ идетъ дѣло о надежномъ обезпеченіи жизни, такъ и тамъ. Это общественный вопросъ, и онъ можетъ разрѣшиться лишь усиліями всего общества, всѣхъ его силъ, при дальнѣйшемъ развитіи цивилизаціи и всѣхъ нынѣшнихъ учрежденій, способствующихъ этому развитію.

Для удовлетворенія потребностей современной общественной жизни почти во всѣхъ отрасляхъ труда есть условія, невыгодныя какъ для матеріальнаго, такъ и для нравственнаго быта рабочихъ людей. Трудъ, при нынѣшней его организаціи, вездѣ сопряженъ съ тѣми или другими препятствіями, невыгодными для рабочаго человѣка въ гигіеническомъ или моральномъ отношеніи, и сама наука далеко еще не сдѣлала всѣхъ техническихъ усовершенствованій и приспособленій въ орудіяхъ и матеріалахъ производства, какіе необходимы для той правильной и систематической организаціи труда, при которой трудъ во всѣхъ отрасляхъ индустріи избавился бы отъ своихъ непривлекательныхъ и вредныхъ сторонъ. Только теперь, когда тамъ-и-сямъ нѣкоторые филантропы изъ фабрикантовъ успѣли, посредствомъ разныхъ остроумныхъ сочетаній въ архитектурной, технической и домашней организаціи своихъ фабрикъ, показать всѣмъ, кто хочетъ и умѣетъ видѣть, что машинное производство допускаетъ съ бо́льшею легкостью всѣ примѣненія, полезныя для здоровья и нравственности рабочихъ, чѣмъ трудъ кустарный и ручной,—только теперь введеніе машинъ въ производство и усовершенствованіе ихъ начинаетъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ не съ узкими стремленіями къ личной наживѣ, но съ широкими гуманными воззрѣніями въ соціальныхъ вопросахъ. При внимательномъ разсмотрѣніи вредныхъ сторонъ разныхъ отраслей труда оказывается, что главная причина несчастнаго положенія людей, занимающихся тою или другою профессіей, заключается именно въ самой профессіи, въ самихъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершается профессія, и что невыгодныя обстоятельства эти могутъ быть устранены лишь при полномъ преобразованіи самого труда посредствомъ замѣны человѣческой силы машиною. Физическій трудъ, если онъ производится въ обширныхъ размѣрахъ, всегда будетъ служить помѣхою умственному развитію людей, и только самое обширное примѣненіе машинъ ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго труда въ состояніи освободить людей

отъ исполненія обязанностей рабочаго скота. Леруа-Больё отлично понимаетъ это, и онъ правъ въ своихъ надеждахъ на машины въ его теоріи рѣшенія рабочаго вопроса. Техническія усовершенствованія съ примѣненіемъ пара, электричества и сжатаго воздуха могутъ весьма многое сдѣлать въ сферѣ организаціи труда, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ.

Отправляясь далѣе отъ той аксіомы, что физическій, ручной трудъ, если онъ производится или отправляется съ излишнимъ усердіемъ, вреденъ для человѣка и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніяхъ, нашъ авторъ становится сторонникомъ законовъ, имѣющихъ въ виду прекратить или по крайней мѣрѣ облегчить всѣ такія условія труда, которыя требуютъ отъ рабочихъ людей излишняго напряженія силы, и самыми лучшими изъ этихъ законовъ онъ считаетъ англійскіе, ограничивающіе число часовъ дневного труда на фабрикахъ, и не дозволяющіе ни женщинамъ, ни дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ, отправлять ночныя работы. Опытъ англійскаго законодательства доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что крайне долгій рабочій день имѣетъ весьма вредное вліяніе не только на умственную жизнь, но и на физическія силы рабочаго, — это подтверждается всѣми оффиціальными данными парламентскихъ коммиссій и фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ о вліяніи законовъ, опредѣлившихъ число часовъ труда на англійскихъ фабрикахъ, инспекторъ Бэкеръ: „Въ 1830 году (то-есть, *до* законовъ) *фабричная нога* и *спинной горбъ* вошли въ поговорку и были протестующимъ фактомъ въ промышленныхъ округахъ Ланкашира и Йоркшира... Но съ тѣхъ поръ поговорка скончалась естественною смертью, а протесты перестали имѣть право на заявленіе. Теперь, во всѣхъ фабричныхъ округахъ едва-ли встрѣтите вы хотя одну изувѣченную ногу или горбатую спину, которая создалась вслѣдствіе фабричной работы, и которая не принадлежала бы какому-нибудь старику, образцу прежнихъ временъ. Лица, прежде блѣдныя и угрюмыя, теперь цвѣтутъ здоровьемъ и веселостью; формы изъ угловатыхъ стали полными и круглыми; бодрость замѣтна въ походкѣ и довольство въ осанкѣ. Физическое состояніе фабричныхъ женщинъ можно сравнить съ такимъ же состояніемъ матерей какихъ угодно деревень... Въ 1833 году, во всемъ Соединенномъ Королевствѣ на фабрикахъ работало до 200 тысячъ женщинъ. Это были несчастныя исхудалыя созданія, съ печальною наружностью. По словамъ знаменитаго Лидскаго хирурга, доктора Смита, плечи ихъ были угловатыя, головы опущены, всѣ формы лишены той округлости, которая есть признакъ здороваго состоянія. Теперь этихъ женщинъ 400 тысячъ, и тотъ же самый хирургъ находитъ ихъ красивыми и цвѣтущими,

сильными и полными въ мышечной системѣ, веселыми и счастливыми, съ удивительными формами" (стр. 270, 271). Разумѣется, въ этой поразительной перемѣнѣ среди работающаго на фабрикахъ населенія не послѣднюю роль играли также разныя гигіеническія примѣненія въ самой матеріальной обстановкѣ фабрикъ, но тѣмъ не менѣе правительственные инспектора, зорко наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы хозяева не могли эксплуатировать трудъ рабочихъ въ ущербъ физическаго здоровья послѣднихъ, оказали рабочимъ замѣчательную услугу...

Имѣя въ виду возможность широкаго примѣненія гигіены и удобства правительственнаго надзора на фабрикахъ, нашъ авторъ, основываясь все на той же аксіомѣ объ излишнемъ физическомъ трудѣ, истощающемъ тѣло и ослабляющемъ умъ, желаетъ самаго широкаго развитія крупной промышленности, личной ли или ассоціаціонной—все равно, лишь бы она способствовала быстрой замѣнѣ ручного труда машиннымъ. Въ первомъ отдѣлѣ своего труда, Леруа-Больё доказываетъ, съ неоспоримыми фактами въ рукахъ, что фабричная промышленность, со времени ея появленія и акклиматизаціи во Франціи, значительно улучшила положеніе рабочихъ людей во всѣхъ отношеніяхъ, но всего болѣе пользы она принесла именно женщинамъ, такъ какъ машины ослабили достоинство чисто физической силы и возвысили въ цѣнѣ ловкость и вообще умственныя способности работника. Сравнивая условія труда и заработную плату въ главныхъ отрасляхъ фабричнаго производства съ условіями труда и заработною платою въ кустарной промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, Леруа-Больё фактически доказываетъ, что крупная фабричная промышленность представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма важныя преимущества (для рабочихъ) надъ другими, существующими въ наше время организаціями труда: при фабричной организаціи и гигіеническое положеніе рабочихъ лучше, и образованность выше, и воспитаніе ихъ дѣтей идетъ гораздо успѣшнѣе, и заработная плата вдвое выше, и число часовъ дневной работы меньше, и правительственный надзоръ удобнѣе и дѣйствительнѣе, и введеніе техническихъ улучшеній несравненно легче. Всѣ эти выводы подтверждены въ книгѣ массою фактовъ, собранныхъ во Франціи, Англіи и другихъ странахъ. Сверхъ того, авторъ въ особомъ историческомъ очеркѣ организаціи труда съ древнихъ временъ разбиваетъ окончательно всѣ увѣренія нѣкоторыхъ приверженцевъ „стараго порядка" и нѣкоторыхъ соціалистовъ, будто бы введеніе машинъ въ промышленность произвело весь нынѣшній пролетаріатъ;—напротивъ, всѣ дурныя условія труда, которыя обнаружились въ фабричной системѣ, существовали и прежде: и прежде городской рабочій и крестьянинъ жили никакъ не лучше нынѣшняго, хотя

трудились гораздо больше, да еще при болѣе вредной въ гигіеническомъ отношеніи обстановкѣ. Нѣкоторые противники фабричной системы утверждали еще, что однообразіе машиннаго труда вредно дѣйствуетъ на умственное состояніе рабочаго: Леруа-Больё отвергаетъ и это возраженіе, которое можетъ имѣть силу лишь въ примѣненіи къ крайне долгому рабочему дню. Когда урокъ не слишкомъ продолжителенъ, то однообразіе труда, „не только не съуживаетъ и не губитъ ума, но, напротивъ, даетъ ему отдохнуть и, требуя отъ него лишь механическаго вниманія, позволяетъ ему вдаваться въ постороннія мысли и размышленія. Такъ, вращая свой точильный камень и заработывая свое пропитаніе этимъ монотоннымъ трудомъ, Спиноза успѣлъ придумать философскую систему, которая, несмотря на свои погрѣшности, представляетъ намъ одно изъ чудесъ человѣческаго разума. Такъ, съ другой стороны, въ кругу практической дѣятельности, многіе рабочіе, воспитанные на прядильняхъ и у ткацкихъ станковъ, стали изобрѣтателями, или богатыми промышленниками, или просвѣщенными филантропами."

Въ особой главѣ (стр. 395—410), о швейной машинѣ, авторъ собираетъ всѣ свои доводы въ пользу замѣны ручного труда машиннымъ, такъ что на этомъ примѣрѣ введенія машины въ производство, гдѣ прежде работали однѣ руки, довольно удобно оцѣнить достоинство авторскихъ соображеній о соціальномъ вліяніи машинъ. Онъ задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: — какое вліяніе имѣетъ машина на заработную плату машинныхъ работницъ и ручныхъ; каковы ея преимущества и неудобства относительно общаго здоровья и каково должно быть поведеніе благотворительныхъ людей, филантропическихъ обществъ и всѣхъ, кто занимается судьбою рабочихъ классовъ и—въ частности—судьбою бѣдныхъ женщинъ, при введеніи новой машины?...

Швейная машина, управляемая одною искусною работницею, дѣлаетъ не менѣе того, что̀ приготовляютъ въ одинаковый промежутокъ времени шесть швей; вознагражденіе машинныхъ работницъ превышаетъ заработную плату ручныхъ, по крайней мѣрѣ, на одну треть, или на половину, а иногда и вдвое. Главный вопросъ здѣсь: не уменьшитъ-ли машина спросъ на работницъ въ швейномъ дѣлѣ? Этотъ страшный вопросъ являлся всякій разъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, когда въ нихъ вводили машины; даже желѣзныя дороги возбуждали опасеніе, что развитіе ихъ нанесетъ гибельный ударъ коневодству и извозу; введеніе типографскаго станка произвело въ свое время не мало тревогъ въ душахъ переписчиковъ. Леруа-Больё относитъ крики противъ швейныхъ машинъ къ опасеніямъ того же рода. „Есть,—говоритъ онъ,—много тканей, которыя

остаются внѣ употребленія, потому что, по своему низкому достоинству, потребленныя на платье, онѣ не стоили бы издержекъ за выкройку и шитьё... Докторъ Арнштейнъ, въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ объ участіи Австріи на лондонской выставкѣ 1862 г., замѣчаетъ объ этомъ: „Швейныя машины умножатъ потребленіе ткацкихъ издѣлій; всѣ дешевыя произведенія изъ хлопка, которыя приготовляются теперь лишь въ маломъ количествѣ, потому что цѣны за шитье платья изъ нихъ превышаютъ цѣну всей матеріи, могутъ въ будущемъ расходиться въ обширныхъ размѣрахъ". Стóитъ только пораздумать хорошенько, бросить взоръ вокругъ себя и изучить существующія потребности, и вамъ легко убѣдиться въ томъ, что поле швейнаго промысла едва-ли не обширнѣе всѣхъ другихъ. Высокая цѣна произведеній служитъ единственнымъ препятствіемъ къ его полному расширенію. Всѣ ли достаточно одѣты и обладаютъ достаточно комфортабельною мебелью? конечно, нѣтъ, и именно потому, что мебель и одежда еще слишкомъ дороги. Понизится цѣна, и спросъ на эти предметы повысится въ громадной пропорціи. Стало бы больше рубахъ, больше платья, больше носовыхъ платковъ, больше занавѣсовъ, больше башмаковъ и т. д., если бы можно было пріобрѣтать эти вещи по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Швейная машина имѣетъ именно то вліяніе, что, повышая вознагражденіе своей работницѣ, понижаетъ цѣну приготовляемыхъ предметовъ"...

Швейная машина, какъ всѣ другія машины, служила предметомъ сильныхъ нареканій съ гигіенической точки зрѣнія, и въ ней, дѣйствительно, при прежнемъ устройствѣ, было нѣсколько вредныхъ приспособленій. Но, по мѣрѣ того, какъ врачи разоблачали опасныя стороны работы на швейной машинѣ, техники старались устранить всѣ опасности. Какъ было съ другими машинами, такъ случилось и съ швейною, и теперь есть уже такія швейныя машины, изъ которыхъ удалено все, что служило предметомъ самой жестокой гигіенической полемики. Сперва швейная машина была о двухъ педаляхъ, и работница работала на ней обѣими ногами, причемъ весь инструментъ приходилъ въ дрожаніе, которое, передаваясь по рукамъ въ грудную полость, оказывало вредное вліяніе на грудь и на весь организмъ работницы. Чтобы уничтожить дрожаніе инструмента, придумали машину съ одною педалью, но и работа одной педалью тоже имѣетъ свои дурныя стороны, и вотъ машину стали приводить въ движеніе пàромъ, а Казаль, французскій инженеръ, примѣнилъ электричество къ одинокимъ машинамъ и притомъ такъ, что это примѣненіе обходится владѣтельницѣ машины весьма дешево. Четырехъ элементовъ Бунзена достаточно для приведенія въ дѣйствіе двухъ швейныхъ машинъ Казаля, а каждый элементъ потребляетъ

въ часъ на десять сантимовъ (три копѣйки) цинка, не болѣе. Машины Казаля стоютъ во Франціи не дороже обыкновенныхъ. При помощи этой машины работница заработываетъ больше обыкновенной швеи, и нисколько не утомляется своею работою; мало того,— она даетъ возможность работницѣ работать у себя дома: „какъ въ прежнія времена—говоритъ Леруа-Больё—можно было видѣть въ нашихъ хижинахъ или мансардахъ отца, мать и дѣтей, усѣвшихся вокругъ ткацкаго станка и работающихъ каждый свою часть въ общемъ дѣлѣ, такъ и теперь, при помощи швейной машины, мать, дочери, бабка могутъ работать вмѣстѣ—кто за сметкой, кто за окончаніемъ вещи, кто за шитьемъ на машинѣ“.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ соціальное вліяніе машинъ на швей, авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что лучшимъ средствомъ къ улучшенію ихъ быта слѣдуетъ считать превращеніе ихъ въ работницъ на машинахъ: то-есть, „открыть имъ возможность выучиться работѣ на машинѣ и пріобрѣсти швейную машину въ свое распоряженіе“. Въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и Германіи есть уже цѣлая группа обществъ, филантропическихъ, благотворительныхъ и религіозныхъ, члены которыхъ только тѣмъ и занимаются, что даютъ бѣднымъ дѣвушкамъ уроки на швейной машинѣ, или продаютъ имъ машины по дешевымъ цѣнамъ, или даютъ въ наемъ за скромное вознагражденіе. Авторъ называетъ дѣло этихъ обществъ „святымъ и благоразумнымъ“.

Такихъ же высокихъ и справедливыхъ похвалъ удостоиваются, со стороны Леруа-Больё, всѣ стремленія частныхъ лицъ и обществъ и самого государства дать женщинамъ бѣдныхъ классовъ ремесленное образованіе, соединенное съ курсомъ народной школы и домашняго хозяйства. Женщины потому получаютъ меньшую сравнительно съ мужчинами заработную плату, что обладаютъ болѣе слабымъ образованіемъ и потому еще, что имѣютъ, отчасти вслѣдствіе того же самаго недостатка, меньшій кругъ дѣятельности на рабочемъ рынкѣ. Слѣдовательно, все, что способствуетъ распространенію техническихъ свѣдѣній среди женщинъ рабочаго класса, даетъ женщинамъ возможность и раздвинуть поле своей дѣятельности и пріобрѣсти лучшее вознагражденіе за трудъ, по крайней мѣрѣ равное съ мужчинами. Само собою разумѣется, что Леруа-Больё стоитъ за распространеніе женскаго труда всюду, и въ матеріальной сферѣ дѣятельности, и въ умственной, наравнѣ съ трудомъ мужскимъ.

Въ современномъ французскомъ обществѣ на заработную плату женщинъ имѣетъ вредное вліяніе конкурренція тюремъ, монастырей и благотворительныхъ рабочихъ домовъ *(ouvroir)*, а также тайные заработки женщинъ средняго сословія. Леруа-Больё признаетъ этотъ

вредъ, но тѣмъ не менѣе онъ никакъ не желаетъ уничтожить работы во всѣхъ упомянутыхъ заведеніяхъ и работы болѣе или менѣе зажиточныхъ семействъ. Онъ желаетъ, напротивъ, преобразовать всѣ эти заведенія въ нѣчто схожее съ ремесленными школами, а отъ женщинъ средняго класса требуетъ гласности. Но послѣднее будетъ достигнуто лишь тогда, когда средній классъ во Франціи пріучится смотрѣть на «заработокъ» не съ точки зрѣнія праздной спѣси, а съ уваженіемъ, какъ къ результату честнаго труда. Что же касается до конкурренціи тюремъ, женскихъ монастырей и т. п., то вредъ, ими приносимый, можетъ быть совершенно уничтоженъ тѣми средствами, какія предлагаетъ нашъ авторъ. Главный вредъ эти заведенія приносятъ тѣмъ, что женщины, въ нихъ работающія, предаются, по большей части, занятіямъ такого рода, которыя и безъ того переполнены работницами и потому даютъ лишь крайне скудную заработную плату. Спрашивается, какая польза женщинамъ, работающимъ или пріучающимся къ работѣ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, отъ всѣхъ этихъ работъ и этого ученья, если, по выходѣ изъ заведенія, онѣ окажутся способными заниматься лишь такими отраслями производства, которыя даютъ наименьшее вознагражденіе, и притомъ столь малое, что его едва-едва хватаетъ на прокормленіе?... Въ тюрьмахъ, въ монастыряхъ, въ рабочихъ домахъ, — вездѣ женщинъ обучаютъ ручному шитью, и часто одному только шитью, а между тѣмъ именно ручныя швеи получаютъ, въ массѣ, самую низкую заработную плату, и благодаря этому обстоятельству, составляютъ главный контингентъ женщинъ, прибѣгающихъ за помощью въ общественные приказы призрѣнія, или погибающихъ въ проституціи, или въ преступленіяхъ противъ собственности и т. п. Такимъ образомъ, тюрьма, монастырь и благотворительный рабочій домъ — заведенія, по основной мысли своей предназначенныя для ослабленія нищеты и преступныхъ дѣяній, и имѣющія всѣ средства къ тому, чтобы дѣйствовать соотвѣтственно своимъ основнымъ цѣлямъ, являются пропагандистами какъ разъ того, что̀ они должны были уничтожать! Представляя передъ собою всѣ эти заведенія вмѣстѣ, Леруа-Больё видитъ въ нихъ возможность «самымъ легкимъ способомъ основать во Франціи ремесленное образованіе дѣвушекъ». Дѣйствительно, ихъ очень много—больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ на европейскомъ материкѣ, и между тѣмъ, увы, бо̀льшая часть ихъ находится въ столь неумѣлыхъ рукахъ, что онѣ служатъ только разсадниками ручныхъ швей, то-есть конкуррентовъ тѣмъ же швеямъ на рабочемъ рынкѣ!...

Государство, какъ въ дѣлѣ тюремъ, такъ и въ дѣлѣ школы непосредственно, не сдѣлало ничего для рабочей французской жен-

щины. Оно завело только школы черченія въ разныхъ мѣстахъ Франціи, но и тѣ были снабжены столь ничтожными средствами, что по свидѣтельству директриссы одной изъ этихъ школъ, Отье (M-lle Hautier), ученицы въ ея школѣ не обучались ничему. Хорошо еще, что правительство второй имперіи не мѣшало частнымъ людямъ брать на себя обязанность поучить своихъ правителей, какъ слѣдуетъ учреждать ремесленное училище для дѣвицъ.

Въ маѣ 1862 года, въ Парижѣ образовалось общество для распространенія профессіональнаго образованія среди женщинъ. Первоначально оно состояло лишь изъ 50-ти членовъ съ ежегоднымъ взносомъ въ 25 франковъ каждый. «Съ этими комическими средствами и при помощи одной женщины съ умомъ и сердцемъ (дѣвицы Маршефъ-Жираръ), общество открыло 15-го октября 1862 года школу въ улицѣ Перль, въ которой сначала училось только 6 ученицъ; по прошествіи полугода школа имѣла 40 ученицъ и 105 подписчиковъ, и ей прислали въ даръ 4055 франковъ. Доходы, со включеніемъ платы за ученье по 8 франковъ въ мѣсяцъ, достигали 9000 франковъ. Въ концѣ 1864 года, то-есть, послѣ двухлѣтняго существованія, школа была переведена въ улицу дю-Валь-Сентъ-Катринь, и у нея было уже 146 ученицъ, да въ ея отдѣленіи, въ улицѣ Рошешуаръ, было 16, всего 162. Съ тѣхъ поръ успѣхи ея не прекращались... Кромѣ общаго образованія, которое преподавалось тамъ солиднымъ и существеннымъ образомъ, школа имѣла при своемъ основаніи три курса, или, вѣрнѣе, два курса и одну мастерскую: курсъ коммерческаго образованія, имѣвшій цѣлью подготовлять дѣвочекъ къ счетнымъ дѣламъ; курсъ черченія, въ которомъ обучали общему черченію въ такой мѣрѣ, чтобы ученицы пріобрѣтали возможность заняться тою или другою спеціальностью, гдѣ требуется художественный вкусъ, и швейную мастерскую, раздѣленную на двѣ: мастерскую дамскихъ модъ и мастерскую бѣлья. Увеличившіеся доходы и все повышавшееся число ученицъ дозволили расширить основу образованія и сдѣлать его болѣе спеціальнымъ и болѣе разнообразнымъ. Будучи не въ силахъ открыть разомъ столько мастерскихъ, сколько есть различныхъ приложеній черченія къ промышленности, школа стала сначала обучать гравировальному искусству на деревѣ, и въ этотъ курсъ тотчасъ же поступило десять ученицъ. Затѣмъ ввели живопись на фарфорѣ и другія отрасли промышленности съ артистическимъ вкусомъ: живопись на слоновой кости, на экранахъ, шторахъ и т. д. Принимая во вниманіе, сверхъ того, что мѣстонахожденіе промысловъ и наклонности ученицъ придаютъ промышленному искусству, можно сказать, почти безграничное разнообразіе, было рѣшено, что въ случаяхъ, когда нѣкоторыя ученицы пожелаютъ из-

учить ремесло, которое не преподается въ заведеніи, помѣщать ихъ въ спеціальныя мастерскія, не прерывая оказывать имъ покровительство и довѣріе, котораго ученицы заслужили во время курса общаго образованія». Кромѣ хорошаго образованія, и общаго и спеціальнаго, школа даетъ еще своимъ ученицамъ возможность, по окончаніи курса, сразу занять мѣсто въ той или другой мастерской, съ которыми заведеніе Маршефъ-Жираръ вступило въ личныя сношенія.

Таковъ образецъ, по которому Леруа-Больё хотѣлъ бы пересоздать всѣ благотворительныя для работницъ заведенія и основать обширную систему ремесленнаго образованія женщинъ во Франціи.

Перейдемъ теперь къ описанію тѣхъ фабричныхъ организацій женскихъ промысловъ, въ которыхъ нашъ авторъ видитъ образцы будущаго благодѣтельнаго для женщинъ устройства машинной промышленности. Цѣли, преслѣдуемыя этими различными организаціями различны, но во всѣхъ этихъ фабрикахъ то общее, что каждая изъ нихъ заботится о той или другой сторонѣ жизни работницъ: то семейныхъ потребностей, то хозяйственныхъ въ ихъ домашнемъ быту, то гигіеническихъ, то чисто нравственныхъ и т. п. Соединяя удачныя организаціи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ потребностями того или другого фабричнаго производства, и съ обычаями той или другой мѣстности, можно преобразовать весь бытъ рабочей силы въ такомъ смыслѣ, что существованіе ея сдѣлается прочнымъ и мало зависимымъ отъ многихъ случайностей, которымъ она въ настоящее время подвержена. Леруа-Больё только этого и добивается, да и этой, повидимому, узкой задачи хватитъ, хотя бы для Франціи, на цѣлый вѣкъ.

Начнемъ съ описанія такъ-называемыхъ промышленныхъ пансіоновъ—*les internats industriels*.

Лѣтъ 35 тому назадъ, извѣстный политико-экономъ Мишель Шевалье обратилъ вниманіе Европы на американскій городъ Лоуелль, въ которомъ было тогда до 40 тысячъ жителей, изъ которыхъ 15 тысячъ принадлежали къ рабочему классу, и изъ нихъ 10,000 женщинъ. Громадное большинство этихъ женщинъ были молодыя дѣвушки изъ окрестныхъ деревень, отправившіяся на городскія работы въ видахъ собрать себѣ приданое въ 4, 5 или 10 лѣтъ. Онѣ жили группами по 10—15 человѣкъ въ небольшихъ домахъ, подъ покровительствомъ добросовѣстныхъ хозяекъ. Въ этихъ домахъ дѣвушки занимались хозяйствомъ по-очереди, заработывая свое содержаніе на фабрикахъ;—онѣ жили тамъ вообще свободно, хотя и подъ надзоромъ покровительницъ, и возвращались домой не только болѣе опытными въ жизни и съ нравственною энергіей, но и съ достаточною для заведенія своего собственнаго хозяйства суммою денегъ.

Примѣру Лоуелля послѣдовали многіе другіе города или отдѣльныя фабрики въ Соединенныхъ Штатахъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ промышленныя учрежденія Уилліяма Чэпина въ Лоренсѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ. Интернатъ, устроенный Чэпиномъ для 825 женщинъ изъ 1700 работающихъ на фабрикѣ, произвелъ такое сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, присуждавшихъ на парижской выставкѣ 1867 года преміи за проекты объ улучшеніи быта рабочихъ людей, что они нашли его достойнымъ ихъ поощренія. Здѣсь пансіонерками являются опять молодыя дѣвушки. Всѣ онѣ живутъ въ 17-ти отдѣльныхъ помѣщеніяхъ подъ надзоромъ женщинъ пожилыхъ, назначаемыхъ самимъ хозяиномъ фабрики. Помѣщенія дѣвушекъ состоятъ изъ меблированныхъ комнатъ, свѣтлыхъ и вентилируемыхъ, по одной на каждую пару работницъ. Заработная плата интернатокъ та же, что и другихъ женщинъ, но она дѣлится на три доли, изъ которыхъ одна удерживается за квартиру и столъ,—другая идетъ въ сбереженіе, которое выдается пансіонеркѣ въ случаѣ ея удаленія изъ заведенія, — третья же, послѣдняя доля, выдается ежемѣсячно каждой дѣвушкѣ на одежду, стирку и т. п. Дѣвушки пользуются полною свободою, но въ случаѣ злоупотребленій ею слѣдуетъ сперва выговоръ, а во второй разъ немилосердное изгнаніе. Къ этимъ пансіонамъ принадлежитъ огромная читальня, съ библіотекою въ 4000 томовъ и съ особыми залами для женскаго пола, которыя открыты ежедневно съ 6 часовъ утра и до 10 вечера; тамъ тепло и свѣтло, и по временамъ читаютъ лекціи о разныхъ предметахъ. При такой организаціи фабрики молодыя дѣвушки не только перестаютъ съ раннихъ лѣтъ быть бременемъ для бѣдныхъ родителей, но еще пріобрѣтаютъ образованіе и сберегаютъ копѣйку на черный день. Объ одной изъ нихъ разсказываютъ, что ей удалось своими сбереженіями дать возможность ея жениху, студенту медицины, окончить курсъ.

Во Франціи американская идея промышленнаго пансіона принялась довольно хорошо, но съ нѣкоторыми отклоненіями. Есть двѣ системы пансіоновъ. Въ одной дисциплина крайне суровая, такъ что молодыя дѣвушки живутъ на фабрикѣ точно въ монастырѣ; имъ запрещаютъ почти всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, даже съ ихъ семьями, ихъ кормятъ въ заведеніи, а жалованье выдаютъ лишь однажды въ годъ. Типичнымъ заведеніемъ въ этомъ родѣ служитъ фабрика Бонне въ Жюжюрьё, въ Энскомъ департаментѣ, гдѣ монастырскимъ порядкомъ содержится до 400 работницъ, поступающихъ съ 13—15 лѣтъ: только разъ въ каждыя шесть недѣль имъ позволяютъ повидаться съ своими родственниками; ежегодно ихъ чистый заработокъ простирается до 80—150 франковъ.

Другая система французскихъ промышленныхъ интернатовъ отличается болѣе свободною жизнью: дѣвушкамъ позволяютъ видѣться съ своими родителями въ каждое воскресенье; онѣ работаютъ поштучно, онѣ сами готовятъ себѣ кушанье, имъ даютъ первоначальное образованіе, въ мастерскихъ работы распредѣляются женщинами, избираемыми изъ старыхъ работницъ, а не изъ членовъ религіозныхъ орденовъ. Типами этой системы служатъ ткацкія заведенія, прядильни и другія въ Дофинэ, а также ленточная фабрика въ Сеовѣ (Séauve). Въ этомъ послѣднемъ заведеніи юныя работницы, работая поштучно, заработываютъ еженедѣльно по 15—18 франковъ, имѣя готовую квартиру съ отопленіемъ; бóльшая часть заработка идетъ на скопленіе „приданаго". Три сестры, хорошія работницы, скопили тамъ, въ три года, 4767 франковъ. При фабрикѣ есть школа, гдѣ обучаютъ, между прочимъ, и шитью. Прежде въ Сеовѣ пансіонерки жили на хозяйскомъ столѣ, но теперь пищу приготовляютъ себѣ сами дѣвушки, подъ присмотромъ сестеръ милосердія, которыя вообще надзираютъ за порядкомъ въ интернатѣ.

Всѣхъ дѣвушекъ, живущихъ въ интернатахъ обѣихъ системъ, насчитывается до 40,000. Леруа-Больё предпочитаетъ вольную систему монастырской, хотя и она далека еще отъ своего американскаго первообраза. Болѣе подробно о промышленныхъ пансіонахъ трактуетъ спеціальное по этому предмету сочиненіе Ф. Монье (*Monnier*): De l'organisation du travail manuel des jeunes filles. Les internats industriels.

Нѣкоторые фабриканты распространяютъ свое филантропическое покровительство не на молодое поколѣніе только, но входятъ и въ другія семейныя обстоятельства рабочихъ;—иные изъ нихъ ограничиваются заботами о здоровьѣ родильницъ, другихъ занимаетъ вся семейная жизнь рабочаго. Важно въ этихъ стремленіяхъ фабрикантовъ то обстоятельство, что ихъ филантропическія стремленія оказываются полезными какъ для нихъ самихъ, такъ и для рабочихъ также въ экономическомъ отношеніи.

Относительно здоровья родильницъ и новорожденныхъ дѣтей особеннаго вниманія заслуживаютъ усилія многихъ эльзасскихъ фабрикантовъ, по иниціативѣ Жана Дольфюса. Замѣтивъ на своихъ фабрикахъ въ Мюльгаузенѣ, что смертность дѣтей его работницъ превышаетъ среднюю смертность дѣтей въ цѣломъ городѣ, этотъ почтенный человѣкъ понялъ, что подобный фактъ дурно рекомендуетъ его заведеніе съ общественной точки зрѣнія, и тотчасъ сталъ искать причинъ столь печальнаго явленія и средствъ къ искорененію ихъ. Онъ скоро догадался, что дѣти гибнутъ вслѣдствіе того, что матери послѣ родовъ слишкомъ скоро принимаются за фабричныя работы,

и поэтому объявилъ всѣмъ своимъ работницамъ, что, считая съ 15-го дня послѣ родовъ, фабрика будетъ платить имъ обычное жалованье въ продолженіи шести недѣль, не требуя отъ нихъ никакихъ работъ, если онѣ въ этотъ періодъ времени будутъ дома кормить своего новорожденнаго ребенка. Всѣхъ женщинъ на фабрикахъ Дольфюса 1150, и ежегодная издержка на сказанный предметъ простиралась до 8000 франковъ. Догадка Дольфюса оправдалась: смертность дѣтей быстро понизилась съ 38 — 40 процентовъ до 28 и 24-хъ, при средней смертности въ городѣ 33 — 35. Человѣкъ съ узкими, эгоистическими стремленіями—а такіе люди нерѣдки среди промышленниковъ—подумаетъ, что 8000 франковъ Дольфюсъ *бросаетъ* ежегодно на размноженіе пролетаріата, но въ дѣйствительности оказалось, что онъ не только совершилъ въ высокой степени гуманное дѣло, но еще самъ извлекъ несомнѣнныя матеріальныя выгоды изъ труда своихъ работницъ. Давъ каждой родильницѣ шесть недѣль отдыха и успокоивъ ея материнскія опасенія на счетъ новорожденнаго, онъ пріобрѣталъ въ ней работницу совершенно здоровую тѣломъ и душою, производительность которой несомнѣнно покрывала 10 или 11 процентовъ ежегодной заработной платы, выданные матери во время шестинедѣльнаго ухода за ребенкомъ. Мало того, — это увеличеніе промышленной производительности работницы проявляется не въ одномъ году только, но въ продолженіи всей жизни матери.

Въ Мазаметѣ, въ южной Франціи, на шерстяныхъ фабрикахъ придуманъ другой способъ оставлять ребенка при матери. Тамъ для юныхъ матерей есть особыя мастерскія, въ которыхъ онѣ могутъ имѣть при себѣ своихъ младенцевъ. Экономистъ Рейбо (Reybaux), видѣвшій эти мастерскія, находитъ ихъ достойными всякой похвалы. „Зрѣлище интересное — говоритъ Рейбо: — дѣти, иныя спятъ на колѣняхъ матери, другія валяются на хлопьяхъ шерсти, разбросанной по мастерской. Это не простой промышленный опытъ, здѣсь дано удовлетвореніе доброму чувству въ формѣ самой трогательной". Въ этихъ мастерскихъ матери проводятъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока продолжается кормленіе младенца, и затѣмъ снова переходятъ къ своимъ прежнимъ работамъ въ общей мастерской.

Въ Англіи примѣненіе фабричнаго труда къ семейнымъ обязанностямъ матери пошло еще дальше. Такъ, въ Реддичѣ, домъ Уилліяма Бартлита и сына устроилъ на своей фабрикѣ особую мастерскую для юныхъ матерей, въ которой работы имѣютъ особое распредѣленіе и продолжаются ежедневно гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ. Работы начинаются не съ 6-ти часовъ утра, а съ половины 9-го, такъ что хозяйка можетъ привести въ порядокъ весь свой домъ, разбудить дѣтей и послать старшихъ въ школу. Въ половинѣ

перваго работы прекращаются до 2-хъ часовъ, и работница можетъ такимъ образомъ сходить за дѣтьми въ школу и приготовить обѣдъ для всей семьи. Съ 2-хъ часовъ работы продолжаются до половины пятаго, и рабочій день конченъ. Бартлитъ говоритъ, по свидѣтельству нашего автора, „что четырехлѣтній опытъ убѣдилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ, что юныя матери, работая поштучно при такой организаціи труда, по шести съ половиною часовъ ежедневно, заработывали столько, какъ еслибъ онѣ работали обычный рабочій день въ 10 часовъ; и онъ объясняетъ эту видимую аномалію улучшеніемъ ихъ здоровья, отсутствіемъ манкировокъ и опаздываній, рѣдкостью заболѣваній и большею энергіей въ работѣ“ (стр. 442).

Нѣчто подобное Реддичской организаціи устроили сами работницы въ одной парижской мастерской шалей. Всѣхъ работницъ въ этой мастерской тридцать. Онѣ поняли, что слишкомъ долгій рабочій день вредно дѣйствуетъ на ихъ здоровье и, вмѣсто прибыльнаго заработка, только истощаетъ ихъ физическія и умственныя силы. Онѣ согласились между собою работать по двѣ вмѣстѣ за цѣлый день: одна утромъ, другая вечеромъ, и работа у нихъ пошла лучше, и здоровье не ослабѣвало. Леруа-Болье, основываясь на этомъ примѣрѣ и на организаціи въ Реддичѣ, а также на томъ общемъ фактѣ, что хорошая работница всегда сдѣлаетъ вдвое больше двухъ посредственныхъ въ одинаковый періодъ времени, полагаетъ, что фабричная организація, принявъ такое сокращеніе женскаго рабочаго дня, по крайней мѣрѣ для молодыхъ матерей, не потерпѣла бы никакого ущерба. Подъ качествами хорошей работницы прежде всего разумѣются именно ловкость и смѣтливость, и такія качества ума и тѣла проявляются всего лучше въ бодромъ, неутомленномъ организмѣ, и въ продолженіи всего того времени только, пока человѣкъ не усталъ ни физически, ни умственно; при шестичасовой работѣ бодрость тѣла и духа не покидаетъ женщину, при болѣе продолжительной, молодая мать сильно утомляется, и въ послѣднюю половину работъ дѣлаетъ обыкновенно менѣе, чѣмъ въ первую, при чемъ сегодняшнее излишнее утомленіе даетъ себя знать и завтра. Вредное дѣйствіе этихъ постоянныхъ излишествъ труда проявляется, отчасти, въ самой производительности труда, въ манкировкахъ, а часто и въ формѣ продолжительныхъ болѣзней: утомленная работница вообще болѣе предрасположена къ разнымъ болѣзнямъ, особенно лихорадочнаго свойства и къ эпидеміямъ, чѣмъ работница бодрая и веселая.

Но машинная промышленность можетъ примѣниться не только ко всѣмъ требованіямъ гигіены относительно сохраненія здоровья рабочаго населенія (сокращеніе рабочаго дня, плата поштучно), но

даже къ требованіямъ идеала хорошей рабочей семьи. Паръ и другія двигательныя силы, какъ доказано въ послѣднее время, могутъ быть доставлены въ дома самихъ рабочихъ, при чемъ вся внутренняя обстановка жилища не терпитъ никакого ущерба ни въ гигіеническомъ отношеніи, ни въ семейномъ. Вмѣсто того, чтобы строить громадныя фабрики, можно во многихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности вводить паровой двигатель въ цѣлую колонію рабочихъ домовъ, въ каждомъ изъ которыхъ, или одна рабочая семья, или нѣсколько семействъ, или артель въ нѣсколько рабочихъ, могли бы работать у себя дома при полной семейной обстановкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное преобразованіе старой фабричной системы требуетъ большого труда, но новыя фабрики могутъ строиться на этотъ ладъ. Такія организаціи уже существуютъ, и дѣла ихъ идутъ хорошо. Одинъ изъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ, Робертъ Бэкеръ, говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1867 годъ, что онъ видѣлъ въ Ковентри, кромѣ крупныхъ ленточныхъ фабрикъ, около 400 домовъ, въ каждомъ изъ которыхъ мужчина и женщина, съ помощью иногда двухъ-трехъ другихъ рабочихъ, работали посредствомъ парового двигателя; это была или маленькая паровая машина, или приводъ съ сосѣдней большой фабрики. Тамъ есть большія фабрики, вокругъ которыхъ расположились цѣлыя колоніи рабочихъ семействъ, пользующихся въ своихъ домахъ паровымъ двигателемъ фабрики. Въ Голландіи образовалось цѣлое общество въ видахъ распространенія паровой силы во всѣ дома, кто только пожелаетъ.

Съ другой стороны, той же популяризаціи машиннаго двигателя начинаютъ помогать электричество и приборъ Ленуара. Мы упоминали выше объ удачномъ примѣненіи электричества къ швейнымъ машинамъ. Въ 1858 году, итальянецъ Понелли приложилъ электричество къ ткацкому станку Жакара, и теперь это приложеніе уже можно видѣть въ Парижѣ и Ліонѣ, во Франціи, но всего больше воспользовались этимъ изобрѣтеніемъ сами итальянцы, преимущественно въ Генуѣ. Какъ бы то ни было, самымъ удобнымъ приборомъ для рабочей семьи былъ бы двигатель Ленуара, такъ какъ онъ не громозденъ, быстро приходитъ въ движеніе и когда прекращаетъ работу, прекращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ потреблять матеріалъ, посредствомъ котораго возбуждается дѣятельность привода. Къ сожалѣнію, именно потому, что приборъ Ленуара всего болѣе пригоденъ бѣднымъ людямъ, и всего менѣе для крупнаго производства, двигатель этотъ не пошелъ пока въ ходъ.

Семья рабочаго человѣка можетъ пріобрѣсти значительную пользу еще отъ многихъ другихъ условій, кромѣ организаціи труда. Самое жилище рабочаго, его пища и самое хозяйство требуютъ значитель-

ныхъ улучшеній, которыя могутъ быть внесены въ нее всѣми людьми и обществами, старающимися объ улучшеніи быта трудящихся классовъ; государство можетъ явиться на помощь въ качествѣ благодѣтельнаго кредитора. Въ Англіи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы есть не мало филантроповъ, которые употребляютъ значительные капиталы на устройство хорошихъ жилищъ для рабочихъ людей, другіе заботятся объ удешевленіи съѣстныхъ припасовъ или иныхъ потребностей небогатыхъ семействъ. Многого слѣдуетъ ожидать отъ включенія въ курсъ женской народной школы разныхъ ремеслъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ этомъ отношеніи Леруа-Больё обращаетъ наше вниманіе на рабочія школы въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Благодаря этимъ школамъ—говоритъ онъ— „въ кантонѣ почти нѣтъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя не умѣли бы шить, вязать, мѣтить, вышивать, стирать и гладить, а всѣ эти способности несомнѣнно весьма полезны въ семьѣ". Нашъ авторъ требуетъ еще преподаванія кухоннаго искусства и гигіены, особенно послѣдней, такъ какъ гигіеническія свѣдѣнія могутъ спасти рабочую семью отъ самыхъ главныхъ враговъ ея благосостоянія: болѣзней, гибельныхъ для здоровья предразсудковъ и шарлатанства знахарей...

Кромѣ частныхъ лицъ, благотворительныхъ обществъ и богатыхъ филантроповъ, на поприщѣ улучшенія быта рабочихъ людей—и женщинъ въ частности—трудились еще и сами рабочіе, устраивая свои разнообразныя ассоціаціи и учрежденія, но Леруа-Больё оставляетъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ онѣ поставилъ себѣ главною цѣлью доказать, что само общество, если бы оно прониклось добрыми и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумными заботами касательно бѣдственнаго положенія трудящихся классовъ, могло бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ послѣднихъ, не причиняя никакого ущерба никому, и только требуя нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны классовъ, которые пользуются, съ большими выгодами для себя, трудомъ рабочихъ людей. Государство у Леруа-Больё стоитъ на самомъ заднемъ планѣ,—оно является лишь охранителемъ собственности и жизни рабочихъ, и лишь въ этомъ назначеніи своемъ ему присвоивается право надзора за гигіеническимъ состояніемъ фабрикъ и мастерскихъ. Но государство можетъ быть еще опорою опытныхъ дѣятелей въ улучшеніи быта бѣдныхъ классовъ—опорою нравственною, матеріальною и финансовою; оно можетъ, сверхъ того, употреблять свои средства—и оно обязано, какъ въ нравственномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи—къ распространенію, посредствомъ школы, всѣхъ тѣхъ полезныхъ свѣдѣній для рабочихъ людей, о которыхъ мы говорили выше. Если въ такихъ богатыхъ обществахъ, какъ французское и англійское, частная иниціатива не въ состояніи удо-

влетворить потребности бѣдныхъ классовъ даже въ томъ образованіи, которое имъ нужно для ихъ домашняго обихода и для наиболѣе выгоднаго примѣненія ихъ труда къ общественнымъ пользамъ, то въ бѣдныхъ странахъ объ удовлетвореніи этой потребности безъ государственной помощи и думать нечего. Мы понимаемъ отчасти опасеніе Леруа-Больё относительно государственнаго вмѣшательства въ такой странѣ, какъ Франція, такъ какъ во Франціи государственное вмѣшательство являлось всего чаще только помѣхою частнымъ филантропамъ въ ихъ стремленіи помочь бѣднымъ классамъ; само образованіе народа во Франціи казалось подозрительнымъ въ глазахъ господствовавшихъ тамъ правительствъ. Но не вездѣ въ правительственныхъ сферахъ существуютъ подобныя опасныя для народной массы, да и для самихъ правительствъ—какъ показываетъ политическій опытъ той же Франціи—подозрѣнія и заблужденія. Напротивъ, вездѣ, гдѣ правительство желаетъ основать свое могущество и прочность на добромъ согласіи съ народомъ, и гдѣ, слѣдовательно, оно можетъ только поощрять частный починъ во всемъ, что касается улучшенія матеріальнаго и нравственнаго быта народной массы,—тамъ государственное вмѣшательство непремѣнно примѣнится къ этому дѣлу улучшенія, но, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ, которыя могутъ быть опредѣлены въ каждомъ данномъ случаѣ разными практическими соображеніями.

Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection" and „inheritance" to political society. By *Walter Bagehot*. London, Henry S. King et C°, 1872. (Естествознаніе и политика, или мысли о примѣненіи къ политическому обществу принциповъ «естественнаго подбора» и «наслѣдственности». Соч. *Уолтера Бэджхота*).

Дарвинъ разсказываетъ, что первая мысль о происхожденіи видовъ посредствомъ борьбы за существованіе явилась у него во время чтенія извѣстнаго политико-экономическаго этюда Мальтуса о принципѣ народонаселенія. Теперь въ политическомъ трудѣ Бэджхота мы видимъ ту же идею, но уже заимствуемую изъ естествознанія со всѣми дополненіями, которыя онъ получилъ въ сочиненіяхъ Дарвина, и примѣняемую къ политической и экономической жизни человѣческихъ обществъ. Въ естествознаніи дѣло шло о совершенствованіи растительнаго и животнаго міровъ, въ политикѣ идетъ вопросъ о совершенствованіи человѣка, о переходѣ его изъ до-историческаго въ государственнаго и, наконецъ, въ свободнаго. Само собою разумѣется, что между послѣднимъ совершенствованіемъ и первымъ есть много различій, но физическія причины остаются тѣ же: *наслѣдственность*

и *естественный подборъ*, дѣйствующіе въ борьбѣ людей за существованіе или за преобладаніе.

Но гдѣ типъ этого совершенствованія, и что́ такое прогрессъ вообще?... Замѣчательно, этотъ вопросъ не разрѣшенъ еще даже относительно животнаго міра. Что же касается до политическихъ сферъ въ разныхъ націяхъ, то почти каждая изъ нихъ имѣетъ свое мнѣніе о томъ, что́ совершенствуетъ націю и что́ ее деморализуетъ. Одинъ политикъ, напримѣръ, глубокомысленно признаетъ прогрессъ лишь съ „точками", а есть другіе политики, которые никакихъ точекъ не допускаютъ; иные хотятъ все „скакать", а другіе — идти „постепенно"; есть у насъ политики, которые весь прогрессъ Россіи заключаютъ въ томъ, чтобы всѣ вѣрили въ чорта, а есть и такіе, которые находятъ прогрессъ въ полномъ безвѣріи. Однимъ словомъ, что кому кажется лучшимъ и болѣе удобнымъ для самого себя, то́ именно выдаетъ онъ за самое вѣрное средство къ совершенствованію всѣхъ. Бэджхотъ разрѣшаетъ свои сомнѣнія на счетъ прогресса сравнительнымъ опредѣленіемъ того, что слѣдуетъ называть прогрессомъ. Онъ беретъ англичанина, какъ индивидуальность прогрессивную, и дикаго жителя Австраліи, и говоритъ: посмотримъ, чѣмъ англичанинъ сильнѣе и лучше австралійца; его преимущества и будутъ тѣ качества, которыя пріобрѣтаются путемъ прогресса. При этомъ сравненіи Бэджхотъ не принимаетъ во вниманіе ни религіи, ни нравственности, потому что вліяніе этихъ факторовъ на совершенствованіе человѣка довольно темно и многими авторитетами признано спорнымъ. Всѣхъ преимуществъ англичанина надъ австралійцемъ авторъ насчитываетъ только три. Во-первыхъ, англичане имѣютъ бо́льшую власть надъ силами природы: двадцать англичанъ съ ихъ орудіями и искусствомъ могутъ неизмѣримо сильнѣе и обширнѣе измѣнить матеріальный міръ, чѣмъ двадцать австралійцевъ. Далѣе, власть эта надъ природою простирается не внѣ организма только, но и внутри его: англичане не только обладаютъ лучшими орудіями, но и сами они машины болѣе превосходныя, чѣмъ австралійцы. Въ-третьихъ, наконецъ, цивилизованный человѣкъ умѣетъ пользоваться силами природы несравненно лучше дикихъ, относительно своего личнаго здоровья и довольства, онъ умѣетъ сберегать на старость, и наслажденія его болѣе тонкаго и продолжительнаго свойства. Но всѣ эти три отличія вращаются около одной и той же темы: власти человѣка надъ природою; сущность прогресса, такимъ образомъ, заключается въ возрастаніи умѣнья людей пользоваться силами природы для удовлетворенія своихъ личныхъ и общественныхъ потребностей. „Природа, подобно школьному учителю, даетъ свои лучшія награды ея высшимъ и наиболѣе свѣдущимъ классамъ". Какъ въ

мірѣ органическомъ вообще, такъ и въ человѣческомъ обществѣ, природа даетъ возможность совершенствоваться путемъ двухъ началъ: *наслѣдственности* и *естественнаго подбора*. Первое начало удерживаетъ въ потомкахъ и передаетъ все дальше тѣ физическія и умственныя качества, которыя наиболѣе полезны людямъ для борьбы съ силами природы, а второе обусловливаетъ гибель наименѣе способныхъ въ пользу развитія наиболѣе способныхъ для борьбы съ природой.

Но въ принципѣ наслѣдственности лежатъ зародыши и застоя человѣческаго, такъ какъ потомки, вмѣстѣ съ хорошими свойствами родительской натуры, получаютъ и дурныя. Если въ обществѣ людей какой-либо страны войдетъ въ обычай истреблять въ дѣтяхъ и вообще въ гражданахъ всѣ тѣ свойства человѣческой натуры, которыя наиболѣе полезны для борьбы съ природою, и лелѣять другія, которыя деморализуютъ, ослабляютъ человѣка въ этой борьбѣ, то такое общество, разумѣется, въ силу принципа наслѣдственности, лишится всякаго прогресса и впадетъ въ застой. Исторія доказываетъ, что явленіе застоя — явленіе самое частое, и только очень рѣдкія націи постоянно прогрессировали. Лишь въ самое послѣднее время явилась въ цивилизованномъ мірѣ идея о постоянномъ прогрессѣ и неуничтожаемости націй. Въ древности, напротивъ, всѣ страны хлопотали лишь объ удержаніи старыхъ обычаевъ и учрежденій, и никому не приходила даже мысль о возможности прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, не есть нѣчто непремѣнное въ жизни той или другой націи. Въ человѣкѣ есть природныя свойства, допускающія совершенствованіе его натуры въ смыслѣ общественнаго и политическаго прогресса, но эти свойства могутъ не развиться вовсе или остановиться на извѣстной степени развитія.

Несомнѣнно, что изученіе и опредѣленіе условій, какъ тѣхъ, при которыхъ нація можетъ постоянно пребывать въ прогрессѣ, такъ и тѣхъ, при которыхъ она впадаетъ въ застой, дѣло большой важности, и всякая попытка въ этомъ дѣлѣ, если она выполнена съ толкомъ и старательно, заслуживаетъ ревностнаго одобренія. Попытка Бэджхота принадлежитъ къ этому разряду, хотя нельзя сказать, чтобы она рѣшала вопросъ объ этихъ условіяхъ вполнѣ. Нѣтъ, и самъ авторъ не заявляетъ никакихъ притязаній на рѣшеніе столь трудной и обширной задачи. Онъ только показалъ, что такая попытка возможна и полезна, что на этомъ пути можно открыть обширное поле для политическихъ и соціологическихъ изслѣдованій. Мы постараемся передать здѣсь вкратцѣ всѣ важные выводы, къ какимъ пришелъ нашъ авторъ.

Онъ дѣлитъ все существованіе человѣка на три разныхъ періода:

у него есть жизнь до-историческая, и затѣмъ два періода исторической: вѣкъ борьбы и вѣкъ преній (или свободы)—preliminary age, age of conflict, age of discussion.

Что касается до-историческаго человѣка, то несомнѣнно, что онъ совершилъ громадный прогрессъ въ своемъ переходѣ отъ первобытнаго состоянія до того, когда онъ сталъ писать исторію. Въ настоящее время мы имѣемъ человѣка на самой низшей степени развитія лишь въ дикихъ племенахъ Австраліи. Примѣняя принципъ наслѣдственности къ развитію умственныхъ и физическихъ способностей до-историческаго человѣка, мы можемъ доказать, что онъ былъ способнѣе къ прогрессу, чѣмъ нынѣшніе дикіе люди: изъ него во всякомъ случаѣ выработался не только историческій человѣкъ вообще, но и человѣкъ свободный, цивилизованный. Дикія племена—это неудавшіеся выродки до-историческаго человѣка, достигшіе до извѣстнаго уровня развитія и затѣмъ застывшіе. Что же такое заставило ихъ застыть, остановиться, что помѣшало развиваться имъ дальше, какихъ качествъ до-историческаго человѣка лишились они, которыя дали возможность другимъ группамъ до-историческихъ людей продолжать свое совершенствованіе?..

Качества до-историческаго человѣка опредѣляются посредствомъ сравненія всей ихъ домашней и природной обстановки съ такою же обстановкою историческихъ людей. Вопросъ объ ихъ бытѣ съ особенною тщательностью и трудолюбіемъ обработанъ и отчасти систематизированъ двумя англійскими учеными: Лоббокомъ (Lubbock) и Тайлоромъ (Tylor), при чемъ не упущенъ изъ виду и принципъ наслѣдственности, примѣненіе котораго въ этой сферѣ навело изслѣдователей на весьма важныя размышленія и аналогическія догадки. Въ тотъ періодъ человѣческаго бытія жизнь была постоянною и притомъ непосредственною борьбою за существованіе, и человѣкъ могъ совершенствоваться, слѣдовательно, лишь развитіемъ въ немъ, путемъ наслѣдственности, тѣхъ физическихъ и умственныхъ свойствъ, которыя наиболѣе способствовали человѣку въ сохраненіи его существованія въ постоянной борьбѣ съ враждебными силами. Поэтому, въ немъ могли быть всѣ тѣ свойства дикихъ, которыя способствуютъ дальнѣйшему прогрессу, и ни одного изъ тѣхъ, которыя препятствуютъ ему: до-историческіе люди были, однимъ словомъ, тѣ же дикіе люди, но безъ упроченныхъ разъ навсегда обычаевъ дикихъ людей. „Подобно дикимъ, до-историческій человѣкъ обладалъ сильными страстями и слабымъ разсудкомъ; подобно дикимъ, онъ предпочиталъ жадное пользованіе быстрымъ наслажденіемъ наслажденію нѣжному и равномѣрному; подобно дикимъ, онъ не умѣлъ откладывать настоящее на будущее; подобно дикимъ, наконецъ, нравственное чув-

ство въ до-историческомъ человѣкѣ, было — если можно вообще говорить объ этомъ чувствѣ — лишь въ зачаточномъ состоянiи, недоразвитое". Но за то у него не было, какъ у нынѣшнихъ дикарей, сложныхъ и странныхъ обычаевъ, особенныхъ и, повидимому, необъяснимыхъ правилъ для руководства въ продолженiи всей человѣческой жизни. Что у до-историческаго человѣка не было ни крѣпкаго разсудка, ни способности обладать своими страстями, ни нравственныхъ принциповъ — ничего такого, чѣмъ цивилизованный человѣкъ выше дикаго — это доказывается тѣмъ простымъ соображенiемъ, что эти качества, разъ прiобрѣтенныя, удерживаются въ силу принципа наслѣдственности и должны были, поэтому, быть у нынѣшнихъ дикарей, еслибъ прародитель ихъ, до-историческiй человѣкъ, обладалъ ими. Все, чѣмъ до-историческiй человѣкъ выше дикаря, заключается лишь въ отсутствiи въ немъ тѣхъ привычекъ и предразсудковъ, которые помѣшали дикимъ людямъ прогрессировать. Въ до-историческомъ человѣкѣ не было ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыми цивилизованный человѣкъ выше дикаря, но его натура была способна развить ихъ въ себѣ.

Какимъ же образомъ началось развитiе этихъ прогрессивныхъ свойствъ человѣка въ историческомъ перiодѣ?.. Какъ вообще началось соединенiе людей въ племена, въ нацiи, въ государства?.. Этому началу должны были предшествовать, по мнѣнiю Бэджхота, два факта: образованiе главныхъ человѣческихъ расъ — арiйской, туранской, негра, краснокожаго и австралiйца, — и собранiе людей въ группы, подъ руководствомъ какого-нибудь болѣе или менѣе постояннаго вождя. Даны эти два условiя,—и дальнѣйшее развитiе людей становится довольно яснымъ. Первымъ дѣломъ для этой цѣли является созданiе силы, способной творить обычаи, то-есть власти, которая могла бы вводить въ стадо первобытныхъ людей опредѣленныя, постоянныя правила жизни, для всѣхъ обязательныя, — правила, при помощи которыхъ власть могла бы основывать въ нѣкоторой степени свои разсчеты на будущее. Такая власть способна научить до-историческаго человѣка выгодности отсрочивать настоящее и мгновенное потребленiе тѣхъ или другихъ предметовъ наслажденiя на будущее и продолжительное ихъ потребленiе. Само собою разумѣется, что первоначальная власть начала свои уроки бережливости, руководствуясь совсѣмъ другими побужденiями, но изъ уроковъ этого рода все-таки явилась способность людей дѣлать общественные запасы на будущее. Ученые прошлыхъ вѣковъ надѣляли, правда, до-историческихъ людей понятiями объ охраненiи собственности и жизни, но новѣйшiя, болѣе серьёзныя и основательныя изслѣдованiя доказали, что до-историческiе люди обучались бережливости подъ влiя-

ніемъ совершенно другихъ цѣлей. Частной собственности тогда вовсе не было, а если и было что-либо подобное, то лишь въ родѣ той собственности, которую имѣютъ теперь маленькія дѣти, то-есть, съ которою имъ больно разставаться, но которую тѣмъ не менѣе удержать за собою они не въ состояніи. Что же касается до права на жизнь, жизнь всѣхъ членовъ въ до-историческихъ семейныхъ или родовыхъ группахъ была въ волѣ главы группы.

Самымъ важнымъ предметомъ въ первоначальныхъ обычаяхъ или законахъ являются обряды религіозные или лучше сказать, *обряды удачи*. Нѣтъ такого дикаго племени въ наше время, у котораго не было бы понятія объ удачѣ или неудачѣ, и который не соединялъ бы этого понятія съ какими-нибудь обрядностями, по той простой причинѣ, что въ его понятіи объ удачѣ или о счастіи, на первомъ планѣ стоитъ все его племя, а не онъ самъ. Дикій боится совершить что-нибудь такое, что могло бы навлечь „бѣду" на все его племя. Если, поэтому, въ его племени вожди установили какіе-нибудь обычаи въ память какихъ-либо своихъ личныхъ фантазій о совпаденіи того или другого явленія въ природѣ или домашнемъ быту съ удачами или неудачами всего племени, то эти обычаи или обряды соединяются въ умѣ дикаря съ счастіемъ его собственной личности, какъ единицы всего племени, и ему кажется, что неисполненіе того или другого обряда, установленнаго вождями, должно сопровождаться бѣдами для всего племени, и для него въ частности. Долгая санкція „обрядовъ удачи", переходившая изъ рода въ родъ, придавала имъ мало-по-малу сверхъестественное значеніе, и люди стали соединять съ ними мысль о томъ, что нарушеніе подобныхъ обрядовъ можетъ навлечь изъ неизвѣстныхъ источниковъ несказанный вредъ на все племя. Такъ создавались всѣ традиціонныя привычки и обычаи въ первобытныхъ племенахъ. Части этихъ племенъ отдѣлялись, уходили въ другія земли, и тамъ, подъ вліяніемъ другихъ удачныхъ или неудачныхъ предзнаменованій, составляли себѣ другіе „обряды удачи" и затѣмъ вводили свою жизнь въ другіе, соотвѣтственные обычаи; не будь этихъ отдѣленій и переселеній, тотъ или другой дурной обычай, дѣйствуя путемъ наслѣдственности, могъ бы привести къ гибели весь человѣческій родъ.

Различныя группы людей, разселенныя по разнымъ мѣстностямъ и создавшія среди себя разные обычаи, должны были приходить въ столкновеніе другъ съ другомъ, и вотъ насталъ *періодъ борьбы*, который нельзя сказать чтобы не продолжался и въ наше цивилизованное время. Но теперь мы уже сознаемъ, что истребленіе людей войною дѣло дурное и нисколько не полезное общему благосостоянію цивилизованнаго міра. Тогда же, въ первыя историческія вре-

мена, война считалась—и совершенно справедливо — столь же выгоднымъ дѣломъ, какъ въ нашемъ XIX-мъ вѣкѣ считаютъ индустрію. Война воспитывала тогда въ людяхъ ихъ лучшія качества, обогащала побѣдителей, давала ихъ стремленіямъ и обычаямъ преобладаніе надъ обычаями покоренныхъ;—война, однимъ словомъ, создавала націи, превращая племенную жизнь въ государственную,

Война, для своего успѣха, требуетъ дисциплинарнаго повиновенія въ воинахъ, и разумъ и находчивость въ вождѣ. Первобытный человѣкъ, какъ извѣстно, не умѣлъ сдерживать свои страсти и отличался страшною раздражительностью, быстрыми переходами отъ гнѣва къ радости и т. п., смиренія и покорности въ немъ не было. Поэтому, чтобы дойти до воинской подчиненности, ему нужно было пройти трудную школу смиренія и покорности въ силу тѣхъ или другихъ обычаевъ. Чѣмъ лучше и скорѣе обычаи одного племени пріучали къ смиренію и покорности, тѣмъ это племя становилось болѣе способнымъ въ военномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, побѣдители въ древнемъ мірѣ всегда бывали людьми болѣе смирными и послушными, чѣмъ побѣжденные, и каждое покореніе одного племени другимъ было, слѣдовательно, успѣхомъ цивилизаціи для всего человѣчества. Этотъ успѣхъ цивилизаціи представится намъ еще болѣе важнымъ, когда мы представимъ себѣ, что побѣдители являлись въ покоренную страну не только людьми болѣе способными къ дальнѣйшему развитію, но и вносили съ собою всѣ тѣ обычаи, подъ вліяніемъ которыхъ они успѣли преобразовать свою животную натуру въ лучшую, сравнительно съ натурою побѣжденныхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще того важнаго обстоятельства, что только война, обогащая побѣдителя, могла дать послѣднему возможность воспользоваться своимъ досугомъ для свободныхъ размышленій, хотя бы о своемъ собственномъ искусствѣ, и что отъ этихъ именно размышленій пошла въ ходъ мыслительная способность человѣка.

Военное ремесло имѣетъ, однако, дурныя стороны, и ея дисциплина, если она слишкомъ суровая, да еще соединена съ вредными для человѣческаго развитія религіозными обрядами, можетъ, путемъ наслѣдственности, уничтожить въ людяхъ, подчиненныхъ этой дисциплинѣ, всякое стремленіе къ совершенствованію. Если подобный дисциплинарный духъ проникнетъ все воинственное племя, то оно застынетъ въ своихъ формахъ и, покоривъ другія племена, можетъ не слиться съ ними и не вовлечь ихъ въ себя; — оно останется въ такомъ случаѣ отдѣльнымъ сословіемъ среди покоренныхъ націй, отдѣльною *кастою*. Если затѣмъ другое племя, столь же строго дисциплинарное само по себѣ, покоритъ тѣ первыя племена вмѣстѣ съ

ихъ военною кастою, то первая военная каста, все оставаясь сама собою, должна будетъ составить другую, не-военную касту, которую будутъ составлять уже новые покорители... Такъ организуются *кастовыя націи*, также мало способные къ прогрессу, какъ племена нынѣшнихъ дикарей, ибо въ нихъ, въ этихъ кастахъ, дисциплина, вмѣстѣ съ другими обычаями касты, убила всѣ способности къ дальнѣйшему совершенствованію.

Какимъ же образомъ случилось, что однѣ націи, подъ вліяніемъ военной дисциплины, превратились въ кастовыя и перестали прогрессировать, а другія развивались дальше и додумались до свободнаго государства, основаннаго на взаимномъ согласіи гражданъ соблюдать законы, вышедшіе изъ общихъ преній объ общихъ интересахъ и общей дѣятельности? На этотъ важный вопросъ Бэджхотъ не даетъ категорическаго отвѣта, но тѣмъ не менѣе указываетъ на нѣсколько условій, необходимыхъ для развитія среди народа „правленія посредствомъ преній". Прежде всего онъ требуетъ крѣпкой семьи съ отцовскою властью, затѣмъ постепенное соединеніе таких семей въ роды или кланы, и клановъ въ націю, и, наконецъ, присоединеніе къ націи сосѣднихъ съ нею племенъ, развившихся на томъ же началѣ. Такъ какъ здѣсь и семьи, и кланы, и цѣлыя государства соединялись другъ съ другомъ на основаніи взаимныхъ соглашеній, то и правленіе у нихъ могло создаться лишь путемъ преній, такъ что общее обсужденіе разныхъ вопросовъ должно было стать обычнымъ. Само собою разумѣется, что число „открытыхъ" вопросовъ для обсужденія было у нихъ небольшое, и только съ большимъ трудомъ на арену преній пробивались сквозь путы обычая новые вопросы политической важности. Во всякомъ случаѣ, разъ установилось „правленіе посредствомъ преній", какъ ни слабо оно въ тѣ далекія времена, когда насильственныя наклонности людей едва начали смирѣть подъ вліяніемъ обычаевъ и воинской дисциплины, оно пошло впередъ болѣе или менѣе твердыми шагами, находя поддержку въ нравственной силѣ самого принципа свободнаго правленія. Пренія политическаго свойства — пренія, имѣющія цѣлью не матеріальное предпріятіе какое-нибудь, но принципъ дѣйствія въ цѣломъ рядѣ общественныхъ явленій, даютъ преимущество тѣмъ людямъ, которые обладаютъ наибольшею способностью мыслить о практическихъ задачахъ общественной жизни; мыслительныя способности при такомъ правленіи пріобрѣтаютъ, поэтому, право на самостоятельное и наиболѣе широкое развитіе, разумъ начинаетъ здѣсь пользоваться свободою и впервые создается понятіе о личной независимости человѣка. Но государства, въ которыхъ правленіе основано на преніяхъ, тоже могутъ лишиться прогрессивныхъ свойствъ и стать добычею

другихъ, если эти пренія замкнутся въ извѣстный кругъ вопросовъ, и если въ нихъ не принимаетъ хотя бы косвеннаго участія народный элементъ. Тогда это свободное правленіе лишается прочности, а лишь при прочномъ свободномъ правленіи просыпается, наконецъ, дремлющая изобрѣтательность человѣка, и его умъ постоянно волнуется вопросомъ, какъ-бы лучше устроить свой бытъ. Тогда,—и только тогда, свобода становится укрѣпляющею и развивающею силою для націи, а сама нація становится истинно прогрессивною.

Примѣромъ такой націи Бэджхотъ ставитъ, разумѣется, Англію...

Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par *M. Cournot*, ancien inspecteur général des études. Paris, Hachette et C-ie, 1872. (Разсужденіе о ходѣ идей и событій въ новыя времена. Соч. *М. Курно*). Въ двухъ томахъ.

Заглавіе и объемъ сочиненія Курно́ и званіе автора побуждаютъ ожидать отъ его труда чего-нибудь особенно интереснаго, но въ дѣйствительности сочиненіе Курно представляетъ лишь сборникъ фактовъ изъ разныхъ отраслей науки, связанныхъ между собою на живую нитку. Въ этихъ «размышленіяхъ» нѣтъ никакой руководящей нити, и трудно понять, что именно хотѣлъ сказать авторъ, хотя видно, что Курно обладаетъ обширными научными свѣдѣніями, что онъ придаетъ большое значеніе приложенію математики къ нравственнымъ знаніямъ; но всѣ его выводы формулированы такъ робко и такъ неопредѣленно, что невольно является подозрѣніе—вѣритъ ли самъ авторъ въ свои собственные выводы. Такъ, онъ доказываетъ, напримѣръ, что и *случайныя явленія* въ исторіи являются по извѣстнымъ законамъ, природнымъ или естественнымъ, то-есть, по необходимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вопросъ заходитъ о психическихъ фактахъ, Курно хочетъ выдѣлить ихъ въ какую-то особенную сферу, въ которой нѣтъ мѣста законамъ физики и физіологіи. Такъ, онъ пускается въ предположенія о томъ, что неорганическія тѣла существуютъ сами по себѣ—по однимъ законамъ, а органическія—по другимъ; онъ знаетъ, что новѣйшая химія создаетъ органическія соединенія изъ неорганическихъ элементовъ, но такъ какъ химія не создала ни одного *живого* организма, то онъ отказывается заключить о возможности отождествленія жизненнаго процесса съ процессами химико-физическими. Далѣе, толкуя о теоріи Дарвина, онъ признаетъ, что возраженія Агассиса не могутъ разрушить ее, но такъ какъ человѣку не удалось еще намѣренно произвести новый видъ животныхъ или растеній, то и сама теорія Дарвина

становится для него сомнительною. Онъ не находитъ, правда, ничего оскорбительнаго въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, такъ какъ происхожденіе изъ куска земли тоже не представляетъ ничего возвышеннаго, но онъ опасается, что Дарвинова теорія можетъ значительно пошатнуть религію. Курнó самъ свободно мыслитъ въ дѣлѣ религіи, но Дарвина переварить не можетъ. Однимъ словомъ, въ его „размышленіяхъ“ можно найти всевозможные взгляды, но ничего опредѣленнаго, ничего твердаго. Онъ во всемъ сомнѣвается: и въ старыхъ преданіяхъ и въ новыхъ результатахъ науки; ему хочется вѣрить во что-то, но ни во что не вѣрится; онъ скептикъ не позитивистской школы, такъ какъ въ немъ есть притязанія добраться до сущности, до конечныхъ началъ вещей. Не слѣдуетъ думать, впрочемъ, что въ этой философіи *ни то—ни се* заключается что-нибудь оригинальное и новое. Нѣтъ, во Франціи были уже такіе философы, и одинъ изъ нихъ—умъ довольно крупный — далъ ей даже особое названіе: *эклектизмъ.* Это былъ Кузенъ, а Курнó есть его послѣдователь.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о планѣ сочиненія Курно. Онъ называетъ «новыми временами» всѣ послѣдніе вѣка, начиная съ шестнадцатаго, и излагаетъ ихъ вѣкъ за вѣкомъ; въ изложеніе каждаго вѣка входятъ нѣсколько главъ: о состояніи точныхъ наукъ, о философскихъ ученіяхъ, о религіозномъ движеніи, о политическомъ состояніи Европы, объ юридическихъ и экономическихъ понятіяхъ и о политическихъ идеалахъ. Всѣ эти заглавія очень интересны, но такъ какъ и само дѣленіе на вѣка не имѣетъ подъ собою никакихъ серьёзныхъ основъ, да и самое изложеніе не одушевлено никакою опредѣленною мыслью, то весь планъ автора является чѣмъ-то страннымъ: точно Курнó составилъ свой планъ только потому, что ему хотѣлось какъ-нибудь изложить свои факты, собираніе которыхъ хотя стоило много труда, однако взглядамъ самого автора никакой ясности не принесло.

Еще одна особенность. Курнó выноситъ французскую революцію вонъ изъ общей исторіи его „вѣковъ“ и даетъ ей особую „книгу“. Но это выдѣленіе также не приводитъ ни къ какому важному открытію. Революція была продуктомъ своего времени и предыдущей цивилизаціи, и сама по себѣ не представляетъ новаго, особеннаго орудія для дальнѣйшаго развитія человѣчества. Революція есть весьма важное событіе, которое послужило къ распространенію идеи свободы по всѣмъ странамъ Европы, но сама она никакой идеи не выдумала, и потому не можетъ быть признана особымъ цивилизаціоннымъ періодомъ. Между тѣмъ Курнó и въ этой „книгѣ“ разсматриваетъ отдѣльно разныя отрасли знанія и политики, какъ будто безъ

французской революціи всѣ политическія и общественныя реформы того времени не могли произойти.

L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789, racontée à mes petits enfants, par *M. Guizot*. Tome second, illustré de 66 gravures sur bois par *Alph. de Neuville* (Исторія Франціи съ древнѣйшихъ временъ и до 1789, разсказываемая дѣтямъ *М. Гизо*, съ рисунками *Невилля*). Paris, 1873.

Въ этомъ, второмъ томѣ, Гизо разсказываетъ исторію Франціи начиная съ Филиппа Валуа и кончая Франсуа I, съ 1528-го года по 1575. Предполагается издать еще два тома, изъ которыхъ третій долженъ быть оконченъ къ рождественскимъ праздникамъ 1873-го года, а послѣдній къ тѣмъ же праздникамъ 1874-го. Рисунки Нёвилля очень хороши, и вообще изданіе дѣльно, хорошо, и нельзя сказать, чтобы очень дорого: 18 франковъ. Гизо излагаетъ свой предметъ съ талантомъ и знаніемъ дѣла, хотя съ извѣстными политическими и религіозными предразсудками. Но книга его, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія не дѣтей только, а всѣхъ вообще читателей, интересующихся исторіей такого народа, какъ французскій. Гизо не пускается въ какія-либо дѣтскія прибаутки и не читаетъ дѣтской морали, такъ что очевидно, что авторъ имѣлъ въ виду скорѣе взрослаго читателя и вообще молодежь, а не дѣтей. Главный предметъ нынѣшняго тома—это освобожденіе общинъ изъ-подъ феодальнаго подданства, это созданіе средняго класса, и Гизо пускается по этому поводу въ философско-политическія соображенія, которыя едва-ли доступны дѣтямъ. Такъ какъ эти соображенія могутъ служить ключемъ къ научнымъ понятіямъ Гизо объ исторіи Франціи, то изложивъ ихъ здѣсь, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дадимъ отчетъ о главномъ содержаніи новаго сочиненія этого почтеннаго представителя доктринёрской школы.

Гизо видитъ во всей исторіи Франціи, во всѣхъ ея фазахъ „самымъ дѣятельнымъ и самымъ рѣшительнымъ элементомъ французской цивилизаціи" третье сословіе—*Tiers-Etat*. „Если слѣдить за tiers-états въ его отношеніяхъ къ общему правительству страны—говоритъ нашъ авторъ—то мы увидимъ его сперва, въ продолженіи шести столѣтій, безустанно борющимся въ союзѣ съ королевскою властью противъ феодальной аристократіи, и успѣвающимъ установить на мѣсто аристократіи центральную и единую власть, чистую монархію, весьма близкую къ монархіи абсолютной. Но, одержавъ эту побѣду и совершивъ этотъ переворотъ, третье сословіе тотчасъ же начало но-

вую работу: оно нападаетъ на ту самую единую власть, основать которую само столько способствовало, и предпринимаетъ обратить чистую монархію въ монархію конституціонную. Съ какой бы точки ни смотрѣть на него въ этихъ обоихъ великихъ предпріятіяхъ столь различнаго свойства, изучать ли прогрессивное образованіе самого французскаго общества или французскаго правительства, — третье сословіе является самою могущественною и самою настойчивою изъ силъ, руководившихъ нашею цивилизацей. Это единственный фактъ въ исторіи міра... Этотъ фактъ не только новъ, но онъ имѣетъ для Франціи совершенно особое значеніе; и это фактъ въ высшей степени французскій, существенно національный. Нигдѣ буржуазія не имѣла столь обширнаго, столь плодотворнаго призванія, какое ей досталось во Франціи. Общины были вездѣ, во всей Европѣ: въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи, въ Англіи, какъ во Франціи. Итальянскія общины были создателями славныхъ республикъ. Нѣмецкія общины стали вольными, самодержавными городами, у которыхъ была своя собственная исторія, и они оказали большое вліяніе на общую исторію Германіи. Англійскія общины вступили въ союзъ съ частью феодальной англійской аристократіи, составивъ съ нею Палату, которая господствуетъ надъ британскимъ правительствомъ, и такимъ образомъ уже съ раннихъ временъ сыграли могущественную роль въ исторіи своей страны. Но во Франціи населеніе общинъ, буржуазія, развилось наиболѣе полнымъ образомъ, съ наибольшимъ могуществомъ; въ своемъ развитіи оно кончило тѣмъ, что пріобрѣло въ обществѣ преобладаніе самое рѣшительное. Общины были во всей Европѣ, но только во Франціи третье сословіе можетъ считаться истиннымъ побѣдителемъ. Французское третье сословіе примкнуло къ революціи 1789 г., самой великой, разумѣется, — и Франція единственная страна, въ которой человѣкъ съ крупнымъ разумомъ могъ воскликнуть, въ припадкѣ буржуазной гордости: «Что́ такое третье сословіе?—«Все»!... (стр. 39—43).

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

Траутшольдъ. Основы геологіи. Часть первая. Геогенія и геоморфія. 1872 г.

Въ вышедшей надняхъ книгѣ, подъ указаннымъ заглавіемъ, мы встрѣчаемъ первое руководство, написанное на русскомъ языкѣ [1]) и претендующее на оригинальность; съ тѣмъ же заглавіемъ „Основъ", подъ которымъ мы привыкли уже, по примѣру гг. Сѣченова и Менделѣева, встрѣчать учебники дѣйствительно достойные изученія.

Въ нашей литературѣ существуетъ полнѣйшій недостатокъ въ этомъ отношеніи, и его взялся пополнить г. Траутшольдъ, ординарный профессоръ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, какъ значится на оберткѣ. Вышедшая первая часть вмѣщаетъ въ себѣ всего 200 стр., но, по увѣренію автора, весь учебникъ будетъ равняться 600 страницамъ, и раздѣленъ на три части: первая заключаетъ геогенію и геоморфію, вторая будетъ вмѣщать палеонтологію, и третья—ученіе о формаціяхъ и краткій очеркъ исторіи развитія органическаго міра.

Въ предисловіи къ этой первой части авторъ знакомитъ насъ съ тою цѣлью, съ которою онъ написалъ этотъ учебникъ, т.-е., съ цѣлью принести студентамъ естественно-историческихъ факультетовъ, а также воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній книгу, которая служила бы первымъ подспорьемъ для знакомства съ геологіею. Цѣль, безспорно, хорошая; но такъ какъ г. Траутшольдъ состоитъ профессоромъ Петровской Академіи, то естественно, что книга его является почти обязательною для каждаго слушателя этой академіи. Въ видахъ этого мы и разсмотримъ учебникъ нѣсколько подробнѣе.

Уже на самыхъ первыхъ страницахъ „Введенія", въ числѣ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ авторъ знакомитъ читателя съ дѣятельностью нѣкоторыхъ геологическихъ явленій, поражаетъ отношеніе его къ изящной гипотезѣ Дарвина. Авторъ учебника выражается такъ: „къ числу несостоятельныхъ объясненій я отношу, напр., пониженіе дна морскаго подъ коралловыми рифами по мѣрѣ ихъ возростанія". Съ перваго взгляда уже можно видѣть, что г. Траут-

[1]) Исключая неоконченнаго руководства г. Леваковскаго, прекратившагося еще въ 1864 г.

шольдъ понимаетъ опусканіе дна моря отъ тяжести наростающихъ коралловъ. Допустимъ даже, что эта гипотеза не нравится автору, но она до такой степени просто и хорошо объясняетъ какъ форму: атоль, коралловыхъ островвъ и рифовъ, такъ и громадность отложеній строющихся коралловъ, что до сихъ поръ нѣтъ ни одной гипотезы, способной конкуррировать съ нею. Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: „... но не пренебрегъ и гипотезами и теоріями—этими вожаками, ведущими лучшимъ и кратчайшимъ путемъ къ цѣли научныхъ изысканій и стремленій“.

Намъ кажется, что цѣль учебника заключается въ томъ, чтобы по возможности безпристрастно, отодвинувъ себя на задній планъ, представить стройную картину какъ фактовъ, такъ и обобщенія ихъ, т.-е. гипотезы и теоріи. Дарвинъ нигдѣ и никогда не объяснялъ опусканіе дна моря отъ тяжести наростающаго кораллового рифа, а видѣлъ въ этомъ послѣднемъ и въ опусканіи или въ подняті дна моря только случайное совпаденіе, при помощи котораго весьма удачно объяснилъ разнообразныя формы постройки коралловъ. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ у г. Траутшольда не только правильной передачи факта, но даже видно какое-то глухое, ничѣмъ не подтвержденное опроверженіе, высказанное при этомъ такимъ тономъ, которымъ нельзя говорить о мысляхъ, имѣющихъ научное значеніе.

Въ статьѣ „Ѳ составныхъ частяхъ твердой земной коры вообще“, мы встрѣчаемся съ необыкновеннымъ фактомъ на первыхъ страницахъ (стр. 5), съ которыхъ обыкновенно наиболѣе всего перепадаетъ учащемуся. Вотъ какъ авторъ, котораго мы не смѣемъ заподозрить въ незнаніи, говоритъ: „... доломиты (углекислая магнезія) ... “. Мы бы готовы были допустить, что здѣсь недосмотръ, но на стр. 36 снова встрѣчаемъ слѣдующія слова: „... за нею слѣдуетъ углекислая магнезія, въ видѣ доломита“. Неужели опять недосмотръ и невѣрность относительно такой распространенной горной породы, какою является доломитъ?

Кромѣ указанной выше невѣрности, встрѣча ихъ въ учебникѣ г. Траутшольда, представляетъ весьма частое явленіе. Такъ, напр., (стр. 15) онъ говоритъ: „Минералъ, который несомнѣнно огненнаго происхожденія,—это лава. Въ новѣйшихъ лавахъ кристаллическія образованія рѣдки“. Итакъ, лава — минералъ; отсюда видно, что г. Траутшольдъ не отличаетъ горную породу отъ минерала, а послѣдними словами выписанной фразы совершенно извращаетъ существующій фактъ.

Не менѣе богаты подобными несообразностями и другія страницы, изъ которыхъ укажемъ, напр., 36-ю: „... въ несовершенныхъ

кристаллахъ, она (углекислая известь) представляетъ зернистый видъ и извѣстна подъ именемъ мрамора; наконецъ, онъ встрѣчается плотными массами". Изъ подобной выписки можно видѣть, что мраморъ не всегда встрѣчается въ видѣ плотныхъ массъ!

Не оставленъ безъ нѣкоторыхъ несообразностей и вопросъ о ледникахъ. Здѣсь особенно любопытны свѣдѣнія автора о моренахъ и о тѣхъ знакахъ, которые оставляютъ ледники на днѣ долинъ, по которымъ двигаются. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ г. Траутшольдъ: „Такъ какъ ледники заключаютъ въ себѣ по бокамъ куски щебня, то при движеніи они царапаютъ и полируютъ скалы..." Не останавливая вниманія читателя на „кускахъ щебня", ибо это неточность выраженія, простительная иностранцу, мы обратимъ вниманіе на то, что выводитъ изъ подобной фразы читающій, т.-е., что ледниковые шрамы должны быть только по бокамъ долины, а не подъ всѣмъ ледникомъ, какъ это доказано многочисленными наблюдателями.

Въ книгѣ г. Траутшольда есть вопросы не безъинтересные и для общежитія. Такъ, на стр. 71, онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „съ тѣхъ поръ, какъ добывается каменный уголь, атмосфера получаетъ гораздо болѣе углекислоты, чѣмъ прежде..." Интересно знать, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія авторомъ? или онъ забылъ, что топливо употреблялось людьми гораздо раньше разработокъ каменнаго угля? или забылъ, что окисленіе углерода происходило и происходитъ внутри земли?

Не менѣе интереса представляютъ намъ физическія свѣдѣнія автора (стр. 73): „Испареніе углекислоты происходитъ обыкновенно на склонахъ горъ, но они опасны человѣку только въ углубленіяхъ, гдѣ они могутъ смѣшиваться съ атмосферою". Слѣдовательно, по мнѣнію г. Траутшольда, на склонахъ горъ углекислота не смѣшивается съ воздухомъ. Странно, что главная причина опасности выдѣленія углекислоты въ низменныхъ мѣстахъ—это большій удѣльный вѣсъ ея, чѣмъ воздуха, совершенно ускользнулъ отъ вниманія автора.

Главы „Объ образованіи плутоническихъ и метаморфическихъ породъ" и „Объ образованіи осадочныхъ породъ", составляютъ самую плохую часть сочиненія г. Траутшольда. Начиная съ первыхъ строкъ, передъ читателемъ выясняется, насколько авторъ усвоилъ себѣ понятіе о петрографіи, т.-е. наукѣ о горныхъ породахъ. Смѣшивая, какъ мы видѣли раньше, понятія о минералѣ и горной породѣ, г. Траутшольдъ смѣшиваетъ также понятіе о составѣ горныхъ породъ со способомъ ихъ образованія. Та стройная схема, которую даютъ горнымъ породамъ гг. Ротъ, Циркель и др., повидимому,

совершенно незнакома г. Траутшольду. Тотъ методъ изслѣдованія ихъ, который оказалъ уже такія громадныя заслуги этому отдѣлу геологіи, именно методъ микроскопическаго изслѣдованія, совершенно пропущенъ г. Траутшольдомъ, какъ будто его и не существовало. Недостатки этого отдѣла тѣмъ болѣе непростительны, что въ наукѣ существуютъ дѣйствительно раціональные учебники петрографіи, которыми могъ бы вполнѣ пользоваться авторъ.

Но, помимо отсутствія системы въ этихъ двухъ главахъ здѣсь замѣчаются иногда до такой степени невѣрныя представленія, что встрѣча ихъ на страницахъ учебника наводитъ читателя на очень грустныя мысли, если вспомнить для кого онъ написанъ. Такъ, на стр. 79, авторъ, разсказывая о способѣ происхожденіи гнейса съ такою положительностью и авторитетностью, какъ бы онъ лично наблюдалъ его, сообщаетъ: „... (гнейсъ) образовалъ сперва затвердѣвшую верхнюю кору остывшей земли, причемъ составныя части его: ортоклазъ, кварцъ и слюда кристаллизовались подъ вліяніемъ теплоты горячаго ядра земли, и приняли подъ высокимъ давленіемъ сланцеватый видъ“. Здѣсь или авторъ не вполнѣ выразилъ то, что хотѣлъ сказать, или не видалъ никогда гнейса, въ которомъ ни ортоклазъ, ни кварцъ никогда не являются сланцеватыми. Полосатость этой горной породы обусловливается отдѣльными скопленіями минераловъ, а не ихъ сланцеватымъ характеромъ, какъ это понимаетъ г. Траутшольдъ.

Пропускаемъ нѣсколько невѣрностей до 100 стр., на которой находимъ слѣдующее: „Всѣ горныя породы, болѣе или менѣе содержащія силикаты глинозема, растираясь доставляютъ глину, какъ, напримѣръ, весь полевой шпатъ плутоническихъ горныхъ породъ и глинистые сланцы осадочныхъ“. Снова приходится обратиться къ автору съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ происхожденіе глины изъ кристаллическихъ и метаморфическихъ горныхъ породъ посредствомъ механическаго процесса *„растиранія“*, или, какъ всѣ геологи объясняютъ происхожденіе глинъ химическимъ процессомъ—разложеніемъ вышеупомянутыхъ горныхъ породъ? У геологовъ на это существуетъ цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, которые г. Траутшольдъ можетъ встрѣтить у нѣкоторыхъ, цитируемыхъ имъ же авторовъ.

Въ главѣ „Вулканическія явленія“ весьма интересна характеристика вулкана, который г. Траутшольдъ „главнымъ образомъ“ характеризуетъ: его положеніемъ, сосѣдствомъ большихъ массъ воды, горною породою, а также и выбрасываемыми изъ него веществами. Ни въ одномъ учебникѣ, не говоря уже о геологическихъ, но даже въ любомъ элементарномъ учебникѣ физической географіи, нельзя

встрѣтить такого оригинальнаго и вполнѣ невѣрнаго опредѣленія. Форма вулкановъ до того типична, что ею одною можно руководствоваться для характеристики какъ потухшихъ, такъ и дѣйствующихъ вулкановъ,—г. Траутшольдъ не задумался вполнѣ ее игнорировать. Другой не менѣе характерный признакъ дѣйствующихъ вулкановъ—это выбрасываніе какъ твердыхъ, такъ и газообразныхъ веществъ, авторомъ отодвинуты на послѣдній планъ въ сопровожденіи словъ „... а также и...“.

Въ числѣ многихъ старыхъ предразсудковъ, сохранившихся въ авторѣ „Основъ геологіи“, передалось также уже всѣми заброшенная теорія конусовъ поднятія Л. ф.-Буха (почему-то названная въ книгѣ, стр. 114, теоріею кратеровъ поднятія). При этомъ, вѣроятно не обдумывая самый фактъ, авторъ говоритъ, что конусы поднятія (у г. Траутшольда кратеры) узнаются тѣмъ, что слои „находятся въ наклонномъ положеніи“. Изъ существующихъ наблюденій гг. Пулье, Скропа, Фукса, Ляйеля и многихъ другихъ оказывается, что всѣ конусы, гдѣ только наблюдался внутренній составъ ихъ, сложены изъ наклонныхъ слоевъ: лавы, шлаковъ и пепла, — слѣдовательно, по характеристикѣ г. Траутшольда, всѣ они—конусы поднятія, и нѣтъ конусовъ изверженія! Выводъ совершенно противоположный тому, который принимаютъ въ настоящее время люди, знакомые съ вулканами и съ ихъ дѣятельностью.

Вулканическая дѣятельность мало знакома автору, а потому онъ говоритъ о ней иногда совершенно произвольно. Достаточно указать, напримѣръ, на то, что въ настоящее время выходъ пепла изъ вулкана считается вполнѣ хорошимъ признакомъ для того, чтобы судить о концѣ изверженія; авторъ, разсказывая объ этомъ, прибавляетъ слово „кажется“. Уже давно доказано, что Геркуланумъ и Помпея погибли отъ lava d'aqua,—авторъ говоритъ, что ихъ засыпалъ пепелъ и т. д.

Особенный интересъ представляетъ характеръ потока огненножидкой лавы, который, по словамъ автора: „ночью представляется огненнымъ потокомъ, днемъ въ видѣ каши или меда“. Какъ вышеуказанная характеристика остывшей лавы, такъ и огненно-жидкой, окончательно неудались г. Траутшольду. Чѣмъ каша похожа на медъ, и не хотѣлъ ли авторъ назвать вмѣсто каши размазню? Всякій, кому удалось видѣть расплавленную лаву, прежде всего найдетъ ее сходною съ расплавленнымъ чугуномъ или другимъ продуктомъ металлургическихъ операцій, но не съ кашей.

Примѣръ извращенія факта въ этой главѣ можно указать на стр. 126, гдѣ понятія о постороннихъ включеніяхъ въ лавахъ извращены самымъ непростительнымъ образомъ. Всѣ указанные недостатки

этой главы (изъ боязни утомить читателя мы пропустимъ еще нѣсколько курьёзовъ) можно было бы легко исправить, посовѣтовавъ г. Траутшольду взять какую-нибудь книгу о столь поучительномъ и интересномъ для геолога явленіи (для примѣра укажемъ на „C. W. C. Fuchs. Die vulcanischen Erscheinungen der Erde") и прочтя ее, написать заново, предложивъ тѣмъ, кто купилъ учебникъ, вымѣнять эту главу на новую.

Для завершенія нашего обзора фактическихъ невѣрностей и неточностей укажемъ еще на одно мѣсто (стр. 168), вполнѣ важное для выясненія извѣстныхъ геологическихъ представленій. „Положеніе пласта въ отношеніи къ меридіану называется *простираніемъ*, а *паденіемъ*—уголъ, образуемый извѣстнымъ пластомъ съ горизонтомъ". Изъ подобнаго опредѣленія „паденія пласта" намъ кажется ясно слѣдуетъ, что и самъ г. Траутшольдъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія о томъ, что уголъ паденія пласта и направленіе его паденія, два понятія совершенно различныя у геологовъ.

Можно было бы указать массу элементарныхъ невѣрностей относительно фактическихъ данныхъ, но объёмъ статьи не позволяетъ намъ этого [1]). Остановимся теперь на нѣкоторыхъ, развиваемыхъ г. Траутшольдомъ гипотезахъ и теоріяхъ—этихъ „вожакахъ", какъ ихъ называетъ авторъ.

На стр. X, г. Траутшольдъ ставитъ въ полнѣйшее правило (впрочемъ, уже давно поставленное и исполняемое другими) слѣдующее: „... геологъ, желая объяснить явленія и факты, никогда не долженъ прибѣгать къ силамъ, для которыхъ современная ему природа не даетъ никакого мѣрила". Посмотримъ, насколько съ этой точки зрѣнія г. Траутшольдъ является самъ геологомъ, и какъ понимаетъ онъ только-что сказанное.

Развивая (на стр. 51) гипотезу образованія каменнаго угля, авторъ останавливается исключительно на одной, именно на образованіи каменнаго угля изъ растеній на мѣстѣ ихъ роста. Намъ кажется, что обязанность учебника не заключается только въ томъ, чтобы, слѣдуя догмату непогрѣшимости, проводить исключительно тѣ гипотезы, которыя намъ нравятся, но указывать и всѣ остальныя. Только тогда наша личная симпатія можетъ имѣть силу и вѣсъ, коль скоро мы критически разберемъ всѣ другія гипотезы, противорѣчащія нашимъ воззрѣніямъ, коль скоро мы докажемъ естественно-историческимъ путемъ (а не такими фразами: „Гепертъ показалъ")

---

[1]) Отсылаемъ желающихъ къ слѣдующимъ страницамъ „Основъ Геологіи": 82, 55, 62, 71, 73, 75, 92, 93, 96, 98, 100, 104, 110, 114, 116, 121, 124, 129, 157, 156, 162, 167, 171 и т. д.

ихъ несостоятельность. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у г. Траутшольда; безаппеляціонный, авторитетный тонъ учебника не допускаетъ сомнѣній; но такъ ли это въ дѣйствительности? Не прикрываемся ли мы только этимъ тономъ, не находя основательныхъ возраженій другимъ гипотезамъ?

Въ настоящее время существуетъ нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ образованіе каменнаго угля: гипотеза образованія его изъ наземныхъ растеній (in situ и сплавами), и гипотеза образованія его изъ водорослей и др. морскихъ растеній. Никто изъ естествоиспытателей, намъ кажется, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что скопленіе растительныхъ остатковъ возможно всѣми указанными способами, а если возможно это скопленіе, то естественно, что и каменный уголь могъ произойти различно. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы на основаніи положительныхъ фактовъ вполнѣ цѣлесообразно примѣнять къ данной мѣстности, къ данному случаю, одну изъ упомянутыхъ гипотезъ. Г. Траутшольдъ не придерживается индукціи, и первая попавшаяся ему на глаза гипотеза сейчасъ же (къ несчастію читателя) запечатлѣвается на страницахъ учебника. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ гипотезъ: „Растительность каменноугольной формаціи средней Россіи представляла, вѣроятно, родъ торфяныхъ болотъ, родъ неглубокихъ водоёмовъ, расположенныхъ по близости моря. Страна эта находилась, быть можетъ, въ такомъ же положеніи, какъ теперь Голландія". На какихъ естественно-историческихъ данныхъ построена эта гипотеза? Повидимому на томъ, что Голландія въ настоящее время защищена отъ моря высокими, искусственными берегами, устроенными не природою, а человѣкомъ. Гдѣ же здѣсь хоть тѣнь индукціи? Или г. Траутшольдъ нашелъ человѣка въ каменноугольную эпоху?—находка неожиданная и вполнѣ любопытная!.. или отношеніе его къ „вожакамъ" вполнѣ непонятно и, упомянутое только на первыхъ страницахъ, на нихъ же и забылось? Для подтвержденія своихъ взглядовъ не слѣдовало бы г. Траутшольду и извращать факты, напр.: говоря о нашемъ нижнемъ горномъ известнякѣ, авторъ называетъ его (стр. 51) „небольшимъ слоемъ".

Не менѣе любопытно отношеніе автора къ теоріи Бэра, которая, благодаря математическимъ доказательствамъ Бобинэ, извѣстна у геологовъ подъ именемъ закона Бэра. Желая опровергнуть этотъ законъ, авторъ объясняетъ высоту праваго берега рѣкъ, текущихъ по меридіану, также совершенно самостоятельно и вполнѣ гипотетично, не приводя ни одного естественно-историческаго факта.

Повидимому, въ этой области гипотезъ полётъ мысли г. Траутшольда не знаетъ предѣловъ, нѣтъ границъ его смѣлой фантазіи.

Такъ, на 57 стр. онъ вычислилъ, насколько повысились бы Уралъ, Финляндія и Олонецкая губернія, еслибы всѣ осадочныя образованія Европейской Россіи возстановить въ ихъ первоначальномъ, неразрушенномъ характерѣ. Цифру этого повышенія авторъ даетъ въ 5000 ф. Жаль, что не приведены основанія тому, да и самый разсчетъ, который такъ же, вѣроятно, былъ бы убѣдителенъ, какъ и приведенныя выше гипотезы!

Теоретическая сторона (если можно такъ назвать складъ въ вышеуказанномъ духѣ гипотезъ г. Траутшольда), также какъ и указанная выше фактическая, представляетъ громадный запасъ несообразностей. Сообщая (на стр. 63) о перенесеніи льдомъ рѣкъ камней, авторъ говоритъ: „Очень вѣроятно, что эрратическіе валуны средней и сѣверной Россіи перенесены такимъ же образомъ (т.-е. льдомъ) въ то время, когда русла рѣкъ не были еще до такой степени углублены, какъ теперь, и когда, вслѣдствіе болѣе высокого уровня моря, весенніе разливы занимали гораздо бо́льшія пространства, нежели теперь". Во-первыхъ, какъ извѣстно, въ рѣкахъ сѣверной и средней Россіи замѣчено обмеленіе, слѣдовательно, допустить предположеніе о томъ, что русла ихъ нынѣ глубже, чѣмъ прежде, нѣтъ никакого основанія. Во-вторыхъ, какимъ путемъ наши эрратическіе валуны, имѣющіе непосредственное коренное мѣсторожденіе на сѣверѣ, перенесены съ юга? Гдѣ здѣсь нежеланіе геолога „прибѣгать къ силамъ, для которыхъ современная ему природа не даетъ никакого мѣрила?"

Въ родѣ указаннаго отношенія автора къ происхожденію каменнаго угля, мы встрѣчаемъ подобное же отношеніе и къ происхожденію известняковъ (напр., стр. 94) и доломитовъ (стр. 96). Оба эти вопроса, повидимому, знакомы автору въ томъ состояніи, въ какомъ они находились во времена Л. ф.-Буха, а все, что сдѣлано относительно ихъ послѣ, остается неизвѣстнымъ автору „Основъ геологіи".

Продолжая прочитывать книгу, чѣмъ подвигаемся далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, какъ авторъ сбрасываетъ съ себя надѣтую не кстати обузу въ видѣ „мѣрила" — это современныя геологическія явленія. На стр. 103 и 144, напр., уже ничто не стѣсняетъ автора, ни естественно-историческія основанія, ни предположенія, основанныя на индукціи,—имъ нѣтъ мѣста въ этой книгѣ. Захочетъ г. Траутшольдъ, чтобы вода, ни съ того ни съ сего, періодически затопляла сѣверную и среднюю Россію (стр. 103)—и вода затопляетъ; захочетъ ли онъ, чтобы вода прорвалась въ какой-либо замкнутый бассейнъ—и вода прорывается (стр. 143). Въ особенности странно отношеніе автора къ этому послѣднему примѣру, который до такой степени классическій для геологіи (это храмъ Сераписа близъ Пуццоли), такъ хорошо разобранъ, что новое, опять-таки рѣшительно ни на чемъ не осно-

ванное, доказательство г. Траутшольда является совершенно излишнимъ.

Отношеніе автора къ вѣковымъ поднятіямъ материковъ еще оригинальнѣе. Такъ, не допуская этого явленія, онъ снова возвращается ко временамъ Цельзія, т.-е. къ пониженію уровня океана. Свою мысль (подробнѣе развитую въ другомъ произведеніи) авторъ подтверждаетъ: переходомъ безводныхъ минераловъ въ водные; отсюда онъ полагаетъ, что вода океана постепенно, такъ сказать, всасывается материкомъ, т.-е. приблизительно изображаетъ изъ себя губку. Но, допуская такое предположеніе, авторъ забылъ, что и губка, напитываясь водою, увеличивается въ объёмѣ; слѣдовательно, если есть убыль уровня воды, окружающей губку, то рядомъ съ этимъ есть и поднятіе губки отъ увеличенія объёма. Допуская переходъ безводныхъ минераловъ въ водные, естественно предположить увеличеніе ихъ объёма, а рядомъ съ этимъ и поднятіе материковъ.

Изъ боязни утомить читателя мы, на стр. 175, считаемъ необходимымъ прекратить нашъ разборъ, тѣмъ болѣе, что и въ цѣломъ выпускѣ всего 200 страницъ.

Вышеуказанные факты не требуютъ комментаріевъ и говорятъ сами за себя. Учебникъ не даетъ ничего: факты, приводимые имъ, часто невѣрны и извращены, гипотезы — не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Мы отнеслись бы, вѣроятно, нѣсколько снисходительнѣе къ этому первому, напечатанному на русскомъ языкѣ и съ примѣрами изъ геологіи Россіи учебнику. Но подробнѣе разобрать насъ заставило то обстоятельство, что авторъ предлагаетъ эту книгу, какъ нужную для повтореній и подготовки къ экзамену „студентамъ естественно-историческихъ факультетовъ и воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній". Предлагать подобную книгу значитъ, по нашему мнѣнію, осудить учащихся на чтеніе ни на чемъ неоснованныхъ измышленій, и на ознакомленіе съ невѣрными, а часто и извращенными фактами. Что дѣйствительно этотъ учебникъ можетъ принести матеріальный вредъ учащемуся, укажемъ для примѣра на студента, подготовившагося по „Основамъ геологіи" къ экзамену. У всякаго знающаго профессора онъ получитъ неудовлетворительную отмѣтку, которую, по справедливости, надо поставить г. Траутшольду, несмотря на то, что онъ самъ облеченъ въ званіе профессора.

Въ предисловіи авторъ уже заранѣе выпрашиваетъ себѣ извиненіе передъ критикою и даже говоритъ о томъ, что его, пожалуй, будутъ благодарить (но онъ отказывается); наконецъ, заключаетъ, что его не манили ни слава, ни одобреніе, ни награда, а онъ хотѣлъ принести пользу „усыновившимъ его соотечественникамъ". Вотъ

истинный смыслъ всего!.. Но мы не вѣримъ въ то, что г. Траутшольда не манила „награда“. Г. Траутшольдъ—профессоръ; слушатели жаловались ему, что имъ не-почему готовиться къ экзамену; г. Траутшольдъ зналъ, что для геологіи Россіи нѣтъ учебника. Итакъ, развѣ это не награда, что „Основы геологіи“ почти обязательно будутъ покупать слушатели Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи (цѣна первой части 1 р. 50 к.), а можетъ быть и студенты естественно-историческихъ факультетовъ?

Только судя по этому первому выпуску „Основъ геологіи“ можно смѣло для пользы учащихся пожелать, чтобы не выходили остальные два. Такое пожеланіе нисколько не противно здравому смыслу, потому что геологія требуетъ основательной естественно-исторической подготовки, которая будетъ видна не только въ цѣломъ выпускѣ, но даже на первыхъ страницахъ, чего мы не видимъ у г. Траутшольда. Слѣдовательно, никто намъ не можетъ поручиться въ томъ, что г. Траутшольдъ успѣетъ пополнить свое естественно-историческое образованіе, и рядомъ съ этимъ не надѣлаетъ новыхъ ошибокъ и новыхъ несообразностей въ двухъ предполагаемыхъ выпускахъ.

А. И.

ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА

Письмо второе.

Въ томъ письмѣ [1] я старался познакомить своихъ соотечественниковъ съ настоящимъ положеніемъ польской журналистики и съ тѣмъ новымъ въ ней движеніемъ, которое, если не ошибаюсь, оставалось вовсе не замѣченнымъ нашею публицистикой. Теперь позвольте мнѣ познакомить у насъ съ тѣмъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ наша публицистика объ окраинахъ на человѣка, живущаго въ одной изъ этихъ окраинъ, который, слѣдовательно, можетъ не только читать, но и на мѣстѣ повѣрять, насколько сбыточны разсужденія той части нашей прессы, которая претендуетъ

[1] См. выше: февр. 932 стр.

быть „патріотическою". „Искусственное обрусеніе поляковъ немыслимо и невозможно" — сказалъ въ рѣчи своей въ прошломъ году, на праздникѣ Кирилла и Меѳодія, самъ г. Лавровскій—бывшій ректоръ здѣшняго университета, что, впрочемъ, очевидно, для всякаго непредубѣжденнаго доктринера. Но не странно ли, что никто, ни даже самъ бывшій представитель здѣшней русской интеллигенціи, не желаетъ въ то же время сознать другой истины, именно: что сознаніе невозможности достиженія извѣстной цѣли и стремленіе къ этой цѣли находятся во взаимномъ противорѣчіи. Вполнѣ понимать недостижимость задачи и стремиться къ ея достиженію—чрезвычайно оригинальное признаніе! Странно слышать, какъ наши доктринеры утверждаютъ и отрицаютъ въ одно и то же время, и говорятъ: „хотя искуственное обрусеніе поляковъ немыслимо и невозможно", однако оно...: мыслимо и возможно!? вотъ логика поистинѣ непостижимая.

Какъ въ самомъ дѣлѣ гармонируетъ съ программою нашихъ доктринеровъ увѣреніе г. Лавровскаго, что рускій дѣятель въ здѣшнемъ краѣ долженъ отличаться, между прочимъ, „уваженіемъ правъ совѣсти и народности другого лица", понять это тоже трудно. Противорѣчіе это возможно объяснить развѣ тѣмъ только, что и рускій „дѣятель" *(т.-е. чиновникъ)*, какъ изображаетъ его г. Лавровскій, есть какое-то лицо идеальное и всесовершенное. Дѣятельность его удовлетворяетъ „требованіямъ образованности, разума, совѣсти и вообще безупречной нравственности; исполненіе закона, уваженіе правъ совѣсти и народности другого лица, неуклонное слѣдованіе идеямъ правды и справедливости". Вотъ чѣмъ отличается этотъ идеальный „дѣятель!" Но въ томъ уголкѣ міра, въ которомъ бы завелись подобные дѣятели, оказался бы рай земной! Ахъ, господа доктринеры, вашими бы устами медъ пить и вашимъ бы языкомъ облизываться!

Недавно членъ англійскаго парламента г. Геромъ, одинъ изъ членовъ послѣдней сессіи международнаго статистическаго комитета, собиравшагося въ Петербургѣ, въ брошюрѣ своей „A visit to Russia", говоритъ, что по личному его наблюденію, въ бытность его въ Варшавѣ, польскіе крестьяне, сдѣлавшись собственниками, сдѣлались искренно преданными Россіи, но что во всемъ прочемъ наша польская политика есть сколокъ съ прусской политики по отношенію последней въ Познани. Такъ какъ первый фактъ, замѣченный почтеннымъ статистикомъ, вполнѣ справедливъ и вѣренъ, то нужно допустить, что и второе наблюденіе, сдѣланное имъ, тоже вѣрно и справедливо. Итакъ, наша политика по отношенію къ царству польскому есть та же самая, что и политика Пруссіи по отношенію къ Поз-

нани, хотя мы славяне и поляки славяне, пруссаки же нѣмцы, и только познанцы славяне. Но чего же хочетъ и къ чему стремится нѣмецкая политика Пруссіи? Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, князь Бисмаркъ сказалъ прямо, что „невозможно примирить благодѣяній нѣмецкой культуры съ существованіемъ славянскихъ племенъ въ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи"... Простота, ясность и откровенность! Князь вовсе не говоритъ, какъ г. Лавровскій, о „слѣдованіи идеямъ правды и справедливости", ни „о уваженіи правъ совѣсти и народности другого лица", ни „о требованіи разума и совѣсти", ни „о безупречной нравственности", онъ говоритъ о невозможности примирить... Слѣдовательно... Безъ сомнѣнія, князь въ данномъ случаѣ глубоко сожалѣетъ о томъ, что онъ не родился десяткомъ столѣтій раньше, когда невозможность примиренія нѣмецкой культуры съ существованіемъ при-эльбскихъ и при-одерскихъ славянъ была рѣшена такъ просто и такъ рѣшительно... Приложимъ ли тогдашній методъ ассимиляціи въ настоящее время — объ этомъ руководители нѣмецкой политики умалчиваютъ. Во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ странные факты и явленія въ областяхъ, залитыхъ и заливаемыхъ Нѣмецкимъ моремъ. Не говоря уже о познанскихъ полякахъ, около Данцига и Кеслина по настоящее время живетъ ничтожное вендское племя, подъ именемъ *Кашубовъ* или *Кассубовъ*, едва ли простирающееся до 10 тыс., сохранившее свои нравы, преданія и говорящее славянскимъ нарѣчіемъ. Отчасти въ Саксоніи и отчасти въ Пруссіи живетъ также малочисленный сербо-лужицкій народъ (около 200 тыс. душъ), о которомъ недавно г. Алекс. Веселовскій, въ статьѣ своей: „Забытый славянскій уголокъ", помѣщенной въ одной изъ петербургскихъ газетъ, сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія: „Этотъ народъ съ рѣдкою энергіей и выдержкой съумѣлъ до нашихъ дней поддержать свою національность, *развить* свой языкъ и *создать* литературу, несмотря на неблагопріятнѣйшія условія, на постепенно обвивающую его все плотнѣе, точно змѣиными кольцами, сильную нѣмецкую стихію, на отсутствіе средствъ, которыя могли бы поддержать національныя начинанія, на разобщенность съ остальнымъ славянскимъ міромъ"... Итакъ, этотъ народецъ не желаетъ исчезнуть, не желаетъ отказаться отъ самого себя, отъ своего бытія, даже во имя нѣмецкой культуры, несмотря на свою отрѣшенность отъ остального славянскаго міра. При этомъ, устраняя всякія иллюзіи, необходимо еще сознать ту истину, что если узы единоплеменности во всякомъ случаѣ бываютъ сильны, то тѣ узы, которыя проистекаютъ изъ единства цивилизаціи и культуры—несравненно сильнѣе. Между тѣмъ, чувство народности

со дня на день крѣпнетъ и развивается въ этомъ крохотномъ и безсильномъ славянскомъ племени, которое охотно усвоиваетъ себѣ плоды нѣмецкой культуры, но вовсе не желаетъ, не намѣрено, не можетъ отказаться отъ своего языка, т.-е. отъ самого себя. Относительно узъ единоплеменности нужно замѣтить, что вообще онѣ имѣютъ значеніе весьма условное и весьма относительное. „Оставьте насъ въ покоѣ, сказалъ одинъ изъ передовыхъ лужичанъ какому-то нашему оригиналу-славянофилу, когда тотъ, дѣля всю славянщину на провинціи, градоначальства и военачальства, соединенныя во едино узами единоплеменности и еще какими-то иными узами, горько сокрушался о томъ, что не знаетъ, чтó дѣлать съ Лужицей, отрѣзанной отъ общей семьи нѣмцами. „Ничего не нужно съ ней дѣлать, отвѣчали ему:—„не забывайте ее, но оставьте ее жить, какъ она хочетъ". Говоря о лужицкой письменности, г. Веселовскій умалчиваетъ объ одномъ весьма интересномъ фактѣ, доказывающемъ, что ассимиляція, поглощеніе одного народа другимъ, дѣло далеко не легкое... Объявивъ войну всякой не-нѣмецкой народности, обитающей въ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, князь Бисмаркъ наткнулся на бѣднаго лужицкаго учителя, котораго зовутъ *Карлъ Мярка* (Karol Miarka) и который съ нѣкотораго времени издаетъ на своемъ языкѣ скромную, но сильную любовью къ родному, газету. Отставленный отъ нищенской своей должности сельскаго учителя, Карлъ Мярка не смутился и продолжаетъ издавать свою сѣрую газетку. Прибѣгали къ угрозамъ, пробовали обѣщаній—не подѣйствовало. Наконецъ, въ прошломъ году, этому отставному сельскому учителю предложено было... *сто тысячъ талеровъ*, лишь бы онъ отказался отъ изданія своей сѣрой газетки, да — *сто тысячъ талеровъ!* Какое колоссальное богатство для отставного сельскаго учителя! Но этотъ бѣдный учитель не пошелъ на сдѣлку и не пойдетъ на нее, очевидно, ни за какія сокровища: онъ издаетъ свою газету борясь со всею мощію нѣмецкаго насилія и вражды. Передъ этимъ фактомъ нѣмцы остановились въ нѣмомъ изумленіи: бреславская "Schlesische Volkszeitung", за ней клерикальная газета „Germania" и другія передавали въ свое время этотъ фактъ, не находя возможнымъ понять его и объяснить... Въ одной изъ варшавскихъ газетъ по этому поводу сказано было слѣдующее: „Дрожащею отъ волненія и благоговѣнія рукою заносимъ мы этотъ фактъ на страницы нашей лѣтописи. Вся земля славянская должна гордиться и будетъ гордиться именемъ „Карла Мярка".

Да, будетъ гордиться, но что же въ этомъ проку?... Могутъ-ли подобные факты подѣйствовать на политическихъ доктринеровъ, не

желающихъ понять, что если извѣстный народъ способенъ свыкнуться съ своимъ положеніемъ, отказаться отъ политической самостоятельности, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ способенъ отказаться отъ своей индивидуальности, отъ своего языка, преданій и вѣрованій?... Исторія не представляетъ такого народа; напротивъ; она показываетъ, что даже самыя слабыя племена всегда упорно отстаиваютъ свою индивидуальность, свои обычаи, языкъ и преданія, во имя ихъ готовы на всякія жертвы и нерѣдко доходятъ до героизма. Если же, притомъ, народъ имѣетъ свою исторію, свою окрѣпшую цивилизацію, свою культуру, богато развитый языкъ и обширную литературу, то ассимиляція или поглощеніе подобнаго народа— вещь недостижимая, и всѣ труды и усилія, направленныя къ этой цѣли, могутъ повести только къ горькимъ разочарованіямъ и къ горькимъ послѣдствіямъ. Необходимы другіе пути.

Хладнокровному и безпристрастному наблюдателю не можетъ не казаться очевиднымъ, что, слѣдуя примѣру Пруссіи въ отношеніяхъ нашихъ къ польскому племени, мы дѣлаемъ серьёзную политическую ошибку. Политика Пруссіи истекаетъ изъ исконнаго и общаго стремленія нѣмцевъ къ поглощенію славянскихъ племенъ, ей апплодируютъ, ее поддерживаютъ всѣ нѣмцы, ее пропагандируетъ несмѣтное множество „національно-либеральныхъ“ органовъ. Но можетъ ли подобная политика возбудить сочувствіе славянства къ намъ? Напротивъ, она можетъ возбуждать къ намъ только нерасположеніе и недовѣріе— со стороны *всѣхъ славянскихъ племенъ.* Если послѣдствія подобной политики не обнаружились пока ощутительными фактами, то не подлежитъ сомнѣнію, что они не замедлятъ обнаружиться въ ближайшемъ будущемъ; впрочемъ, они замѣтны уже и въ настоящее время...

Необходимо отмѣтить одинъ крайне оригинальный фактъ, состоящій въ томъ, что наши доктринеры, шовинисты и славянолюбцы имѣютъ весьма своеобразный и чисто платоническій взглядъ на отношенія къ намъ не только народовъ славянскихъ, но и всѣхъ вообще народовъ. По мнѣнію нашихъ шовинистовъ, всѣ славяне и даже остальные народы о томъ только и думаютъ, какъ-бы уподобиться намъ и воспринять отъ насъ „здравыя ученія истины“. Выразитъ ли какая-либо заграничная газета сочувствіе къ намъ, возникнетъ-ли на Западѣ какое-либо религіозное или соціальное движеніе, во всемъ этомъ мы готовы видѣть очевидные признаки того, что европейскіе народы „обращаютъ полныя ожиданія очи на насъ“, желая намъ ассимилироваться... Сколько разъ, напр., англичане принимали православіе, какія блистательныя соображенія строили мы по поводу движенія старо-католиковъ, на конгрессъ которыхъ посы-

лали даже депутата, какимъ иллюзіямъ не предавались мы по поводу посѣщенія насъ „заатлантическими друзьями“ и проч. и проч. Нечего и говорить о томъ, что на извѣстное посѣщеніе славянами Москвы въ 1867 году мы смотрѣли какъ на рѣшительный актъ, которымъ они отрекались отъ самихъ себя, отъ своей индивидуальности, отъ своей исторіи, цивилизаціи и вѣрованій, и сливаясь съ нами, исчезали въ русскомъ морѣ!... Поразительная наивность и какая-то примитивная неоконченность взгляда! Точно мы одни можемъ любить свое, родное, дорожить имъ, цѣнить его, и никто иной не любитъ ничего своего, не дорожитъ имъ и не цѣнитъ его... Такой взглядъ на наши отношенія едва ли не ко всему остальному міру былъ бы весьма забавенъ по своей наивности, если бы онъ не былъ въ то же время крайне прискорбенъ и не велъ къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Засыпая въ подобномъ самообольщеніи, пренебрегая внутреннею культурною работою, не сосредоточивая и не напрягая всѣхъ усилій духа для внутренняго саморазвитія, не замѣчая того, что между нами, среди нашихъ же полей, лѣсовъ и болотъ живетъ множество инородческихъ племенъ, весьма мало или вовсе не ассимилировавшихся, мы увлекаемся всецѣло задачами „высокой политики“, устремляемся на гораздо болѣе насъ цивилизованныя и культурныя окраины и стараемся ихъ ассимилировать... Идемъ еще дальше, ассимилируемъ славянъ и не-славянъ, доходимъ до океановъ и переходимъ за океаны!... И вотъ, вмѣсто того, чтобы обратить культурную и ассимилирующую дѣятельность на живущихъ возлѣ самаго Петербурга чухонъ, мы устремляемся на Чехію; забывая объ олонецкихъ карелахъ, о казанскихъ татарахъ, о чувашахъ, пермякахъ, мордвѣ, зырянахъ, остякахъ и вогулахъ, мы помышляемъ объ обрусеніи всѣхъ славянъ, объ обращеніи въ православіе англичанъ и нѣмецкихъ старо-католиковъ и предаемся разнымъ инымъ иллюзіямъ и затѣямъ.

Само собою разумѣется, что больше всего страдаютъ отъ такой наивности нашей—во-первыхъ, мы сами, во-вторыхъ, братья-славяне.

Что наше недомысліе и наивность вредятъ особенно намъ самимъ—это становится особенно очевиднымъ, если слѣдить за нашею внутреннею дѣятельностію со стороны. Видя здѣсь вокругъ себя, на каждомъ шагу, живую, энергическую, производительную и культурную дѣятельность, упорный и неутомимый трудъ, вы не повѣрите, какъ странно и какъ непріятно встрѣчать многіе факты изъ нашей внутренней общественной жизни, свидѣтельствующіе о нашей вялости, апатіи, неумѣлости, объ отсутствіи какой бы то ни было самодѣятельности, разумной и практической инициативы. Вы не можете

себѣ вообразить, какъ странно со стороны читать, напр., о томъ, что даже петербургское земское собраніе, въ прошедшую сессію, не могло собрать всѣхъ своихъ членовъ, что на многихъ иныхъ собраніяхъ большинство членовъ вовсе не собирается, что, напр., въ последнюю сессію екатеринославскаго земскаго собранія, какъ сообщено было въ свое время въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", внесенъ былъ даже проектъ измѣненія устава земскихъ собраній, имѣвшій цѣлью предотвратить на будущее время почти повальную неявку членовъ, который не былъ представленъ на утвержденіе правительства потому только, что представленіе это было бы равносильно признанію полной несостоятельности и незрѣлости представителей нашего земства... Не знаю, въ какомъ свѣтѣ все это представляется вамъ, но трудно представить, какъ тяжело, и грустно, и стыдно становится, когда слѣдишь за подобными фактами и явленіями со стороны, живя въ иной моральной сферѣ, свыкнувшись съ которой—привыкаешь признавать подобныя явленія едва вѣроятными и возможными. Невольно на устахъ мелькнетъ грустная улыбка при мысли о томъ, что эти члены, столь равнодушно относящіеся къ благотворнымъ для внутренняго общественнаго развитія задачамъ, предоставленнымъ обсужденію и рѣшенію земства, охотно взяли бы прогоны, процентную прибавку, надбавку и надбавку къ надбавкѣ и полетѣли бы безъ оглядки на „окраины", для подвиговъ „обрусенія", т.-е. на дѣятельность въ сущности вполнѣ безсодержательную, и потому безрезультатную... Никакого русско-культурнаго элемента наши „дѣятели" не вносятъ и не могутъ вносить въ прочно организованную и культурно-окрѣпшую жизнь европейскихъ нашихъ окраинъ, потому что не имѣютъ и не носятъ въ себѣ такого элемента; не сознаютъ даже, повидимому, необходимости создать его прежде у себя, дома. Такимъ образомъ, всѣ подвиги патріотизма и обрусенія, собственно говоря, такъ-таки и сводятся на исполненіе чисто-чиновническихъ функцій,—и дальше нейдутъ.

А что дѣлаетъ большинство органовъ нашей „патріотической" прессы? Всѣ эти органы преданы преимущественно интересамъ „высокой политики" и упражняются на тему о симпатіяхъ, объ обрусеніи и т. п., къ внутреннимъ же культурнымъ вопросамъ большею частію относятся съ непонятною легкостію и съ какимъ-то особеннаго рода дилеттантизмомъ. О томъ, что дѣлается у насъ дома, никто не имѣетъ постоянныхъ, вполнѣ вѣрныхъ и ясныхъ свѣдѣній, ни одинъ органъ такими свѣдѣніями серьёзно не занимается и не посвящаетъ имъ вполнѣ и исключительно всего своего вниманія. Свѣдѣнія о народныхъ школахъ, о народномъ хозяйствѣ, о произ-

водительномъ трудѣ народа, о его привычкахъ и нравахъ, о нуждахъ, требованіяхъ и условіяхъ его развитія и благосостоянія появляются въ нашихъ газетахъ большею частію случайно, на заднемъ планѣ, и если мы прибавляемъ иногда къ нимъ комментарій въ видѣ плача іереміина, такъ этого черезчуръ для насъ достаточно. Даже о дѣятельности нашихъ земскихъ собраній, отъ которой мы въ правѣ ожидать самыхъ плодотворныхъ результатовъ, наша патріотическая печать обыкновенно не знаетъ ничего или весьма мало. А между тѣмъ она отлично знаетъ о томъ, гдѣ ночуютъ варшавскіе нищіе; ей хорошо извѣстно — снабжены ли варшавскіе дворники полушубками и каковы эти полушубки; она скажетъ вамъ, когда варшавскіе торговцы закрываютъ и открываютъ свои лавки и т. п.; ко всѣмъ подобнымъ фактамъ она относится критически, разсматривая ихъ, разумѣется, съ точки зрѣнія обрусенія... Однимъ словомъ, мы всецѣло заняты мыслію о томъ, какъ бы обрусить едва ли не половину міра! Обрусить? Но что же это значитъ, въ чемъ же именно состоитъ актъ обрусенія и какія блага сулитъ онъ тѣмъ, кто долженъ подчиниться этой операціи? Обрусить чеховъ, сербовъ, кроатовъ, далматовъ — это значитъ устроить дѣло такъ, чтобы между ними и нами не было никакой разницы, чтобы они жили по нашему. Но завести такой порядокъ, не значитъ ли пожелать, чтобы въ Чехіи, Галичинѣ, Сербіи и пр. выборные члены общественныхъ учрежденій поступали по нашему, т.-е. по небрежности и апатіи не являлись бы въ своей должности? И вотъ какими дикими и несбыточными иллюзіями занимается большинство нашей прессы, отвлекая общественную мысль и вниманіе отъ вопросовъ внутреннихъ, отъ предметовъ существенно важныхъ, отъ задачъ и цѣлей полезныхъ, настоятельныхъ и достижимыхъ!..

Не менѣе страненъ и тотъ путь, которымъ мы стремимся къ обрусенію братьевъ-славянъ. Это — путь *благотвореній и милостынераздавательства*. Для этого существуетъ у насъ особый „Славянскій *благотворительный* комитетъ"... Невольно возникаетъ вопросъ: почему же именно „благотворительный"? Но братья-славяне не бѣднѣе насъ, напротивъ—многіе изъ нихъ гораздо богаче насъ и морально, и матеріально, такъ что было бы весьма наивно предполагать, что они готовы продать намъ свое культурное превосходство передъ нами за чечевичную похлебку, преподносимую имъ нами въ оскорбительной формѣ благотворенія и милостыни, въ которыхъ они большею частію вовсе не нуждаются. Сомнительное отношеніе къ намъ нѣкоторой части славянства, раньше или позже, сдѣлается общимъ, и поддерживается и усиливается въ чрезвычайной степени, отношеніемъ

нашимъ къ польскому вопросу, какъ фактическимъ оправданіемъ ихъ опасеній,—фактъ этотъ признать необходимо, какъ вполнѣ ясный и естественный. Въ этомъ смыслѣ вопросъ этотъ, очевидно, имѣетъ для насъ значеніе общеславянское въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Было бы излишне входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этой именно стороны вопроса.

Чрезвычайно важенъ еще тотъ фактъ, что единство цивилизаціи гораздо крѣпче и сильнѣе всякаго единокровія и единоплеменности соединяетъ отдѣльные народы и племена. Устраняя всякую сентиментальность и всякія ребяческія и наивныя иллюзіи, мы должны признать за несомнѣнную истину, что западное славянство, связанное исторически общностію цивилизаціи съ Западомъ, гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ намъ, такъ что, еслибы вслѣдствіе политическаго своего безсилія, или по инымъ причинамъ, оно принуждено было утратить, наконецъ, свою индивидуальность и органически слиться съ другимъ народомъ, то оно скорѣе подчинилось бы нѣмецкой ассимиляціи, чѣмъ нашей. Какъ ни горько въ этомъ сознаться, но въ неизбѣжности подобнаго исхода западно-славянскаго вопроса, если мы не измѣнимъ нашихъ отношеній къ нему, сомнѣваться невозможно, и только наша „святая простота“ можетъ не понимать этого. Мы видѣли уже, съ какою энергіей отстаиваетъ свою національность слабое лужицкое племя отъ преобладанія нѣмецкой стихіи; но притомъ мы видѣли, что оно вовсе не помышляетъ о насъ, и во избѣжаніе нѣмецкой ассимиляціи, вовсе не думаетъ подчиниться ассимиляціи нашей; напротивъ, оно проситъ, чтобы мы оставили его въ покоѣ, чтобы мы „оставили его жить такъ, какъ оно хочетъ“... Теперь послушаемъ, что говоритъ испытанный и закаленный чешскій патріотъ и историкъ Палацкій о судьбѣ своего народа. Въ предисловіи къ третьему тому своихъ историческихъ трудовъ, озаглавленному „Radhost“, онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ современную политику и „практическую философію“ вѣка: „Цѣль ея — абсолютный эгоизмъ. Нравственное усовершенствованіе, сознаніе долга, самоотреченіе и самопожертвованіе во имя вѣры, надежды и любви— все это признается нынѣ мечтой. Въ дѣйствительности всѣ принципы и стремленія времени могутъ быть охарактеризованы выраженіемъ: „edle Raubthiertriebe“, т.-е. они являются облагороженными инстинктами кровожадныхъ звѣрей, олицетворяясь въ крайнемъ эгоизмѣ, хитрости, коварствѣ, вѣроломствѣ и насиліи. Къ несчастію, невозможно отвергать, что проповѣдуемое нашими побѣдоносными сосѣдями, теоретически и практически, правило: „Macht geht vor Recht“ (сила впереди права), находитъ себѣ болѣе и болѣе обширное приложеніе, угрожая не только снова ввергнуть Европу въ состояніе вар-

варства, но залить ее вскорѣ цѣлыми потоками крови. Тѣмъ не менѣе современные Чингисханы и Тамерланы не съумѣютъ убѣдить меня въ прочности результатовъ ихъ адскаго дѣла; исчезнетъ оно такъ же безслѣдно, какъ исчезли дѣла ихъ предшественниковъ, и только проклятіе народовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранитъ его отъ забвенія. Я не перестану утверждать и по отношенію къ тяжкому и несчастному положенію моего народа: пусть мрачныя тучи сгущаются надъ нашими головами, еще сильнѣе заволакивая собою весь горизонтъ, пусть „neznabohové“ (безбожники) еще съ бо́льшимъ вѣроломствомъ ищутъ средствъ къ нашему угнетенію и униженію,— я не взываю къ насилію за насиліе, я апеллирую къ недалекому будущему, въ которомъ уже древніе язычники усматривали возмездіе— въ грозномъ образѣ неумолимой Немезиды“... Такимъ жгучимъ языкомъ говоритъ слишкомъ семидесятилѣтній старецъ объ исконныхъ врагахъ своихъ, нѣмцахъ; но въ словахъ его звучитъ не голосъ страсти, а только голосъ несокрушимой энергіи и вѣры въ торжество правды и права. Однако, несмотря на „несчастное и тяжкое положеніе своего народа“, онъ прямо и ясно утверждаетъ, что о русской ассимиляціи тоже не можетъ быть рѣчи, и что надежды тѣхъ, которые думаютъ, что чехи откажутся когда-либо отъ своего языка и заговорятъ по-русски, суть не что иное, какъ „мечтанія, которыя и останутся мечтаніями“...

Въ концѣ истекшаго года въ Чехіи совершился многознаменательный фактъ: примиреніе младо-чеховъ съ старо-чехами, во имя борьбы съ нѣмецко-австрійскимъ централизмомъ. Здѣсь было бы излишне входить въ подробное разсмотрѣніе этого факта и въ тѣ причины, которыя раздѣляли до послѣдняго времени между собою чешскія народныя партіи. Какъ бы то ни было, но органъ старо-чеховъ, газета „Politik“, въ самый день новаго года заявилъ, что на будущее время онъ сохранитъ полнѣйшую солидарность съ органомъ младо-чеховъ „Narodni Listy“; заявленіе это высказано въ передовой статьѣ, имѣющей видъ манифеста. Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, что въ борьбѣ съ врагами своими, нѣмцами, чехи должны полагаться только на самихъ себя и искать спасенія въ своихъ собственныхъ силахъ... Очевидно, что чехи трезво глядятъ на свое положеніе и хорошо понимаютъ сущность нашихъ къ нимъ отношеній. Они поняли, наконецъ, что ожидать поддержки съ нашей стороны было бы напрасно, что за нашими *сочувствіями* скрываются предположенія и виды, которые ничѣмъ не лучше, а можетъ быть еще гораздо хуже и страшнѣе для чешской индивидуальности и самостоятельности, чѣмъ желанія, виды и стремленія по отношенію къ нимъ нѣмцевъ. Они понимаютъ, что было бы крайне глупо бросаться

изъ огня въ полымя, изъ кулька въ рогожку. Дѣйствительно, имъ остается одно: положиться на самихъ себя и искать спасенія въ собственныхъ силахъ.

Замѣчательно, что примиреніе чешскихъ народныхъ партій, въ лицѣ ихъ представителей, редактора газеты „Politik“ Скрейшовскаго и редактора газеты „Narodni Listy“ Грегра — совершилось... въ тюрьмѣ, куда бросила ихъ нѣмецкая месть и ненависть, и гдѣ они успѣли свидѣться и заключить союзъ на общую и единодушную борьбу съ врагами. Изъ-подъ обуха всегда сыплются искры.

Обращаюсь къ наблюденіямъ надъ текущею польскою жизнію. Я имѣлъ случай, въ прошедшій разъ, констатировать тотъ фактъ, что успѣхи поляковъ въ русскомъ языкѣ весьма значительны, благодаря, главнымъ образомъ, энергической дѣятельности мѣстнаго учебнаго вѣдомства, но что было бы весьма ошибочно выводить изъ этого обстоятельства какія-либо крайнія заключенія. Важнѣйшіе результаты, какихъ возможно только ожидать, будутъ состоять въ томъ, что поляки болѣе или менѣе будутъ ознакомлены съ русскимъ языкомъ, не переставая оставаться поляками, не переставая говорить и мыслить по-польски. Въ лингвистическомъ отношеніи — какъ ни страннымъ это можетъ показаться—правильному усвоенію поляками русскаго языка весьма много мѣшаетъ близость ихъ языка къ русскому. Не будучи самъ педагогомъ, я не могу судить о тѣхъ трудностяхъ, о той Сизифовой работѣ, какую должны преодолѣвать въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаватели русскаго языка,—несомнѣнно, что трудности эти должны быть весьма значительны и едва ли во всѣхъ отношеніяхъ преодолимы—что́ вполнѣ понятно и естественно. Обучать русскому языку польскаго ребенка или человѣка взрослаго—это все равно, что учить кого-либо играть на такомъ инструментѣ, на которомъ онъ давно уже играетъ, но играетъ по-своему, по особенной методѣ. Извольте переучивать скрипача играть не такъ, какъ онъ учился и привыкъ играть, заставьте его правою рукою перебирать по струнамъ, а лѣвою—водить смычкомъ, тогда какъ онъ привыкъ лѣвою рукою перебирать по струнамъ, а въ правой держать смычокъ. Конечно, можно добиться того, что игрокъ станетъ играть и одною и другою рукою, но не подлежитъ сомнѣнію, что лѣвою рукою онъ будетъ играть плохо и только по требованію обстоятельствъ, правою же всегда и во всѣхъ случаяхъ. Какъ бы то ни было, но, помимо всякихъ сравненій, которыя многое уясняютъ только, но ничего еще не доказываютъ, нужно признать, что успѣшное изученіе русскаго языка учащеюся польскою молодежью не должно вести насъ къ какимъ бы то ни было крайнимъ заключеніямъ. Между изученіемъ языка и усвоеніемъ его—разница громадная,—не слѣдуетъ

смѣшивать этихъ понятій. Еще менѣе ассимилирующаго значенія можетъ имѣть сама по себѣ наука и знаніе. Сама по себѣ наука—индифферентна, а знаніе—космополитично. Внося его въ наши европейскія окраины, мы не вносимъ его какъ нѣчто наше собственное, нѣчто неизвѣстное и чуждое окраинамъ; напротивъ—мы вносимъ то, что давно уже привилось на окраинахъ гораздо крѣпче и глубже, чѣмъ даже у насъ. Очевидно, что вліяніе русской науки и знанія, какъ науки общеевропейской, не можетъ имѣть особенной ассимилирующей силы, и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ увлекаться никакими крайними иллюзіями. Что поляки должны изучать и знать русскій языкъ, какъ языкъ государственный, какъ языкъ могущественнаго единоплеменнаго и братскаго народа, съ которымъ судьба ихъ связана неразрывно и окончательно, противъ этого не спорятъ даже сами поляки; но, опять-таки, отъ знанія русскаго языка до усвоенія его и отреченія отъ своего языка, не менѣе богатаго, развитаго, имѣющаго обширную и старую литературу—разстояніе громадное. Первое желательно, возможно, совершается во-очію, послѣднее—немыслимо и неисполнимо. Прошло время всяческихъ иллюзій, холодная дѣйствительность заглянула въ глаза и отрезвила самыя пылкія головы, самые мечтательные умы... Отзываются разные голоса, звучащіе то раскаяніемъ, то жаждою братскаго примиренія, то мольбою забвенія. Глубже и глубже начинаетъ проникать въ сознаніе поляковъ та истина, что только Россія можетъ спасти ихъ, если... она этого захочетъ, и если, прибавимъ отъ себя, пойметъ она собственный свой интересъ и свое общеславянское призваніе. Государственное объединеніе и сліяніе большинства польскаго племени съ Россіей совершилось окончательно и безаппеляціонно; но отъ насъ теперь зависитъ, отъ нашего отношенія къ польской народности, какъ къ этнографической единицѣ, съ ея языкомъ, культурою и ея вѣрованіями—такой исходъ и такое положеніе дѣла, чтобы поляки въ этомъ объединеніи нашли свое счастіе, остальное же славянство смотрѣло бы на нихъ съ завистью, а не съ сожалѣніемъ и опасеніями за собственную судьбу.

Изъ текущихъ мѣстныхъ новостей, которыя представляли бы особенный интересъ—не имѣется никакихъ. Говорить о старой новости, т.-е. о юбилейномъ праздникѣ Коперника, которое совершено было здѣсь въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ — было бы поздно; но я не могу пройти молчаніемъ страннаго положенія, принятаго по отношенію къ этому празднеству нѣкоторыми изъ здѣшнихъ „дѣятелей-корреспондентовъ"... Въ порывѣ ничѣмъ несдерживаемаго усердія и тенденціознаго преувеличенія, они бросались во всѣ стороны, чтобы

разстроить это празднество. Писали въ газеты, доказывая, что Коперникъ былъ чехъ и даже нѣмецъ, но вовсе не полякъ, старались внушить кому слѣдуетъ, что поляки намѣрены устроить по поводу юбилея такую демонстрацію, какой еще не бывало и т. п. Предсказанія эти, разумѣется, не оправдались, демонстраціи никакой не было и быть не могло, чего не могли не знать и не предвидѣть сами „дѣятели-корреспонденты", если они имѣютъ хоть какое-либо понятіе о современномъ настроеніи польскаго общества. Когда демонстраціи не состоялось, дѣятели-корреспонденты усмотрѣли въ этомъ обстоятельствѣ почти личную для себя обиду и заговорили совсѣмъ ужъ безтолково и безсознательно. Я не стану входить въ тѣ побужденія и соображенія, которыми руководствуются дѣятели-корреспонденты, принимаясь строчить всякую невѣроятную дичь; но невозможно не спросить, какимъ образомъ примирить различныя абсурдныя и недобросовѣстныя проявленія дѣятельнаго усердія съ тѣми блистательными качествами русскаго дѣятеля, о которыхъ сказано въ началѣ нашего письма? Гдѣ же тутъ „удовлетвореніе требованіямъ разума, совѣсти и вообще безупречной нравственности", гдѣ тутъ „уваженіе правъ совѣсти и народности другого лица", гдѣ тутъ „неуклонное слѣдованіе идеямъ правды и справедливости"?... Въ дѣйствительности оказывается, что иные изъ этихъ дѣятелей имѣютъ весьма смутное понятіе не только о требованіяхъ разума и совѣсти, объ идеяхъ правды и справедливости, но даже о самыхъ простыхъ требованіяхъ разсудка и безпристрастія, и изъ идеальныхъ дѣятелей превращаются въ весьма обыкновенныхъ смертныхъ, съ тупымъ пониманіемъ и крайне узкимъ взглядомъ на дѣло. По-истинѣ, не знаешь—какъ и говорить съ этими забавными людьми: серьёзно разсуждать съ ними было бы смѣшно; смѣяться надъ ними—не стóитъ. Подобныя проявленія самодовольнаго маломыслія и дикой нетерпимости не должны, однако, вводить въ заблужденіе польскихъ нашихъ согражданъ и возбуждать въ нихъ недовѣріе къ намъ. Въ самой Россіи большинство мыслящихъ людей весьма далеко отъ какой бы то ни было солидарности съ безсмысленными похотями, присущими поддонкамъ вымирающаго нынѣ „славянофильства"... Любя свое родное, русскіе мыслящіе люди умѣютъ почтить и въ польскихъ согражданахъ своихъ все то, чтò они считаютъ для себя дорогимъ и священнымъ. Отсутствіемъ здраваго смысла могутъ страдать единицы, иногда весьма много единицъ, но въ массахъ онъ никогда не исчезаетъ и раньше или позже непремѣнно вступаетъ въ свои права.

Изъ проявленій мѣстной общественной жизни за послѣднее время

заслуживаютъ вниманія публичныя лекціи съ туманными картинами, устроенныя для ремесленнаго класса редакціями двухъ газетъ: «Opiekun Domowy» и «Gazety Przemysłowo-Rzemieslniczej» (Промышленно-Ремесленной), съ платою по 5 коп. за входъ. Лекціи эти (всѣхъ лекцій будетъ 10) читаются по воскреснымъ днямъ, въ 4 часа пополудни, и посѣщаются многочисленною публикою, такъ что уже въ субботу съ вечера всѣ билеты бываютъ обыкновенно разобраны на расхватъ. Первая лекція прочтена была въ залѣ Благотворительнаго общества, но зала оказалась тѣсною; для второй уже лекціи нужно было поискать болѣе обширнаго помѣщенія, которое и найдено въ такъ-называемомъ театрѣ Раппо, въ которомъ... еще недавно какой-то *„профессоръ“*, называющій себя, по причинѣ страшной своей физической силы, *нѣмецкимъ дубомъ*, ломалъ ребра тѣмъ же варшавскимъ ремесленникамъ, которыхъ онъ вызывалъ на бой чрезъ газетныя рекламы... Денегъ собралъ нѣмецъ громадное количество! Въ этомъ же самомъ зданіи тѣ же ремесленники толпятся теперь въ качествѣ внимательныхъ слушателей общеполезныхъ и занимательныхъ чтеній. Вотъ программа этихъ лекцій: 1) „Чего можно достигнуть съ помощію науки“; 2) „Объ образованіи земного шара и о томъ, что было на немъ назадъ тому нѣсколько тысячъ лѣтъ“; 3) „О томъ, чтó всякій ремесленникъ можетъ сдѣлать для своихъ дѣтей“; 4) „О средствахъ къ пріобрѣтенію состоянія“; 5) „О жилищахъ для ремесленнаго класса“; 6) „Изъ исторіи ремеслъ“; 7) „О промышленныхъ выставкахъ“ и т. п. Практическая польза подобныхъ чтеній очевидна, выборъ тэмъ очень удаченъ. Не слѣдуетъ забывать, что здѣшніе ремесленники большею частію люди грамотные, есть между ними и такіе, которые получили извѣстное систематическое образованіе, а если вѣрить фельетонисту „Варшавской Газеты“, то въ числѣ варшавскихъ ремесленниковъ есть даже одинъ *магистръ философіи*, работающій какъ простой ремесленникъ за токарнымъ станкомъ.

Изъ литературныхъ новостей обратила на себя вниманіе здѣшней критики весьма замѣчательная книга подъ заглавіемъ: „O prawach kobiety“ (О правахъ женщины), соч. Эдуарда Прондзинскаго, заключающая сводъ всѣхъ важнѣйшихъ взглядовъ и мнѣній по этому предмету, какіе высказаны въ новѣйшее время европейскою прессою, и критическій разборъ этихъ мнѣній. О характерѣ и направленіи этого сочиненія легко составить понятіе уже по тому, что здѣшніе прогрессивные журналы относятся къ нему очень сочувственно, а „староверческіе“ хранятъ глубокое, хотя и не глубокомысленное, молчаніе...

Другая литературная новость состоитъ въ томъ, что съ 1-го іюля сего года въ Варшавѣ будетъ выходить новая ежедневная газета, съ весьма разнообразною программою, обнимающею сферы: литературную, политическую, экономическую, торговую, промышленную и пр. Газета будетъ называться „Wiek“ (Вѣкъ) и выходить будетъ подъ редакціею г. *Левестама.* Читателямъ вашего журнала имя это отчасти извѣстно. Это—тотъ самый г. Левестамъ, который написалъ на степень магистра диссертацію: „Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ“, на которую въ истекшемъ году, въ одной изъ книжекъ вашего журнала, профессоръ Веселовскій помѣстилъ такую сокрушительную рецензію... Быть можетъ, въ публицистикѣ г. Левестамъ будетъ счастливѣе; по крайней мѣрѣ, пожелаемъ ему того.

Варшава 9/17 марта.

Л. Л.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 12-го февраля 1873 года.

1) Выдано 150 руб. писателю, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи.

2) Выдано 25 руб. вдовѣ писателя на воспитаніе ея дочери.

3) Выдано 150 руб. семейству покойнаго писателя.

4) Выдано 50 руб. писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

5) Выслано 100 руб. больному, не имѣющему никакихъ средствъ къ жизни, писателю.

6) Изъявлена благодарность общества: П. Е. Басистову. за содѣйствіе комитету, и редакціи журнала „Недѣля", изъявившей намѣреніе печатать отчеты комитета въ своемъ издніи.

Отчетъ казначея за январь 1873 г.

Къ 1-му января въ кассѣ состояло 57,936 руб. 50 коп.—Въ январѣ поступило 4102 руб., въ томъ числѣ: 1) пожалованные Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княгинею Александрою Іосифовною 100 руб.; 2) взносы 49 членовъ 1000 руб.; 3) отъ министерства народнаго просвѣщенія 1000 руб.; 4) пожертвованія: а) изъ имущества покойнаго Б. И. Утина 1000 руб., б) отъ А. А. Краевскаго 600 руб., в) В. Н. Назарьева 100 руб., г) неизвѣстныхъ 300 руб.; 5) проданы три брошюры, пожертвованныя обществу, за 2 руб.—Израсходовано 2797 руб. 40 коп., въ томъ числѣ: 1) на пенсіи 647 руб.; 2) на воспитаніе 800 руб.; 3) на единовременныя пособія 10 лицамъ 950 руб.; 4) на ссуды двумъ лицамъ 400 руб.; 5) государственному банку за храненіе билетовъ 40 коп.—Къ 1-му февраля въ кассѣ 59,211 руб. 10 коп.

II. Подписка на памятникъ Пушкину.

(Отъ Высочайше учрежденнаго комитета).

При сборныхъ книжкахъ въ ноябрь и декабрь 1872 г. пожертвованій поступило:

Отъ управляющаго экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ 98 руб. 42 коп. Отъ управляющаго акцизными сборами Тамбовской губерніи 508 руб. 55 коп., въ томъ числѣ отъ К. П. Пор-

жезинскаго 10 руб., отъ 3-хъ неизвѣстныхъ по 10 руб., отъ П. Танаева 15 руб., отъ Д. Черникова 10 р., отъ С. В. Маркова 10 руб., отъ Д. А. Гинзбурга 10 руб., отъ купца П. Н. Николаева 100 руб. Отъ уфимскаго губернскаго воинскаго начальника 22 руб. 65 коп. Отъ начальника Скулянскаго таможеннаго округа 28 руб. Отъ управляющаго акцизными сборами Витебской губерніи 151 руб. 30 коп.; въ томъ числѣ: отъ Е. Дуве 10 руб. и отъ неизвѣстнаго 10 руб. Отъ инспектора классовъ Закавказскаго дѣвичьяго института 121 руб. 15 коп. Отъ екатеринославскаго городского головы 25 руб. Отъ управляющаго московскою казенною палатою 141 руб. 47 коп.; въ томъ числѣ: отъ Н. Манерта 10 руб., отъ П. Кочубея 10 руб., отъ Д. Д. Казакова 10 руб. и отъ неизвѣстнаго 10 руб. Отъ инспектора классовъ кіевскаго института 33 руб. 80 коп. Отъ Екат. Вас. Зиновьевой 45 руб.; въ томъ числѣ: отъ Н. В. Зиновьева 25 руб., отъ Е. А. Сущова 10 руб. и отъ Е. В. Зиновьевой 10 руб. Отъ начальника Варшавской губерніи 143 руб. 24½ коп. Отъ генералъ-адъютанта Лутковскаго 20 руб.; въ томъ числѣ: отъ Лутковскаго 10 руб. и отъ Глинки 10 руб.; отъ начальника саратовской женской гимназіи 50 руб.

Кромѣ сего, при особыхъ объявленіяхъ, въ ноябрѣ и декабрѣ доставлено: отъ графа Э. Т. Баранова 236 руб. 10 коп.; отъ служащихъ при миссіи въ Тегеранѣ 152 руб. 65 коп. (43 червонца); отъ тверскаго губернатора 27 руб. 20 коп.—итого 1804 руб. 53½ коп.

Всего *по 1-е января 1873 года* состоитъ по счетамъ:

1) Государственнаго банка:		
а) капитала	46,361 р. — к.	
б) процентовъ, начисленныхъ банкомъ по 1873 г. . . .	5,400 р. 85 к.	
		51,761 р. 85 к.
2) С.-Петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка:		
а) капитала	17,609 р. 60 к.	
б) процентовъ за 1872 г. .	667 » 21 »	
		18,276 р. 81 к.
Итого		70,038 р. 66 к.

От редакціи.—На требованіе новыхъ подписчиковъ доставить имъ первыя три части семейной исторіи «Алексѣй Слободинъ», вышедшія въ прошедшемъ году, редакція увѣдомляетъ, что по полученію ею 1 рубля, она можетъ выслать въ теченіи апрѣля отдѣльные оттиски, около 15 печатныхъ листовъ.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1873.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Единство физическихъ силъ. Опытъ естественно-научной философіи, *А. Секки*. Перев. Ф. Павленковъ. Вятка. 1873. Стр. 504, съ 56 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Трудъ итальянскаго ученаго Секки пользуется почти десятилѣтнею извѣстностью, и новый русскій переводъ его сдѣланъ со 2-го изданія на французскомъ языкѣ, просмотрѣннаго, однако, авторомъ. Секки попытался примѣнить новѣйшую механическую теорію теплоты къ другимъ физическимъ силамъ и невѣсомымъ агентамъ, и такимъ образомъ представилъ новый опытъ философіи естествознанія. Переводчикъ дополнилъ Секки статьями Баркера: „О соотношеніяхъ между физическими и жизненными силами", и Тиндаля: „Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ", но, къ сожалѣнію, не ограничился этимъ полезнымъ дополненіемъ и присоединилъ отъ себя довольно обширное и никому не интересное „кавыкообразное неприличіе", какъ выразился онъ самъ, а именно, взялъ на себя трудъ доказать, что его переводъ гораздо лучше другихъ переводовъ, отъ которыхъ онъ желаетъ-молъ предохранить публику, а въ сущности зазываетъ ее въ свою лавочку, и зазываетъ довольно безцеремонно. На сколько такое самовосхваленіе основательно — предоставляемъ судить спеціалистамъ, а отъ себя замѣтимъ, что самое изданіе выполнено такъ хорошо и отчетливо, какъ, безъ сомнѣнія, никогда еще не издавались книги въ нашихъ провинціальныхъ типографіяхъ и при всемъ томъ весьма дешево.

О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. *Ф. Мартенса*. Спб. 1873. Стр. 599.

Господство произвола на Востокѣ давно уже вызвало тамъ необходимость такого ненормальнаго учрежденія, какъ учрежденіе европейскихъ консуловъ съ обширною судебною властью и юрисдикціею по гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ. Современная Турція и Египетъ весьма естественно стремятся избавиться отъ такого учрежденія государства въ государствѣ, но ихъ стремленія, и особенно Турціи, далеко еще не равняются прогрессу въ нихъ гражданственности и законности, а потому трудъ г. Мартенса, поставившій задачею рѣшить вопросы — насколько необходимы консульскія учрежденія на Востокѣ въ наше время и каковъ долженъ быть ихъ характеръ и функціи для дѣйствительнаго огражденія лица и имущества европейцевъ на Востокѣ — весьма важенъ, тѣмъ болѣе, что спеціальная литература этого отдѣла международнаго права весьма скудна, и авторъ нашелъ возможность воспользоваться для своего труда такими матеріалами, которые вообще малодоступны.

Учебникъ акушерства, со включеніемъ паталогіи беременности и родильнаго періода, д—ра К. Шредера. Пер. подъ ред. д—ра М. Горвица. Спб. 1872. Стр. 684. Ц. 4 р.

Сочиненіе Шредера, одно изъ послѣднихъ въ литературѣ этой спеціальности, выдержало въ Германіи три изданія въ два года. Русскій переводъ съ послѣдняго изданія, въ виду назначенія его служить образцовымъ учебникомъ для слушателей Медико-Хирургической Академіи, снабженъ примѣчаніями редактора къ оригиналу тамъ, гдѣ авторъ не считалъ нужнымъ вдаваться въ подробности или выражалъ исключительные взгляды на отдѣльные вопросы. Соглашаясь съ редакторомъ въ мысли о пользѣ подобныхъ переводовъ, мы готовы раздѣлить и его убѣжденіе въ справедливости нападокъ на переводы, „представляющіе до извѣстной степени эксплуатацію чужого труда и потворствующіе бездѣятельности тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало бы составленіе руководствъ".

Наши сосѣди въ Средней Азіи. Хива и Туркменія. Изд. ред. жур. „Всем. Путеш.". Спб. 1873. Стр. 138.

Настоящая брошюра служитъ краткимъ сводомъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ извѣстій о Хивѣ и Туркменіи, разсѣянныхъ преимущественно въ русской литературѣ и періодическихъ изданіяхъ. Въ послѣднее время maximum нашихъ отношеній къ Хивѣ выражался двумя милліонами рублей вывоза въ Хиву и однимъ—изъ Хивы. Въ заключеніе брошюры приводятся соображенія о значеніи Хивы, какъ предмета для дѣйствій нашихъ военныхъ операцій, съ большою картою.

Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Соч. *П. Знаменскаго*. Казань. 1873. Стр. 850.

Авторъ поставилъ себѣ задачею показать, какимъ образомъ еще до Петра В. началъ приходить въ упадокъ древній нашъ принципъ избранія церковно и священно-служителей прихожанами, злоупотребленный въ эпоху всеобщаго невѣжества, когда являлись отъ приходовъ даже безграмотные „въ попы ставитися". Это зло уступило мѣсто другому злу—наслѣдственности и замкнутости духовнаго сословія, которое реформою Петра В. и послѣдующимъ временемъ было только регламентировано и закрѣплено. Авторъ доходитъ до нашего времени, когда было приступлено къ радикальному преобразованію духовенства на началахъ болѣе близкихъ къ древнему принципу, а именно въ 1863 г. было заявлено оффиціально о необходимости „возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ", и о пользѣ приходскихъ совѣтовъ.

Сельскія постройки и земледѣльческая механика. Сост. *Лентовскимъ*. Съ 152 политипажами. Спб. 1872. стр. 210.

При отсутствіи сельскихъ архитекторовъ, мы не имѣли и никакихъ популярныхъ руководствъ для раціональнаго возведенія сельскихъ построекъ, чѣмъ богаты западныя литературы. Г. Мухортовъ воспользовался указаніемъ В. Эк. Общества на новое изданіе книги Лефура (Constructions rurales et Mécanique agricole. 1869). и при содѣйствіи сельскаго хозяина г. Лентовскаго не только перевелъ, но и приспособилъ къ Россіи изложеніе французскаго оригинала. Въ первой части разъяснены свойства строительныхъ матеріаловъ и ихъ употребленіе въ дѣло, а вторая часть объясняетъ вообще законы движенія, свойства различныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ двигательныхъ силъ, и наконецъ, описаніе машинъ. Для сельскихъ хозяевъ, не имѣющихъ часто съ кѣмъ посовѣтоваться, такое руководство можетъ оказать великія услуги.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ 1873-мъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годовой экземпляръ — 12-ть книгъ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп.—2) Съ [illegible] 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ [illegible] 16 р. 2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.

III.—Въ губерніяхъ: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.

IV.—Заграницею: [illegible] (17 р.) [illegible] 1) 2 руб.—въ [illegible] 2) 3 р. [illegible] 3) 4 р.—во [illegible] 4) 5 р.—въ [illegible] 6 р.—въ [illegible] 5) 7 р.—въ [illegible]

1.—ПОДПИСКА принимается: [illegible]

2.—ПЕРЕМѢНА АДРЕСА [illegible]

Примѣчаніе.—[illegible] 1 р. 50 к., [illegible] 50 коп.

3.—ЖАЛОБА, [illegible]

Примѣчаніе.—[illegible]

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невск. просп., 30.

